РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1881

II

(1)

Приложены: Сѣверные Цвѣты 1825 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

ВЫШЛА XIX КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА,

содержащая въ себѣ переписку П. В. Чичагова и Грейговы
Цѣна 3 р. Складъ изданія: Петербургъ, Мойка, д. 104-й.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, д. Баженовой) продаются

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ первый: статьи политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный безъ пропусковъ текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора. Цѣна каждому тому ТРИ рубля.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Цѣна 50 к.

Тамъ же можно получать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры четырехъ послѣднихъ годовыхъ изданій **РУССКАГО АРХИВА** (каждый годъ по три книги).

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

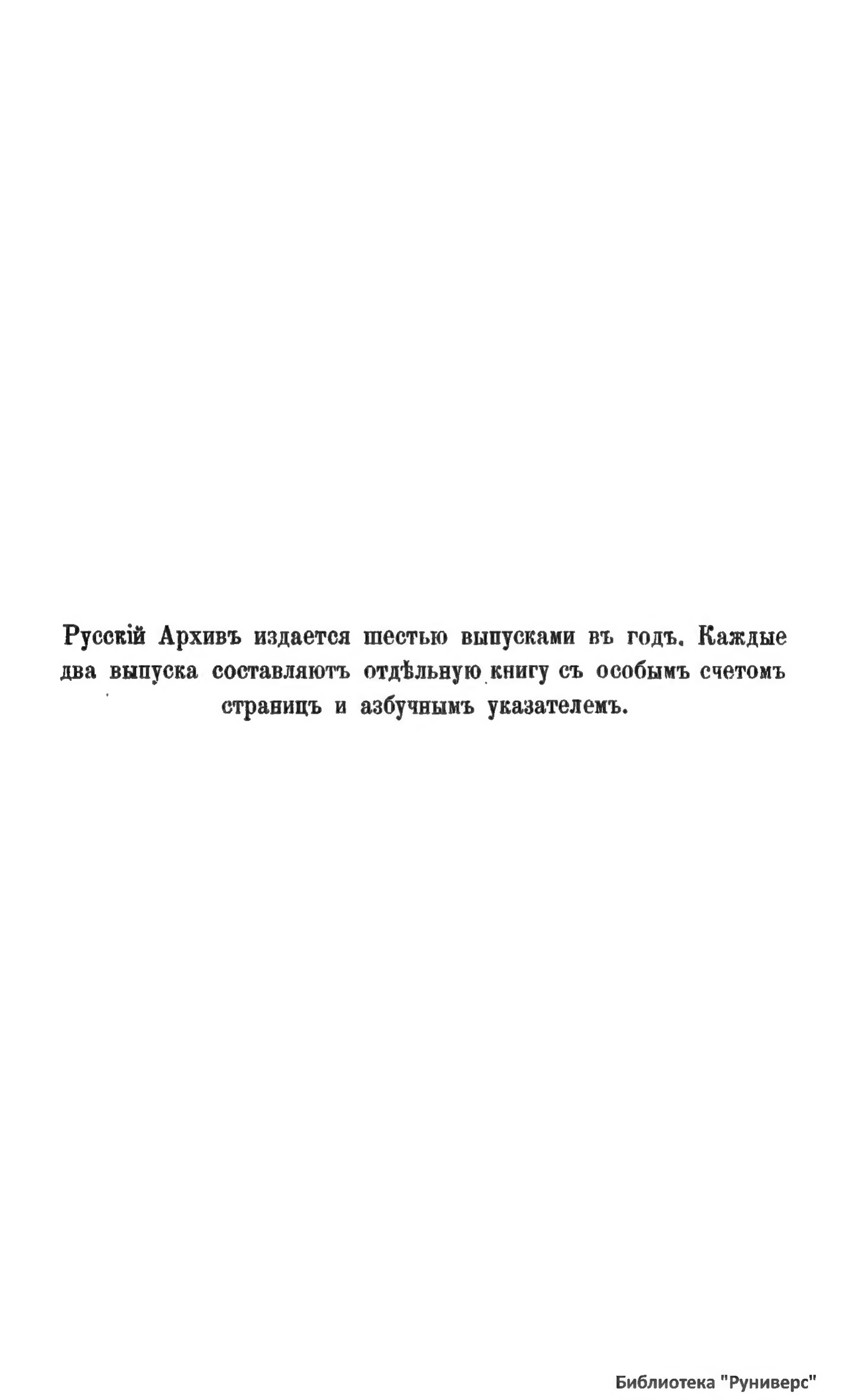
КНИГА ПЕРВАЯ 1877. Записки **Г. С. Винскаго.**
Біографія канцлера князя Безбородки.
Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**
Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**
Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**
Старая Записная Книжка.
Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**
КНИГА ВТОРАЯ 1877. Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.
Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).
Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.
Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.
П. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**
Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**
Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**
КНИГА ТРЕТЬЯ 1877. Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.
Записки декабриста **Н. И. Фаленберга.**
Дневникъ **графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.**
Анекдоты прошлаго столѣтія.
Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.
Разсказы **графа М. А. Дмитріева-Мамонова.**
Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1881.

II.

Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1881.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

Библиотека "Руниверс"

СКАЗАНІЯ И ПОВѢСТИ О СВЯТЫХЪ ЧУДОТВОРНЫХЪ ИКОНАХЪ.

Къ числу недостаточно обслѣдованныхъ произведеній древней Русской письменности, часто заключающихъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія историческія, этнографическія и географическія, послѣ „Житій Святыхъ, на второмъ мѣстѣ могутъ быть поставлены сказанія и повѣсти о св. чудотворныхъ и явленныхъ иконахъ, число которыхъ въ нашихъ календаряхъ хотя и показывается различно, но по однимъ доходитъ до двухъ сотъ, а по другимъ превосходитъ эту цифру. Изъ нихъ не менѣе чѣмъ о половинѣ найдутся письменныя сказанія. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ появляются впервыя на страницахъ нашихъ лѣтописей; повѣсти о наиболѣе прославленныхъ до XVI столѣтія иконахъ (Владимирской и Знаменія Пресв. Богородицы) вошли въ составъ Макарьевскихъ Четій-Миней; а въ Троицкой Чети-Минеи XVII-го вѣка (Тулупова) таковыхъ повѣстей и сказаній записано уже о 6-ти иконахъ: (Владимирской, Московской, Знаменія-Новгородской, Казанской, Оковецкой (Ржевской) и Выдропусской). Не мало таковыхъ же „сказаній и повѣстей“ наберется въ сборникахъ XV, XVI и XVII столѣтій, а остальныя хранятся (въ современныхъ, а чаще позднѣйшихъ спискахъ) тамъ, гдѣ находятся самыя мѣстно-чтимыя св. иконы, и большинство уже отпечатано въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Но если трудно бываетъ найти (какъ свидѣтельствуетъ о семъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Житія Святыхъ“ В. О. Ключевскій) первоначальныя редакціи Житій Святыхъ, то ещё труднѣе найти первоначальныя редакціи сказаній о св. чудотворныхъ иконахъ. Тѣ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли, вполнѣ оправдываютъ наше замѣчаніе о ихъ значеніи, какъ источниковъ для исторіи, этнографіи и географіи различныхъ мѣстъ и областей древней до-Петровской Руси. Такова напримѣръ древняя первоначальная редакція сказанія о явленной иконѣ *Оковецкой* (Ржевской) Божіей Матери, XVI вѣка. Оно печатается нами по двумъ спискамъ, изъ коихъ одинъ несомнѣнно современенъ самому явленію и прославленію этой иконы въ 1539 году.

Сказаніе это, какъ видно изъ самаго текста, составлено старцемъ (инокомъ) Стефаномъ, крылошаниномъ села Спаса, Оковецкой волости, близъ ко-

тораго, въ лѣсу, на городищѣ, были обрѣтены св. иконы и животворящій крестъ (изображенныя красками на желѣзѣ).

Сказаніе начинается типическою сценою „конокрадства", этого, такъ сказать, прирожденнаго зла Русской земли, съ древнихъ временъ и доселѣ продолжающаго удручать бытъ нашихъ поселянъ, для которыхъ „животина" составляетъ основу благосостоянія и главную опору быта: безъ лошади и коровы крестьянинъ перестаетъ быть хозяиномъ и скоро становится батракомъ или нищимъ.

Бесѣда автора сказанія съ воеводою и митрополитомъ живо рисуетъ простоту древнихъ отношеній между служителями церкви и властями духовными и гражданскими. Разсказъ о явленіи и *прощахъ* (исцѣленіяхъ) многихъ лицъ великаго чину и званія отъ св. иконы и животворящаго креста, о перенесеніи оныхъ съ мѣста явленія (Оковецкой волости) въ Москву въ митрополичій Новинскій монастырь *) и обратномъ торжественномъ перенесеніи на мѣсто ихъ явленія, любопытный и самъ по себѣ, указываетъ опредѣленно на время построенія нѣсколькихъ Московскихъ, доселѣ еще существующихъ каменныхъ церквей, въ частности пополняетъ исторію бывшаго Новинскаго монастыря и сообщаетъ географическія свѣдѣнія о Пырищинскомъ городищѣ съ его окрестностями и о *станахъ* на древней Волоцкой дорогѣ отъ Москвы до Ржева Володимирова и отсюда до Пырищинскаго городища (въ Ржевскомъ уѣздѣ).

Вообще же сказаніе старца Стефана, въ его первоначальной редакціи, особенно любопытно въ литературномъ отношеніи, какъ живой голосъ Русской простонародной рѣчи, дошедшей до насъ въ неискаженномъ видѣ отъ первой половины XVI вѣка, безъ тѣхъ риторическихъ прикрасъ, въ которыя, такъ сказать, обязательно облекалась бо́льшая часть произведеній офиціальнаго характера, какъ это видно изъ вышеупомянутаго изслѣдованія Ключевскаго „Житія Святыхъ".

А. Л—ъ.

Св. Троицкая Сергіева Лавра,
Генварь 1881 года.

---

*) *Новинскій* (Введенія Пр. Богородицы на Прѣснѣ) монастырь въ Москвѣ основанъ митрополитомъ Фотіемъ (1410—1431) и съ тѣхъ поръ былъ домовой при Московской митрополіи. Въ 1746 г. обращенъ въ женскій (для Грузинокъ) и послѣ уничтоженъ (въ 1764 г.). Нынѣ это приходская церковь.

I.

Сказаніе о явленіи иконы Пречистыя Богородицы Оковецкія (Ржевскія).

Изъ рукописи Троицкой Сергіевой Лавры, нынѣ находящейся въ библіотекѣ М. Д. Академіи подъ № 175. Сказаніе писано скорописью XVI вѣка. Другой списокъ того же сказанія въ Четьи-Минеи XVII вѣка, пис. инокомъ Тулуповымъ (рукоп. Троицкой Сергіевой Лавры, № 679).

Въ лѣто 7047 (1539)-е, во дни благочестиваго Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи и святѣйшаго Іосафа митрополита всея Русіи и при архіепископѣ Макаріи Великаго Новагорода и Пскова, и при епископѣ Акакіи Тверскомъ, и при намѣстникѣ Иванѣ Григорьевичѣ Морозовѣ, явилося Господне милосердіе.

Край волости Оковецкія [1]), промежъ дву деревень, есть деревня Дрябки, да другая Клочки; и межъ тѣхъ деревень лѣсъ дичь старой, а по тому лѣсу течетъ рѣка Пырышня. А на той рѣчкѣ есть городишко [2]); а на Клочковской сторонѣ рѣки есть боярщина [3]) Ивана Повадина, и положили его въ ней [4]). А въ Клочкахъ жили два татя, Иванкомъ зовутъ, что̀ пономаремъ былъ туто же, да дядя его родной, Ермолкою зовутъ. А въ Ивановой боярщинѣ жили такожде два татя, а прибѣжали они изъ Рясны. И свѣщалися тѣ два татя Ивановы съ Клочковскими татьми, съ Иванкомъ и Ермолкою; а совѣтъ у нихъ таковъ былъ: привести имъ съ Клочковъ украдчи двое лошадей. А изъ Ивановы боярщины тѣ тати, покрадчи коровы, напередъ поспѣли по ихъ сроку, а тѣмъ татемъ Клочковскимъ не лучилось украсти двоихъ лошадей, по тому сроку. И прежніе [5]) тѣ тати поставили коровы отъ городишка того вверхъ по Пырышнѣ-рѣкѣ за ключемъ въ лѣсѣ; да сами, по прежнему ихъ совѣту, гдѣ было у нихъ мѣнѣ быти лошадиной на коровы, взошли на городище Пырыщинское. И узрѣли тѣ прежъ всѣхъ икону, а не знаютъ, что крестъ честный. И рекоша другъ ко другу: «Се на насъ подвохъ; побѣжимъ отъ мѣста сего. Не чужими намъ животы мѣна, но своими головами приняти бѣда».

И побѣжаша они отъ мѣста того и, увидѣвшись они съ тѣмъ Иванкомъ и съ дядею его Ермолкою тогожъ дни, и рекоша къ нимъ:

---

[1]) По другому списку: Иже въ Ржевскомъ уѣздѣ.
[2]) По другому списку: городищечко.
[3]) Т.-е. онъ тамъ похороненъ.
[4]) Т.-е. боярское имѣніе.
[5]) Т.-е. вышеупомянутые.

:Чтò у васъ за подвохъ? Кое цѣлованіе было? Икона стоитъ. То ли зашa правда къ намъ?» Они же начаша клятися къ нимъ и ротитися, лаголюще: «Ничтоже на васъ зла помыслимъ, ниже на городищи иковы вѣдаемъ; но токмо мы отъ многихъ людей, отъ полѣсовныхъ и мимохоящихъ, слышахомъ, много-де и звонъ бываетъ на городищи томъ. Мы ке того ничего не вѣмы на мѣстѣ томъ, вами глаголющаго» [6]). И абіе азыдошася во свояси. (Тогда) начать глаголати Ермакъ Иванку: «Дойемъ и видимъ, чтò есть на городищи томъ и станемъ стеречь, любо е кладъ иконою на мѣстѣ томъ является». И стрегоша они, и не бысть ичтоже, развѣе единъ крестъ къ соснѣ пригвожденъ стоитъ.

И сказали о немъ въ деревнѣ Клочкахъ, и шедъ всею деревнею, осмотрили, чтò есть за икона; да не знаютъ, занежъ простые люди; ь Пречистыя чудотворныя иконы никтожъ не видалъ на городищи томъ, занеже лѣсъ частъ. И послали они Сидора Ѳедорова сына, деэвни той Клочковской, отъ того городища 10 верстъ, къ Спасу на югостъ по попы; а поповъ не случилось въ волости: разѣхалися по ануномъ [7]). И Сидоръ позвалъ чернца Стефана крылошанина. И Стеанъ пошелъ въ самый Троицынъ день, въ понедѣльникъ послѣ обѣда. I сошлося съ тѣхъ четырехъ деревень и стороннихъ людей, мужей, и енъ, и дѣтей болѣ ста душъ. И дошли того городища и узрѣли есмя [8]) а томъ городищѣ тотъ чудотворный крестъ честный, Страсти на жеѣзѣ на Нѣмецкомъ, меньше пяди, сверху къ соснѣ пробойцемъ приитъ высоко. И помолився честному кресту чудотворному, и пошли ко ородищу тому смотрити и гулять, занеже мѣсто то видно и угодно ко сему. И Стефанъ чернецъ нашелъ предъ многими людьми чудотворную ну икону, на ней же бѣ писанъ образъ Пречистыя Богородицы честнаго ея дигитрія, на лѣвой руцѣ Младенца держитъ; да за Младенцомъ на той е сторонѣ приписанъ угодникъ ихъ великій Никола Чудотворецъ, гоячій на соснѣ на сучку, а отъ крестовыя сосны до тоё Пречистыя браза десять саженъ промежъ ихъ. И старецъ Стефанъ крылошанинъ нялъ чудотворный Пречистыя образъ, и ступи съ нею съ колоды на эмлю. И въ тѣ поры, яко бурѣ или вѣтру сильну уторгшуся вскорѣ унулъ, и въ той часъ бысть свѣтъ необыченъ, (якоже) всѣмъ людѣмъ, у на городищи томъ зрящимъ, дивитися свѣту тому необычному. И ь тѣ поры человѣкъ исцѣлѣ ногами; по поясъ больны были, имя ему артьянъ, а прозвище Гребень; а жилъ онъ въ Клочкахъ; по исцѣленіи

[6]) Вмѣсто глаголемаго.

[7]) Т.-е. служили всенощныя.

[8]) Здѣсь сочинитель говоритъ уже отъ своего лица.

же своемъ у Происхожденія честнаго креста пономаремъ шесть лѣтъ здравъ и преставися.

А та чудотворная икона собою невелика, воротная [9]), письмо старинное. Чудно Богъ показалъ милость! Учало людей прощати отъ того чудотворнаго креста и отъ чудотворныя иконы честнаго ея Одигитрія.

И тѣе крестьяне послали къ Спасу по священника, и священникъ Неклюдъ Остафьевъ сынъ Поповъ новоставленой, пришедъ на то святое мѣсто на городище, началъ пѣти молебенъ, да воду святить съ тѣхъ чудотворныхъ образовъ. И учали прощать. Послѣ Мартьяна Гребеня, какъ его чудотворныхъ образовъ иконы ногами исцѣлили, что больны были по поясъ, первое простили жену Марью Зайцову тещу, восемь лѣтъ очима не видѣла; да Ѳедорову жену Сурменеву боярыню Окулину очима же исцѣли; да Ульяну Емельянову жену, еще въ дѣвкахъ глуха была, да Бориска Хрусталя Стефанова сына. А тотъ Бориска, прежъ, въ Духовъ день, изъ Дрябковъ ѣдучи, заѣхалъ на то городище и хотѣлъ тотъ крестъ снять и везти къ себѣ въ домъ, и чудотворной крестъ, честною и невидимою силою, ему не дало снять. А сказываетъ тотъ Бориска: такъ, аки-деи человѣкъ меня не припустилъ невидимо креста снять и везти къ себѣ въ домъ; трижды-де меня о землю ударило, и вельми животъ какъ разслабило, и очи-де мои отъ того часу какъ застлало. Въ той же день, въ Петровы заговѣйны, привезли того Бориска больнова на то городище къ тѣмъ чудотворнымъ образомъ, и абіе исцѣлѣ въ той часъ: нача тѣломъ здравити и очима видѣти. Тожъ и на недѣли той, какъ явися благодать Божія, тридесять человѣкъ безъ трехъ простили.

И чернецъ Стефанъ крылошанинъ, видѣвъ толику благодать Божію исходящую, исцѣлѣніе многое отъ чудотворнаго и животворящаго креста Христова и образа Пречистыя Владычицы нашея Богородицы Одигитрія и Чудотворца Николы, и мнози врази належащи, еже не быти на томъ святомъ мѣстѣ ничему, и непріятели къ мѣсту тому святому, пріятели же разбѣгошась: Стефанъ же чернецъ къ Москвѣ съ тѣмъ убѣгъ, како крестъ честный обрѣтенъ бысть, и коимъ обычаемъ образъ Пречистыя найденъ бысть, и кого Богъ простилъ на имя [10]), и гдѣ кто прощенъ прощеникъ, или въ коей странѣ или во градѣ, или въ которой веси живутъ, или предъ чимъ кого Богъ простилъ, всё то Стефанъ чернецъ съ доводомъ [11]) написалъ.

---

[9]) Т.-е. такой величины, какъ иконы на воротахъ.

[10]) Т.-е. поименно.

[11]) Съ подтвержденіемъ точно.

Прежде онъ на Москвѣ пришелъ къ Ивану Григорьевичу Морозову [12]) и прочелъ тотъ списокъ. Иванъ же, слышавъ, и глагола ему тако: «Чернецъ, правда ли тако будетъ въ спискѣ томъ написано, или ни? Аще правда, добро ти будетъ; аще ли неправда, и ты узриши надъ собою, что̀ будетъ». И глагола Иванъ сыну своему Семену: «Семенъ, отведи ты старца того къ митрополиту; не мое то дѣло, святительское». И постави его Семенъ передъ митрополитомъ, и благослови его митрополитъ. И глагола митрополитъ: «Старецъ, какъ имя твое и гдѣ живешь, что̀ ми про тебя Семенъ сказалъ?» Стефанъ же чернецъ подалъ митрополиту списокъ, противень сему списку [13]). Митрополитъ же самъ прочитаетъ той, и воззрѣвъ нань, митрополитъ глагола: «Старецъ, яждь у меня по вся дни и не отходи отъ меня безъ моего вѣдома, докуды дѣло то обойдется».

И пособорова о томъ митрополитъ со двѣма владыкома: съ Коломенскимъ и съ Крутицкимъ и съ тремя архимандриты: изъ Ярославля отъ Спаса съ Іоною и изъ Симонова съ Филоѳеемъ и съ Спаскимъ съ Новаго (Ѳеодосіемъ) [14]).

Абіе же въ четвергъ послѣ полудни, прибѣжа съ городища отъ новочудотворныхъ образовъ изо Ржева попъ Григорій Онисифоровъ сынъ Поповъ, а съ нимъ крестьяне лутчіе тоя волости Оковецкія, а принесоша къ митрополиту списокъ; а въ немъ писано полтораста человѣкъ прощеныхъ различными недуги, опроче прежнихъ Стефановыхъ 30-ти человѣкъ безъ трехъ. Митрополитъ же прочетъ, абіе не умолче, прослезися, пойде въ суботу до обѣдни ко Государю Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и постави того старца Стефана и попа Григорія предъ Великимъ Княземъ, и боляре опыташа (ихъ). И послалъ о томъ Царь старѣйшаго сына боярскаго Ѳеодора Палицына, а митрополитъ послалъ Благовѣщенскова попа Григорья, о всемъ о томъ испытать тоя волости Оковецкія и иныхъ шти [15]) волостей околичныхъ: како то и коимъ образомъ явись такая благодать Божія на мѣстѣ томъ? Не солгано ли будетъ?

Но не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, ни свѣтильникъ скрываемъ, тако и благодать Божія на мѣстѣ томъ: наипаче всего того яснѣе и славнѣе (оказася) на томъ городищѣ на обыскѣ. Пречистая Богородица отъ своего образа отъ чудотворнаго и отъ креста честнаго наипаче чудотворяше. И предъ очима ихъ Богъ простилъ 100 и 70

---

[12]) Новгородскій воевода, вѣдавшій ту мѣстность, гдѣ явилась св. икона.
[13]) Копія.
[14]) Т.-е. съ Новоспаскимъ архимандритомъ.
[15]) Шести.

душъ, а въ нощи 40 и 2. И тѣ посланники о всемъ о томъ отписали ко Государю, да послали со святою водою съ чудотворныхъ образовъ, освятивъ, попа Неклюда Остафьева сына Попова, да съ нимъ же послали разсыльщика Паньку Ватолина, что̀ слышавъ отъ народа, паче-же самовидцы Божія благодати, извѣстно видѣвъ своима очима.

И Государь Князь Великій и со отцемъ своимъ митрополитомъ и съ бояры приговорили тако, да послали того же попа Неклюда, а съ нимъ Василья Палицына. Велѣлъ Государь: на которомъ древѣ крестъ честный явися, и ту поставити церковь Происхожденіе честнаго и животворящаго креста Господня; а на которомъ древѣ Пречистыя образъ явися, и ту поставити церковь о дву версѣхъ во имя Пречистыя честнаго ея Одигитрія, а въ придѣлѣ престолъ Николы Чудотворца повелѣ устроити; тѣе древеса велѣлъ ссѣчи, да престолъ на тѣхъ соснахъ поставить на пени томъ. И сбышася Божіимъ благоволеніемъ, а государскимъ велѣніемъ, а митропольичимъ благословеніемъ; все тако и бысть. И всѣ тѣ три церкви священы. А пріѣзжали съ Москвы, отъ Пречистой соборныя церкви, тѣ церкви священи попъ Василій Ярецъ, да дьяконъ Иванъ Жижа, да Великаго Князя сытникъ Иванъ Козминъ сынъ Носовъ, со всею утварью церковною: со образы, и съ ризы, и съ книгами, и съ колоколы. А священи Пречистыя церковь и придѣлъ Чудотворца Николы тогожъ лѣта послѣ Покрова Святой Богородицы въ недѣлю. А Происхожденіе честнаго креста Господня на той же недѣли въ четвергъ. А на священіе Пречистыя Богъ простилъ на заутрени 4-е человѣка. А при князѣ Иванѣ Кубенскомъ Богъ простилъ двѣ души: скорбна очима, а другаго человѣка нутренею бо̀льна. Да Пречистая простила княгиню Теляшеву, а болѣзнь ея была утроба велика росла; да княгиня Марья князя Ивановская Щетинина, болѣзнь ея мети [16]); да княгиня Ирина княжъ Петрова жена Серебрянаго, а болѣзнь ея была руцѣ скорчило. А Пречистая на нихъ милость показала и исцѣлила ихъ, но и нынѣча онѣ здрави отъ недугъ своихъ. Да пріѣзжала молитися княгиня Марья князя Ондрѣя Холмсково Ивановича, чтобъ Богъ далъ сына, и трудъ ея не вотче былъ: Богъ ея молитву услышалъ, родила сына князя Петра о томъ времени.

И Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи, и митрополитъ прислалъ по Пречистыя Аѳонасья дьяка Курицына Ѳуника, да игумена Исака изъ новаго монастыря митрополичья. Да тотъ же попъ Василій Ярецъ, да дьяконъ Иванъ Жижа подняли Пречистую и крестъ честный на заутрія Рожества Христова въ пятницу, въ лѣто 7048-е мѣсяца Декабря въ 26 день (1539 г.), а пришли ко Ржеву

---

[16]) Выкидыши?

Володимирову въ недѣлю (тутъ Богъ простилъ девять душъ различными недуги) и гонца къ Москвѣ послали впередъ. А въ Рожественномъ селѣ подъ Москвою боярыню въ разслабленьи Богъ простилъ.

А учали встрѣчать Пречистую и крестъ честный князи, и княини, и боляре, и болярыни, и вдовы, въ Троицкомъ селѣ Нахабинскомъ за полътретьядцать верстъ отъ Москвы, не доходя посаду. На Новое въ митрополичь монастырь [17]) пришли въ недѣлю по Богоявленіи, мѣсяца Генваря въ 9-й день. Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи съ князи, и боляры, и со всѣмъ народомъ града Москвы, и митрополитъ со всѣмъ вселенскимъ соборомъ, и съ живоносными кресты срѣтоша Пречистую Богородицу и живоносный крестъ въ новомъ митрополичьи монастыри. Туто молебенъ пѣли. И поднялъ Пречистую Богородицу самъ митрополитъ, а крестъ честный Исакъ игуменъ Новинской. И несоша въ новозданные храмы, и свѣщаша во имя Пречистыя Одигитрія, кресту жъ честному Воздвиженіе честнаго креста храмъ на Москвѣ [18]), а въ сѣверную страну Пречистыя Николѣ Чудотворцу, такоже придѣлъ, якоже и кресту къ Пречистой съ полуденныя страны придѣлъ. И митрополитъ, отпѣвъ обѣдню въ новыхъ храмѣхъ, и по отпѣтіи обѣдни, поднялъ митрополитъ образъ Пречистыя Богородицы, а крестъ честный Исакъ игуменъ, и понесоша въ каменный градъ Москву, и поставиша въ соборной церкви, идѣже чудотворцы Петръ и Іона митрополиты.

Велико Божіе милосердіе отъ чудотворныхъ образовъ на Москвѣ бываемо, но не тако якожъ на томъ мѣстѣ Пырыщинскомъ городищѣ, идѣ же чудотворные образы явишася, но съ тѣмъ и гонцы къ Москвѣ пригоняемы бываху. Но изъ дому кто съ вѣрою подвигнется къ чудотворнымъ образомъ Пырыщинскаго городища, и не ходя далече, измала исцѣленіе пріемлютъ, или зароченъ [19]) кто пойдетъ. Но и отходящіе прочь, за мала и за многая молящіеся съ вѣрою къ Пречистой и кресту честному и Чудотворцу Николѣ, исцѣленія пріемлютъ, и елика въ человѣцѣхъ недузи бываютъ, наипаче бѣсніи, вскорѣ исцѣленія пріемлютъ, но и родильницы пріѣзжаютъ, подъ городищемъ чады раждаютъ. И не токмо едино исцѣленіе бываетъ, но и многимъ видѣніе вѣрнымъ является отъ чудотворнаго образа Пречистыя Богородицы и честнаго креста Господня и Чудотворца Николы на городищи томъ.

Первое знаменіе. Въ нощи, съ Троицына дни на вторникъ, ста-

---

[17]) Т.-е. подъ Новинское.

[18]) Воздвиженскій (Крестовоздвиженскій) „на островѣ", въ Москвѣ монастырь упраздненъ послѣ пожара 1812 г., нынѣ приходская церковь на улицѣ Воздвиженкѣ.

[19]) Давшій зарокъ, обѣтъ.

вилъ старецъ Стефанъ сторожей, въ началѣ какъ нашелъ образъ Пречистыя, а самъ пошелъ являти на Оковецкой станъ тіуну Григорью Золотухину. Услышали конской топотъ. Вскакаша сторожи и увидѣвше человѣка, ѣдуща къ городищу, конь подъ нимъ сивъ, а самъ въ доспѣсѣ какъ въ леду. По та мѣста его что видѣли до городища; не видѣша же его на городищѣ, слышаще же, како съ коня сниде, первое къ кресту пріиде, потомъ же ко Пречистой образу помолитись. Мы же сторожи: Наумъ Рыльской, да Илья Ондрѣевъ сынъ Дрябковскова, да Артемко Плакса съ Гришкина, да Фролъ Дрябковской, слышахомъ: межъ нами по городищу ходилъ, сниде съ городища съ конемъ; опять его увидѣхомъ, какъ прочь поѣде.

И второе знаменіе. Многажды многимъ людямъ звонъ слышанъ бысть на городищи томъ.

Третье знаменіе. На четвертой недѣли явленія Пречистыя, во вторникъ, въ сумеркѣ подъ городищемъ человѣка Богъ простилъ очима, и снидоша на то мѣсто священницы молебны пѣти и начаша прокименъ пѣти: «всяко дыханіе да хвалитъ Господа», и явишася на городищи у креста честнаго три свѣщи ясно горяще пламенемъ: едина убо пошла отъ востока поперекъ городища на западъ, а вторая по край городища, а третья къ сѣверу по край же городища; таже двѣ скоро пошли, средняя же тихо, и снидошася всѣ три вмѣстѣ на край городища, идѣ же нынѣ съ мосту ворота на городищѣ, прямо древу, на немъ же икона образъ Пречистыя Богородицы чудотворная. Возвратишася тѣ свѣщи ко образу Пречистому, и абіе невидимы быша у древа того.

Четвертое знаменіе. На пятой недѣли явленія Пречистой, како свѣтъ бысть у честнаго креста съ четверга на пятницу, съ вечера дажъ и до заутрени, и народу же многу въ ту пору на городищи стоящу, въ той бо свѣтъ три души исцѣлѣша бѣснымъ недугомъ, да разслабленная третья очима, 40 лѣтъ не видѣла свѣта.

Пятое знаменіе. Како Пречистая и крестъ носимъ бысть къ Спасу, четырежды просвѣтись различнымъ видѣніемъ, при князѣ Борисѣ Васильевичѣ Гобкинѣ. Священницы и городовые прикащики и весь народъ, за нею идуще, тое просвѣщеніе видѣли.

Шестое знаменіе. Девятый день до Покрова Святыя Богородицы, въ недѣлю, вечерѣ, взопилъ сторожъ Наумъ, чаялъ церковь Спасъ загорѣлся Оковецкой; притекъ пономарь съ ключемъ, многимъ убо людемъ стекшимся, отомкнувъ церковь, и узрѣли толико чудотворную икону просвѣтившуся, образъ Пречистыя. яко солнцу съ утра ясно исходящу.

Седьмое знаменіе. Въ лѣто 7048-е (1540), въ десятую пятницу послѣ заутрени, сами колокола зазвонили, а въ другорядь того же

лѣта послѣ Петрова дни, въ Козмодемьяновъ день, молебны отпѣли предъ обѣднею, сами жъ колокола звонили, а ни птицѣ по вервемъ ударяющи, но самимъ языкомъ въ колоколѣхъ ударяющимся по краемъ. Оба тѣ звоны священницы и много народу видѣли.

А стоялъ образъ Пречистой чудотворной и крестъ честный на Москвѣ въ большой церкви отъ недѣли по Богоявленіи до недѣли предъ Ильинымъ днемъ, и митрополитъ благословилъ тѣхъ священниковъ, большаго попа Григорья, образъ чудотворной подняти, а крестъ честный Дею священнику, которые священники пришли за чудотворными образы. И Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи тѣхъ поповъ пожаловалъ и проводилъ тѣ чудотворныя иконы и митрополитъ со всѣмъ вселенскимъ соборомъ, и съ живоносными кресты, и со всѣмъ народомъ града Москвы. И Государь Князь Великій проводилъ со всѣми боляры до новыхъ церквей мѣсяца Іюля 16 день, на память святыя мученицы Еуѳиміи Всехвальныя. И отпѣвъ обѣдчи въ новыхъ храмѣхъ, въ четвертый часъ дни, и благословилъ митрополитъ священниковъ, попа Григорья и попа Дея, и дьякона Елисея и весь клиръ, іерея-священника благословилъ и чудотворныя иконы, Пречистыя Одигитріи и честнаго креста, отпустилъ. А Князь Великій отпустилъ дьяка своего Ѳеанасья Курицына и десять сыновъ боярскихъ, да десять пищальниковъ, а всѣ съ народомъ дѣти боярскія и пищальники: занежъ велѣлъ Государь Князь Великій проводить до Пырищинскаго городища, береженія ради собора.

Первой убо ночлегъ отъ Москвы полтретьятцать верстъ въ Нахаинскомъ [20]); второй ночлегъ, прошедъ Лучинескъ, [21]) полтретьятцать верстъ, въ Троицкомъ селѣ Петровскомъ [22]). Третій ночлегъ прошедъ Волокъ-ламской у Ильи пророка въ Ибиковѣ [23]). Четвертый ночлегъ Дмитрія святаго въ Холму, (въ) княжъ Ондрѣевскомъ селѣ. Въ Номъ же городищѣ 70 и 4-е души Богъ простилъ, съ тѣмъ и гонца къ Москвѣ послали. Пятой ночлегъ въ Зубцовѣ, у Юрья Демьянова Пречистая стояла. Шестой ночлегъ прошедъ Ржеву Володимерову у Николы на Сишкѣ; ту Богъ простилъ боярыню Старицы города: больна была главою. Седмой ночлегъ на Столпинской пустоши, за двѣ версты до Пырищинскаго городища. Въ той же день пришли на городище, въ кой день съ Москвы пошли, въ осмый день, въ недѣлю же до

---

[20]) Нахабино, 30 верстъ отъ Москвы на Волоцкомъ трактѣ.

[21]) Нынѣ деревня Лучинское, Звѣнигородскаго уѣзда, близъ заштатнаго г. Воскресенска, въ 53 в. отъ Москвы.

[22]) Село Петровское Рузскаго уѣзда, въ 62 в. отъ Москвы.

[23]) Ильинское въ 13 в. отъ Волоколамскаго и въ 141 в. отъ Москвы.

объдни. Множество народа снидошась отъ всѣхъ странъ на городище и ждаша приходу чудотворныхъ образовъ. Приходомъ ея царицынымъ и честнаго креста и Чудотворца Николы 17 душъ Богъ простилъ, а на завтрѣ 4-е души; на той же недѣли въ среду и въ пятокъ 6-ть душъ Богъ простилъ. Великое убо Божіе милосердіе и неизреченная благодать Святаго Духа, изливаема по всему міру! Намъ убо зрящимъ, отъ чудотворнаго образа Пречистыя Одигитрія иковы и честнаго креста и Чудотворца Николы образа, по вся дни исцѣленіе пріемлють, приходящіе съ вѣрою и молящіеся со слезами, по вѣрѣ пріемлють исцѣленіе. Ему же слава во вѣки, аминь.

Въ лѣто 7047 (1739) былъ хлѣбъ всякой дешевъ: кадь ржи купили по 4-е Московки, а лѣто было вельми ведрено, а не суливо [24]), а красно и всякимъ овощемъ плодовито; а отъ поля [25]) тишина, а людемъ здравіе было и всякому скоту, и пчеламъ, и меду много, котораго лѣта чудотворные образы явилися: Пречистая Богородица и честный крестъ и Никола Чудотворецъ.

II.

Сказаніе о явленіи иконы Тихвинской Божіей Матери.

По Троицкой рукописи XVI в. (писанной до 1546 г.) № 188.

Въ лѣто 6891 (1383), въ дни благочестиваго Великаго Князя Димитрія Ивановича и святѣйшаго митрополита Пимена, при архіепископѣ Алексіи великаго Новаграда, явилася икона Пречистыя образъ Одигитрія, сирѣчь наставница, въ области великаго Новаграда во Обонѣжьской пятинѣ, на рѣкѣ Ояти, въ вымоченицахъ, сто верстъ отъ Тихвины, идѣже нынѣ церковь Пречистыя Богородицы стоитъ. А того никто же вѣсть, откуду пріиде. И быша ту отъ тоя иконы Пречистыя образа чудеса и исцѣленія многа, и на томъ мѣстѣ поставиша церковь Рождество Святыя Богородицы. И не по мнозѣ времени оттолѣ невидимо прейде и явися на Кожелѣ, на Куковѣ горѣ, на мало время за 20 поприщъ отъ Тихвины, и въ томъ мѣстѣ поставиша церковь Покровъ Святыя Богородицы, и оттолѣ явися на Тихвинѣ, надъ рѣкою на горѣ, на воздусѣ икона Пречистыя образъ, у ней же на руцѣ Спасъ вообраценъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. И собрашася множество народа на великое то чудо, молящеся непрестанно пречистому Ея образу и изъ Нея рождшемуся Христу Богу нашему, и на томъ мѣстѣ, на горѣ, заложиша церковь во имя Пречистыя Успенія святыя Богородицы. О, великое чудо, братіе! Обрѣтеся срубъ церковный и икона Пречистыя на

---

[24]) Т. е. не дождливо.

[25]) Т. е. съ юга, отъ Крымскихъ Татаръ.

средѣ его на другой странѣ рѣки Тихвины, и ту совершиша церковь. И отъ того времени начаша быти, милостію Божіею и Пречистыя Его Матери, многая чудеса и исцѣленія различными недуги съ вѣрою приходящимъ, до сего дне бываютъ.

Въ лѣто 6898 (1390) первая церковь Святыя Богородицы на Тихвинѣ сгорѣ отъ свѣщи, а чудотворную икону обрѣтоша въ можжевелникѣ на воздусѣ, съ перестрѣлъ отъ церкви. И на томъ же мѣстѣ вторую церковь поставиша и грѣхъ ради нашихъ и небреженіемъ за пять лѣтъ паки вторая церковь сгорѣ отъ свѣщи же. а чудотворную икону обрѣтоша въ пепелу благодатію Божіею цѣлу.

Въ лѣто 6903 (1395) поставиша на Тихвинѣ на томъ же мѣстѣ церковь Пречистыя третію, и послаша священницы въ веси и села проповѣдати милость Божію и чудеса Пречистыя Его Матери, пономаря именемъ Юрыша, мужа благоговѣйна, чиста житіемъ и боящася Бога, заповѣдати людямъ постъ и молитву и пріити на освященіе церковное, день и праздникъ Пречистыя нарекъ. И егда рабъ Божій пономарь возвратися отъ веси и, проходя пустынное мѣсто за три поприща отъ церкви, абіе узрѣ жену въ багряну ризу одѣяну и неизрѣченнымъ свѣтомъ сіяющу, на сосновѣ кладѣ сѣдящу и предъ нею свѣтла мужа сѣдинами украшена, въ святительскихъ ризахъ стояща. Онъ же отъ страха убоявся и паде; свѣтлый же мужъ вздвиже его, глаголя нѣкая словеса духовная и душеполезная наказанія къ священникомъ и всѣмъ людемъ, и абіе невидими быша. Пономарь же Юрышъ, пришедъ къ церкви Пречистыя, исповѣда священникомъ чудное видѣніе и наказаніе людемъ; священницы жъ и всѣ людіе прославиша Бога и Пречистую Его Матерь, и на томъ мѣстѣ, идѣже видѣніе видѣ, поставиша часовню во имя святаго и великаго Чудотворца Николы, и ту быша и нынѣ бываютъ чудеса и исцѣленія многа. А въ кладѣ учиниша крестъ и поставиша въ часовнѣ, и по нѣкоемъ времени часовня сгорѣ совсѣмъ, а крестъ обрѣтоша въ пепелу весь цѣлъ, и стоя третія церковь на Тихвинѣ 105 лѣтъ и сгорѣ, а икону вынесоша.

И въ лѣто 7015 (1507), повелѣніемъ благовѣрнаго Великаго Князя Василія Ивановича всея Руси, по благословенію преосвященнаго архіепископа Серапіона великаго Новаграда, заложиша на Тихвинѣ церковь Пречистыя кирпичную, и Божіею милостію и Пречистыя Его Матери совершиша, яже и донынѣ стоитъ, исцѣленія неоскудно подавая съ вѣрою приходящимъ. Идѣже стояла часовня, на томъ мѣстѣ, повелѣніемъ Великаго Князя, устроиша монастырь, въ немъ церковь святый Николай и крестъ поставиша въ церкви, старой, о немъ же писано, и поставиша игумена и собраша братію и удоволиша ихъ милостынею неоскудною.

Канонъ Спасителю

сочиненный княземъ Г. А. Потемкинымъ-Таврическимъ, въ Яссахъ 1791 года [1]).

Найденъ въ бумагахъ князя Потемкина, сохранившихся у его племянника графа А. Н. Самойлова, съ означеніемъ имени сочинителя, и сообщенъ въ Русскій Архивъ внукомъ графа Самойлова, графомъ А. А. Бобринскимъ.

Читатели оцѣнятъ важность этой отмѣнной психологической черты въ князѣ Потемкинѣ. Человѣкъ великаго политическаго ума, простиравшій вліяніе не только на всю Россію, но державшій въ рукахъ своихъ главнѣйшія нити всемірныхъ событій, остается вѣренъ первоначальнымъ впечатлѣніямъ родительскаго дома и, въ предчувствіи близкой кончины, хочетъ очистить страстную душу покаянною пѣснію. Эти привычные Русскому слуху звуки успокоивали пресыщеннаго жизнію великолѣпнаго князя Тавриды. Намъ кажется, что въ этой вѣрности князя Потемкина общенародному духу заключается разгадка его необыкновеннаго возвышенія: Потемкинъ былъ необходимъ Екатеринѣ столькоже по личному сочувствію, какъ и потому что былъ человѣкъ вполнѣ народный.

Нѣкоторыя духовныя лица, къ которымъ мы обращались съ просьбою указать намъ, не встрѣтится ли чего въ Потемкинскомъ Канонѣ противнаго церковному обычаю, одобрили намъ его напечатаніе. Само собою разумѣется, что въ Канонѣ многое взято изъ общихъ церковныхъ молитвословій. П. Б.

Пѣснь первая. Ирмосъ.

Шествующій Израиль сквозь морскую пучину, не коснувшися водамъ своими стопами, воспѣлъ хвалу Избавителю своему. Яко бреніе Создателя моего, дерзаю глаголати органомъ души моея сицевое славословіе: Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Отверзая уста моя къ пѣнію славы и милосердія Твоего, Господи, испытываю сердце мое и душу мою, и вѣмъ, яко ни едино слово не довольно къ воспѣванію чудесъ Твоихъ; но Ты, яко человѣколюбецъ, не возгнушайся моимъ изреченіемъ и услыши мя вопіюща: Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Прогнѣвляя Тебя Всевышняго ежечасно, кто не ужаснется праведнаго суда Твоего и кто не осудить самъ себя на вѣчную казнь? Но

[1]) По образцу Канона, который печатается въ Кіевскомъ сборникѣ „Моленій на всякъ день потребныхъ“. *А. Л.*

неизмѣримы пучины милосердія Твоего. Прибѣгаю къ чистому покаянію, единому средству, во упованіи, Господи, Твоея милости.

Слава!

Отъ утробы матери моея, тайною святаго крещенія омывая прародительскій грѣхъ, обѣщахся Тебѣ, Владыко, ходити по стопамъ заповѣдей Твоихъ; но, совратившись со истиннаго пути, поработахъ грѣху и осквернихъ одежду спасенія моего, не смѣю взирати на небо. Яко милосердъ, услыши мя!

И нынѣ.

Къ Тебѣ, Мати Господа моего, обращаю молитву мою, яко къ Ходатайницѣ у Творца моего; принеси ее ко Господу, да будетъ она яко жертва чистая предъ страшнымъ Его престоломъ.

Пѣснь вторая. Ирмосъ.

Вонми, небо, и возглаголю и воспою Христа, отъ Дѣвы плотію пришедшаго. Помилуй мя, Боже помилуй мя!

Кто не изречетъ Твоего человѣколюбія, Христе, когда Ты, для избавленія единаго человѣка, не только не возгнушался дѣвическаго чрева, но не пощадилъ Себя въ вольной страсти? Удивляюся снисхожденію Твоему, Человѣколюбче Господи, и плачуся о неблагодарности моей. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Чѣмъ Тебѣ воздамъ, Всесильный Господи, за толикое ко мнѣ милосердіе и чѣмъ сдѣлаюся (достойнымъ) распятія Твоего, Христе? Прахъ Твоего созданія къ Тебѣ вопіетъ. Вѣмъ яко едиными добродѣтелями соединяюся съ Тобою, но нагъ есмь сего украшенія; не милости, но суду Твоему повиненъ.

Слава!

Умножишася беззаконія мои, яко песокъ при краи моря, но не отступихъ отъ Тебя, Спасителя моего. Согрѣшая, оскорбляю Твое величество; но, обращаяся къ покаянію, вижду, Господи, колико слабо человѣчество. Не по дѣламъ его суди, но по милости Твоей!

И нынѣ.

Къ Сыну Твоему, Мати и Дѣва Пречистая, дерзаю принести мольбу мою и, вѣдая недостоинство мое, къ Тебѣ прибѣгаю, Владычице, да Ты, матерними Своими молитвами, содѣлаешь меня достойна Его милости.

Пѣснь третія. Ирмосъ.

Утверди, Господи, на камени заповѣдей Твоихъ зыблющееся сердце мое, яко единъ святъ еси, Господи! Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Проснися, душа моя, отъ сердечнаго твоего ожесточенія. Се уже при дверѣхъ Женихъ! Гдѣ твой свѣтильникъ? Угасъ! Бѣжи возжещи его! Но дверь между тѣмъ затворяется, и ты лишаешься брачныя вечери. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Виждь, Господи, смиреніе мое, виждь сокрушеніе сердца моего! У Тебя единаго очищеніе, у Тебя избавленіе есть. Помилуй недостойное Твое созданіе и не допусти до пагубы душу мою.

Слава!

Пролей мнѣ, Господи, источникъ слезъ моихъ, да омыю скверны души моея, да убѣлюся яко снѣгъ и да уготовлю храмъ Тебѣ въ плѣнномъ сердцѣ моемъ. Ты единъ силенъ воздвигнути изъ праха достойное царствія Твоего.

И нынѣ.

Надежда ненадежныхъ и утѣшеніе сѣтующихъ, Ты еси чистая Дѣво, содѣлай во храмѣ души моея чертогъ Сыну Твоему, ходатайствомъ матернея Твоея молитвы!

Пѣснь четвертая. Ирмосъ.

Одождивый иногда манну и источивый изъ камени воду людемъ Своимъ, Препрославленный Боже, подаждь и мнѣ, Спасе, благодать Твою, утоляя алчность и жажду грѣховную души. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Преклони, Господи, ухо Твое къ молитвѣ моей, отъ сокрушеннаго сердца къ Тебѣ возсылаемой; пріими слезъ моихъ пролитіе за вину грѣховъ моихъ. Се Тебѣ приносится, Спасителю Мой, вмѣсто мура многоцѣннаго, излитаго грѣшницею на пречистыя ноги Твои. Едино слово Твое довольно было къ очищенію грѣховъ ея; рцы жъ и Ты душѣ моей: Спасеніе твое есмь Азъ. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Пришедши спасти грѣшника, а не призвати праведнаго къ покаянію, воззри, Господи, на преклоненную выю мою, на сокрушенное предъ Тобою сердце мое и что̀ недостаетъ къ дополненію за грѣхи мои, Ты Самъ, Создатель мой, яко Сердцевѣдѣцъ, открой мнѣ мысленныя мои очи, да увѣмъ и воздамъ Тебѣ до послѣдняго.

Слава!

Се стоитъ предъ Тобою, Владыко, прахъ созданія Твоего; се страждетъ душа его; суди Ты ее, Избавитель. Азъ согрѣшихъ предъ Тобою, яко человѣкъ, но не воздѣхъ руки моея къ иному Богу, яко Ты единъ еси святъ и праведенъ.

И нынѣ.

Ходатайница всѣхъ вѣрныхъ, Владычица Дѣво, Мати Божія, чи-

стѣйшая всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ, воззри на грѣшника, ищущаго спасенія, да наставиши душу мою на путь къ достиженію царствія Сына Твоего и Господа.

Пѣснь пятая. Ирмосъ.

Утреннюю къ тебѣ, Спасе мой, отъ нощи грѣховной; просвѣти душу мою свѣтомъ невечернимъ, свѣтомъ Твоего божества, и настави меня на повелѣнія Твоя, яко всесиленъ. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не отвержи меня, Господи, отъ лица Твоего; не отъими отъ меня Духа Святаго Твоего; не постыди меня, Боже мой, въ день страшнаго суда Твоего предъ ангелы Твоими. Вѣмъ, что тамо дѣла мои меня изобличатъ, отошлютъ въ тьму кромѣшную, но за вѣру твердую мою къ Тебѣ, Господи, ожидаю милосердія. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не устрашаетъ меня столько пламень муки вѣчныя, не ужасаетъ меня червь оный неусыпающій и скрежетъ зубовъ, сколько трепещетъ духъ мой и мучится совѣсть моя о лишеніи благости Твоея, Господи. Кто не возрыдаетъ изъ грѣшниковъ, видя святыхъ Твоихъ, сѣдящихъ одесную славы Твоея?

Слава!

Не вниди, Господи, въ судъ съ рабомъ Твоимъ, не оправдающимся предъ Тобою. Чѣмъ душа моя оправдится, когда въ книгѣ Твоей и несодѣянная еще мною уже написана суть и когда не оправдится предъ Тобою всякъ живой.

И нынѣ.

Заступница Христіянъ непостыдная, Чистая Богородица, Ты едина умилостивляешь Сына Твоего отъ предлежащаго грѣшникамъ воздаянія.

Пѣснь шестая. Ирмосъ.

Вопію ко Господу всѣмъ сердцемъ моимъ, яко низринутый въ бездну грѣховную. Отъ тли, Боже, возведи мя. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Видишь душа моя предъ собою своего Избавителя, искупившаго тебя Своею кровью, видишь раны Его: се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра. Ты предстоишь предъ Нимъ, яко неблагодарный, ты дерзаешь отверзти къ Нему усты своя; прослезися, въ перси біющи и возглаголи: отъ тли, Боже, мя возведи! Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Страшусь, Господи, призвати Тебя въ храмъ души моея; но, вѣдая Твое снисхожденіе надъ грѣшниками, съ коими Ты не возгнушался совечеряти въ дому Симона Прокаженнаго, отверзая душу и сердце

мое, прошу, яко оный Евангельскій мужъ, единаго слова Твоего къ избавленію моему, и хотя не есмь достоинъ, но Ты единъ властенъ освятить и очистить мя, да подъ кровъ внидеши души моея.

Слава!

Скажи ми, Господи, кончину мою; открый мнѣ путь, коимъ отсель къ вѣчности пойду; покажи мѣсто, идѣже будетъ душа моя. Вѣмъ по дѣломъ моимъ, что внѣ царствія Твоего; но стоитъ ли гнѣва Твоего бренное сіе созданіе? Покажи ей мѣсто, яко человѣколюбецъ, хотя при краи царствія Твоего.

И нынѣ.

Волнующаяся душа моя и утопающая въ безднѣ беззаконій своихъ ищетъ помощи, но не обрѣтаетъ; подаждь ей, Пречистая Дѣво, руку Свою, ею же носила Спасителя моего, и не допусти погибнути во вѣки.

Пѣснь седьмая. Ирмосъ.

Пребывшіе въ истинной вѣрѣ отроки не послужиша бездушному идолу, обрѣтоша избавленіе свое въ горящей пещи, прохладною росою, и возопиша пѣснь Давшему имъ побѣду: отцевъ Боже, благословенъ еси! Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Тебѣ, Господи, единому согрѣшихъ, и Тебѣ единому каюся, яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ и побѣдиши внегда судити ти. Страшно впасти въ руки Бога живаго; но нѣтъ отчаянія въ милосердіи Его. Самъ велишь Апостолу Своему прощати вину седмь разъ седмерицею. Какоже отъ самого Бога истиннаго милосердія не ожидать! Вѣрно слово: идѣже умножится грѣхъ, тамо преизобилуетъ Божія благодать. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не въ надеждѣ милосердія и человѣколюбія Твоего, Христе, согрѣшихъ, но по немощи человѣческаго естества: разумъ и память ослабѣваютъ тамо, гдѣ житейскія сласти владѣютъ человѣкомъ. Вѣси, Господи, какія преткновенія поставлены ногамъ моимъ, и въ силахъ-ли ополчиться рука моя, аще не будешь моимъ путеводителемъ и уклонишь меня грѣшнаго отъ пути лукаваго.

Слава!

Запрети, Господи, сопротивъ гонящихъ мя, прельщать душу мою, и безъ того со всѣхъ сторонъ колеблющуюся; не вѣмъ, гдѣ подклонити главу мою, и аще отымешь руку Свою отъ меня, то гдѣ обрящу покой души моей, и кто будетъ моимъ избавителемъ?

И нынѣ.

Ослабѣвшей душѣ моей и уязвленному сердцу моему подаждь

исцѣленіе, Дѣво Чистая, и простри за меня матернія руцѣ Свои къ Богу и буди мнѣ Ходатайница: можеши бо, елико хощеши.

Пѣснь восьмая. Ирмосъ.

Его же воинства небесная славятъ и трепещутъ Херувимы и Серафимы, и Его же не видѣ человѣческое око, вострепещи, душе моя, и воскликни: пойте и превозносите Господа во вся вѣки! Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Приверженъ есмь къ Тебѣ, Спасе мой, отъ сосцу матери моея; возлюбихъ Тебя, крѣпость моя, яко же Избавителя моего; но не вѣмъ, откуду преступаю заповѣди Твоя. Ты Создатель мой, Ты единъ помилуй мя, да прославлю Твое божество. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Се пядію положилъ еси дни моя, и весь составъ мой ничто же есть предъ Тобою, Господи; въ семъ мірѣ подвержена скорби и болѣзни жизнь моя, а въ будущемъ, не вѣмъ еще, что̀ обрящу по дѣломъ моимъ.

Слава!

Вѣрую, Господи, что̀ уготовано отъ Тебя праведному и грѣшному, но отъ перваго пути далече совратихся, а послѣднему всегда предшествую; яко человѣкъ хощу взойти на истинный путь, но житейское попеченіе оный заграждаетъ. Кій судъ будетъ мнѣ зачатому во грѣсѣхъ, и кто пощадитъ душу мою, аще не Ты Спаситель мой?

И нынѣ.

Богородице, Владычице, Мати Чистая, избавивши всѣхъ грѣшниковъ Рожденіемъ Своимъ, покрой душу мою пречистымъ покровомъ Своимъ и отъ бѣдъ всѣхъ защити мя!

Пѣснь девятая. Ирмосъ.

Странная тайна въ Тебѣ, Дѣво, сокрыта: по рождествѣ бо пребыла еси Дѣвою, что̀ есть чудо въ человѣческомъ родѣ. На Тебѣ единой, яко изобранной Богомъ, сія благодать исполнися; тѣмъ Тя вси, яко чистѣйшую, Херувимы непрестанно величаютъ. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Услыши, Господи, молитву мою и вопль мой къ Тебѣ да пріидетъ; не отврати лица Твоего отъ меня, вѣси волю мою и вѣси немощь мою. Тебѣ единому открыто сердце мое, виждь сокрушеніе его. Се дѣло рукъ Твоихъ къ Тебѣ вопіетъ, хощу да спасеши мя; не забуди меня недостойнаго, и воспомяни въ царствіи Своемъ. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Се жертва чистая сердца моего, юже приношу Тебѣ, Господи, на алтарь души моея; се все то сокровище, имъ же Тебѣ обѣщался и долженъ есмь; кромѣ сего не имѣю чѣмъ Тебѣ воздать, Спасителю моему, ибо вся Твоя суть. Пріими сію молитву, Господи, да исправится она, яко кадило благоговонное предъ Тобою.

Слава!

Воздѣвая къ Тебѣ, Богу моему, руки мои, поклоняюся Тебѣ сокрушеннымъ сердцемъ и чистою совѣстью, Создателю моему; вѣрую и исповѣдую, яко Ты еси Искупитель мой и несомнѣнно отъ Тебя ожидаю спасенія моего. Вручаю Тебѣ душу мою и тѣло: пощади меня угодникомъ Твоимъ; сего у Тебя единаго прошу и молю, да обрящу.

И нынѣ.

Се на утоленіе предлагаю Тебѣ, Господи, Матерь Твою Пречистую и всѣхъ Тебѣ отъ вѣка угодившихъ; молитва ихъ у Тебя много можетъ. Пріими ходатайство ихъ за меня недостойнаго; не вѣмъ уже, что̀ болѣе Тебѣ изрещи. Твой есмь азъ и спаси мя!

Письма митрополита Филарета къ преосвященному Иннокентію Камчатскому.

(въ послѣдствіи митрополиту московскому).

(1856—1864).

1.

†

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

И вы вините себя въ молчаніи. Успокойтесь. Нѣтъ человѣка, столько виновнаго въ молчаніи, какъ я, и предъ вами, и предъ многими.

Господь да хранитъ ваше зрѣніе. Бережно употребляйте его. Не годится ли вамъ средство, которому научилъ меня покойный митрополитъ Амвросій и которое помогаетъ моимъ, давно слабымъ глазамъ: при пробужденіи отъ сна, по закрытымъ глазамъ провести перстомъ, омоченнымъ въ слюну и остаться съ закрытыми глазами минуты на три?

Благодарю съ вами Бога за то, въ чемъ продолжаетъ Онъ являть вамъ Свою благодатную помощь и за безопасность предъ лицемъ враговъ. Въ трудномъ же и скорбномъ да подкрѣпитъ Онъ васъ и да даруетъ труду плодъ и скорби утѣшеніе.

Нѣкоторымъ скорбямъ вашимъ горько соскорблю и я, и особенно бѣдамъ во лже-братіи, открывшимся въ пришедшихъ отъ насъ. Какъ я въ Лаврѣ бываю недолго и, будучи тамъ, не имѣю удобства наблюдать за каждымъ изъ братіи, то при избраніи долженъ я былъ положиться на свидѣтельство тамошнихъ старшихъ.

Въ Гавріилѣ вѣроятно дѣйствуетъ прежняя болѣзнь умоповрежденія. Я видѣлъ опыты, которые показывали, что выздоровѣвшихъ отъ сей болѣзни небезопасно употреблять къ дѣламъ труднымъ и заглазнымъ.

Особенно горько узнать о дѣйствіяхъ произвольной болѣзни Ареѳы, которой здѣсь не подозрѣвали.

Вы конечно поспѣшили отозвать сихъ людей, и думаю, хорошо было бы, чтобы вы отослали ихъ къ намъ, дабы близъ васъ и слѣдовъ ихъ не оставалось.

Что врагъ душъ человѣческихъ злится на отъятіе у него жертвъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. И являющееся озлобленіе его показываетъ, что онъ много теряетъ. Посему не надобно вамъ изнемогать, а укрѣпляться; не надобно приходить въ смущеніе отъ его усилій, но продолжать дѣйствовать съ спокойною твердостію, въ упованіи на помощь Божію, уже испытанную. Господь да даруетъ вамъ свышній внутренній миръ, побѣдоносный во всякой брани, да не спѣшите на покой внѣшній. Господь силъ да будетъ съ вами! О семъ молю Его, прося молитвъ вашихъ о моей немощи. Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

Филаретъ м. Московскій.

М. Марта 10-го 1856.

2.

†

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Простите, что я съ довѣріемъ принялъ невѣрный слухъ о вашемъ мнѣніи относительно перевода Св. Писанія на Русское нарѣчіе. Онъ пришелъ ко мнѣ такимъ путемъ, что я имѣлъ причину довѣрять ему.

Изволите говорить, что меня спросятъ, какъ приняться за сіе дѣло? Но, кажется, на что бы останавливать и длить дѣло симъ вопросомъ? На сей вопросъ владыки Кіевскаго я отвѣчалъ въ моемъ мнѣніи, что главныя правила и предосторожности въ опредѣленіи Св. Синода изложены; когда сіе утвердится, тогда будетъ время подумать о подробностяхъ. И что̀ спрашивать меня, когда я одинъ, а васъ много? *Спасеніе во мнозѣ совѣтѣ.* По истинѣ, мнѣ часто трудно бываетъ по недостатку совѣта. Но положимъ, что я представлю вамъ проектъ и назову лица, чрезъ которыя можно приняться за дѣло; пока вы о семъ разсуждаете и представляете на высочайшее усмотрѣніе, кто-нибудь, назначенный мною, можетъ умереть, между тѣмъ, какъ его назначеніе высочайше утверждено: вамъ надобно будетъ опять разсуждать и представлять ваше разсужденіе на высочайшее утвержденіе. Сіе возвращаетъ меня къ моему мнѣнію, чтобы представить на высочайшее усмотрѣніе составленное опредѣленіе, а подробности исполненія остались бы въ распоряженіи Св. Синода. Впрочемъ да будетъ воля Св. Синода.

Смотря на записку о викаріатствахъ и на замѣчанія преосвященнаго Нила, удивляюсь. Неожиданно для меня, что такимъ тономъ гово-

ритъ преосвященный архіерей, присутствующій въ Св. Синодѣ, преосвященному архіерею, присутствующему въ Св. Синодѣ.

Мнѣніе, что *въ первыя времена были епископы не болѣе значущіе какъ то, что нынѣ значатъ священники*, не знаю, какъ *докажетъ* преосвященный исторіею и какъ согласитъ съ церковными правилами и съ православными понятіями о іерархіи.

Вы правду говорите, что у насъ епископовъ мало; но что *и понятіе о надзорѣ за паствою у насъ потеряно*, это вы сказали не безъ обиды для Россійской іерархіи и дали преосвященному Нилу причину прогнѣваться.

Правда, что дѣйствованіе духовенства на раскольниковъ во многихъ мѣстахъ неудовлетворительно, частію по недостатку знанія и ревности; но это частію, а другою и большею частію по причинамъ, противъ которыхъ и знаніе, и ревность ведутъ безплодную борьбу. Деньги, деньгами купленное покровительство, мірскія выгоды, господство богатыхъ раскольниковъ, вольность и ненаказанность преступленій, вотъ подпоры раскола. Въ одинъ приходъ, зараженный расколомъ, вмѣсто недѣятельнаго я опредѣлилъ усерднаго и дѣятельнаго священника, впрочемъ кроткаго и осторожнаго: чрезъ немногіе мѣсяцы уже и въ то село, изъ котораго онъ переведенъ, пришелъ слухъ, что его сожгутъ, и чрезъ недолгое время домъ его сожженъ, и виновнаго не открыто. Раскольники радуются и ободряются къ подобнымъ поступкамъ.

Полюбопытствуйте прочитать въ Св. Синодѣ извлеченіе изъ донесеній о расколѣ въ Нижегородской и Черниговской епархіи.

Духовныя училища не Иркутскою ли мѣрою мѣряете вы всѣ? Можно смѣть сказать, что эта мѣра невѣрна.

Правда, что должно желать духовнымъ училищамъ болѣе духовнаго возбужденія. Но какой комитетъ вдохнетъ во всѣ ихъ духъ жизни? Надобно, чтобы духовное возбужденіе отъ архіереевъ простиралось на начальниковъ и наставниковъ училищъ, а оттолѣ на учениковъ. Проповѣдуйте епископамъ, сообщайте имъ свою ревность и одушевленіе, предлагайте подобное дѣйствованіе Св. Синоду, и сообразный съ симъ выборъ въ епископы. А если не такъ, то составьте какой угодно комитетъ, выдумайте какой угодно уставъ: онъ будетъ мертвая буква, и новое будетъ слабѣе стараго, которое разорите. Одно для духовныхъ училищъ потребно и очевидно: устраните чуждые предметы ученія, насильно навязанные и безъ пользы обременяющіе.

Вы требуете на каждыя 150 или 200 церквей викарія, слѣдственно требуете 150 викаріевъ. Думаете ли, что легко найти для сего требуемое число людей съ желаемыми качествами; что легко устроить для нихъ пребываніе, свиту, содержаніе, опредѣленный кругъ дѣйство-

ніл? Вообразимъ викарія, епископа Богородицкаго и Бронницкаго или іскопа Верейскаго и Можайскаго: у нихъ не будетъ ни училищъ, духовнаго правленія. Викарій подлѣ мѣстнаго архіерея — единство; :тный архіерей и нѣсколько викаріевъ по уѣзднымъ городамъ — разіеніе, которое не легко привести въ гармонію.

Вы требуете, чтобы викарій, епископъ 200 церквей, непремѣнно каждой церкви хотя единожды совершалъ священнослуженіе въ теіи одного или двухъ лѣтъ. Слѣдственно вы требуете, чтобы онъ ;ть года или болѣе былъ въ походѣ, на квартирахъ, со свитою, хотя іольшою, для священнослуженія и дѣлъ. Очень ли это удобно? Пріітъ онъ въ село въ непраздничный день; помѣщикъ или управляюі Нѣмецъ, или Полякъ, или бурмистръ-раскольникъ пошлетъ крестьэ на работу, а можетъ быть и они сами пожалѣютъ потерять рабочій ь, и архіерей будетъ молиться и поучать въ церкви почти пустой. детъ ли это полезно?

Вы думаете поселить викаріевъ въ монастыряхъ. Но многіе города имѣютъ монастырей. Викарій въ монастырѣ, въ лѣсу или въ деревнѣ, ;етъ не очень у мѣста.

Образъ путешествій преосвященнаго Камчатскаго по епархіи неібопримѣнимъ въ Россіи.

Чтобы *нынѣшнее положеніе викаріевъ не соотвѣтствовало сану власти епископа*, сего признать не могу; а спорить о семъ не стану.

Преосвященный, который назвалъ викарія только благочиннымъ, моему мнѣнію, погрѣшилъ и забылъ, что епископы братья.

Вы говорите, что *крайне необходима* инструкція викарію. Можетъ гь. Я же не довольно сіе знаю; потому что, имѣя нынѣ десятаго виіія, не слыхалъ ни отъ одного о сей крайности. У насъ, при вступіи викарія, консисторія, на основаніи прежнихъ распоряженій, составтъ опредѣленіе, какіе уѣзды особенно подчинены викарію, гдѣ и его і должно быть возносимо, какія дѣла онъ рѣшаетъ окончательно, какимъ требуется утвержденіе мѣстнаго архіерея. Эта инструкція, да нужно, дополняется въ личныхъ свиданіяхъ викарія съ мѣстнымъ, ъ помощи пера и бумаги. Къ слову: представляю вамъ печатную :трукцію, которую я далъ отъ *себя* своему нынѣшнему викарію.

Можетъ быть, тамъ, гдѣ викаріатства новы, нужно наставленіе, и :тному, и викарію. Но желательно, чтобы дѣла опирались на духѣ, а на письмѣ, которое убиваетъ.

Вы полагаете, что отношенія викарія къ мѣстному должны быть ке, какъ, въ древнія времена, *отношенія* между епархіальными епиопами и окружными архіепископами и митрополитами. Нельзя съ іъ согласиться. Въ семъ случаѣ было бы столько епархій, сколько

викаріевъ, дѣйствованіе раздѣлилось бы, и мѣстный архіерей не могъ бы отвѣчать за свою епархію. Отношеніе св. Григорія Богослова, когда онъ, будучи епископомъ Сасимскимъ, но не могши быть въ Сасимахъ, исправлялъ должность викарія при отцѣ своемъ Григоріѣ, епископѣ Назіанскомъ, не было къ сему послѣднему такое же, какъ отношеніе св. Амфилохія, епископа Иконійскаго, къ св. Василію Великому, архіепископу Кесарійскому.

Усталъ я отъ состязанія съ вами и вамъ наскучилъ. Простите и благословите. Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Ноября 25-го 1857.

Не желалъ бы я, чтобы вы скоро оставили Петербургъ, прежде нежели дѣла, васъ озабочивающія, довольно созрѣютъ. Простите, что неправильно изъяснился, говоря о моемъ желаніи, когда думаю объ общеполезномъ.

Но вотъ заключеніе. Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастіе нашего времени то, что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едвали не превышаетъ силы и средства исправленія. Посему необходимо возставать не вдругъ противу всѣхъ недостатковъ, но въ особенности противъ болѣе вредныхъ и предлагать средства исправленія не вдругъ всепотребныя, но сперва преимущественно-потребныя и возможныя.

Записку возвращаю.

3.

†

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Узнавъ, что ваше высокопреосвященство въ первый день сего Декабря посѣтили храмъ преподобнаго Сергія, на Троицкомъ въ Петербургѣ подворьѣ и, принявъ участіе въ церковныхъ молитвахъ, молитвенно вспомянули мое смиреніе, искренно благодарю за сіе, какъ за благодѣяніе, не мною заслуженное, а братолюбіемъ вашимъ мнѣ дарованное. Благодарю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе имѣю нужду въ подобной помощи. Господь да воздастъ любви вашей Своею блаженно-творною любовію. Вы даете мнѣ утѣшительную надежду, что не лишите меня молитвеннаго воспоминанія и тогда, когда, по слову Псалмопѣвца, *отъиду и къ тому не буду*. Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

7 Декабря 1857

4.

†

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Здравствуйте въ новое лѣто, и здравствуйте многолѣтно.

Благодарю, что вы меня вспомнили въ праздникъ.

Радуюсь, что предначертанія ваши утверждаются. Да принесутъ ıыя церкви Божіей плодъ многъ.

Благодарю, что располагаетесь остановиться въ Чудовѣ. Милости)осимъ. Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

Филаретъ м. Московскій.

Генв. 4-го 1858.

5.

†

Возвращаю вашему высокопреосвященству сообщенное мнѣ для)очтенія.

Вамъ дано много дѣла, но и довольно свободы. Безъ вашего при- /тствія не могло такъ устроиться.

По свидѣтельству графа Путятина, честь дѣятельности Римско-Ка-)лическихъ миссіонеровъ. Впрочемъ достоинство успѣха должно быть ıредѣлено достоинствомъ наставленія, а не числомъ наставляемыхъ. ь прошедшее время тамошніе миссіонеры одни другихъ обвиняли въ ıѣшеніи язычества съ христіанствомъ. Мнѣ еще нужно говорить съ ıми о ректорѣ здѣшней семинаріи. Надобно разсудить о состояніи 'о здоровья. Онъ не можетъ спать на лѣвомъ боку, потому что такое)ложеніе сопряжено бываетъ съ болью.

Ф. м. Московскій.

Генв. 31-го 1858.

6.

†

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

О священникѣ Ерзерумовѣ и причетникѣ при немъ скажетъ ва- ему высокопреосвященству официальное отношеніе, которое онъ вмѣ- :ѣ съ симъ представитъ.

Здѣсь долженъ я дать вамъ отчетъ о причетникѣ Поповѣ. Я пред- жилъ ему вашу волю; но онъ возразилъ, что пособія, какое дается)ичетнику, не довольно ему для совершенія переѣзда къ вамъ, и про- ılъ произвесть его въ діакона, чтобы онъ могъ получить больше этого. а сіе я не рѣшился, потому что отъ васъ не уполномоченъ. Потомъ ıъ сдѣлался боленъ и по выздоровленіи едва ли крѣпокъ для зимняго льняго путешествія. Итакъ, еслибы я и поспѣшилъ произвесть его

въ діакона, сіе могло послужить не къ развязкѣ, а къ запутанности дѣла. Поповъ, какъ слышу, хочетъ проситься къ вамъ лѣтомъ. Сколько вижу, онъ доброе дитя; не знаю, по немъ ли будетъ вашъ климатъ.

Студента, по вашему желанію, найдти здѣсь нелегко: здѣсь очень господствуетъ пристрастіе къ Москвѣ и Московской епархіи. Впрочемъ поищемъ.

За свѣдѣнія о миссіонерахъ благодаримъ. Господь да благословляетъ паче и паче ихъ апостольское служеніе.

Я подписался для васъ на два здѣшнія новыя повременныя изданія: *Душеполезное Чтеніе* и *Православное Обозрѣніе*. Будьте читателемъ благосклоннымъ, а если разсудите—и сотрудникомъ.

Вчера былъ у меня графъ Амурскій, и въ разговорѣ о васъ упомянулъ, что вы строите деревянный домъ *трехъ-этажный*. У меня это осталось въ мысляхъ, и мнѣ хочется предложить вамъ вопросы: удобно ли? прочно-ли? безопасно-ли? не лучше ли два этажа съ увеличеніемъ длины? Часто вижу, что двухъ-этажные деревянные домы теряли горизонтальную линію. Не хуже ли будетъ, если сему подвергнется трехъэтажный?

Впрочемъ Господь да поможетъ вамъ создать твердо и благонадежно и домъ Божій, и домъ вашъ.

Простите, что рѣдко и мало пишу. Изнемогаю.

Прошу молитвъ вашихъ. Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга, Филаретъ м. Московскій.

Въ Москвѣ
Февраля 13-го 1860.

7.

†

Высокопреосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Повторяю ваши слова: не въ послѣдній ли уже разъ бесѣдую съ вами? И это съ моей стороны очень вѣроятно. Осенью прошедшаго года болѣлъ я довольно сильно, и опять въ нынѣшнемъ съ полудня перваго дня Пасхи и теперь колеблюсь между болѣзнію и здоровьемъ. Слава Богу, что еще бесѣдую съ вами, хотя долго умедливъ, и можетъ быть въ послѣдній разъ. Но вамъ да продолжитъ Господь силу душевную бесѣдовать съ церковью еще на многія лѣта.

Призвавшій васъ въ служеніе, сопряженное съ особенными трудностями, не оставитъ васъ безъ благодатныхъ указаній для исхода изъ затрудненій. Но если и мою мысль о исповѣди священниковъ, удаленныхъ отъ другихъ, знать желаете,—представляю ее на вашъ судъ.

Исповѣдь чрезъ письмо не признаю удобною. Письмо можетъ впасть въ чужія руки. Опасеніе сего дастъ причину открывать состо-

ніе совѣсти неясно и слѣдственно не вполнѣ *искренно*, чрезъ что и совѣсть можетъ остаться неудовлетворенною. А впаденіе письма въ посторовнія руки можетъ иногда произвести гласность, ушамъ непріятную, и соблазнъ.

Что же дѣлать священнику, не имѣющему въ близости духовнаго отца? Въ каждый постъ пусть готовится къ исповѣди, какъ должно, и наконецъ, приступая къ священнослуженію, пусть совершитъ самъ надъ собою чинъ исповѣди, примѣняя къ себѣ молитвы, и послѣднее разрѣшеніе можетъ произнести такъ:

«Господи Боже нашъ, Іисусе Христе, благодатію и щедротами Твоего человѣколюбія, прости ми вся согрѣшенія моя, и понеже не имамъ нынѣ служителя Твоего, пріемлющаго мое покаяніе, невидимая благодать Твоя да разрѣшитъ мя отъ всѣхъ грѣховъ моихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Это по нуждѣ. Какъ же скоро можетъ онъ имѣть вблизи духовника, то долженъ воспользоваться удобностію и исповѣдываться у него, хотя бы это было не съ постомъ и безъ предварительнаго приготовленія, по неимѣнію времени.

Такъ я думаю, а рѣшите вы, по данной вамъ власти въ вашей области.

Чтобы избавиться отъ оскорбленія кресту, вы желаете, чтобы крестъ употребляемъ былъ только осмиконечный, а четвероконечный оставался бы простою фигурою. Это невозможно. Сказать православнымъ: четвероконечный крестъ—не крестъ, значило бы преподавать раскольническое ученіе. На облаченіяхъ, отъ глубокой древности, постоянно крестъ четвероконечный. На древнѣйшихъ иконахъ въ рукахъ мучениковъ кресты четвероконечные, а иногда шестиконечные, а осмиконечные являются уже не въ древнія времена. Если попертъ четвероконечный крестъ, слѣдовало требовать, чтобы его не попирали подъ ноги, и можно представить Св. Синоду о запрещеніи.

Умедливъ писать, не знаю теперь, гдѣ найдетъ васъ сіе письмо, если могу узнать, укажу ему прямой путь.

Прошу молитвъ вашихъ. Я, можетъ быть, доживу еще до вашего письма. Вашего высокопреосвященства покорный слуга, Филаретъ м. Московскій.

Въ Гевсиманскомъ скитѣ, близъ Лавры,
Іюля 15-го 1864.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ОБРАЩЕНІЕ ДЬЯКОНА ПАЛЬМЕРА ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ.

I. Письмо А. С. Хомякова къ Казанскому архіепископу Григорію.

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь!

Съ полною надеждою обращаюсь къ вашему высокопреосвященству, и какъ ни странно такое обращеніе человѣка, который не имѣетъ никакихъ личныхъ правъ на ваше вниманіе, я убѣжденъ, что вы благодушно примите просьбу мою; ибо я дѣйствую по обязанности, отъ которой не могу и не смѣю уклониться.

Вашему высокопреосвященству извѣстно движеніе мысли въ Англиканскомъ исповѣданіи и какъ мало-по-малу сердца, неудовлетворенныя отвлеченностью протестантства и умы, оскорбленные вещественностію латинства, стали обращаться къ восточной церкви. Главнымъ двигателемъ былъ Пальмеръ, вице-президентъ Коллегіума св. Маріи Магдалины въ Оксфордѣ. Тому лѣтъ семь, случайныя обстоятельства [1]) ввели меня въ переписку съ нимъ и, разумѣется, предметомъ ея были тѣ вопросы, которые составляли исключительное его занятіе. Онъ сообщалъ мнѣ свои сомнѣнія, недоумѣнія и возраженія противъ ученія и обрядовъ церкви. Я объяснялъ ему, что̀ могъ и какъ умѣлъ, съ желаніемъ искреннимъ добра и съ искреннею любовью къ человѣку прямодушному и ревностному въ дѣлѣ вѣры. Былъ ли я Пальмеру полезенъ, сказать не могу; но знаю, что онъ мнѣ былъ благодаренъ за доброе намѣреніе, и охотно продолжалъ переписку. Въ 1847 году познакомился я съ нимъ лично въ Оксфордѣ, и дружескія отношенія наши стали еще тѣснѣе. Въ бытность мою въ Англіи, понялъ я всю важность значенія этого человѣка. Я узналъ отъ его же товарищей въ Оксфордѣ, и отъ учителей богословія и другихъ членовъ Кембриджскаго университета, что его нѣсколько лѣтъ считали какъ бы сумасшедшимъ имен-

[1]) Сколько намъ извѣстно, первое движеніе вопроса о соединеніи Англіи съ Россіею въ дѣлѣ вѣры начато было Англійскимъ пасторомъ въ Кронштатѣ. *П. Б.*

ю за его постоянное стремленіе къ православію; но что неутомимая ›евность, разумная дѣятельность и жизнь, посвященная единственно лужeнію истинѣ и Богу, побѣдили всѣ предубѣжденія и внушили всѣмъ лубокое къ нему почтеніе, а многимъ сердечное сочувствіе. Отъ души ›адовался я такому успѣху, но самъ Пальмеръ жаловался на равноушіе своихъ соотечественниковъ и особенно высшаго духовенства; каловался онъ отчасти и на православныхъ, но съ крайнимъ смиреіемъ, говоря, что въ смыслѣ православія онъ человѣкъ еще соверенно новый, и можетъ быть, принимаетъ за равнодушіе необходимую ›смотрительность и осторожность церкви, совершенно чуждой всякому естолюбію или властолюбію.

Въ послѣдующіе годы переписка наша продолжалась. Превосходая книга Церникава, другія произведенія нашихъ духовныхъ писатеей и собственныя изслѣдованія разрѣшили всѣ сомнѣнія Пальмера: онъ ринялъ ученіе православной церкви во всей его полнотѣ. Но этимъ е могла довольствоваться его ревность. Истину, которую ему Богъ алъ узнать, долженъ онъ былъ сообщить своимъ соотечественникамъ. Онъ обратился сперва къ епископамъ въ Англіи и былъ встрѣченъ съ тталкивающей холодностью; потомъ къ Англиканскимъ епископамъ въ Шотландіи и къ ихъ синодамъ. Синоды приняли его записку объ исхожденіи Духа Святаго и о таинствахъ съ одобреніемъ, но не приступили ни къ какому рѣшенію и отложили дѣло Божіе въ сторону: у нихъ были другія дѣла. Огорченный Пальмеръ рѣшился оставить отечество и искать на Востокѣ пристанища и покоя душевнаго.

Но не такъ было угодно Богу. Въ то самое время, какъ Пальмеръ уже собрался выѣхать изъ Англіи, стали созрѣвать плоды его ревностныхъ трудовъ. Сердечное сочувствіе, которое онъ уже успѣлъ внушить многимъ достойнымъ людямъ, обратилось въ полное согласіе мысли, и немногочисленная, но сильная своимъ нравственнымъ достоинствомъ паства, была готова вступить въ общеніе православной церкви. Я слышалъ (и отчасти изъ писемъ Пальмера предполагаю, что это правда), что онъ и его друзья обращались съ прошеніемъ по сему предмету въ Святѣйшій Синодъ; но, можетъ быть, вслѣдствіе какой-нибудь ошибки съ своей стороны, никакого удовлетворительнаго отвѣта не получили. Пальмеръ поѣхалъ въ Аѳины, занялся трудами по предметамъ богословскимъ и историческимъ и обратился въ тоже время къ патріарху Константинопольскому съ прошеніемъ о принятіи его въ нѣдра православной церкви. Патріархъ отказалъ въ прошеніи, требуя отъ него крещенія, какъ отъ обливанца, основываясь на обычаѣ Греческой церкви, слѣдующей въ этомъ дѣлѣ положеніямъ (если не ошибаюсь) помѣстнаго Карѳагенскаго собора. Пальмеръ подалъ новое прошеніе,

въ которомъ излагалъ, что, согласно съ постановленіями Русской церкви, отмѣнившей, по Богомъ данной ей свободѣ, обрядъ перекрещенія для обливанцевъ, онъ проситъ быть принятымъ безъ новаго крещенія не вслѣдствіе какого нибудь упорства или желанія сохранить какіе нибудь обряды или положенія общины, впавшей въ расколъ, но потому что, согласившись принять снова крещеніе, онъ остановитъ отъ перехода къ православію многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, а можетъ быть и всѣхъ тѣхъ, которые готовы къ этому богоугодному дѣлу. Снова послѣдовалъ отказъ. Въ тоже время, т.-е. около половины прошлаго года, поступило, какъ извѣстно вашему высокопреосвященству, прошеніе людей съ нимъ единомыслящихъ въ Святѣйшій Синодъ о томъ же предметѣ. Подписей довольно, и кромѣ подписавшихся множество людей принадлежащихъ къ самому высокому образованію и слѣдовательно могущихъ увлечь своимъ примѣромъ еще большее число своихъ соотечественниковъ, готово примкнуть къ начинающейся паствѣ; но и до сихъ поръ ничего утѣшительнаго не слыхалъ Пальмеръ.

Наконецъ, прошлаго года въ началѣ зимы, получилъ я отъ него письмо, и съ какимъ горемъ читалъ его, не могу даже выразить вашему высокопреосвященству. Изъ этого письма видно, что онъ хотѣлъ лѣтомъ пріѣхать въ Москву, но былъ удержанъ болѣзнію въ южной Россіи и далѣе Кіева проѣхать не могъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Константинополя, подалъ онъ третье прошеніе патріарху, повторяя прежнія слова свои, но прибавляя еще, что, по великому желанію своему присоединиться къ единой истинной церкви, онъ согласенъ даже принять снова крещеніе, съ тою только оговоркою, которая дѣлается для младенцевъ, о крещеніи которыхъ есть сомнѣніе. Такой оговорки онъ просилъ для устраненія соблазна, который могъ бы удалить всѣхъ его соотечественниковъ отъ обращенія въ православіе и для успокоенія своей совѣсти; ибо не только по его убѣжденію, но и по мнѣнію всей церкви Русской, совершенное надъ нимъ крещеніе достаточно для того, чтобы дать ему право на вступленіе въ нѣдра православія. Кажется, бо́льшаго и ожидать нельзя было; но патріархъ снова отказалъ, говоря, что мнѣніе Русской церкви не обязательно для Греціи въ дѣлѣ обряда. Съ этимъ, конечно, должно согласиться; но для Пальмера ударъ былъ ужасенъ. Всѣ надежды его рушились, и за всѣмъ тѣмъ, въ глубокой горести своей, предчувствуя и мое огорченіе, онъ еще говоритъ съ глубочайшимъ смиреніемъ: «И мы все-таки не должны осуждать пастырей церкви, ибо имъ поручено церковное правленіе и сужденіе объ обрядѣ; судъ же надъ ними предоставимъ Высшему Судьѣ.» Какъ будто для того, чтобы ударъ былъ еще тяжелѣ и болѣзненнѣе, онъ получилъ изъ Англіи письмо отъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, котораго имя я разобрать не могъ. Вотъ содержаніе этого письма: «Ты знаешь

ю дружбу и согласіе нашихъ мнѣній: всѣ убѣжденія наши одинаковы. ждалъ только твоего принятія въ церковь православную, чтобъ не медля слѣдовать твоему примѣру, но нѣтъ, мой другъ! Дверь, которая не воряется передъ такимъ ревностнымъ просителемъ, дверь, которая ишкомъ два года остается запертою передъ твоими жаркими моле-ıми, не можетъ быть дверью церкви Христовой. Одного *этаго нрав-ıвеннаго убѣжденія* достаточно, чтобы пересилить всѣ убѣжденія мо-о ума и даже стремленія моего сердца. На дняхъ вступаю я въ Рим-ую церковь». Удрученный скорбію, Пальмеръ проситъ у меня утѣшенія, если можно, помощи.

На дняхъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, по волѣ Божіей по-ронилъ я, на шестнадцатомъ году нашего брака, жену молодую, екрасную, добрую, какъ, кажется, только возможно человѣку быть брымъ, единственную любовь моей жизни и величайшее счастіе, ка-е можетъ дать жизнь земная. Совѣстію свидѣтельствуюсь, что я не мѣлюсь сравнить своей сердечной болѣзни, своей неисцѣлимой раны духовнымъ страданіемъ Пальмера. Но какое утѣшеніе могу я дать у или какую оказать помощь?

Я узналъ, что ваше высокопреосвященство, какъ членъ Святѣй-аго Синода, находитесь теперь въ Петербургѣ. Архіепископъ Рязан-ій и Тверской оставилъ по себѣ такія воспоминанія въ прежнихъ ствахъ, что я обращаюсь къ нему съ полною надеждою, и какъ хри-іанинъ смѣло передаю пастырю паствы Христовой дѣло, котораго ıмъ исполнить не могу. Вы не откажете страдающей душѣ, просящей тупленія въ церковь Христову, въ словѣ утѣшенія. Вы не откажете і въ помощи, которую можете оказать, какъ одинъ изъ первыхъ са-вниковъ церкви, не только по своему высокому званію, но и по об-ему къ вамъ почтенію. Я не прошу у васъ извиненія въ своей смѣ-сти, ибо исполняю обязанность, которую не исполнить счелъ бы не-остительнымъ грѣхомъ. Передавъ вамъ скорбь Пальмера, я уже по-енъ на его счетъ. Простите меня, если я прибавлю, что во мнѣ не-льно пробуждается надежда (и Богъ такую надежду благословитъ), что мя Григорія, съ которымъ связана память о первомъ обращеніи Англіи ь Христу, будетъ два раза для нея благодѣтельнымъ. (Февр. 1852).

II. Два письма архіепископа Григорія къ Хомякову.

1.

5 Марта 1852.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Благодарю васъ за довѣренность, которую мнѣ оказали, хотя не наете меня лично; и молю Господа Бога, чтобъ Онъ утѣшилъ васъ

въ вашей семейной скорби для той любви, которую оказываете вашему ближнему, подъ бременемъ собственнаго горя.

Получивъ ваше письмо, переговорилъ я о Пальмерѣ и его дѣлѣ съ общимъ нашимъ знакомымъ А. Н. Муравьевымъ, который имѣлъ случай видѣть Пальмера прошедшею осенью на Югѣ Россіи и въ подробности знаетъ какъ частныя его обстоятельства, такъ и церковныя въ Англіи. Желалъ бы подать утѣшеніе Пальмеру; но, не зная его лично и не имѣя отъ него письма̀, не могу. Очень сожалѣю о его горькомъ духовномъ положеніи, въ которое онъ поставилъ себя. Его другъ пишетъ ему, что онъ «вступаетъ въ Римскую церковь по тому убѣжденію, что дверь, которая не отворяется предъ такимъ ревностнымъ просителемъ, какъ онъ, Пальмеръ, не можетъ быть дверью церкви Христовой». Убѣжденіе неправильное! Этому другу должно было знать, и онъ безъ сомнѣнія зналъ, что у насъ дверь для нихъ отперта. Причиною означенной неправильности Пальмеръ.

Вникните въ образъ дѣйствованія Пальмера. Когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, тогда, при всемъ своемъ расположеніи къ православію, онъ былъ еще напитанъ своими частными мнѣніями, спорилъ объ исхожденіи Св. Духа и о пресуществленіи, и хотѣлъ, чтобы церковь Россійская, въ лицѣ его, безусловно признала правовѣріе Англійской, въ которомъ будто бы никогда не могла сомнѣваться, имѣя столкновеніе только съ Римскою. Возвратясь въ отечество, Пальмеръ, по своей христіанской ревности, лучше изучилъ православіе, убѣдился въ чистотѣ нашего символа и сдѣлавшись, можно сказать, почти православнымъ въ душѣ, поѣхалъ на Востокъ. Тамъ думалъ онъ найти болѣе свободный пріемъ у патріарховъ, но ошибся: патріархи стали требовать отъ него вторичнаго крещенія. Это очень прискорбно, но понятно. Находясь въ тѣснотѣ, живя въ разобщеніи со всѣми исповѣданіями Запада, и видя у себя на Востокѣ въ ихъ представителяхъ, особливо въ настоящее время, жесточайшихъ враговъ православія, патріархи стали сомнѣваться даже въ ихъ христіанствѣ, и стараются оградить себя отъ нихъ. Могли ли эти патріархи довѣрить ревности Англійскаго діакона, которая, при нынѣшнихъ дипломатическихъ хитростяхъ, могла показаться странною всякому, кто не зналъ ея такъ отчетливо, какъ вы и теперь я? Ежели Пальмеръ подлинно убѣдился въ православіи и, соглашаясь на все, просилъ только объ одномъ, чтобы не повторяли надъ нимъ крещенія: то зачѣмъ ему было силою врываться въ запертыя двери Греческой церкви, когда ему совершенно отворены были двери церкви Русской, болѣе знакомой съ духомъ западныхъ иновѣрцевъ? Когда дѣло шло о душевномъ спасеніи его и людей единомысленныхъ ему въ Англіи: тогда его ли дѣло было неблаговременно и неосторожно поднимать запутав-

шійся вопросъ, который, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, распутался бы самъ собою? Мы приняли бы его безъ вторичнаго крещенія, и братія наши на Востокѣ сообщились бы съ нимъ безъ всякаго сомнѣнія; а домашнія недоумѣнія мы рѣшили бы и безъ его вмѣшательства. Что̀ дѣлаетъ онъ теперь въ Аѳинахъ, вмѣсто того, чтобы слѣдить въ Англіи за направленіемъ умовъ къ православію, котораго онъ былъ первымъ двигателемъ.

Что касается до просьбы о соединеніи, которую будто бы прислали къ намъ люди благонамѣренные изъ Англіи: то ея у насъ нѣтъ; она существуетъ здѣсь только въ проектѣ, и эти люди, въ отсутствіе Пальмера, какъ слышно, остановились подписывать ее. Конечно нельзя будетъ оставить безъ вниманія такого прошенія, если оно будетъ написано въ православномъ духѣ; но надобно будетъ разбирать его съ большою осторожностію, дабы, сближаясь съ единовѣрцами новыми, не удалиться отъ старыхъ и дабы послѣднее не сдѣлалось, по слову Евангелія, горше перваго.

Вотъ что̀ могъ я написать съ любовію къ вамъ и съ искреннимъ душевнымъ желаніемъ добра всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ войти въ разумъ истины и которыхъ никогда не чуждается православная церковь, только бы они не чуждались ея особенностію своего взгляда.

Моля Господа Бога объ утѣшеніи вашему сердцу, остаюсь съ чувствомъ совершеннаго къ вамъ уваженія вашего высокородія покорный слуга Григорій, архіепископъ Казанскій.

5 Марта 1852. (Спб.)

2.

Алексѣй Степановичъ, милостивый государь!

Винюсь, что не отвѣчаю долго. Препятствовали частію собственная болѣзнь, частію разныя потребности, отъ которыхъ нельзя было отбиться.

Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи да утѣшитъ васъ во дни радости полнымъ утѣшеніемъ!

Въ отношеніи къ Англійскому вопросу, къ сожалѣнію, не могу сказать вамъ ничего болѣе сказаннаго. Намъ было бы очень пріятно, если бы Пальмеръ и его единомысленники приняли православіе; но дѣлать имъ въ этомъ отношеніи какія либо предложенія нахожу неудобнымъ. Того, чтобъ они не знали нашихъ чиноположеній и обычаевъ, не могу думать: Пальмеръ двукратно посѣщалъ Россію, и издавалъ на своемъ языкѣ догматическія книги съ своими объясненіями. Ежели его

единомысленники имѣютъ какія либо сомнѣнія, то, при ихъ довѣренности къ нему, онъ легко можетъ уничтожить ихъ. Главное затрудненіе для Пальмера заключается въ томъ, что онъ самъ колеблется между двумя церквами, и хотя убѣжденъ въ истинѣ догматовъ православной церкви, но увлекается внѣшностію Римскою. Тутъ предложеніе, чего проситъ, неумѣстно. Это предложеніе трудно особенно теперь, когда онъ такъ неосторожно возбудилъ на Востокѣ вопросъ о крещеніи. Этотъ вопросъ, въ свое время конечно, рѣшится благопріятно; но легкое наше сближеніе съ иновѣрцами въ настоящее время удобно можетъ произвести на Востокѣ касательно насъ сомнѣніе. Говорю не о нуждѣ новаго крещенія со стороны Пальмера съ его соотечественниками, но о затруднительности, въ какую Пальмеръ поставилъ насъ въ отношеніи къ Востоку. До проясненія возбужденнаго имъ вопроса, что̀ конечно не можетъ продолжиться слишкомъ далеко, намъ должно опасаться, чтобъ, заключая новый союзъ, не разорвать стараго.

Желая вамъ всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, съ душевнымъ уваженіемъ есмь вашъ покорный слуга Григорій, архіепископъ Казанскій.

16 Апрѣля 1852. (Спб.).

ЗАМѢТКА А. С. ХОМЯКОВА ОБЪ АНГЛІИ И ОБЪ АНГЛІЙСКОМЪ ВОСПИТАНІИ *).

Давно уже Англія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между Европейскими государствами и обращаетъ на себя невольное вниманіе другихъ народовъ; давно уже извѣстны всѣмъ и ея торговля, и особенности ея государственныхъ учрежденій; но долго никому въ голову не входило проникнуть въ тайники ея внутренней жизни. Въ концѣ прошлаго столѣтія, начала она завоевывать міръ своею словесностію, по милости Нѣмцевъ, которые стали *ревностно* изучать ея великаго Шекспира. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, она продолжала это завоеваніе по милости своихъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, которые дали совершенно новое направленіе искусству и отчасти исторической наукѣ. Еще позже, ежедневно возрастающая сила Англіи и ея рѣши-

[1]) Эта замѣтка должна была служить предисловіемъ къ одной несостоявшейся статьѣ Русской Бесѣды (1856—1860). Она найдена въ черновомъ подлинникѣ и любезно сообщена намъ (вмѣстѣ съ письмами выше и ниже напечатанными) Д. А. Хомяковымъ. *П. Б.*

тельное первенство въ смыслѣ политическомъ и промышленномъ заставили глубже изучить общественныя основы ея внѣшнихъ силъ и ихъ внутреннія начала, умственныя и духовныя. Наконецъ, съ недавняго времени особенное вниманіе обращено на ея воспитаніе, которымъ эти силы питаются и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Дѣйствительно, Англія отличается во всемъ отъ прочихъ народовъ Европы. Она—страна передовая, страна постоянныхъ нововведеній, за которыми не угонится подражаніе; она же и страна сохраненной, невымирающей старины. Тутъ куются пушки, передъ которыми всѣ прежнія орудія обращаются чуть-чуть не въ карманные пистолеты; на Темзѣ стоитъ желѣзная гора, которая будетъ бѣгать по морямъ, перевозя въ утробѣ цѣлыя поселенія; строятся фабрики, въ которыхъ всѣ усовершенствованія науки перешли въ промышленную практику; составляются въ громадныхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, обѣщающіе новую эру жизни народной; дикая сила собственности обуздывается требованіями человѣческой нравственности; города растутъ съ волшебной быстротою; поля учетверяютъ свою плодородность; люди удлинняютъ свой вѣкъ, какъ будто имъ вовсе не скучно жизнь на землѣ; наконецъ, Европеецъ, переѣзжая въ ея предѣлы, какъ будто уходитъ на цѣлое столѣтіе впередъ отъ своего отечества. А тутъ же законы Норманскаго завоевателя цитуются, какъ власть имущіе, парламентомъ и судебными присутствіями; Французскія слова звучатъ при коронаціи королей и подписываются подъ ихъ правительственными велѣніями; воспитанники многочисленнаго училища ходятъ по улицамъ Лондона съ непокрытыми головами и въ странномъ нарядѣ послѣднихъ Саксонскихъ королей; средневѣковая шапочка и мантія отличаютъ студента университетскаго; шерстяной мѣшокъ служитъ почетнымъ сѣдалищемъ для перваго изъ государственныхъ сановниковъ: словомъ, антикварій ходитъ какъ будто въ своей знакомой, давно уже вездѣ умершей старинѣ.

Странная земля! Она какъ-то догадалась, что только то охранительно, что̀ движется впередъ и только то прогрессивно, что̀ не отрывается отъ прошедшаго.—Другія страны Европы подчинились законамъ химическимъ и механическимъ: Англія одна живетъ по физіологическому закону.

Эта своеобразная жизнь является въ своемъ началѣ, въ воспитаніи, и потому Англійская система воспитанія совершенно разнится отъ всѣхъ другихъ. Оно представляетъ въ себѣ общія черты самой страны, и не даромъ Прусскій король сказалъ, любуясь Оксфордомъ: «Какъ все здѣсь ново, и какъ все здѣсь старо!»

Чѣмъ любопытнѣе и самостоятельнѣе человѣкъ, тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе его автобіографія и всѣ его собственные отзывы о себѣ. Правда, что онъ часто можетъ ошибаться на свой счетъ и даже ложно понимать свои собственныя побужденія; но самыя ошибки его полезны для тѣхъ, которые его изучаютъ. Въ правдѣ, имъ высказываемой и даже въ его самообольщеніяхъ, узнаются такія стороны его жизни и сознанія, которыхъ со стороны нельзя угадать. Чтò сказали мы о людяхъ, тоже самое должно разумѣть и о народахъ. Такова причина, почему Р. Бесѣда, противъ своего обыкновенія, помѣщаетъ статью ученаго и истаго Англичанина о воспитаніи въ Англійскомъ университетѣ.

Р. Бесѣда не беретъ нисколько на себя отвѣтственности за общую мысль автора, а еще менѣе за ея подробности; но увѣрена, что статья, здѣсь помѣщенная, должна быть читана со вниманіемъ и можетъ внушить читателю много новыхъ и полезныхъ мыслей. Какія бы ни были странности Англійскаго воспитанія, онѣ поучительны. Когда плоды такъ добры, самое дерево, дающее ихъ, конечно чего-нибудь да стоитъ. Очевидно, что система Англійская во многомъ совершенно противуположна той системѣ, которая преобладаетъ въ другихъ земляхъ. Которая лучше? Этого мы не беремся рѣшить. Но еслибы намъ слѣдовало опредѣлить разницу между ними, то мы назвали бы систему обще-европейскую системою *учительною*, а Англійскую—*воспитательною*.

А. Х.

ДВА ПИСЬМА В. Д. ОЛСУФЬЕВА КЪ А. С. ХОМЯКОВУ.

I.

17|V
18|55

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Государыня Императрица, узнавъ, что вы написали продолжені сочиненія вашего: Quelques mots d'un Chrétien Orthodoxe, желает прочитать оное. Почему и обращаюсь къ вамъ съ просьбою прислат мнѣ вашу рукопись, для представленія Ея Величеству. Ей угодно был приказать сообщить вамъ, что покойный Государь Императоръ съ удс вольствіемъ читалъ вышеписанное сочиненіе и остался имъ доволенъ.

Пользуясь симъ, честь имѣю и пр.

В. Олсуфьевъ.

II.

29|VI
18|55 Петергофъ.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Государыня Императрица Марія Александровна повелѣть мнѣ сс изволила препроводить къ вамъ Нѣмецкій переводъ книги вашей, п волѣ Великой Княгини Ольги Николаевны сдѣланный нашимъ Сту: гардскимъ священникомъ. Исполняя симъ такую высочайшую воль покорно прошу о полученіи не оставить меня увѣдомленіемъ.

Вамъ вѣроятно не безъизвѣстны распри Западной церкви о непо рочномъ зачатіи Пресвятыя Богородицы (immaculée conception). П сылаю отъ себя, для прочтенія, протестъ аббата Лаборда противъ се новаго догмата. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что показываетъ уже и в духовенствѣ ослабѣвающее вѣрованіе въ непогрѣшительность папъ.- Прилагаю также №: «Аугсбургской Газеты», заключающій любопытну статью о исповѣди.—Не знаю чтò, а что-то творится въ вѣрованіяхъ Запада.

Пользуясь симъ, имѣю честь и пр.

В. Олсуфьевъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ [1]).

IV.

По пріѣздѣ въ Москву, мы поселились въ своемъ домѣ, въ Неопалимовскомъ переулкѣ, Хамовнической части. Въ тотъ же вечеръ, 25 Августа (1830), я подалъ ректору университета Двигубскому прошеніе о допущеніи меня къ экзамену. Въ числѣ приложеній къ этому прошенію находилось весьма подробное свидѣтельство объ успѣхахъ ученія, за подписью моего досточтимаго наставника, обратившее на себя особенное вниманіе ректора.

На другой день, также вечеромъ, я предсталъ со страхомъ и трепетомъ предъ ареопагомъ университетскихъ мудрецовъ. Первый разъ въ жизни выходилъ я на экзаменъ и потому сильно конфузился. Къ моему счастію, первый экзаменаторъ былъ мнѣ нѣсколько знакомъ: это былъ законоучитель университета, священникъ Петръ Матвѣевичъ Терновскій, бывшій баккалавръ Московской Академіи (впослѣдствіи протоіерей, докторъ богословія и ординарный профессоръ). Желая дать мнѣ время придти въ себя отъ смущенія, онъ предлагалъ мнѣ много вопросовъ: о таинствахъ, объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца, о проповѣди апостола Павла язычникамъ, о седьмомъ Вселенскомъ соборѣ, о крещеніи Руси, о святомъ Алексіѣ митрополитѣ и преподобномъ Сергіѣ, о Флорентинскомъ соборѣ и о Лютерѣ на Аугсбургскомъ соборѣ. Я между тѣмъ совершенно успокоился, отвѣчалъ бойко и обратилъ на себя вниманіе профессоровъ.

Затѣмъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ, тогда еще молодой адъюнктъ, экзаменовалъ меня изъ Русской и Всеобщей исторіи, о чемъ уже я упоминалъ выше. Древней всеобщей исторіи онъ вовсе не касался; изъ Русской исторіи спрашивалъ о царствованіи Бориса Го-

[1]) Первыя три главы помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1881 г. книга 1-я, стр. 245.

дунова, о войнахъ Петра Великаго съ Карломъ XII и о 1812 годѣ. Погодинъ остался вполнѣ доволенъ моими отвѣтами.

Послѣ него, въ родѣ отдыха, сталъ меня спрашивать по предмету словесности старый профессоръ П. В. Побѣдоносцовъ. Вопросы его ограничивались тропами, фигурами, хріями и примѣрами на разные виды стихотвореній. Съ дѣтства я зналъ много стиховъ наизусть и вполнѣ угодилъ ими почтенному профессору.

Экзаменъ Греческаго языка, у С. М. Ивашковскаго, былъ также не труденъ; онъ заставилъ меня переводить изъ христоматіи Каченовскаго. Затѣмъ, вѣроятно, предполагая во мнѣ обширныя познанія древне-эллинской мудрости, онъ вздумалъ спросить меня о различіи діалектовъ, но къ счастію, не дожидаясь моего отвѣта, самъ принялся объяснять эти различія. Объясненіе его продолжалось до того времени, когда ректоръ замѣтилъ ему, что пора уже спросить кого нибудь другаго. Тогда, оканчивая экзаменъ, онъ похвалилъ и поблагодарилъ меня, не знаю за что̀. Вообще профессоръ Ивашковскій пользовался уваженіемъ, какъ ученый эллинистъ, но какъ большой чудакъ служилъ иногда предметомъ забавы для студентовъ, по крайней своей разсѣянности. Такъ напримѣръ случалось, что въ аудиторіи раздается звонокъ, возвѣщающій конецъ лекцій, а онъ, сидя на каѳедрѣ, продолжаетъ декламировать стихи изъ Иліады; студенты чрезъ нѣсколько минутъ расходятся, а онъ, не замѣчая того, наслаждается въ одиночествѣ красотами Гомера. И дома бывали съ нимъ подобные случаи: онъ сидитъ въ кабинетѣ надъ Русско-Греческимъ словаремъ (этотъ огромный, добросовѣстный трудъ его до сихъ поръ, кажется, еще не напечатанъ), приходитъ время обѣдать, жена зоветъ нѣсколько разъ, а онъ отвѣчаетъ: сейчасъ приду, и не отстаетъ отъ своей работы. Наконецъ семейство садится за столъ и обѣдаетъ безъ него. Черезъ нѣсколько часовъ, С. М. выходитъ изъ кабинета и говоритъ: «пора бы обѣдать.» — «Давно отобѣдали», отвѣчаетъ жена. — «Удивляюсь, отчего же я голоденъ.»

Объ испытаніи изъ Латинскаго, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ вспоминать не буду. Оно сошло мнѣ съ рукъ очень легко.

Самое трудное было впереди -- математика, которая никогда мнѣ не давалась. Экзаменаторъ, бывшій нѣкогда профессоромъ философіи, а въ это время чистой математики, И. И. Давыдовъ, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ изъ геометріи, на которые я кое-какъ отвѣчалъ, но когда дошло дѣло до алгебры, то на уравненіяхъ съ двумя неизвѣстными я окончательно срѣзался. Ректоръ, постоянно слѣдившій за моими отвѣтами, сказалъ: «non omnia possumus omnes» (не всѣмъ дается все), и Давыдовъ поставилъ мнѣ удовлетворительную отмѣтку.

Послѣ того почтенный Двигубскій былъ постоянно благосклоненъ ко мнѣ, въ продолженіе всего курса, и какъ профессоръ ботаники (которую въ то время преподовалъ за него М. А. Максимовичъ) много помогалъ мнѣ своими совѣтами въ собираніи и опредѣленіи растеній и дозволялъ пользоваться университетскимъ батаническимъ садомъ для моего гербарія. Прежде я забылъ упомянуть, что еще въ посадѣ, во время продолжительной болѣзни моей, докторъ Мичуринъ пріохотилъ меня къ ботаникѣ, которая съ того времени сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ моихъ занятій.

Послѣ экзамена я былъ принятъ на первый курсъ этико-политическаго (нынѣ юридическаго) факультета. Съ какимъ восхищеніемъ надѣлъ я студенческую форму! Теперь, когда я состарѣлся, никакія отличія не могли бы меня обрадовать столько, сколько радовался я тогда, надѣвая синій сюртукъ со свѣтлыми пуговицами и малиновымъ суконнымъ воротникомъ.

Погода въ началѣ Сентября стояла прекрасная; я ежедневно ходилъ на лекціи, которыя едва начинались послѣ вакаціи. Преподавателей на первомъ курсѣ было немного. Терновскій читалъ введеніе въ догматическое богословіе; Погодинъ—исторію Польши по руководству Бандтке. Этихъ двухъ преподавателей можно было слушать съ пользою и удовольствіемъ; но за то лекціи профессора С. А. Смирнова изъ Русскаго судопроизводства были совершенно нестерпимы. Онъ читалъ свою печатную книгу, вставляя изрѣдка примѣры судебныхъ рѣшеній, говорилъ очень вяло и медленно и, услышавъ звонокъ, заключалъ свое чтеніе словами: «до сихъ поръ прочтено, нужно твердо знать къ слѣдующему разу». Остальные два преподавателя—адъюнкты Василевскій и Маловъ еще вовсе не являлись въ аудиторію; послѣдній, какъ говорятъ, былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Впослѣдствіи студенты выгнали его однажды изъ аудиторіи, послѣ чего онъ долженъ былъ оставить службу. Но въ это время я не принадлежалъ уже къ юридическому факультету.

Едва начатое чтеніе лекцій продолжалось недолго. Давно уже носился слухъ о какой-то страшной, никому неизвѣстной, смертоносной болѣзни, которая подвигалась къ намъ отъ Персидской границы. Въ первый разъ эпидемическая холера появилась въ предѣлахъ Россіи и открылась въ Москвѣ. Она считалась тогда заразительною; врачи вовсе не знали ни самой болѣзни, ни способовъ лѣченія. Въ первое время она свирѣпствовала ужасно: ежедневно умирало отъ 1000 до 1200 человѣкъ. Заботами начальника столицы князя Д. В. Голицына въ каждой части Москвы была открыта больница; лучшіе или болѣе знаменитые врачи начальствовали въ этихъ больницахъ; къ нимъ было при-

командировано множество другихъ врачей. Больныхъ привозили въ театральныхъ каретахъ, мерзкаго и отвратительнаго вида, которыя по прекращеніи болѣзни были уничтожены, потому что актеры и актрисы не хотѣли уже въ нихъ ѣздить.

Сенаторы, заслуженные генералы и другія почетныя лица Московской аристократіи приняли на себя обязанности попечителей въ каждой части города. Объ одномъ изъ нихъ, попечителѣ Тверской части, графѣ А. Н. Панинѣ я слышалъ послѣ слѣдующій анекдотъ отъ М. П. Погодина, который былъ секретаремъ холернаго комитета и издателемъ ежедневныхъ вѣдомостей о состояніи эпидеміи: при ежедневномъ посѣщеніи больницы, графъ замѣтилъ, что больные, боясь заразы, не хотятъ садиться въ ванну; онъ раздѣлся и самъ при нихъ сѣлъ въ ванну. Высокій примѣръ самоотверженія въ то время, когда холера считалась столько же заразительною, какъ самая чума. Въ той же Тверской больницѣ молодой медико-хирургъ Рынскій (послѣ служившій, въ одно время со мною въ Екатерининской больницѣ) первый осмѣлился вскрыть и изслѣдовать трупъ умершаго отъ холеры.

Митрополитъ Филаретъ съ своей стороны назначилъ въ каждую частную больницу по одному архимандриту или протоіерею для наблюденія за исправнымъ исполненіемъ требъ приходскими священниками, которые чередовались ежедневно. Онъ учредилъ 25 Сентября крестный ходъ по всей Москвѣ. За невозможностію обойти кругомъ всего города, этотъ ходъ былъ устроенъ такъ: соборное и монашествующее духовенство, съ архипастыремъ во главѣ, обходило вокругъ Кремлевскихъ стѣнъ, а въ тоже время каждый приходскій священникъ обходилъ свой приходъ, окропляя каждый домъ святою водою. Никогда, ни прежде (на сколько старики могли упомнить), ни послѣ не бывало такого благочестиваго настроенія между Московскими жителями: храмы были полны ежедневно, какъ въ свѣтлый день Пасхи; почти всѣ говѣли, исповѣдывались и причащались Св. Таинъ, какъ бы готовясь къ неизбѣжной смерти.

Страшное было тогда время! Москва была оцѣплена кругомъ и заперта карантинами на всѣхъ дорогахъ; продажа съѣстныхъ припасовъ происходила за заставами; улицы были пусты: никто не ѣздилъ и не ходилъ безъ крайней надобности; въ каждомъ домѣ всякаго приходящаго, какъ будто зараженнаго, окуривали хлоромъ; учебныя заведенія, начиная съ университета, театры и всѣ увеселительныя мѣста были закрыты. Словомъ, Москва казалась вымершимъ городомъ.

Такое безотрадное положеніе продолжалось до начала Декабря. Еще въ концѣ Ноября число заболѣвающихъ и умирающихъ уменьшилось и врачи убѣдились въ безполезности карантинныхъ мѣръ. Когда

же наступилъ Декабрь, тогда перемѣнилась самая погода, бывшая до тѣхъ поръ постоянно сырою и дождливою, открылся санный путь, и наконецъ 6 Декабря карантины сняты, хотя болѣзнь, постепенно ослабѣвая, продолжалась до Февраля. Мнѣ вспоминаются стихи слѣпца Н. М. Шатрова:

Катитъ Декабрь лазурнымъ сводомъ,
Какъ радость сердца и очей;
Исчезло вдругъ съ его приходомъ
Томленье пасмурныхъ ночей.
Еще съ полудня вѣтеръ вѣетъ,
Но сводъ небесъ уже яснѣетъ.
Лучъ свѣта намъ явился вновь,
И въ день святаго Николая
Снялася цѣпь сторожевая
Съ столицы Русскихъ городовъ.

Отъ общественнаго бѣдствія—холеры я долженъ перейти къ нашей семейной и моей личной непріятности. Начать приходится издалека, съ самаго переѣзда нашего въ Москву. При входѣ въ домъ, мы были встрѣчены П. И. Красильниковымъ, который нѣсколько разъ гостилъ у насъ въ Сергіевскомъ посадѣ и, по смерти отца моего, управлялъ всѣми дѣлами и имѣніями, по неограниченному довѣрію моей матери. На этотъ разъ онъ поселился въ комнатѣ надъ нашею кухнею, безотлучно находился у насъ съ утра до вечера, но чрезъ нѣсколько дней, вдругъ переселился на другой край города, къ своей матери, или, лучше сказать, въ домъ своего дѣда, дьячка при церкви Екатерининской (Матросской) богадѣльни. Отъѣздъ его очень смутилъ мать мою, и она на другой день послала меня къ нему съ запечатаннымъ письмомъ, на которое я привезъ ей отвѣтъ, также запечатанный. Значеніе этой переписки мнѣ объяснилось позднѣе.

Прошло нѣсколько дней. Вдругъ, поздно вечеромъ, мать моя заболѣла сильнымъ истерическимъ припадкомъ съ лихорадочными признаками. Красильниковъ, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся, кинулся искать врача и привезъ какого-то Адами, несчастнаго лѣкаря, сильно напуганнаго эпидеміей. Онъ принялъ истерику за холеру и закатилъ такіе сильные пріемы каломеля, безъ всякихъ предосторожностей, что черезъ сутки вся полость рта у больной покрылась ранками, и открылось весьма сильное слюнотеченіе. Понявъ свою ошибку, Адами скрылся; мѣсто его заступилъ докторъ И. С. Веселовскій, который лѣчилъ мать мою около двухъ мѣсяцевъ и приглашалъ для совѣщанія знаменитаго тогда въ Москвѣ врача Г. Я. Высотскаго. Только въ концѣ Января мать моя начала вставать съ постели.

Но еще за нѣсколько дней до того, она открылась бабушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ, что намѣрена вступить въ бракъ съ Красильниковымъ. Старушка, конечно, очень разстроилась отъ такого извѣстія и старалась, насколько могла, отвратить племянницу отъ такого пагубнаго, по ея мнѣнію, намѣренія. Обѣ онѣ послѣ того горько плакали. Вечеромъ въ тотъ-же день, я пришелъ посидѣть у постели больной матери и узналъ отъ нея тоже извѣстіе: оно сильно меня поразило, но я не могъ, по любви къ матери и изъ страха разстроить ее въ болѣзненномъ состояніи, или же, по природной слабости характера, высказать ей довольно сильное возраженіе противъ ея намѣренія. Впрочемъ я увѣренъ, что всякія убѣжденія съ моей стороны остались бы совершенно безполезными; я посовѣтовалъ только, чтобы бракъ, если онъ неизбѣженъ, оставался тайнымъ, для избѣжанія пересудовъ и стыда передъ обществомъ. Матушка согласилась съ моимъ мнѣніемъ. Потомъ она призвала сестру мою: 14 лѣтняя дѣвочка, съ пылкимъ и вовсе негибкимъ характеромъ, расплакалась и откровенно высказала все отвращеніе, которое чувствовала къ будущему вотчиму, чѣмъ очень разстроила больную мать и навлекла на себя много непріятностей въ послѣдствіи.

Бабушка объявила, что не останется жить въ домѣ, гдѣ хозяиномъ будетъ Красильниковъ, и дѣйствительно въ началѣ великаго поста переѣхала отъ насъ къ Сумароковымъ въ с. Красное, куда усердно звала ее младшая ея сестра Аграфена Андреевна, глубоко огорченная недавнею кончиною старшей ихъ сестры, Анны Андреевны. Отъѣздъ доброй бабушки, прожившей почти весь вѣкъ неразлучно съ моей матерью, сильно огорчилъ послѣднюю. Были и другія огорченія: дядя П. Н. Сумароковъ написалъ сестрѣ, въ отвѣтъ на извѣщеніе, что она намѣрена вступить во второй бракъ: «Съ ужасомъ читалъ твое письмо. Совѣтую поѣхать въ Новоспаскій монастырь и помолиться на могилѣ отца; думаю, что содрогнется даже камень, который прикрываетъ для всѣхъ почтенный, а для насъ священный прахъ». И сестра отца моего, графиня Елисавета Степановна Салтыкова, всегда очень дружная съ моей матерью, въ отвѣтъ на письмо ея о томъ, что она рѣшается выйдти замужъ изъ любви къ дѣтямъ, чтобы доставить имъ покровителя, написала ей: «Ты знаешь, что у меня одна дочь, которую я люблю больше всего на свѣтѣ; но и для нея никогда не рѣшилась бы я на такой шагъ». Такіе отзывы приводили мать мою въ задумчивость, а мы съ сестрой по неопытности надѣялись, что мать можетъ-быть раздумаетъ или не найдется священника для тайнаго брака, и такимъ образомъ намѣреніе ея не исполнится. Эти надежды оказались тщетными.

Здѣсь долженъ я возвратится назадъ—къ моимъ университетскимъ занятіямъ. Во время скучнаго бездѣйствія, когда университетъ былъ закрытъ, когда холера свирѣпствовала въ Москвѣ, когда всѣ думали и говорили только объ одномъ предметѣ—объ этой страшной болѣзни и о средствахъ къ ея лѣченію, мнѣ пришла мысль перейти съ юридическаго факультета на медицинскій, тѣмъ болѣе, что въ первомъ изъ нихъ, какъ я уже успѣлъ увидѣть въ нѣсколько дней, было слишкомъ мало хорошихъ профессоровъ, а въ послѣднемъ я надѣялся пріобрѣсти болѣе основательныя познанія въ любимой моей ботаникѣ и другихъ предметахъ естественной исторіи. Это намѣреніе, одобренное моей матерью, приведено въ исполненіе при помощи лѣчившаго ее доктора Веселовскаго; онъ поѣхалъ со мною къ старику профессору Василію Михайловичу Котельницкому, бывшему въ то время деканомъ медицинскаго факультета. Дѣло обдѣлалось очень легко; я былъ переведенъ изъ одного факультета въ другой, при чемъ курсовой годъ не былъ потерянъ.

Послѣ университетскаго праздника, съ 14 Января 1831 года я началъ ходить ежедневно въ университетъ. Первая лекція, на которую я пришелъ, была профессора анатоміи II. П. Эйнбродта о желудкѣ. На столѣ анатомическаго театра лежалъ желудокъ вынутый изъ трупа и тутъ же стояла тарелка съ желудочнымъ сокомъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, сидя у меня за спиною, сказалъ при этомъ:

«Вотъ какой супъ намъ подали!» Эти слова такъ на меня подѣйствовали, что я долго не могъ ѣсть супа безъ отвращенія.

Эйнбродтъ читалъ лекціи надъ трупами на Латинскомъ языкѣ, очень ясно и отчетливо; но еще лучше и краснорѣчивѣе, преподавалъ остеологію (ученіе о костяхъ) знаменитый анатомъ и въ свое время отличный хирургъ, почетный членъ университета, лейбъ-медикъ Ю. Х. Лодеръ. На первой лекціи, онъ въ отборныхъ Латинскихъ выраженіяхъ описалъ устройство черепа, причемъ мы въ первый разъ услышали отъ него любимую его фразу: «Natura sapientissima, vel potius Auctor naturae longe sapientissimus ita fecit, ut etc.» т.-е. «Премудрая природа или лучше сказать, Премудрѣйшій Творецъ природы устроилъ такъ, что и пр».—Вообще было замѣтно, что почтенный старецъ глубоко благоговѣлъ предъ Богомъ, созерцая премудрость Творца въ дѣлахъ творенія. При входѣ въ залу анатомическаго театра, устроеннаго подъ наблюденіемъ Лодера, была надпись: Γνῶθι σεαυτὸν (познай самаго себя); надъ амфитеатромъ, гдѣ сидѣли студенты во время лекцій—«Руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя», а надъ каминомъ, гдѣ стояли часы, слова Апостола: «Искупуйте время».—Говорятъ, что Лодеръ еще до пріѣзда въ Россію, былъ ревностнымъ масономъ. Къ сожалѣнію, лекціи его

были не совсѣмъ понятны для нѣкоторыхъ студентовъ, особенно для вышедшихъ изъ гимназій, по недостаточному знанію въ то время Латинскаго языка въ этихъ заведеніяхъ.

Былъ у насъ еще и третій преподаватель анатоміи—адъюнктъ Алексѣй Григорьевичъ Терновскій, родной братъ знаменитаго въ послѣдствіи проповѣдника протоіерея С. Г. Терновскаго. Онъ три раза въ недѣлю приходилъ въ анатомическій театръ и объяснялъ намъ устройство костей человѣческаго скелета. Студенты любили его за простое и ласковое обращеніе, и многіе уважали по слухамъ о его безкорыстіи и благотворительности. Онъ лѣчилъ почти исключительно бѣдняковъ на чердакахъ и въ подвалахъ, разумѣется безъ всякой платы. Иногда онъ снабжалъ ихъ лѣкарствами на свой счетъ; при большой семьѣ, онъ жилъ бѣдно и всегда приходилъ въ университетъ пѣшкомъ, въ поношенномъ вицъ-мундирѣ.

Скажу нѣсколько словъ о прочихъ преподавателяхъ, которыхъ лекціи слушалъ я на первомъ курсѣ.

Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ (этимъ чиномъ онъ очень дорожилъ) преподавалъ намъ физіологію, а студентамъ старшихъ курсовъ судебную медицину и медицинскую полицію. Какъ человѣкъ умный и начитанный, искусный въ свое время операторъ, онъ могъ бы преподавать съ пользою; но съ одной стороны глубокая старость (по собственнымъ его разсказамъ, онъ былъ подлѣкаремъ при взятіи Очакова) и неохота къ тому, чтобы слѣдить за ходомъ науки, заставляли его держаться почти буквально устарѣлой книги Ленгосека. Впрочемъ намъ странно и безполезно было слушать на первомъ курсѣ физіологію, не изучивъ еще анатоміи; а Мухинъ требовалъ, чтобы на его лекціи были записаны непремѣнно всѣ студенты медицинскаго факультета, такъ что въ спискѣ его было до 400 слушателей, которымъ онъ часто дѣлалъ перекличку, употребляя на то цѣлые часы. При этомъ нужно замѣтить другую его странность: онъ терпѣть не могъ Нѣмцевъ. Этимъ пользовались студенты при перекличкахъ: когда онъ вызывалъ одного изъ слушателей съ Нѣмецкой фамиліей, ему громогласно отвѣчали: его нѣтъ, его нѣтъ! Тогда старикъ начиналъ обычную свою рѣчь: «вообще, такъ сказать, эти Нѣмцы, иноземцы, чуждыхъ странъ урожденцы, пришельцы, бѣглецы, проходимцы, наукою не занимаются, Латинскаго языка не знаютъ, нашего отечественнаго языка не понимаютъ, не разумѣютъ, знать не хотятъ, лекцій не слушаютъ, профессоровъ не уважаютъ; изъ нихъ выходятъ неучи, лѣчцы, знахари, коновалы, вообще сказать вредные невѣжды и негодяи» и т. д. Такая рѣчь повторялась при каждомъ Нѣмецкомъ имени. Между тѣмъ раздавался

звонокъ, и Мухинъ спѣшилъ садиться въ свою карету, запряженную четвернею и отправлялся на практику. На экзаменахъ лучшій способъ получить хорошую отмѣтку состоялъ въ томъ, чтобы какъ можно чаще повторять «ваше превосходительство» и найти случай упомянуть о «многопитательномъ поростѣ» (такъ прозвалъ Мухинъ Исландскій мохъ въ одной статьѣ, гдѣ-то напечатанной) или объ удачныхъ хирургическихъ операціяхъ, когда-то произведенныхъ Мухинымъ.

Ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ В. М. Котельницкій читалъ на первомъ курсѣ фармацію по маленькой, Латинской, давно устарѣлой книжкѣ: «Фармація доктора Пленка». Старикъ очень добрый и почтенный, но профессоръ крайне плохой, онъ ограничивался буквальнымъ чтеніемъ книжки, которую приносилъ съ собою; она была такъ рѣдка, что трудно было купить ее, и студенты принуждены были списывать, причемъ дѣлали ошибки, доходившія до безсмыслицы. Выше я упомянулъ о томъ, что мнѣ случилось быть у Котельницкаго, чтобы просить о переводѣ меня на медицинскій факультетъ. Съ того времени я сохранилъ знакомство съ этимъ почтеннымъ старикомъ, жившимъ въ своемъ домикѣ близъ Смоленскаго рынка; иногда я бывалъ у него, а иногда встрѣчалъ его на Смоленскомъ рынкѣ, гдѣ я по воскреснымъ днямъ покупалъ книжки, а В. М. ежедневно покупалъ провизію и, садясь съ нею на извощика, приговаривалъ: «Смотри, поѣзжай осторожнѣе; статскаго совѣтника везешь». Страсть къ чинамъ была тогда почти общею, и добрѣйшій Котельницкій увлекался величіемъ своего чина! Другой случай въ томъ же родѣ: В. М. спускался, послѣ акта, съ большаго крыльца стараго университетскаго зданія въ мундирѣ и треугольной шляпѣ съ плюмажемъ (тогда чиновники V класса и выше носили плюмажъ на шляпахъ); студенты, собравшіеся на крыльцѣ, закричали ему вслѣдъ: Пѣтухъ идетъ»! а онъ преважно отвѣчалъ имъ: «а пѣтухъ-то статскій совѣтникъ»!

Рѣзкую противоположность съ вялымъ чтеніемъ Пленка составляло живое преподаваніе сравнительной анатоміи экстраординарнымъ профессоромъ Петромъ Иларіоновичемъ Страховымъ. Тутъ уже не было чтенія классической книжки: профессоръ, знатокъ своего предмета, говорилъ увлекательно и умѣлъ занять слушателей сравненіемъ анатоміи домашнихъ животныхъ съ устройствомъ человѣческаго организма.

Къ сожалѣнію, тогда не существовалъ еще кабинетъ сравнительной анатоміи при университетѣ; единственныя лошадиныя кости, которыя Страховъ показывалъ студентамъ на лекціяхъ, были собраны мною въ Сокольникахъ, лѣтомъ 1831 г.

Химію преподавалъ намъ Александръ Алексѣевичъ Іовскій, экстра-ординарный профессоръ. Онъ зналъ хорошо свое дѣло и самъ со-

ставилъ классическую книгу: Руководство къ Химіи; но лекціи его не могли приносить достаточной пользы по отсутствію всякихъ пособій.

Тоже долженъ сказать я и о преподаваніи физики. Адъюнктъ Николай Силычъ Топоровъ не могъ хорошо ознакомить своихъ слушателей съ физикой, которая немыслима безъ опытовъ, а мы не видали даже и электрической машины. О себѣ лично долженъ я признаться, что я особенно мало воспользовался лекціями Топорова, которыя были наполнены математическими выкладками; а математика мнѣ никогда не давалась.

Естественную исторію, зоологію, ботанику и минералогію, читалъ весьма ученый профессоръ Александръ Григорьевичъ Фишеръ, сынъ знаменитаго натуралиста Григорія Ивановича Фишера фонъ-Вальдгейма. И здѣсь также не было ни малѣйшихъ пособій. Для преподаванія зоологіи Фишеръ пользовался книгою профессора Ловецкаго; ботанику и минералогію излагалъ по своимъ собственнымъ запискамъ, очень искусно составленнымъ; но все это было слишкомъ кратко, по необходимости ознакомить слушателей съ тремя науками въ теченіи одного учебнаго года. Впрочемъ я находилъ время ходить на математическій факультетъ на лекціи М. А. Максимовича, который преподавалъ ботанику подробнѣе, нежели Фишеръ и часто приносилъ съ собою живыя растенія изъ университетскаго сада или превосходные рисунки изъ лучшихъ ботаническихъ изданій.

Попечителемъ университета и его округа былъ извѣстный вельможа, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Говорятъ, что онъ очень неохотно принялъ на себя это званіе, предложенное ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который предоставилъ князю выборъ помощника. Князя мы никогда не видали въ университетѣ; за то выбранный имъ помощникъ почти ежедневно ходилъ по аудиторіямъ и особенно занимался исправностью въ одеждѣ и прическѣ студентовъ. Своекоштнымъ дозволялось приходить на лекціи въ партикулярномъ платьѣ, а казенные студенты, жившіе въ то время въ самомъ университетѣ, носили казенную мундирную форму. Необыкновенно высокій ростомъ, Г. П. глядя съ верху внизъ, очень внимательно осматривалъ головы казенныхъ студентовъ, и если замѣчалъ длинные или мало остриженные волосы, тотчасъ же приказывалъ остричь по солдатскому образцу, для чего постоянно имѣлся въ готовности цирюльникъ. Также внимательно слѣдилъ онъ за исправностью формы: ни одна разстегнутая или оторванная пуговица не ускользала отъ проницательнаго его взгляда. Насъ своекоштныхъ не удостоивалъ онъ своего вниманія. Вспоминаю, по поводу этой стрижки, забавный случай. Одинъ изъ старшихъ своекоштныхъ студентовъ Г—въ, занимающій теперь важное мѣсто на Югѣ

Россіи, вздумалъ смѣяться надъ казенными студентами, говоря, что начальство остригло ихъ какъ барановъ. Тѣ разсердились и отмстили насмѣшнику: его повалили, остригли безобразнѣйшимъ образомъ и нанесли ему нѣсколько царапинъ, потому что Г—въ отчаянно сопротивлялся и рвался. Завитые, шелковистые волосы посыпались на землю, къ крайнему прискорбію красиваго щеголя.

Въ половинѣ Мая окончились лекціи; переходныхъ экзаменовъ не было, потому что на медицинскомъ факультетѣ учебный годъ былъ слишкомъ непродолжителенъ (не болѣе пяти мѣсяцевъ), а въ другихъ факультетахъ былъ вовсе потерянъ для студентовъ, по милости холеры: они должны были слушать лекціи четыре года, вмѣсто трехъ, наравнѣ съ медиками.

Описаніе моихъ учебныхъ занятій отвлекло меня отъ рѣчи о родныхъ и знакомыхъ, которыхъ я видалъ въ это время. Теперь постараюсь разсказать объ нихъ, насколько припомню.

Вскорѣ по переѣздѣ нашемъ изъ Посада въ Москву, я въ первый разъ увидалъ бабушку, родную сестру покойнаго моего дѣда графа Степана Өедоровича, Варвару Өедоровну Дохтурову; она пріѣхала къ моей матери вмѣстѣ съ дочерью своей Варварой Аөанасьевной. Умная, живая, бойкая на отвѣтъ старушка была, къ сожалѣнію, совершенно глуха, такъ что разговаривать съ нею было очень трудно. У нея было довольно многочисленное семейство: три сына, которыхъ я очень мало зналъ, и три дочери. Изъ числа послѣднихъ только одна Надежда Аөанасьевна была замужемъ (кажется за г. Барановскимъ); Марья Аөанасьевна имѣла большой талантъ въ рисованіи; о старшей изъ нихъ Варварѣ Аөанасьевнѣ буду говорить послѣ. Всѣ онѣ были очень бѣдны, потому что мужъ бабушки промоталъ все ея имѣніе. Она сама и по временамъ дѣти ея находили всегда готовый пріютъ у брата ея графа Николая Өедоровича, а по кончинѣ его у его супруги, графини Натальи Андреевны, рожденной княжны Львовой, въ родовомъ селѣ Знаменскомъ; тамъ живали они по цѣлымъ годамъ, какъ будто у себя дома.

Почти въ то же время узналъ я другую почтенную старушку, Елисавету Петровну Янькову. Она приходилась двоюродной сестрой покойному отцу моему, потому что мать ея, Аграфена Николаевна Римская-Корсакова, была родная сестра моей бабушки графинѣ Александрѣ Николаевнѣ. Добрѣйшая мать семейства и ласковая ко всѣмъ роднымъ, Янькова пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. У ней было три дочери: старшая Анна Дмитріевна была въ супружествѣ за Постниковымъ; а вторая, дѣвица Клеопатра Дмитріевна и младшая, Аграфена Дмитріевна Благово, тогда уже вдова, съ маленькимъ сыномъ Митей жили у матери.

Недалеко отъ насъ, въ Штатномъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, жилъ младшій изъ родныхъ моихъ дядей и мой крестный отецъ, графъ Петръ Степановичъ Толстой, женатый на Елисаветѣ Васильевнѣ Ильиной. Онъ былъ уже камергеромъ и членомъ Московской Кремлевской экспедиціи и помѣщался въ прекрасномъ домѣ, имъ самимъ построенномъ. При немъ были дѣти: сыновья Василій, Николай, Павелъ и маленькая дочь Пашенька. Еще одинъ изъ сыновей его Александръ былъ уже, кажется, въ кадетскомъ корпусѣ.

Другой дядя мой, графъ Александръ Степановичъ съ женою своею графиней Марьей Ивановной, жилъ въ зимнее время въ своемъ домѣ, на Сивцевомъ Вражкѣ, а на лѣто уѣзжалъ въ сельцо Кузнечики, принадлежавшее ему пополамъ съ покойнымъ отцемъ моимъ. Какъ батюшка, по болѣзни своей, никогда не ѣздилъ въ это имѣніе, а дядя нѣсколько лѣтъ сряду управлялъ обѣими половинами, и раздѣлъ земли между двумя братьями оказался очень неравнымъ: то между ними возникли недоразумѣнія, что̀ впрочемъ не нарушало родственнаго согласія. Семейство дяди состояло изъ трехъ сыновей: Александра (который былъ годомъ старше меня и служилъ тогда въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку), Дмитрія, скудоумнаго отъ рожденія и Владимира, прекраснаго и даровитаго мальчика приготовлявшагося къ университету, куда и поступилъ онъ въ слѣдующемъ году. Двѣ дочери: Варенька— первая въ Москвѣ красавица и Ольга, жили при родителяхъ, а маленькая Маша училась въ пансіонѣ Жарни.

Еще жива была престарѣлая тетка моей матери, Марья Сергѣевна Островская, рожденная княжна Долгорукова, вдова бывшаго нѣкогда въ Москвѣ оберъ-полицмейстера, а потомъ Костромскаго гражданскаго губернатора. Ветхая, сгорбленная, маленькая старушка жила въ своемъ домѣ, на концѣ города, близъ тюремнаго замка, и жила довольно скудно, потому что раздала большую часть имѣнія, полученнаго ею въ приданное (около 1000 душъ) сыновьямъ и дочерямъ. Сыновей тогда уже не было на свѣтѣ, но отъ нихъ оставалось потомство. Изъ числа дочерей ея старшая Варвара Борисовна была въ то время вдовою стат. совѣтника Павла Петровича Наумова и была очень дружна съ моей матерью и сестрою моего отца графиней Е. С. Салтыковой, у которой воспитывалась дочь ея Екатерина Павловна вмѣстѣ съ кузиной моей Сашей. Остальныя дочери Наумовой—Марья, Анна, Елисавета и Наталья, были при матери, которая постоянно жаловалась на бѣдность. Въ зиму 1831 г. Марья Павловна Наумова вышла замужъ за чиновника Давида Никифоровича Палажченко, служившаго при Московскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Я былъ на этой свадьбѣ и видѣлся тамъ съ моей любимой кузиной Колошиной, которая нарочно

пріѣхала изъ деревни, чтобы быть посаженной матерью у невѣсты. Новобрачная, очень хорошенькая, умная и образованная дѣвушка, прожила не болѣе двухъ лѣтъ послѣ брака, а мужъ ея Д. Н. остался навсегда для насъ самымъ добрымъ, преданнымъ и усерднымъ родственникомъ.

Говоря о послѣднемъ годѣ нашего пребыванія въ посадѣ, я забылъ упомянуть объ одномъ очень миломъ юношѣ, моемъ сверстникѣ. Это былъ Юлій Кольрейфъ, сынъ почтеннаго лютеранскаго пастора Павла Ивановича Кольрейфа. Ѳ. А. Голубинскій былъ близко знакомъ съ отцемъ Юлія и взялъ, по просьбѣ старика, сына его къ себѣ на вакаціонное время, чтобы заняться съ нимъ Русскою словесностью. Въ это время я всякій день видѣлся съ Юліемъ, читалъ и гулялъ вмѣстѣ съ нимъ. Мы очень сошлись между собою, въ одинъ день держали вступительный экзаменъ въ университетѣ и вмѣстѣ посѣщали лекціи до наступленія холеры. По переходѣ на медицинскій факультетъ, я уже не встрѣчался съ намъ; по пылкости характера, онъ былъ увлеченъ въ какой-то заговоръ, который называли Сунгуровскимъ, и былъ отданъ въ солдаты на Оренбургскую линію. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ дослужился до офицерскаго чина, возвратился въ Москву и вскорѣ умеръ отъ чахотки.

Весною пріѣзжалъ въ Москву изъ посада добрый мой другъ А. И. Сергіевскій и просилъ мать мою быть воспріемницею его первенца, родившагося 1 Мая. Воспріемникомъ былъ родной дядя его, митрополитъ, въ честь котораго новорожденный названъ Филаретомъ. Оба воспріемника были замѣнены при крещеніи другими лицами, а я съ большимъ удовольствіемъ пировалъ на крестинахъ.

Здоровье моей матери плохо поправлялось; доктора присовѣтывали ей провести лѣто въ Сокольникахъ. Уже нанята была дача, принадлежавшая купцамъ Шевелкинымъ, и мы уже хотѣли переѣхать туда въ половинѣ Мая, какъ вдругъ получили извѣстіе отъ дяди Сумарокова, что онъ собирается въ Москву съ своей молодой женою, чтобы лѣчить ее отъ послѣдствій несчастныхъ родовъ. Мы дождались ихъ пріѣзда, но какъ поразилъ меня видъ дяди при первой съ нимъ встрѣчѣ! Вмѣсто крѣпкаго, здороваго, обладавшаго необыкновенной силой человѣка, я увидѣлъ его слабымъ, худымъ, почти лишеннымъ употребленія ногъ: это были послѣдствія наѣздничества, псовой охоты и неразлучнаго съ нею кутежа. Нѣсколько дней они провели съ нами; дядя обошелся ласково съ Красильниковымъ, къ крайнему удовольствію моей матери, и уже не противился предполагаемому браку. Переѣхавъ на квартиру, нанятую имъ на Плющихѣ, дядя созвалъ консиліумъ изъ Московскихъ медицинскихъ знаменитостей для совѣщанія о болѣзни Софьи

Васильевны, которую лѣчилъ молодой акушеръ Дейчъ. Въ числѣ прочихъ былъ на консиліумѣ и старикъ Лодеръ, который обрадовался, увидѣвъ меня, и велѣлъ мнѣ переводить съ Русскаго на Латинскій тѣ слова больной, которыя окажутся для него непонятными. Такъ, когда больная сказала, что у нея послѣ пищи дѣлается распираніе живота, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Quid sibi vult istud?» (что̀ это такое?) и долго не могъ удовлетвориться моимъ отвѣтомъ, при чемъ Г. А. Высотскій замѣтилъ другимъ докторамъ: «а молодой студентъ ловко объясняется полатини».

Между тѣмъ мы переѣхали на дачу, куда изрѣдка пріѣзжалъ къ намъ дядя съ больною, которую всякій съ перваго взгляда счелъ бы здоровой: такъ она была свѣжа и красива. Въ началѣ Августа вдругъ узнали мы, что дядя тяжко боленъ; я поскакалъ къ нему и нашелъ его почти умирающимъ. Оказалось, что, по совѣту какого-то невѣжественнаго Итальянца, онъ рѣшился принять неизвѣстно кѣмъ изобрѣтенное и приготовленное секретное лѣкарство для укрѣпленія силъ (конфертативъ). Послѣдствія были ужасны; окружающіе его думали, что онъ немедленно умретъ отъ выпитой отравы. Хотя этого и не случилось, но положеніе его было безнадежно, что̀ и самъ онъ чувствовалъ. Нѣсколько успокоившись отъ жестокихъ болей въ животѣ, онъ требовалъ, чтобы поскорѣе отвезли его въ деревню. «Хочу умереть дома», говорилъ онъ. Съ глубокою скорбію проводилъ я дядю, котораго любилъ всѣмъ сердцемъ, не надѣясь болѣе видѣть его.

На дачѣ познакомились мы съ хозяевами. Вдова Шевелкина, Екатерина Богдановна, урожденная Сейделеръ, незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за плацъ-адъютанта Андрея Ивановича Маслова, собрата и пріятеля Красильникову. Они были у насъ неоднократно, и знакомство съ ними утвердилось навсегда. Въ послѣдующихъ главахъ придется мнѣ часто говорить объ этомъ семействѣ.

Близость Сокольниковъ къ Преображенской слободѣ давала возможность матери Красильникова, жившей у отца своего, дьячка, часто ходить къ моей матери. Тутъ я ближе присмотрѣлся къ этой ворчливой, неугомонной, взбалмошной и подчасъ злой старухѣ. Являлись иногда и другія родственницы, безграмотныя дьячихи и пономарицы.

Чаще всѣхъ посѣщала мать мою дѣвица Екатерина Васильевна Боголюбова, дочь смотрителя дома умалишенныхъ. Мать моя была знакома съ нею еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и въ 1824 году, пользуясь ея покровительствомъ, была вмѣстѣ со мною у блаженнаго Ивана Яковлевича Корейши, содержавшагося тогда въ домѣ сумашедшихъ. Къ этому юродивому, котораго Московскія барыни считали пророкомъ, тогда никого не пускали, и только съ дочерью смотрителя

могли мы проникнуть въ его тѣсную и грязную келейку. Мать моя спрашивала у него совѣта, гдѣ найти для меня учителя? Онъ отвѣчалъ: «Много разныхъ учителей; бываетъ учитель во фракѣ, а то и въ рясѣ». Когда я сталъ учиться у Ѳ. А. Голубинскаго, носившаго тогда фракъ, а позднѣе рясу, слова юродиваго казались пророчествомъ. Е. В. Боголюбова съ тѣхъ поръ нерѣдко посѣщала мать мою; какъ искренняя почитательница масоновъ, она была принята во многихъ семействахъ, наклонныхъ къ мистицизму.

Съ наступленіемъ осени мы возвратились въ свой домъ близъ Плющихи. Красильниковъ торопилъ мать мою поскорѣй обвѣнчаться; она настаивала, чтобы бракъ былъ тайнымъ, а онъ увѣрялъ, что никакъ не можетъ найти священника, который согласился бы на это. Наконецъ, 10 Ноября утромъ, въ нашей приходской церкви Неопалимой Купины, этотъ бракъ совершился, при затворенныхъ дверяхъ и безъ предварительныхъ оглашеній. Въ церкви никого не было, кромѣ меня и сестры. Несмотря на это, бракъ не былъ тайнымъ: Красильниковъ и друзья его поспѣшили разгласить о немъ по Москвѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, мы получили горестное извѣстіе о смерти дяди П. Н. Сумарокова. Онъ скончался 11 Ноября и погребенъ подлѣ первой жены своей, у олтаря старинной церкви, въ селѣ Красномъ, построенной еще Шокуровыми. Дѣла его оказались крайне запутанными, и малолѣтнія дѣти отъ перваго брака, можетъ быть, остались бы безъ ничего, если бы тетка покойнаго, воспитавшая его, дѣвица Аграфена Андреевна Сумарокова не принялась на старости лѣтъ, при помощи брата своего Алексѣя Андреевича, за устройство разстроенныхъ дѣлъ. Прежде всего она уничтожила псарню, потомъ продала свое собственное, небольшое имѣніе и мало-по-малу, въ малолѣтство наслѣдниковъ, успѣла уплатить не только недоимку сохранной казны, угрожавшую продажей имѣнія, но и всѣ частные долги. Во всѣхъ хозяйственныхъ оборотахъ много помогала ей племянница В. А. Коптева. Опекуномъ малолѣтнихъ Сумароковыхъ былъ дѣдушка Алексѣй Андреевичъ, а попечителемъ Василій Алексѣевичъ Коптевъ.

Возвращаюсь къ одному изъ важнѣйшихъ событій въ нашемъ семействѣ — ко второму браку моей матери. Этотъ бракъ навлекъ на нее множество непріятностей: знакомые отъ нея отвернулись, почтенныя бабушки мои Сумароковы прекратили переписку, князь Н. С. Долгоруковъ не сталъ пускать къ себѣ племянницу; два мои дяди, жившіе въ Москвѣ, хотя не раззнакомились съ моею матерью, но мужа ея къ себѣ не принимали.

Такое положеніе прискорбнѣе всего отразилось на бѣдной моей сестрѣ. Когда настало для нея время появляться въ свѣтѣ, она не могла

показаться въ лучшемъ Московскомъ обществѣ и должна была довольствоваться балами Благороднаго Собранія, куда брала ее съ собою и своими дочерьми Е. С. Маслова, и немногими вечерами средняго круга.

Злословіе коснулось даже нравственной репутаціи моей матери; праздные языки протрубили, что она была страстно влюблена въ Красильникова, что между ними издавна существовала самая интимная связь. Всѣ эти разсказы не заключали въ себѣ ни одной капли правды: сорокапятилѣтняя, болѣзненная женщина, жизни вполнѣ цѣломудренной, отъ природы умная и образованная, не только не способна была дойти до такого униженія, какое приписывали ей клеветники, но даже и не была вовсе влюблена въ Красильникова. Да и можно ли ей было влюбиться въ него при непріятной его наружности, при нравѣ его, мрачномъ и тяжеломъ, при полномъ отсутствіи воспитанія и приличія въ мнимомъ предметѣ ея страсти?

Нѣтъ, причина была вовсе не та, какую предполагали. Еще живши въ Каменкахъ, въ качествѣ учителя, Красильниковъ успѣлъ пріобрѣсть сильное вліяніе на мою мать, всегда искренно набожную, посредствомъ духовныхъ бесѣдъ и чтенія мистическихъ книгъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвлечь ее мало-по-малу отъ церковнаго направленія. Въ этомъ руководствовалъ его тотъ священникъ, который однажды пріѣзжалъ въ Каменки, еще при жизни покойнаго отца моего, и другіе вожди Московскихъ масоновъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что мать моя, окруженная и ослѣпленная ими, стала считать К. безусловно-необходимымъ какъ для утвержденія въ духовной жизни ея самой и дѣтей ея, такъ и для устройства нашего мірскаго благосостоянія. Когда подобное убѣжденіе въ ней укоренилось, тѣже вліятельныя лица нашли, что пора приступить къ дѣлу. Первое предложеніе со стороны К. сильно подѣйствовало на матушку: она боролась изо всѣхъ силъ, даже заболѣла отъ борьбы. Ослабленная болѣзнію, ошеломленная личными внушеніями и письмами покровителей жениха, она наконецъ уступила и дала свое согласіе. Позднѣе, послѣ кончины моей матери, я нашелъ въ бумагахъ ея не только письменное предложеніе К., довольно нескладно написанное, но еще три письма друзей его, и въ томъ числѣ одно отъ того же вышепомянутаго священника, имѣвшаго сильное вліяніе на свою духовную дочь.

Вотъ истинная разгадка причинъ такого неравнаго брака. Повторю еще разъ: плотской любви тутъ вовсе не было. До самой смерти К., мать моя жила со вторымъ своимъ мужемъ, какъ сестра съ братомъ; даже общей спальни у нихъ никогда не было. Словомъ, этотъ бракъ былъ дѣломъ Московскихъ масоновъ.

Многіе спрашивали меня послѣ: «Какимъ особеннымъ ученіемъ руководствовались люди, принадлежавшіе къ масонскимъ ложамъ? Кто были эти люди?» Постараюсь теперь отвѣчать на оба вопроса, сколько окажется возможнымъ.

Объ ученіи масоновъ или «свободныхъ каменьщиковъ», какъ они себя называютъ, мнѣ удалось узнать очень немногое изъ отрывочныхъ разсказовъ Н. М. Шатрова и самого К., какъ наименѣе скромныхъ между «братьями». Другіе масоны, которыхъ я зналъ, были болѣе скрытны и никогда не обмолвились ни однимъ словомъ о таинственномъ смыслѣ своего ученія. Разскажу, что̀ удалось мнѣ узнать отъ нихъ, и то что̀ могъ извлечь изъ собранія масонскихъ бумагъ, переданныхъ въ Московскій публичный музей послѣ графа Серг. Степ. Ланскаго.

Гонимое при Екатеринѣ II, отдохнувшее при Павлѣ I, Русское масонство пользовалось свободою и довѣріемъ правительства въ первую половину царствованія Александра Павловича. Тогда публично существовала въ Петербургѣ Великая Провинціальная ложа подъ предсѣдательствомъ великаго провинціальнаго мастера графа М. Ю. Віельгоркаго (онъ подписывался Вильгурскимъ) и множество зависящихъ отъ ея ложъ въ разныхъ городахъ Россіи и Польши. Одна изъ числа ихъ, какъ увѣдомилъ графъ Вильгурскій «высокопочтеннаго великаго намѣстнаго мастера, управляющаго Великою Провинціальною ложею Сергѣя Степановича Ланскаго») открыта имъ въ пятницу 7 числа X мѣсяца 5817 года [1]) «на Востокѣ Москвы, благословеніемъ всевышняго архитектора, подъ правленіемъ Великой Провинціальной ложи, совершенная и справедливая Св. Іоанна Крестителя ложа, имѣющая названіе Ищущихъ Манны» (дѣла Великой Провинціальной ложи № 1893, 12). Эта ложа получила вмѣсто герба девизъ—золотой въ кругѣ крестъ, съ надписью: «исполняй понятное, поймешь непонятное». Отличительный знакъ членовъ ложи—такой же крестъ въ петлицѣ кафтана на бѣлой съ золотыми каймами лентѣ; мастера̀ во время собраній носили этотъ крестъ на шеѣ, а предсѣдатель, или «мастеръ стула»—на широкой лентѣ черезъ плечо (тамъ же).

Въ спискѣ членовъ этой ложи, составленномъ въ 1819 году, названы: мастеръ стула С. П. фонъ-Визинъ, намѣстный мастеръ П. А. Курбатовъ; 1-й надзиратель В. Д. Камынинъ; 2-й надзиратель Я. Ѳ. Скарятинъ; риторъ А. О. Поздѣевъ; 1-й стуартъ (стражъ, Stewart) В. Л. Пушкинъ; 2-й стуартъ А. И. Яфимовичъ; секретарь А. Н. Садыковъ и обрядоначальникъ Я. Х. Венкстернъ. Мастеръ стула и два над-

---

[1]) Во всѣхъ масонскихъ бумагахъ лѣтоисчисленіе начинается за 4.000 лѣтъ до Х.

зирателя назывались «чиновниками» ложи, а прочія должностныя лица «офиціалами». Братья раздѣлялись на три степени: мастеровъ, товарищей и учениковъ; изъ двухъ послѣднихъ разрядовъ они постепенно достигали до перваго. Всѣхъ братьевъ въ спискѣ 1-го Мая 1821 года было 56 (№ 1915, 73).

Хотя постояннымъ предсѣдателемъ въ ложѣ Ищущихъ Манны, до самаго закрытія ея по указу 1822 года, считался всегда С. П. фонъ-Визинъ, но главнымъ дѣятелемъ и предметомъ всеобщаго благоговѣйнаго почтенія и повиновенія былъ Николай Александровичъ Головинъ, человѣкъ необыкновенно-умный, хитрый и обладавшій разнородными познаніями. Кромѣ степени мастера въ этой ложѣ онъ былъ также мастеромъ въ Великой Провинціальной и, какъ кажется, принадлежалъ къ сословію рыцарей Розоваго Креста, о которомъ говорится въ масонской пѣснѣ:

„Блещетъ надъ нами Розовый Крестъ:
Онъ насъ наставитъ, онъ вразумитъ,
Тѣло прославитъ, духъ оживитъ"...

Головинъ пользовался очень плохимъ здоровьемъ; отъ разлива желчи или отъ природнаго ѣдкаго, непріятнаго характера, онъ былъ нестерпимъ въ обращеніи съ братьями, такъ что нѣкоторые соблазнились и ушли отъ него. Раздражительность его достигла до высшей степени по возвращеніи въ 1831 г. изъ за-границы, куда онъ ѣздилъ лѣчиться (но безъ успѣха) съ пособіемъ отъ правительства и съ сохраненіемъ жалованья по званію директора Московской Адресной Конторы. Онъ скончался весною 1832 года и погребенъ въ Андроньевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ многими его собратіями. На могилѣ его поставленъ чугунный кубъ (символъ свободнаго каменщичества) съ текстомъ: «Подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру сохранилъ» и позолоченный крестъ Мальтійской формы, съ розою въ срединѣ—знакъ рыцарей Розоваго Креста (Розенкрейцеровъ).

Сергѣй Павловичъ Фонъ-Визинъ пользовался во всю жизнь уваженіемъ и довѣріемъ Московскаго дворянства: почти 40 лѣтъ былъ онъ предводителемъ въ Клину и игралъ первостепенную роль на дворянскихъ выборахъ. Умеръ, если не ошибаюсь, въ 1855 году.

Въ Можайскомъ уѣздѣ долго былъ предводителемъ Василій Дмитріевичъ Камынинъ. Онъ былъ старикъ кроткій, благодушный, ласковый ко всѣмъ, но не пользовался репутаціей остроумнаго и дѣловаго человѣка. Двѣ дочери его были за собратіями его по ложѣ: старшая за Г. Н. Коробьинымъ, достигшимъ степени мастера, а младшая—за С. Н. Арсеньевымъ, принятымъ въ ученики въ 1819 г.; дальнѣйшаго произ-

водства его въ спискахъ ложи не видно. Сынъ старика Камынина, Дмитрій Васильевичъ, женатый на С. Д. Раевской, умеръ въ молодости, оставивъ по себѣ дочь, находящуюся теперь въ замужествѣ за Н. С. Камынинымъ-же. Ей принадлежитъ теперь тотъ старинный родовой домъ дѣда ея подъ Новинскимъ, гдѣ мы часто веселились во время моей молодости.

Алексѣй Осиповичъ Поздѣевъ, флота капитанъ-лейтенантъ въ отставкѣ, возведенный въ степень мастера 25 Марта 1818 года, сынъ Осипа Алексѣевича, увлекательно описаннаго въ романѣ «Война и Миръ» подъ именемъ Баздѣева, пользовался особеннымъ уваженіемъ братьевъ. Прослуживъ долго въ морской службѣ, онъ отличался характеромъ прямымъ, правдивымъ и откровеннымъ (во всемъ, что̀ не касалось масонства). Жилъ на самомъ краю города, въ Красномъ Селѣ, въ домѣ, построенномъ еще отцомъ его, по необыкновенному способу: стѣны были сложены изъ двухъ рядовъ кирпича, положеннаго на ребро, при чемъ пространство между рядами было набито пескомъ и толченымъ углемъ. Домъ этотъ отличался необыкновенною теплотою и отсутствіемъ сырости; онъ стоитъ болѣе 100 лѣтъ и принадлежитъ теперь какому-то купцу. А. О. Поздѣевъ былъ большой охотникъ ходить пѣшкомъ; онъ приходилъ къ намъ черезъ всю Москву на Плющиху и однажды «по дорогѣ» (какъ онъ выражался), вздумалъ зайти къ Тверской заставѣ, посмотрѣть на тріумфальныя ворота, которыя тогда строились. Умеръ онъ около 1833 года. Между друзьями и собратіями А. О. Поздѣева, сохранилась картинка, изображающая его въ послѣднія минуты жизни. Отца его я не засталъ въ живыхъ, также какъ и жившаго вмѣстѣ съ нимъ слѣпца Руфа Семеновича Степанова. Всѣ они погребены въ Андроньевѣ. На могилѣ Степанова замѣчательны стихи, написанные А. М. Зиловымъ:

„Онъ жилъ, вседневно умирая,
И умеръ такъ, чтобъ вѣчно жить;
Былъ слѣпъ, но въ горній міръ взирая,
Умѣлъ страдать, молчать, любить“.

Петръ Александровичъ Курбатовъ, статскій совѣтникъ, человѣкъ большаго свѣта, служившій въ молодости по дипломатической части (кажется, секретаремъ посольства въ Лиссабонѣ), былъ женатъ на Е. А. Перовской, и пользовался покровительствомъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго и нѣсколько десятковъ лѣтъ занималъ должность начальника типографіи Московскаго Университета. Состоялъ онъ въ званіи мастера съ 1817 года. Въ типографіи при немъ были напечатаны (конечно безъ цензуры) масонскія пѣ-

сни, которыя пѣлись хоромъ въ собраніяхъ и бесѣдахъ, подъ звуки органовъ, нарочно заказанныхъ. У моего вотчима, которому поручено было изданіе пѣсенъ, былъ также такой органъ, подаренный имъ послѣ Троицкому врачу Высоцкому, по неотступной его просьбѣ.

Алексѣй Васильевичъ Перваго, богатый Елецкій помѣщикъ, присоединенный къ ложѣ, въ званіи ученика, 7 Января 1818 года, а въ спискѣ 1820 года показанный уже мастеромъ, велъ очень своеобразную жизнь: онъ никогда не выѣзжалъ изъ Москвы, занималъ постоянно нумеръ въ какой нибудь гостинницѣ, гдѣ и обѣдалъ въ скоромные дни, а въ постные ходилъ обѣдать въ Русскій трактиръ; вставалъ очень рано; ежедневно въ 10 часу утра отправлялся пѣшкомъ въ гости къ кому нибудь изъ своихъ собратій или знакомыхъ, а вечернее время всегда проводилъ дома, ожидая къ себѣ гостей. Шубы онъ никогда не надѣвалъ, но въ самые трескучіе морозы ходилъ, или лучше сказать, бѣгалъ по улицамъ въ сюртукѣ на ватѣ съ бобровымъ воротникомъ. Въ именины свои 20 Мая онъ угощалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ десертомъ изъ самыхъ рѣдкихъ фруктовъ и отличнымъ ужиномъ. А. В. былъ очень скупъ отъ природы, но дѣлалъ много добра, что стоило ему необыкновенныхъ усилій надъ собою. Одному изъ друзей своихъ онъ сказалъ: «повѣришь ли, мнѣ также трудно оторвать отъ себя десять рублей, какъ и тысячу». Въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою, онъ побѣждалъ свою скупость. Такъ на моихъ глазахъ были воспитаны на его счетъ двое молодыхъ медиковъ: Голофѣевъ и Фицнеръ; нѣсколькихъ молодыхъ дѣвицъ, вовсе ему незнакомыхъ, онъ щедро наградилъ приданымъ, по рекомендаціи своей племянницы.

Иванъ Михайловичъ Фроловъ, дворянинъ, мастеръ съ 1819 года, управлялъ огромными имѣніями Нарышкиныхъ, рѣдко бывалъ въ Москвѣ, а потому я мало зналъ его; съ виду онъ казался человѣкомъ очень приличнымъ и почтеннымъ. Въ старости онъ много вытерпѣлъ горя отъ сына, извѣстнаго всей Москвѣ подъ названіемъ «хромаго Фролова», человѣка остроумнаго, но очень дерзкаго и наглаго.

Изъ числа масоновъ, жившихъ въ провинціи, я ближе всѣхъ зналъ Павла Андреевича Болотова. Сынъ извѣстнаго писателя прошедшаго столѣтія, автора любопытныхъ Записокъ и 40 томовъ Экономическаго Магазина, Андрея Тимофеевича Болотова, П. А. жилъ постоянно въ деревнѣ своей Кромскаго уѣзда, почти рядомъ съ с. Сосковымъ, въ которомъ четвертая часть досталась отцу моему послѣ его матери, и по доброму расположенію къ намъ, завѣдывалъ этимъ небольшимъ нашимъ имѣніемъ. Тамъ былъ я у него однажды и видѣлъ ту электрическую машину, съ разными примѣненіями для леченія больныхъ, которую отецъ

его, скончавшійся почти столѣтнимъ старцемъ, устроилъ своими руками. Объ этомъ старцѣ одинъ изъ потомковъ его выражался такъ:

„Въ дѣтствѣ я помню нашъ садикъ старинный
Дѣдушка самъ разводилъ;
Съ палкой, съ аршиномъ, съ веревкою длинной,
Онъ вокругъ дома ходилъ.
Древенъ ужъ, древенъ онъ былъ, мой голубчикъ,
Старецъ высокой, худой.
Былъ на немъ бѣлый овчинный тулупчикъ,
Самъ онъ, какъ лунь, былъ сѣдой.
Въ ту пору плохо онъ видѣлъ глазами:
Было лѣтъ за сто ему,
Руки тряслись, но своими руками
Все онъ работалъ, всему
Былъ головою и въ домѣ и въ полѣ,
Все хлопоталъ и бродилъ;
Вѣкъ не знавалъ онъ ни скуки, ни боли,
Вѣчно смѣялся, шутилъ.
„Ну, говоритъ онъ мнѣ, маленькій внучекъ,
Дѣду теперь помогай,
Ты не жалѣй своихъ бѣленькихъ ручекъ,
Ямки со мною копай.“

Въ Москву Болотовъ пріѣзжалъ иногда по дѣламъ. Я любилъ и уважалъ этого почтеннаго человѣка, необыкновенно добраго, радушнаго, услужливаго, искренно-благочестиваго и дѣятельнаго, несмотря на старость. Онъ былъ мастеромъ съ 1818 года, а сынъ его генералъ-маіоръ и профессоръ военной академіи, Алексѣй Павловичъ Болотовъ, былъ принятъ ученикомъ въ ту же ложу 17 Января 1821 года. Послѣдніе годы своей жизни, ослабѣвъ отъ старости, Павелъ Андреевичъ уже не выѣзжалъ изъ деревни, и я не видалъ его, а потому не могу припомнить время его кончины.

Еще до переѣзда въ Москву изъ посада, я въ первый разъ увидѣлъ Николая Михайловича Шатрова, слѣпца-стихотворца. Вывезенный ребенкомъ изъ Персіи и воспитанный, если не ошибаюсь, въ домѣ Петра Алексѣевича Татищева, онъ съ молодыхъ лѣтъ отличался необыкновенною живостію ума и способностію очень легко писать стихи и отпускать остроты безъ всякаго приготовленія. Въ свое время онъ очень нравился женщинамъ и съ одною дѣвицею знатной фамиліи прижилъ сына, которому мать передъ смертію завѣщала принадлежавшее ей село Воздвиженское, на Троицкой дорогѣ, въ 12 верстахъ отъ Сергіевской лавры. Мальчику дали фамилію Соломорѣцкаго, приписавъ его къ роду одного бѣднаго дворянина западнаго края, и Шатровъ былъ опекуномъ своего сына. Крестьяне села Воздвиженскаго, по наущенію какого-то негодяя, вышли изъ повиновенія, доказывая, что малолѣтній баринъ ихъ не дво-

рянинъ, а потому они должны будто-бы поступить въ казенное вѣдомство. Дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ, и Шатровъ, не получая никакихъ доходовъ, совершенно обнищалъ и содержался съ старухой женой единственно помощью братьевъ-масоновъ, между которыми онъ былъ мастеромъ съ 1819 года. Я познакомился съ нимъ ближе въ 1830 году; онъ жилъ близко отъ насъ, противъ церкви Знаменія въ Зубовѣ, въ двухъ небольшихъ комнатахъ, на верху своего собственнаго дома, отданнаго имъ въ наймы. Въ свое время онъ считался въ числѣ извѣстныхъ стихотворцевъ; переложеніе псалмовъ, ода на смерть Екатерины II-й и маршъ Донскихъ казаковъ (Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою и пр.) долго считались образцовыми. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, написанномъ въ то время, когда Наполеонъ находился въ Москвѣ, Шатровъ оказался пророкомъ. Онъ выразился такъ:

„Завладѣть столицей—слава!
Но умѣемъ мы отмщать;
Знаетъ твердо то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать.“

И въ глубокой старости, ослѣпшій поэтъ продолжалъ писать стихи. Его «Осень 1830 г.» написана мною подъ его диктовку во время холеры, напечатана особою брошюрою и поднесена митрополиту Филарету, котораго онъ воспѣлъ въ ней такъ:

„Слышу звукъ громо̀въ словесныхъ:
Вдохновенный Филаретъ,
Отъ источниковъ небесныхъ
Черпая ученья свѣтъ,
Какъ духовный воевода,
Духи цѣлаго народа
Успокоивъ, говоритъ:
„Какъ отецъ насъ Богъ караетъ
И тому, кто умираетъ,
Онъ изъ зла добро творитъ.
. . . .
Къ вѣрѣ подвиги приложимъ
И Царю-отцу поможемъ
Насъ отъ смерти сохранить.

Эти стихи понравились владыкѣ тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ въ нихъ защиту отъ доноса, поданнаго противъ него государю, котораго старались увѣрить, что Филаретъ, упоминая въ одной изъ проповѣдей своихъ о покаяніи царя Давида во время моровой язвы, намекаетъ какъ будто бы на то, что грѣхи царей навлекаютъ гнѣвъ небесный на подвластные имъ народы. Принявъ ласково привезеннаго мною старца, Филаретъ сказалъ ему: «Хотя амигдалъ (миндальное дерево)

разцвѣлъ на главѣ вашей, и помрачились смотрящіе въ оконца, по слову Соломона [1]), но стихи ваши кажутся юношескими. Да обновится убо, яко орля, юность ваша». При прощаніи владыка благословилъ слѣпца иконою и подарилъ ему 200 рублей.

Спустя три года, молодой Соломорѣцкій, служившій въ военной службѣ юнкеромъ, произведенъ въ прапорщики и такимъ образомъ утвержденъ въ дворянствѣ. Вскорѣ онъ умеръ, отказавъ имѣніе отцу, который тотчасъ же продалъ его за девяносто тысячъ ассигн. А. И. М—вой. Она заплатила половину суммы, обязавшись отдать вторую половину черезъ годъ. Получивъ деньги и увѣренный, что получитъ остальныя въ назначенный срокъ, Шатровъ поспѣшилъ уплатить всѣ свои долги, щедрою рукою сталъ помогать бѣднымъ, завелъ прислугу, карету, лошадей, отдѣлалъ домъ свой и сталъ жить какъ живутъ достаточные люди. Между тѣмъ срокъ наступилъ, наличныхъ денегъ оставалось очень мало, а покупщица Воздвиженскаго, вмѣсто уплаты остальной суммы, начала тяжбу, которая окончилась въ пользу ея уже по смерти Шатрова; бѣдный же слѣпецъ умеръ въ нуждѣ и похороненъ на счетъ друзей своихъ.

Теперь сообщу съ полною откровенностію тѣ немногія свѣдѣнія объ ученіи масоновъ, какія удалось мнѣ узнать или замѣтить.

I. Масоны считаютъ свои учрежденія весьма древними и доводятъ ихъ до временъ Соломона. Всѣ таинственные предметы: лопатки, молотки, передники, ковры съ изображеніями и т. п., устроены въ память храма, сооруженнаго Соломономъ. Сюда же относится и самое названіе «свободныхъ каменьщиковъ». Въ христіанской церкви основателемъ масонства, по мнѣнію ихъ, былъ будто бы Іоаннъ Креститель.

II. Чтобы сдѣлаться масономъ, необходимы три условія: 1) Вѣра въ единаго Бога. Такимъ образомъ не только христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, но и Евреямъ, магометанамъ, деистамъ и т. п. дозволяется присоединеніе къ ложамъ. Я слышалъ, что въ Херсонѣ существовала ложа, состоявшая исключительно изъ Евреевъ-Караимовъ. Она находилась въ связи съ прочими ложами въ Россіи. 2) Отъ масона или «истиннаго свободнаго каменьщика» требуются непрестанные подвиги для самоусовершенія; 3) поступающій въ братство обязанъ быть сострадательнымъ и милосердымъ ко всѣмъ бѣднымъ, особенно къ нуждающимся братьямъ. Онъ долженъ отдѣлять на дѣла милосердія не менѣе 10-й части своего дохода.

---

[1]) Эти слова взяты изъ прекраснаго аллегорическаго описанія старости (Екклес. гл. XII). Тамъ подъ названіемъ цвѣтущаго амигдала разумѣется покрытая сѣдиною голова, а смотрящіе въ окошко — глаза.

III. По первому пункту масонскихъ обязанностей, т.-е. относительно догматовъ вѣры, нужно замѣтить, что братья нисколько не стѣснялись исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ и даже самыми догматами того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежали. Нѣкоторые изъ нихъ любили ходить въ церковь, соблюдали установленные посты, чтили память святыхъ и благоговѣйно лобызали св. иконы; другіе, напротивъ, хотя и православные по крещенію, ограничивались поклоненіемъ одному Господу Іисусу Христу, не обращая вниманія на все прочее. Въ доказательство могу привести примѣръ. Когда я напечаталъ книжку о чудотворной Иверской иконѣ Богородицы, многіе изъ этихъ господъ говорили мнѣ: «Къ чему этотъ напрасный трудъ? Чтò за чудотворныя иконы?» Но если иные изъ братьевъ-каменьщиковъ оставались равнодушными къ святынямъ православной церкви, за то всѣ они вѣрили въ существованіе безплотныхъ духовъ и притомъ весьма различныхъ, не только добрыхъ и злыхъ, на основаніи Св. Писанія, но и какихъ-то среднихъ, приставленныхъ къ водамъ, лѣсамъ, домамъ (по простонароднымъ названіямъ: водяныхъ, лѣшихъ, домовыхъ и проч.) Сношенія отшедшихъ душъ съ живыми людьми были однимъ изъ любимыхъ предметовъ ихъ бесѣдъ. Книги, изданныя на счетъ масонскаго братства, по распоряженію Н. А. Головина, какъ-то: «Любопытныя приключенія и сны» и «Смѣсь полезнаго съ любопытнымъ и пріятнымъ», въ двухъ томахъ, наполнены разсказами о духахъ и видѣніяхъ. Нужно замѣтить, что предисловія этихъ книгъ подписаны буквами П. И. К. Нѣкоторые думали, что эти буквы составляютъ подпись Петра Ив. Красильникова, которому, какъ корректору университетской типографіи, поручено было изданіе; но они ошибались: эти заглавныя буквы значатъ: «Почитатели Истиннаго Каменьщичества». Еще была у нихъ одна толстая рукопись, подъ заглавіемъ: «Пневматологія», заключающая въ себѣ множество разсказовъ о явленіи разныхъ духовъ. Мнѣ случилось однажды прочесть въ ней нѣсколько страницъ въ кабинетѣ моего вотчима, но онъ тотчасъ же поспѣшилъ взять и запереть рукопись.

IV. Ко второму пункту масонскаго ученія относится нравственная обязанность каждаго лица, принадлежавшаго къ братству, заботиться о своемъ самоусовершенствованіи и, прежде всего, бороться съ своими «темпераментальными» недостатками. Дѣйствительно, многіе изъ знакомыхъ мнѣ масоновъ дѣятельно подвизались въ исправленіи своихъ порочныхъ наклонностей и, при нравственномъ вліяніи старшихъ своихъ собратій, оказывали успѣхи въ трудѣ своемъ. Такъ Н. А. Головинъ отъучилъ было себя отъ насмѣшливости, въ которую, впрочемъ, впалъ снова передъ смертью, «по недостатку тѣлесныхъ силъ для борьбы съ темпераментомъ», какъ говорили его почитатели; такъ С. П.

Фонъ-Визинъ, по выраженію Шатрова, «уцѣломудрился»; Первàго одолѣвалъ свою скупость; Красильниковъ, пившій прежде запоемъ, достигъ, въ послѣдніе годы своей жизни, до полной трезвости. Руководствомъ для наблюденія за собою служила имъ книга І. Месона «О самопознаніи», нѣсколько разъ напечатанная въ Россіи. Одно изъ изданій ея, было сдѣлано трудами Н. А. Головина, со множествомъ выписокъ изъ древнихъ и новыхъ писателей на разныхъ языкахъ. Въ послѣдній разъ трактатъ Месона былъ переведенъ и изданъ С. А. Масловымъ, безъ всякихъ выписокъ, небольшою книжкою.

V. Благотворительность масоновъ заслуживала не только похвалы, но и удивленія. Можно было бы указать много примѣровъ поразительной щедрости. Особенно замѣчательна была взаимная помощь ихъ другъ другу: братство не только выдавало ежемѣсячныя пособія обѣднѣвшимъ своимъ сочленамъ, не только заботилось о доставленіи имъ и сыновьямъ ихъ выгодныхъ мѣстъ, но иногда и устраивало браки ихъ, въ тѣхъ же видахъ. Такъ удалось имъ сосватать младшую дочь В. Д. Камынина за С. Н. Арсеньева; вдову своего собрата купца Шевелкина за А. И. Маслова, между тѣмъ какъ она имѣла въ тоже время другаго, лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ жениха, заслуженнаго генерала; такъ устроили они и бракъ моей матери съ П. И. Красильниковымъ. Но вотъ самый поразительный опытъ дѣятельности масоновъ въ этомъ родѣ. Въ числѣ ихъ находился нѣкто О—въ, человѣкъ, отличавшійся единственно атлетическимъ тѣлосложеніемъ и ненасытнымъ любостяжаніемъ. Ему удалось (не знаю, съ помощію ли собратій или нѣтъ) жениться на богатой, пожилой барынѣ, вдовѣ гофмейстера; она чрезъ нѣсколько лѣтъ умерла, и О—въ завладѣлъ всѣмъ, чтò послѣ нея осталось, такъ что дочь ея отъ перваго брака не получила ничего. Но этого было для него мало; онъ просилъ содѣйствія старшихъ братьевъ для сближенія его съ старой барышней М. Ѳ. Я—вой, на которой будто бы хотѣлъ жениться; они поручили это дѣло П. Г. Шицу (объ немъ будетъ рѣчь послѣ), и Шицъ познакомилъ О—ва съ Я—вой. Неожиданно для почтенныхъ покровителей, дѣло приняло совершенно иное направленіе: О—въ сблизился съ старой дѣвицей, издавна одержимой желаніемъ найти себѣ мужа, но не женился на ней, а ограбилъ ее до чиста и бросилъ. Шицъ за это съ нимъ поссорился, но начальники братства поспѣшили помирить ихъ. Впрочемъ выгодные расчеты О—ва не пошли ему въ прокъ: онъ умеръ въ крайней бѣдности.

Въ масонскихъ ложахъ заведено было, какъ всѣмъ извѣстно и подробно описано въ романѣ Писемскаго «Масоны», множество разныхъ обрядовъ; особенною торжественностію отличался обрядъ присоединенія новыхъ лицъ. Послѣ закрытія ложъ, всѣ обряды изчезли, но собранія

братьевъ продолжались въ видѣ бесѣдъ довольно часто, особенно по средамъ, въ домѣ Н. А. Курбатова, и принятіе новопоступающихъ продолжалось тайно. Нужно думать, что нѣкоторые изъ братьевъ, несомнѣнно принадлежавшихъ къ ложѣ «Ищущихъ Манны», какъ наприм. Зиловъ и вотчимъ мой Красильниковъ, были приняты уже послѣ указа 1822 года, потому что имена ихъ не значатся въ спискахъ ложи, сохраняющихся въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Часто занималъ меня вопросъ: зачѣмъ какой-то таинственный, своеобразный путь къ исправленію нравственнаго характера и къ преуспѣянію въ добродѣтеляхъ, когда есть у насъ открытый, прямой путь въ Божественномъ откровеніи и ученіи св. Церкви? Зачѣмъ руководствоваться какими-то иновѣрными книгами, часто несогласными съ догматами православной церкви, а иногда даже богохульными (какъ напр. «Таинство Креста» и нѣкоторыя статьи «Сіонскаго Вѣстника»), когда для насъ всегда готовы душеполезныя творенія Отцевъ Церкви? Зачѣмъ «пить изъ сокрытыхъ и, можетъ быть, нечистыхъ кладезей, когда есть у насъ источникъ воды живой, дарованной намъ самимъ Богомъ?» Такъ выразился о масонахъ митрополитъ Филаретъ, самъ наклонный къ мистицизму въ началѣ своего поприща. «Зачѣмъ, по словамъ одного изъ умнѣйшихъ писателей нашего времени, заходить къ Богу съ задняго крыльца, когда переднее открыто?» На эти вопросы я самъ себѣ не умѣлъ отвѣчать и не могъ получить разъясненія отъ тѣхъ, къ которымъ обращался за совѣтомъ.

Самая таинственность масонскаго ученія заставляетъ сомнѣваться въ чистотѣ его. Историкъ ордена Іезуитовъ Кретино-Жоли совершенно правъ, когда говоритъ: «гдѣ нѣтъ ничего зазорнаго, тамъ неумѣстна таинственность». (Histoire de la Compagnie de Iésus, t. 1, chap. 1.)

Возвращаюсь къ моимъ занятіямъ въ 1831 году.

Проведя лѣто и часть осени на дачѣ, мы не ѣздили въ Каменки, и я лишенъ былъ удовольствія видѣться въ посадѣ съ моими друзьями.

По возвращеніи съ дачи въ Московскій нашъ домъ, близъ Плющихи, я снова принялся за университетскія занятія. Они были на второмъ году курса почти тѣже, что̀ и на первомъ, и при томъ съ тѣми же профессорами. Разница состояла только въ томъ, что Котельницкій вмѣсто фармаціи читалъ фармакологію по книжкѣ того-же самаго Пленка, но показывалъ намъ разные медикаменты изъ университетской аптеки, приговаривая: «medicamentum est, quod morbum in corpore tollit, venenum autem, quod destruit vitam» (лекарство изгоняетъ болѣзнь изъ тѣла, а ядъ разрушаетъ жизнь). При этомъ престарѣлый профессоръ прибавлялъ: «а бываетъ иногда и наоборотъ; и отъ лекарства подчасъ человѣкъ умереть можетъ; такъ нужно прописывать

рецепты поосторожнѣе». Нѣкоторые изъ студентовъ, переписывая плохую, но очень рѣдкую книжку Пленка, и мало понимая Латинскій языкъ, на которомъ она писана, вмѣсто слова: venenum писали venereum и такъ произносили на репетиціяхъ; впрочемъ почтенный профессоръ не обращалъ на это вниманія. Часто заключалъ онъ лекцію до звонка такими словами: «а мнѣ пора къ Надеждѣ Андреевнѣ (женѣ); она у меня нездорова».

Преподаваніе анатоміи продолжалось своимъ порядкомъ: старикъ Лодеръ читалъ ученіе о нервахъ (невральгію). На одной изъ его лекцій былъ такой забавный случай. Знаменитый анатомикъ вздумалъ спросить слушателя Т—ва (родомъ изъ мѣщанъ, очень мало понимавшаго Латинскій языкъ): «ubi est nervus opticus?» (гдѣ находится зрительный нервъ?) Т—въ стоялъ молча, выпуча глаза. «Sed ubi est, dicas mihi, in capite, vel in pede?» (скажи мнѣ, гдѣ-же онъ: въ головѣ или въ ногѣ?) Т—въ подумалъ и отвѣчалъ: «in pede» (въ ногѣ). Услышавъ такой отвѣтъ, Лодеръ вскочилъ въ страшномъ раздраженіи и принялся кланяться Т—ву, крича: «Supplex rogo, ut nemini dicas, te apud Loderum unquam anatomiam dedicisse!» (умоляю тебя, никому не сказывай, что ты у Лодера учился анатоміи). А Т—въ съ своей стороны отвѣшивалъ глубокіе поклоны, думая, что Лодеръ его хвалитъ. Между тѣмъ мы всѣ катались со смѣху. Впрочемъ Т—въ былъ очень добрый малый, хорошій товарищъ и, какъ слышно было, по окончаніи курса, удачно лечилъ въ томъ городѣ, гдѣ былъ уѣзднымъ лекаремъ. Я не означилъ здѣсь вполнѣ его фамилію чтобы не огорчить его сына, очень искуснаго военнаго врача. И долго послѣ того старикъ отзывался о Т—вѣ: «omnium, qui vixerunt, nunc vivunt et nascendi sunt. hominum longe stupidissimus». (Изъ всѣхъ людей, которые прежде жили, теперь живутъ и впредь народятся, онъ самый глупѣйшій).

По поводу Т—ва, я припоминаю о другихъ товарищахъ моихъ по университету. На первомъ году я весьма мало съ ними сближался; но на второмъ, когда начались наши практическія занятія въ анатомическомъ театрѣ, я познакомился короче съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Александръ Павловичъ Ивановъ, очень даровитый, живой и бойкій юноша, моложе меня двумя годами, былъ сынъ чиновника, служившаго при генералъ-губернаторѣ. Отецъ его промоталъ казенныя деньги и лишилъ себя жизни; семья его, состоявшая изъ жены, сестры и двухъ мальчиковъ сыновей (изъ нихъ старшему, А. П. было 14 лѣтъ) осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Хотя добродушный князь Д. В. Голицынъ оставилъ въ пользу сиротъ всю движимость покойника и на первое время давалъ имъ отъ себя небольшое пособіе, но всего этого было мало. Съ 15-лѣтняго возраста А. П., не упуская ученія въ гим-

назіи, сталъ помогать своей семьѣ уроками. Вообще Ивановы жили хотя бѣдно, но очень пристойно. А. П. по веселому и доброму нраву былъ весьма любимъ товарищами, не возбуждая въ нихъ зависти, хотя былъ постоянно по всѣмъ предметамъ ученія первымъ между нами. Часто приходилъ онъ ко мнѣ по вечерамъ; я училъ его Французскому языку и ботаникѣ, а онъ меня своимъ любимымъ предметамъ—физикѣ и химіи. Первую онъ изучилъ еще въ гимназіи, а химіей занимался постоянно и усердно, посѣщая лекціи и опыты профессора Геймана на математическомъ факультетѣ.

Напротивъ Никитскаго монастыря, на самомъ углѣ университетскаго переулка, жили товарищи мои, два брата Фелицыныхъ—Рафаилъ и Полидоръ, воспитанники богатаго откупщика Вырубова, который впрочемъ очень мало давалъ имъ на содержаніе. Вмѣстѣ съ другими я заходилъ иногда къ нимъ въ часы, свободные между лекціями. Рафаилъ Фелицынъ былъ очень красивъ и умѣлъ нравиться такъ называемому прекрасному полу. При посѣщеніи Фелицыныхъ я узналъ, что хозяйка, у которой они нанимали комнату, была Дарья, вольноотпущенная горничная моей матери, та самая, о которой я упомянулъ въ началѣ этихъ воспоминаній.

Другое пристанище находили мы у двухъ нашихъ товарищей Литвинкина и Кундасова, жившихъ рядомъ съ Никитскимъ монастыремъ, по Кисловскому переулку, въ маленькомъ домикѣ, который давно уже не существуетъ, а тогда принадлежалъ матери Литвинкина. По окончаніи курса, я потерялъ ихъ изъ виду, но слышалъ, что Кундасовъ, жившій постоянно въ Серпуховѣ, прославился какъ отличный врачъ и недавно умеръ, оставивъ большое наслѣдство дѣтямъ.

Нужно сказать нѣсколько словъ объ анатомическихъ занятіяхъ, подъ внимательнымъ руководствомъ профессора Эйнбродта и прозектора Гумбурга. Этотъ послѣдній, мастеръ своего дѣла, перешелъ къ намъ изъ Харьковскаго университета и былъ любимцемъ Лодера. Каждый изъ насъ долженъ былъ сдѣлать въ теченіи зимы нѣсколько анатомическихъ препаратовъ, отдѣлать тщательно мускулы, кровеносныя жилы, связки и нервы; каждому предоставлялось право взять себѣ сдѣланный имъ препаратъ, но никто этимъ правомъ не пользовался, кромѣ Иванова, который работалъ лучше насъ всѣхъ и приготовлялъ такъ называемые сухіе (подъ лакомъ) и спиртовые препараты не хуже самаго прозектора. Пользуясь расположеніемъ Гумбурга, онъ сбывалъ свои работы въ анатомическій кабинетъ; въ теченіе этой зимы онъ за нихъ получилъ около 200 рублей ассигнаціями. Кстати о Гумбургѣ, разскажу одинъ случай, насмѣшившій насъ въ эту зиму. Проживъ долго въ Малороссіи, нашъ прозекторъ полюбилъ ѣсть свиное сало и по

временамъ получалъ эту лакомую пищу отъ своихъ пріятелей изъ Харькова. По долгой привычкѣ къ трупамъ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго къ нимъ отвращенія, и часто клалъ сало и хлѣбъ на окно въ той самой комнатѣ, гдѣ занимался, а студентъ изъ Малороссіянъ, Гриценко, похищалъ и съѣдалъ приготовленный завтракъ. Однажды привезли изъ полиціи очень жирный трупъ какого-то утопленника; Гумбургъ принялся препарировать его и (какъ послѣ оказалось) вырѣзалъ изъ него незамѣтно большой кусокъ жира, который унесъ къ себѣ и надлежащимъ образомъ посолилъ. Мы слышали только, что онъ ворчалъ про себя: «вотъ я буду приготовить угощеніе для того мошенника, который ѣстъ мое сало». На другой день снова появился на окошкѣ кусокъ хлѣба съ лакомымъ ломтикомъ сала и снова сдѣлался добычею Гриценка; а Гумбургъ, увидѣвъ, что пища съ окошка исчезла, воскликнулъ съ торжествомъ: «А кто это такой жретъ человѣчій жиръ? Это я изъ того утопленника нарочно вырѣзывалъ». Внезапный припадокъ тошноты обнаружилъ виновника, и съ того времени завтраки Гумбурга оставались неприкосновенными, а Гриценко получилъ отъ товарищей прозваніе людоѣда.

Такъ проходила зима 1831—32 г. Большую часть времени я долженъ былъ употреблять на учебныя занятія и почти никогда не бывалъ въ свѣтскомъ обществѣ; иногда просиживалъ я вечера у старика слѣпца Шатрова, гдѣ встрѣчалъ М. Н. Загоскина, незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтшаго большую извѣстность своимъ первымъ историческимъ романомъ «Юрій Милославскій», и нѣсколько другихъ литераторовъ. Только однажды былъ я на танцовальномъ вечерѣ у дяди графа Петра Степановича, при чемъ очень жалѣлъ, что не умѣю танцовать. Въ туже зиму сестра моя и я начали учиться этому искусству вмѣстѣ съ тремя дочерьми Екатерины Богдановны Масловой отъ перваго ея брака. Масловы жили тогда за Москвой-рѣкой, гдѣ-то около Болота.

Впрочемъ танцы, не смотря на мое прилежаніе, давались мнѣ очень плохо: я навсегда остался самымъ неловкимъ танцоромъ.

Въ концѣ Мая 1831 года, выдержавъ такъ называемый кандидатскій экзаменъ, а перешелъ на третій, вполнѣ уже медицинскій курсъ. На этомъ экзаменѣ впервыя увидѣли мы новаго помощника попечителя, Дмитрія Павловича Голохвастова. Мнѣнія объ немъ, какъ при жизни его, такъ и по смерти были весьма разнообразны, но я, узнавъ его короче по окончаніи курса, могу удостовѣрить, что онъ былъ человѣкъ вполнѣ благоразумный, честный, благонамѣренный и разсудительный; но, къ несчастію, онъ поставилъ себѣ за правило, во всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ, являться сухимъ, форменнымъ, какъ будто накрах-

маленнымъ чиновникомъ, что отталкивало отъ него многихъ. Въ частной жизни и въ обществѣ онъ былъ вовсе не таковъ.

На вакаціонное время мы отправились въ Каменки и на пути остановились на сутки въ Сергіевскомъ посадѣ. По счастливой случайности, въ тотъ самый день былъ публичный экзаменъ въ Духовной Академіи. Я поспѣшилъ нарядиться въ новенькій мундиръ со шпагою и треуголкою и радостно побѣжалъ къ отцу ректору Поликарпу. Тамъ нашелъ я всѣхъ своихъ знакомыхъ и бывшихъ товарищей по слушанію академическихъ лекцій; съ Ѳ. А. Голубинскимъ я успѣлъ повидаться еще наканунѣ вечеромъ. При встрѣчѣ митрополита, когда я послѣ всѣхъ подошелъ принять благословеніе, онъ сказалъ мнѣ: «Вотъ какъ вы нарядились для нашего экзамена, я еще не видалъ на васъ этой формы». Въ предъидущую зиму я раза два былъ у владыки, но тсегда во фракѣ; въ одно изъ этихъ посѣщеній я, по порученію матушки, упросилъ его принять въ Московскую эпархію, изъ Владимірской, окончившаго курсъ въ Виѳанской семинаріи студента Петра Минервина, сына нашего сельскаго священника. Это было довольно трудно, потому что Филаретъ почти никогда не соглашался на пріемъ въ свою эпархію изъ другихъ, отзываясь, что своихъ семинаристовъ слишкомъ достаточно.

На экзаменѣ я съ удовольствіемъ слушалъ отвѣты моихъ пріятелей А. В. Горскаго и А. А. Аѳинова, оканчивавшихъ курсъ. Послѣ экзамена, митрополитъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ, за которымъ присутствовали всѣ наставники академіи и Виѳанской семинаріи. Я занялъ мѣсто подлѣ знакомыхъ мнѣ молодыхъ баккалавровъ. Владыка замѣтилъ это и сказалъ мнѣ. «Зачѣмъ вы сѣли такъ далеко? Впрочемъ юноши любятъ общество юношей, а старцы—старцевъ. Similis simili gaudet» (Подобный подобнаго ищетъ)» Этотъ день былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Въ стѣнахъ Лавры я ощущалъ тогда такую же радость, какую чувствуетъ изгнанникъ при возвращеніи на милую родину. Всегда послѣ, даже и теперь, на старости лѣтъ, я счастливъ и доволенъ, когда могу находиться въ академическомъ обществѣ.

Сколько разъ, сидя подъ тѣнью высокихъ и густыхъ тополей, насаженныхъ въ академическомъ саду моими пріятелями, студентами VII курса (при чемъ и я усердно работалъ) и смотря съ умиленіемъ на старинный корпусъ Академіи, я повторялъ про себя слова Давида: «Да будетъ миръ окрестъ стѣнъ твоихъ, благоденствіе въ чертогахъ твоихъ! Ради братій моихъ и друзей моихъ говорю я: миръ тебѣ! Ради дома Господа, Бога нашего, желаю блага тебѣ!» (Псал. CXXI, 7—9).

Еще прежде отъѣзда въ деревню, у насъ произошло переселеніе изъ одного дома въ другой. Матушка продала съ хорошею прибылью домъ, въ которомъ мы жили. Деньги, вырученныя этой продажей и еще 26 тысячъ ассигн., полученныя отъ залога Ярославскаго имѣнія, она подарила своему мужу, а онъ купилъ на свое имя болѣе просторный домъ, въ Успенскомъ переулкѣ, сзади сада Екатерининской больницы.

Въ Каменкахъ мы также нашли новый домъ, очень помѣстительный и прекрасно расположенный: высокія комнаты, большія окна, на сѣверной сторонѣ балконъ съ очаровательнымъ видомъ на с. Опарино, на извилистое теченіе рѣки Вели и на множество деревень, верстъ на 20 въ одну сторону. Домъ былъ построенъ изъ отборныхъ, толстыхъ бревенъ, ничѣмъ не обитыхъ ни внутри, ни снаружи. Стѣны его пахли смолой, выступавшей янтарнымъ потомъ.

Мы могли уже молиться въ новой, до половины готовой церкви, а именно въ такъ называемой трапезѣ, которая должна была заключать въ себѣ два придѣла; одинъ изъ нихъ, въ честь Покрова Богородицы, былъ уже освященъ, а другой придѣлъ Усѣкновенія Главы Предтечи, въ память пожара, истребившаго прежній деревянный храмъ въ день этого праздника, готовился къ освященію. Между тѣмъ главная церковь, въ честь явленія Казанской Богородичной иконы, еще только строилась. Вообще постройка церкви въ селѣ Каменкахъ казалась для всѣхъ необъяснимою загадкою. Когда деревянный храмъ сгорѣлъ, церковная сумма составляла только 500 рублей ассигнаціями. Спустя мѣсяцъ послѣ пожара, иностранка Христина Антоновна Янковичъ, бывшая няня сестры моей, пріѣхала къ намъ въ гости и умерла у насъ въ Сергіевскомъ посадѣ, въ Сентябрѣ 1829 года, отказавъ все что имѣла въ пользу погорѣвшей Каменской церкви, въ которой она нѣкогда была мѵропомазана. Наличныхъ ея денегъ оказалось около 500 рубл., но еще былъ вексель въ 5.000 рубл. отъ Орловскаго помѣщика И. М. Казакова. Мать моя извѣстила его письмомъ о послѣдней волѣ умершей старухи, и онъ немедленно прислалъ деньги съ процентами. Вотъ всѣ суммы, на которыя построенъ трехпрестольный каменный храмъ, при неусыпной дѣятельности почтеннаго священника А. И. Минервина.

Лѣто 1832 года провели мы очень пріятно въ деревнѣ. У насъ гостилъ старикъ Шатровъ, утѣшавшій всѣхъ своею неистощимою веселостью, острыми шутками и бойкими отвѣтами въ стихахъ, и докторъ Иванъ Семеновичъ Веселовскій. Оба они поѣхали отъ насъ къ своему другу А. М. Зилову, куда вслѣдъ за ними отправился П. И. Красильниковъ вмѣстѣ со мною.

Деревня Кушки, Дмитровскаго уѣзда, въ которой А. М. Зиловъ, тогда вдовецъ послѣ перваго брака, проводилъ лѣтнее время, при-

надлежала роднымъ братьямъ его Николаю и Дмитрію Зиловымъ. Первый изъ нихъ, человѣкъ очень скромный, усердно заботился о небольшомъ своемъ хозяйствѣ; о второмъ не знаю что сказать, кромѣ того, что онъ поступилъ въ университетъ въ одинъ годъ со мною, но въ довольно зрѣломъ возрастѣ, а спустя два года долженъ былъ оставить университетъ, потому что вовсе не былъ приготовленъ къ слушанію лекцій.

Зиловъ познакомилъ насъ со своими сосѣдями въ томъ же уѣздѣ: съ П. П. Савеловымъ, помѣщикомъ села Новаго, двумя братьями Гарднеръ, владѣльцами фарфороваго и фаянсоваго завода и семействомъ Корсаковыхъ, жившихъ въ д. Тарусовѣ, въ трехъ верстахъ отъ Новаго села.

Семенъ Николаевичъ Корса́ковъ былъ человѣкъ очень замѣчательный и достойный всякаго уваженія. Родной племянникъ по матери знаменитаго графа Н. С. Мордвинова, онъ въ молодости служилъ въ военной службѣ, отличался храбростью въ отечественную войну и былъ украшенъ орденами за военные подвиги. Позднѣе, женившись на Софьѣ Николаевнѣ Мордвиновой, онъ поселился въ деревнѣ, но продолжалъ состоять на службѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и составлялъ статистическія статьи, которыя были напечатаны въ Матеріалахъ для статистики Росс. Имперіи. При обширныхъ познаніяхъ въ чистой и прикладной математикѣ, онъ постоянно занимался разными опытами и изобрѣтеніями по части электричества, гальвонопластики, фотографіи и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ Корса́ковъ особенно пристрастился къ гомеопатіи, тогда еще совершенно новой и мало извѣстной въ Россіи, лѣчилъ приходящихъ къ нему больныхъ (числомъ до 11-ти тысячъ) и часто съ большимъ успѣхомъ. Не зная еще ни патологіи, ни тератіи, я также принялся лечить больныхъ гомеопатическими каплями и крупинками, но въ послѣдствіи убѣдился, что система Ганемана есть не что иное, какъ давно извѣстный врачамъ выжидательный способъ (methodus expectativa), при которомъ строгая діета и правильный образъ жизни замѣняютъ собою употребленіе лекарствъ въ хроническихъ болѣзняхъ.

Семейство Корса́кова состояло изъ многихъ сыновей и дочерей. Всѣ они въ то время были еще малолѣтними; впослѣдствіи двое старшихъ дослужились въ гвардіи до чина полковника и въ эпоху эмансипаціи крестьянъ оба они, одинъ за другимъ, были отличными мировыми посредниками Дмитровскаго уѣзда; третій Михаилъ, генералъ-адъютантъ, былъ генералъ-губернаторомъ восточной Сибири, а четвертый Александръ (тогда еще прелестный ребенокъ лѣтъ 5) флигель-адъютантомъ. Вмѣстѣ съ Корса́ковымъ жила мать его, необыкновенно-умная и

твердая характеромъ женщина, Анна Семеновна, дочь адмирала С. И. Мордвинова, начавшаго службу еще при Петрѣ I. Она оставалась въ деревнѣ въ 20 верстахъ отъ Можайска, въ то время, когда на поляхъ Бородинскихъ кипѣла страшная битва. Когда громъ пушекъ утихъ, и она узнала, что непріятельская армія двинулась къ Москвѣ, Анна Семеновна имѣла мужество отправиться на поле сраженія, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли сыновей ея въ числѣ убитыхъ или тяжело раненыхъ. Дѣйствительно, она нашла трупы двухъ сыновей, перевезла ихъ къ себѣ въ деревню и похоронила подлѣ сельской своей церкви. Изъ трехъ братьевъ уцѣлѣлъ только одинъ, С. Н., бывшій тогда адъютантомъ при генералѣ, котораго фамилію я позабылъ. Когда я узналъ Анну Семеновну, ей было уже за 70 лѣтъ; но она еще много читала и любила заниматься ботаникой, которую знала основательно, такъ что умѣла опредѣлять названія растеній по признакамъ.

Когда университетскія лекціи возобновились послѣ вакаціи, я сталъ слушать на третьемъ курсѣ совершенно новыхъ для меня профессоровъ. Нужно сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковскій, ученый и практическій врачъ, превосходно читалъ терапію, распредѣляя болѣзни по своей собственной системѣ. Студенты слушали его съ жадностью и внимательно записывали лекціи, тѣмъ болѣе, что онъ первый разъ еще появился на каѳедрѣ терапіи послѣ умершаго профессора М. Я. Мудрова, котораго мнѣ не привелось слушать. Въ этотъ учебный годъ, Дядьковскій успѣлъ прочесть намъ болѣзни лихорадочныя: страданіе мокротныхъ оболочекъ, лихорадки, воспаленія и лихорадочныя сыпи (exanthemata). Клиническихъ занятій для насъ еще не было.

Преподаваніе общей и частной патологіи, послѣ чтенія Дядьковскаго, казалось намъ очень безцвѣтнымъ, хотя адъюнктъ Кузьма Васильевичъ Лебедевъ очень внимательно приготовлялъ свои лекціи.

Чтенія другаго Лебедева (Никифора Дмитріевича) изъ исторіи медицины, представлявшія собою какой-то сбродъ отрывочныхъ, безтолковыхъ разсказовъ, почти вовсе не были посѣщаемы студентами.

Хирургію, впрочемъ еще не оперативную, преподавалъ намъ профессоръ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, руководствуясь своими собственными, краткими, но весьма дѣльными записками. Онъ дѣлалъ много операцій, показывая и объясняя ихъ студентамъ 4 курса: но и мы часто ходили смотрѣть на эти операціи, хотя для студентовъ 3-го курса это не было обязательно.

Профессоръ акушерства Михаилъ Вилимовичъ Рихтеръ читалъ, или лучше сказать произносилъ свои лекціи на отличномъ Латинскомъ языкѣ. Онъ рекомендовалъ намъ для руководства небольшую Француз-

скую книжечку (Manuel des accouchements par le d-r Dugés) съ рисунками. Акушерскія операціи онъ показывалъ на фантомѣ. Иногда онъ разсказывалъ примѣры удачныхъ и неудачныхъ операцій. Такъ однажды на лекціи онъ разсказалъ намъ, что отецъ его, Вилимъ Вилимовичъ Рихтеръ, знаменитый въ свое время акушеръ, лично извѣстный императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ по многолѣтней службѣ въ должности директора Московскаго родильнаго института, былъ приглашенъ для наблюденія за первою беременностью великой княгини Александры Θеодоровны. Это было въ концѣ 1817 года, во время пребыванія двора въ Москвѣ. В. В. посовѣтывалъ пустить кровь Великой Княгинѣ, но она отозвалась, что никому кромѣ его самаго не дозволитъ сдѣлать эту неважную операцію. Старикъ-акушеръ, очень давно уже отвыкшій отъ употребленія ланцета, поспѣшилъ снова учиться, пустилъ кровь (не знаю удачно-ли) многимъ беременнымъ женщинамъ въ родильномъ институтѣ и затѣмъ уже, набивъ руку, рѣшился пустить кровь Ея Высочеству. Когда настало время родовъ, онъ принужденъ былъ употребить щипцы и послѣ разсказывалъ сыну, что много разъ въ своей практикѣ извлекалъ младенцевъ этимъ инструментомъ, всегда спокойно и смѣло, но въ Николаевскомъ дворцѣ почувствовалъ дрожь въ рукахъ. Впрочемъ благодаря Богу, хранящему Россію, роды совершились благополучно и 17 Апрѣля 1818 г. пушечные выстрѣлы возвѣстили Москвѣ рожденіе Августѣйшаго Младенца. Престарѣлый акушеръ былъ награжденъ отъ императора Александра I званіемъ лейбъ-медика высочайшаго двора и арендою, отъ Императрицы Маріи Θеодоровны табакеркою съ ея портретомъ, осыпанною бриліантами, а отъ короля Прусскаго, роднаго дѣда новорожденному, лентою Краснаго Орла.

Въ другой разъ М. В., говоря о разныхъ положеніяхъ младенца въ утробѣ матери, разсказалъ намъ слѣдующее: «Dicunt etiam, infantem in utero materno, pedibus divaricatis, manibusque remotis, stare et quidem saltare, quod mirum et ridiculum videtur» (сказываютъ, что младенецъ во чревѣ матери, растопыривъ руки и ноги, можетъ стоять и даже плясать; это очень странно и смѣшно).

Въ этомъ учебномъ году даже преподаваніе Е. Я. Мухина измѣнилось для насъ къ лучшему. Въ лекціяхъ изъ судебной медицины и медицинской полиціи онъ передавалъ намъ много интересныхъ случаевъ изъ своей многолѣтней практики. Впрочемъ, выходки противъ Нѣмцевъ повторялись періодически при репетиціяхъ. Помню одинъ забавный случай. Однажды Мухинъ, пришедши на лекцію, объявилъ, что намѣренъ дѣлать репетицію. Вдругъ всѣ студенты встали и начали поздравлять

его съ глубокими поклонами. «Что̀ такое? спросилъ удивленный старикъ. «Мы узнали, что вашему превосходительству пожалована Станиславская лента; она получена въ Правленіи».—«Не знаю, ничего не слыхалъ, сейчасъ пойду справлюсь». Мухинъ отправился въ Правленіе, а мы поспѣшили разойтись по домамъ.

Профессоръ Александръ Егоровичъ Эвеніусъ читалъ науку о глазныхъ болѣзняхъ (офталміатрію) и показывалъ образцы накладыванія различныхъ хирургическихъ повязокъ. Это послѣднее дѣло шло успѣшно; но изученіе глазныхъ болѣзней было не вполнѣ для насъ доступно, потому что мы не видали ни одного больнаго, а рисунки, приносимые профессоромъ на лекціи, не могли замѣнить дѣйствительности.

Мы проходили также и ветеринарную науку, но безъ всякой пользы, потому что Христофоръ Григорьевичъ Бунге, хотя очень искусный и ученый профессоръ, долженъ былъ ограничиваться однимъ словеснымъ преподаваніемъ: не было никакихъ препаратовъ, не было никакихъ животныхъ, ни больныхъ, ни здоровыхъ. Одинъ разъ только онъ показалъ намъ старую охромѣвшую лошадь, на которой возили воду для казенныхъ студентовъ и объяснялъ, что у нея растяженіе жилъ на лѣвой задней ногѣ. «Какъ же ее лечить?» спрашивали съ любопытствомъ студенты.—«Она совсѣмъ никуда не годится», отвѣчалъ равнодушно профессоръ, «ее не нужно лечить, а нужно ее убивать». Вотъ все, что̀ мы узнали изъ скотоврачебной науки.

Еще съ осени этого года жила у насъ двоюродная сестра покойнаго отца моего Варвара Аѳанасьевна Дохтурова, дѣвица уже пожилая, умная, бойкая, весьма образованная, мастерица говорить и писать по-французски. Она, какъ и вся семья Дохтуровыхъ, ничего не имѣла; желая выйти замужъ, она истощала всѣ способы кокетства, чтобы прельстить кого-нибудь своею особою, къ сожалѣнію вовсе некрасивою. Она занимала передъ тѣмъ мѣсто учительницы Французскаго языка въ Елизаветинскомъ институтѣ, но, заболѣвъ, переѣхала къ намъ на короткое время и прожила у насъ болѣе года.

Зимою пріѣхалъ не надолго въ Москву двоюродный дядя мой, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, служившій тогда въ Петербургѣ въ Коммиссіи Прошеній. Это былъ уже не тотъ милый мальчикъ Митинька, о которомъ упоминалъ я прежде, но прекрасный молодой человѣкъ, отлично образованный, даровитый и ловкій, любимецъ Петербургскихъ дамъ, которыя называли его красавцемъ и опаснымъ человѣкомъ (le beau, le dangereux Tolstoy). Послѣ того, какъ я въ первый разъ съ нимъ видѣлся, онъ учился въ Москвѣ, въ пансіонѣ Фишера; тамъ одинъ изъ преподавателей С. А. Масловъ, полюбилъ его и въ 1826 году отрекомендовалъ статсъ-секретарю П. М. Лонгинову, для по-

ступленія на службу въ Коммиссію Прошеній. Здѣсь дядя получилъ первый чинъ и послѣ того продолжалъ службу въ Петербургѣ.

Въ первыхъ числахъ Іюня 1833 года, послѣ довольно снисходительнаго экзамена, въ присутствіи Д. П. Голохвастова, почти всѣ студенты третьяго курса, въ томъ числѣ и я, перешли на 4-й курсъ.

Вакаціонное время мы, по обыкновенію, провели въ Каменкахъ, куда вмѣстѣ съ нами поѣхала и В. А. Дохтурова. Здѣсь мы имѣли случай познакомиться съ новымъ сосѣдомъ, Сергѣемъ Никитичемъ Тихменевымъ, который не задолго передъ тѣмъ, вышедши въ отставку изъ какого-то егерскаго полка, въ которомъ дослужился до чина поручика, поселился въ имѣніи, доставшемся ему послѣ отца, не задолго передъ тѣмъ умершаго въ глубокой старости. Этотъ отецъ новаго помѣщика села Хомякова (въ 7 верстахъ отъ Каменокъ, на дорогѣ къ посаду) Никита Артамоновичъ, скупой до крайности, но разсудительный хозяинъ, цѣлый вѣкъ заботился объ одномъ только, чтобы копить деньги, отказывая дѣтямъ своимъ во всемъ, даже и въ воспитаніи, и покупать землю въ разныхъ мѣстахъ. Ему удалось нажить большое состояніе въ земляхъ и въ наличныхъ деньгахъ. Въ старое время былъ у него винокуренный заводъ, откуда онъ, какъ говорятъ, вывозилъ по ночамъ вино изъ Владимирской губерніи въ Московскую, гдѣ вино всегда было дороже. Съ учрежденіемъ кордоновъ на губернской границѣ эта воспрещенная перевозка вина сдѣлалась затруднительною и опасною, такъ что онъ принужденъ былъ закрыть свой заводъ. У Н. А. было нѣсколько сыновей, но изъ числа ихъ онъ особенно полюбилъ младшаго за то, что онъ, возвратясь изъ Турецкаго похода, привезъ отцу въ подарокъ нѣсколько червонцевъ, между тѣмъ какъ другіе его братья не только ничего не привезли, но еще задолжали, (что̀ было весьма естественно, потому что сыновья Никиты Артамоновича никогда не получали отъ отца своего ни копѣйки). Обрадованный разсчетливостью сына своего старикъ отказалъ ему лучшую часть своихъ имѣній— село Хомяково съ большимъ количествомъ земли и огромными старинными лѣсами; ему же послѣ, по смерти матери, досталось еще сто тысячъ рублей. Другіе сыновья получили гораздо менѣе; дочери, вышедшія замужъ, награждены очень скудно; только одна дочь Анна Никитична, оставшаяся дѣвицею и жившая въ то время вмѣстѣ съ матерью, и братомъ въ с. Хомяковѣ, получила 50 тысячъ для пользованья процентами, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по смерти ея, этотъ капиталъ достался тому же Сергѣю Никитичу. Вся семья Тихменевыхъ не получила никакого образованія: они едва умѣли читать и писать.

Въ деревнѣ Сырневѣ жило семейство Кванчехадзевыхъ, издавна намъ знакомое. Наталья Сергѣевна не задолго передъ тѣмъ скончалась въ

Хотьковѣ монастырѣ, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ съ двумя дочерьми и внучкой. По смерти матери Настасья и Наталья Николаевны съ племянницей и братомъ Александромъ Николаевичемъ поселились въ деревнѣ, гдѣ еще до нихъ жилъ и куралесилъ другой братъ ихъ Сергѣй, поврежденный въ умѣ.

Въ селѣ Кикинѣ Дмитріевскаго уѣзда, верстахъ въ 5-ти отъ Каменокъ, жила старушка помѣщица Татьяна Александровна Селявина, съ племянникомъ Александромъ Ивановичемъ Борисовымъ, которому былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву за какую-то исторію въ карточной игрѣ.

Съ другой стороны Каменокъ, также верстахъ въ 6-ти, въ деревнѣ Соснинѣ, проводилъ лѣто отставной полковникъ Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, сынъ бывшаго нѣкогда министра полиціи, съ женою и дѣтьми.

Въ концѣ лѣта пріѣхалъ къ намъ въ Каменки Петръ Густавовичъ Шицъ, пріятель моего вотчима, человѣкъ мало развитый, но услужливый, кроткій, пріятный въ обществѣ. Отъ природы очень разсчетливый, онъ не жалѣлъ денегъ для масонскаго общества, въ которое былъ принятъ ученикомъ въ 1819 году и, кажется, остался навсегда на этой низшей степени. Лишь только онъ появился у насъ въ деревнѣ, В. А. Дохтурова вознамѣрилась влюбить его въ себя, но онъ вовсе не замѣчалъ тонкихъ ея любезностей. Наканунѣ отъѣзда его въ Москву, она разыграла передъ нимъ трогательную сцену истерики и нервныхъ припадковъ, но и это отчаянное средство ни къ чему не послужило: Шицъ не догадался, чего она хочетъ, и остался совершенно равнодушнымъ.

Въ началѣ Сентября, когда мать моя съ мужемъ, сестра и тетушка Дохтурова оставались еще въ Каменкахъ, я вмѣстѣ съ Шицомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ предстоялъ мнѣ послѣдній годъ предъ окончаніемъ курса. Профессоры были тѣже, но преподаваніе нѣсколько измѣнилось: теоретическихъ лекцій было менѣе, но за то начались для насъ практическія занятія въ клиникѣ. Нынѣшніе медицинскіе студенты, пользующіеся для своего обученія большою клиникою на Рождественкѣ и еще огромнѣйшею въ Екатерининской больницѣ, посмотрѣли бы съ сожалѣніемъ на нашу малую и тѣсную клинику, въ которой сосредоточена была, въ одномъ домѣ, вдоль по Никитской улицѣ, наша практика по терапіи и хирургіи, и еще двѣ небольшія комнаты были отдѣлены для акушерскаго института. Рѣдко кому изъ студентовъ доставались въ теченіи учебнаго года двое больныхъ; мнѣ досталась одна только больная, молодая женщина съ катарромъ легкихъ (catarrhus pulmonum). Она скоро и благополучно выздоровѣла. Въ хирургической клиникѣ профессоръ Альфонскій сдѣлалъ, въ зимнее время, до-

ьно много операцій камнесѣченія (lithotomia), и всѣ онѣ имѣли полй успѣхъ: ни у одного больнаго, послѣ операціи, не образовалась стула; ни одинъ изъ нихъ не умеръ. Нѣкоторые изъ моихъ товацей, желавшіе быть хирургами, дѣлали также операціи, подъ надюмъ Альфонскаго. Тѣмъ же занимались въ клиникѣ и больницахъ юдые лѣкари, окончившіе курсъ въ 1833 году: В. А. Басовъ и П. Дубовицкій, сынъ того сектанта, о которомъ я упоминалъ прежде. очіе студенты четвертаго курса, въ томъ числѣ и я, дѣлали хирурлескія операціи на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ. Въ акушеромъ институтѣ только немногіе изъ казенныхъ студентовъ успѣли лучить на свое попеченіе по одной родильницѣ.

Вскорѣ послѣ святокъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ С. Уваровъ прожилъ нѣсколько дней въ Москвѣ и ежедневно посѣщалъ иверситетъ, въ сопровожденіи помощника попечителя Д. П. Голохваова. Въ каждомъ факультетѣ графъ выслушалъ по лекціи у нѣсколькъ профессоровъ, за тѣмъ пожелалъ, чтобы нѣкоторые изъ студенвъ, оканчивающихъ курсъ, прочли также по одной лекціи.

Въ медицинскомъ факультетѣ, если я не ошибаюсь, было прочтено или 6 студенческихъ лекцій; въ томъ числѣ и я прочелъ что-то изъ дебной медицины, разсказывая о замѣчательныхъ случаяхъ, слышанıхъ отъ Мухина, за что старикъ горячо благодарилъ меня послѣ, но нистръ едва ли остался доволенъ моимъ краснорѣчіемъ. За то вполнѣ одилъ ему нашъ бойкій Ивановъ очень живымъ разсказомъ о разıхъ способахъ извлеченія камня, причемъ очень быстро сдѣлалъ операцію на трупѣ.

Впрочемъ всѣ эти занятія не мѣшали зимнимъ удовольствіямъ. Я чти не бывалъ въ свѣтѣ и не былъ знакомъ съ такъ называемымъ ісшимъ обществомъ; мнѣ и сестрѣ удалось потанцовать раза два у асловыхъ и еще у новыхъ знакомыхъ Стаховичей. Объ нихъ нужно азать нѣсколько словъ. Масонъ А. В. Перваго, человѣкъ очень богаій, передалъ все свое имѣніе, взятое въ опеку за суровое обращеніе крестьянами, въ собственность родной своей племянницѣ Н. М. тахович, съ тѣмъ чтобы она выдавала ему ежегодно извѣстную сумму денегъ на содержаніе. Надежда Михайловна принадлежала къ числу, обыкновенныхъ женщинъ: при твердомъ природномъ умѣ, она была личной хозяйкой, доброй женой и примѣрной матерью семейства, соoявшаго изъ двухъ сыновей и одной дочери. Въ высшей степени кромная и добрая, она не могла слышать равнодушно о чьемъ-либо рѣ или нуждѣ и тотчасъ же спѣшила утѣшить или помочь, насколько огла. Ежегодно раздавала она бѣднымъ значительныя суммы, и всегда айно, такъ что только случайно можно было узнавать о неистощимой

ея благотворительности. Мужъ ея, Александръ Ивановичъ Стаховичъ отставной артиллеристъ, былъ заботливый хозяинъ, человѣкъ очень добрый и благородный; онъ охотно помогалъ женѣ въ добрыхъ ея дѣлахъ.

Возвращаясь изъ деревни въ Москву, я привезъ съ собою куриное яйцо, представляющее необыкновенную уродливость: тонкій конецъ яйца былъ вытянутъ на подобіе довольно длиннаго, загнутаго внизъ крючка; я поднесъ это яйцо знаменитому натуралисту, президенту Московской медико-хирургической академіи Григорію Ивановичу Фишеру фонъ-Вальдгейму. Добрый старикъ принялъ меня ласково и пригласилъ бывать по вечерамъ въ его семействѣ, которое состояло изъ больной жены и двухъ дочерей Елизаветы и Софіи. Внизу того же дома занималъ квартиру сынъ его Александръ Григорьевичъ, профессоръ ботаники въ академіи и лекторъ естественныхъ наукъ въ университетѣ: у котораго я слушалъ лекціи въ первые два года моего студенчества. Сверхъ того по воскресеньямъ пріѣзжали двѣ замужнія дочери Фишера отца: очень красивыя молодыя женщины; одна изъ нихъ Августа была женою профессора химіи Геймана, другая Елена—за чиновникомъ Круберомъ. Бывало притомъ и нѣсколько постороннихъ лицъ, которыхъ теперь не упомню. Мы танцовали, играли въ разныя игры и вообще очень пріятно проводили время въ этомъ почтенномъ и радушномъ семействѣ.

Въ туже зиму актеръ и актриса Каратыгины доставляли мнѣ особенное наслажденіе своею игрой на Московскомъ театрѣ. И теперь живо помню великолѣпное, поразительное исполненіе Каратыгинымъ ролей Гамлета, Ляпунова, Короля Лира и Людовика XI; особенно въ этой послѣдней роли (въ драмѣ «Заколдованный домъ»), когда старый король, повидимому едва живой, слабый, сгорбленный, вдругъ вытягивается во весь ростъ и громкимъ голосомъ говоритъ непокорному вассалу: «Я императоръ твой и папа!», Каратыгинъ возбуждалъ всеобщій восторгъ. Никогда въ жизни моей не видалъ я ничего подобнаго на сценѣ.

Въ эту же зиму я имѣлъ случай познакомиться съ Александромъ Николаевичемъ Львовымъ, человѣкомъ богатымъ, весьма пріятнымъ въ обращеніи и благотворительнымъ. Онъ былъ женатъ на графинѣ Натальѣ Николаевнѣ Мордвиновой, дочери знаменитаго государственнаго сановника и адмирала, и имѣлъ уже двухъ малолѣтнихъ дочерей. Въ домѣ его, на площадкѣ близъ церкви Спаса на Пескахъ, я провелъ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, и однажды случайно пришелъ къ А. Н. въ то время, когда супруга его только что разрѣшилась отъ бремени сыномъ Николаемъ. Почтенный А. Н. давно уже скончался, но остался навсегда въ моей памяти, а достойная супруга его и теперь еще здравствуетъ, въ глубокой старости.

Въ концѣ Мая мы должны были переѣхать на другую квартиру, потому что П. И. Красильниковъ продалъ домъ свой съ большою прибылью.

Въ домѣ Рожнова на Малой Дмитровкѣ, куда мы переселились не надолго, я сталъ готовиться, вмѣстѣ съ Ивановымъ, къ выпускному экзамену, который мы оба сдали съ рукъ очень успѣшно и получили степень лѣкаря 1-го отдѣленія. Затѣмъ поступили вмѣстѣ на практику въ Екатерининскую больницу, гдѣ принялись лѣчить больныхъ, подъ наблюденіемъ главнаго доктора А. И. Поля. У меня было 8 кроватей въ хронической палатѣ доктора Ѳ. Ѳ. Графа и четыре въ горячешной у доктора А. Ѳ. Рябчикова. Каждый изъ этихъ врачей имѣлъ свои особенности: А. И. Поль былъ человѣкъ очень ученый, постоянно читалъ всѣ новыя медицинскія сочиненія и періодическія изданія на Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ языкахъ и при случаѣ прилагалъ къ дѣлу вычитанное, производя надъ больными въ больницѣ опыты, большею частью неудачные. Рябчиковъ, напротивъ того, былъ очень мало ученъ; когда въ 1812 году потребовалось много врачей для арміи, онъ былъ выпущенъ изъ университета прямо докторомъ медицины безъ написанія и защищенія диссертаціи. Одаренный отъ природы счастливымъ даромъ распознаванія болѣзней и пріобрѣтшій большую опытность въ военныхъ лазаретахъ, онъ лечилъ очень успѣшно, хотя ничего не читалъ изъ новѣйшихъ открытій и не зналъ ни одного иностраннаго языка, кромѣ Латинскаго. Приглядѣвшись къ этимъ двумъ докторамъ, мы, молодые врачи, угадывали напередъ, что больной, попавшій на руки Рябчикова, непремѣнно выздоровѣетъ, а тому, который подвергся опытамъ Поля, не миновать смерти. Наши предсказанія почти всегда сбывались. О третьемъ докторѣ Графѣ почти нечего сказать Онъ лечилъ хроническихъ больныхъ очень осторожно и робко. Часто по нѣскольку дней оставались они вовсе безъ лекарства.

Въ этой практикѣ прошелъ весь Іюнь мѣсяцъ. Всѣ родные и знакомые разъѣхались изъ Москвы, и мы оставались почти одни. Въ это время пріѣхалъ въ Москву оберъ-прокуроръ Св. Синода Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ. Какъ старинный Московскій масонъ, онъ 24 Іюня участвовалъ въ годичномъ собраніи своихъ собратій, которое происходило у насъ въ домѣ.

Оканчивая теперь разсказъ о моемъ студенчествѣ, я припоминаю, что на актѣ университета въ 1834 году я получилъ серебряную медаль за сочиненіе «объ ампутаціяхъ», написанное на заданную факультетомъ тему. Вспоминаю также, какъ пріятно было освободиться отъ тяжелыхъ въ послѣднее время занятій и спѣшить на свѣжій деревенскій воздухъ, послѣ нестерпимой городской духоты и пыли.

V.

Добравшись на своихъ лошадяхъ изъ Москвы до Сергіевскаго посада, я поспѣшилъ, не смотря на поздній вечеръ, къ моему благодѣтельному наставнику и очень обрадовался, узнавъ, что на другой день 2 Іюля 1834 года будетъ публичный экзаменъ въ академіи. Рано утромъ, я отправился, вмѣстѣ съ Ѳ. А. Голубинскимъ къ С. Д. Нечаеву, который пріѣхалъ изъ Москвы наканунѣ, почти въ одно время съ нами и остановился въ кельяхъ ризничаго. Отъ него пошли мы на экзаменъ. По окончаніи экзамена, отобѣдавъ у владыки, я поспѣшилъ къ своимъ пріятелямъ, магистрамъ VII курса, о которыхъ забылъ упомянуть въ третьей главѣ этихъ воспоминаній.

Одинъ изъ нихъ, Александръ Ивановичъ Невоструевъ, былъ съ 1830 года въ академіи баккалавромъ по каѳедрѣ Греческаго языка и былъ уже женатъ. Жена его Софья Михайловна, очень хорошенькая, бойкая, живая и кокетливая особа, музыкантша, пѣвица и танцовщица, была дивомъ для Сергіевскаго посада, никогда не видавшаго въ стѣнахъ своихъ такой очаровательной профессорши.

Вмѣстѣ съ другимъ моимъ пріятелемъ, также баккалавромъ академіи, Александромъ Евфимовичемъ Нечаевымъ, пришелъ я на Переяславскую улицу въ квартиру Невоструевыхъ. Мы собрались идти всей компаніей въ Виѳанію къ товарищу ихъ, профессору семинаріи Ивану Прохоровичу Соколову, который незадолго до того женился на родной сестрѣ Нечаева. Только что вышли мы за ворота, какъ посланный отъ ректора Поликарпа позвалъ Невоструева, какъ библіотекаря, въ академію, чтобы показать библіотеку г. оберъ-прокурору Св. Синода. Не исполнить требованія—невозможно, отпустить жену-красавицу на прогулку безъ себя, въ сопровожденіи молодыхъ людей —грустно и опасно; однако ревнивый мужъ долженъ былъ рѣшиться на послѣднее. Хотя онъ умолялъ насъ подождать, пока онъ воротится изъ академіи, но мы увѣрили его, что пойдемъ потихоньку, и онъ легко догонитъ насъ. На дѣлѣ вышло не такъ: намъ повстрѣчалась кибитка тройкой, привезшая кого-то изъ Москвы; мы наняли ее, усѣлись и съ громкимъ смѣхомъ поскакали въ Виѳанію. Тамъ, вмѣстѣ съ Соколовыми, отправились мы въ большую семинарскую залу, гдѣ на хорахъ стоялъ тогда (кажется и теперь стоитъ) большой органъ, подаренный, какъ увѣряетъ преданіе, митрополиту Платону отъ князя Потемкина-Таврическаго. Мы отъискали ученика, умѣвшаго играть на клавишахъ этаго инструмента, и принялись, подъ громкіе звуки его, танцовать Французскую кадриль: я съ Софьей Михайловной, а Нечаевъ съ сестрой своей. Во время

второй фигуры, при мастерскомъ соло прелестной Невоструевой, вдругъ съ шумомъ распахивается дверь, и передъ нами является ректоръ семинаріи от. Евлампій, съ заспаннымъ лицомъ и всклокоченными волосами, въ растегнутомъ и неподпоясанномъ подрясникѣ, въ туфляхъ на босу ногу. Онъ сначала остолбенѣлъ, увидѣвъ танцующихъ, потомъ, всплеснувъ руками, воскликнулъ: «О Господи, какое безобразіе! Какой неистовый соблазнъ!» Онъ запахнулъ полы своего подрясника и пустился бѣжать отъ насъ.

Мы думали, что отецъ Евлампій еще въ Лаврѣ и ненамѣренно возмутили сладкій сонъ строгаго аскета. Соколовъ, опасаясь ректорскаго гнѣва, упросилъ насъ прекратить танцы и идти къ нему пить чай. Но намъ не хотѣлось сидѣть въ душныхъ комнатахъ; мы захватили самоваръ и всѣ чайныя принадлежности и отправились, въ той же кибиткѣ, на Корбуху. Тамъ, въ самомъ заднемъ и тѣнистомъ уголкѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь красуется Геѳсиманскій скитъ, мы расположились пить чай и громко хохотали, увидѣвъ, какъ, недалеко отъ насъ, пробѣжалъ по опушкѣ лѣса ревнивый супругъ, ища своей красавицы. Вскорѣ потомъ мы увидѣли его въ самой рощѣ: покрытый пòтомъ, онъ бѣгалъ взадъ и впередъ съ крикомъ «Софья! Софья!» а мы смѣялись безжалостно, спрятавшись за кустами и деревьями. Послѣ напрасныхъ криковъ, онъ подумалъ, что мы гуляемъ въ Виѳанскихъ рощахъ, и пустился туда, а мы тотъ-часъ-же уѣхали въ своей повозкѣ въ посадъ къ Софьѣ Михайловнѣ и только черезъ два часа, когда уже совсѣмъ стемнѣло, дождались мы возвращенія ея мужа, измученнаго физически и нравственно. «Измучили вы меня, злодѣи эдакіе», говорилъ онъ задыхаясь, «я ужъ думалъ, что пропала совсѣмъ моя Сонечка».

На этотъ разъ я нѣсколько дней прогостилъ въ посадѣ. На другой день послѣ Виѳанскихъ похожденій, я опять былъ на экзаменѣ въ академіи, обѣдалъ у ректора о. Поликарпа и остался у него до самаго вечера, вмѣстѣ съ немногими, болѣе близкими ему лицами. Въ числѣ ихъ были о. Ѳеодотій, проѣзжавшій изъ Уфы въ Рязань и Иванъ Ивановичъ Лилѣевъ.

О Ѳеодотіи я упомянулъ прежде мимоходомъ по случаю стиховъ, которые онъ прибавилъ, на смѣхъ, къ канту старца Іоны, но объ немъ слѣдуетъ разсказать подробнѣе. Едва-ли ему было 25 лѣтъ, когда мы поселились въ посадѣ и нашли его въ должности инспектора Виѳанской семинаріи. При живомъ, веселомъ и общительномъ характерѣ, молодой магистръ-іеромонахъ очень скучалъ въ Виѳанскомъ уединеніи и часто, особенно лѣтомъ, приходилъ въ гости къ моей матери и бабушкѣ. О. Поликарпъ зналъ его въ Петербургѣ, когда Ѳеодотій (Озе-

ровъ) былъ еще студентомъ, очень любилъ его и часто посылалъ за нимъ лошадей. Однажды съ Өеодотіемъ случилось непріятное приключеніе: доставъ гдѣ-то неводъ, онъ отправился съ нѣсколькими семинаристами ловить рыбу въ монастырскихъ прудахъ, гдѣ это занятіе было строго запрещено. На бѣду засталъ ихъ подъ-экономъ Анастасій и хотѣлъ отнять неводъ, но храбрая команда Өеодотія не уступила и прогнала отъ себя лаврскаго блюстителя благочинія. Это дѣло въ сильно преувеличенномъ видѣ дошло до митрополита и не осталось безъ наказанія: Өеодотій не былъ приглашенъ на обычный, послѣ публичнаго академическаго экзамена, обѣдъ у владыки. На другой день послѣ этого обѣда мы (т. е. мать моя, бабушка и я) пришли послѣ вечерни къ митрополиту и нашли въ залѣ его, въ углу, подлѣ печки, блѣднаго, напуганнаго Өеодотія, пришедшаго просить прощенія. Владыка принялъ насъ въ гостинной, просилъ садиться, а самъ вышелъ въ залу къ виноватому и сталъ говорить ему что-то очень тихо и довольно долго; въ продолженіи его рѣчи, Өеодотій нѣсколько разъ кланялся въ ноги и, наконецъ, заплакалъ, какъ мнѣ хорошо было видно черезъ растворенную дверь. Отпустивъ его и возвратясь въ гостинную, Филаретъ разсказалъ исторію несчастной рыбной ловли и прибавилъ: «Я могъ бы простить ему, по молодости его и неопытности, неосторожную забаву, но не могу оставить безъ взысканія своевольнаго сопротивленія законнымъ требованіямъ, и при томъ въ сообществѣ учениковъ, для которыхъ онъ обязанъ служить примѣромъ благонравія. Какое-же мнѣніе могу я имѣть о такомъ инспекторѣ?» Это было въ 1828 г., а спустя нѣсколько мѣсяцевъ Өеодотій былъ переведенъ изъ Виөаніи на должность ректора семинаріи въ Уфу. Оттуда-то проѣзжалъ онъ, спустя 6 лѣтъ, въ Рязань на ту-же должность, когда я встрѣтилъ его въ лаврѣ у о. Поликарпа. Впередъ, какъ кажется, я не буду уже имѣть случай упоминать о Өеодотіи, а потому теперь передамъ все что̀ знаю о дальнѣйшей судьбѣ его. Изъ Рязани онъ былъ призванъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ и посвященъ въ санъ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи, оттуда назначенъ епархіальнымъ въ Симбирскъ, въ 1856 г. участвовалъ въ обрядахъ коронаціи, возведенъ въ санъ архіепископа и, по возвращеніи въ свою епархію, скоро умеръ.

Престарѣлый архіепископъ Евгеній, бывшій Ярославскій, окончившій жизнь на покоѣ въ Москвѣ, разсказывалъ мнѣ о Өеодотіи, который былъ при немъ ректоромъ въ Рязани:

„О Өеодотій, Өеодотій!
Ужъ кто былъ Фотій,—
И того уморилъ Өеодотій“.

Вотъ объясненіе этихъ словъ. Когда Ѳеодотій жилъ въ Новгородѣ и управлялъ епархіею въ качествѣ викарія, знаменитый фанатикъ Фотій, архимандритъ Юрьева монастыря, отдѣлывалъ заново, иждивеніемъ графини А. А. Орловой-Чесменской, свои монастырскіе храмы и подарилъ нѣсколько большихъ старинныхъ иконъ изъ прежнихъ иконостасовъ бѣдному Клопскому монастырю, распорядившись самовольно перенесеніемъ ихъ на рукахъ съ пѣніемъ, въ родѣ крестнаго хода. Процессія съ этими иконами прошла черезъ Новгородъ, въ сопровожденіи множества народа. Викарій, чтобы не подвергнуться отвѣтственности, донесъ о томъ митрополиту, а старикъ Серафимъ, еще прежде того недовольный Фотіемъ (по поводу выговора, полученнаго отъ императора Николая Павловича за то, что Фотій встрѣтилъ его въ Юрьевѣ монастырѣ по домашнему, не облачившись въ ризы и безъ звона), приказалъ Новгородской консисторіи подвергнуть слѣдствію и суду своевольнаго Юрьевскаго архимандрита. Такое распоряженіе сильно поразило Фотія, и безъ того уже слабаго и больнаго; онъ тяжко заболѣлъ и скоро умеръ. Вотъ какъ Ѳеодотій уморилъ Фотія! Вѣроятно, Ѳеодотій скорбѣлъ, погребая Фотія; но еще вѣроятнѣе, что 2000 рубл. сер., подаренныхъ графиней за отпѣваніе, послужили ему утѣшеніемъ въ скорби.

И. И. Лилѣевъ, кандидатъ перваго курса Петербургской академіи, болѣе 20-ти лѣтъ преподавалъ риторику въ Виѳанской семинаріи и пользовался дружескимъ расположеніемъ о. ректора Поликарпа, своего товарища по академіи. Никогда не случалось мнѣ видѣть человѣка, болѣе скупаго и жаднаго: при самомъ скудномъ окладѣ жалованья (онъ получалъ, кажется, не болѣе 600 рубл. асигнаціями въ годъ) онъ умѣлъ еще откладывать и копить деньги. Во всю жизнь свою онъ носилъ одинъ и тотъ же фракъ въ парадныхъ случаяхъ, а въ будни одѣвался въ какое-то грязное рубище. Чай пилъ только тогда, когда получалъ его въ подарокъ отъ о. Поликарпа; обѣдалъ только въ гостяхъ, а дома питался однимъ хлѣбомъ, который, по порученію его, таскалъ изъ семинарской столовой служившій ему казеннокоштный ученикъ. Объ Лилѣевѣ расказывали, что этотъ новый Гарпагонъ, принужденный однажды угостить прибывшихъ къ нему родственниковъ, велѣлъ ученикамъ натаскать изъ гнѣздъ неоперившихся еще грачевыхъ птенцовъ которыхъ предложилъ гостямъ въ видѣ синеватаго супа. Можетъ быть это и вымышлено, но совершенно согла́сно съ характеромъ Лилѣева. Послѣ увольненія о. Поликарпа отъ должности ректора академіи, Лилѣевъ былъ вскорѣ переведенъ во Владимирскую семинарію и тамъ дослужился до пенсіи. Говорятъ, что послѣ смерти его оказался капиталъ около 10 тысячъ рубл. серебромъ.

Выше упомянулъ я объ Анастасіи, подъ-экономѣ Лавры. Это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный; крайне дѣятельный, распорядительный и бойкій, хотя безъ всякаго образованія, онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Около 1830 г. онъ поступилъ экономомъ въ Московскій митрополичій домъ. Тутъ пришла ему мысль учиться медицинскимъ наукамъ; съ разрѣшенія владыки онъ усердно принялся за ученіе, прошелъ въ Московской Медико-Хирургической Академіи полный курсъ, старательно училъ лекціи частію въ подлинникѣ, если онѣ были писаны на Русскомъ языкѣ, частію-же въ переводѣ, если профессоры преподавали полатинѣ; посѣщалъ анатомію и клинику. Студенты академіи служили ему репетиторами, объясняли ему то, чего онъ не понималъ и переводили для него Латинскія лекціи; за все онъ платилъ имъ, не жалѣя денегъ. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ усилій и трудовъ, онъ успѣшно выдержалъ экзаменъ, но не получилъ степени лекаря, потому что не зналъ Латинскаго языка и не упражнялся въ оперативной хирургіи и акушерствѣ. Послѣднія двѣ науки были строго запрещены ему митрополитомъ, первая потому, что іерей не долженъ проливать крови, а вторая, какъ неприличная монашескому сану. Анастасію дано было позволеніе лечить больныхъ подъ надзоромъ мѣстнаго врача, и онъ, возвратясь въ Лавру, принялся пользоваться этимъ дозволеніемъ, нисколько не прибѣгая къ совѣтамъ мѣстнаго штабъ-лекаря, котораго считалъ ниже себя, по теоріи и практикѣ, въ чемъ былъ совершенно правъ. Вся Лавра, весь посадъ и множество окрестныхъ селеній лечились исключительно у одного только Анастасія; онъ отлично разпознавалъ болѣзни и лечилъ большею частью удачно. Ни съ кого не требовалъ онъ платы; но если кто давалъ ему деньги, онъ не отказывался, а употреблялъ ихъ на лекарства для бѣдныхъ. Во время Крымской войны онъ напросился на поприще военныхъ дѣйствій, перевязывалъ раны на перевязочномъ пунктѣ, исповѣдывалъ и причащалъ умирающихъ во время штурмовъ и вылазокъ подъ непріятельскими выстрѣлами, иногда, при недостаткѣ врачей, замѣнялъ ихъ въ лазаретахъ. Тамъ заразился онъ гошпитальнымъ тифомъ и умеръ въ Севастополѣ, получивъ передъ смертью золотой наперсный крестъ на Георгіевской лентѣ.

Лѣтнее время 1834 года провели мы по прежнему въ Каменкахъ довольно весело, видаясь часто съ сосѣдями. Матушка была почти постоянно нездорова; мужъ ея занимался хозяйствомъ и очень заботился о томъ, чтобы скупить другую половину Каменокъ, принадлежавшую нѣкогда старой барышнѣ Оболдуевой, и не задолго передъ тѣмъ раздѣленную между нѣсколькими наслѣдниками. Для меня лично было очень пріятно наслаждаться отдыхомъ послѣ экзаменовъ; я до-

вольно часто ѣздилъ въ Лавру и посадъ, а оставаясь въ деревнѣ, занимался разборкою моего, довольно значительнаго уже, гербарія.

Вмѣстѣ съ нами пріѣхала въ Каменки двоюродная моя сестра Варинька Сумарокова, дочь дяди Петра Николаевича, учившаяся въ пансіонѣ г-жи Петрозиліусъ на Моховой. Она была еще дѣвочкой 14 лѣтъ, но уже обѣщала сдѣлаться въ свое время красавицей. Дѣвочка очень умненькая, острая и любознательная, она приводила въ восхищеніе всѣхъ, кто только видѣлъ ее. Въ Москвѣ она проводила у насъ всѣ праздничные и воскресные дни.

Старшій братъ ея Николай учился въ это время въ Петербургѣ, въ Артиллерійскомъ Училищѣ, куда отвезенъ былъ И. А. Шигоринымъ съ письмомъ отъ дѣда и опекуна его А. А. Сумарокова къ дальнему его родственнику, сенатору П. И. Сумарокову. Младшій изъ дѣтей дяди, Сережа, былъ еще ребенкомъ.

Въ Лаврѣ было тогда новое начальство, и заводились многія улучшенія. Послѣ кончины добрѣйшаго старца, намѣстника Лавры, о. архимандрита Аѳанасія († 23 Февраля 1831 г.), на мѣсто его былъ вызванъ митрополитомъ Филаретомъ строитель Высокогорской Арзамаской пустыни Антоній; съ 10 Марта того-же года онъ былъ облеченъ въ званіе намѣстника Лавры и архимандрита Спасо-Виѳанскаго монастыря. Я познакомился съ нимъ на праздникѣ преп. Сергія, 25 Сентября 1834 года.

Архимандритъ Антоній былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ православнаго монашества въ наше время. Человѣкъ самаго незнатнáго происхожденія достигъ такой извѣстности, что его знала не только вся Россія, но и многія лица за границей, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Не получивъ никакого школьнаго образованія, онъ обладалъ такими познаніями и такимъ умомъ, что самъ Филаретъ нерѣдко просилъ его совѣтовъ и пользовался ими. Занимая невысокое мѣсто намѣстника Троицкой Лавры, онъ получилъ знаки отличія, рѣдко даваемые настоятелямъ монастырей ставропигіальныхъ и пользовался такимъ вниманіемъ царственныхъ особъ, какого удостоиваются немногіе изъ архіереевъ. Конечно, онъ достигъ всего этого не въ началѣ, а въ концѣ своего поприща, послѣ 40-лѣтняго управленія Лаврою преп. Сергія.

Сынъ вольноопущеннаго повара, служившаго по найму у князя Е. А. Грузинскаго, онъ родился въ селѣ Лысковѣ 6 Октября 1792 г. и при крещеніи названъ Андреемъ. Въ дѣтствѣ онъ обученъ былъ грамотѣ; потомъ отданъ матерью въ ученики къ аптекарю при Лысковской больницѣ. Тамъ полюбилъ его докторъ Деше и заставлялъ подъ своимъ надзоромъ прислуживать больнымъ, объяснялъ ему способы

врачеванія и, умирая, отказалъ ему всѣ свои книги. Живой и воспріимчивый юноша скоро пріучился такъ успѣшно помогать больнымъ, что, по смерти Деше, князь поручилъ ему завѣдываніе всею больницею.

Благочестіе и влеченіе къ иночеству рано развились въ душѣ Андрея; въ 1822 году онъ постригся въ Саровской пустынѣ и вслѣдъ за тѣмъ принялъ іерейское рукоположеніе, а въ 1825 году назначенъ настоятелемъ Высокогорской пустыни. Отсюда вызвалъ его митрополитъ Филаретъ слѣдующимъ письмомъ: «Мысль, которую я вчера имѣлъ, но не успѣлъ сказать, сегодня, предваривъ меня, сказалъ мнѣ другой (одинъ благочестивый странникъ), и сіе внезапное согласіе сдѣлалось свидѣтельствомъ того, что мысль пришла не даромъ: сія мысль есть надежда, что, при помощи Божіей, благоугодно Богу и преп. Сергію, можете вы послужить въ Лаврѣ, гдѣ упразднилось мѣсто намѣстника. Призвавъ Бога и взыскуя Его воли, а не моей, приглашаю васъ на сіе служеніе. Да будетъ вамъ благимъ побужденіемъ то, что это не ваша воля, и что я васъ призываю, какъ послушникъ преп. Сергія, который о вашемъ послушаніи будетъ благій предъ Богомъ о васъ свидѣтель и за васъ предстатель.»

Прибывъ въ Москву, Антоній 15 Марта посвященъ въ санъ архимандрита Виѳанскаго монастыря, а 19 числа пріѣхалъ въ Лавру и вступилъ въ должность намѣстника, 39-ти лѣтъ отъ роду, въ полной крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Первые труды новаго намѣстника Лавры состояли въ исправленіи ветхостей и въ устройствѣ надлежащаго порядка тамъ, гдѣ были допущены упущенія. Я зналъ Лавру задолго до поступленія туда Антонія и не могъ не замѣтить многихъ улучшеній.

Онъ засталъ въ Лаврѣ менѣе 100 человѣкъ братіи (монаховъ и послушниковъ); доходы простирались до 100.000 рублей ассигнаціями. Ограды съ башнями, жилые корпуса̀ и самые храмы требовали немедленныхъ исправленій; въ заднихъ углахъ монастыря свалены были соръ и всякая нечистота. Изъ благотворительныхъ заведеній существовала одна только женская богадѣльня на 60 старухъ, но каждая изъ нихъ должна была сама себѣ доставать пропитаніе. Иконописное мастерство держалось еще по старому преданію, но только два или три человѣка приходили въ мастерскую; впрочемъ и тѣ добывали себѣ пропитаніе болѣе малярною работою, нежели живописью.

По уставу, Лавра управляется духовнымъ соборомъ, а намѣстникъ есть только первый членъ его. Предшественникъ Антонія, старецъ Аѳанасій, не имѣлъ охоты, а можетъ быть и способности, взять на себя все бремя управленія Лаврою; дѣлами ея управлялъ соборъ. Митрополитъ Филаретъ вообще не любилъ коллегіальнаго управленія,

при которомъ нѣтъ прямо-отвѣтственнаго лица, а потому желалъ, чтобы подъ его надзоромъ все управленіе Лавры сосредоточено было въ лицѣ намѣстника.

Въ самомъ началѣ своей службы о. Антоній старался увеличить благочиніе при совершеніи церковной службы. Указавъ каждому свое мѣсто и свои обязанности при служеніи, онъ потребовалъ, чтобы всѣ монахи въ мантіяхъ ходили въ церковь и каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ. Тогда-же устроилъ онъ новыя облаченія, приличныя для соборныхъ служеній. Холера, ослабѣвшая въ Москвѣ, но еще крѣпко державшаяся въ окрестныхъ селеніяхъ, побудила къ предохранительнымъ мѣрамъ: обращено было заботливое вниманіе на улучшеніе трапезы какъ общей для братіи, такъ и больничной. Въ эти заботы входило и лучшее устройство трапезной палаты съ поварнею и хлѣбопекарнею.

Громадная монастырская ограда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась непрочною и дала большія трещины; верхи и кровли башенъ грозили паденіемъ, такъ что пришлось переложить до основанія болѣе 50 саженъ ограды, исправить и перекрыть вновь 10 башенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, о. Антоній занялся очищеніемъ заднихъ угловъ монастыря, развелъ тамъ красивые садики, вымостилъ дороги и площадь передъ монастыремъ. Въ Октябрѣ 1834 года посѣтилъ Лавру Государь Императоръ Николай I-й, и послѣ сказалъ митрополиту, что нашелъ ее въ несравненно лучшемъ противъ прежняго видѣ.

Много лѣтъ послѣ того, радуясь постепеннымъ улучшеніямъ въ Лаврѣ, я пользовался добрымъ расположеніемъ о. намѣстника Антонія, но позднѣе два раза подвергался его негодованію; впрочемъ объ этомъ рѣчь будетъ послѣ.

Осень—самое скучное время для деревенскихъ жителей. Мать моя и мужъ ея рѣшились провести зиму въ Каменкахъ. Съ наступленіемъ сырой погоды, проливныхъ дождей и непроходимой грязи, напала на меня сильная тоска, и я, чтобы отогнать ее, принялся за изученіе трехъ новыхъ для меня языковъ: Англійскаго, Итальянскаго и Испанскаго. Отсутствіе учителей замѣнялось грамматиками и лексиконами. Въ три мѣсяца я выучился настолько, что могъ свободно читать статьи въ прозѣ; но правильному произношенію мнѣ было не у кого научиться.

Съ наступленіемъ зимы, начались наши сельскія удовольствія: катанья на саняхъ, тройкою и гусемъ, вечера у сосѣдей поочередно, а чаще всего у насъ, игра въ фанты, пѣніе и изрѣдка танцы. Все это прекратилось передъ масляницей, вслѣдствіе одного непріятнаго приключенія. Я не упомянулъ въ своемъ мѣстѣ о томъ, что въ началѣ 1834 г. сестра моя была помолвлена за молодаго человѣка С. А. Пестова, роднаго племянника П. А. Болотова. Эта свадьба не состоялась

по извѣстію о бѣдности жениха, сообщенному дядею его. Этотъ разрывъ не произвелъ большаго вліянія на сестру, которая не была привязана къ Пестову, но соглашалась выйдти за него замужъ единственно для избѣжанія столкновеній съ вотчимомъ и частыхъ выговоровъ отъ матери.

Но въ деревнѣ, видаясь почти ежедневно съ сосѣдями, она страстно влюбилась въ одного изъ нихъ—А. Н. Кванчехадзева. Влюбленные переписывались чрезъ посредство дочери священника, которая почти постоянно гостила у Кванчехадзевыхъ въ Сырневѣ. Случайно открылась эта связь, и приняты мѣры для прекращенія свиданій. Тогда К. обратился къ матушкѣ съ письмомъ, въ которомъ просилъ согласія на бракъ ея дочери и притомъ изъявлялъ надежду, что женщина, вышедшая вторично за мужъ по чувству сердца, не обращая вниманія на отсутствіе знатности и состоянія въ женихѣ, охотно дозволитъ дочери послѣдовать ея примѣру. Эти послѣднія выраженія раздражили только матушку, и она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ; сестра плакала, тосковала, но позднѣе была очень рада этому отказу: предметъ первой любви ея былъ человѣкъ хорошій, но почти безъ всякихъ средствъ; онъ могъ владѣть только частью одной небольшой деревни. Нѣсколько лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его въ заштатномъ городѣ Воскресенскѣ въ должности становаго пристава.

Въ туже зиму была у насъ неожиданная и дорогая гостья, бабушка Елисавета Андреевна Сумарокова. Сильная и постоянная, почти материнская любовь къ племянницѣ, которая выросла у ней на рукахъ, превозмогла въ сердцѣ старушки чувство неудовольствія за второй бракъ моей матери. Она прогостила у насъ около двухъ недѣль и была очень ласкова ко всѣмъ намъ и даже къ моему вотчиму, которому привезла вышитую подушку своей работы. Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1837 году, она писала и убѣдительно просила, чтобы навѣстили ее въ одиночествѣ. Тогда младшей сестры ея Аграфены Андреевны, до самой смерти не примирившейся съ мыслію, что Красильниковъ сталъ ей племянникомъ, уже не было на свѣтѣ. По просьбѣ бабушки, тогда ѣздила въ Красное сестра моя въ сопровожденіи вотчима, который былъ отлично принятъ какъ бабушкой, такъ и братомъ ея А. А. Сумароковымъ; я же оставался при матери, постоянно хворавшей.

Воспоминаніе о посѣщеніи бабушки увлекло меня за предѣлы того времени, о которомъ идетъ теперь разсказъ. Возвращаюсь къ 1835 году.

На масляницѣ пріѣхалъ ко мнѣ на нѣсколько дней И. И. Данковъ, бывшій воспитанникъ покойнаго дяди моего Сумарокова. Прежде

я сказалъ объ немъ нѣсколько словъ, по поводу поѣздки нашей въ с. Красное. Когда, въ 1830 году, онъ окончилъ курсъ въ Костромской гимназіи, дядя Петръ Николаевичъ не задолго до кончины своей, прислалъ его въ Москву для обученія дѣтей другаго дяди моего, графа Петра Степановича и вмѣстѣ съ тѣмъ для поступленія въ университетъ по медицинскому отдѣленію. Первое изъ этихъ занятій Данковъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ; но въ университетъ его не приняли, потому что въ гимназическомъ его аттестатѣ онъ былъ названъ сыномъ унтеръ-офицера изъ дворянъ, а доказательствъ дворянскаго происхожденія и никакихъ другихъ документовъ у него не было. Университетское начальство смотрѣло на него, какъ на кантониста. По убѣдительной моей просьбѣ, деканъ Альфонскій дозволилъ ему частное посѣщеніе лекцій. Добрый и чувствительный И. И. привязался ко мнѣ всею душою и позднѣе доказалъ мнѣ свою дружбу на дѣлѣ.

Въ началѣ слѣдующаго лѣта, вотчимъ мой успѣлъ скупить у четырехъ владѣльцевъ другую половину Каменокъ. Одинъ изъ этихъ владѣльцевъ, сенатскій оберъ-секретарь Лопатинъ, напугалъ Красильникова тѣмъ, что будто-бы можетъ оттягать себѣ значительную часть земли, принадлежащей моей матери; Красильниковъ, не смысля ничего въ дѣлахъ судебныхъ, повѣрилъ ему и заплатилъ довольно дорого за 17 душъ съ землею, составлявшихъ часть Лопатина. Почти въ тоже время матушка выдала мужу своему купчую на свою половину, такъ что онъ сдѣлался единственнымъ владѣтелемъ 117 душъ и около 800 десятинъ земли.

Для совершенія купчей намъ нужно было отправиться въ Москву. Мы выѣхали изъ Каменокъ 23-го Августа, но еще за нѣсколько дней до того совершено было при насъ освященіе главнаго храма въ честь Казанской иконы Богородицы.

Въ Москвѣ напало на меня раздумье; продолжать ли медицинскія занятія, или оставить ихъ и опредѣлиться въ гражданскую службу? Это сомнѣніе имѣло свои основанія: въ послѣдніе два года моего студенчества и въ особенности во время практики въ Екатерининской больницѣ, я убѣдился, что не одаренъ природною способностью распознавать болѣзни и потому совершенно охладѣлъ къ врачебной наукѣ. Но самолюбіе не дозволило мнѣ остаться лекаремъ, и я рѣшился держать экзаменъ на степень доктора медицины, и затѣмъ снова испытать свои силы на поприщѣ практики.

Между тѣмъ въ медицинскомъ факультетѣ произошли большія перемѣны: Дядьковскій, Мухинъ и Котельницкій уволены въ отставку; судебная медицина и медицинская полиція достались на долю новаго профессора Армфельда; каѳедру Котельницкаго занялъ докторъ Н. Б. Анке,

новая каѳедра токсикологіи предоставлена Іовскому; старикъ Лодеръ умеръ. Сверхъ того изъ Берлина явилось къ намъ трое молодыхъ профессоровъ: одинъ изъ нихъ, Г. И. Сокольскій, занялъ каѳедру терапіи; другой, Филомаѳитскій, сталъ преподавать физіологію, а третій Ѳ. И. Иноземцовъ оперативную хирургію. Всѣ они, а въ особенности послѣдній, привезли съ собою убѣжденіе, что врачебная наука въ Московскомъ университетѣ, до прибытія ихъ, была въ совершенномъ упадкѣ, и что студенты, какъ учащіеся, такъ и окончившіе курсъ, вовсе лишены познаній и ни къ чему неспособны. При такой ихъ увѣренности и при непрестанныхъ столкновеніяхъ ихъ съ старыми профессорами, очень трудно было рѣшиться держать докторскій экзаменъ.

Однако нашелся одинъ смѣлый человѣкъ, который тогда же рѣшился подать прошеніе о допущеніи его къ испытанію на степень доктора медицины и хирургіи.

Несмотря на безчисленныя притѣсненія, особенно со стороны Иноземцова, медико-хирургъ В. А. Басовъ блистательно сдалъ экзаменъ и, защитивъ диссертацію «de lithotomia» (о камнесѣченіи), получилъ искомую степень. Въ послѣдствіи онъ былъ профессоромъ хирургіи въ Московскомъ университетѣ.

Хотя примѣръ Басова могъ служить одобреніемъ для другихъ, но искатели докторской степени, въ числѣ четырехъ товарищей, окончившихъ курсъ въ 1834 году—Плоховъ, Скаренниковъ, Ивановъ и я, рѣшились прежде прослушать курсъ у новыхъ профессоровъ, а потомъ уже идти на экзаменъ.

Такъ мы и сдѣлали, и послѣ не пожалѣли о томъ, потому что имѣли случай пріобрѣсти немало познаній, особенно на лекціяхъ профессора Филомаѳитскаго, который увлекательно читалъ физіологію, сопровождая каждую лекцію опытами надъ живыми животными.

Теоретическое преподаваніе терапіи и патологіи профессоромъ Сокольскимъ представляло также немало интереса, а клиническія занятія, ввѣренныя старику Бунге, были очень безцвѣтны и скучны, послѣ практическихъ трудовъ Дядьковскаго. Хирургическія операціи профессора Иноземцова были сначала не совсѣмъ удачны: изъ 16 операцій каменной болѣзни только 9 сопровождались полнымъ успѣхомъ; трое больныхъ умерло, а 4 остались съ неизлѣчимыми фистулами.

Къ прежнимъ своимъ наставникамъ мы рѣдко ходили на лекціи; только я иногда заходилъ послушать П. Л. Страхова, заступившаго мѣсто Бунге. Даровитый, энциклопедически образованный и вполнѣ добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, П. Л. умѣлъ найти кой-какія пособія для преподаванія ветеринарной науки: у него появились полные скелеты домашнихъ животныхъ, препараты сухіе и

спиртовые, отличные рисунки; словомъ, онъ положилъ основаніе кабинету сравнительной анатоміи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ перешелъ на каѳедру технологіи, обнаружилъ очень много свѣдѣній по части фабричнаго и заводскаго производства; наконецъ, онъ былъ отличнымъ по дѣятельности и учености директоромъ Московскаго Коммерческаго Училища.

Въ 1837 году начался для меня и трехъ моихъ товарищей докторскій экзаменъ въ мѣсячныхъ собраніяхъ факультета, которыя назначались не чаще одного раза въ мѣсяцъ. Въ первомъ засѣданіи, какъ теперь помню, 12 Октября, экзаменовали насъ профессоры, приглашенные изъ физико-математическаго факультета: Веселовскій—изъ физики, Гейманъ—изъ химіи, Фишеръ—изъ ботаники, Ловецкій — изъ зоологіи и Щуровскій—изъ минералогіи. Такимъ образомъ мы раздѣлались съ приготовительными предметами. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ производилось испытаніе изъ предметовъ собственно-медицинскихъ: анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, акушерства, судебной медицины, фармаціи, токсикологіи (совершенно новый для насъ предметъ) и, наконецъ, хирургіи. Главное затрудненіе для насъ состояло въ томъ, что хотя экзамены были рѣдки (черезъ мѣсяцъ, а иногда и черезъ два мѣсяца одинъ отъ другаго), но мы не знали, изъ какого предмета предстоитъ намъ испытаніе, потому что за насъ принимался всегда тотъ профессоръ, который прежде другихъ приходилъ въ собраніе. Особенно доставалось намъ отъ новыхъ профессоровъ, которые хотѣли, въ видахъ уязвленія своихъ предшественниковъ, доказать полное наше невѣжество. Сверхъ того затрудняла насъ, а особенно казака Плохова и кончившаго курсъ въ одной изъ провинціальныхъ гимназій Скаренникова, необходимость изъясняться на Латинскомъ языкѣ. Послѣднимъ и самымъ тяжелымъ для насъ испытаніемъ была хирургія оперативная: профессоръ Иноземцовъ сряду 4 засѣданія изощрялъ надъ нами свое неистощимое остроуміе и, наконецъ, хотя и неохотно, поставилъ каждому изъ насъ отмѣтку «удовлетворительно». Всегда правдолюбивый товарищъ его Г. И. Сокольскій не вытерпѣлъ и сказалъ ему: «Иванову слѣдовало бы поставить превосходно».—«Ни за что не соглашусь», отвѣчалъ Иноземцовъ. — «Это впрочемъ и не нужно», объяснилъ деканъ Альфонскій: «и безъ того всѣ мы видѣли, что гг. докторанты знаютъ хирургію, а это и слѣдовало доказать».

Экзаменъ сошелъ съ рукъ; слѣдовало каждому изъ насъ подумать о выборѣ предмета для диссертаціи, а это была вещь не легкая: нужно было найти тему, которая могла бы представлять какъ можно менѣе возможности для придирокъ со стороны новыхъ профессоровъ. По совѣту профессора А. А. Іовскаго, постоянно ко мнѣ благосклоннаго, я

сталъ писать о стрихнинѣ—ядовитомъ веществѣ, тогда еще мало извѣстномъ. Вспоминаю съ благодарностью о вниманіи къ моему труду Н. Б. Анке (преемника старика Котельницкаго) и Филомаѳитскаго: два первыхъ указывали мнѣ источники для сочиненія, а послѣдній руководствовалъ меня при опытахъ надъ живыми животными, которые производилъ я на его лекціяхъ. Въ тоже время принялись за писаніе диссертацій двое моихъ сотоварищей; о чемъ писали они, теперь я не могу вспомнить. Ивановъ, избравшій себѣ тему также изъ токсикологіи (о мышьякѣ), не принимался за дѣло, откладывалъ съ года на годъ и, наконецъ, вовсе отложилъ мысль о диссертаціи и не получилъ степени доктора медицины, которой онъ больше всѣхъ насъ заслуживалъ. Впрочемъ, винить его въ этомъ нельзя: обязанный содержать семейство, онъ вовсе не имѣлъ свободнаго времени. Еще до начала докторскаго экзамена, онъ принялъ на себя преподаваніе физики и химіи въ кадетскомъ корпусѣ, въ межевомъ институтѣ и еще въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда въ Москвѣ онъ былъ лучшимъ учителемъ по этимъ предметамъ. Сверхъ того у него была обширная медицинская практика, и притомъ всегда безплатная, по особенной причинѣ. Изъ любви къ отцу, который (какъ выше было сказано) лишилъ себя жизни, Ивановъ, какъ человѣкъ вѣрующій, постоянно мучился мыслью, чѣмъ бы помочь душѣ несчастнаго самоубійцы. Священники, съ которыми онъ совѣтывался, отвѣчали ему единогласно, что церковь запрещаетъ молиться о самоубійцахъ и поминать ихъ при совершеніи литургіи. По просьбѣ любимаго моего товарища, я ѣздилъ съ нимъ къ митрополиту. Выслушавъ внимательно недоумѣнія молодаго человѣка, Филаретъ похвалилъ сыновнюю любовь его къ умершему отцу и сказалъ: «Поминать самоубійцу на литургіи не дозволено; но вы можете и должны молиться о немъ, прибавляя къ молитвѣ: Господи, не постави мнѣ молитву сію во грѣхъ. А главная помощь несчастной душѣ—дѣла милосердія. Вы не имѣете средствъ давать нуждающимся деньги; помогайте имъ усердно вашими познаніями, охотно лечите бѣдныхъ и, на сколько можете, безмездно. Этимъ вы облегчите участь души, о которой скорбите и на себя привлечете благословеніе Божіе». — Съ того времени Ивановъ далъ себѣ слово никогда и ни съ кого не брать денегъ за леченіе, и остался вѣрнымъ этому обѣту до конца своей жизни.

Моя диссертація поспѣла прежде всѣхъ; она состояла изъ 4-хъ частей: ботанической, химической, токсикологической и судебно-медицинской; къ ней приложено было 9 тезисовъ. Употребленіе стрихнина въ медицинѣ я отложилъ въ сторону, для избѣжанія профессорскихъ пререканій. Въ началѣ весны 1838 года я прожилъ нѣсколько дней въ Сергіевомъ посадѣ, чтобы прочесть написанное сочиненіе моему

любезному наставнику Θ. А. Голубинскому, который перемѣнилъ въ немъ нѣсколько фразъ. Затѣмъ диссертація «de Strychnino» пошла для прочтенія и одобренія по профессорамъ, отъ одного къ другому. Въ продолженіи лѣта она была напечатана, и диспутъ назначенъ на 25 Сентября.

Не съ тѣмъ уже страхомъ, какой испыталъ я нѣкогда при первомъ университетскомъ экзаменѣ, взошелъ я на каѳедру и громко прочелъ вступленіе и тезисы. Профессоры были почти всѣ на лицо, кромѣ Иноземцова; студентовъ набралось очень много. Но публики было очень мало: кромѣ немногихъ близкихъ знакомыхъ и сотоварищей моихъ по докторскому экзамену, почтили диспутъ своимъ присутствіемъ новый попечитель университета, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, ректоръ М. Т. Каченовскій и бывшій ректоръ И. А. Двигубскій. Возраженія, и при томъ довольно дѣльныя, были отъ профессоровъ Іовскаго, Анке и Филомаѳитскаго; прочіе слушали, не говоря ни слова. Затѣмъ нѣсколько студентовъ, окруживъ каѳедру, начали предлагать свои возраженія, конечно, не-сильныя и отрывочныя (по трудности спорить на Латинскомъ языкѣ), но справиться съ ними мнѣ было нелегко, потому что они перебивали другъ друга и не давали мнѣ времени отвѣчать въ порядкѣ одному за другимъ; словомъ, по мѣткому выраженію Іовскаго, «они налетѣли, какъ шавки на звѣря». Впрочемъ деканъ довольно скоро успокоилъ ихъ, объявивъ, что диспутъ конченъ. Послѣ минутнаго совѣщанія съ членами факультета, онъ провозгласилъ меня докторомъ медицины, а графъ Строгоновъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, поздравилъ меня съ новымъ званіемъ. Тогда онъ въ первый разъ присутствовалъ при защищеніи диссертаціи въ университетѣ и остался вполнѣ доволенъ.

Достигнувъ законнымъ порядкомъ «высшихъ медицинскихъ почестей» (summos medicinae honores, legitime obtinendos, какъ сказано въ дипломѣ), я рѣшился, по приглашенію доктора Поля, принять на себя должность сверхъ-штатнаго ординатора въ Екатерининской больницѣ, безъ жалованья. Мнѣ хотѣлось убѣдиться въ томъ, гожусь-ли я или нѣтъ, быть практическимъ врачемъ. Мнѣ предоставлены были мужскія хроническія палаты, въ которыхъ моя практика, несмотря на усердіе и заботливость, не могла имѣть большихъ успѣховъ: въ нихъ лежали большею частью больные, одержимые чахоткою и водяною болѣзнію; почти всѣ они съ больничной койки отправлялись въ анатомическую палатку и затѣмъ въ могилу, если только не выписывались заблаговременно изъ больницы, при небольшомъ, случайномъ облегченіи болѣзни. Было нѣсколько случаевъ излеченія ревматиковъ и еще одинъ блестящій опытъ излеченія паралитика, твердо сохранившійся

въ моей памяти. Больной, дворовый человѣкъ, Владиміръ Васильевъ, 28 лѣтъ, ремесломъ портной, болѣе года лежалъ въ больницѣ, лишенный движенія обѣихъ ногъ (paraplegia cumparalysi vesicae urinariae). Изъ исторіи его болѣзни я увидѣлъ, что никакія средства ему не помогаютъ и рѣшился, съ согласія главнаго доктора, испытать на немъ дѣйствіе стрихнина. Употребленіе этого яда внутрь въ самыхъ малыхъ, почти микроскопическихъ, но весьма частыхъ пріемахъ долго оставалось безъ дѣйствія, также какъ и присыпка того же вещества на части тѣла, обнаженныя отъ кожи (methodus endermatica). Спустя нѣсколько недѣль, появились первыя подергиванія въ ногахъ, до тѣхъ поръ совершенно безчувственныхъ; мало по малу мускулы стали обнаруживать произвольное движеніе. Черезъ три мѣсяца леченія, мой Владиміръ сталъ ходить по корридору на двухъ костыляхъ, потомъ замѣнилъ ихъ палкою и, наконецъ, выписавшись изъ больницы, пошелъ пѣшкомъ къ своему барину. Послѣ я встрѣтилъ его на улицѣ, идущимъ твердою поступью. Этотъ случай леченія былъ записанъ въ книгѣ, заключающей въ себѣ всѣ замѣчательные опыты больничной практики и читанъ мною въ засѣданіи Физико-Медицинскаго Общества, которое избрало меня въ дѣйствительные члены. Выше я забылъ упомянуть, что прежде того былъ уже д. членомъ двухъ обществъ: Испытателей природы и Россійскаго Любителей Садоводства.

Еще при началѣ службы въ Екатерининской больницѣ, я принялъ на себя должность врача въ Арбатской школѣ Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года, получившаго это названіе потому, что основано въ этомъ году, по случаю пребыванія высочайшаго двора въ Москвѣ. Чтобы объяснить, какъ произошло это новое для меня назначеніе, я долженъ возвратиться на нѣсколько лѣтъ назадъ.

Въ числѣ лицъ, близкихъ къ моему вотчиму по масонскому братству, былъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, женатый на Евдокіи Михайловнѣ Нарышкиной, родной сестрѣ знаменитой основательницы женскаго монастыря на Бородинскомъ полѣ битвы, Маргариты Михайловны (въ иночествѣ Маріи) Тучковой. Съ 1834 г. я былъ радушно принятъ въ домѣ Голицыныхъ; это былъ первый вполнѣ аристократическій домъ, въ который удалось мнѣ проникнуть; здѣсь я былъ представленъ кн. Д. В. и кн. С. М. Голицынымъ. При самомъ основаніи названнаго выше общества, княгиня Е. М. была одною изъ самыхъ ревностныхъ участницъ новаго благотворительнаго дѣла и приняла на себя обязанности попечительницы первой школы Общества, въ Мѣщанской части, получившей названіе Николаевской, въ честь Государя. Когда готовилась къ открытію вторая школа, Арбатская, княгиня отрекомендовала меня Александрѣ Петровнѣ Тучковой, супругѣ заслуженнаго

генерала и сенатора Павла Алексѣевича Тучкова, назначенной попечительницею этой школы, и Варварѣ Марковнѣ Мертваго, рожденной Полторацкой, вдовѣ сенатора, исправлявшей должность предсѣдательницы Общества. Арбатская школа открыта 8 Ноября 1838 года, и я тогда же опредѣленъ при ней врачемъ.

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ о цѣли и дѣятельности Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года, въ которомъ позднѣе привелось мнѣ играть довольно значительную роль. Учредительницы его, Московскія знатныя дамы, имѣли въ предметѣ подражаніе основанному гораздо ранѣе въ Петербургѣ Женскому Патріотическому Обществу, которое пользовалось особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ государыни императрицы Александры Өеодоровны и трехъ августѣйшихъ дочерей ея, принявшихъ на себя званіе членовъ Совѣта. Составленный и утвержденный ея величествомъ уставъ Московскаго Общества, возлагалъ на него обязанность открыть, по мѣрѣ способовъ, частныя школы для бѣдныхъ дѣвочекъ, во всѣхъ частяхъ г. Москвы. Въ каждой школѣ полагалось по 20 приходящихъ воспитанницъ, которыя получали отъ школы обѣдъ, платье и обувь, но жили у родителей; было и нѣсколько пансіонерокъ, съ платою отъ благодѣтелей по 200 рублей ассигнаціями въ годъ. Предметы ученія состояли въ Русской грамотѣ, законѣ Божіемъ, началахъ ариөметики, а главное въ вышиваніи и другихъ рукодѣліяхъ. Каждая школа имѣла свою попечительницу, изъ числа знатныхъ Московскихъ дамъ, надзирательницу и ея помощницу (двѣ послѣднія жили въ школѣ и получали очень скудное жалованье), законоучителя и врача. На мою долю доставалось очень мало дѣла въ Арбатской школѣ, въ которую я ѣздилъ два раза въ недѣлю; впрочемъ случалось иногда посѣщать больныхъ дѣвочекъ изъ числа приходящихъ, въ тѣхъ подвалахъ и чердакахъ, гдѣ жили онѣ съ своими родными. Лекарства для нихъ отпускались безплатно изъ университетской аптеки, по приказанію графа Строганова, принимавшаго постоянное участіе въ дѣлахъ и нуждахъ Общества.

Около года продолжались мои практическія занятія не только во ввѣренныхъ мнѣ хроническихъ палатахъ Екатерининской больницы, но и въ палатахъ острыхъ болѣзней, по особенной внимательности доктора Рябчикова. Опытъ вполнѣ убѣдилъ меня, что діагностика болѣзней мнѣ не дается, что я не могу быть хорошимъ практическимъ врачемъ, хотя весьма удовлетворительно изучилъ теорію медицинскихъ наукъ. Мнѣ оставалось только жалѣть о лучшихъ лѣтахъ жизни, потерянныхъ въ ученіи, безполезномъ для меня и для другихъ. Нужно было искать себѣ другой служебной карьеры, а это было не легко потому что указъ, не задолго передъ тѣмъ изданный, лишалъ медиковъ

всѣхъ правъ университетскаго образованія въ случаѣ поступленія на гражданскую, а не на медицинскую службу: докторъ медицины, также какъ и лекарь, принимался въ гражданскую службу только съ первымъ класнымъ чиномъ; на медицинской службѣ докторъ считался за урядъ въ VIII классѣ, но утверждался въ чинѣ коллежскаго асесора только черезъ восемь лѣтъ, между тѣмъ какъ доктора́ другихъ факультетовъ пользовались этимъ чиномъ со дня поступленія въ службу.

Къ моему счастью открылось въ Москвѣ новое учрежденіе—Комитетъ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни. По уставу Комитета въ числѣ сотрудниковъ могли быть и медики, сохраняя права̀ медицинской службы. Предсѣдателемъ Комитета былъ назначенъ сенаторъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ. Я уже упоминалъ о немъ прежде, но здѣсь слѣдуетъ разсказать нѣсколько подробнѣе.

С. Д. Нечаевъ, зажиточный помѣщикъ Рязанской губерніи, въ молодости занимался литературой, съ 1819 года былъ ученикомъ въ какой-то масонской ложѣ, потомъ служилъ въ Москвѣ при князѣ Д. В. Голицынѣ, женился на С. С. Мальцевой и, пользуясь покровительствомъ дяди ея, оберъ-прокурора Св. Синода князя Мещерскаго и князя А. Н. Голицына, получилъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ. Когда кн. Мещерскій былъ произведенъ въ сенаторы, Нечаевъ занялъ его мѣсто. Но не долго пришлось ему завѣдывать синодальными дѣлами; принужденный болѣзнію жены сопровождать ее для леченія на южный берегъ Крыма, онъ просилъ Государя поручить доклады по дѣламъ Синода товарищу министра народнаго просвѣщенія графу Протасову. Возвратясь вдовцомъ изъ Крыма, Нечаевъ нашелъ, что мѣсто его уже прочно занято Протасовымъ, и былъ назначенъ сенаторомъ въ одинъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената; здѣсь любовь къ занятіямъ и честолюбіе заставили его искать для себя какого-либо самостоятельнаго мѣста, на которомъ онъ могъ-бы отличиться. Онъ придумалъ новый комитетъ, составилъ для него уставъ, по утвержденіи котораго принялъ на себя предсѣдательство и горячо принялся за дѣло. Весьма пріятный и обязательный въ сношеніяхъ съ людьми посторонними, С. Д. Нечаевъ былъ весьма строгимъ и взыскательнымъ начальникомъ по службѣ. Чтобы угодить ему, нужно было работать изо всѣхъ силъ, а иногда и сверхъ силъ, что̀ я впослѣдствіи испыталъ на себѣ.

Комитету о нищихъ былъ переданъ въ управленіе Работный Домъ—заведеніе для призрѣнія нищихъ, наполненное множествомъ призрѣваемыхъ, большею частью престарѣлыхъ обоего пола, совершенно неспособныхъ ни къ какой работѣ, вопреки названію, которое было дано этому заведенію.

Открытіе Комитета послѣдовало 6-го Августа 1839 года. Послѣ принесенія присяги всѣми служащими, первое засѣданіе было въ большой залѣ Работнаго Дома, нарочно приготовленной для комитетскихъ собраній. Послѣ того былъ обѣдъ у предсѣдателя, жившаго въ огромномъ домѣ Мальцовыхъ, на Дѣвичьемъ полѣ.

Въ Комитетѣ были члены изъ чиновниковъ и купцовъ, и кромѣ того старшіе и младшіе сотрудники и агенты. Членами были: дѣйств. ст. совѣтникъ А. С. Талызинъ, попечитель Работнаго Дома полковникъ А. М. Львовъ, стряпчій уголовныхъ дѣлъ Н. И. Орловъ; коммерціи совѣтникъ В. И. Розенштраухъ, почетные граждане Б. В. Страховъ, В. М. Блохинъ и А. В. Чижовъ; старшими сотрудниками: П. Д. Голембовскій, Е. И. Классенъ, докторъ медицины Владимировъ и я. Въ числѣ младшихъ сотрудниковъ находились мелкіе чиновники, агентами были купцы. Правителемъ дѣлъ былъ аудиторъ военной канцеляріи генералъ губернатора П. А. Карепинъ, а помощникомъ его — нѣкто Голицынскій (имени и отчества его не помню).

Изъ числа членовъ Комитета рѣзко выдавался усердіемъ къ дѣлу, благодушіемъ и неистощимою благотворительностію Борисъ Васильевичъ Страховъ. Онъ былъ богатый хлѣбный торговецъ. Въ 1839 и 1840 годахъ урожаи хлѣба были такъ худы, что эти годы и теперь еще слывутъ въ народѣ «голодными годами». Толпы людей, не имѣющихъ пропитанія дóма, стекались въ Москву—добывать насущный хлѣбъ Христовымъ именемъ. Никогда не бывало такъ много нищихъ въ Москвѣ. Чтобы сколько нибудь помочь нуждающимся, Б. В. Страховъ придумалъ и предложилъ предсѣдателю Комитета устроить столы для бѣдныхъ; первый столъ былъ открытъ Страховымъ въ Замоскворѣчьѣ, на Болотѣ, близъ мучной его лавки: ежедневно выдавалось тамъ безденежно по 300 порцій, состоящихъ изъ щей съ фунтомъ мяса, каши съ масломъ и двухъ фунтовъ очень вкуснаго хлѣба, испеченнаго изъ ржаной муки пополамъ съ картофелемъ. Сверхъ того такія-же порціи отпускались по билетамъ, по 10 коп. асс. Мука продавалась тогда по 4 рубля за пудъ, а фунтъ говядины по 12 коп. ассигнаціями. Понятно, что для изготовленія такой пищи нужно было тратить много денегъ, даже и на покупныя порціи, не говоря уже о даровыхъ. Добрый Страховъ не жалѣлъ ни своей муки, ни своихъ денегъ. Почти все содержаніе Замоскворѣцкаго стола лежало на немъ одномъ, хотя онъ по скромности своей увѣрялъ, что ему помогаютъ въ этомъ дѣлѣ многіе добрые люди изъ купечества.

Члены Блохинъ и Чижовъ, агенты изъ купечества Воробьевъ, Великолѣповъ, Плигинъ, два Евдокимовыхъ и другіе послѣдовали примѣру Страхова и открыли еще 6-ть столовъ въ разныхъ мѣстахъ Мос-

квы, на тѣхъ-же основаніяхъ, какія были приняты при учрежденіи перваго стола для бѣдныхъ Страховымъ, который и въ этихъ столахъ принималъ участіе, отпуская содержателямъ ихъ муку и крупу за половинную цѣну.

Столы для бѣдныхъ продолжались отъ Декабря 1839 до Августа 1840 года.

Суммы Комитета скопились очень быстро, частью изъ единовременныхъ пожертвованій и ежегодныхъ взносовъ отъ вступившихъ въ него лицъ купеческаго сословія, частью изъ значительныхъ приношеній, собранныхъ предсѣдателемъ и членами отъ постороннихъ лицъ. Самое замѣчательное изъ этихъ приношеній поступило отъ богатаго и бездѣтнаго старика, премьеръ-маіора Ахлебаева. Нечаевъ поѣхалъ къ нему въ Хамовники, прямо изъ Сената, въ мундирѣ и въ лентѣ, и такъ умѣлъ растрогать его своимъ краснорѣчіемъ, что старикъ расплакался и тутъ же вручилъ гостю 5.000 рубл. асс., а по смерти своей (вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей) завѣщалъ Комитету свой домъ съ большимъ количествомъ земли и до десяти тысячь рублей. На эти деньги, съ продажею лишней земли, устроена была Ахлебаевская богадѣльня, въ которую переведено было значительное число увѣчныхъ-призрѣваемыхъ изъ Работнаго Дома. Старикъ Ахлебаевъ былъ очень замѣчателенъ, какъ необыкновенная въ своемъ родѣ личность. Мнѣ поручено было отвести къ нему для подписи переписанное на-бѣло духовное завѣщаніе. Ворота заперты, у калитки привѣшенъ колокольчикъ; по звону приходитъ дворникъ и узнавъ, кто я и за какимъ дѣломъ, отправляется докладывать и снова запираетъ за собой калитку. Дожидаюсь довольно долго, а между тѣмъ по двору бѣгаетъ, съ громкимъ лаемъ, цѣлая стая крупныхъ собакъ. Наконецъ дворникъ возвращается, отворяетъ ворота, и я вхожу къ Ахлебаеву. Старикъ весьма ветхій, дряхлый, глухой, въ канифасномъ халатѣ и сверхъ него въ какой-то изорванной женской кацавейкѣ (несмотря на жаркое время), въ вязаномъ колпакѣ на головѣ, принялъ меня въ полутемной, грязной гостиной; вокругъ него суетилось нѣсколько старухъ-служанокъ. «Позвольте узнать, государь мой, кого я имѣю честь видѣть и по какому дѣлу?» спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя и сказалъ, что привезъ ему завѣщаніе для подписи, по порученію сенатора Нечаева. «Такъ, государь мой, весьма благодарю, что потрудились ко мнѣ старику пожаловать; только не вѣрится, что вы точно графъ, а еще молодой человѣкъ». Старался я объяснить ему, что бываютъ графы не только молодые, но и малолѣтные; старикъ не могъ увѣриться, впрочемъ попросилъ присѣсть, внимательно выслушалъ, но подписать не согласился. «Самъ прочесть не могу, по слабости глазъ, а не знаю, такъ ли написано, какъ вы изволили читать». Спасибо одной

изъ старухъ: она присовѣтовала послать за сосѣднимъ священникомъ; когда священникъ прочелъ завѣщаніе въ другой разъ, Ахлебаевъ рѣшился приложить руку, а вслѣдъ за нимъ и священникъ, духовный отецъ его, подписался свидѣтелемъ.

Много также успѣлъ добыть Нечаевъ отъ извѣстнаго золотопромышленника П. В. Голубкова. Всѣ эти суммы вписывались въ одну большую книгу казначеемъ Комитета, онъ же представлялъ ежемѣсячные отчеты о приходѣ и расходѣ денегъ.

Казначеемъ Комитета, при самомъ его открытіи, былъ коллежскій ассессоръ Павелъ Дмитріевичъ Голембовскій, служившій въ тоже время смотрителемъ Екатерининскаго (Матросскаго) богадѣленнаго дома. Онъ былъ изъ небогатыхъ дворянъ, участвовалъ въ войнахъ 1812 — 1815 годовъ, потомъ служилъ въ какой-то гражданской службѣ въ Москвѣ. При началѣ нашего житья въ Сергіевскомъ посадѣ, мать моя взяла на воспитаніе незаконнорожденную дочь его Людмилу (Люличку), но скоро принуждена была возвратить отцу эту избалованную и своенравную дѣвочку, съ которой невозможно было сладить. Во время предсмертной болѣзни Н. А. Головина, Голембовскій, хотя ревностный масонъ, но человѣкъ самолюбивый, не могъ вытерпѣть ѣдкихъ насмѣшекъ и колкостей Головина и пересталъ навѣщать его. Въ это время Голембовскій женился на бывшей классной дамѣ Елисаветинскаго Института, Марьѣ Ѳедоровнѣ Громницкой и, какъ нарочно, день брака ихъ совпалъ съ погребеніемъ Головина, и свадебный поѣздъ встрѣтился съ похороннымъ. Вскорѣ послѣ того новобрачный Павелъ Дмитріевичъ напечаталъ свой романъ «Паденіе Бирона. Въ этомъ (довольно слабомъ) сочиненіи очень мало историческихъ подробностей, но за то нѣсколько язвительныхъ намековъ на собратій автора. Такъ напримѣръ ханжа Кадильниковъ, управляющій одной пожилой барыни, на которой желаетъ жениться, напоминаетъ ей о своихъ заслугахъ: «я не только заботился о спасеніи души вашей, но и способствовалъ вашему внѣшнему благосостоянію сѣченіемъ крестьянъ, не платящихъ оброка». Всѣ знакомые догадались, на кого направленъ намекъ, тѣмъ болѣе, что Красильниковъ ѣздилъ передъ тѣмъ въ Ярославскія деревни моей матери за сборомъ недоимокъ, хотя никого тамъ не сѣкъ и вообще не любилъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Неуваженіе П. Д. къ памяти Головина и намеки, высказанные имъ въ романѣ, навлекли на автора негодованіе масоновъ, но онъ умѣлъ скоро помириться съ ними. Получивъ, при содѣйствіи Фонъ-Визина и Курбатова, мѣсто смотрителя богадѣльни, онъ ввелъ тамъ много улучшеній, при чемъ умѣлъ сдѣлать значительную экономію въ расходахъ. За это онъ былъ награжденъ Владимирскимъ крестомъ по статуту. Казначеемъ Комитета о просящихъ милостыни Го-

лембовскій пробылъ не долго, жалуясь на слабость зрѣнія, а вскорѣ слѣпота принудила его къ полной отставкѣ. При небольшой пенсіи, этотъ честный, благородный и деликатный человѣкъ, вмѣстѣ съ умною женою, жилъ скромно, почти бѣдно, но прилично, не прося и не принимая ни отъ кого никакихъ пособій. М. Ѳ. Голембовская, женщина очень образованная, много писала, при помощи мужа, и за одно сочиненіе, написанное на тему, заданную отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, получила золотую медаль. Она кончила жизнь прежде мужа; а бѣдный слѣпецъ, лишившись единственной своей подпоры, прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ грустномъ одиночествѣ. Дѣтей у нихъ не было.

Должность казначея Комитета, по увольненіи Голембовскаго, принялъ на себя Егоръ Ивановичъ Классенъ—человѣкъ начитанный, неутомимо трудолюбивый и страстный охотникъ занимать въ одно время много различныхъ мѣстъ. Такъ онъ соединялъ въ себѣ должности: правителя дѣлъ Коммерческой Академіи, директора какого-то дѣтскаго пріюта, директора Общества Садоводства, редактора журнала Садоводства и проч. Сверхъ того онъ участвовалъ въ занятіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ, составлялъ изслѣдованія по древней Русской исторіи (которыя послѣ были изданы имъ въ видѣ таблицъ съ рисунками), а въ свободное время писалъ стихи. Словомъ сказать, трудолюбіе было у него неутомимое, но сопровождалось полною бездарностью. Всего забавнѣе было то, что въ Журналѣ Садоводства, за недостаткомъ матеріаловъ, онъ помѣщалъ свои стихи. Вотъ образчикъ для примѣра:

Къ дамѣ, носящей крестикъ на шеѣ.

Вы крестикъ носите не для святыхъ лобзаній.
Скажите же, на что онъ вамъ?
Не знакъ ли это бѣдственныхъ страданій,
Которыя готовите вы намъ?
Мнѣ мнится, что вы мысленно твердите:
Распнемъ, распнемъ ихъ по крестамъ!
Друзья, отъ дамы съ крестикомъ бѣгите,
Иль сбудется предсказанное вамъ.

Чтò тутъ общаго съ садоводствомъ? спросилъ я Классена.—«Увеселеніе публики», отвѣчалъ онъ. Однажды я показалъ стихи Классена Голембовскому; онъ далъ имъ названіе: «Дурость непроходимая».

Говоря о Классенѣ, вспоминаю о Журналѣ Садоводства. Въ 1838 году этотъ журналъ издавался цѣлымъ совѣтомъ редакторовъ, по выбору Общества. Вотъ имена ихъ, насколько сохранились они въ моей

памяти: Віаноръ Васил. Бѣликовъ, профессоръ ботаники въ Мед. Хирургической Академіи Ив. Осип. Шиховскій, Александръ Вилимовичъ Рихтеръ (страстный и ученый ботаникъ, братъ проф. акушерства), Е. И. Классенъ и я. Два первые, какъ директоры Общества Садоводства по искусственной и ученой части, носили титулъ «главныхъ» редакторовъ. Каждый изъ насъ вносилъ свою лепту въ изданіе; такъ и я помѣстилъ большую оригинальную статью: «Наблюденія надъ временемъ цвѣтенія растеній Московской флоры» и нѣсколько переводныхъ. Мы собирались ежемѣсячно для совѣщанія у издателя-книгопродавца А. С. Ширяева, но на нашемъ изданіи сбылась пословица: «у семи нянекъ дитя безъ глазу». Журналъ былъ плохъ и всегда опаздывалъ. На слѣдующій 1839-й годъ журналъ поступилъ въ полное распоряженіе Классена, сталъ выходить исправнѣе, но не улучшился по содержанію, хотя украсился піитическими произведеніями редактора-издателя.

Возвращаюсь къ Комитету о просящихъ милостыни. На мою долю, въ первый годъ, доставалось немного работы: изрѣдка исполнялъ я порученія С. Д. Нечаева, въ родѣ того, о которомъ упомянулъ выше (поѣздка къ старику Ахлебаеву), составилъ двѣ книжки «Примѣровъ христіанскаго милосердія», выбранныхъ изъ Четьи-Минеи и Пролога, и полное Житіе св. Іоанна Милостиваго. Вмѣстѣ съ докторомъ Владимировымъ, я выработалъ подробную смѣту для временной больницы на сто кроватей; эта смѣта пригодилась въ слѣдующемъ году, когда развитіе эпидемическаго тифа принудило Комитетъ открыть временную больницу въ двухъ нанятыхъ домахъ.

Въ такихъ занятіяхъ окончился для меня 1839-й годъ; начало слѣдующаго года ознаменовалось въ нашей семьѣ помолвкою сестры моей съ Харьковскимъ и Екатеринославскимъ помѣщикомъ Александромъ Николаевичемъ Ковалевскимъ. Хотя женихъ былъ много старше невѣсты (съ сѣдыми, окрашенными волосами), вдовецъ съ двумя дѣтьми отъ перваго брака; но невѣста очень охотно дала ему слово, желая поскорѣе вырваться изъ материнскаго дома. Бракъ совершился 30 Апрѣля, въ Новопименовской церкви, въ приходѣ которой мы жили тогда, нанимая домъ Оранскаго, близъ съѣзжаго дома Сущевской части.

На свадебномъ вечерѣ была, въ числѣ родныхъ, еще другая невѣста—двоюродная сестра моя красавица Варинька Толстая, дочь дяди гр. Александра Степановича. Она вскорѣ вышла замужъ за Александра Яковлевича Нарышкина, который, какъ кажется, былъ моложе ея лѣтами. Какъ умная женщина, она увезла молодаго и склоннаго къ мотовству мужа на житье въ деревню, умѣла поправить хозяйственныя его дѣла и уплатить долги. Она не имѣла дѣтей и, овдовѣвъ, была лучшею матерью для осиротѣлыхъ племянниковъ своего мужа.

Сестра моя, Александра Владимировна Ковалевская, получила, при замужествѣ, нашу часть с. Соскова, состоявшую въ 70 душахъ незаложенныхъ, въ видѣ 14-й законной части изъ отцовскаго и материнскаго имѣній. Черезъ нѣсколько дней послѣ своей свадьбы, новобрачные Ковалевскіе уѣхали въ Изюмскій уѣздъ Харьковской губерніи.

Признаюсь откровенно, что разлука съ сестрой не была для меня большимъ огорченіемъ, по слѣдующимъ причинамъ: хотя мы росли вмѣстѣ, т.-е. въ томъ же родительскомъ домѣ, но, по разности въ возрастѣ и въ занятіяхъ, между нами мало было общаго. Послѣ втораго брака нашей матери, весьма часто происходили столкновенія между сестрой моей и вотчимомъ, что̀ очень вредно дѣйствовало и на здоровье матери и на характеръ сестры, который часъ отъ часу становился раздражительнѣе. Мнѣ часто приходилось разыгрывать между ними роль миротворца и становиться въ непріятное положеніе. По отъѣздѣ сестры, миръ и спокойствіе водворились въ нашемъ домѣ, и отношенія мои къ Красильникову сдѣлались дружелюбнѣе. Впрочемъ объ немъ я могу повторить сказанное мною прежде: онъ любилъ меня по своему, и я никогда не видалъ отъ него никакой непріятности. Управленіе моимъ имѣніемъ было въ полномъ его распоряженіи (чему я былъ очень радъ, потому что сельско-хозяйственныхъ занятій никогда не любилъ); доходы поступали въ общую массу, и всѣ доходы были также общіе. Но онъ никогда не отказывалъ мнѣ въ деньгахъ, и всегда старался, чтобы я не имѣлъ ни въ чемъ нужды. Это доброе ко мнѣ расположеніе особенно усилилось по отъѣздѣ сестры моей, когда между нами не стало никакихъ поводовъ къ пререканіямъ. За то и я сталъ любить его больше прежняго.

Въ Маѣ 1840 года я встрѣтилъ у митрополита Филарета, преосв. Іосифа Литовскаго, главнаго дѣятеля при возсоединеніи уніятовъ съ православною церковью. Онъ при мнѣ разсказывалъ нашему владыкѣ, что, довершивъ это великое дѣло, которое составляло всю цѣль его жизни, онъ просилъ у Государя увольненія отъ епархіи, чтобы прожить остатокъ дней своихъ въ уединеніи, но не въ монастырѣ. «Двѣнадцать лѣтъ такой удручающей работы», говорилъ онъ, «такихъ безпокойствъ и такой отвѣтственности утомили бы всякаго. Я же ничего не добивался. Идеаломъ счастія для меня было имѣть домикъ съ садомъ и кабинетъ съ книгами. Но Государю просьба моя была не угодна, и я долженъ былъ остаться на своемъ мѣстѣ». Онъ разсказалъ еще, что папа, раздраженный отступленіемъ отъ него уніятскихъ архіереевъ, торжественно проклялъ ихъ, во время литургіи, предъ самымъ освященіемъ святыхъ даровъ. Преосв. Іосифъ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ почетомъ: въ Чудовѣ, гдѣ онъ останавливался, викарій представлялъ

ему настоятелей монастырей и членовъ консисторіи; онъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ и въ Сергіевой Лаврѣ, гдѣ встрѣчали его со звономъ во всѣ колокола; владыка давалъ для него обѣдъ, на которомъ былъ и я. За годъ или за нѣсколько мѣсяцевъ прежде, пріѣзжалъ въ Москву изъ Полоцка другой новоприсоединенный епископъ, преосв. Василій съ крестомъ преп. Евфросиніи. Филаретъ былъ тогда въ Петербургѣ и не зналъ о его путешествіи, и потому Полоцкій епископъ былъ очень холодно принятъ въ Москвѣ. Тогда говорили, что нашъ владыка получилъ за это замѣчаніе, вслѣдствіе котораго сдѣлалъ наилучшій пріемъ Литовскому архіепископу.

Въ тоже лѣто получили мы письмо отъ бабушки Елисаветы Андреевны Сумароковой: добрая старушка, ослабѣвая отъ дряхлости, желала видѣть меня, своего любимаго внука и крестника. Получивъ отпускъ, я поѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Данковымъ, о которомъ забылъ сказать прежде, что онъ, по ходатайству дяди моего гр. Петра Степановича, въ 1837 году получилъ изъ Псковской консисторіи метрическое свидѣтельство, послужившее удостовѣреніемъ въ дворянскомъ его происхожденіи. По этому документу онъ былъ принятъ въ студенты университета на казенное содержаніе. Ему хотѣлось поклониться гробу своего благодѣтеля П. Н. Сумарокова, и онъ напросился ко мнѣ въ товарищи путешествія.

Наше путешествіе было очень пріятно, при отличной лѣтней погодѣ. Въ Сергіевскомъ посадѣ мы заѣхали часа на два къ Ѳ. А. Голубинскому и нашли у него засѣданіе Комитета духовной цензуры. Одинъ изъ членовъ Комитета, ректоръ Виѳанской семинаріи архимандритъ Агапитъ (магистръ VI курса академіи) былъ очень озабоченъ двумя выраженіями въ рукописи, которая разсматривалась въ этомъ засѣданіи. «Какъ бы это получше перевести: inspiratio et expiratio? Вдыханіе—хорошо, а издыханіе—плохо; подумаешь, что человѣкъ издыхаетъ, т. е. умираетъ». Спутникъ мой Данковъ сказалъ ему, что въ физіологіи этотъ терминъ называется не издыханіемъ, а выдыханіемъ (т. е. воздуха). «Вотъ это прекрасно», съ восхищеніемъ вскричалъ о. Агапитъ, и съ радости обнялъ и расцѣловалъ Данкова. Въ Ростовѣ мы поклонились мощамъ въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ и приняли благословеніе отъ почтеннаго отца архимандрита Иннокентія. Тогда я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ.

Въ Красное мы пріѣхали довольно поздно вечеромъ; послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали старинный пятиглавый храмъ и подлѣ него дорогія для насъ могилы. Бабушка встрѣтила насъ съ восторгомъ; отъ радостныхъ слезъ она долго не могла выговорить ни слова. Очень рада была намъ и Варинька. Давно слѣдовало-бы мнѣ

поговорить подробнѣе объ этой милой моей кузинѣ, которую я любилъ, какъ родную сестру. Въ это время она, приближаясь къ 20-ти лѣтнему возрасту, вполнѣ развилась и цвѣла красотою. Съ высокимъ ростомъ и стройнымъ тѣлосложеніемъ матери, она соединяла прелестный обликъ отца и большіе голубые его глаза. Улыбка ея была восхитительна, и всѣ движенія въ высшей степени граціозны. Получивъ основательное образованіе въ пансіонѣ, откуда вышла года за три до этого времени, она постоянно дополняла свои познанія дѣльнымъ чтеніемъ; лѣтнее время она проводила въ деревнѣ съ бабушкой, а по зимамъ жила въ Москвѣ и выѣзжала въ свѣтъ съ дальней своей родственницей княгиней Надеждой Александровной Черкасской, рожденной Крюковой, которая страстно любила всѣ свѣтскія удовольствія и рада была, по смерти единственной своей дочери, вывозить на балы такую красавицу, какъ Варинька.

Всѣ Московскіе молодые люди на перерывъ ухаживали за Варинькой тѣмъ болѣе, что дѣдъ Алексѣй Андреевичъ, крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, отдалъ ей въ наслѣдство все свое имѣніе—около 600 душъ въ Костромской и Нижегородской губерніяхъ.

Братъ ея Николай окончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ подпоручикомъ, перешелъ въ офицерскій классъ, но на слѣдующій-же годъ вышелъ въ отставку поручикомъ. Въ немъ было много добрыхъ качествъ отца: благородство души, свойственное всему роду Сумароковыхъ, доброе сердце, сострадательность ко всѣмъ нуждающимся, остроуміе и любезность характера. Но при этомъ, подобно отцу, онъ не умѣлъ укрощать своихъ страстей и прихотей, которыя сократили жизнь его очень рано, какъ мы увидимъ ниже. Во время моего пріѣзда, его не было въ Красномъ; онъ уѣзжалъ въ какое-то другое имѣніе заниматься хозяйствомъ.

На другой день по пріѣздѣ, мы поклонились родственнымъ могиламъ и поѣхали, вмѣстѣ съ бабушкой и Варинькой, въ сельцо Лунево, къ дѣдушкѣ Алексѣю Андреевичу. Онъ былъ предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ и былъ мнѣ очень радъ. За столомъ у него появились великолѣпная уха, кулебяка съ начинкою изъ живой бѣлорыбицы и огромная разварная стерлядь.

Черезъ два или три дня пріѣхала въ Красное тетушка Варвара Аѳанасьевна Коптева съ дочерью. Она провела здѣсь нѣсколько дней и по вечерамъ играла въ вистъ съ бабушкой и со мной. Нѣсколько разъ ѣздили мы всей компаніей къ дѣдушкѣ, который былъ уже очень слабъ и не выходилъ изъ комнаты. Вмѣстѣ съ Варинькой и Данковымъ я гулялъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ Красносельскаго сада и въ рощахъ, въ которыхъ не было уже псарни покойнаго дяди, заражавшей

воздухъ нестерпимымъ зловоніемъ. Незамѣтно текло время; двѣ недѣли пролетѣли, какъ одинъ день. Грустно было мнѣ разставаться съ добрыми стариками дѣдушкой и бабушкой; я предчувствовалъ, что не увижу ихъ болѣе. Но нужно было поспѣть къ сроку, чтобы не получить выговора отъ С. Д. Нечаева.

При первомъ свиданіи со мною, онъ объявилъ мнѣ, что желаетъ поручить мнѣ должность помощника правителя дѣлъ на мѣсто Голицынскаго, котораго онъ выжилъ за недостатокъ дѣятельности. Нечаевъ былъ мастеръ стлать мягко: онъ наговорилъ мнѣ много любезностей, когда я отговаривался незнаніемъ канцелярскихъ формъ, увѣрялъ, что мнѣ не будетъ слишкомъ трудно въ этой должности и обѣщалъ всѣ возможныя награды. Я согласился и скоро увидѣлъ на дѣлѣ совсѣмъ не то, въ чемъ увѣрялъ меня предсѣдатель Комитета. Правитель дѣлъ П. А. Карепинъ, человѣкъ умный, опытный въ дѣлахъ и благонамѣренный, имѣлъ нѣсколько другихъ должностей и потому мало занимался дѣлами Комитета. Канцелярія состояла изъ двухъ чиновниковъ: одинъ изъ нихъ Ѳ. И. Губеръ сынъ лютеранскаго пастора, молодой человѣкъ весьма образованный, умный и дѣятельный, трудился неутомимо; другой чиновникъ годился только для переписки съ чернаго на бѣло и для веденія исходящаго журнала, а между тѣмъ, въ Комитетъ приводили изъ полиціи ежедневно отъ 100 до 300 человѣкъ нищихъ; иногда, по настоятельнымъ требованіямъ Нечаева, это число увеличивалось до 500 и даже до 1000. Объ каждомъ изъ нихъ, при разборѣ однимъ изъ членовъ Комитета (большею частью Н. И. Орловымъ) составлялся особый статейный списокъ, съ резолюціею. Вся масса списковъ вмѣстѣ съ множествомъ бумагъ для подписи отсылалась ежедневно къ президенту Комитета, и возвращалась отъ него поздно вечеромъ. На другой день, съ 9 часовъ утра и до 4 часовъ пополудни, мы съ Губеромъ, не разгибаясь, писали бумаги, при которыхъ разсылали вчерашнихъ нищихъ, въ мѣщанское и цѣховое общества, то на родину съ особыми билетами, то въ разныя больницы и богадѣльни, то въ Губернское Правленіе (безпаспортныхъ и бѣглыхъ), то въ другія мѣста и вѣдомства. Нужно было спѣшить отправкою этихъ людей, потому что завтра явится новая масса. Число бумагъ простиралось ожедневно отъ 200 до 300; правда, что многія изъ нихъ писались на готовыхъ бланкахъ, въ которыя вписывалось только названіе отправляемаго лица и означеніе находившагося при немъ паспорта. Впрочемъ, иногда число исходящихъ бумагъ увеличивалось вдвое и даже втрое. Сверхъ того очень много времени отнимали справки, потому что почти каждый изъ нищихъ приводимъ былъ по нѣскольку разъ. Такъ сохранился у меня въ памяти слѣпой мѣщанинъ Петръ Петровъ, который въ теченіи одной зимы по-

бывалъ въ Работномъ Домѣ 7 разъ. Припоминая это время, я не могу надивиться, какъ доставало насъ двоихъ на такую Египетскую работу.

Несмотря на всю нашу дѣятельность, мы не успѣвали передѣлывать все чтò нужно, въ утреннее время. Губеръ бралъ къ себѣ на домъ статейные списки для составленія протокола къ середѣ или къ субботѣ, а я входящія бумаги для внесенія въ реестръ и текущую переписку. Раза два въ недѣлю я долженъ былъ обѣдать у Нечаева по его приглашенію, и это также отнимало у меня очень много времени. Вообще во всю осень 1840 года и послѣдующую за нею зиму я былъ такъ поглощенъ своею несносною должностью, что былъ лишенъ всякаго общества и всякаго развлеченія.

Единственнымъ пріятнымъ для меня событіемъ въ эту зиму было свиданіе съ ректоромъ Московской академіи, архимандритомъ Филаретомъ, который отправлялся въ Петербургъ для посвященія въ санъ епископа. Съ 1835 года, послѣ неудачной попытки сестры моей выйти за Кванчехадзева, мы не ѣздили уже въ Каменки на лѣто, но проводили лѣтнее время на дачѣ, или лучше сказать, въ маленькомъ домикѣ въ Сокольникахъ, который былъ купленъ, для больной матери моей, ея мужемъ. Потому и въ Лаврѣ я въ эти годы бывалъ рѣдко, а от. Филарета не видалъ съ 1837 года, когда я прогостилъ нѣсколько дней у благодѣтельнаго моего наставника Ѳ. А. Голубинскаго для пересмотра моей докторской диссертаціи въ отношеніи къ чистотѣ Латинскаго слога.

Съ от. Филаретомъ (Дмитріемъ Григорьевичемъ Гумилевскимъ) я былъ близко знакòмъ во время его студенчества, и по окончаніи имъ курса. Сдѣлавшись, очень скоро сравнительно со сверстниками, ректоромъ академіи, онъ оставилъ тамъ по себѣ безсмертную добрую память. Какъ профессоръ богословія, онъ выступилъ на поприще преподаванія съ новыми пріемами—съ критикою источниковъ, съ филологическими соображеніями, съ исторіею догматовъ, съ рѣзкими опроверженіями мнѣній, порожденныхъ раціонализмомъ въ протестантскомъ Западѣ, чтò было занимательною новостію для его слушателей. Соединяя съ обширною ученостію необычайное трудолюбіе, онъ умѣлъ возбуждать въ студентахъ любовь къ ученому труду. Какъ ректоръ академіи, Филаретъ Гумилевскій видѣлъ много опытовъ строгости со стороны знаменитаго митрополита Московскаго Филарета. Впрочемъ, въ строгихъ указаніяхъ и наставленіяхъ владыки виденъ былъ не деспотизмъ, а добрая воспитательная цѣль. Чѣмъ выше стояло подчиненное ему лице по своему положенію, чѣмъ болѣе оно отличалось особенными дарованіями, тѣмъ строже взыскивалъ митрополитъ за малѣйшее упущеніе по должности. Такъ однажды ректоръ Филаретъ уѣхалъ на пасху въ Москву, не успѣвъ получить дозволенія отъ владыки. «Вы

поѣхали въ Москву», писалъ ему митрополитъ, «не дождавшись разрѣшенія. Не было его потому, что только изъ письма о вашемъ отбытіи узналъ я, что просите разрѣшенія. Со мною въ семъ суда нѣтъ, но для предосторожности впредъ скажу, что увольнять самаго себя есть поступокъ весьма не-офиціальный, и если дойдетъ до высшаго начальства, могущій имѣть непріятныя послѣдствія». Въ другомъ письмѣ владыки, о. Филаретъ получилъ такое наставленіе: «Берегите достоинство мѣста, которому принадлежите. Не примите словъ моихъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло, какъ ему быть надобно». Позднѣе, тотъ-же Филаретъ Гумилевскій, уже въ епископскомъ санѣ, отзывался о замѣчаніяхъ и взысканіяхъ митрополита съ искреннею благодарностію, какъ объ урокахъ опытности.

Проводивъ о. Филарета въ Петербургъ, я снова принялся за свою чернорабочую канцелярскую дѣятельность. Такъ продолжалось до великаго поста, или до открытія при Комитетѣ временной больницы для тифозныхъ. Тутъ, кромѣ прежнихъ занятій, Нечаевъ поручилъ мнѣ еще новое дѣло—каждый вечеръ обходить больницу, чтобы убѣдиться, все ли тамъ въ порядкѣ. Въ одинъ изъ такихъ обходовъ, я почувствовалъ себя дурно и отъ слабости принужденъ былъ слечь въ постелю. Не предчувствуя опасности, я приписалъ эту слабость утомленію отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, и не спорилъ, когда мать моя, довѣряя вполнѣ гомеопатіи, предложила мнѣ лечиться у Гольденберга, постояннаго ея врача. Но какъ мнѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось хуже, то я, наконецъ, понялъ, что заразился тифомъ и пригласилъ профессора Альфонскаго. Въ тотъ-же вечеръ (6 Марта) я былъ пораженъ необыкновеннымъ явленіемъ: лежа съ открытыми глазами, я увидѣлъ въ ногахъ своей постели покойнаго моего отца; онъ смотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ и рукою манилъ къ себѣ. Можетъ быть, это былъ бредъ, но вотъ что замѣчательно: я лишился отца въ 12-ти-лѣтнемъ возрастѣ; съ тѣхъ поръ прошло 17-ть лѣтъ, и черты лица покойнаго до такой степени изгладились изъ моей памяти (портрета отца у насъ не было), что я почти не могъ представить себѣ его лица. А послѣ этого видѣнія я до сихъ поръ такъ живо припоминаю себѣ черты отца, какъ будто вчера его видѣлъ. Страхъ, внушенный явленіемъ покойнаго, побудилъ меня къ исповѣди и причащенію Святыхъ Таинъ въ тотъ же вечеръ. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ уже въ полномъ безпамятствѣ и столбнякѣ съ сжатіемъ челюстей. На слѣдующее утро Альфонскій потребовалъ консиліума. Приглашенные врачи: Высоцкій, Поль и Оверъ единогласно рѣшили, что мое положеніе безнадежно. Только послѣдній изъ нихъ предложилъ, въ видѣ опыта, прибѣгнуть къ леченію водою. Въ эту зиму доктору Оверу удалось посредствомъ водянаго леченія

спасти двухъ больныхъ: доктора Фе и В. Д. Олсуфьева (въ послѣдствіи оберъ-гофмейстера и графа); мнѣ предстояло быть третьимъ въ этомъ спискѣ. Не стану описывать подробно пріемовъ этого леченія, тогда еще совершенно новаго, а теперь уже очень извѣстнаго. При полномъ безпамятствѣ я не понималъ, что̀ со мной дѣлали, но когда пришелъ въ себя (18 Марта, въ Лазареву субботу), то почувствовалъ, что обертываніе простынями, намоченными въ холодной водѣ и притомъ повторяемое нѣсколько разъ сряду, очень мучительно. Такія инволюціи продолжались до середы страстной недѣли, а съ этого дня я началъ выздоравливать. Внутрь не давали мнѣ никакого лекарства, кромѣ той-же холодной воды.

Мать моя, во время моей болѣзни, была въ отчаяніи и безпрестанно молилась со слезами; мужъ ея очень горевалъ обо мнѣ и не рѣдко плакалъ, какъ слышалъ я отъ Данкова, который вполнѣ доказалъ мнѣ свою дружбу въ это тяжкое для меня время. Онъ находился при мнѣ неотлучно, днемъ и ночью, поднималъ меня на рукахъ при каждой инволюціи, наблюдалъ за ходомъ болѣзни, писалъ подробную ей исторію, и находилъ еще время утѣшать мать мою при первыхъ благопріятныхъ признакахъ.

Во время моего безпамятства получены были извѣстія о кончинѣ дѣдушки и бабушки Сумароковыхъ. У Алексѣя Андреевича усилилась водяная еще до болѣзни моей; молодые Сумароковы, Николай и Варинька, бывшіе тогда въ Москвѣ, поспѣшили къ нему и застали его при послѣднихъ минутахъ жизни. Вслѣдъ за тѣмъ бабушка Елисавета Андреевна поражена была ударомъ; черезъ нѣсколько дней она опомнилась, но гасла съ каждымъ днемъ: 80-ти-лѣтній организмъ уже не могъ поправиться. О смерти брата она не знала и, чувствуя приближеніе своей кончины, умоляла внуковъ заботиться объ А. А., который въ то время лежалъ уже въ могилѣ. О смерти этихъ дорогихъ мнѣ лицъ узналъ я уже по выздоровленіи.

Много знакомыхъ и родныхъ принимали во мнѣ участіе; одни присылали узнавать о здоровьѣ, другіе сами подъѣзжали къ воротамъ для той же цѣли; но никто изъ нихъ не осмѣлился войти въ домъ, зараженный тифомъ, кромѣ Е. Б. Масловой и князя П. А. Голицына. Екатеринѣ Богдановнѣ я много обязанъ за участіе во мнѣ и особенно въ моей матери; эта почтенная женщина, мать семейства, ежедневно пріѣзжала къ моей матери и сидѣла у ней довольно долго; ея не удерживали ни страхъ заразы, ни весенняя распутица, ни дальность разстоянія между Старой Конюшенной и Покровкой. Князь Петръ Алексѣевичъ бывалъ также довольно часто и подарилъ мнѣ, когда я выздоравливалъ, гравюру воскресенія Лазаря, которую храню и теперь,

какъ память его дружбы. На святой недѣлѣ я пожелалъ причаститься Св. Таинъ. При исповѣди, въ началѣ болѣзни, при такой исповѣди, которая казалась мнѣ предсмертною, я былъ въ полномъ сознаніи. Я твердо помню каждое слово этой исповѣди. Какъ же я былъ пораженъ, когда духовникъ (тотъ же о. С., о которомъ я говорилъ уже неоднократно) сталъ увѣрять меня выздоравливающаго, будто бы я клятвенно обѣщался вступить въ братство свободныхъ каменщиковъ, если Господь сохранитъ мнѣ жизнь! Такая ужасная ложь, ложь служителя алтаря при совершеніи таинства, въ присутствіи Св. Даровъ Христовыхъ, привела меня въ ужасъ и омерзѣніе. Неужели члены этого братства имѣли такую крайнюю нужду въ новыхъ адептахъ? И какую пользу думали они извлечь изъ моей личности?

Выздоровленіе мое шло очень быстро; въ половинѣ Апрѣля, при отличной весенней погодѣ, мы переѣхали въ Сокольники, гдѣ я совершенно укрѣпился въ силахъ. Но еще прежде этого переѣзда навѣстилъ меня С. Д. Нечаевъ, очень радовался, что болѣзнь моя миновалась и желалъ мнѣ поскорѣе выздоровѣть и возвратиться къ своей службѣ въ канцелярію Комитета, гдѣ отсутствіе мое было, по словамъ его, очень ощутительно.

Но для меня эта служба казалась крайне непріятною и страшною, а мать моя и слышать объ ней не хотѣла. Впрочемъ, скоро представилась возможность другой, болѣе удобной и приличной службы. Въ это время былъ высочайше утвержденъ уставъ Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года; при немъ была вакансія помощника правителя дѣлъ, и новая предсѣдательница Общества княгиня Е. М. Голицына предложила мнѣ эту должность, съ тѣмъ, чтобы начать занятія съ 1 Сентября, а до тѣхъ поръ отдохнуть послѣ болѣзни. Я принялъ это предложеніе съ благодарностью и поспѣшилъ отказаться отъ службы въ Комитетѣ просящихъ милостыни, несмотря на самыя ласковыя убѣжденія и просьбы Нечаева.

Досуги лѣтняго времени я употребилъ на составленіе книжки. «Жизнь и чудеса Св. Николая Чудотворца». Пользуясь преимущественно Четьи-Минеею и чудесами, напечатанными при службѣ сему угоднику Божію, я диктовалъ, а жившій у насъ во время вакацій другъ мой Данковъ писалъ подъ диктовку. Книжка поспѣла скоро; я поѣхалъ съ нею въ Лавру и тамъ, при пособіи Ѳ. А. Голубинскаго, дополнилъ ее изъ указанныхъ имъ источниковъ и отъ него же получилъ цензурное разрѣшеніе. Этотъ первый мой трудъ, напечатанный на мой счетъ, принесъ мнѣ хорошую прибыль; два завода (2.400 экземпляровъ) разошлись менѣе нежели въ годъ, второе изданіе, въ одинъ заводъ, также распро-

дано удачно. Послѣ того я продалъ право изданія книгопродавцу, и недавно видѣлъ эту книжку напечатанную 12-мъ изданіемъ.

Въ должность помощника правителя дѣлъ Московскаго Благотворительнаго Общества я вступилъ съ 1 Сентября 1842 г., сохранивъ притомъ званіе врача Арбатской школы. Я отчасти познакомилъ уже читателей съ цѣлью дѣятельности этого Общества и школъ его. Но тогда открывалась еще только вторая школа Арбатская, а теперь было уже семь школъ, а именно: Николаевская (въ Мѣщанской части), Арбатская, Прѣсненская, Хамовническая, Титовская (въ Серпуховской части, устроенная на счетъ казначея Общества В. М. Титова), Симоновская (въ Пятницкой части, основанная и обезпеченная почетн. граж. Ѳ. И. Симоновымъ) и Голицынская. Послѣдняя изъ нихъ была устроена на капиталъ, собранный изъ пожертвованій, въ память незадолго скончавшейся предсѣдательницы общества княгини Т. В. Голицыной; болѣе половины этого капитала внесено супругомъ покойной, княземъ Д. В. Голицынымъ.

На каждую школу (кромѣ трехъ послѣднихъ, имѣвшихъ свои способы содержанія) отпускалось ежегодно по тысячѣ рубл. сер., а между тѣмъ у Общества не было достаточнаго наличнаго капитала. Нужно было изыскивать способы къ пріобрѣтенію нужныхъ денегъ, и эта забота, за отсутствіемъ правителя дѣлъ, князя Н. А. Щербатова, лежала на мнѣ. Несмотря на мою неопытность, я придумалъ и предложилъ дамскому совѣту два способа: 1) ежегодное устройство томболы—бала или маскарада съ большою лотереею и съ двумя малыми, извѣстными подъ названіемъ аллегри, и 2) причисленіе къ штату Общества шести коммиссіонеровъ изъ купечества. Эта послѣдняя мѣра требовала высочайшаго утвержденія. Не скоро и не безъ труда, но это утвержденіе наконецъ было получено, благодаря статсъ-секретарю Н. М. Лонгинову, черезъ котораго протоколы Общества были представляемы Государынѣ Императрицѣ. Такъ какъ коммиссіонеры Общества пользовались увольненіемъ отъ общественныхъ выборовъ, то всѣ шесть мѣстъ были заняты очень скоро богатыми купцами: одинъ изъ нихъ (Королевъ) снабжалъ всѣ школы обувью для воспитанницъ; другой (Плигинъ) доставлялъ всѣ письменныя принадлежности для канцеляріи, также бумагу, аспидныя доски, учебныя книги и проч. для всѣхъ школъ; четверо остальныхъ вносили по 1000 рублей въ годъ. Кромѣ того Общество пользовалось участіемъ въ торговлѣ рукодѣльями, ежегодно учреждаемой въ залахъ благороднаго собранія графинею С. В. Панинова. Нѣсколько лѣтъ спустя, эта торговля, извѣстная подъ именемъ Базара, перешла вполнѣ въ распоряженіе Общества.

Мало-по-малу число школъ стало увеличиваться; въ 1843 году мнѣ удалось, при усердномъ пособіи Ѳ. И. Симонова, склонить почетнаго гражданина А. В. Пищальникова на учрежденіе 8-й школы въ Рогожской части. Эта школа получила названіе Пищальниковской; благодѣтельный основатель ея внесъ 25 тысячъ рубл. сер. на ея содержаніе, но не согласился принять на себя званія коммиссіонера. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы школа была открыта въ Рогожской части, потому что предки его, старинные Московскіе купцы, болѣе ста лѣтъ жили и торговали въ этомъ краю Москвы. Памятникомъ ихъ благочестія и щедрости служитъ великолѣпная колокольня Андроньева монастыря.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы, когда я уже занялъ мѣсто правителя дѣлъ, по увольненіи князя Щербатова, пожалованнаго въ генералъ-майоры, открыто еще нѣсколько школъ: Мясницкая, Срѣтенская, Якиманская, Сущевская и Басманная.

Не стану утомлять читателей подробностями о дѣйствіяхъ Общества, но не могу умолчать о заслугахъ нѣкоторыхъ дамъ, принявшихъ на себя званіе попечительницъ школъ и членовъ Совѣта.

Попечительница Хамовнической школы О. Н. Талызина, рожденная графиня Зубова, родная внучка по матери великаго Суворова, съ 1843 года сдѣлалась предсѣдательницею Общества, по увольненіи княгини Голицыной. Твердый умъ, постоянная, неутомимая дѣятельность, живое участіе въ каждомъ добромъ предпріятіи, неуклонное правдолюбіе безъ всякаго лицепріятія, всегда ровный и откровенный характеръ были отличительными ея свойствами и пріобрѣли ей всеобщее уваженіе.

Графиня Екатерина Александровна Зубова, рожденная княжна Оболенская, супруга роднаго брата О. Н. Талызиной, была въ полномъ смыслѣ душею всѣхъ дѣйствій и предпріятій общества: на Базарѣ она такъ усердно и неутомимо занималась продажею школьныхъ рукодѣлій, такъ умѣла привлекать покупателей своею любезностью и необыкновенною красотою, что почти ничего не оставалось непроданнымъ. Для каждой томболы лучшія вещи поступали всегда отъ очаровательной графини. Дѣвочкамъ Титовской школы она была истинною матерью, даже бѣдные родственники ихъ находили у нея помощь и участіе въ своихъ нуждахъ. На Базарѣ рукодѣлій, который назначался всегда на 6-й недѣлѣ великаго поста и оканчивался въ Лазареву субботу, подлѣ стола съ женскими работами, за которымъ торговала графиня, находился небольшой столикъ съ разными пирожками, тартинками и т. п. Эти припасы доставлялись изъ дома графини и разбирались публикой на расхватъ; продавали ихъ бѣднѣйшія изъ приходящихъ дѣвочекъ Титовской школы. Вся выручка раздавалась,

по окончаніи торга, семействамъ ихъ на розговѣнье къ празднику. Родственникамъ другихъ бѣдныхъ дѣвочекъ своей школы графиня, называвшая всѣхъ ихъ «своими дѣтками», посылала деньги. Эти выдачи пособій передъ праздникомъ Пасхи составляли не менѣе 200 р. ежегодно. Онѣ проходили черезъ мои руки подъ строжайшимъ секретомъ. Къ несчастію, эта прекрасная жизнь продолжалась не долго: графиня скончалась 16 Августа 1844 года, на 32-мъ году, послѣ краткой болѣзни, въ имѣніи отца своего, князя А. П. Оболенскаго, близъ Калуги. Тѣло ея погребено въ Калужскомъ Лаврентіевомъ манастырѣ. Мраморный ангелъ на ея могилѣ напоминаетъ собою ангельскія свойства почившей. За годъ до кончины своей, проводя лѣтнее время въ деревнѣ мужа своего въ Суздальскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Золотниковской пустыни, она имѣла замѣчательный сонъ: она видѣла себя въ огромной полутемной церкви; передъ нею была очень большая икона Спасителя на убрусѣ, и какой-то сѣдой монахъ говорилъ ей: «молись Ему и помни Его праздникъ.» Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ нимъ въ деревню игуменъ Золотниковской пустыни и убѣдительно просилъ графа и графиню къ себѣ на праздникъ. Графиня никогда не бывала въ этой пустынѣ и уговорила мужа ѣхать туда вмѣстѣ съ нею. Но какъ была она поражена, когда взошла въ обширный, мало освѣщенный притворъ храма. Передъ нею стояла та самая икона, которую она видѣла во снѣ, и сѣдой монахъ, совершенно похожій на приснившагося ей прежде, повторилъ слова, слышанныя ею въ сновидѣніи. Возвратясь въ Москву она многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, разсказывала этотъ замѣчательный случай; но ни она сама, ни тѣ, которымъ она передавала, не могли понять его значеніе. Только на другой годъ оно объяснилось намъ, когда графиня скончалась 16 Августа, въ праздникъ Нерукотвореннаго образа.

Арбатская школа болѣе всѣхъ прочихъ отличалась искусствомъ вышиванья и ежегоднымъ сборомъ заработанныхъ денегъ. Этими успѣхами школа была обязана не столько большему числу пансіонерокъ, сколько своей попечительницѣ. Т. А. Савина, рожденная Лунина, женщина уже пожилая и одинокая, имѣла необыкновенную способность управлять учебными и благотворительными заведеніями. Она была въ тоже время предсѣдательницею совѣта Елисаветинскаго Института (Дома Трудолюбія), а позднѣе замѣнила собою О. Н. Талызину въ званіи предсѣдательницы Благотворительнаго Общества. Съ многолѣтнею опытностію въ управленіи и твердымъ непреклоннымъ хорактеромъ, она умѣла строго держать въ рукахъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ и заставлять ихъ неутомимо работать изъ-за однаго ласковаго слова. Она умѣла выбирать людей и рѣдко ошибалась въ выборѣ: надзирательница

Арбатской школы П. С. Владимирова была самой лучшей и самой дѣятельной изъ всѣхъ нашихъ надзирательницъ; она прослужила въ школѣ болѣе 25 лѣтъ и выслужила пенсію. Помощница ея Анна Грязева, бѣдная дѣвочка, отысканная мною въ подвалѣ и выросшая пенсіонеркою въ той-же школѣ, мастерски вышивала и умѣла передавать свое искусство воспитанницамъ.

Срѣтенская школа, хотя основанная гораздо позже, мало отставала отъ Арбатской въ качествѣ работъ и въ суммѣ заработанныхъ денегъ, благодаря заботливости своей попечительницы баронессы А. Ѳ. Корфъ, рожденной Ладыженской. Тогда еще не было у нея дѣтей, и она употребляла много времени и заботъ для усовершенствованія своей школы. Эта милая, добрѣйшая женщина памятна мнѣ въ другомъ отношеніи: домъ ея былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Москвѣ; по понедѣльникамъ и четвергамъ собиралось тамъ лучшее общество и проводило время очень пріятно. Къ сожалѣнію, и баронеса Корфъ, также какъ графиня Зубова, прожила недолго; но обѣ онѣ остались навсегда незабвенными для тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать ихъ.

Болѣе всѣхъ прочихъ школъ интересовала меня Симоновская. Тамъ, пользуясь неистощимымъ усердіемъ и щедростью Ѳ. И. Симонова, можно было предпринимать многое, недоступное для другихъ школъ по недостатку денежныхъ средствъ; такъ наприм. тамъ шили женскія платья, чепцы и шляпки, что̀ для воспитанницъ, окончившихъ курсъ, было выгоднѣе вышиванья. Кромѣ того попечительницей школы была женщина, хотя очень молодая, но разумная и вполнѣ способная къ руководству общественнымъ воспитаніемъ: Варвара Сергѣевна Ершова, рожденная княжна Вяземская. Она пользовалась наставленіями жившей съ нею матери ея княгини Е. Р. Вяземской, рожденной Татищевой, весьма умной, опытной (по долговременному управленію Домомъ Трудолюбія) и всѣми почитаемой старушки. Надзирательницей Симоновской школы была очень бойкая и дѣятельная дѣвица А. П. Смирнова. Общество было обязано ей пріобрѣтеніемъ дома на Татарской улицѣ. Вотъ какъ это случилось. Хозяйка этаго дома Жаркова была женщина больная параличемъ, одинокая, почти забытая родными. Смирнова, вмѣстѣ съ старшими пенсіонерками, изъ состраданія, ухаживала за больной и убѣдила ее отказать домъ, по духовному завѣщанію, Симоновской школѣ. Братъ завѣщательницы, Соковнинъ, пользовавшійся расположеніемъ и довѣріемъ князя С. М. Голицына, подалъ жалобу на незаконность завѣщанія, будто бы поддѣланнаго Смирновою. Возникло слѣдствіе, при которомъ я былъ депутатомъ со стороны Общества. Соковнинъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, жаловался князю на меня, какъ на соучастника мнимаго подлога; князь передавалъ его жалобы гене-

ралъ-губернатору, который назначилъ отъ себя особаго чиновника для производства слѣдствія. Несмотря на все это, несправедливость притязаній Соковнина была доказана, завѣщаніе утверждено, а князь Сергій Михайловичъ, убѣжденный доставленною отъ меня запискою о дѣлѣ, удалилъ отъ себя Соковнина и съ того времени удостоивалъ меня благосклоннымъ вниманіемъ.

Счастливая во всѣхъ отношеніяхъ, Симоновская школа имѣла лучшаго изъ всѣхъ школьныхъ законоучителей—священника Скорбященской церкви, магистра VIII-го курса Московской академіи, П. С. Ляпидевскаго. Онъ умѣлъ преподавать законъ Божій и священную исторію до такой степени примѣняясь къ понятіямъ дѣтскаго возраста, что даже маленькія дѣвочки свободно отвѣчали на вопросы, поясняя заученный урокъ своими словами. Это удивляло всѣхъ на годовыхъ экзаменахъ, введенныхъ во всѣхъ школахъ по моему представленію.

Говоря объ этой школѣ, я вспоминаю одно милое дитя, занесенное судьбою въ Москву съ Кавказа. При взятіи одного аула, бывшій декабристъ М. М. Нарышкинъ спасъ одну маленькую дѣвочку, родители которой были убиты во время приступа; онъ прислалъ ее въ Москву къ сестрѣ своей княгинѣ Е. М. Голицыной, бывшей тогда предсѣдательницей Общества. Помѣщенная въ школу, пятилѣтняя Аиша̀ была сначала дика, какъ маленькій звѣрокъ, не давалась никому въ руки, пряталась и кусалась. Впрочемъ скоро, при заботахъ и ласкахъ надзирательницы, она присмирѣла, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучилась понимать по-русски и охотно сидѣла въ классѣ, при урокахъ закона Божія. Особенно нравилось ей согласное пѣніе воспитанницами молитвъ предъ началомъ ученія, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Не прошло года, какъ малютка заговорила: «и я хочу Богу молиться, хочу молиться Христу и Богородицѣ, хочу въ церковь ходить». Графиня А. С. Панина, принимавшая особенное участіе въ дѣвочкѣ, по письмамъ брата своего В. С. Толстаго, служившаго тогда на Кавказѣ, вызвалась быть воспріемницей и дать Аишѣ свое имя при крещеніи, а я предложилъ себя въ воспріемники. Но дѣвочкѣ не понравилось имя Александры; она твердила: «Не хочу быть Сашей, хочу быть Надей. Меня ночью кличутъ: Надя, Надя пора тебѣ креститься». По желанію дѣвочки, ей дали при крещеніи выбранное ею имя. Но бѣдная Надя не вынесла нашего суроваго климата; въ началѣ весны она заболѣла кашлемъ и кровохарканьемъ, перевезена въ дѣтскую больницу и тамъ скоро умерла отъ чахотки. Я нѣсколько разъ навѣщалъ мою милую крестницу въ больницѣ; не задолго до смерти она разсказывала мнѣ, что слышитъ во снѣ прекрасное пѣніе. «Поютъ лучше нашихъ дѣвочекъ», прибавила она, «а они (неизвѣстно кто) говорятъ мнѣ: Надя, Надя, пора тебѣ къ намъ».

Въ семействѣ почтенной нашей предсѣдательницы О. Н. Талызиной я былъ принятъ какъ самый близкій человѣкъ. Здѣсь я былъ представленъ матери ея графинѣ Наталіи Александровнѣ Зубовой, дочери генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго. Она родилась 1-го Августа 1775 года. Чуждый покоя и въ войнѣ, и въ мирѣ, проводя жизнь въ безпрерывной, изумительной дѣятельности, вдали отъ мирной семейной жизни, герой не могъ самъ заняться воспитаніемъ дочери. По просьбѣ его она была принята въ Смольный монастырь и тамъ воспитывалась подъ надзоромъ самой Государыни Екатерины II, желавшей доказать свое благоволеніе «къ своему генералу» (какъ называла она Суворова) особенною заботливостью о воспитаніи его дочери.

Между тѣмъ герой Сѣвера и на поляхъ брани не забывалъ своей Наташи, своей «Суворочки», какъ называлъ онъ любимую дочь.

Послѣ Кинбурнской битвы въ Октябрѣ 1787 года, онъ писалъ къ ней: «У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете. И какъ мы танцовали: въ боку картеча, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошадкѣ мордочку оторвало. Письмомъ ты меня такъ утѣшила, что я плакалъ. Кто тебя тако́му красному слову учитъ? Боюсь, меня перещеголяешь! — Посмотрѣлъ бы я на тебя въ бѣломъ платьицѣ! При свиданіи не забудь разсказать мнѣ исторію о великихъ мужахъ древности. Голубушка Суворочка, цѣлую тебя! Радъ говорить съ тобою о герояхъ; научи имъ послѣдовать» [1]).

Прошло еще два года; съ береговъ Рымника, этой знаменитой рѣки, которой имя навсегда слилось съ именемъ Суворова, герой, украшенный первой степенью Св. Георгія, возведенный въ графское достоинство обѣихъ имперій (Русской и Римской) спѣшилъ подѣлиться радостью съ своей Суворочкой: «Comtesse des deux empires (графиня обѣихъ имперій), писалъ онъ ей, à cela (къ этому) надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицѣ: у меня горячка въ мозгу, да кто же выдержитъ? Слышала, сестрица, душа моя, еще de ma magnanime Mère (отъ моей великодушной Матери) рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки Св. Андрея тысячь въ пятьдесятъ, да выше всего первый классъ Св. Георгія! Вотъ каковъ твой папинька за доброе сердце; чуть право отъ радости не умеръ! Божіе благословеніе съ то-

---

[1]) Это письмо, списанное мною съ подлинника, хранившагося у покойной графини, кажется, еще нигдѣ не было напечатано, кромѣ моей брошюры: „Воспоминаніе о гр. Н. А. Зубовой. 1844 г.“

бой [2])». Въ 1792 г. графиня Наталья Александровна вышла изъ Смольнаго монастыря и пожалована фрейлиной Государыни. Великая Екатерина, всегда умѣвшая достойно награждать заслуги, приблизила къ своей особѣ дочь побѣдоноснаго полководца. Суворовъ, возвратясь въ Петербургъ сокрушителемъ Праги и завоевателемъ Польши, нашелъ юную дочь свою въ чертогахъ Императрицы, помѣщенную близъ самой ея спальни. Въ 1796 году онъ отпраздновалъ въ Петербургѣ свадьбу своей дочери съ графомъ Н. А. Зубовымъ.

Когда герой Рымникскій, возвращенный изъ деревенскаго уединенія для командованія Русскими и Австрійскими войсками противъ Французовъ, пользовался особою милостью императора Павла, произошелъ слѣдующій случай, слышанный мною отъ самой графини. Однажды Государь послалъ Ростопчина къ придворному ювелиру съ приказаніемъ доставить перстень съ большимъ брилліантомъ для подарка графу Суворову. Когда брилліанщикъ отозвался, что не имѣетъ въ готовности такого камня, а выпишетъ его изъ Голландіи, императоръ прогнѣвался и объявилъ, что сошлетъ мастера туда, гдѣ никто его не найдетъ. Къ удивленію, перстень съ огромнымъ солитеромъ былъ представленъ на другой-же день. Получивъ этотъ подарокъ отъ Павла 1-го, Суворовъ отвезъ его къ дочери, которая въ то время обѣдала и кинулъ его ей въ тарелку съ супомъ. Спустя нѣсколько дней, напуганный брилліянщикъ неожиданно явился къ графинѣ. «Бога ради не погубите меня», сказалъ онъ ей: «камень у васъ поддѣльный; я получилъ за него деньги изъ кабинета, и выписалъ настоящій солитеръ изъ Голландіи. Вы получите его мѣсяца черезъ два, а до тѣхъ поръ умоляю васъ сохранить тайну. Если Государь узнаетъ, я погибшій человѣкъ». Дѣйствительно графиня получила въ назначенный срокъ настоящій брилліантъ превосходной воды, величиною въ 20-ти копѣечную монету. Я видѣлъ этотъ камень; его цѣнили въ 12,000 р. с. Графиня недолго наслаждалась счастьемъ брачной жизни: въ 1805 г. скончался мужъ ея, оберъ-шталмейстеръ гр. Н. А. Зубовъ, оставивъ ее вдовою съ шестью малолѣтными дѣтьми—тремя сыновьями и тремя дочерьми.

Съ того времени жизнь графини Натальи Александровны была исключительно посвящена обязанностямъ матери. Почти сорокъ лѣтъ провела она въ тихомъ семейномъ кругу, утѣшаясь любовію и заботливостію дѣтей и внучатъ. Добрая христіанка, рѣдкая мать семейства, всегда сострадательная къ бѣднымъ и нуждающимся, ласковая, внима-

———————

[2]) Подлинникъ этого письма находился у А. С. Талызина, получившаго оный на память отъ графини, своей тещи.

тельная и радушная ко всѣмъ, кто только имѣлъ счастье знать ее, она была чужда всякаго тщеславія, суетности, мелкаго честолюбія. Уважаемая тремя монархами Россіи, дочь Суворова никогда ничего не искала ни для себя, ни для своего семейства. Московское высшее общество глубоко чтило графиню. Каждое воскресенье собирались у нея родные и ближніе знакомые, въ числѣ которыхъ постоянно бывалъ и я, пользуясь благосклоннымъ ея вниманіемъ. Всѣ знавшіе и умѣвшіе цѣнить достоинства графини Н. А. надѣялись, что мирная, благословенная старость ея будетъ продолжительна; самая крѣпость силъ и свѣжесть здоровья въ преклонныхъ лѣтахъ—послѣдствія правильной и добродѣтельной жизни—ручались, повидимому, за долговѣчность. Но судьбы Вышняго неисповѣдимы: внезапная вѣсть о ранней, неожиданной кончинѣ нѣжно любимой ею невѣстки графини Е. А. Зубовой (о которой сказано выше), сильно и глубоко огорчила ее. Съ того времени здоровье графини стало видимо ослабѣвать, появились признаки болѣзни, которая съ начала не казалась опасною, но постепенно усиливаясь, произвела совершенное изнуреніе и приблизила ее къ дверямъ гроба.

Графиня Н. А. скончалась 30 Марта 1844 года въ четвертокъ Св. Пасхи, на 69 году отъ рожденія. Кончина была достойна жизни ея, тиха и безмятежна, какъ кончина праведницы. Кроткая душа ея прошла мрачныя врата смерти, среди свѣтлыхъ дней Воскресенія. Тѣло графини Н. А. погребено въ Сергіевской пустыни, близъ Стрѣльны, въ семейной усыпальницѣ графовъ Зубовыхъ.

Воспоминанія увлекли меня слишкомъ далеко; я долженъ теперь возвратиться къ лѣту 1841 г. или лучше сказать ко времени выздоровленія моего послѣ тяжкой болѣзни.

Отдыхая въ Сокольникахъ за составленіемъ «Житія и чудесъ св. Николая», я случайно услышалъ отъ кого-то изъ друзей и собратій моего вотчима о необыкновенныхъ изображеніяхъ и надписяхъ въ церкви Архангела Гавріила, близъ Чистыхъ прудовъ. Во мнѣ возбудилось любопытство осмотрѣть эту церковь, извѣстную болѣе подъ названіемъ Меншиковой башни. Она построена первоначально свѣтлѣйшимъ княземъ А. Д. Меншиковымъ, повреждена громовымъ ударомъ и болѣе шестидесяти лѣтъ оставалась въ запустѣніи. Въ 1787 году нашлись ревнители, которые отстроили эту церковь и украсили ее не по обычаю православныхъ храмовъ, а съ мистическими эмблемами и изреченіями. По всей вѣроятности эти строители были масоны: они всегда любили подобныя изображенія съ Латинскими надписями. Такъ Н. И. Новиковъ, одинъ изъ главныхъ предводителей Русскаго масонства въ концѣ прошедшаго столѣтія, украсилъ приходскую церковь въ родовомъ своемъ имѣніи Бронницкаго уѣзда, въ селѣ Тихвинскомъ-Авдотинѣ, символи-

ческою живописью на стѣнахъ по собственному его изобрѣтенію. Теперь эта живопись уже не существуетъ, и неизвѣстно, на какомъ языкѣ были надписи подъ изображеніями.

Снаружи церкви со всѣхъ сторонъ сдѣланы лѣпныя изображенія, съ надписями на церковно-славянскомъ языкѣ. Такъ съ западной стороны подъ лѣпнымъ образомъ Благовѣщенія подписано»: «Домъ Мой домъ молитвы»; надъ дверью, ведущею на паперть: «Азъ есмь путь»; на паперти надъ дверью въ притворъ: «Путь заповѣдей Твоихъ текохъ». Съ южной стороны, подъ изображеніемъ Рождества Христова: «воскликните Богу Спасителю нашему», съ восточной (алтарной) стороны, подъ изображеніемъ Воскресенія Христова: «Се жертва тайная совершена дориносится», и еще подъ изображеніемъ потира»: «Сія чаша новый завѣтъ», а подъ дискосомъ со звѣздою: «И пришедъ звѣзда ста верху, идѣже бѣ Отроча». Съ сѣверной стороны подъ образомъ Богоявленія Господня: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка».

Извнутри церковь была украшена мистическими живописными изображеніями съ надписями на Латинскомъ языкѣ; ихъ было очень много, но я записываю теперь только тѣ, которыя сохранились въ моей памяти. Подъ куполомъ было всевидящее око съ надписью: «illuxisti obscurum» (просвѣтилъ еси тьму); на стѣнахъ надписи: при кругломъ кольцѣ: «sine fine» (безъ конца); при столпѣ съ крестомъ и якоремъ— «spe et fortitudine» (надеждою и мужествомъ); при крестѣ, окруженномъ терновымъ вѣнцемъ: «salus nostra» (наше спасеніе); при жертвенникѣ съ курящимся ѳиміамомъ: «poenitentia» (покаяніе); при агнцѣ, держащемъ хоругвь: «delet peccata» (изглаждаетъ грѣхи); при пламенѣющемъ крылатомъ сердцѣ: «ascendit» (возносится).

Изображенія внутри алтаря: орелъ летящій къ солнцу; при немъ надпись: «virtute patrum» (доблестію предковъ); корона на столпѣ «existimatione nixa» (утверждена на уваженіи); лилія съ надписью: «candor non laeditur auro» (золото не портитъ бѣлизны); подъ изображеніемъ солнца, освѣщающаго долины и холмы подписано: «Non sibi, sed mundo» (не для себя, а для міра).

Митрополитъ Филаретъ въ 1852 году, черезъ благочиннаго протоіерея Другова, истребовалъ подробное описаніе этихъ изображеній и надписей и далъ слѣдующую резолюцію: «Неприлично для православной Русской церкви, что надписи на Латинскомъ, на языкѣ западной церкви. Западная хитрость и черезъ художниковъ старается распространять свои обычаи. Лилія съ надписью «candor non laeditur auro» не представляетъ ничего церковнаго. Корона съ надписью «existimatione nixa» представляетъ мысль нехристіанскую и немонархическую: царскій вѣнецъ не на мнѣніи человѣческомъ утверждается, но на установ-

леніи Божіемъ. Агнецъ съ хоругвію—изображеніе, запрещенное соборнымъ правиломъ. Посему предписать, чтобы эмблемы, чуждыя церкви и Латинскія надписи были уничтожены и замѣнены изображеніями и надписями принятыми церковью». Вскорѣ послѣ того изображенія и надписи изчезли безслѣдно.

Въ концѣ 1841 года открылась для меня еще новая служба. Непремѣнный секретарь Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, директоръ соединеннаго съ нимъ Общества Овцеводства, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ предложилъ мнѣ должность секретаря при послѣднемъ изъ этихъ Обществъ. Онъ хорошо зналъ меня какъ по Г. И. Фишеру, при которомъ онъ долго служилъ, такъ и по связи своей съ Московскими масонами. Имѣя много свободнаго времени, я охотно согласился на его предложеніе. Служба моя при Обществѣ началась съ 1 Января 1842 года; она состояла въ заготовкѣ или переводѣ съ Нѣмецкаго и Французскаго статей по части овцеводства, которыя печатались ежемѣсячно, въ видѣ особаго прибавленія къ Журналу Сельскаго Хозяйства. Кромѣ того я долженъ былъ вести переписку (впрочемъ весьма необширную) съ членами Общества Русскими и иностранными. Отдѣльныя засѣданія Общества Овцеводства были очень рѣдки; по большей части они соединялись съ засѣданіями Общества Сельскаго Хозяйства, которое вскорѣ избрало меня въ свои дѣйствительные члены.

С. А. Масловъ, сынъ причетника, поступилъ изъ Славяно-греко-латинской академіи студентомъ въ Московскій университетъ въ 1809 году. Тамъ получилъ онъ степень магистра, а въ 1820 году—степень доктора правъ по защищеніи диссертаціи: «о системахъ политической экономіи», составлявшей любимую его науку. Въ томъ-же году онъ приглашенъ былъ занять мѣсто секретаря совѣта въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, а вскорѣ потомъ сдѣлался непремѣннымъ секретаремъ этого Общества. По его программѣ и подъ его редакціею съ 1821 г. до 1860 печаталось періодическое изданіе Общества сначала подъ названіемъ Земледѣльческаго Журнала, а позднѣе Журнала Сельскаго Хозяйства.

Незнакомый съ практическимъ сельскимъ хозяйствомъ, онъ приготовленъ былъ наукою политической экономіи смотрѣть на важность развитія народныхъ силъ и источниковъ народнаго богатства, представлявшихся въ Россіи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Это руководило его въ совѣщаніяхъ Общества Сельскаго Хозяйства, равно какъ въ изданіи журнала и въ составленіи при Обществѣ особаго отдѣленія подъ названіемъ Общества Овцеводства и комитетовъ: гг. сахароваровъ и картофельно-паточной промышленности, шелководства, льняной промышленности и всенароднаго распространенія грамотности,

въ коихъ онъ былъ директоромъ и главнымъ дѣятелемъ. По его мысли, П. И. Прокоповичъ завелъ въ Батуринѣ школу пчеловодства, а А. Ѳ. Ребровъ дѣятельно занялся шелководствомъ на Кавказѣ.

Для ознакомленія себя съ практическимъ, раціональнымъ земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, Степанъ Алексѣевичъ перевелъ и издалъ въ 1822 году книгу Людвига Фишера. «О плодоперемѣнномъ хозяйствѣ», потомъ перевелъ классическое сочиненіе знаменитаго Тэера: «О раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ». По овцеводству онъ перевелъ сочиненія Жотама и Перольта о шерсти и овцахъ и Коппе, сотрудника Тэера: «О разведеніи и содержаніи мериносовъ».

Обративъ вниманіе на зимнюю народную одежду, онъ, въ теченіи болѣе 20 лѣтъ, настойчиво содѣйствовалъ распространенію дубленія овчинъ для зимней одежды несравненно болѣе прочной и красивой, нежели обыкновенные недубленные полушубки и тулупы.

Нравственный характеръ С. А. Маслова выше всякаго описанія. Съ неутомимымъ трудолюбіемъ онъ соединялъ горячую любовь ко всему доброму и полезному. Безкорыстный въ высшей степени, онъ во всю жизнь свою но воспользовался чужою копѣйкою, хотя родился бѣднякомъ и до самой смерти жилъ только жалованьемъ и пенсіею, да и изъ этихъ доходовъ жертвовалъ для общей пользы охотнѣе, нежели многіе богатые люди. Зная нужду по опыту, онъ помогалъ всякому, кто-бы къ нему ни обращался и давалъ нуждающимся все, что̀ могъ. Съ живымъ участіемъ онъ готовъ былъ просить и настойчиво ходатайствовать о всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ, безъ всякаго лицепріятія. Но при этихъ высокихъ качествахъ, Масловъ имѣлъ свои недостатки: чуждый хитрости и лукавства, онъ не подозрѣвалъ этихъ свойствъ и въ другихъ людяхъ, а потому нерѣдко бывалъ обманутъ ловкими интриганами. Главнымъ недостаткомъ Маслова была вспыльчивость: онъ не выносилъ противорѣчій и въ спорахъ разгорячался иногда такъ, что не могъ удерживать своей раздражительности. Твердый, непреклонный тонъ, не полированный въ свое время свѣтскимъ воспитаніемъ, возстановлялъ противъ него нѣкоторыхъ изъ членовъ Общества, которые увѣряли, что онъ хочетъ править Обществомъ самовластно, не обращая никакого вниманія на мнѣнія другихъ. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

Въ 1844 году основатель и первый президентъ общества князь Д. В. Голицынъ умеръ въ Парижѣ. На мѣсто его былъ избранъ графъ П. А. Толстой, но и онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Преемникъ его, князь С. И. Гагаринъ былъ человѣкъ много свѣдущій, благонамѣренный, но не довольно твердый характеромъ.

Изъ трехъ бывшихъ при мнѣ президентовъ Общества Сельскаго Хозяйства, первый князь Д. В. Голицынъ мало зналъ меня до дѣла съ

Соковнинымъ, по которому онъ слышалъ на меня напрасныя жалобы. Но по окончаніи этого дѣла, увѣрившись въ моей правотѣ, онъ былъ постоянно ко мнѣ ласковъ и внимателенъ. Помню, какъ однажды въ засѣданіи Общества онъ понюхалъ изъ моей табакерки Русскаго табаку и сказалъ: «C'est du gazon en poudre» (это дерновая земля въ порошкѣ). Вся Москва очень любила этого генералъ-губернатора и долго жалѣла о его кончинѣ. Тѣло его привезено изъ за-границы и торжественно погребено въ Голицынской церкви Донскаго монастыря.

Графъ П. А. Толстой, старикъ заслуженный, уважаемый Государемъ, прямодушный и правдолюбивый, былъ недоступенъ ни проискамъ, ни лести. Даже князь Петръ Долгорукій, обругавшій въ дрянной своей книжонкѣ всѣхъ современныхъ ему значительныхъ людей въ Россіи, не могъ изобрѣсти никакой клеветы на графа П. А. и сравнивалъ его съ Баярдомъ, рыцаремъ безъ страха и упрека. Любя С. А. Маслова, графъ П. А. по немъ полюбилъ и меня. Я часто бывалъ у него, и въ старинномъ домѣ его въ Леонтьевскомъ переулкѣ, и въ подмосковномъ селѣ Ускомъ, по временамъ читалъ ему книги и журналы. Онъ считалъ меня родственникомъ и говорилъ мнѣ: «вѣдь ты мнѣ внукъ; дѣдушка твой былъ мнѣ внучатный братъ». Когда я былъ представленъ къ званію камеръ-юнкера, статсъ-секретарь Н. М. Лонгиновъ, въ письмѣ къ О. Н. Талызиной, изъявилъ желаніе, чтобы это ходатайство было подкрѣплено благопріятнымъ отзывомъ исправлявшаго должность ге- генералъ-губернатора князя А. Г. Щербатова. Услышавъ объ этомъ отъ меня, графъ П. А. сказалъ: «Какіе пустяки! Зачѣмъ Щербатова тревожить? Вотъ я объ тебѣ напишу, такъ меня послушаютъ». И дѣйствительно министръ двора, фельдмаршалъ князь П. М. Волконскій, въ самый день моего пожалованія (10 Января 1844 г.) увѣдомилъ графа, что я пожалованъ на основаніи письма его, доложеннаго Государю. Графъ П. А. скончался внезапно, отъ апоплексическаго удара, 30 Октября того-же года. Могила его въ Донскомъ монастырѣ.

Имѣя довольно свободнаго времени (несмотря на служебныя занятія въ двухъ вѣдомствахъ, на вечера, балы и другія свѣтскія увеселенія) и пользуясь имъ, я составилъ, при сотрудничествѣ друга моего Данкова, «Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери». Эта небольшая книжка была на разсмотрѣніи у митрополита Филарета, который измѣнилъ въ ней нѣсколько выраженій и совершенно исключилъ свѣдѣнія о другой Иверской иконѣ, находящейся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и принадлежавшей первоначально царевнѣ Софьѣ. Прибыль отъ перваго изданія книжки была порядочная; потомъ я передалъ ее въ пользу Иверской часовни. Она имѣла еще нѣсколько изданій.

Этотъ трудъ, послѣдній въ сообществѣ съ Данковымъ, былъ напечатанъ передъ самымъ отъѣздомъ послѣдняго изъ Москвы. Онъ кончилъ курсъ лекаремъ и получилъ мѣсто въ Астрахани при Калмыцкомъ управленіи. Недолго прожилъ тамъ мой добрѣйшій другъ Иванъ Ивановичъ Данковъ; въ слѣдующемъ году онъ сильно простудился на Волгѣ, получилъ воспаленіе въ легкихъ и умеръ отъ чахотки.

Въ началѣ 1845 года въ Обществѣ С. Х. возникли несогласія, шумныя пренія и раздоры. Соединилась цѣлая партія членовъ (не стану называть ихъ по именамъ) съ цѣлью удалить Маслова отъ должности непременнаго секретаря. При единствѣ цѣли, побужденія были разныя: одни желали властвовать и распоряжаться по своему усмотрѣнію; другіе желали себѣ прибыли, которую трудно было нажить при Масловѣ; наконецъ, третьи дѣйствовали по личному къ нему нерасположенію. Вожакомъ всей интриги былъ нѣкто Х—въ, который, при посредствѣ Маслова, назадолго передъ тѣмъ поступилъ въ дѣйствительные члены Общества Овцеводства и по его рекомендаціи былъ выбранъ въ предсѣдатели этого Общества и получилъ въ свое завѣдываніе Учебный Хуторъ. Къ сожалѣнію, С. А. самъ подалъ поводъ къ непріятной для него исторіи, и вотъ какимъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, двое молодыхъ лекарей были отправлены, на счетъ Общества, въ Германію, для обученія сельскому хозяйству въ Гогенгеймѣ, причемъ въ протоколѣ было сказано, по неосмотрительности Маслова, что они должны получить, по возвращеніи изъ-за границы, мѣста директоровъ Земледѣльческой Школы и Учебнаго Хутора. Въ это время они возвратились; одинъ изъ нихъ П. М. Преображенскій тотчасъ же занялъ мѣсто на хуторѣ, но другой Я. Н. Калиновскій не могъ получить обѣщанной должности, потому что директорское мѣсто въ школѣ было занято родственникомъ князя А. Г. Щербатова, который сильно ему покровительствовалъ и потому присталъ къ партіи, враждебной Маслову. Тогда члены этой партіи стали громко и настойчиво требовать, чтобы при невозможности исполнить протоколъ и при несогласіи Калиновскаго принять на себя учительскую должность вмѣсто директорской, непремѣнный секретарь самъ уступилъ ему свое мѣсто. Благонамѣренные члены, умѣвшіе цѣнить заслуги Маслова, крѣпко стояли за него, и по счастію они составляли большинство голосовъ. Предсѣдатель князь С. И. Гагаринъ, осаждаемый то съ той, то съ другой стороны, видимо колебался и не могъ, по недостатку твердости, водворить спокойствіе въ засѣданіяхъ Общества. Но къ веснѣ мало по малу успокоилась тревога, тѣмъ болѣе что 20-го Мая предстоялъ 25-лѣтній юбилей Общества; Масловъ занялся составленіемъ цѣлой книги къ этому дню и не являлся въ засѣданіяхъ. На хуторѣ, несмотря на сопроти-

вленіе Х—ва, возникла хотя небольшая, но очень прилично расположенная выставка, которую устроили нѣсколько членовъ Общества: земледѣльческими орудіями и машинами, привезенными отъ Бутеноповъ и Вильсона, завѣдывалъ П. В. Зиновьевъ; предметами земледѣлія, образцами зерновыхъ хлѣбовъ, кормовыхъ травъ и проч.—князь В. П. Волконскій; предметы огородничества, садоводства, шелководства, коллекція мериносовыхъ рунъ и проч. находились въ моемъ завѣдываніи. Описаніе этой выставки, приготовленной за три дня, было также составлено мною.

Юбилей общества былъ торжествомъ для Маслова и посрамленіемъ враговъ его. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ не показались ни въ засѣданіи, ни на обѣдѣ, ни на выставкѣ. Присланный отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ директоръ департамента А. И. Левшинъ вручилъ С. А. Маслову, отъ лица Государя, украшенную бриліантами табакерку съ вензелемъ его величества. Знаменитый мореплаватель, адмиралъ П. И. Рикордъ, привѣтствовалъ его прекрасною рѣчью отъ имени Вольнаго Экономическаго Общества. Директоръ и инспекторъ Земледѣльческой Школы получили ордена, помощники С. А., въ томъ числѣ и я—подарки изъ кабинета. На обѣдѣ юбилейномъ и на другой день на завтракѣ, предложенномъ на хуторѣ послѣ выставки, пили за здоровье Маслова съ восторгомъ и шумными рукоплесканіями. Одинъ изъ пріятелей Х—ва вздумалъ, на хуторѣ, предложить тостъ за его здоровье: никто не отозвался, и никто не сталъ пить. Такъ кончилось 25-лѣтіе Общества, и съ того времени возвратились прежнее спокойствіе и полезная дѣятельность въ его собраніяхъ.

Въ послѣдующее затѣмъ лѣтнее время я воспользовался отдыхомъ и провелъ нѣсколько дней въ Каменкахъ и въ Сергіевскомъ посадѣ. Тутъ я впервыя увидѣлъ Геѳсиманскій скитъ на той Корбухѣ, гдѣ часто гулялъ и купался въ былое время. Исторія этой пустыни очень замѣчательна. У намѣстника лавры Антонія родилась мысль устроить скитъ на Корбухѣ, и онъ написалъ о томъ митрополиту. «Мысль о скитѣ», отвѣчалъ Филаретъ отъ 18 Сентября 1841 года, «очень вожделѣнна, но требуетъ не малаго размышленія. Корбуха не довольно безмолвна, хотя бы и ограждена была. Виѳанія была бы безмолвнѣе, если-бы не семинарія. Если шумъ тростника, какъ замѣтилъ нѣкто изъ отцевъ, не благопріятствуетъ безмолвію, не больше ли многое, слышанное на Корбухѣ и изъ посада, и отъ близъ лежащей дороги, особенно когда ѣдутъ по ней послѣ торга и винопитія? Желаю говорить о семъ болѣе лично». Два года спустя, священникъ села Подсосенья (принадлежавшаго нѣкогда Лаврѣ, въ 3 верстахъ отъ Виѳаніи) просилъ дозволенія разобрать деревянную Успенскую церковь въ этомъ

селѣ, и матеріалъ употребить на отопку печей въ новой каменной церкви. О. Антоній, по осмотрѣ церкви, донесъ митрополиту, что церковь начинаетъ приходить въ ветхость, но легко можетъ быть исправлена и простоять долго; желательно было бы сохранить ее, какъ примѣчательную по кораблевидному фасаду и потому, что она выстроена преп. Діонисіемъ, архимандритомъ Лавры. Митрополитъ согласился съ мыслію намѣстника; церковь была перевезена на Корбуху и поставлена въ глубинѣ рощи, далеко отъ шума большой дороги. Къ церкви пристроенъ былъ домъ для лѣтняго пребыванія митрополита; тогда же собралось небольшое число подвижниковъ и постниковъ, несмотря на строгій уставъ новаго скита. Такимъ образомъ основаніе этого убѣжища для любителей безмолвія было дѣломъ о. Антонія. Филаретъ писалъ къ нему въ 1847 году: «Геѳсиманскаго скита не было бы, если бы на вашемъ мѣстѣ былъ другой, даже изъ пользующихся моею довѣренностью; потому что, не довѣряя себѣ, не имѣлъ бы я довольно довѣренности къ тому, что дѣло сдѣлается порядочно, не будетъ затрудненія въ способахъ, и можно надѣяться нѣкотораго духовнаго плода. Только полная довѣренность къ вашему духовному разсужденію и къ чистотѣ намѣренія расположили меня рѣшиться на дѣло, не принимая въ разсчетъ возможныхъ непріятностей за несоблюденіе формы предъ начальствомъ».

Послѣ того я много разъ бывалъ въ скитѣ. Тамъ устроилось еще нѣсколько церквей; въ числѣ ихъ особенно заслуживаетъ вниманія небольшой храмъ въ честь Воскресенія Христова, въ которомъ, вмѣсто колоннъ въ иконостасѣ и вокругъ престола, поставлены зеленѣющія пальмовыя деревья, такъ искусно сдѣланныя, что съ перваго взгляда можно почесть ихъ за натуральныя. Близъ этой церкви, у подножія большаго креста, покоятся схимники Матѳій и Харитонъ. Я упомянулъ о нихъ въ первой главѣ этихъ воспоминаній, но не разсказалъ причины общаго уваженія къ ихъ памяти. Теперь передаю слѣдующій разсказъ: «Изъ города Александрова (Владимирской губерніи, въ 45 верстахъ отъ Лавры) пришелъ въ скитъ мѣщанинъ и просилъ, чтобы отслужили панихиду по двумъ схимникамъ Харитонѣ и Матѳіи, погребеннымъ въ скитѣ. На вопросъ, какъ онъ ихъ зналъ, онъ отвѣчалъ: я не зналъ ихъ, но вотъ какое благодѣяніе они оказали въ моемъ семействѣ. Съ годъ, какъ пожелала дочь моя въ монастырь въ Суздаль. Нѣсколько разъ просили мать-игуменью принять, но та не принимала ее безъ взноса. Дочь двѣ недѣли назадъ опять пошла и, кланяясь въ ноги, просила мать игуменью, а она рѣшительно отказала. Дочь въ горѣ пошла къ одной монахинѣ въ келью; много плакавши уснула и видитъ во снѣ, что два схимника молятся о ней передъ образомъ Бого-

матери, именно просятъ, чтобы Матерь Божія повелѣла игуменьѣ принять эту дѣвицу въ монастырь. Чрезъ икону Матерь Божія говоритъ, что исполняетъ прошеніе ихъ, и уже повелѣла принять эту дѣвицу. Икона скрылась, а схимники обращаются къ дѣвицѣ и говорятъ: завтра послѣ утрени, поди къ игуменьѣ, и будешь принята. Дѣвица во снѣ бросается къ ногамъ старцевъ и говоритъ: батюшки, да какъ же мнѣ васъ назвать, и откуда вы? Старцы отвѣчаютъ: мы изъ скита Геѳсиманіи, схимники Харитонъ и Матѳій. Дѣвица просыпается и спѣшитъ на благовѣстъ къ утрени; послѣ утрени падаетъ опять къ ногамъ игуменьи; та поднимаетъ ее, говоря: приходи, приходи, приму, и ничего не надо; видишь, за тебя возстаютъ схимники Геѳсиманскаго скита. Такъ дѣвица осталась въ монастырѣ, а отцу поручила совершить панихиду, въ видѣ благодарности, по Харитонѣ и Матѳіѣ» [1]).

Лѣто, такъ блистательно начатое для меня побѣдою С. А. Маслова надъ всѣми его недоброжелателями, окончилось свадьбою моей милой кузины Вариньки Сумароковой. Княгиня Н. А. Черкаская сосватала ее за своего дальняго родственника князя Е. А. Черкаскаго. Между женихомъ и невѣстою едва-ли была горячая любовь. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что одинъ искалъ состоянія, а другая приличнаго положенія въ свѣтѣ. Мать моя, любившая Вариньку, какъ родную дочь, благословила ее въ Москвѣ, а я ѣздилъ на свадьбу въ Костромскую губернію. Вѣнчаніе происходило въ старинной церкви села Краснаго, 26 Сентября 1845 г., а свадебный пиръ въ Луневѣ, въ домѣ покойнаго дѣдушки А. А. Сумарокова. Со стороны невѣсты были: тетушки В. А. Коптева съ мужемъ и дочерью (при которой была очень хорошенькая компаньёнка В. А. ***), братъ Николай Сумароковъ, Н. М. Шигарина и я. Младшій изъ Сумароковыхъ, Сережа служилъ тогда юнкеромъ на Кавказѣ. Съ женихомъ пріѣхали изъ Москвы мать его, сестра С. А. Рябинина и два брата; младшій изъ нихъ князь В. А. Черкаскій, тогда еще очень молодой человѣкъ, позднѣе пріобрѣлъ повсемѣстную и вполнѣ заслуженную извѣстность своими трудами по крестьянскому дѣлу, по устройству Польши послѣ возмущенія 1863 г. и по управленію Болгаріей во время послѣдней войны.

Во время этой поѣздки, въ сухую и теплую осень, я останавливался въ Переславлѣ-Залѣскомъ и Ростовѣ. При составленіи книжки объ Иверской иконѣ Б. М., развилась во мнѣ охота къ занятіямъ археологическимъ, а потому мнѣ хотѣлось осмотрѣть и изучить древности этихъ двухъ старинныхъ городовъ.

---

[1]) Монастырскія письма. Изд. 2-е, стр. 39—41.

Слѣдующій за тѣмъ 1846-й годъ памятенъ мнѣ по освобожденію отъ несносныхъ скитаній съ мѣста на мѣсто. Послѣ того, какъ вотчимъ мой въ 1834 г. продалъ свой домъ за Екатерининской больницей, мы почти ежегодно переѣзжали съ мѣста на мѣсто: съ Малой Дмитровки въ домъ Остермана (гдѣ теперь Духовная Семинарія), оттуда въ Сущевскую часть, изъ Сущева на Прѣсню, съ Прѣсни въ Добрую Слободку близъ Покровки, съ Покровки въ Подновинское, и наконецъ оттуда въ Старую Басманную. Ни одинъ изъ всѣхъ исчисленныхъ мною домовъ не оказался удобнымъ для моей матери, по болѣзненному ея состоянію, а между тѣмъ эти перѣезды были истиннымъ мученіемъ для насъ и для нашей прислуги. Сколько вещей терялось и ломалось, сколько времени было потрачено на уборку въ каждой новой квартирѣ! Вотчиму моему не хотѣлось тратить своихъ денегъ на покупку дома, а у матери и у меня вовсе ихъ не было. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, я рѣшился перезаложить свое Орловское имѣніе и купилъ съ аукціона за 6000 руб. сер. очень прочный и помѣстительный домъ на Средней Прѣснѣ. Не близко было отъ центра города, но за-то спокойно и тепло, а, главное, мы избѣжали всѣхъ непріятностей отъ переѣздовъ. При домѣ былъ большой садъ, мать мая перестала съ того времени перебираться на лѣто въ Сокольники, а мужъ ея продалъ выгодно свою дачу.

Эти два года оставили мнѣ пріятное по себѣ воспоминаніе. За-то 1847 годъ былъ для меня очень прискорбнымъ. Лѣтомъ привезли въ Москву Вариньку Черкасскую. Съ нею были мужъ ея и кузина Е. С. Завязкина съ своей хорошенькой компаньёнкой. При первомъ взглядѣ на мою дорогую двоюродную сестру, я убѣдился, что она страдаетъ чахоткою въ послѣднемъ періодѣ. Она была беременна во второй разъ и скоро родила сына, названнаго Петромъ, въ честь отца ея; первый сынъ носилъ имя Ипполита, данное ему въ память дяди, убитаго на Кавказѣ. Послѣ разрѣшенія отъ бремени, она не приходила уже въ память и черезъ нѣсколько часовъ скончалась. Такъ рано увяло это милое, прелестное созданіе! Тѣло ея погребено въ Даниловомъ монастырѣ, между могилами Черкасскихъ, родныхъ мужа ея.

Осенью того-же года открылась въ Москвѣ эпидемическая холера. Она не внушала уже такого всеобщаго страха, какъ первая холера 1830 года, но смертность была довольно сильна. Вотчимъ мой боялся болѣзни столько-же, какъ и при первомъ появленіи ея въ Москвѣ, постоянно тосковалъ и однажды, посѣтивъ духовника своего (того же о С.), исповѣдался и причастился у него въ церкви. Онъ страдалъ постоянно разстройствомъ желудка, и это еще болѣе пугало его; 4-го Ноября поутру, открылись у него легкіе холерные признаки, а послѣ

обѣда сильнѣйшія судороги. При всѣхъ стараніяхъ друга своего, доктора Веселовскаго, больной не могъ вынести этихъ судорогъ и черезъ два часа умеръ. У меня также открылись признаки холеры, но довольно слабые, такъ что я скоро выздоровѣлъ. Меня сильно безпокоила мысль: что̀ будетъ съ моей бѣдной матерью, которая была такъ сильно привязана къ своему мужу? Но къ счастью, она благополучно перенесла свое горе, хотя много плакала и долго тосковала. Здоровье ея не пострадало нисколько, а съ наступленіемъ слѣдующаго лѣта, она чувствовала себя лучше, нежели прежде.

Что̀ касается меня, то смерть вотчима искренно огорчила меня. Кромѣ того, что послѣднее время мы жили съ нимъ очень согласно и дружно, мнѣ предстояла непріятная необходимость взять на свои плечи обузу распоряженій по хозяйству и управленію имѣніями.

Въ тоже время печаталась въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ моя книга: «Древнія святыни Ростова Великаго». Это общество почтило меня избраніемъ въ дѣйствительные члены и выдало мнѣ 600 экземпляровъ книги (изъ нихъ 300 на моей бумагѣ). Продажею книгъ я воротилъ свои расходы на бумагу и рисунки. Должно сказать правду, что въ этомъ сочиненіи было много ошибокъ и недостатковъ; глава о древнемъ Ростовскомъ соборѣ, благодаря подробнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ почтеннаго протоіерея А. Т. Тихвинскаго, была лучше другихъ. Еще заслуживали вниманія свѣдѣнія о первоначальникахъ Борисо-Глѣбскаго монастыря, старцахъ Ѳеодорѣ и Павлѣ, и о затворникѣ Иринархѣ, сообщенныя А. В. Горскимъ изъ старинныхъ рукописей и тогда въ первый разъ напечатанныя. Позднѣе тоже сочиненіе, въ исправленномъ видѣ, имѣло еще два изданія, которыя разошлись довольно скоро и дали мнѣ порядочную прибыль. Эти книги продавались большею частью въ Ростовѣ, въ монастыряхъ и церквахъ, съ предоставленіемъ въ пользу ихъ пятой части выручки.

Въ слѣдующее лѣто я провелъ нѣсколько дней въ Каменкахъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Антоновичемъ Ковальскимъ. Въ своемъ мѣстѣ я не успѣлъ упомянуть объ этомъ добромъ и почтенномъ человѣкѣ. Онъ завѣдывалъ пробирною палаткою въ Московскомъ Горномъ Правленіи и познакомился, черезъ Голембовскаго, съ моимъ вотчимомъ, который крестилъ у него сына. Въ послѣдніе годы я очень съ нимъ сблизился.

Два новыхъ знакомства сдѣлали для меня памятнымъ 1848 годъ. Давно уже встрѣчалъ я въ домѣ почтенной княгини Вяземской баронессу Н. Ѳ. Боде, рожденную Колычеву, супругу гофмейстера; но услышавъ однажды отъ Вариньки Сумароковой, что доступъ въ домъ ея очень труденъ для незнакомыхъ, я никогда къ ней не напраши-

вался. Въ эту зиму она сама пригласила меня. Много пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ дворцовомъ флигелѣ, занимаемомъ семействомъ Боде, о которомъ до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ и живѣйшею благодарностью. Глава семьи—баронъ Левъ Карловичъ Боде въ молодости отличался храбростью, за которую былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, а въ старости, какъ членъ Дворцовой Конторы, занимался постройкою и отдѣлкою новаго, великолѣпнаго Кремлевскаго дворца. Человѣкъ въ высшей степени честный и благородный, весьма любезный въ обществѣ и ласковый ко всѣмъ, безъ малѣйшей тѣни чванства, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Достойная супруга его была примѣрною матерью семейства и самою радушною хозяйкою.

Другое новое знакомство, весьма пріятное и полезное для меня, пріобрѣтено мною въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Когда сенаторъ Ѳ. В. Акинфовъ, послѣ непріятныхъ отношеній къ Маслову, отказался отъ званія вице-президента, мѣсто его занялъ генералъ-адъютантъ Сергѣй Павловичъ Шиповъ, незадолго предъ тѣмъ поселившійся въ Москвѣ, вмѣстѣ съ супругою своей Анной Евграфовной, рожденной графиней Комаровской, нѣкогда любимой фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны. Объ нихъ буду говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Къ веснѣ Кремлевскій дворецъ былъ совершенно готовъ, и въ свѣтлый день Пасхи совершилось торжественное открытіе его, въ присутствіи императора Николая I и всего царскаго семейства, въ томъ числѣ в. к. Ольги Николаевны и супруга ея. День открытія дворца былъ ознаменованъ многими царскими милостями. Баронъ Л. К. Боде получилъ вдругъ нѣсколько наградъ, которыя онъ вполнѣ заслужилъ, представивъ остатокъ отъ суммъ, асигнованныхъ на построеніе дворца, въ количествѣ свыше милліона рублей серебромъ. Не стану описывать праздниковъ и торжествъ во время пребыванія Двора въ Москвѣ; разскажу только въ чемъ я лично былъ участникомъ.

Во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, камеръ-фрейлина А. А. Окулова, бывшая воспитательница в. к. Ольги Николаевны, на этотъ разъ находившаяся въ Москвѣ при ея высочествѣ, призвала меня къ себѣ и объявила, что великая княгиня съ супругомъ ѣдутъ смотрѣть одну изъ школъ. «Скажите, въ какую лучше ѣхать?» спросила она. Я назвалъ Симоновскую школу и поспѣшилъ увѣдомить предсѣдательницу О. Н. Талызину, В. С. Ершову и законоучителя. Едва успѣлъ я пріѣхать въ школу и тамъ нѣсколько приготовиться къ пріему высокихъ гостей, какъ появилась коляска съ ихъ высочествами, и за ними А. А. Окулова въ придворной каретѣ. Сзади ѣхалъ на извощикѣ законоучитель П. С. Ляпидевскій. Ни одна изъ дамъ не поспѣла во время,

такъ что я одинъ встрѣтилъ великую княгиню и ея супруга. По осмотрѣ всего помѣщенія школы, ея высочество попросила священника проэкзаменовать воспитанницъ, въ ея присутствіи, изъ закона Божія и была удивлена отличными ихъ успѣхами. При осмотрѣ рукодѣлій, я имѣлъ честь поднести ей великолѣпно вышитую шелками мантилью для государыни императрицы и вышитые золотомъ по алому бархату воздухи и пелену для придворной церкви въ Штутгардтѣ. Подарки эти очень понравились. На другой день митрополитъ Филаретъ, обѣдая во дворцѣ, услышалъ отъ государыни императрицы и великой княгини много похвалъ законоучителю Симоновской школы, при чемъ Государь сказалъ: «нужно непремѣнно наградить его». Призвавъ къ себѣ священника Ляпидевскаго, владыка похвалилъ его за служебныя заслуги, оцѣненныя августѣйшими лицами и объявилъ, что въ слѣдующее воскресеніе намѣренъ посвятить его въ санъ протоіерея. «Хотя я не имѣю на то права безъ соизволенія Св. Синода, но на этотъ разъ донесу ему для свѣдѣнія, что посвятилъ тебя по именному высочайшему повелѣнію». Это награжденіе П. С. Ляпидевскаго, за безмездные и примѣрные труды его, очень меня обрадовало.

Въ Іюлѣ того же года я былъ въ Петербургѣ, прикомандированный, отъ Общества Сельскаго Хозяйства, къ мануфактурной выставкѣ, на которой было много земледѣльческихъ орудій и машинъ; я осмотрѣлъ образцовое хозяйство въ Лиговкѣ и древесныя плантаціи въ Лѣсномъ Институтѣ, гдѣ былъ весьма ласково принятъ министромъ государственныхъ имуществъ, графомъ П. Д. Киселевымъ, постоянно благосклоннымъ ко мнѣ по службѣ моей въ его вѣдомствѣ.

Въ Знаменскомъ дворцѣ, близь Петергофа, я имѣлъ честь представить в. к. Ольгѣ Николаевнѣ шитье для нахттиша (туалета), заказанное ею при посѣщеніи Симоновской школы; принятъ я былъ очень милостиво.

По возвращеніи изъ Петербурга, я опять ѣздилъ въ Каменки и тамъ принималъ дорогихъ гостей: Ѳ. А. Голубинскаго съ двумя сыновьями и П. С. Делицина. Они впервыя были тамъ въ гостяхъ собственно у меня и пробыли нѣсколько дней.

Вотъ всѣ воспоминанія изъ холостой моей жизни, на-сколько сохранились они въ моей памяти. Можетъ быть, послѣ припомню и разскажу еще что нибудь.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКИ ОБЪ АНГЛІЙСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ ЗАПИСОКЪ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Съ большимъ интересомъ прочли мы въ первой книгѣ Русскаго Архива за нынѣшній годъ статью князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго подъ заглавіемъ «Еще о Запискахъ княгини Дашковой». Предположеніе наше, что г-жа Бредфордъ во время пребыванія въ Россіи списала двѣ копіи Записокъ, вполнѣ оправдалось. Нѣтъ сомнѣнія, что хранящаяся въ ея семействѣ копія предшествовала Воронцовской. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая найденная при ней княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ Англійская замѣтка: «Манускриптъ этотъ есть копія съ оригинальныхъ Записокъ княгини Дашковой, писанныхъ ею пофранцузски за четыре года до смерти. Онѣ писаны княгинею по просьбѣ миссъ Марты Вильмотъ, которая снимала съ нихъ копію изо дня въ день, по мѣрѣ того, какъ онѣ подвигались впередъ, во время пребыванія ея въ Троицкомъ, близъ Москвы, у княгини Дашковой съ 1804 по 1806 годъ».

Такъ какъ миссъ Вильмотъ гостила у княгини Дашковой съ 1803 по 1808 годъ, то означеннымъ здѣсь періодомъ времени опредѣляется не эпоха пребыванія ея въ Троицкомъ, а время сочиненія и одновременно съ нимъ производившагося списыванія Записокъ, которыя, какъ извѣстно, окончены 27 Октября 1805 года. Эта-то копія и была увезена въ Англію старшею сестрою перепищицы еще въ 1807 году. «Оригинальный манускриптъ», продолжаетъ упомянутая замѣтка, былъ сожженъ въ 1808 году, когда по объявленіи войны между Россіей и Англіей миссъ Вильмотъ поставлена была въ необходимость возвратиться въ отечество... По счастію, эта копія послана была въ Англію за нѣсколько времени ранѣе, и подлинность ея легко можетъ быть доказана сравненіемъ почерка княгини, находящагося на многихъ страницахъ, съ собственноручными ея письмами, приложенными къ этой книгѣ». Трудно допустить поэтому, чтобы упоминаемая здѣсь *первая* копія представляла, какъ полагаетъ князь Лобановъ-Ростовскій, окончательную редакцію самого автора. Скорѣе такую редакцію представляетъ другая, слѣдовавшая за нею копія Воронцовскаго архива. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующее

обстоятельство. Описывая рукопись г-жи Бредфордъ, князь Лобановъ-Ростовскій говоритъ: «Въ концѣ каждой части помѣщены дополненія съ отмѣткою „Omissions" и съ ссылками на страницы текста. Одно изъ нихъ отъ начала до конца писано рукою княгини Дашковой; оно занимаетъ цѣлую страницу и заключаетъ въ себѣ анекдотъ о Бецкомъ, внесенный въ текстъ Записокъ на стр. 101-ой тома 1-го Англійскаго изданія». Это дополненіе въ рукописи Воронцовскаго архива находится уже не въ концѣ тома, а на своемъ мѣстѣ, въ самомъ текстѣ Записокъ; изъ «пропусковъ» же замѣченъ кн. Дашковою только одинъ относящійся къ женитьбѣ ея сына, пропускъ небольшой, строки въ двѣ или въ три, который она и приписала собственноручно въ концѣ тома. Очевидно, эта рукопись есть уже «окончательная», бѣловая копія. Потому въ ней сравнительно и поправокъ меньше (въ первой части ни одной), чѣмъ въ рукописи г-жи Бредфордъ, и пропусковъ нѣтъ (кромѣ указаннаго). Списывая послѣдовательно одну за другой обѣ копіи и занося во вторую (предназначавшуюся для самой княгини) анекдотъ о Бецкомъ, г-жа Бредфордъ не могла бы конечно не занести въ нее и другихъ пропусковъ, если бы таковые были замѣчены княгиней Дашковой.

Встрѣтивъ въ Англійскомъ изданіи Записокъ много дополненій, которыхъ не было въ найденной по смерти княгини между ея бумагами рукописи, мы считали себя въ правѣ заподозрить ихъ подлинность. Теперь, когда отысканъ въ Англіи другой экземпляръ этой рукописи, оказалось, что ихъ и здѣсь не было въ текстѣ, а составляли они приложеніе къ нему, и *всѣ были писаны рукою г-жи Бредфордъ:* обстоятельство мало говорящее въ пользу ихъ подлинности. Но князь Лобановъ-Ростовскій думаетъ иначе. «При разсмотрѣніи этихъ дополненій», говоритъ онъ, «нельзя не прійти къ убѣжденію, что всѣ они принадлежатъ княгинѣ Дашковой. Самый слогъ ихъ служитъ доказательствомъ ихъ достовѣрности; не смотря на отсутствіе всякихъ притязаній на щеголеватость или на академическую правильность, въ нихъ однако видно полное знаніе Французской разговорной рѣчи прошлаго вѣка, между тѣмъ какъ изъ частыхъ промаховъ г-жи Бредфордъ при переписываніи и особенно изъ Французскаго вступленія, отъ котораго она весьма благоразумно отказалась, можно заключить, что она далеко не въ такой степени владѣла Французскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, въ моихъ по крайней мѣрѣ глазахъ, достовѣрность дополненій не можетъ быть заподозрѣна». Вслѣдъ за тѣмъ князь Лобановъ-Ростовскій замѣчаетъ, что въ этихъ дополненіяхъ находится все то, что̀ намъ показалось «апокрифическимъ и произвольнымъ украшеніемъ, вымышленнымъ г-жею Бредфордъ».

Не лишнимъ считаемъ съ своей стороны замѣтить, что мы не утверждали, что эти дополненія составляютъ *вымыселъ* г-жи Бредфордъ. Напротивъ, мнѣніе наше было то, что «они вѣроятно не составляютъ собственныхъ измышленій издательницы и что все, что̀ ею разсказывается въ нихъ, она дѣйствительно могла слышать отъ самой Дашковой». Мы предполагали, что «все, что̀ она вносила въ текстъ Записокъ отъ себя, дѣйствительно могло быть *воспроизведеніемъ по памяти* изустныхъ разсказовъ ея друга, которыми она думала оживить ея автобіографію, сдѣлать ее занимательнѣе для читателя». Мы даже допускали возможность внесеннаго г-жею Бредфордъ въ Записки разговора Петра III съ кн. Дашковою во дворцѣ объ ея сестрѣ, хотя и указали на его апокрифическое происхожденіе. Кромѣ отсутствія подобныхъ дополненій въ подлинной рукописи, на нихъ замѣчаются и другіе слѣды этого происхожденія. Въ Англійскомъ изданіи Записокъ приводится слѣдующій не оказавшійся въ Воронцовскомъ спискѣ разсказъ Дашковой: «Неожиданный пріѣздъ мой къ брату (графу Александру Романовичу) доставилъ ему величайшее удовольствіе, и время, проведенное нами вмѣстѣ, было для насъ обоихъ самымъ пріятнымъ. Помимо родства, насъ давно уже соединяли тѣсныя узы дружбы и взаимной симпатіи, поддерживаемой одинаковыми обстоятельствами нашей жизни. Оба мы проходили служебное поприще, и оба бѣжали отъ свѣта, унося въ свое уединеніе одинаковыя чувства и опыты; и мы хорошо понимали другъ друга, почти не нуждаясь въ обмѣнѣ мыслей. Мой братъ *былъ* человѣкъ умный и образованный, но сдержанный, серьезный, аккуратный и даже холодный въ обществѣ. Эта разница въ нашихъ привычкахъ и характерахъ нисколько не нарушала нашихъ дружескихъ отношеній. Время моего пребыванія у него пролетѣло счастливо и слишкомъ быстро.» Очень можетъ быть, что находящаяся здѣсь характеристика графа Воронцова (котораго должна была лично знать г-жа Бредфордъ) и вѣрна; но кн. Дашкова не могла такъ говорить о любимомъ братѣ *при жизни* его, въ Запискахъ, которыя давала ему читать—обстоятельство очевидно просмотрѣнное г-жею Бредфордъ въ ея дополненіи.

Дополненія этого не оказалось также и въ рукописи г-жи Бредфордъ. Его нѣтъ и между приложеніями ея; но если бы оно даже и нашлось тамъ, *писанное ея рукою,* то принадлежность его кн. Дашковой все таки оставалась бы подъ сомнѣніемъ, равно какъ и другихъ *писанныхъ рукою* г-жа Бредфордъ дополненій. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ лорду Гленберви, разсказывая о томъ, *какъ* кн. Дашкова писала свои Записки, она замѣчаетъ: «Когда ей случалось вспомнить какое-либо обстоятельство, пропущенное по забывчивости въ своемъ мѣстѣ, она приписывала его въ концѣ книги съ отмѣткою «пропускъ» и съ означе-

ніемъ страницы, къ которой онъ долженъ былъ относиться; но такихъ пропусковъ, «*сколько мнѣ помнится,* было не болѣе *семи* или *восьми*». Кромѣ этихъ семи или восьми собственноручно приписанныхъ княгинею къ оригиналу и потомъ вошедшихъ въ обѣ копіи пропусковъ, другихъ принадлежащихъ Дашковой г-жа Бредфордъ не знаетъ. Ясно, что явившіяся потомъ въ ея Англійскомъ изданіи дополненія (и притомъ въ количествѣ далеко превосходящемъ цыфру семи или восьми) не имѣютъ уже ничего общаго съ упомянутыми ею пропусками.

Но всѣ эти дополненія, написанныя рукою г-жи Бредфордъ, обнаруживаютъ, по замѣчанію князя Лобанова-Ростовскаго, хорошее знаніе Французскаго разговорнаго языка, которымъ г-жа Бредфордъ далеко не владѣла въ такой степени, какъ Дашкова. Дѣйствительно, сама г-жа Бредфордъ свидѣтельствуетъ, что, пріѣхавъ въ Россію, она не совсѣмъ свободно владѣла Французскимъ языкомъ. Но постоянная практика въ теченіи пятилѣтняго пребыванія ея въ домѣ княгини, которая нѣсколько мѣсяцевъ ежедневно занималась съ нею этимъ языкомъ, исправляя ея письменныя упражненія, дала ей возможность усвоить его себѣ настолько, что «безъ притязаній на щеголеватость и академическую правильность» она могла очень хорошею разговорною рѣчью излагать на немъ свои мысли, о чемъ свидѣтельствуютъ ея письма къ графу С. Р. Воронцову. Встрѣчающіяся здѣсь рѣдкія ошибки (напр. *ma silence* вмѣсто *mon* silence, *une assomption* въ значеніи Англійскаго *assumption*) напоминаютъ тѣ, которыя замѣтилъ князь Лобановъ-Ростовскій въ писанныхъ ею дополненіяхъ (*au monde* вмѣсто *dans le monde, cabine*— Англійское *cabin*—вмѣсто *cabane*).

Къ чему же было г-жѣ Бредфордъ, готовившейся къ изданію Записокъ на своемъ родномъ языкѣ, писать свои дополненія не на этомъ языкѣ, а на Французскомъ? Благодаря напечатаннымъ теперь княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ документамъ, дѣло объясняется вполнѣ удовлетворительно. Г-жа Бредфордъ думала сначала издать Записки на Французскомъ языкѣ, съ этою цѣлью и написала свое Французское вступленіе. Найденная при немъ Англійская замѣтка прямо говоритъ: «Въ виду изданія Записокъ княгини Дашковой на Французскомъ языкѣ, на которомъ онѣ въ подлинникѣ написаны, г-жа Бредфордъ сочинила слѣдующее вступленіе». Это конечно было то самое вступленіе (Introduction), которое впослѣдствіи она предпослала своему изданію уже въ Англійскомъ переводѣ. Благодаря упомянутымъ документамъ, мы можемъ теперь объяснить, почему г-жа Бредфордъ отказалась отъ своего первоначальнаго намѣренія издать Записки во Французскомъ подлинникѣ. Между названными документами есть слѣдующая, также на Англійскомъ языкѣ, замѣтка ея дочери миссъ Бланки Елисаветы: «Эти За-

иски, представляющія неисправности въ слогѣ (some inaccuracies in tyle) признавались неудобными для печати безъ нѣкоторыхъ измѣненій въ построеніи фразъ. Такъ думала моя мать, мистрисъ Бредфордъ урожденная миссъ Вильмотъ), и потому Записки княгини Дашковой е могли явиться въ свѣтъ до перевода на Англійскій языкъ, на которомъ онѣ и напечатаны въ 1840 году». Этой замѣткой объясняется между прочимъ то обстоятельство, котораго г-жа Бредфордъ не могла объяснить «удовлетворительно» въ своемъ предисловіи къ изданнымъ ю Запискамъ, а именно: почему, по смерти графа С. Р. Воронцова, изъ уваженія къ «возраженіямъ» котораго она отложила печатаніе рукописи, эта послѣдняя еще восемь лѣтъ пролежала у нея подъ спудомъ. Оказывается, что она была недовольна *слогомъ* Записокъ, хотѣла исправить (to alter) этотъ слогъ. Сличая переводъ ея съ подлинникомъ, мы замѣтили: «Нельзя сказать, вообще говоря, чтобы переводъ ея былъ невѣренъ; но онъ по мѣстамъ носитъ на себѣ слѣды тщательной литературной обработки, далеко не соотвѣтствующей простому, безъискусственному изложенію самой Дашковой». Съ этимъ согласенъ и князь Лобановъ-Ростовскій, замѣчающій, что переводчица «постоянно увлекается желаніемъ сгладить шероховатости подлинника и придать болѣе приличный видъ тому, что̀ ей кажется слишкомъ рѣзкимъ или смѣлымъ, мало заботясь о сохраненіи точности и энергіи выраженій княгини Дашковой». Но г-жа Бредфордъ уже слишкомъ увлеклась своей работой надъ исправленіемъ (altering) слога, зашла въ ней дальше, чѣмъ бы слѣдовало... Она вообразила себѣ, что можетъ по своему усмотрѣнію производить и другія перемѣны въ текстѣ, перестановки, сокращенія, распространенія, дополненія — все вѣроятно въ видахъ того же исправленія *слога*. Изъ произведеннаго княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ сличенія указанныхъ нами дополненій съ подлинною рукописью обнаруживается, что для включенія ихъ въ текстъ г-жѣ Бредфордъ приходилось немало потрудиться надъ нимъ, зачеркивать цѣлыя строки, подскабливать слова. Приложенія къ статьѣ князя Лобанова-Ростовскаго дали намъ возможность присутствовать такъ сказать при самой работѣ издательницы надъ *слогомъ*, прослѣдить самый процессъ этой курьезной работы. Приведемъ два наиболѣе любопытные примѣра.

Въ Воронцовскомъ экземплярѣ Записокъ мы встрѣтили слѣдующее опущенное въ Англійскомъ изданіи мѣсто: «Ce que me dit Pierre III— разсказываетъ кн. Дашкова—en me voyant entrer, avoit rapport à ma soeur, et étoit trop *absurde* pour que je *le répète*». Мѣсто это было и въ экземплярѣ г-жи Бредфордъ, но оказалось уже *исправленнымъ*. Подчеркнутыя слова г-жа Бредфордъ подскоблила и вмѣсто нихъ написала другія, давъ такую редакцію этому мѣсту: «Ce que me dit Pierre III,

en me voyant entrer, avoit rapport à ma soeur, et étoit trop *remarquable* pour que *j'y réponde*». Это измѣненіе текста и смысла понадобилось для того, чтобы помѣстить здѣсь слѣдующее *дополненіе:* «En effet, ce que l'empereur me disoit alors, indiquoit pleinement son intention de se débarasser de l'impératrice Catherine pour pouvoir épouser la comtesse Elisabeth. C'était des demi-phrases, toujours à voix basse, les nommant *elle* pour l'impératrice et *Romanowva* pour la comtesse, et puis il disoit tout bonnement: „Je vous conseille, ma petite, de faire votre cour un peu chez nous, avant que le tems ne vienne quand vous auriez peut-être cause de vous repentir d'une négligence vis-à-vis de votre soeur. C'est votre propre intérêt de la gagner et d'influer sur son esprit; voilà comment vous pouvez devenir de quelque signification *au monde*".

Княгиня не рѣшилась воспроизводить въ своихъ Запискахъ того, что̀ ей говорилъ императоръ: такъ оно было нелѣпо. Но г-жѣ Бредфордъ очень хотѣлось воспроизвести это въ своемъ изданіи, и вотъ *слишкомъ нелѣпое* превращается въ *слишкомъ важное,* на что Дашкова уже затрудняется отвѣчать. Но вслѣдъ за этимъ является вопросъ: хорошо-ли это выраженіе—*слишкомъ важное,* вѣрно ли имъ характеризуется то, что̀ императоръ говорилъ Дашковой? Вопросъ разрѣшается новою, окончательною редакціей, которую мы и находимъ въ Англійскомъ переводѣ, гдѣ уже нѣтъ ни *слишкомъ нелѣпаго,* ни *слишкомъ важнаго,* и гдѣ оба приведенныя мѣста сливаются въ одно съ новыми дополненіями: «Лишь только я появилась, императоръ заговорилъ со мной о предметѣ, который, казалось, былъ очень близокъ его сердцу, и въ такихъ выраженіяхъ, которыя вполнѣ оправдывали и мои подозрѣнія, и безпокойство на счетъ императрицы. Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, полуфразами, но такъ, что нисколько нельзя было сомнѣваться въ его намѣреніи свести съ престола *ее,* т.-е. императрицу и возвести на оный *Романовну,* т. е. мою сестру, которую онъ обыкновенно называлъ по отчеству. Высказавшись такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько полезныхъ предостереженій: «Позвольте мнѣ, мой маленькій другъ, сказалъ онъ, посовѣтовать вамъ быть къ *намъ* немножко повнимательнѣе. Какъ бы вамъ не пришлось со временемъ раскаяться въ той нелюбезности, съ какою теперь вы относитесь къ вашей сестрѣ. Повѣрьте, я говорю это для вашей же пользы. Вы не иначе можете устроить свое положеніе въ свѣтѣ, какъ приноравливаясь къ ея характеру и стараясь снискать ея расположеніе и покровительство».

Еще характеристичнѣе другой примѣръ тѣхъ операцій, какія производила г-жа Бредфордъ надъ *слогомъ* Записокъ. Въ бывшемъ у нея

подъ руками подлинномъ спискѣ княгиня слѣдующимъ образомъ описывала возвращеніе Екатерины въ столицу изъ Петергофскаго похода: «Вступленіе наше въ городъ представляло зрѣлище неописанное. Улицы были наполнены народомъ, который благословлялъ насъ и на всѣ лады выражалъ свою радость. Тѣ, что̀ по слабости силъ не могли выйти изъ дома (les valétudinaires), стояли у оконъ. Звонъ колоколовъ, духовенство у дверей храмовъ, музыка шедшихъ полковъ — все это производило эффектъ, котораго передать невозможно». Г-жѣ Бредфордъ очень хотѣлось передать этотъ эффектъ, и въ дополненіи ея къ этому мѣсту читаемъ: «Тѣ, что̀ по слабости силъ не могли выйти изъ дому, стояли у оконъ поддерживаемые своими дѣтьми, чтобы принять участіе въ торжествѣ (pour témoigner la vérité d'un triomphe), которое сіяло на лицѣ каждаго и одушевляло голоса такимъ неотразимымъ краснорѣчіемъ, въ сравненіи съ которымъ всякое другое выраженіе этого чувства должно было казаться слабымъ. Музыка сопровождавшихъ насъ полко̀въ, трезвонъ во всемъ городѣ, залитые огнемъ алтари храмовъ, выходившее изъ нихъ какъ бы для освященія всеобщей радости, въ полномъ облаченіи, съ крестами, духовенство—вотъ картина того, что̀ я тогда видѣла. Я могу дать лишь блѣдный очеркъ ея, ибо дѣйствительность померкла предъ живостью собственныхъ моихъ чувствъ, когда я ѣхала верхомъ рядомъ съ императрицей, разсуждая объ особой удачѣ переворота, совершеннаго безъ малѣйшаго пролитія крови, и усматривая въ этомъ Божьемъ дарѣ (dans ce don de Dieu) не только благодѣтельную Государыню, но и обожаемаго друга, котораго собственными усиліями я помогла вывести изъ тягостнаго положенія, можетъ быть избавить отъ жестокой участи и возвести на престолъ любезнаго моего отечества».

Разсказъ княгини въ подлинной рукописи оканчивается слѣдующимъ образомъ: «Счастливый исходъ этого безкровнаго переворота, желаніе видѣть моего отца, дядю и дочь, тѣснившіяся въ душѣ моей чувства, *страшное утомленіе отъ похода, который я совершила въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ, при моемъ нѣжномъ сложеніи и крайней чувствительности нервовъ—все это бросало меня въ лихорадку и дѣлало меня неспособною видѣть, слышать и еще менѣе наблюдать что-либо*». Такимъ образомъ, благодаря внесенному дополненію, кн. Дашкова попадала въ странное противорѣчіе сама съ собой: отъ страшнаго утомленія не могла ничего ни видѣть, ни слышать, ни наблюдать — и въ тоже время такъ картинно описывала всѣ подробности торжественнаго въѣзда въ столицу. Надо было сгладить это противорѣчіе. И вотъ всѣ подчеркнутыя строки вымарываются, и фраза принимаетъ

такой видъ: «Желаніе видѣть моего отца, дядю и дочь, тѣснившіяся въ душѣ моей чувства, *до такой степени овладѣли мною*»....

Въ такомъ переработанномъ видѣ все это *съ нѣкоторыми перемѣнами* и вошло въ Англійское изданіе.

Приведенные примѣры наглядно показываютъ, какимъ измѣненіямъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подвергался текстъ бывшей въ рукахъ г-жи Бредфордъ рукописи, ради внесенія дополненій и красоты слога. Сама Дашкова была неспособна къ такой мелкой, кропотливой работѣ. Она, по свидѣтельству самой же г-жи Бредфордъ, писала быстро и никогда не выскабливала и не измѣняла фразъ въ своей рукописи. У нея не было ни времени, ни охоты заниматься тщательною литературною отдѣлкою. Мало того: къ великому горю своего друга, она спѣшила поскорѣе окончить свои Записки, видимо утомленная работою. Она, правда, просматривала, хотя и не особенно тщательно, копіи, исправляла вкравшіяся въ нихъ ошибки, сама иногда принимала участіе въ переписываніи, но этимъ и ограничивалась здѣсь ея работа. Тяжкіе удары, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ ея жизни, какъ разъ по окончаніи Записокъ, до того ее сокрушили, что ей было уже не до нихъ. Ея мысли стали обращаться въ другую сторону, предчувствіе близкой смерти вызывало другія заботы. Она не могла даже написать обѣщанныхъ ею въ Запискахъ особыхъ разсказовъ о царствованіи Екатерины II-й *).

Статья князя Лобанова-Ростовскаго еще болѣе утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что всѣ дополненія, включенныя г-жею Бредфордъ въ Англійское изданіе, принадлежатъ не княгинѣ Дашковой.

Мы не сомнѣваемся, что г-жа Бредфордъ обладала превосходными качествами ума и сердца, отличнымъ образованіемъ, высокимъ благородствомъ характера. Мы увѣрены, что восторженный отзывъ объ ней Дашковой нисколько не преувеличенъ. Но г-жа Бредфордъ не поняла своей задачи. Она не догадывалась, что заботливымъ исправленіемъ слога, тщательной обработкой многихъ мѣстъ ввѣреннаго ей подлинника она портила изданіе, которому, не жалѣя средствъ, старалась придать возможное типографское изящество, которое обставляла прекрасными портретами и снимками почерковъ и снабжала разнообразными, большею частію неизданными и интересными, приложеніями.

Мы имѣли уже случай указывать на то, что изданіе Записокъ Дашковой на Англійскомъ языкѣ было по всей вѣроятности рѣшено еще въ Троицкомъ, при чемъ Дашкова не давала своей любимицѣ

---

*) За исключеніемъ замѣтокъ на книгу Рюльера, напечатанныхъ въ VII-й книгѣ Архива Князя Воронцова. П. Б.

юлномочія исправлять слогъ, измѣнять текстъ рукописи пропусками, ,ополненіями и пр. Мы знаемъ даже положительно, что она старалась ›градить свои Записки отъ разныхъ дополненій, предлагая своему другу юмѣстить ихъ или въ предисловіи, или въ концѣ «Англійскаго перевода» въ видѣ приложенія. Если г-жа Бредфордъ поступила иначе, то ›твѣтственность за это, по нашему мнѣнію, должна пасть не столько іа нее, сколько на друзей ея. Сама она свидѣтельствуетъ, что одинъ ізъ нихъ, лордъ Гленберви, принималъ «особенное» участіе въ ея из-,аніи. Мнѣніе человѣка, который, по словамъ ея, «пользовался высо-:имъ уваженіемъ въ области вкуса и литературы» (so highly conside-'ed in the world of taste and letters), не могло не отразиться на этомъ іздапіи такою литературною обработкою, при которой Записки Даш-:овой должны были удовлетворять всѣмъ условіямъ тогдашняго «вкуса».

М. Шугуровъ.

28 Февраля 1881 года.

ПОДЫМОВСКОЕ ДѢЛО.

Въ памяти моей сохранилось много разсказовъ моего покойнаго отца о временахъ прошлыхъ. Проживъ на свѣтѣ 77 лѣтъ и болѣе полувѣка состоя на государственной службѣ, отецъ имѣлъ возможность многое слышать, видѣть, а во многомъ и лично участвовать. Къ сожалѣнію, онъ не велъ своихъ Записокъ, оставшіяся же послѣ него бумаги еще не разобраны. Я надѣюсь, что мнѣ удастся ихъ разобрать въ непродолжительномъ времени и приготовить къ печати; теперь же хочу разсказать объ одномъ сдѣланномъ имъ добромъ дѣлѣ, въ которомъ выказались особенно ярко и высокая, справедливая душа отца, и его энергическая настойчивость въ преслѣдованіи цѣли. Разсказъ этотъ я недавно имѣлъ случай провѣрить по офиціальнымъ документамъ, и потому ручаюсь за вѣрность передаваемыхъ фактовъ.

Предварительно разсказа, не лишнимъ нахожу сдѣлать краткій очеркъ служебной дѣятельности моего покойнаго отца.

Сенаторъ, дѣйств. тайн. сов. Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ родился 9-го Ноября 1788 года, а скончался 3-го Сентября 1865 года, 77 лѣтъ. Вся жизнь его, за весьма небольшимъ перерывомъ, была посвящена службѣ, имъ начатой съ 17-тилѣтняго возраста. Выпущенный въ 1806 году изъ 1-го Кадетскаго Корпуса подпоручикомъ артиллеріи, онъ, по протекціи дяди своего, прямо попалъ подъ непосредственное начальство всесильнаго тогда графа Аракчеева для исправленія при немъ адъютантскихъ обязанностей. Не легка вообще была служба при Аракчеевѣ, но адъютантская обязанность при немъ имѣла еще и ту непріятность, что грубое и высокомѣрное обращеніе Аракчеева не могло не оскорблять самолюбія. Установившіяся съ первыхъ же дней отношенія между начальникомъ и его юнымъ подчиненнымъ не предвѣщали послѣднему ничего хорошаго въ будущемъ. Выведенный однажды изъ терпѣнія униженіями, которыя приходилось испытывать отъ Аракчеева, отецъ рѣшился наконецъ высказать ему, что, не признавая въ себѣ способностей къ адъютантской должности, онъ проситъ о перемѣщеніи его въ строевую службу. Просьба эта была удовлетворена въ тотъ же день: отецъ получилъ приказаніе въ 24 часа оставить Петербургъ и отправиться на Кавказъ къ

мѣсту своего новаго назначенія. Съ этихъ поръ началась для отца боевая служба. Находясь въ дѣйствующей арміи и участвуя во всѣхъ походахъ и войнахъ того времени, онъ быстро двигался впередъ, отличаясь распорядительностію, храбростью и мужествомъ. 24 лѣтъ онъ уже былъ капитаномъ, командиромъ роты, имѣлъ Владимира и Анну съ бантами и Анну на шеѣ: ордена, которые въ былое время рѣдко давались въ этихъ чинахъ.

По домашнимъ обстоятельствамъ, въ 1820 году отецъ вышелъ въ отставку, а въ 1827 г., вступивъ снова на службу, былъ назначенъ жандармскимъ полковникомъ въ Орелъ. Въ этой должности онъ находился до Польской кампаніи, въ которой участвовалъ, состоя при главнокомандующемъ и исполняя обязанности генералъ-гевальдигера арміи. Произведенный въ 1833 году въ дѣйств. ст. совѣтники, онъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Кострому; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вслѣдствіе внезапной кончины матери нашей, подалъ въ отставку, желая посвятить себя воспитанію семи осиротѣвшихъ малолѣтныхъ дѣтей своихъ. Вмѣсто отставки его причислили къ Министерству Внутрен. Дѣлъ, а насъ опредѣлили въ казенныя заведенія. Въ 1835 году отецъ былъ назначенъ Петербургскимъ гражд. губернаторомъ, въ 1841 году сенаторомъ, и званіе это сохранилъ онъ до дня своей кончины. Кромѣ сего, послѣднія 20 лѣтъ жизни онъ былъ попечителемъ больницы св. Маріи Магдалины и попечителемъ Волковской (раскольничьей) богадѣльни.

Наибольшее число лѣтъ службы отца принадлежитъ его дѣятельности на гражданскомъ поприщѣ, дѣятельности, укрѣпившей за нимъ репутацію человѣка непоколебимо-честнаго, дѣятельнаго, правдиваго и справедливаго.

Дѣло о бракѣ маіора Подымова.

Въ Іюлѣ 1826 года послѣдовало учрежденіе Корпуса Жандармовъ, шефомъ котораго былъ назначенъ А. Х. Бенкендорфъ. Отецъ мой, въ то время женатый и въ отставкѣ, жилъ въ своемъ имѣніи Орловской губерніи близъ Ельца, но по предложенію Бенкендорфа рѣшился вновь вступить на службу, и былъ опредѣленъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Орелъ. Квартира его въ Орлѣ была недалеко отъ приходскаго училища. Онъ замѣтилъ, что мимо оконъ его часто проходятъ ученики, и ему пришла однажды мысль бросить имъ изъ окна какія-то лакомства. Это неожиданное угощеніе понравилось мальчикамъ, и надежда на повтореніе нерѣдко собирала ихъ подъ окнами квартиры отца. Продолжая дѣлать это угощеніе, отецъ замѣтилъ одного изъ учениковъ, никогда не бросавшагося ловить кидаемыя лакомства и державшаго себя какъ-то въ сторонѣ отъ своихъ товарищей. Такъ какъ вслѣдствіе этого

ему ничего не доставалось изъ лакомствъ, то отцу всегда приходилось подзывать его къ себѣ и надѣлять особо. Вся фигура этого мальчика возбуждала участіе. Онъ былъ лѣтъ десяти, одѣтъ беднѣе и хуже другихъ, вѣчно молчаливый, съ грустнымъ и запуганнымъ выраженіемъ лица и казался совершенно чужимъ среди шумной и веселой толпы остальныхъ дѣтей. Заинтересовавшись этимъ мальчикомъ, отецъ спросилъ однажды у одного изъ учениковъ, почему этотъ ихъ товарищъ всегда такой скучный и какъ бы дичится ихъ? А потому, отвѣчалъ ученикъ, что онъ не изъ нашихъ; мы вѣдь простые, а онъ дворянчикъ, помѣщичій сынъ. Самъ помѣщичій сынъ объяснилъ немного; онъ сказалъ, что отецъ его дѣйствительно былъ помѣщикъ Подымовъ, что при жизни своихъ родителей онъ жилъ съ ними въ деревнѣ, послѣ же ихъ смерти живетъ у бывшаго двороваго человѣка своего отца, а младшіе его братья у другихъ добрыхъ людей. Сообщеніе это, возбудивъ еще болѣе участія къ мальчику, внушило моему отцу мысль собрать подробныя свѣдѣнія объ этихъ несчастныхъ сиротахъ, и вотъ что онъ узналъ отъ того двороваго человѣка, который пріютилъ у себя сына бывшаго своего помѣщика.

У помѣщицы Подымовой было два сына, подполковникъ Доримедонтъ и маіоръ Ардаліонъ Подымовы. Оба они, по выходѣ изъ военной службы, служили по выборамъ; старшій, холостой, былъ Болховскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а младшій, женатый на бывшей свой крѣпостной, былъ въ Болховѣ же судьею. Старшій братъ не долюбливалъ младшаго и даже старуху-мать вооружалъ противу брата; однажды онъ такъ ихъ разсорилъ, что старуха жаловалась начальству на непочтеніе къ ней младшаго своего сына. Производилось по этой жалобѣ дознаніе, но чѣмъ оно кончилось, ему неизвѣстно. Не знаетъ онъ также, за что между братьями бывали ссоры; но думаетъ, что изъ-за любви барина къ крѣпостной своей Еленѣ Ивановой, на которой въ послѣдствіи онъ женился. Вѣнчался баринъ въ своей приходской церкви села Коптева, и дѣти его отъ этого брака крещены были въ той-же церкви и тѣмъ же священникомъ, который вѣнчалъ барина. Послѣ смерти помѣщика, братъ его, бывшій предводитель, затѣялъ дѣло о наслѣдствѣ и доказывалъ, что брака вовсе не было, слѣдовательно и дѣти покойнаго брата его незаконныя. Имѣніе отдали ему, предводителю, а барыню съ тремя малютками выгнали изъ дому; вскорѣ она и померла. Тогда дѣтей добрые люди разобрали.

Дальнѣйшія свѣдѣнія, собранныя отцемъ по этому дѣлу, обнаружили не только рядъ преступныхъ дѣяній множества отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ присутственныхъ мѣстъ, въ полномъ ихъ составѣ.

Оказалось слѣдующее. По смерти мужа своего, маіорша Подымова обратилась въ Болховскую дворянскую опеку съ просьбою о назначеніи опекуновъ къ имѣнію ея малолѣтнихъ дѣтей: Александра 8, Дмитрія 4 лѣтъ и Валентина полугода. Опекунами были назначены: она, маіорша Подымова, и ротмистръ Петръ Шеншинъ. Вслѣдъ за симъ, родной братъ покойнаго, подполковникъ Подымовъ, подалъ въ ту-же опеку прошеніе, ходатайствуя объ отмѣнѣ сего постановленія на томъ основаніи, что имъ подполковникомъ Подымовымъ возбуждено въ Болховскомъ уѣздномъ судѣ дѣло противу вольноотпущенной брата его дѣвки Елены Ивановой, именующейся маіоршею Подымовою; что ему подполковнику Подымову, жившему въ одномъ селѣ съ своимъ роднымъ братомъ, никогда и ни отъ кого не было извѣстно, чтобы когда-либо и гдѣ-либо братъ его былъ вѣнчанъ съ упомянутою вольноотпущенною дѣвкою.

Опека, пріостановивъ сдѣланное ею распоряженіе и затребовавъ отъ вдовы Подымова представленія доказательствъ о дѣйствительности ея брака, имѣніе передала въ казенный присмотръ. Требуемыя доказательства были немедленно представлены. Подтверждая, что она была дѣйствительно вѣнчана въ своей приходской церкви села Коптева 9 Сентября 1814 года, приходскимъ священникомъ Никитою Анфиногеновымъ, вдова покойнаго сослалась: 1) на обыскную, метрическія и исповѣдныя книги, въ коихъ вездѣ она записана законною женою, какъ и рожденныя отъ этого брака дѣти ея записаны законными; 2) представила выданную ей на второй день брака (10 Сент.), тѣмъ же священникомъ Никитою, собственноручно имъ подписанную копію съ того листа обыскной книги, гдѣ бракъ ея записанъ; изъ этой копіи видно, что въ подлинной книгѣ бракъ этотъ записанъ на 14-мъ листѣ; 3) указала на формулярные списки мужа ея, бывшаго судьи, скрѣпленные подполковникомъ Подымовымъ, въ бытность его предводителемъ, и что въ спискахъ сихъ какъ она, такъ и дѣти ея, написаны законными; 4) указала на подписанные предводителемъ Подымовымъ журналы о выдачѣ ей маіоршѣ Подымовой денегъ по долговымъ ея претензіямъ, и наконецъ—5) сослалась на полученную въ судѣ справку изъ Консисторіи, изъ которой также видно, что она была законною женою своего мужа. Но всѣ эти несомнѣнныя доказательства не помогли подтвердить законность брака!

По судебному производству оказалось: 1) священникъ и причетъ села Коптева отозвались, что никогда не вѣнчали вольноотпущенную Елену Иванову съ маіоромъ Подымовымъ; 2) копіи съ листа обыскной книги не выдавали; 3) на 14 листѣ обыскной книги за 1814 г. вмѣсто брака Подымовыхъ записанъ бракъ крестьянина Митрофана Петрова

съ крестьянкою Акулиною Емельяновою; 4) метрическія книги и формулярные списки о службѣ покойнаго Подымова не отысканы, равно не оказалась въ дѣлахъ суда и полученная изъ Консисторіи справка, на которую ссылается просительница; и 5) судъ нашелъ, что именоваться въ долговыхъ дѣлахъ законною женою зависѣло отъ ея произвола, а потому постановилъ: для рѣшенія *о событіи* или *несобытіи* брака, передать дѣло на разсмотрѣніе Консисторіи.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Консисторія опредѣлила: «сообщить Орловскому Губернскому Правленію и Болховскому Уѣздному Суду *о несобытіи брака маіора Подымова съ дѣвкою Еленою Ивановою, на которую за блудодѣйство возложить публичную церковную эпитимію*».

Получивъ таковое сообщеніе, Уѣздный Судъ немедленно распорядился: «*движимое и недвижимое имѣніе умершаго Подымова передать родному его брату подполковнику Подымову*».

Гражданская Палата, отмѣнивъ это рѣшеніе, постановила: «*имѣніе и малолѣтныхъ оставить по прежнему въ вѣдомствѣ дворянской опеки впредъ до окончательнаго рѣшенія дѣла*».

Но Правительствующій Сенатъ, по жалобѣ подполковника Подымова на такое дѣйствіе Гражданской Палаты, нашелъ нужнымъ послать указъ, коимъ, требуя отъ Палаты объясненія по дѣлу, *предписывалъ ей пріостановиться исполненіемъ своего рѣшенія*.

Такимъ образомъ, подполковникъ Подымовъ, оставленный, согласно опредѣленію Уѣзднаго Суда, владѣтелемъ имѣнія брата своего, округлилъ свое собственное состояніе, заключавшееся изъ 500 душъ крестьянъ. Малолѣтныя дѣти маіора Подымова очутились на улицѣ, совершенно одинокія и безпомощныя; ихъ несчастная мать померла отъ удара!

Съ этого времени, дѣло о бракѣ Подымова и о наслѣдствѣ послѣ него оставлено было безъ движенія, хотя вышеприведеннымъ указомъ Сената Гражданская Палата была обязана представить объясненіе. Подобное же объясненіе требовалось и Синодомъ отъ Консисторіи, вслѣдствіе жалобы вдовы Подымова. Но опытные чиновники помянутыхъ присутственныхъ мѣстъ на этотъ разъ оказались менѣе торопливы, чѣмъ когда дѣло шло объ ограбленіи несчастныхъ сиротъ. Всѣ дѣйствующія лица въ этомъ гнусномъ дѣлѣ имѣли основаніе думать, что требуемыя свѣдѣнія могутъ быть и вовсе не доставлены, и что гораздо проще самое дѣло сдать въ архивъ, подобно тому какъ это уже было сдѣлано духовнымъ начальствомъ, прекратившимъ даже начатое слѣдствіе объ исчезновеніи документовъ, доказывавшихъ законность брака Подымовой, и особою резолюціею освободившее виновныхъ отъ взы-

сканія, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, послѣдовавшаго по случаю восшествія на престолъ императора Николая Павловича.

Никто изъ мѣстныхъ властей, никто изъ мѣстнаго общества не вступился за ограбленныхъ дѣтей.

Лица, пріютившія этихъ несчастныхъ малютокъ, могли лишь не дать имъ умереть съ голоду, но сдѣлать что либо болѣе этого не могли и не смѣли. Сами они были такіе же безгласные, забитые и безпомощные, какъ и признанныя незаконнорожденными малолѣтныя дѣти бывшаго ихъ помѣщика, умершаго маіора Подымова.

Но счастливый случай, ознакомившій моего отца со всѣми подробностями этого дѣла, послужилъ поводомъ къ пересмотру всего производства.

На всеподданнѣйшемъ по сему дѣлу докладѣ шефа жандармовъ послѣдовала собственноручная высочайшая резолюція, обязывавшая министра юстиціи вытребовать это дѣло къ себѣ для пересмотра и о послѣдующемъ доложить Его Величеству.

Такое же приказаніе было дано и оберъ-прокурору Сѵнода.

Эти распоряженія заставили участниковъ ограбленія малолѣтныхъ Подымовыхъ позаботиться запрятать концы въ воду, чтобы спасти себя отъ грозившей имъ бѣды. Достигнуть сего они надѣялись новыми мошенничествами, долженствовавшими еще болѣе запутать дѣло. Но всѣ ихъ козни потерпѣли полную неудачу. Несчастныя сироты имѣли теперь въ лицѣ отца моего дѣятельнаго и энергичнаго защитника.

Въ то время какъ Сѵнодъ разсматривалъ вытребованное имъ подлинное производство Орловской Консисторіи, а Сенатъ-дѣйствія гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ, отецъ мой съ неутомимою настойчивостію продолжалъ собирать свѣдѣнія, необходимыя для разъясненія дѣла. Ему удалось такимъ образомъ открыть существовавшія по дѣлу Подымовыхъ сношенія между секретаремъ Сѵнода и секретаремъ Консисторіи и полученіе первымъ денегъ отъ послѣдняго; обнаружить подкупъ со стороны подполк. Подымова служащихъ въ 8 департаментѣ Сената; отыскать метрическія и другія книги, а равно и пропадавшіе формулярные списки умершаго судьи Подымова, подписанные его братомъ-предводителемъ и, къ довершенію всего, отыскать состоявшаго тогда за штатомъ старика-священника, который вѣнчалъ Подымовыхъ. Словомъ, благодаря его неутомимой энергіи, были найдены всѣ документы для возстановленія гражданскихъ и имущественныхъ правъ малолѣтныхъ сиротъ и указаны главные виновники злоупотребленій, допущенныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Всѣ наглые и дерзкіе поступки участниковъ искаженія истины, ихъ подлоги, подкупы, изчезновеніе документовъ и другія неправиль-

ности дѣлались съ полною увѣренностью въ безнаказанности; а эта увѣренность являлась вслѣдствіе участія въ преступленіяхъ *не однихъ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ Консисторіи.* Дѣйствительно, оказалось, что заправлявшіе всѣмъ производствомъ дѣла секретарь Консисторіи и архиваріусъ, не безъ вѣдома старшихъ, составляли доказательства о *несобытіи брака.* Очевидно, что при такихъ условіяхъ было еще труднѣе добиться правды.

Не встрѣчая въ этомъ себѣ содѣйствія со стороны властей гражданской и духовной, отецъ вынужденъ былъ преодолѣвать много препятствій для полученія хотя бы и неважныхъ свѣдѣній, могущихъ разъяснить дѣло. Одни изъ начальствующихъ бездѣйствовали, потому что сами были скомпрометированы въ этомъ дѣлѣ, а другіе—по недостатку характера и непривычкѣ строго относиться къ своимъ обязанностямъ. Къ послѣднимъ принадлежали губернаторъ П. А. Солнцевъ и прокуроръ, которые, наконецъ, увидѣвъ въ важности сдѣланныхъ открытій личное для себя неудобство сидѣть сложа руки, усердно принялись помогать отцу.

Обнаруженіе подкуповъ, подлоговъ и отысканіе пропадавшихъ документовъ все еще не уясняли того страннаго обстоятельства: почему бракъ Подымова нигдѣ не былъ записанъ въ обыскной книгѣ? Обстоятельство это могло быть разъяснено только священникомъ, вѣнчавшимъ покойнаго; но лица, заинтересованныя въ сокрытіи истины, тщательно скрывали и его мѣстопребываніе. Добившись, послѣ многихъ неудачъ, гдѣ можно найти этого священника, отецъ отправился его разыскивать.

Въ одной изъ окраинъ Орла, въ мѣстности имѣющей полное право называться трущобою губернскаго города, въ полуразвалившейся избѣ, жило семейство бывшаго пономаря церкви села Коптева, Якова Никитина Соколова, роднаго сына священника, вѣнчавшаго Подымова. На вопросъ отца, дома-ли священникъ и можно-ли его видѣть, пономарь отвѣчалъ, что его отецъ давно уже по случаю болѣзни не выходитъ изъ дома, присовокупилъ, что онъ теперь въ банѣ, здѣсь-же на дворѣ, и отправился узнать, можетъ-ли онъ придти. Отвѣтъ былъ отрицательный. Пономарь объявилъ, что его отецъ такъ боленъ и слабъ, что не только не въ состояніи сдвинуться съ мѣста, но и говорить ничего не можетъ. Оставалось лично убѣдиться въ справедливости сихъ словъ, и отецъ мой отправился въ баню къ старику-священнику. Баня, находившаяся въ глубинѣ двора, была еще болѣе ветхая, чѣмъ изба, въ которой помѣщалось семейство пономаря. Покосившаяся на бокъ, она одной стороною почти на половину вросла въ землю, вмѣстѣ съ единственнымъ своимъ маленькимъ скривившимся окномъ. Тусклыя, разби-

ыя и склеенныя стекла едва пропускали свѣтъ, и совершенно прокопченныя стѣны бани настолько увеличивали внутреннюю темноту, что, войдя со свѣта, не сразу было можно что-либо видѣть. Освоившись съ темнотою, отецъ прежде всего посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда ему услышалось тяжелое кряхтѣнье. Онъ увидѣлъ лежащаго на соломѣ худаго, дряхлаго и больнаго старика-священника. Отозвавшись на привѣтъ отца едва слышно и слабымъ голосомъ, старикъ закрылъ глаза, какъ бы давая этимъ замѣтить, что не намѣренъ продолжать разговоръ.

— Вы очень нездоровы? спросилъ отецъ.

— Съ годъ лежу, не двигаюсь, отвѣчалъ старикъ, крехтя и почти шепотомъ.

— Мнѣ совѣстно васъ безпокоить; но дѣло, по которому я пришелъ, такъ важно, что я не желалъ-бы откладывать нашу бесѣду. Можете ли вы меня выслушать и откровенно отвѣчать на мои вопросы?

Молчаніе старика заставило отца заподозрить его въ глухотѣ, а потому онъ повторилъ свой вопросъ нѣсколько громче.

— Я слышу, отвѣчалъ священникъ внятно и болѣе твердымъ голосомъ,—чего вы хотите отъ меня?

— Вы конечно помните, что вы вѣнчали маіора Подымова; объясните пожалуста, какъ это случилось, что въ обыскной книгѣ за 1814 годъ бракъ этотъ нигдѣ не записанъ?

Вопросъ этотъ встревожилъ больнаго; онъ заворочался на своей соломѣ; потомъ, съ трудомъ переворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ, проговорилъ громко и очень скоро: «Никогда не вѣнчалъ. Ничего не помню. Не мучьте меня, я боленъ, я не могу говорить. Оставьте меня».

Въ голосѣ больнаго слышалось раздраженіе; но было-ли оно слѣдствіемъ досады, что его тревожатъ, или же встрепенулась совѣсть отъ напоминанія о тяжкомъ преступленіи, рѣшить было трудно. Послѣднее предположеніе однако показалось отцу болѣе вѣроятнымъ, и потому вотъ приблизительно съ какими словами онъ обратился къ старику:

— Собранныя мною данныя положительно убѣждаютъ, что покойникъ Подымовъ былъ вами вѣнчанъ, и ваше упорное отрицаніе этого факта не можетъ повліять на исходъ дѣла; дѣйствительность брака несомнѣнно будетъ признана. Но я не скрою отъ васъ, что для облегченія правосудія, было-бы весьма важно знать, почему этотъ бракъ нигдѣ не записанъ. Вы лучше другаго можете это объяснить, потому что записываніе въ книгу составляло вашу обязанность, и книга находилась у васъ въ рукахъ, когда возникло дѣло о законности брака. Вы подписали и выдали вдовѣ Подымова копію съ записи, упомянувъ при этомъ, что въ подлинной обыскной книгѣ бракъ записанъ на 14-мъ листѣ. Какимъ же образомъ на этомъ листѣ, вмѣсто этого брака, за-

писанъ другой, и по тщательному осмотру не видно, чтобы запись была сдѣлана по подчищенному? Если въ былое время, подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій, вы рѣшились способствовать преступленію, то неужели узнавъ о смерти несчастной, опозоренной матери опозоренныхъ и ограбленныхъ дѣтей, совѣсть ваша не пробудилась и не заставила васъ съ ужасомъ взглянуть на послѣдствія лжи вашей, уничтожившей честное семейство? Не можетъ быть, чтобы подобныя мысли не смущали спокойствія вашего. Не можетъ быть, чтобы въ продолжительной и тяжкой болѣзни вашей вы не видѣли бы посланнаго вамъ наказанія. Послушайте, ваши годы и болѣзненное состояніе должны напомнить вамъ о приближеніи времени отдать отчетъ передъ Богомъ. У васъ у самихъ есть дѣти и даже внуки,—что̀ ежели за грѣхъ вашъ на нихъ обрушится гнѣвъ Божій? Не заглушайте въ себѣ пробужденія добраго чувства, пользуйтесь временемъ примириться съ совѣстью. Не уносите въ могилу тайны, которая можетъ возстановить имя и права ограбленныхъ сиротъ.

— Не могу, отвѣчалъ священникъ,—не могу, повторилъ онъ съ отчаяніемъ, и затѣмъ какимъ-то глухимъ голосомъ добавилъ: я далъ клятву.

— Неужели для раскаянія требуется болѣе мужества, чѣмъ для рѣшимости сдѣлать безчестный поступокъ? Вы боитесь нарушить клятву, данную вами для сокрытія преступленія, но не боитесь умереть безъ покаянія! Имѣя въ своихъ рукахъ вѣрное средство исправить сдѣланное вами зло, вы колеблетесь. Не отягчайте души своей новымъ грѣхомъ,—лучше поспѣшите чистосердечнымъ раскаяніемъ очистить свою совѣсть.

Старикъ нѣсколько приподнялся, перекрестился и, обѣими руками ухватясь за руку отца моего, сказалъ сквозь слезы:—Спасибо вамъ, спасибо! Вы вразумили меня.

Затѣмъ послѣдовалъ разсказъ, сущность коего заключается въ томъ, что въ Сентябрѣ 1814 г. онъ дѣйствительно, вмѣстѣ съ причтомъ, вѣнчалъ, въ церкви села Коптева, помѣщика Подымова на Еленѣ Ивановой; бракъ этотъ былъ записанъ въ обыскной книгѣ, и обыскъ подписанъ поручителями. Книга хранилась въ церкви и была совершенно цѣла; но года четыре тому назадъ, книга та Консисторіею была вытребована, вмѣстѣ съ метрическими книгами, а также вытребованы были въ Консисторію самъ священникъ и сынъ его, пономарь Яковъ. Кѣмъ были въ Консисторіи эти книги испачканы, измочены и сгноены, не знаетъ; только все это дѣлалось подъ руководствомъ секретаря Консисторіи Попова, который ему, священнику, и сыну его пономарю приказывалъ переписывать нѣкоторыя книги вновь, съ какихъ-то черновыхъ

копій, говоря, что за многіе годы будто не оказалось книгъ по церкви с. Коптева. Книги переписывалъ сынъ священника, пономарь Яковъ. Обо всемъ этомъ священникъ доселѣ не показывалъ по настоянію секретаря и вслѣдствіе обнадеживанія преосвященнымъ, что за это штрафу не подвергнешься, причемъ преосвященный обѣщалъ дать жениха ко внукѣ его, священника, дочери пономаря Якова, на его священническое мѣсто. На основаніи этого обѣщанія была принята преосвященнымъ и просьба отъ священника; но послѣ сказано, что обѣщаніе исполнится *по окончаніи Подымовскаго дѣла.* Въ этомъ-же родѣ, но съ незначительными измѣненіями, было дано показаніе пономаремъ Яковымъ Орловскому губернатору, въ присутствіи Губернскаго Правленія и губернскаго прокурора. Показаніе-же священника было провѣрено на квартирѣ его командированнымъ отъ Губернскаго Правленія ассессоромъ, при полиціймейстерѣ и уѣздномъ стряпчемъ.

Вскорѣ отцу моему удалось получить еще важное свѣдѣніе по этому дѣлу; оно заключалось въ сознаніи одного изъ членовъ Консисторіи, протоіерея Максимова, дѣятельнаго участника въ порчѣ и сокрытіи документовъ. Онъ объяснилъ, что 14-й листъ изъ обыскной книги вырванъ и, вмѣстѣ съ другими вырванными листами изъ другихъ книгъ, хранится въ архивѣ на такой-то полкѣ, въ особой связкѣ различныхъ разрозненныхъ документовъ. Чтобы отсутствіе этого листа сдѣлать незамѣтнымъ, углы всѣхъ остальныхъ листовъ, начиная съ 14-го, были отмочены и всей книгѣ данъ видъ какъ-бы пострадавшей отъ продолжительнаго нахожденія въ сыромъ мѣстѣ и поврежденной крысами. Если считать листы не по нумерамъ, выставленнымъ на углахъ первыхъ листовъ, а по скрѣпѣ, то на 14-мъ листѣ книги недостаетъ двухъ слоговъ скрѣпы, и такимъ образомъ откроется, что этотъ листъ въ сущности не 14-й, а 15-й.

Преосвященный Гавріилъ, епископъ Орловскій, принадлежа прежде къ бѣлому духовенству, былъ законоучителемъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, когда отецъ мой былъ кадетомъ. Встрѣтившись въ Орлѣ, уже при иныхъ условіяхъ, преосвященный всегда оказывалъ моему отцу большое вниманіе. Онъ откровенно бесѣдовалъ съ нимъ о злоупотребленіяхъ секретаря Консисторіи, и какъ-бы въ доказательство высказываемаго сочувствія къ предпринятому отцомъ моимъ обнаруженію истины по дѣлу Подымова, ни разу не пропускалъ лично находиться въ архивѣ, когда отецъ отыскивалъ тамъ пропавшіе документы. Сдѣланное членомъ Консисторіи признаніе заставило отца просить архіерея вновь допустить его въ архивъ. И на этотъ разъ они пришли туда вмѣстѣ; а вскорѣ пріѣхалъ и прокуроръ, заранѣе приглашенный отцомъ прибыть въ архивъ, къ условленному времени. Начался пересмотръ дѣлъ.

Архиваріусъ бросался къ полкамъ съ какою-то поспѣшностію, чтобы достать дѣлà, которыя отецъ назначалъ. Каждый разъ, когда осмотрѣнное дѣло не заключало разыскиваемыхъ свѣдѣній, архіерей, указывая прокурору на отца моего, дѣлалъ добродушно шутливымъ тономъ замѣчанія: Вотъ такъ-то, который разъ при мнѣ онъ перерываетъ мой архивъ! Напрасно, другъ мой, себя только утруждаешь; ужъ ежели-бы было чтò, такъ давно-бы отыскалось.

— Ну на этотъ разъ можетъ быть и отыщу, отвѣчалъ отецъ и, указывая архиваріусу на одну связку, выглядывавшую на верхней полкѣ изъ-за другихъ дѣлъ, попросилъ ее достать ему.

Архиваріусъ бросился опрометью и, будто не понявъ указанія, подалъ другую.

— Не эту, а ту чтò возлѣ, повторилъ отецъ, указывая пальцемъ на связку.

Услужливый архиваріусъ опять бросился искать, но совершенно въ противоположной сторонѣ. Тогда отецъ, взобравшись по лѣсенкѣ, самъ досталъ эту связку. И преосвященный, и архиваріусъ, въ одинъ голосъ, поспѣшили предупредить отца, что искать въ этой связкѣ напрасно, что тамъ хранятся разрозненные документы отъ разныхъ дѣлъ другихъ годовъ. Но отецъ уже началъ развязывать папку, и при этомъ, взглянувъ на архіерея и на услужливаго архиваріуса, не могъ не замѣтить выказавшагося на ихъ лицахъ смущенія. Смущеніе значительно увеличилось, когда отецъ вытащилъ изъ среди этихъ бумагъ вырванный изъ обыскной книги листъ, на которомъ былъ записанъ бракъ Подымова. Опечатавъ связку печатями, своею и прокурорскою, отецъ сталъ прощаться съ архіереемъ. Всѣ вышли изъ архива молча. У подъѣзда отца дожидался экипажъ, въ которомъ онъ предложилъ прокурору отправиться съ нимъ сейчасъ-же къ губернатору.

— Полковникъ, какъ-то нерѣшительно сказалъ архіерей, прошу васъ, зайдите ко мнѣ хоть на минуту; вѣдь это тутъ-же, въ этомъ-же домѣ. Всѣ трое отправились на архіерейскій подъѣздъ. Молча дойдя до пріемной, архіерей обернулся къ отцу и его одного попросилъ въ слѣдующую комнату.

— Вы губите меня, сказалъ архіерей, оставшись вдвоемъ съ отцемъ моимъ. Скройте это дѣло, прошу васъ.

— Исполняя вашу просьбу, отвѣчалъ отецъ, я бы поступилъ несправедливо и нечестно; а вы сами, будучи моимъ законоучителемъ, внушали мнѣ, что любовь къ Богу человѣкъ можетъ доказать, поступая всегда честно и справедливо. До сихъ поръ я неуклонно слѣдовалъ этому ученію и не отступлюсь отъ него никогда.

Архіерей опустилъ голову и сильно призадумался. Онъ не слышалъ, какъ отецъ съ нимъ прощался и даже не очнулся, когда отецъ уходилъ изъ комнаты.

Сvнодъ окончилъ пересмотръ дѣлопроизводства Консисторіи, и составленное по сему опредѣленіе было оберъ-прокуроромъ Сvнода доложено Государю. Императоръ Николай утвердилъ рѣшеніе Сvнода, заключавшееся въ слѣдующемъ: бракъ маіора Подымова съ Еленою Ивановою, какъ не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, признать дѣйствительнымъ и прижитыхъ въономъ дѣтей законнорожденными, а затѣмъ рѣшеніе Орловскаго епархіальнаго начальства, какъ неправильное, отмѣнить. Предоставить епархіальному начальству войти въ разсмотрѣніе поступковъ духовныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ злоупотребленіямъ и подлогамъ въ семъ дѣлѣ. Секретаря Консисторіи и архиваріуса отрѣшить отъ должности и отослать къ суду въ свѣтское правительство.

Утверждая это рѣшеніе, Государь повелѣлъ: «*Совокупно съ дѣйствіями чиновниковъ Консисторіи разсмотрѣть въ судѣ и поступки по дѣлу сему самого истца, подполковника Подымова, который сталъ отрицать по смерти брата его вѣнчаніе съ Еленою Ивановою, тогда какъ при жизни самъ признавалъ оное, что̀ доказываетъ собственноручная подпись его на журналѣ дворянской опеки, гдѣ Иванова названа именно маіоршею Подымовою.*»

Сенатъ распорядился имѣніе возвратить малолѣтнымъ. По разсмотрѣніи же дѣйствій гражданскихъ чиновъ по производившемуся, по высочайшему повелѣнію, слѣдствію надъ лицами прикосновенными къ этому дѣлу, было постановлено рѣшеніе, опредѣлявшее мѣру взысканія каждому изъ виновныхъ.

Доложенное Государю рѣшеніе это было высочайше утверждено съ тѣмъ, *чтобы о поступкахъ виновныхъ было указомъ Сената опубликовано по всей Имперіи.*

Епископъ Орловскій былъ перемѣщенъ въ Екатеринославъ, а нѣсколько времени спустя губернаторъ и почти всѣ служащіе были замѣнены новыми лицами.

Извѣстясь о высочайшей резолюціи, утверждавшей рѣшеніе Сvнода о признаніи брака Подымова дѣйствительнымъ и дѣтей законнорожденными, А. Х. Бенкендорфъ поручилъ: „*увѣдомить подполковника Жемчужникова, который конечно найдетъ въ этомъ награду за ревностное содѣйствіе свое въ семъ добромъ дѣлѣ.*“ Отецъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ эту любезность бывшаго своего начальника, но

еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о томъ, что ходатайство его объ опредѣленіи малолѣтныхъ Подымовыхъ въ Кадетскій Корпусъ было уважено. Высочайшею властію они были опредѣлены во 2-й Кадетскій Корпусъ. Въ сообщеніи объ этомъ моему отцу присовокуплено, *что на него возлагается привезти этихъ сиротъ въ Петербургъ въ довершеніе оказаннаго имъ благодѣянія, коего первымъ виновникомъ былъ онъ.*

*

Прибавлю еще черту, которая въ наши дни можетъ показаться даже невѣроятною, но которая тѣмъ не менѣе вѣрна. По окончаніи Подымовскаго дѣла, отецъ мой тѣмъ же владыкою былъ приглашенъ вечеромъ на чашку чаю. Когда онъ явился въ назначенный часъ, его провели прямо въ домашнюю церковь преосвященнаго, и только что отецъ мой вошелъ въ церковь, какъ хоръ пѣвчихъ грянулъ какой-то привѣтственный гимнъ. Архіерей, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ изъ царскихъ дверей, сказалъ краткое слово въ похвалу отцу моему, просилъ у него прощенія и примиренія съ нимъ. Послѣ того какъ отецъ приложился къ кресту, архіерей передалъ крестъ дьякону, а самъ обнялъ отца и сталъ его цѣловать. Въ это время изъ другихъ боковыхъ дверей вышли два дьякона: одинъ держалъ серебряный подносъ, на коемъ стояли два бокала; а у другаго въ рукахъ была бутылка Шампанскаго. Когда бокалы были налиты, а протодіаконъ провозгласилъ тостъ за здравіе болярина Михаила, архіерей опять поцѣловался съ отцемъ чокнулся, и оба выпили по бокалу [1]).

Позднѣе, Орловскіе жители были оповѣщены, что въ такой-то день преосвященный будетъ послѣдній разъ служить въ соборѣ и послѣ обѣдни простится съ паствою. Въ соборъ съѣхалось все начальство, и народу набралось много. Служба была какъ-то особенно торжественна. Передъ тѣмъ, что архіерею говорить слово, протодіаконъ подошелъ къ моему отцу и, отъ имени преосвященнаго, попросилъ его стать впереди на мѣсто, которое онъ ему и указалъ. Началъ свое слово архіерей такъ: «Миръ оставляю я. Миръ даю вамъ», добавилъ онъ, указывая на моего отца. Слово было коротко, но сказано съ чувствомъ, и заключало въ себѣ что-то въ родѣ публичнаго покаянія и совѣта каждому жить честно и не поддаваться искушеніямъ дьявола.

---

[1]) Въ „Спискахъ Іерарховъ", поставленныхъ П. М. Строевымъ (Спб. 1877, стр. 905) значится епископомъ Орловскимъ Гавріилъ Розоновъ съ 18 Сентября 1821, переведенъ въ Екатеринославъ 22 Мая 1828.

Секретарь Консисторіи, Сергѣй Алексѣевичъ Поповъ, началъ свою службу въ Тифлисѣ, будучи, кажется, пѣвчимъ у А. П. Ермолова, и оттуда попалъ въ секретари Консисторіи. За Подымовское дѣло былъ онъ *отрѣшенъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять его;* но, по рекомендаціи Ермолова, онъ былъ снова принятъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ В. В. Левашовымъ, у котораго и состоялъ чѣмъ-то въ родѣ прислуги. За службу его въ Кіевѣ, по ходатайству Левашова, послѣдовало снятіе штрафа, что̀ дало ему возможность быть впослѣдствіи, въ чинѣ статскаго совѣтника, совѣтникомъ питейнаго отдѣленія Орловской Казенной Палаты, но и оттуда его выгнали. Поповъ умеръ лѣтъ 15-20 тому назадъ, оставивъ послѣ себя значительное состояніе.

Александръ Жемчужниковъ.

Мартъ 1877 года.

О ВНУТРЕННЕМЪ УПРАВЛЕНІИ ВЪ РОССІИ.

Записка графа С. Р. Воронцова.

1803 [1])

Вы мнѣ прислали, любезный графъ Викторъ Павловичъ, въ спискахъ: проэктъ наставленія, которое должно быть дано министру внутреннихъ дѣлъ и вашъ отчетъ по этому министерству. Оба сочинены вами и представлены Государю. Я обѣщалъ вамъ составить объ нихъ мои замѣчанія. Исполняю это обѣщаніе и пишу съ тою откровенностью, съ которою привыкъ я относиться къ друзьямъ моимъ.

Прочитавъ проэктъ и отчетъ, я пришелъ къ убѣжденію, что мы съ вами совершенно расходимся въ нашихъ понятіяхъ объ управленіи, о законномъ и неизбѣжно-необходимомъ надзорѣ Сената за министерствомъ и въ особенности въ понятіяхъ о неминуемыхъ злоупотребленіяхъ министерскаго деспотизма, который, Богъ вѣсть почему, кажется вамъ невозможнымъ. Кто изъ насъ обоихъ правъ, рѣшить мы не можемъ; это рѣшатъ опытъ и время, и притомъ время весьма не продолжительное. Наши личныя, одно другому противорѣчащія мнѣнія въ этомъ дѣлѣ подтвердятся или опровергнутся непреложнымъ показаніемъ опыта и времени.

Не стану заноситься далеко и ограничу мои замѣчанія лишь нѣсколькими существенными статьями. Въ наставленіи министру внутреннихъ дѣлъ вамъ очень хочется увѣрить Государя, что невозможенъ

---

[1]) Послана, въ видѣ письма, къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, графу В. П. Кочубею. Французскій подлинникъ напечатанъ въ XV книгѣ „Архива Князя Воронцова". Графъ Кочубей, въ молодости своей жившій въ Парижѣ во время революціи и насмотрѣвшійся тамъ разныхъ канцелярскихъ учрежденій, былъ большой любитель правительственнаго письмоводства. Сперанскій является первоначально ученикомъ его, и лишь впослѣдствіи превзошелъ его въ искусствѣ насиловать жизнь законодательными измышленіями. — Надо замѣтить, что отчеты министра внутреннихъ дѣлъ за 1803, 1804 и 1805 года были напечатаны, что̀ считалось въ то время новостью. *П. Б.*

министерскій деспотизмъ; опасеніе онаго вы называете *химерою, потому-де, что министры суть лица избранныя* (это ваши собственныя слова). Вотъ единственный вашъ доводъ. Правда, что другаго и не придумаешь; но доводъ этотъ таковъ, что мнѣ за васъ досадно, зачѣмъ вы его привели. Укажите мнѣ страну, гдѣ бы Государь, чтобы назначить министра, прибѣгалъ къ гаданью на бобахъ, или металъ жребій. Вяземскій, Самойловъ, оба Куракины, Кушелевъ, Обольяниновъ, Панинъ, Беклешовъ, Мордвиновъ и необузданный Державинъ были также лица избранныя; всѣ великіе визири въ Турціи, всѣ министры въ Персіи и въ Мароко суть равнымъ образомъ лица избранныя. Хорошо обезпеченіе противъ министерскаго деспотизма!

Раздѣляя обязанности губернаторовъ на распорядительныя и судебныя, вы говорите въ вашемъ отчетѣ, что по первымъ они должны давать отчетъ министру внутреннихъ дѣлъ, а по вторымъ министру юстиціи. Это у васъ соскользнуло съ пера, а между тѣмъ черезъ это уничтожается Сенатъ: ему нечего больше дѣлать и не зачѣмъ надзирать; ни о чемъ неувѣдомляемый, онъ уже не можетъ доводить до свѣдѣнія Государя о дѣлахъ, вершенныхъ вопреки существующимъ законамъ, о злоупотребленіяхъ власти, совершаемыхъ съ умысломъ или по невѣдѣнію этими *избранными лицами*, которыхъ деспотизмъ есть-де *химера*. Сенатъ становится совершенно ненуженъ; дорогая и непроизводительная трата на его содержаніе должна быть отмѣнена. По крайней мѣрѣ сократится государственный расходъ.

Правда, государь останется въ невѣдѣніи о томъ какъ управляются его подданные; ибо онъ будетъ получать доклады только отъ *этихъ избранныхъ лицъ*, которыя будутъ всегда въ одно время и судьями и подсудимыми. Государю не останется даже способа узнать, хорошій ли сдѣлалъ онъ выборъ, назначивъ этихъ непогрѣшимыхъ и всегда чистыхъ лицъ.

Стало быть, Сенатъ, сдѣлавшійся меньше чѣмъ нулемъ, долженъ быть упраздненъ; ибо не слѣдуетъ длить уничиженіе сенаторовъ и понапрасну тратить деньги на ихъ содержаніе. Эта мѣра необходима, и отсрочивать ее можно развѣ по любви къ противорѣчію и непослѣдовательности.

Очень однако сомнѣваюсь я, чтобы именные указы, всегда, со временъ Петра Великаго (сего истиннаго основателя нашей государственной силы) исходившіе изъ Правительствующаго Сената, который пользуется въ народѣ общеизвѣстностью и уваженіемъ, чтобы эти указы могли, какъ это было почти цѣлое столѣтіе, встрѣчать себѣ такое почтительное и покорное сочувствіе, коль скоро они будутъ обнародоваться отъ имени государя графомъ Кочубеемъ, графомъ Васильевымъ

или кѣмъ либо другимъ изъ министровъ, имена которыхъ мѣняются, такъ что гдѣ нибудь въ Иркутскѣ или въ Охотскѣ про нихъ могутъ и не знать, тогда какъ Сенатъ извѣстенъ и уважаемъ по всей имперіи. Не скрою даже, что будутъ правы, не оказывая этимъ указамъ того непререкаемаго довѣрія, съ которымъ принимались указы, обнародованные Сенатомъ; ибо относительно сихъ послѣднихъ подразумѣвалось, что они состоялись послѣ предварительнаго разсмотрѣнія, послѣ того какъ, въ случаѣ если его императорское величество былъ вовлеченъ въ ошибку кѣмъ либо изъ своихъ министровъ, ему представляли что̀ тутъ выходило невѣрнаго и безполезнаго; тогда какъ, если указъ обнародуется однимъ изъ министровъ, можетъ случиться, что онъ состоялся вслѣдствіе одного только личнаго и безъ свидѣтелей доклада, когда государь могъ быть чѣмъ нибудь развлеченъ и не расположенъ обсудить доводы за и противъ предложеннаго къ подписанію указа.

Скажутъ, что Сенатъ можетъ войти со своимъ представленіемъ и послѣ изданія въ свѣтъ указа; но исторія графа Потоцкаго удостовѣрила насъ, къ великой скорби всѣхъ Русскихъ людей, что Сенатъ, оскорбленный Державинымъ, уже не посмѣетъ больше возвышать свой голосъ. Это очень удобно для семи или осьми избранныхъ лицъ, но очень бѣдственно для 36 милліоновъ жителей Россіи. Далѣе, въ томъ же «отчетѣ» вы говорите, что важные случаи «вноситься будутъ въ комитетъ или вашему императорскому величеству». За тѣмъ слѣдуетъ долгій списокъ случаевъ, когда министръ «представляетъ о томъ вашему императорскому величеству». Этимъ, равно какъ несчастнымъ *или* въ предъидущемъ предложеніи, уничтожается комитетъ, засѣданія котораго становятся безполезны, какъ и засѣданія Сената и какъ бывшія засѣданія прежняго Совѣта. Все это замышлено вполнѣ вопреки сентябрьскимъ манифестамъ прошедшаго года, и поводы къ тому подаете вы, внушая Государю мысли совершенно противоположныя тѣмъ, которыя онъ торжественно выразилъ своимъ подданнымъ, во всеуслышаніе всего государства и всей Европы.

Посмотримъ теперь на «отчетъ». Онъ не представленъ Сенату, какъ бы слѣдовало; онъ поднесенъ прямо государю. Послѣ этого невозможно найти или угадатв причину, зачѣмъ проводили вы его черезъ Сенатъ, который не можетъ понимать что̀ въ немъ содержится и на какихъ подтвердительныхъ статьяхъ основаны выводы, представляемые вами государю. Неизвѣстно, почему избрали вы Сенатъ передатчикомъ вашего «отчета»; онъ не въ состояніи понимать его, потому что вы безпрестанно ссылаетесь на обстоятельства ему недовѣдомыя и про которыя знаютъ только государь да вы. Въ этомъ случаѣ бѣдный Сенатъ столько же причастенъ къ дѣлу, какъ почтальонъ, который

передастъ вамъ это запечатанное письмо, причастенъ къ содержанію онаго. Единственно что̀ можно предположить для объясненія, почему вы прибѣгли къ такому способу подачи вашего «отчета» его императорскому величеству, это то, что, явно заявивъ себя противъ сенатскаго вмѣшательства въ дѣйствія министровъ и желая рѣшительнымъ и откровеннымъ образомъ упразднить отвѣтственность министровъ передъ Сенатомъ, вы имѣли намѣреніе показать Сенату, что, вопреки сентябрьскимъ манифестамъ прошедшаго года, ему нѣтъ больше никаго дѣла до того, какъ управляется государство. Стало быть, вопросъ этотъ вами рѣшенъ, и въ рѣшеніи его вы позволили себѣ быть и судьею и отвѣчикомъ въ одно и тоже время.

Ну, любезный другъ, не робкаго вы десятка. Какъ это вы осмѣлились (хотя бы и не прямо, не по праву, однакожъ на дѣлѣ) уничтожать благодѣтельное и необходимо-нужное соучастіе Сената въ общемъ управленіи столь обширнаго государства, какова Россія!

Это верховное совѣщательное собраніе, это мѣсто главнаго надзора надъ всѣми отраслями управленія, учреждено Петромъ Великимъ, человѣкомъ чудеснымъ, величайшимъ государемъ, какимъ когда либо украшалась державная власть. Онъ учредилъ Сенатъ; ибо чувствовалъ, не смотря на свои дарованія и необычайную геніальность или вѣрнѣе вслѣдствіе ихъ, что великая страна не можетъ быть управляема во всѣхъ частяхъ своихъ самимъ государемъ; что ввѣрить это управленіе десяти или двѣнадцати лицамъ безъ надзора за ними значило бы поставить десять или двѣнадцать деспотовъ, которые, по свойству человѣческой природы, вольно или невольно, станутъ злоупотреблять своею властію, и что государь, имѣя дѣло исключительно съ этими немногими лицами, будетъ ими вводимъ въ заблужденіе и не узнаетъ про ихъ злоупотребленія и вредъ, ими причиняемый. Вотъ почему, распредѣливъ всѣ отрасли управленія по коллегіямъ, президенты которыхъ были въ родѣ министровъ, онъ всѣхъ ихъ поставилъ въ зависимость и подчиненіе Сенату, съ тѣмъ чтобы Сенатъ держалъ ихъ въ порядкѣ, наблюдалъ за ними и докладывалъ объ нихъ государю. Правда, сенаторы, имъ назначенные, были люди надежные и достойные носить это имя; ибо онъ умѣлъ выбирать людей, зналъ, какъ важенъ этотъ выборъ и не полагалъ, чтобы въ столькихъ милліонахъ подданныхъ, въ народѣ, чуждомъ тупоумія и душевной низости, не нашлось 30 или 40 человѣкъ, для составленія верховнаго учрежденія страны. Этихъ людей онъ назвалъ «Правительствующій Сенатъ» и сдѣлалъ это собраніе средоточіемъ для всего великаго круга дѣлъ, касающихся управленія столь обширнаго государства, какова Россія. Указы отъ имени государя исходили изъ сего верховнаго учрежденія.

Если Петръ Великій, въ своей мудрости, признавалъ необходимымъ такое установленіе, то оно сдѣлалось еще необходимѣе въ наши дни, когда Россія значительно расширилась, и народонаселеніе въ ней утроилось противъ временъ сего великаго государя. Сентябрьскія установленія 1802 года были хороши, хотя имѣли свои слабыя стороны, возникшія отъ поспѣшности и плохаго выбора нѣкоторыхъ министровъ; они были необходимы, потому что вносили болѣе дѣятельности въ разныя сферы управленія и въ особенности потому, что ими устроенъ комитетъ всѣхъ министровъ, долженствовавшій обсуждать всѣ дѣла въ присутствіи государя. Но польза отъ этихъ новыхъ установленій не возможна безъ надзора за министрами со стороны Сената, которому министры должны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Возстановленіе Сената въ старинныхъ правахъ его, узаконенныхъ Петромъ Великимъ, и давало поводъ надѣяться на лучшее управленіе страною, и подданные благословляли за это государя. Трудно понять, какъ все это исказилось и какъ государь, самъ того не замѣчая, допустилъ, что дѣла пошли путемъ вполнѣ противоположнымъ тому, который былъ указанъ отъ его собственнаго имени. Я не защищаю дѣла графа Потоцкаго. Онъ можетъ ошибаться; весь Сенатъ могъ быть введенъ въ заблужденіе, хотя имъ руководило усердіе къ своему государю. Но изъ за этого не слѣдовало Державину наругаться надъ Сенатомъ и входить съ самымъ оскорбительнымъ *предложеніемъ*, въ которомъ онъ имѣлъ дерзость считать сенаторовъ идіотами, невѣжами и бунтовщиками. Съ этихъ поръ сенаторы уже не могутъ возвысить голосъ; ибо главный доводъ министровъ и правителей ихъ канцелярій состоялъ въ томъ, что Сенатъ не смѣетъ дѣлать государю представленія противъ указа уже обнародованнаго. Какъ будто зло не должно быть поправляемо, коль скоро оно обнародовано, какъ будто Сенатъ могъ какимъ чудомъ узнать что̀ господа министры готовятъ къ подписи государя, и будто сенаторы имѣли время сдѣлать представленіе, прежде чѣмъ императорскій указъ былъ имъ присланъ для обнародованія? Вотъ что сдѣлалъ Державинъ и въ чемъ ему отважно пособили тѣ министры, кому хотѣлось, напугавъ Сенатъ, оставаться безъ надзора въ своихъ дѣйствіяхъ.

Но то что̀ вы сдѣлали, еще гораздо важнѣе. Вы послѣдовательно твердили и проповѣдывали противъ сенатскаго надзора, увѣряя, что министерскій деспотизмъ есть химера, такъ какъ министры суть лица избранныя. И послѣ этого, какъ будто вы уже выиграли вашу тяжбу, и какъ будто государь, вопреки своимъ же манифестамъ, убѣдился въ безполезности Сената, вы ему представляете вашъ «отчетъ» черезъ посредство Сената, которому вы не даете никакого объясненія, умалчивая о поводахъ, вызвавшихъ съ вашей стороны многія мѣропріятія

и не прилагая подтвердительныхъ статей. Такимъ образомъ Сенатъ есть безучастный передатчикъ вашихъ бумагъ государю. Будь я сенаторомъ, я предложилъ бы составить *опредѣленіе* объ отсылкѣ этихъ бумагъ къ вамъ обратно, съ увѣдомленіемъ, что Сенатъ не мѣшается въ то чего онъ не понимаетъ.

Я конечно подвергся бы тѣмъ же преслѣдованіямъ, какъ и графъ Потоцкій, но роль сего послѣдняго для меня предпочтительнѣе роли Державина и роли вашей. Мнѣ всегда были противны злоупотребленія власти и министерскій деспотизмъ, отъ котораго блекнетъ все въ самой цвѣтущей странѣ, который оподляетъ людей и бываетъ виновникомъ бѣдствій какъ для подданныхъ, такъ и для самаго государя.

И такъ, другъ мой, понятія наши объ управленіи государствомъ діаметрально противоположны. Это ясно. Такое разномысліе можетъ зависить отъ несходства въ нравѣ, въ воспитаніи, въ лѣтахъ, отъ долгаго нашего пребыванія въ разныхъ странахъ, словомъ отъ множества другихъ причинъ; но тѣмъ не менѣе оно несомнѣнно. Не думаю, чтобы я могъ разубѣдить васъ; но и вамъ также не удалось бы меня переувѣрить: въ 60 лѣтъ правилъ не мѣняютъ. Вѣроятно вамъ не понравятся мои замѣчанія. Буду жалѣть о томъ; но по мнѣ лучше, чтобы вы были мною недовольны, нежели мнѣ самому быть недовольну собою: ибо я презиралъ бы самаго себя, если бы сталъ писать противъ совѣсти и если бы безсовѣстно показывалъ видъ, будто одобряю то, отъ чего воротитъ мою душу. Вы мнѣ прислали эти двѣ бумаги съ цѣлью узнать мое мнѣніе о нихъ: стало быть, я не могъ выразиться иначе какъ съ полною откровенностью честнаго человѣка и истиннаго друга.

Въ проѣздъ мой черезъ Петербургъ (на пути къ брату, который рѣшился, ради здоровья, покинуть службу и въ будущемъ Январѣ отправится въ Москву и къ себѣ въ деревню) мы побесѣдуемъ обо всемъ, кромѣ государственнаго управленія, котораго не коснемся больше никогда ни на словахъ, ни на письмѣ. Я всегда буду радъ видѣть давнишняго моего друга Кочубея; но стану бесѣдовать съ моимъ другомъ, а не съ министромъ.

Какъ ни длинно это письмо, не могу однакожъ не представить вамъ слѣдующаго размышленія. Неужели вы льстите себя надеждою удержаться постоянно на вашемъ мѣстѣ? Поглядите вокругъ себя. Не говоря о временахъ протекшихъ (отъ которыхъ остались уволенные министры, живыя доказательства того, какъ непрочны мѣста) подумайте о томъ, что въ какіе нибудь два года покинули свои должности Паленъ, Панинъ, Кушелевъ, Куракинъ, Мордвиновъ, Беклешовъ и, напослѣдокъ, Державинъ. Каково будетъ вамъ, когда вы останетесь безъ

должности и когда вся Россія попрекнетъ вамъ, что вами придуманъ, введенъ и укорененъ министерскій деспотизмъ, т. е. величайшее бѣдствіе, ужаснѣйшій бичъ, отъ котораго страждутъ подданные и ослабѣваетъ любовь ихъ къ государю: ибо угнетаемый человѣкъ сначала проклинаетъ министра-угнетателя, а потомъ перестаетъ любить государя, попускающаго своимъ визирямъ угнетать несчастныхъ подданныхъ.

При покойной государынѣ у насъ бывали наглые любимцы, которые обращались съ своими соотечественниками, какъ съ рабами. Но это было зло преходящее, неузаконенное, случайное. Потемкинъ и Зубовъ были очень наглые деспоты; но князь Орловъ, Васильчиковъ, Завадовскій, Ермоловъ и многіе другіе пользовались своимъ положеніемъ съ умѣренностью, а трое послѣдніе даже съ отмѣнною скромностью. Цѣль добродѣтельнаго человѣка на служебномъ его поприщѣ— принести пользу своей странѣ и своему государю, заслужить ихъ уваженіе и оставить по себѣ память почетную и благословляемую соотечественниками и потомствомъ. Можете ли вы надѣяться, что васъ любятъ за то, что вами устроенъ министерскій деспотизмъ? Льстецы ваши конечно увѣряютъ васъ, что вы любимы, потому что они видятъ въ васъ министра, въ коемъ они нуждаются; но я, не имѣющій никакого дѣла до министра, вижу въ васъ моего истиннаго друга, и потому прошу васъ поразмыслить о положеніи, въ которомъ вы будете, вышедши въ отставку и очутившись въ зависимости то отъ того, то отъ другаго министра, смотря по дѣламъ, какія у васъ могутъ возникнуть въ разныхъ вѣдомствахъ, и если придется вамъ терпѣть отъ деспотизма, вы будете достойны сожалѣнія, но вы одинъ во всемъ государствѣ лишены будете права жаловаться, такъ какъ это значило бы возставать противъ собственнаго творенія. Простите, другъ мой; обнимаю васъ.

*

Изъ Сентябрьскихъ указовъ, на которые ссылается графъ Воронцовъ, въ особенности замѣчателенъ указъ 8-го Сентября 1802 года. (Именный, данный Сенату о правахъ и обязанностяхъ Сената, въ Полномъ Собраніи Законовъ, № 20405). Выписываемъ изъ него слѣдующія статьи:

1. «Сенатъ есть верховное мѣсто имперіи нашей; имѣя себѣ подчиненными всѣ присутственныя мѣста, онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія и пр.

2. Власть Сената ограничивается единою властію Императорскаго Величества; иной же вышней власти онъ надъ собою не имѣетъ.

3. Единое лицо Императорскаго Величества предсѣдаетъ въ Сенатѣ.

4. Указы Сената исполняются всѣми какъ собственные Императорскаго Величества. Одинъ Государь или его именный указъ можетъ остановить сенатскія повелѣнія.

5. Всѣ именные Императорскаго Величества указы, кромѣ подлежащихъ эсобливой тайнѣ, должны вноситься въ Сенатъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, которымъ оные даны будутъ».

*

Кромѣ расширенія правъ Сената, Александръ Павловичъ, по совѣту обоихъ графовъ Воронцовыхъ (изъ которыхъ старшій былъ тогда государственнымъ канцлеромъ, а младшій посломъ въ Лондонѣ, откуда пріѣхалъ въ Петербургъ) устранилъ одиночные доклады и принималъ ихъ не иначе, какъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ. Читатели припомнятъ, что братья графы Воронцовы, воспитавшіеся подъ вліяніемъ дяди своего государственнаго канцлера Елисаветинскихъ временъ, графа Михаила Ларіоновича, являлись въ то время хранителями преданій Петра Великаго. Они не были вполнѣ угодны Екатеринѣ II-й, потому что находили, что даже и она принимала чрезмѣрное участіе въ общей, Европейской политикѣ. Каково же имъ было, когда внукъ Екатерины сталъ усвоять себѣ сначала преимущественно, а потомъ почти исключительно, лишь эту сторону ея дѣятельности. Графы Воронцовы постоянно твердили противъ близкихъ сношеній съ Пруссіею.

Графъ С. Р. Воронцовъ, осенью 1802 года, возвратился къ своей должности въ Англію, успокоенный и вполнѣ обнадеженный относительно внутренняго управленія Россіи. Но новый порядокъ дѣлъ просуществовалъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ. 5 Декабря того же 1802 года высочайше утвержденъ докладъ военнаго министра, по которому молодые дворяне не могли подавать въ отставку изъ военной службы раньше 12 лѣтъ, коль скоро не получили офицерскаго чина. Этотъ докладъ былъ предварительно отосланъ въ Сенатъ; но сенаторы не подвергли его своему обсужденію и не воспользовались правомъ предварительнаго обжалованія. Черезъ нѣсколько недѣль, 16 Января 1803 года сенаторъ графъ Потоцкій въ общемъ собраніи Сената возбудилъ вопросъ о несправедливости этого постановленія, какъ нарушающаго права дворянства. Возникли шумныя пререканія. Тогдашній министръ юстиціи Державинъ увидалъ въ этомъ посягательство на власть Государя, и дѣло кончилось тѣмъ, что вслѣдствіе новаго указа, отъ 21 Марта 1803 года, Сенатъ уже не смѣлъ больше подавать своего голоса даже и относительно министерскихъ докладовъ еще не утвержденныхъ.

Главною виною неудачи была конечно непривычка сенаторовъ къ самостоятельному положенію. Совмѣстныя обсужденія докладовъ тоже прекратились; черезъ годъ потомъ Наполеонъ, дерзкою депешею по поводу траура при Русскомъ дворѣ по герцогѣ Энгіенскомъ, повернулъ вниманіе Александра Павловича исключительно на внѣшнюю политику; начался рядъ кровопролитныхъ войнъ, и заботы о внутреннемъ управленіи Россіею по необходимости были покинуты.

П. Б.

ДАЙ ОГЛЯНУСЬ.

„Дай оглянусь...“
Пушкинъ.

Я родился въ Мартѣ 1806 года. Не разъ пытался я въ теченіе моей жизни писать мои Записки, но все было неудачно, и я воспоминаніями, уже положенными на бумагу, никогда не выходилъ изъ родительскаго дома и не преступалъ за предѣлы 16 лѣтняго возраста. Между тѣмъ сколькимъ событіямъ былъ я очевиднымъ свидѣтелемъ! У меня сохранились дѣтскія воспоминанія о войнѣ 1812 года; я участвовалъ въ войнѣ 1831 года; наконецъ я былъ участникомъ въ славныхъ реформахъ настоящаго царствованія.... [1])

Я не предпринимаю описывать здѣсь длинный рядъ всѣхъ этихъ событій, потому что по опыту знаю всю мою несостоятельность къ этому дѣлу. Коснусь только событій послѣдняго царствованія.

Кто, подобно мнѣ, провелъ лучшіе годы своей жизни подъ сильнымъ и крѣпкимъ скипетромъ Николая I, тотъ знаетъ, что во время оно намъ и не снились тѣ благотворныя преобразованія, которыми одарилъ Россію великодушный Александръ II. Казалось бы, что плодотворная дѣятельность его человѣколюбиваго царствованія должна была привести насъ къ мирному преуспѣянію на пути гражданскаго прогресса; что внутреннее спокойствіе страны обезпечено тѣми свободными учрежденіями, какія получили мы отъ руки Царя-Освободителя; что благодарное отечество, окружая его своею любовію, можетъ спокойно идти по открытому имъ пути, не встрѣчая ни препятствій, ни еще менѣе крамольныхъ и революціонныхъ замысловъ. И что же мы видимъ? Рука не подымается писать о тѣхъ мерзостяхъ, о тѣхъ злодѣйскихъ попыткахъ, которыя, по особенному Провидѣнію Божію, хотя и не состоялись, но корень зла еще остается.

---

[1]) Статья эта написана въ Январѣ 1881 года. П. Б.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ серіозно болѣнъ. Я пріѣхалъ тогда въ Москву, чтобы посовѣтоваться съ моимъ тамошнимъ докторомъ, какъ я долженъ поступить для облегченія моей болѣзни. Докторъ сказалъ мнѣ: «Болѣзнь ваша серіозна, и вы должны начать продолжительное леченіе. Переѣзжайте въ Москву, и мы займемся вашею болѣзнію».—«А долго ли я долженъ буду прожить здѣсь?»—«Мѣсяца два-три». —«Но, докторъ, это будетъ мнѣ стоить дорого. Не можете ли вы всѣ ваши лекарства дать мнѣ принять сразу»?—«Какъ же это можно? Хотя лекарства мои не содержатъ въ себѣ ничего ядовитаго, однакоже никакая натура не переваритъ ихъ за одинъ пріемъ; ихъ нужно будетъ принимать черезъ часъ по ложкѣ: тогда только могутъ принести они ту пользу, какой мы отъ нихъ ожидаемъ».

Этотъ отвѣтъ доктора можетъ служить разрѣшеніемъ тѣмъ вопросамъ, которые поставлены мною выше. Если мы вспомнимъ, что столь существенныя реформы, какъ уничтоженіе крѣпостной зависимости, учрежденіе земскихъ собраній, введеніе новаго судоустройства, уничтоженіе винныхъ откуповъ, всеобщая воинская повинность, упраздненіе кредитныхъ учрежденій опекунскаго совѣта и приказовъ общественнаго призрѣнія, совершены почти въ одно и тоже время: то едва ли не придемъ мы къ заключенію моего доктора, что всѣ эти начинанія должны были бы даваться намъ черезъ часъ по ложкѣ, и что при пріемѣ ихъ разомъ государственный организмъ нашъ не могъ не поколебаться, не смотря на существенную благотворность этихъ реформъ.

Никто, думаю, не станетъ спорить, что всѣ эти реформы дѣлались съ крайнею торопливостію. Достаточно припомнить, что при изданіи новыхъ судебныхъ уставовъ и при открытіи новыхъ судовъ была забыта цѣлая нотаріальная часть, такъ что всѣ крѣпостные акты и довѣренности совершались въ полиціяхъ.

Правда, что первое законодательное дѣйствіе настоящаго царствованія—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,—было обдумано всесторонне. Этому способствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что ненормальность крѣпостнаго положенія сознавалась правительствомъ съ самаго начала текущаго столѣтія, и робкія попытки его то въ видѣ изданія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, то въ видѣ обязанныхъ крестьянъ, ознакомили его съ тѣми затрудненіями и препятствіями, съ которыми предстояло ему имѣть дѣло и въ настоящемъ случаѣ.

Единственнымъ источникомъ либеральныхъ реформъ былъ неоспоримо самъ нынѣ царствующій Государь. Всѣ мы, имѣвшіе счастіе сколько нибудь ближе знать Его, убѣждены, насколько желаетъ онъ блага Россіи. Мы знаемъ по преданіямъ, какъ сильно волновалось Его

любвеобильное сердце еще въ отрочествѣ, когда онъ слушалъ уроки исторіи Россіи. Но, рѣшаясь дѣятельно осуществить свои благодѣтельныя для насъ намѣренія, Онъ не могъ по самому свойству вещей самолично привести ихъ въ исполненіе. Ему нужны были помощники, которыми, естественно, могли быть наиболѣе извѣстные ему высшіе сановники государства, а симъ послѣднимъ необходимы были канцеляріи изъ чиновниковъ и бюрократовъ.

Насколько первые могли соотвѣтствовать намѣреніямъ Государя, мы можемъ отчасти судить по ихъ общественной репутаціи. Что̀ касается до вторыхъ, то ихъ избирали изъ молодыхъ людей наиболѣе способныхъ и по преимуществу либеральныхъ. Ихъ научное образованіе и умственная развитость въ большинствѣ, конечно, не подлежатъ сомнѣнію; но я по совѣсти не могу сказать, чтобы направленіе ихъ было безупречно, и чтобы, подвизаясь на поприщѣ первой либеральной реформы, у нихъ не таилось мысли перейти далеко за предѣлы указанной Государемъ цѣли.

Правительственные органы, вступивъ впервыя на путь либеральныхъ реформъ, увлеклись этимъ направленіемъ. Либерализмъ сдѣлался модою, и мы видѣли украшенныхъ сѣдинами старцевъ, вѣрныхъ и рьяныхъ исполнителей воли императора Николая, не смѣвшихъ тогда произнести сколько нибудь самостоятельнаго слова, сдѣлавшимися внезапно крайними прогрессистами.

Таково было положеніе въ правительственныхъ сферахъ. Съ другой стороны, въ сословіи наиболѣе заинтересованномъ въ крестьянской реформѣ, въ которомъ издавна раздавались протесты противъ крѣпостнаго права, вдругъ, когда желаемая на словахъ реформа близилась къ осуществленію, явились ярые ея противники и, можно сказать, что за исключеніемъ истинно-просвѣщенныхъ и искреннихъ патріотовъ, каковы: Хомяковы, Самарины, Черкасскіе, Аксаковы, Кошелевы и имъ подобные,—все дворянство единодушно оказалось въ оппозиціи и было крайне озлоблено.

Что касается до крестьянъ, то, несмотря на то, что дѣло ихъ было оглашено подъ заглавіемъ: «Дѣло *объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ*», между ними не проявлялось никакого особеннаго движенія. Нѣтъ сомнѣнія, что между ними ходили разные толки; но порядокъ и повиновеніе нигдѣ не нарушались.

Будущій историкъ этой эпохи царствованія Александра II-го, конечно, обратитъ вниманіе на эту невозмутимую сдержанность многомилліоннаго народа. Она еще болѣе заслуживаетъ уваженія и изумляетъ насъ, когда мы примемъ въ соображеніе, что правительство, охраняя интересы дворянства, тщательно избѣгало произнести слово: «осво-

ожденіе крестьянъ», а замѣнило его выраженіемъ: «улучшеніе ихъ ыта». Въ этомъ одномъ словѣ заключалась вся сила порицанія ихъ астоящаго положенія, гласно сознаваемая правительствомъ и указыала имъ на близкій изъ него исходъ. Мнѣ казалось, что еслибы, войдя ъ какой либо острогъ, въ качествѣ авторитетнаго правительственнаго ица, я объявилъ колодникамъ, что ихъ содержатъ скверно и что въ коромъ времени всѣхъ ихъ выпустятъ на волю, — то едвали бы эти ривыкшіе къ тюрьмѣ люди, доселѣ не имѣвшіе надежды освобожденія, сидѣли въ острогѣ: они разломали бы двери, перебили стражу и вышли силою на волю.

Господь сохранилъ Россію отъ подобнаго бѣдствія.

Вскорѣ послѣ извѣстныхъ рескриптовъ дворянству разныхъ губерній начали составляться губернскіе комитеты для начертанія проктовъ положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависиюсти, и въ тоже время въ Петербургѣ былъ основанъ для того центральный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича.

Я не буду описывать всѣхъ дѣйствій и мѣропріятій правительтва по этому дѣлу. Ограничусь только тѣми воспоминаніями, которыя ыпали на мою долю.

Въ Октябрѣ 1859 года я былъ назначенъ ...скимъ губернаторомъ.

Въ это время дѣло освобожденія крестьянъ въ Петербургѣ близиось къ окончанію, и жители нашего города со дня на день ожидали оффиціальнаго о томъ извѣстія; но оно не приходило. Сношенія центральнаго правительства съ губернаторами не оживлялись особенною ѣятельностію. Одною изъ первыхъ по вступленіи моемъ въ должность умагъ было циркулярное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ объ чрежденіи въ каждомъ губернскомъ городѣ подъ предсѣдательствомъ убернатора Комитета по крестьянскимъ дѣламъ изъ четырехъ членовъ іѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ: двоихъ по избранію мѣстнаго ворянства и двоихъ, назначаемыхъ отъ высочайшаго имени министюмъ, по представленію губернаторовъ.

Составъ такого Комитета, особенно на первое время послѣ изданія ожидавшагося Положенія, я признавалъ особенно важнымъ. Зная аранѣе, что со стороны мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ я не могу жидать добросовѣстнаго пособія при устройствѣ освобождаемыхъ крестьнъ, я находился тѣмъ въ бо́льшемъ затрудненіи, что въ числѣ самыхъ идныхъ дѣльцовъ со стороны дворянства находился бывшій нѣкогда убернскимъ предводителемъ кн.***. Я давно и лично зналъ князя. Это ылъ человѣкъ чрезвычайно умный и совершенно честный; но въ тоже время отъявленный крѣпостникъ, жаркій ревнитель помѣщичьихъ

интересовъ и непримиримый врагъ эмансипаціи. Онъ пользовался въ дворянствѣ огромною популярностію, и слово его было закономъ для большинства, которое, какъ всегда и вездѣ, составляло Панургово стадо. Не было для меня сомнѣнія, что князь будетъ непремѣнно избранъ членомъ отъ дворянства и такимъ образомъ не только по своимъ убѣжденіямъ, но и въ силу своего положенія станетъ въ оппозицію со мною.

Чтобы избѣжать затрудненій, я рѣшился прибѣгнуть къ дипломатическому способу. Я думалъ ослабить вліяніе князя въ этомъ случаѣ, перемѣнивъ его значеніе въ предстоящей ему дѣятельности и, если нельзя было измѣнить его убѣжденій и правилъ, то по крайней мѣрѣ навязать ему роль, которая бы придавала ему по крайней мѣрѣ извнѣ сочувственное мнѣ положеніе и чрезъ то ослабляла вліяніе его на дворянство. Я рѣшился представить его въ члены Комитета отъ правительства. Мнѣ казалось, что такимъ образомъ я лишу дворянство возможности выбрать его отъ себя. Кромѣ того мнѣ казалось, что, еслибы я ошибся и встрѣтилъ со стороны князя рѣшительное противодѣйствіе, то правительство имѣло бы возможность всегда уволить его изъ Комитета и замѣнить другимъ, и такимъ образомъ, лишивъ его возможности быть избраннымъ дворянствомъ, устранить окончательно вредное его вліяніе.

Въ этихъ видахъ я рѣшился написать письмо къ князю и просить его согласія на вступленіе въ Комитетъ членомъ со стороны правительства. Не скрою, что я почти былъ убѣжденъ въ отказѣ съ его стороны, потому что онъ былъ совершенно увѣренъ въ избраніи его дворянствомъ. Со всѣмъ тѣмъ, князь согласился, и я представилъ о томъ министерству. При этомъ я собственноручно и въ совершенной тайнѣ написалъ конфиденціальное письмо къ министру внутр. д., въ которомъ откровенно изложилъ все вышеписанное, самъ его запечаталъ и самъ отправилъ на почту, такъ что никто, кромѣ меня и адресата, не могъ знать его содержанія.

Въ скоромъ времени я получилъ отвѣтъ министра, который не только не раздѣлилъ моего мнѣнія, но довольно рѣзко порицалъ мою рѣшимость представить такое неблагонадежное лицо, какъ князь ***.

Я понялъ бы такое рѣшеніе министра, еслибы чрезъ него князь *** былъ устраненъ изъ Комитета; но любопытно, что тотъ же самый князь вслѣдъ за симъ былъ допущенъ министерствомъ въ Комитетъ членомъ со стороны дворянства, и такимъ образомъ былъ, такъ-сказать, утвержденъ въ качествѣ моего оффиціальнаго противника!

Не менѣе любопытно, что по отправленіи моего секретнаго объ этомъ письма, о сохраненіи тайны котораго я такъ заботился, полу-

чилъ я недѣли черезъ три газету «Колоколъ», въ которой конфиденціальное письмо мое было напечатано цѣликомъ.

Пусть тотъ изъ читателей, кому сколько-нибудь знакомъ порядокъ служебныхъ сношеній, разрѣшитъ себѣ, какимъ образомъ конфиденціальная бумага, которая обыкновенно хранится въ личномъ портфелѣ министра, могла перейти оттуда въ редакцію Лондонскаго журнала? Здѣсь нельзя заподозрить мелкаго чиновника, принимавшаго участіе въ революціонной прессѣ. Нельзя и допустить мысли, чтобы самъ министръ находился въ сношеніяхъ съ редакціею. Кто же, спрашивается, былъ посредникомъ между имъ и Лондономъ? И каково было положеніе губернатора, полагавшаго, что онъ откровенно разговариваетъ съ министромъ, когда вмѣсто того онъ бесѣдовалъ съ Герценомъ!....

Вскорѣ по открытіи Комитета, губернаторы получили циркулярное извѣщеніе, что предъ изданіемъ ожидаемаго Положенія о крестьянахъ къ нимъ будутъ присланы въ помощь генералъ-майоры свиты Его Величества и флигель-адъютанты. На мою долю назначался свиты генералъ-майоръ ***. Съ какою цѣлію назначались намъ эти помощники—объяснено не было. Можно было догадываться, что эта мѣра была предпринята въ виду того недовѣрія, которое правительство имѣло къ этимъ «хозяевамъ губерній», имъ самимъ назначаемымъ.

Догадка эта, по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ, подтвердилась при слѣдующемъ случаѣ. Хотя въ это время проектъ судебной реформы еще не былъ обнародованъ, но она была уже на очереди. Учреждались въ пособіе существовавшимъ судамъ особые судебные слѣдователи съ правами, дотолѣ у насъ неслыханными. Выборъ и опредѣленіе ихъ въ должности предоставлялись губернаторамъ.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ печатный циркуляръ отъ министра вн. д., въ которомъ онъ писалъ слѣдующими почти словами [1]: «До свѣдѣнія министерства дошло, что нѣкоторые губернаторы опредѣляютъ судебныхъ слѣдователей за деньги (sic). Не давая сему полнаго и безъисключительнаго вѣроятія, я считаю долгомъ предупредить васъ» и проч.

Признаюсь, такая бумага, и притомъ не только не секретная, но печатно-циркулярная, меня взорвала. Я отвѣчалъ, что циркуляръ министерства содержитъ въ себѣ двѣ несомнѣнныя истины. Первая заключается въ той откровенности, съ какою оно выражаетъ всю сте-

---

[1] Я говорю „почти": потому что, не имѣя подъ рукою подлиннаго отношенія, цитую его на память. Хотя быть можетъ въ печатномъ циркулярѣ встрѣтится неточность въ выраженіяхъ, но за вѣрность смысла я ручаюсь.

пень неуваженія своего къ губернаторамъ, а вторая—въ признаніи, что оно само знаетъ губернаторовъ-взяточниковъ и терпитъ ихъ на службѣ, ограничиваясь циркулярами. Не желая принадлежать ни къ той, ни къ другой категоріи, я просилъ министра вн. д. повергнуть къ стопамъ Государя Императора всеподданнѣйшую мою просьбу объ увольненіи меня отъ должности, въ которой, какъ публично опозоренной, я не могу уже принести никакой пользы.

Отправляя это прошеніе, признаюсь, я думалъ, что изъ числа моихъ товарищей найдется нѣсколько человѣкъ, которые не согласятся безмолвно перенести эту пощечину. Я ошибся: никто, кромѣ меня, не выразилъ оскорбленія, и такимъ образомъ я одинъ остался какъ бы взяточникомъ!

Между тѣмъ время шло. Всѣ работы по крестьянскому дѣлу въ Петербургѣ приближались къ окончанію; вниманіе мѣстныхъ жителей губерніи было напряжено; всѣ ожидали скораго появленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Въ концѣ Февраля я получилъ секретное отношеніе министра вн. д., [1]) въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что въ скоромъ времени манифестъ будетъ подписанъ Государемъ и, какъ можно полагать, въ теченіе предстоявшаго великаго поста обнародованъ.

Говоря предъ симъ о составѣ временнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ, я забылъ сказать, что, представляя князя *** въ число членовъ отъ правительства, я вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ и другаго, извѣстнаго мнѣ помѣщика, такъ какъ со стороны правительства должно было быть назначено два члена. Рѣшеніе министерства относительно князя уже мною описано. На мѣсто его я назначилъ другаго. Но министерство удержалось утвердить моихъ кандидатовъ, а мнѣ предложило представить на мѣсто ихъ двоихъ другихъ, названныхъ министерствомъ по имени. Эти кандидаты лично мнѣ не были извѣстны, а потому я отвѣчалъ, что министерство можетъ само ихъ назначить, а я не нахожу возможности рекомендовать людей, въ благонадежности которыхъ я не могу быть увѣреннымъ.

Я упоминаю объ этомъ случаѣ чтобы показать тактику передовыхъ дѣльцовъ того времени. Назначая своихъ аколитовъ оффиціальными участниками реформы, они представляли ихъ Государю за избранныхъ губернаторами и вмѣстѣ съ тѣмъ на губернаторовъ же возлагали за нихъ отвѣтственность предъ общественнымъ мнѣніемъ. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ наконецъ обнародованъ од-

---

[1]) Отношеніе это было помѣчено отъ 21 или 22 Февраля, не упомню; но положительно знаю, что оно писано изъ Петербурга послѣ 19-го.

новременно въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ 5 Марта 1861 г. какъ увѣдомилъ меня шифрованною депешей министръ вн. д., и вскорѣ послѣ того назначенный въ помощь ко мнѣ свиты Е. И. В. генералъ-майоръ *** прибылъ въ городъ. Онъ привезъ съ собою нѣсколько тысячъ экземпляровъ манифеста и только тридцать экземпляровъ Положенія. При этомъ губернаторамъ предоставлялось перепечатать у себя подъ личною своею отвѣтственностію манифестъ, въ томъ количествѣ, которое они признаютъ нужнымъ, но Положеніе перепечатывать было строго воспрещено.

Я распредѣлилъ полученные мною экземпляры по два на каждый уѣздъ, одинъ предводителю, другой исправнику, 24 экземпляра. Одинъ губернскому предводителю, 1 въ губернское правленіе, 1 въ палату государственныхъ имуществъ, 1 въ казенную палату, 1 жандармскому штабъ-офицеру и 1 оставилъ у себя.

Какъ тогда, такъ и теперь, я не могу объяснить себѣ причину запрета губернаторамъ перепечатывать Положеніе подъ личной своей отвѣтственностію. Если принять въ соображеніе время года (12 Марта), въ которое послѣдовало обнародованіе манифеста во ввѣренной мнѣ губерніи и тѣ затрудненія въ путяхъ отъ весенней распутицы, какія должны были замедлить единовременное введеніе въ дѣйствіе послѣдовавшей реформы, то сдѣлается непонятнымъ, почему правительство было такъ щедро на манифесты и такъ бережливо на Положенія. Ужели, возбуждая всеобщую нетерпѣливость крѣпостныхъ людей обнародованіемъ манифеста, оно не видало, что, замедляя приведеніе его въ исполненіе, оно могло произвесть гибельныя послѣдствія? Это тѣмъ болѣе для меня необъяснимо, что одновременно съ запретомъ губернаторамъ печатанія Положенія, газетчикамъ было дозволено помѣщать его въ своихъ листахъ in extenso, причемъ объявлялось, что Положеніе можно было пріобрѣтать у книгопродавцевъ по 1 рублю за экземпляръ, тогда какъ мы на требованіе крестьянъ выдать имъ Положеніе должны были отвѣчать отказомъ.

Если бы теперь, по прошествіи 20 лѣтъ, когда власть, бывшая въ рукахъ губернаторовъ, такъ ослаблена, они были бы поставлены въ такое же положеніе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что народъ раздѣлался бы съ ними по своему, какъ съ ослушниками царской воли, объявленной въ манифестахъ. Но тогда власть еще не была расшатана, и Богъ сохранилъ насъ.

Но если покорность и довѣренность народа къ правительству охраняли насъ отъ безпорядковъ, то были другія неудобства, истекавшія отъ недостатка Положеній. Въ нихъ, кромѣ общихъ правъ предоставляемыхъ крестьянамъ и порядковъ новаго управленія, были такіе

§§, которые вступали въ силу съ самаго дня объявленія манифеста и нарушеніе которыхъ влекло за собою судебную отвѣтственность. Таковы наприм. уничтоженіе права тѣлесныхъ наказаній, запрещеніе посылки крестьянина далѣе 30 верстъ отъ мѣста его жительства и т. п. Чтобы устранить эти неудобства, я составилъ выписку всѣхъ тѣхъ параграфовъ, которые подходятъ подъ эту категорію и, напечатавъ ее, разослалъ по всей губерніи въ каждое сельское и вотчинное управленіе.

Такой поступокъ мой, дойдя до свѣдѣнія министерства, вызвалъ со стороны его строгій вопросъ, какъ я осмѣлился принять эту мѣру, съ требованіемъ прислать печатный экземпляръ.

Увидѣвъ изъ него, что выписки, мною сдѣланныя, буквально вѣрны, министерство хотя и убѣдилось, что я не вышелъ изъ предѣловъ моей власти, замѣтило мнѣ однакожъ, что этого допускать нельзя; потому что, если каждый губернаторъ будетъ дѣлать выписки по своему усмотрѣнію, то между ними могутъ встрѣтиться противорѣчія, которыя приведутъ жителей въ недоумѣніе. Хотя я и отвѣчалъ, что въ *** губерніи только одинъ губернаторъ и что выписки другаго въ ней распространены быть не могутъ, но министерство осталось при своемъ мнѣніи.

Изъ всего, что выше сказано, кажется очевиднымъ, что министерство не имѣло къ губернаторамъ никакой довѣренности; по крайней мѣрѣ всѣ представленія ихъ, основанныя и на близкомъ знакомствѣ съ дѣломъ, и на мѣстныхъ потребностяхъ, были оставляемы безъ послѣдствій.

Кому хорошо извѣстенъ крестьянскій бытъ и кто знакомъ съ крестьянскимъ кругозоромъ, тотъ, конечно, согласится, что свобода въ глазахъ крестьянина того времени прежде всего имѣла значеніе полнаго освобожденія отъ барщины. Не владѣя отвлеченными понятіями, онъ опредѣлялъ значеніе свободы изъ практики. Онъ видѣлъ и зналъ по опыту, что крѣпостные люди отбываютъ барщину помѣщику, а казенные крестьяне, которые въ глазахъ его единственно представлялись свободными, барщины не знаютъ. Поэтому, если не исключительнымъ, то главнѣйшимъ признакомъ свободы, онъ признавалъ отсутствіе барщины. Освобожденіе крестьянъ, при сохраненіи барщинной повинности, не могло быть имъ понято и представлялось ему аномаліей. Для того, чтобы вполнѣ понять и овладѣть новымъ положеніемъ, потребно было время.

Вотъ почему, когда я былъ въ Петербургѣ, то говорилъ, гдѣ было нужно, что манифестъ объ освобожденіи должно публиковать по окончаніи полевыхъ работъ и отнюдь не позже Декабря, чтобы обѣ

стороны, и помѣщики и крестьяне, имѣли достаточно времени до начала новыхъ работъ ознакомиться и изучить новый законъ.

Не знаю причины, побудившей публиковать его 19 Февраля (и даже заднимъ числомъ, какъ мы это выше видѣли). Если причина этому лежала въ вѣрноподданнической ревности запечатлѣть въ народной памяти радостный актъ уничтоженія крѣпостнаго права воспоминаніемъ о днѣ восшествія на престолъ Царя-Освободителя, то мнѣ кажется, что актъ освобожденія, по самому свойству своему, навсегда увѣковѣчивалъ благодарное воспоминаніе объ Освободителѣ, въ какой бы день ни былъ обнародованъ манифестъ.

На практикѣ вышло, что манифестъ былъ обнародованъ по крайней мѣрѣ въ ...ской губерніи въ половинѣ Марта, т. е. когда уже у насъ начинались полевыя работы, и настала полнѣйшая распутица, такъ что чиновники, развозившіе манифестъ по уѣздамъ, не только встрѣчали препятствія въ пути, но подвергались и серьезнымъ опасностямъ.

Я говорю это о манифестѣ. Разсылка Положеній, какъ видно выше, замедлена еще долѣе.

Въ ту минуту, когда радость освобожденія охватила крестьянъ, явилось и разочарованіе: ихъ высылали на барщину для обработки яровыхъ полей. Я уже говорилъ о несовмѣстимости понятій свободы и барщины. Крестьяне усомнились, а повѣрить дѣло за отсутствіемъ Положеній было нечѣмъ. Явилось неповиновеніе сначала помѣщикамъ, а потомъ и властямъ. У меня въ губерніи нашлось болѣе 10 тысячъ душъ крестьянъ въ одномъ уѣздѣ, оказавшихъ открытое неповиновеніе полиціи. Я долженъ былъ ѣхать на мѣсто, взявъ съ собою командированнаго ко мнѣ генерала свиты Его Императорскаго Величества. Неповиновеніе было прекращено только съ помощію силы. Замѣчательно, что тѣ крестьяне, которыхъ мнѣ можно было избавить отъ тѣлеснаго наказанія, благодарили меня, говоря, что благодарятъ за то, что научилъ ихъ «уму-разуму». «Вѣдь», продолжали они, «когда скотину выпускаютъ въ поле, то прежде припасутъ пастуховъ, а насъ выпустили безъ всякаго начальства».

Донося объ этомъ министерству и уже зная по опыту, что бумаги губернаторовъ, адресованныя къ министру, въ тоже время поступаютъ къ Герцену, я каждый мой шагъ, каждое мое дѣйствіе оправдалъ буквальнымъ цитатомъ законовъ, и министерство не могло обвинить меня; но оно поступило инымъ, болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Поданную мною просьбу объ увольненіи оно до сихъ поръ держало у себя, не давая ей нѣсколько мѣсяцевъ никакого хода. Теперь, по полученіи моего донесенія, оно не замедлило меня уволить по прошенію

въ отставку, а свитскаго генерала перевести, не помню подъ какимъ предлогомъ, въ какую-то другую губернію, назначивъ на его мѣсто другаго офицера.

Спрашивается: какое впечатлѣніе эти событія должны были произвести на крестьянъ? Предшествовавшее имъ было неизвѣстно; о поданной мною просьбѣ они, конечно, ничего не знали. Въ ихъ глазахъ было явнымъ одно: губернаторъ и генералъ, ихъ наказавшіе, удалены!....

Пусть добросовѣстный читатель, положа руку на сердце, скажетъ, имѣю ли я право подозрѣвать либераловъ министерства въ какомъ либо умыслѣ.

Въ намѣреніи дѣятелей министерства воспользоваться великою реформою для достиженія предвзятой ими цѣли я убѣжденъ всѣми мѣрами и распоряженіями того времени. Понятно, что я не думаю обвинять въ этомъ С. С. Ланскаго, бывшаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ благородный и честный старикъ добросовѣстно и искренно стремился исполнить волю Государя. Но онъ былъ подъ вліяніемъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, которыя въ свою очередь не замѣчали, что подчинялись вліянію второстепенныхъ дѣятелей. Быть можетъ, что и эти послѣдніе не имѣли опредѣленной цѣли, а только стремились подражать либеральнымъ порядкамъ западной Европы. Путемъ къ сему они признавали взрывъ стихійныхъ силъ народа, при усмиреніи которыхъ надѣялись осуществить свои конституціонныя мечты. Я могъ бы назвать по имени тѣхъ лицъ, которыя, по моему убѣжденію, были во главѣ затѣи. Но ихъ уже нѣтъ, и я считаю себя не въ правѣ именовать мертвыхъ, которые не имѣютъ возможности возражать мнѣ, и думаю, что указанія на ихъ дѣйствія достаточно могутъ охарактеризовать ихъ.

Поводомъ къ водворенію безпорядковъ они избрали съ одной стороны раздраженіе дворянъ противъ правительства и внесеніе вражды между сословій, а съ другой—обезсиленіе мѣстныхъ властей въ глазахъ народа.

Въ первомъ отношеніи было исходатайствовано и разослано по губерніямъ высочайшее повелѣніе о запрещеніи въ дворянскихъ собраніяхъ касаться вопроса о предстоящемъ устройствѣ крестьянъ. И это въ то самое время, когда вопросъ этотъ былъ животрепещущимъ, когда все народонаселеніе Имперіи было охвачено его интересомъ и безпрепятственно разсуждало о немъ.

Я не забуду впечатлѣнія, меня поразившаго, когда я вошелъ въ залу ...скаго дворянскаго собранія, въ которомъ я былъ членомъ, какъ помѣщикъ той губерніи. Всеобщее негодованіе достигало до высшей степени; всѣ были глубоко оскорблены этою мѣрою; всѣ говорили, что

высшее сословіе Имперіи смѣшано съ грязью, что кучера и лакеи, тогда еще крѣпостные, могутъ свободно у подъѣзда говорить о крестьянской реформѣ, а имъ—дворянамъ, оффиціально собраннымъ подъ руководствомъ предводителей, только что принесшимъ вѣрноподданническую присягу, за присутственнымъ столомъ и при зерцалѣ запрещается говорить о предметѣ, для нихъ самомъ близкомъ и существенномъ. «Чѣмъ заслужили мы, говорили они, такое униженіе и недовѣріе правительства?...»

Первый опытъ удался; сословіе было раздражено и уже тѣмъ самымъ не могло не возбудить противъ себя неудовольствіе Государя.

Я тѣмъ смѣлѣе утверждаю, что это высочайшее повеленіе было исходатайствовано съ цѣлію раздразнить дворянство, что мнѣ самому откровенно признавался въ этомъ авторъ затѣи, нынѣ уже умершій. De mortuis aut bene, aut nihil.

Во второмъ отношеніи было получено губернаторами уже по обнародованіи Положенія о крестьянахъ секретное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ не торопиться назначеніемъ мировыхъ посредниковъ. Дѣло это такъ важно, писало министерство, что нужно употребить особенное и всестороннее вниманіе при выборѣ лицъ, которымъ придется вести новое дѣло, и потому министерство предлагало первое его направленіе предоставить уѣзднымъ предводителямъ дворянства.

Министерство умалчивало, что посредники уже были выбраны; оставалось только допустить ихъ къ должности. Отъ нихъ должно было ожидать правильнаго направленія дѣла (что̀ они и доказали). Между тѣмъ какъ предводители, въ большинствѣ стараго крѣпостнаго закала, не могли ни сочувствовать, ни дать ему полезнаго направленія. Принимая эту мѣру, министерство очевидно забыло евангельскую притчу о новомъ винѣ и старыхъ мѣхахъ.

Я еще не успѣлъ сдать губерніи, когда получилъ телеграмму новаго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева о скорѣйшемъ введеніи въ должность мировыхъ посредниковъ. Слава Богу! Для новаго вина потребовались и новые мѣхи: оно не разлилось...

Я оставилъ городъ и отправился на житье въ свое имѣніе ...ской губерніи. Тамъ я получилъ всемилостивѣйшую награду, присланную мнѣ по собственной высочайшей инициативѣ. Я былъ чрезвычайно этимъ обрадованъ, какъ доказательствомъ, что Государь не гнѣвается на меня за то, что я вышелъ въ отставку въ такую критическую эпоху. Такое предположеніе мое вскорѣ оправдалось. Вслѣдъ за симъ я получилъ назначеніе на довольно видную должность въ Петербургѣ.

Проѣздомъ чрезъ Москву я видѣлся со многими знакомыми и старыми пріятелями. Всѣ меня поздравляли съ назначеніемъ; но всѣ гово-

рили, что въ Петербургѣ такая угарная атмосфера, что свѣжій человѣкъ, въ нее вошедшій, непремѣнно скоро угоритъ. Благодаря Бога, я не угорѣлъ; но скоро изъ нея вышелъ, почувствовавъ ея удушливое вліяніе...

Изъ всего вышесказаннаго можно, кажется, заключить, что первые задатки прискорбныхъ новѣйшихъ явленій заложены въ самомъ началѣ послѣдовавшихъ реформъ, вслѣдствіе не ясно сознанныхъ стремленій высшими чинами государства и неудачнаго ими выбора своихъ второстепенныхъ сотрудниковъ.

Никто не сомнѣвается, что единственнымъ виновникомъ благотворныхъ реформъ былъ Государь, и исторія воздастъ должную справедливость великому Преобразователю. Источникомъ реформъ были, несомнѣнно, Его великодушіе и безграничная любовь къ отечеству. Самая даже поспѣшность, съ какою реформы слѣдовали одна за другою, показываетъ глубокое знакомство съ исторіею нашихъ учрежденій. Всѣ знаютъ, какъ многія мѣропріятія остались недоконченными вслѣдствіе замедленія. Но кто были его сотрудники? Откуда, изъ какой среды могъ онъ взять ихъ? Все, стоявшее близко къ престолу, было или слишкомъ связано матеріальными интересами, которые должны были потерпѣть ущербъ отъ преобразованій, или, что̀ еще важнѣе, связаны узкостью устарѣлыхъ прежнихъ своихъ понятій. Они сами нуждались въ помощникахъ не только для веденія формальнаго дѣла, но даже для уясненія, имъ самимъ незнакомыхъ дотолѣ, нерѣдко даже элементарныхъ, идей. Нужно было искать ихъ, и они, естественно, явились въ средѣ второстепенныхъ дѣятелей; но и эти послѣдніе, при всей своей благонамѣренности и образованности, знали Россію только теоретически и въ свою очередь нуждались въ помощникахъ, которыхъ они искали между такъ называемыми передовыми людьми того времени, а руководителемъ сихъ послѣднихъ былъ тогда Герценъ. Его сочиненія и изданія цѣнились на вѣсъ золота и, не смотря на ихъ запрещеніе, раскупались на расхватъ. И для тѣхъ и для другихъ верхомъ совершенства представлялась Западная Европа.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что явились люди неблагонамѣренные, которые успѣли въ новое смѣшеніе впустить каплю ветхаго кваса, который, благодаря либеральной прессѣ, постепенно приводилъ его въ броженіе. Главною, остающеюся и доселѣ, пружиною этого дѣла было возбужденіе недовѣрія и враждебности между сословіями. Не смотря на двухвѣковое закрѣпощеніе народа, либеральные дѣятели и публицисты, съ удивленіемъ увидѣли, что ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ въ большинствѣ не существовало, и это слѣдователь-

но лишало ихъ главнѣйшаго матеріала. Съ этимъ открытіемъ они теряли главный способъ произвести тѣ волненія, которыя составляли ихъ скрытную цѣль. Нужно было доказать крестьянамъ, что и нынѣшнее ихъ положеніе тяжело потому, что они получили будто бы недостаточные надѣлы земли и что причиною этому все тѣже помѣщики. Распущены были слухи о предстоящемъ передѣлѣ земель. Новѣйшее дѣло о неповиновеніи крестьянъ гр. Бобринскаго доказываетъ, что пріемъ этотъ и теперь признается удобнымъ...

Но я кончилъ. О службѣ моей въ Петербургѣ буду писать въ другое время.

Гр. Дмитрій Т. Знаменскій.

КЪ БІОГРАФІИ ГРИБОѢДОВА.

Грибоѣдову пришлось по нѣскольку лѣтъ сряду живать въ Тифлисѣ, и тамъ онъ долженъ былъ познакомиться со вдовою начальника Кавказской артиллеріи Ѳедора Исаевича Ахвердова; потому что въ то время и долго послѣ домъ Ахвердовой принадлежалъ къ числу немногихъ Тифлисскихъ домовъ, гдѣ образованность, любовь къ знаніямъ и искусствамъ соединялись съ радушнымъ гостепріимствомъ. Прасковья Николаевна Ахвердова, урожд. Арсеньева († 1851), по отцу своему находилась въ родствѣ съ тою издавна просвѣщенною семьею Арсеньевыхъ, которая дала намъ нѣсколько замѣтныхъ дѣятелей (и въ томъ числѣ Лермонтова), а по матери своей, изъ роду Ушаковыхъ, была родственницею княгини Н. П. Голициной (Princesse-Moustache), графовъ Салтыковыхъ и Строгановыхъ. Въ Петербургѣ она получила отличное образованіе, съ успѣхомъ занималась живописью, въ особенности миніатюрною, списывала картины изъ Эрмитажа (имѣвъ даже позволеніе перевозить ихъ къ себѣ, въ лѣтнее время, на дачу въ Павловскъ), точила изъ кости и изъ дерева, любила музыку и чтеніемъ воспитала въ себѣ вкусъ къ произведеніямъ словесности. Овдовѣвъ въ 1818 году, она не возвращалась въ Петербургъ и осталась жить въ Тифлисѣ. Семейство ея состояло изъ единственной дочери Дарьи Ѳедоровны (съ 1852 г. вдовы Гдовскаго помѣщика Николая Александровича Харламова) и двухъ дѣтей отъ перваго брака покойнаго ея мужа съ княгинею Юстиніани: пасынка Егора и падчерицы-красавицы Софьи Ѳедоровны, которая въ 1827 году вышла за Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи Карскаго) и скончалась въ 1830 году. Пользуясь пребываніемъ въ Тифлисѣ такой замѣчательной женщины, тогдашній Эриванскій губернаторъ князь Чавчавадзе отдалъ къ ней въ домъ на воспитаніе дочерей своихъ, и на одной изъ нихъ, княжнѣ Нинѣ, женился потомъ Грибоѣдовъ. Тѣсная дружба издавна соединяла его съ домомъ Ахвердовой. У нея было ему привольно; тутъ онъ отдыхалъ душой отъ служебныхъ дѣлъ и общественныхъ столкновеній, къ которымъ нерѣдко бывали поводы вслѣдствіе его высоты надъ уровнемъ Тифлис-

ской жизни, по причинѣ его нрава, не всегда ровнаго, и отъ болѣзненнаго его состоянія: онъ почти постоянно страдалъ лихорадкою и ея послѣдствіями, такъ что даже вѣнчался въ лихорадочномъ припадкѣ (въ самый день свадьбы онъ очень смутился, потерявъ обручальное кольцо). Всѣ эти свѣдѣнія вмѣстѣ съ нижеслѣдующими письмами изъ Персидскаго и Турецкаго походовъ (1827 и 1828) сообщены намъ Д. Ѳ. Харламовой. П. Б.

Письма А. С. Грибоѣдова къ П. Н. Ахвердовой.

1.

Madame!

Je me sens une attaque de nerfs très-forte, après quelques deux heures de frisson. Ce n'est rien du tout, cela m'arrive très-souvent depuis un certain tems; mais je ne voudrais pas que vous me taxiez d'une coupable froideur à l'égard de la proposition qui m'a été faite par Хар. Яковл. en votre nom [1]). Croyez que je ne cesse d'y songer. Je m'étais proposé en sortant de l'église de passer la journée avec vous, mais on m'apprit chez A. A. Weliaminow que vous vous trouviez à dîner chez le g. Krabe [2]). Je m'étais pris à tâche de vous le dire ce soir au Club, mais un paroxysme intempestif est venu au moment que je l'attendais le moins. Cela me pèse. Veuillez excuser maintenant mon importunité en considération d'un attachement et d'un respect sans bornes que vous porte, madame, votre très-dévoué serviteur

A. Griboiédow.

26 Janvier (1827).

Переводъ. Милостивая государыня! Часа два у меня былъ ознобъ, и теперь сильное разстройство нервовъ. Это ничего; это съ нѣкотораго времени очень часто со мною бываетъ; но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы винили меня въ непростительной холодности относительно предложенія, которое сдѣлалъ мнѣ отъ вашего имени Харитонъ Яковлевичъ. Повѣрьте, что я безпрестанно о томъ думаю. Выходя изъ церкви, я предполагалъ провести день съ вами; но у А. А. Вельяминова мнѣ сказали, что вы были на обѣдѣ у г-ла Краббе. Я хотѣлъ было нынче вечеромъ сказать вамъ объ этомъ въ Клубѣ; но совершенно неожиданно и не кстати со мной сдѣлался припадокъ. Это меня тяготитъ. Пожалуста извините мою докучливость во вниманіе къ приверженности и безпредѣльному уваженію, которое къ вамъ питаетъ, м. государыня, вашъ преданнѣйшій слуга А. Грибоѣдовъ. 26 Января (1827).

---

[1]) Харитонъ Яковлевичъ Гіацинтовъ, учитель Русскаго языка, впослѣдствіи начальникъ Тифлисской таможни.

[2]) Тифлисскій комендантъ.

2.

Ma très-chère et très-estimable madame Akhwerdow. Me voici à passer une nuit blanche en attendant qu'on ait transcrit mes papiers d'office, après quoi je dois aller réveiller le général pour les faire signer. Cela n'est-il pas très-gai pour quelqu'un qui fait cas de son indépendance? Dites-moi comment on devrait en finir avec toutes ces tracasseries? Par malheur on dirait que l'ennemi est payé pour nous faire le moins de mal possible. Jusqu'ici il ne s'est amusé qu'à harceler une seule fois l'arrière-garde d'Eristow [1]). Quels généraux nous avons ici, grand Dieu! On dirait qu'ils ont été créés pour m'affermir de plus en plus dans le dégoût que je porte aux rangs et aux dignités.—Mourawiew a été reconnaître ce matin la forteresse d'Abbas-Abad. J'étais trop occupé pour me mettre à cheval; mais comme je suis le mieux logé de toute la compagnie et que de mes fenêtres il y a une extension de vue magnifique, je soulevais souvent la tête de dessus mes papiers pour braquer ma lunette d'approche vers l'endroit où se passait l'affaire. Je voyais la cavalerie ennemie qui galopait en tous sens et passait l'Araxe pour couper Mourawiew et ses deux cents cosaques. Il s'est très-bien tiré d'affaire; il n'y a eu aucun engagement sérieux, et il nous est revenu sain et sauf, sans avoir pu rien observer de ce qu'il avait voulu voir. Le général en chef [2]) a beaucoup d'estime et de confiance pour lui, mais quelque démon s'en mêle: ils ont souvent des brouilles très-sérieuses. L'un crie, l'autre boude, et moi je suis là pour faire le sot rôle de conciliateur, sans que personne m'en sache gré. Ceci entre nous. Voulez-vous bien me dire merci pour votre beau-fils? Cependant je ne vous garantis pas qu'ils ne se désunissent un jour pour la vie, et cela me rend quelquefois très-mélancolique. Ne lui en dites rien dans vos lettres, n'en parlez pas même à m-e Mourawiew. Le fait est que le général est quelquefois d'une humeur intraitable, et votre beau-fils n'a rien de liant dans son caractère.

Avez-vous reçu une réponse d'Hettier? La poste nous manque depuis quatre semaines; nous ne savons rien de ce qui se passe au-delà de notre horizon actuel. Des chaleurs suffoquantes, à 47° de Réaumur, mauvaise chère, ce qui m'embarrasse le moins, pas de lecture, pas de piano. Тошно до смерти!

Bonne nuit! Donnez un baiser bien tendre de ma part à Dachin-

---

[1]) Начальникъ отдѣльнаго отряда.

[2]) И. Ѳ. Паскевичъ, супруга котораго была двоюродной сестрой Грибоѣдова.

ka, et un autre à la petite Sophie Orbéliani [3]). Je m'endors, et pourtant il se passera bien une heure avant que j'aille me mettre au lit. Faites-moi quelques deux pages bien amicales, sur ce qu'on fait chez vous à Tiflis. Je vous en serai bien reconnaissant, et songez quelquefois à celui qui vous est si franchement dévoué, et cela depuis bien des années. Окна въ комнатѣ разбитыя, вѣтеръ ужасный, поминутно свѣчи задуваетъ, и я стоя пишу въ какой-то стѣнной впадинѣ. Передайте отъ меня цѣлый акаѳистъ привѣтствій и поклоновъ Надеждѣ Аѳанасьевнѣ [4]), Аннѣ Андреевнѣ [5]), Софьѣ Ѳедоровнѣ, Марьѣ Ивановнѣ [6]), Катеринѣ Ак. [7]) и всѣмъ моимъ знакомымъ принцессамъ.

Съ безпредѣльнымъ почтеніемъ вашъ усердный слуга

А. Грибоѣдовъ.

Нахичевань, 28 Іюня 1827.
Передъ разсвѣтомъ.

Переводъ. Моя дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна. Я провожу совершенно безсонную ночь, ожидая, пока кончатъ переписывать мои служебныя бумаги, послѣ сего надо идти будить главнокомандующаго, чтобы ему подписать ихъ. Согласитесь, это не очень забавно для человѣка, который дорожитъ своей свободой? Скажите мнѣ, какъ бы покончить всю эту возню? Къ несчастію, можно подумать, что непріятелю что нибудь платятъ за то, чтобъ онъ какъ можно меньше насъ безпокоилъ. По сіе время ему только одинъ разъ вздумалось потревожить аріергардъ Эристова. Какіе у насъ тутъ генералы, Боже милостивый! Подумаешь, что они только на то созданы, чтобъ болѣе усиливать отвращеніе, которое я питаю къ чинамъ и званіямъ. Муравьевъ сегодня утромъ былъ на рекогносцировкѣ крѣпости Абасъ-Абадъ. Я не могъ сопровождать его: дѣла у меня было слишкомъ много, чтобы сѣсть на лошадь; но какъ я пользуюсь лучшимъ помѣщеніемъ изъ всѣхъ насъ, а изъ моихъ оконъ открываются чудные виды, то я часто отрывалъ глаза отъ бумагъ, чтобъ навести зрительную трубу на мѣсто дѣйствія. Я видѣлъ, какъ непріятельская кавалерія проскакала галопомъ и переправлялась черезъ Араксъ, съ цѣлью отрѣзать путь Муравьеву и двумъ сотнямъ его козаковъ. Все кончилось у него весьма благополучно; важнаго дѣла не было, и онъ возвратился къ намъ здравъ и невредимъ, но не имѣлъ возможности высмотрѣть то, что ему хо-

---

[3]) Княжна Софья Ивановна Орбельяни.

[4]) Юдиной. Она была приставлена великой княгиней Екатериной Павловной къ племянницамъ П. Н. Ахвердовой, дѣтямъ ея брата Дмитрія Николаевича Арсеньева.

[5]) Дочь Андрея Исаевича Ахвердова.

[6]) Княгиня М. И. Орбельяни, мать фельдмаршальши княгини Барятинской.

[7]) Екатеринѣ Акакіевнѣ.

тѣлось видѣть. Главнокомандующій очень его уважаетъ и имѣетъ къ нему полное довѣріе, но какая-то адская сила тутъ мѣшается. Между ними часто весьма сильное разномысліе. Одинъ кричитъ, другой дуется, а моя глупая роль—мирить ихъ; но ни тотъ, ни другой не говорятъ мнѣ за это спасибо. Это между нами. Поблагодарите же меня за вашего зятя. Однако я вамъ не поручусь, чтобъ въ одинъ прекрасный день они не разссорились навсегда, и это часто заставляетъ меня сильно призадуматься. Въ письмахъ вашихъ къ Муравьеву не говорите ему объ этомъ, даже не сообщайте этого его женѣ. Дѣло въ томъ, что генералъ бываетъ иной разъ въ такомъ настроеніи, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, а зять вашъ по характеру своему неспособенъ ублажать. Полученъ ли вами отвѣтъ отъ Этьера? Вотъ уже четыре недѣли какъ не приходила къ намъ почта, и мы ничего не знаемъ что̀ дѣлается внѣ нашего настоящаго горизонта. Жара удушливая, 47° по Реомюру. Худая пища (это мнѣ ни по чемъ). Нѣтъ ни чтенія, ни фортепьяно. Тошно до смерти. Спокойной ночи. Нѣжно поцѣлуйте Дашеньку и еще маленькую Соню Орбеліани. Я совершенно засыпаю, и развѣ только черезъ часъ удастся мнѣ лечь въ постелю. Напишите мнѣ страничку-другую о всемъ что̀ происходитъ въ Тифлисѣ; за это буду вамъ очень обязанъ. Вспоминайте иногда о человѣкѣ, который такъ искренно и уже столько лѣтъ вамъ преданъ. (Дальше въ подлинникѣ по-русски).

3.

Au quartier-général, sous les murs d'Abbas-Abad, 3 Juillet 1827.

Veuillez remarquer, ma très-chère et très-digne m-me Akhwerdow, que j'ai mes époques pour faire une lettre après l'autre, tout comme pour mes visites, quand je suis sur place. Voici pour vous № 2. Je vous écris en plein air, sous le beau ciel de la Perse; il fait un vent d'enfer, une poussière énorme, et qui plus est, le jour tombe, et on voit à demi; mais je ne veux pas me refuser le plaisir de vous adresser quelques lignes.

L'autre jour, quand je vous fermais mon pli, il était 3½ du matin. Là-dessus je fis seller mon cheval et je partis vers Abbas-Abad, sous les murs duquel on avait envoyé 50 cosaques pour harceler la garnison ou plutôt les cavaliers qui se trouvaient dans la forteresse, et les attirer contre une embuscade où était placé un gros de notre cavalerie. Je me joignis à notre petite troupe. Toute la manoeuvre a été manquée, faute de complaisance de la part de l'ennemi, qui n'a pas voulu se laisser duper. Quelques amateurs vinrent pirouetter autour de nous, mais trop loin de l'endroit où on leur en voulait. Nous étions quittes pour quelques balles qui sifflèrent à nos oreilles sans blesser personne.

Cela dura ainsi jusqu'à 10 heures avant-midi, quand le général en chef fit faire une forte reconnaissance par 2 régiments de lanciers, 2 de cosaques, 1 de dragons et 22 pièces d'artillerie volante. Je vins me placer à une portée de fusil d'une des faces de la forteresse, d'où on voyait défiler les nôtres comme si je me fusse trouvé en spectateur au centre même du fort. On se canonna longtems de part et d'autre. C'était un beau spectacle, assez nul, je crois, comme résultat militaire, mais superbe à être vu, et je ne demande pas mieux, moi qui suis là pour m'amuser. Dans ce même moment le général Benckendorf [1]) fit plonger 2000 cavaliers dans l'Araxe, qui le passèrent en moins de rien et ont chassé l'ennemi de toutes les hauteurs de l'autre côté de la rivière. Vous qui êtes peintre, j'aurais voulu que vous vissiez tout cela, et par dessus tout la plaine pittoresque où la scène se passait. De tous côtés nous avons ici des rangées de montagnes les plus bizarres que la nature ait pu former, entre autres le soi-disant rocher de Pompée, qui s'élève en tronc d'arbre qu'on croirait frappé et noirci par la foudre, mais d'une dimension gigantesque. C'est vers notre frontière du Karabagh. Parmi ce dédale des mamelons, des différentes sommités et des chaînes entières de montagnes le plus singulièrement conformées, la vallée riante, laborieusement cultivée qu'arrose l'Araxe, et vers le Nord la cime neigeuse de l'Ararat. — J'ai déjà passé au gué cette fameuse rivière, dont le nom historique dit tant à l'imagination.

Avant-hier nous sommes venus camper auprès d'Abbas-Abad; hier on a ouvert la tranchée; cette nuit je vais un peu suivre le général pour voir ce qui s'y passe. Le matin Wlangali [2]) a manqué déserter notre société pour 7 malheureux boulets qui sont venus ébranler l'air audessus de sa tente, ou plutôt par-dessus tout le quartier-général, où ils sont tombés dans différents endroits, sans tuer personne. Tout cela est fait pour m'égayer la vie. Je commence à y trouver du goût jusqu'à un certain point: c'est mieux que de croupir dans les villes.

Bonsoir! Que vous dirai-je de votre beau-fils?! Il est impossible de faire mieux son devoir, selon qu'il entend ses fonctions, et d'être plus mésentendu de son chef, qui pourtant est le meilleur des hommes à ses manières près. N'en dites rien à m-e Mourawiew. Peut-être, avec les succès contre l'ennemi, les choses entre amis se concilieront au mieux, et alors je serai le premier à vous en faire part.

Mes hommages à toute votre maison, aux Tchawtchawadzé et à m-e Castello [3]).

---

[1]) Г. лейтен. Константинъ Христофоровичъ, начальникъ всей кавалеріи Кавказскаго корпуса.

[2]) Драгоманъ министерства иностранныхъ дѣлъ при канцеляріи Паскевича.

[3]) Жена шелковаго фабриканта въ Тифлисѣ.

Переводъ. Главная квартира подъ Абасъ-Абадомъ, 3-го Іюля 1827 года. Извольте замѣтить, моя любезная и многоуважаемая Прасковья Николаевна, что на меня находитъ время, когда я пишу письмо за письмомъ, точно также какъ учащаю посѣщенія одинъ день за другимъ, когда живу на мѣстѣ. Вотъ вамъ уже № 2-й. Пишу на чистомъ воздухѣ, подъ прекраснымъ небомъ Персіи; вѣтеръ дуетъ адскій, пыль страшная, а главное смеркается, не вижу что̀ пишу, но не хочу лишить себя удовольствія сказать вамъ нѣсколько словъ. Когда я запечатывалъ послѣднее мое письмо къ вамъ, было $3\frac{1}{2}$ часа утра. Послѣ того я приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и отправился по направленію къ Абасъ-Абаду; подъ его стѣны было послано 50 козаковъ, чтобъ тревожить гарнизонъ или, лучше сказать, кавалерію, которая находилась въ крѣпости и привлечь ее къ засадѣ, гдѣ находились главныя наши кавалерійскія силы. Я присоединился къ нашему незначительному отряду. Все это было даромъ: непріятель не захотѣлъ сдѣлать намъ угодное и не далъ себя въ обманъ. Нѣсколько человѣкъ охотниковъ скакали вокругъ насъ, но слишкомъ далеко отъ мѣста, гдѣ разсчитывали съ ними перевѣдаться. Пули свистѣли мимо нашихъ ушей, но никого не поранили. Это продолжалось до 10 часовъ. Въ полдень главнокомандующій приказалъ сдѣлать рекогносцировку, съ 2 полками уланъ, 2 полками козачьими, однимъ драгунскимъ и 22 полевыми орудіями. Я помѣстился въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ одного изъ боковъ крѣпости; мнѣ было видно, какъ проходили наши, точно будто я находился зрителемъ въ самой срединѣ крѣпости. Долгое время продолжалась пальба съ обѣихъ сторонъ; видъ былъ чудный. Полагаю, что въ смыслѣ военнаго успѣха дѣло не имѣло никакого значенія, но оно представляло собою зрѣлище великолѣпное; а мнѣ только этого и нужно, такъ какъ я тутъ только для собственнаго развлеченія. Въ это самое время генералъ Бенкендорфъ приказалъ кавалеріи, въ числѣ двухъ тысячъ, переплыть за Араксъ. Имъ это ничего не стоило, и они прогнали непріятеля со всѣхъ высотъ противоположнаго берега рѣки. Какъ мнѣ хотѣлось, чтобы вы, съ вашимъ искусствомъ рисовать, посмотрѣли на все это, и въ добавокъ на живописную равнину, гдѣ происходила эта сцена. У насъ здѣсь, со всѣхъ сторонъ, цѣлые ряды горъ, съ самыми странными очертаніями, какія только производила природа, и въ числѣ ихъ такъ называемая Помпеева скала, которая высится, словно стволъ гигантскаго дерева, пораженнаго молніей и обугленнаго. Это по направленію къ нашей Карабагской границѣ. Посреди этого лабиринта холмовъ, всякаго рода возвышенностей и сплошнаго ряда горъ самыхъ необыкновенныхъ очертаній,—веселая долина, тщательно воздѣланная и орошаемая Араксомъ, а къ Сѣверу снѣжная вершина Арарата. Я уже переправлялся въ бродъ чрезъ эту знаменитую рѣку, историческое имя которой такъ много говоритъ воображенію. Третьяго дня мы стали лагеремъ близъ Абасъ-Абада; вчера открыта траншея; эту ночь я поѣду за генераломъ поглядѣть, что̀ тамъ дѣлается. По-

утру чуть не выбылъ изъ нашего общества Влангали: семь несчастныхъ ядеръ прогремѣли надъ его палаткой или, лучше сказать, надъ всею главною квартирою и упали посреди нея въ разныхъ мѣстахъ, но никого не убили. Все это меня только тѣшитъ, и къ этому до извѣстной степени я начинаю привязываться: все же лучше, чѣмъ киснуть въ городахъ. Добрый вечеръ! Что̀ мнѣ сказать вамъ про вашего зятя? Нельзя лучше его исполнять свой долгъ, сообразно тому, какъ онъ понимаетъ службу свою, и въ тоже время нельзя больше разномыслить со своимъ начальникомъ, который однако человѣкъ отличнѣйшій во всемъ кромѣ обращенія. Ничего не говорите о томъ Софьѣ Ѳедоровнѣ. Можетъ быть успѣхъ въ дѣйствіяхъ противъ враговъ подѣйствуетъ на примиреніе друзей, и тогда я первый сообщу вамъ объ этомъ. Поклонитесь всей семьѣ вашей, семьѣ Чавчавадзе и г-жѣ Кастелло.

4.

Recevez mes félicitations sur l'arrivée d'Egorouchka [1]), ma très-estimable m-e Akhwerdow. Voulez-vous avoir de nos bonnes ou mauvaises nouvelles? Je commence par ce qui vous intéresse le plus. Mourawiew se porte comme le pont neuf. Quant à moi, j'ai eu trois commencements de fièvre chaude et maintenant je souffre de la chaleur jusqu'à avoir des évanouissements: le mercure ne descend jamais audessous de 33° à l'ombre; c'est, je crois, 50° au soleil. Je n'y tiens plus. On me refuse la liberté de me retirer pour toujours de cet étouffoir; il faudra finir par me brouiller avec la grande autorité, sans quoi je cours risque d'être grillé, sans que personne en retire le moindre profit.

Vous savez, je présume, que j'ai été en mission auprès d'Abbas-Mirza. On m'a traité en prince du sang, il ne manqua que très-peu de tems pour faire souscrire à nos conditions cet ennemi plus obstiné à se cacher qu'à se battre. Подлецы, а миру нѣтъ! L'on m'appelle. Bonsoir! Demain je vais aux eaux ferrugineuses qu'on a découvertes dans un défilé près d'ici. De là je monte le Salvarti pour rester quelque tems chez Rayewsky, d'où j'envoye une supplique pour être quitte de toutes les tribulations de ce monde. Si l'on me refuse, je crois que j'aurai assez de résolution pour venir vous trouver sans qu'on me le permette. Nous avons été à Garousse, mais avec le général en chef, ce qui m'a bridé ma volonté. Que j'étais content de voir Simonitch; mais le cruel ne m'a pas offert le cher piano. Recevez l'assurance du dévouement sans bornes que je vous porte, madame.

Votre très-zélé serviteur Griboiédow.

14 Juillet. Karabag (1827).

---

[1]) Пасынокъ П. Н. Ахвердовой (впослѣдствіи скончавшійся въ умопомѣшательствѣ...) —

Переводъ. Поздравляю васъ съ прiѣздомъ Егорушки, многоуважаемая Прасковья Николаевна. Хотите имѣть добрыя или дурныя вѣсти о насъ? Начинаю съ тѣхъ, которыя наиболѣе васъ займутъ. Муравьевъ здоровъ, какъ новый мостъ. Чтò до меня, я три раза заболѣвалъ горячкою, а въ настоящее время страдаю до обмороковъ отъ жара; ртуть въ тѣни не опускается ниже 33°, а на солнцѣ доходитъ, кажется, до 50°. Это для меня невыносимо. Мнѣ отказываютъ въ позволенiи убраться навсегда изъ этой пѣклы. Придется наконецъ поссориться съ главною властью, безъ чего подвергаюсь опасности быть испеченнымъ, безъ малѣйшей пользы для кого бы то ни было. Вы вѣроятно знаете про мое посольство къ Абасу-Мирзѣ. Со мною обращались какъ съ принцемъ крови, и весьма немногаго не доставало, чтобы всѣ наши условiя были подписаны этимъ непрiятелемъ, готовымъ скорѣе прятаться, нежели драться. Подлецы, а миру нѣтъ! Меня зовутъ. Доброй ночи! Завтра ѣду на желѣзныя воды, открытыя недалеко отсюда въ ущельи; оттуда поднимусь на Сальварти, побуду у Раевскаго и отправлю прошенiе о томъ, чтобы меня освободили ото всѣхъ треволненiй сего мiра. Если мнѣ откажутъ, то мнѣ кажется, что найду въ себѣ достаточно рѣшимости и прiѣду къ вамъ безъ позволенiя. Мы были въ Гарусѣ, но съ главнокомандующимъ; стало быть я былъ связанъ. Какъ я былъ радъ повидаться съ Симоничемъ, но жестокiй не предложилъ мнѣ любезнаго фортепьяно. Примите, милостивая государыня, увѣренiя въ моей безграничной преданности. Вашъ усерднѣйшiй слуга Грибоѣдовъ. 14 Iюля, Карабагъ.

5.

Le 3 d'Octobre, 2 h. du matin (1827).

Le général en chef est encore chez moi et n'a, à ce qu'il semble, nulle envie de se coucher. L'officier qui part en courrier est à attendre quelques minutes avant qu'on ait cacheté les papiers officiels. J'employe cet intervalle de tems pour me rappeler à vous, ma très-chère et respectable m-e Akhwerdow. Nous sommes ici tous dans les fumées de la victoire, parmi une grande et bruyante population. La prise de Sardarabad dans 4 jours et celle d'Érivan dans 6 a de quoi vous étonner, n'est-ce pas? Qu'en dit Tiflis? Je vous prie de me faire deux mots sur l'arrivée de ma cousine dans votre bonne ville. Comment s'y plaira-t-elle, en attendant que son mari remplit la Perse de terreur? J'aurais été curieux de voir les premières impressions de son apparition en-deçà des montagnes; les premières, dis-je: car par la suite je n'en jouirai pas, déterminé à m'en aller ou déserter complétement le service, que je hais de tout mon coeur, quelque avenir qu'il me présente. Votre beau-fils a maintenant un prête-nom pour chef. J'aurais bien voulu

qu'il fît quelque chose de beau; car la gloire lui en serait accordée de l'aveu de tous ceux qui connaissent l'absence des capacités d'Éristow. Bon jour et bonne nuit, madame. Veuillez vouer un léger souvenir à celui qui est de coeur votre très-dévoué serviteur A. G.

Mes hommages à la société. Nous avons eu hier une grande parade hors des murs et un Te-Deum vis-à-vis la brèche (soit dit en passant, la destruction de la ville a été terrible: un enfer de bombes pendant tout le tems du siège); hé donc, quand on entonna le Господи помилуй, parut, suivi de tous ses officiers et s'appuyant sur ses béquilles, Simonitch [1]). Je ne sais pourquoi, mais les larmes me vinrent.... Ces cantiques me touchent, et la vue de cette respectable infirmité me saisit l'âme.... (Не infirmité, *a благородно изувѣченный*. Какъ это сказать?)

Переводъ. 3 Октября, 2 часа утра (1827). Главнокомандующій у меня еще и по видимому вовсе не хочетъ ложиться. Офицеръ, который ѣдетъ курьеромъ, подождетъ немного, пока запечатаютъ служебныя бумаги, и я пользуюсь этимъ промежуткомъ времени, чтобы напомнить вамъ о себѣ, моя дорогая и почтенная Прасковья Николаевна. Мы здѣсь всѣ въ дыму побѣды, посреди многочисленнаго и шумнаго населенія. Взятіе Сардарабада въ 4 дня, и Эривани въ 6 дней: есть вамъ чему подивиться! Не правда ли? Что̀ говорятъ о томъ въ Тифлисѣ? Напишите мнѣ пожалуста два слова о прибытіи моей двоюродной се́стры въ вашъ добрый городъ. Какъ ей тамъ понравится въ то время, какъ супругъ ея наполняетъ страхомъ Персію? Мнѣ любопытно было бы видѣть первое впечатлѣніе, произведенное на нее переѣздомъ по сю сторону горъ; я говорю *первое*, потому что послѣдующими не буду любоваться, рѣшившись уѣхать или совсѣмъ бросить службу, которую я ненавижу ото всего сердца, не смотря на все что́ она обѣщаетъ мнѣ въ будущемъ. Зять вашъ теперь исполняетъ должность начальника. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь хорошаго; потому что имя его прославится всѣми, кто знаетъ отсутствіе способностей въ Эристовѣ. Добраго дня и доброй ночи. Не забывайте иногда вашего преданнѣйшаго слугу А. Г. Поклонъ мой обществу. Вчера у насъ было большое торжество за стѣнами и молебствіе передъ проломомъ (сказать мимоходомъ, городъ былъ страшно разрушаемъ: адъ бомбъ во все время осады). Когда запѣли „Господи помилуй", появился Симоничъ, со всѣми своими офицерами. Онъ опирался на костыли. Не знаю отчего, но у меня проступили слезы. Эти пѣснопѣнія меня трогаютъ, и при видѣ этой почтенной немощи сердце мое сжимается. Не infirmité, а *благородно-изувѣченный*. Какъ это сказать?

---

[1]) Главный герой Персидскаго похода.

6.

Je suis tout en feu, un commencement de fièvre chaude. C'est Schaumbourg qui tient la plume. L'affaire du 5 et la prise d'Abbas-Abad étaient les derniers de nos beaux jours. Depuis, rien que maladies, soleil, poussière, une souffrance plutôt qu'une existence, et j'y succombe le premier, moi, qui me supposais déjà acclimaté durant cette éternelle mission de Mazarowitch.

Votre beau-fils est content de l'arrivée du comte Soukhtelen [1]), dont il reste le sous-aide. Moi, je ne suis content de rien. Bonjour! Mes hommages à vous, à tout votre monde, à la jolie famille. Давыда по головкѣ [2]). Figurez-vous que j'ai lu hier une lettre de lord Russel datée de Varsovie; il s'agit de madame Mouraview, dans le tems qu'elle était Sophie encore, de Nina, enfin de toute l'assemblée, de danse, des éloges, des confessions. Sentez-vous que je bats la campagne?

Переводъ. Я весь горю, это приступъ горячки. Шаумбургъ пишетъ за меня. Дѣло 5-го числа и взятіе Абасъ-Абада были нашими послѣдними красными днями. Съ тѣхъ поръ только болѣзни, солнечный припекъ, пыль, скорѣе страданіе, чѣмъ существованіе, и я первый изнемогаю отъ этого, несмотря на то что считалъ себя привыкшимъ къ здѣшней погодѣ во время несказанно-долгаго посольства Мазаровича. Зять вашъ доволенъ пріѣздомъ графа Сухтелена, у котораго онъ остается помощникомъ. Я же ничѣмъ не доволенъ. Прощайте! Мое почтеніе вамъ, всему вашему обществу, семейству красавцевъ и красавицъ. Давыда по головкѣ. Представьте, вчера читалъ я письмо лорда Росселя изъ Варшавы; говорится про Софью Ѳедоровну Муравьеву, когда она еще была Сонечкой, про Нину, словомъ про всю братію, про танцы, восхваленія, признанія. Понимаете ли, что я начинаю бредить?

7.

Ma chère, ma très-aimable m-e Akhwerdow! Figurez-vous mon désappointement! On marche à Ahalkalaki. Il n'y a plus de communication avec Kars; je suis le torrent, et je jette tous mes effets pour la centième fois, je pense. Comme s'est embarrassant, comme s'est dispendieux! Et tout ce train, pourquoi? Dites à Nina que cela ne durera pas, et bientôt, dans deux ans tout-au-plus, je deviendrai l'hermite de Zinondal. Mon courrier n'arrive pas, et quand et où me trouvera-t-il? Je suis abrité sous une tente, le vent souffle avec force, et je crois qu'il

[1]) Графъ Сухтеленъ смѣнилъ князя Эристова.

[2]) Маленькаго князя Давыда Александровича Чавчавадзе.

nous enlèvera tous. Malzow et moi, nous avons fait crever quelques chevaux de ceux que j'ai achetés à Tiflis. Et pourquoi nous sommes nous dépêchés!—Mon excellente amie, parlez à Nina de moi, beaucoup, toujours, quand vous n'aurez rien de mieux à faire. Rappelez-vous que nous vous chérissons tous les deux comme une tendre mère. Votre couple d'adoption, vos enfants: c'est elle et moi.

Goumri, le 29 Juin (1828).

Переводъ. Моя дорогая и любезная Прасковья Николаевна! Представьте себѣ, въ какомъ я разочарованіи. Идутъ на Ахалкалаки, и нѣтъ больше сообщенія съ Карсомъ. Я слѣдую за общимъ потокомъ, и должно быть, въ сотый разъ покидаю всѣ мои пожитки. Какъ это затруднительно, какъ это начетисто! И вся эта переборка, чего ради? Скажите Нинѣ, что это продлится не долго, и что скоро, черезъ какіе нибудь два года, я поселюсь отшельникомъ въ Цинондалахъ. Курьеръ мой не является, и когда и гдѣ онъ меня нагонитъ? Я пріютился подъ палаткою, дуетъ сильный вѣтеръ, и я полагаю, что онъ всѣхъ насъ унесетъ. Мальцовъ и я замучили нѣсколько лошадей изъ тѣхъ, которыхъ я купилъ въ Тифлисѣ. И для чего мы торопились! Добрѣйшій другъ мой, говорите обо мнѣ побольше Нинѣ, всякій разъ, какъ ничего лучшаго не придется дѣлать. Помните, что я и она мы васъ любимъ какъ нѣжную мать. Мы ваши пріемыши, ваши дѣтки, я и она. Гумри, 29 Іюня (1828).

7.

Ma très-chère amie. Vous m'avez vu au commencement de mon paroxysme. Il a été des plus forts, et a duré jusqu' aujourd' hui matin. Pribel [1]) m'a donné une médecine qui n'a pas opéré. Comme il est tout-à-fait improbable que Nina croie aussi longtems aux mauvaises raisons que je lui ai fait imaginer de ma disparition, veuillez lui dire que j'ai été mal, il est vrai, mais que maintenant je suis beaucoup mieux, quoique je ne puisse encore quitter ma chambre. Et embrassez-la bien tendrement.

Переводъ. Любезный другъ! Вы меня видѣли въ началѣ моего припадка. Это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и продолжался до сегодняшняго утра. Прибиль далъ мнѣ лѣкарства, которое не подѣйствовало. Невѣроятно, чтобы и Нина долго вѣрила тому, что̀ я ей наговорилъ относительно моего исчезновенія; поэтому сдѣлайте милость скажите ей, что конечно мнѣ было худо, но что теперь много лучше, хотя не могу еще выдти изъ комнаты. И поцѣлуйте ее очень нѣжно.

---

[1]) Прибиль—извѣстный Тифлисскій врачъ.

8.

Recevez mes sincères hommages, ma très-chère et très-estimable amie. J'ai fait depuis longtems ce qu'il fallait pour votre neveu; mais si le comte [1]) ne le voit pas de très-bon oeil, qui sait si on ne lui aura pas rapporté quelques plaisanteries innocentes qu'il aura débitées sur son compte, et que des insinuations, comme on en fait ordinairement aux chefs, auront grossi et envenimé des propos tout au plus indiscrets. O, это водится! Tout ce que vous me dites d'ailleurs au sujet du comte d'Érivan me fait le plus grand plaisir. C'est mon ami et mon bienfaiteur, et j'aurais naturellement désiré que tout le monde lui fût dévoué autant que je le suis. Les conseils que vous me donnez pour que je soigne les occupations de ma femme sont très-sages et très-salutaires; mais tout mon tems est pris par cette maudite contribution que je ne puis encore parvenir de tirer en entier des Persans. C'est la mer à boire. Il me semble que je ne suis pas assez bon pour ma place: il faudrait plus de savoir-faire, plus de sang-froid. Les affaires me donnent de l'humeur. Je deviens morose; quelquefois l'envie me prend de faire la fin, et c'est alors que je deviens réellement bête. Non, je ne vaux rien pour le service. C'est une destination manquée que la mienne. Je ne suis pas sûr de me bien tirer de toutes les affaires dont je suis chargé; bien d'autres auraient fait cent mille fois mieux. Mais il me reste encore un espoir: c'est mon Dieu, Que je sers encore plus mal que l'Empereur et Qui m'a toujours et efficacement protégé. Vous allez voir qu'on finira par me savoir gré de tout ce qui se sera fait de bon, sans que j'y aie participé en rien, comme pour cette campagne de Perse où tant d'autres ont bien plus mérité du gouvernement que moi, et c'est pourtant moi qu'on a le mieux récompensé. Embrassez Dachinka, bien, bien tendrement. Comme nous l'aimons, ma femme et moi; je parie qu'elle ne se doute pas de toutes les conversations que nous avons à Tauris, et c'est toujours d'elle et Katinka [2]) qu'il s'agit. Какъ-то найдемъ ихъ, когда воротимся! За кого ихъ выдадуть? Маленькія ихъ кокетства въ Клубѣ etc. etc. Bonjour, mon estimable madame Akhwerdow. Pensez bien à nous, aimez-nous autant que nous vous sommes sincèrement dévoués, votre Nina et votre fidèle ami A. Griboiédow.

Переводъ. Примите мои искреннія привѣтствія, дражайшій и почтеннѣйшій другъ мой. Я давно уже сдѣлалъ чтò было нужно для вашего племянни-

---

[1]) Паскевичъ.

[2]) Сестра Грибоѣдовой, княжна Чавчавадзе, нынѣ свѣтлѣйшая княгиня Мингрельская.

ка; но графъ не особенно расположенъ къ нему. Кто знаетъ? Вѣроятно, ему переданы нѣкоторыя невинныя шутки, которыя онъ могъ себѣ позволить на его счетъ; вѣроятно, вслѣдствіе внушеній, которыя обыкновенно дѣлаются начальнику, эти отзывы, во всякомъ случаѣ только нескромные, были перетолкованы и пріобрѣли оскорбительное значеніе. О, это водится. Впрочемъ то что вы мнѣ говорите о графѣ Эриванскомъ, доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе. Это мой другъ и благодѣтель, и я конечно желалъ бы, чтобы всѣ были ему также преданы какъ я. Вы мнѣ совѣтуете позаботиться о занятіяхъ для моей жены; этотъ совѣтъ очень мудрый и благотворный. Но у меня все время отнято проклятою контрибуціею, которой я еще не могу взыскать съ Персіянъ сполна. Тутъ работа безъ конца. Мнѣ кажется, что я недовольно пригоденъ для моего мѣста; нужно бы побольше житейскаго умѣнья, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мнѣ правъ. Я становлюсь сумраченъ; иной разъ нападаетъ на меня охота покончить, и тутъ уже я настоящимъ образомъ глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы. Мое назначеніе несостоятельно. Я не увѣренъ, что выпутаюсь изо всѣхъ дѣлъ, которыя на мнѣ лежатъ. Многіе другіе исполнили бы ихъ во сто разъ лучше. Но мнѣ остается одна надежда: мой Богъ, Которому служу я еще хуже нежели Государю и Который всегда и ощутительно мнѣ покровительствовалъ. Вы увидите, что меня станутъ въ концѣ концовъ хвалить за все что сдѣлано будетъ хорошаго, тогда какъ участія моего тутъ вовсе не было, точно также какъ въ Персидскую кампанію столько людей гораздо больше моего заслужили награжденія отъ правительства, а вышло, что я награжденъ всѣхъ больше.—Поцѣлуйте Дашиньку нѣжно, нѣжно. Какъ мы съ женою ее любимъ. Ручаюсь, что она не подозрѣваетъ всѣхъ разговоровъ, которые мы ведемъ въ Таврисѣ, и все про нее и про Катиньку.... Прощайте, почтенная Прасковья Николаевна. Вспоминайте, любите насъ столько же, какъ мы вамъ искренно преданы, ваша Нина и вашъ вѣрный другъ

А. Грибоѣдовъ.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ БАЖЕНОВЪ.

(Изъ Кавказскихъ воспоминаній А. А. Черткова).

I.

Въ 1852 году я пріѣхалъ на Кавказъ для поступленія на службу и былъ опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ юнкеромъ. Полковой штабъ находился во Владикавказѣ, который тогда считался только крѣпостію и еще не былъ преобразованъ въ городъ. Я живо припоминаю сильное впечатлѣніе, которое произвели на мое юношеское воображеніе горы. Владикавказъ раскинутъ у самаго подножія величаваго Казбека, воспѣтаго Лермонтовымъ. Верстъ 20 далѣе начинается уже крутой подъемъ на горы. Въ особенности памятна мнѣ одна лунная ночь, когда я наслаждался этою чудною и величественною картиною высокихъ горъ, увѣнчанныхъ вѣчными снѣгами, которыя, по странному оптическому обману, казались мнѣ, какъ будто, нависшими надъ моею головою. Терекъ, протекающій черезъ городъ, раздѣляетъ его почти на двѣ равныя половины: часть города по сю сторону рѣки называлась тогда Навагинскимъ форштадтомъ; тамъ находилась штабъ-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка. Въ этой же части, болѣе походящей на городъ,—соборный храмъ, одна церковь, двѣ плохихъ гостинницы, нѣсколько лавокъ и домà значительнѣйшихъ туземныхъ гражданъ. Часть другая Владикавказа, по ту сторону Терека, называющаяся Тенгинскимъ форштадтомъ, состояла вся изъ полковаго штаба и полковыхъ построекъ. Здѣсь Терекъ, обыкновенно очень быстрый и, можно сказать, бурный, несравненно спокойнѣе; но однако и здѣсь его сила такова, что онъ свободно передвигаетъ по руслу двухаршинные каменья.

Еще до моего прибытія въ полкъ, мнѣ уже было извѣстно, что я буду опредѣленъ въ 3-й баталіонъ, которымъ въ то время командовалъ майоръ Александръ Алексѣевичъ Баженовъ. Явившись въ квартиру полковаго штаба, я спѣшилъ ознакомиться съ офицерами и, когда сталъ

ихъ распрашивать о моемъ будущемъ командирѣ, то съ удовольствіемъ услышалъ подтвержденіе всѣхъ тѣхъ похвальныхъ отзывовъ, которые я и прежде о немъ слышалъ.

Одинъ изъ старыхъ служакъ, капитанъ К... выслужившійся изъ солдатовъ, выразился о немъ весьма оригинально и очень мѣтко очертилъ его въ двухъ словахъ: «Ну, про Александра Алексѣевича и говорить нечего; *этотъ человѣкъ родился на заказъ*».

Я въ послѣдствіи часто вспоминалъ эти слова, и чѣмъ ближе узнавалъ Баженова, тѣмъ болѣе убѣждался въ истинѣ, что такіе люди—рѣдкость.

II.

Нѣсколько дней по пріѣздѣ въ полкъ, мнѣ пришлось присутствовать на смотру 1-го баталіона, передъ его выступленіемъ куда-то въ походъ. Никогда не позабуду того впечатлѣнія, которое произвела на меня внѣшность этихъ заслуженныхъ ветерановъ: вся первая шеренга состояла преимущественно изъ пожилыхъ воиновъ съ длинными бѣлыми усами; почти у каждаго на груди свѣтился Георгіевскій крестъ; многіе имѣли еще и Анненскіе знаки за 20-лѣтнюю безпорочную службу, и у рѣдкаго было менѣе двухъ нашивокъ.

Это все были люди закаленные въ бою, издавна сдружившіеся съ лишеніями и трудностями утомительныхъ походовъ, и на лицѣ каждаго можно было угадать, что подъ видимымъ спокойствіемъ, которое дается непоколебимымъ сознаніемъ внутренней несокрушимой силы, таилась отвага молодецкая. Рѣдкій изъ нихъ не бывалъ хотя однажды раненъ на своемъ вѣку, а иной и много сохранялъ таковыхъ мѣтокъ, считая по нимъ тѣ кровавыя сѣчи, въ которыхъ Господь привелъ его побывать.

Можно сказать, что тогдашнія Кавказскія войска и по наружному своему строю, и по личнымъ доблестямъ каждаго воина, далеко превосходили славную Наполеоновскую гвардію.

Въ скоромъ времени послѣ меня, по какимъ-то надобностямъ прибылъ въ штабъ-квартиру полка и мой батальонный командиръ, маіоръ Баженовъ. Не безъ нѣкотораго трепета предсталъ я предъ моего непосредственнаго начальника, отъ котораго, какъ очень хорошо мнѣ было извѣстно, должна была зависѣть успѣшность моей службы и вся моя будущность. Я былъ юнкеромъ, и не трудно было, въ то суровое время неумолимой, Спартанской дисциплины, придавить на первыхъ же порахъ такую неважную личность. Не даромъ сложилась военная по-

говорка, что у насъ на Руси, какъ на почтовой лошади, такъ и на юнкерѣ выѣзжаетъ каждый, кто захочетъ... По крайней мѣрѣ такъ это водилось въ то время.

III.

Наружность Баженова произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Я увидѣлъ передъ собой человѣка еще молодаго, лѣтъ 30 или не много болѣе; средняго роста, повидимому крѣпкаго тѣлосложенія, съ чрезвычайно милымъ и привлекательнымъ лицомъ, и хотя черты не были ни правильны, ни особенно красивы, но въ общемъ лицо Баженова нравилось съ перваго взгляда. Его голубые, добрые глаза смотрѣли ласково и мягко; но невольно чувствовалось, глядя на нихъ, что они могутъ и не всегда такъ смотрѣть, и какъ будто хотятъ сказать: «Ты смотри, братецъ, помни, что у меня дружба — дружбой, а служба — службой».

Онъ принялъ меня привѣтливо, сдѣлалъ нѣсколько поверхностныхъ вопросовъ, выразилъ надежду, что я буду хорошо служить въ его батальонѣ и затѣмъ далъ мнѣ разрѣшеніе пробыть еще нѣсколько дней въ полковомъ штабѣ для разныхъ покупокъ, заказовъ и т. п., а послѣ того велѣлъ мнѣ немедленно явиться въ *Самашинскую* станицу, на *Сунджинскую* линію, гдѣ былъ штабъ нашего 3-го батальона.

IV.

А. А. Баженовъ родился 14 Августа 1818 года въ Сибири. Отецъ его, служившій въ томъ краю и тамъ же умершій, оставилъ жену съ малолѣтнимъ сыномъ безъ всякихъ средствъ.

Кое-какъ удалось матери Баженова выбраться изъ Сибири, и она прибыла въ Москву.

Безукоризненная служба покойнаго Баженова (природнаго дворянина С.-Петербургской губерніи) дала право его вдовѣ поступить въ число вдовъ только что учрежденнаго тогда *Вдовьяго Дома*. Она выхлопотала дозволеніе имѣть при себѣ своего малолѣтняго сына.

Екатерина Ивановна Баженова, живая и трудолюбивая женщина, не смотря на весьма стѣсненныя обстоятельства, казалась всегда спокойною, довольною и веселою. Она скоро пріобрѣла расположеніе вдовъ, жившихъ вмѣстѣ съ нею, и пріязнь ихъ къ матери, весьма естественно, отразилась и на сынѣ, котораго старушки вдовы любили и ласкали. Первыя впечатлѣнія дѣтства бываютъ очень сильны, и потому не удивительно, что отличительною чертою въ характерѣ А. А. Баженова была удивительная мягкость, сдержанность и привѣтливость.

Когда сирота Саша подросъ, и ему нельзя было долѣе оставаться при матери во Вдовьемъ Домѣ, онъ былъ опредѣленъ, по ея просьбѣ, на казенный счетъ въ 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ.

Хорошо подготовленный, онъ не замедлилъ попасть въ число учениковъ самыхъ исправныхъ, какъ по занятіямъ, такъ и по поведенію. Будучи характера весьма серьознаго, онъ мало участвовалъ въ пустыхъ забавахъ своихъ товарищей, болѣе занимался чтеніемъ, и съ нетерпѣніемъ дожидался воскреснаго или праздничнаго дня, чтобы побывать у матери. Приходъ Саши во Вдовій Домъ бывалъ праздникомъ не для одной Екатерины Ивановны, но и для другихъ старушекъ, жившихъ вмѣстѣ съ нею въ большой общей палатѣ Вдовьяго Дома: онъ выросъ на ихъ глазахъ, и потому каждая считала его какъ бы своимъ пріемышемъ; каждая дѣлала ему приличныя наставленія, ласкала, лакомила, молилась за него и обнимала, и цѣловала, когда онъ, прошедши всю Москву изъ конца въ конецъ, являлся къ матери на нѣсколько часовъ. Всѣ его любили и принимали въ немъ живѣйшее участіе во время экзаменовъ; обступивъ малолѣтнаго кадета, вдовы разспрашивали въ нѣсколько голосовъ:

— «Ну что, какъ, благополучно ли?

— Хорошо ли сошло съ рукъ?

— «Перейдешь ли ты, какъ думаешь?

Екатерина Ивановна, между тѣмъ, была выбрана въ число Сестеръ Милосердія и, ухаживая за больными и сидя у изголовья умирающихъ, не одинъ разъ, можетъ быть, во время безсонныхъ томительныхъ ночей, мысленно обращалась съ молитвою ко Господу и прибѣгала къ ходатайству Царицы Небесной, за своего сиротку-сына. Господь услышалъ вдовью молитву: Августа 13-го 1835 года Баженовъ былъ выпущенъ изъ Корпуса прапорщикомъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, находившійся въ то время на Кавказѣ.

Сильна молящихся рука!

По всей вѣроятности, еслибы Баженова любила сына не съ тѣмъ полнымъ самоотверженіемъ, которое есть всегдашняя принадлежность настоящаго чувства, она постаралась бы удержать его при себѣ и не скоро рѣшилась бы отпустить въ дальный и незамиренный еще край; но ея любовь была на столько чиста и глубока, что исключала всякое личное чувство и не дозволила ей даже и на мгновеніе подумать о себѣ самой, о своемъ одиночествѣ и, при первомъ шагѣ молодаго человѣка на житейскомъ поприщѣ, смутить его неумѣстными материнскими нѣжностями.

V.

Молодой Баженовъ явился въ Тенгинскій полкъ. Мало знакомый съ жизнію вообще и не имѣя никакого понятія о составѣ разнороднаго Кавказскаго общества, въ то время не отличавшагося ни строгою нравственностью, ни воздержаніемъ, онъ на первыхъ же порахъ попалъ, къ сожалѣнію, въ кружокъ людей весьма сомнительнаго образа жизни. Нѣсколько дней спустя по его прибытіи въ штабъ-квартиру полка, онъ попалъ на вечеринку, гдѣ пошелъ, какъ водится, кутежъ: попойка и карточная игра. Никогда не пивавшій, семнадцатилѣтній юноша легко ощутилъ дѣйствіе вина и пришелъ въ то возбужденное состояніе, въ которомъ, какъ говорится, *море по колѣно.* Его безъ труда уговорили принять участіе въ общей игрѣ, онъ ставилъ карту за картой, почти не сознавая что̀ дѣлаетъ; счастіе ему не везло, и онъ тогда лишь бросилъ карты, когда проигралъ всѣ свои триста рублей....

Ужасно было его пробужденіе: онъ съ ужасомъ припомнилъ, что проигралъ трудовыя деньги матери. Эта мысль не давала ему покоя. Къ тяжелой нравственной пыткѣ присоединилось сознаніе, что, проигравшись, онъ остался совершенно безъ средствъ. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей; на помощь неопытному юношѣ явился одинъ изъ старыхъ заслуженныхъ офицеровъ, который принялъ въ немъ живое участіе: пригласилъ его къ себѣ на квартиру, отечески и дружески пожурилъ за увлеченіе и легкомысліе, взялъ обѣщаніе быть впередъ осторожнѣе и, наконецъ, предложилъ ему въ займы деньги, необходимыя для жизни, и для бо̀льшаго облегченія предоставилъ ему возможность выплачивать свой долгъ понемногу изъ получаемаго жалованія.

Этотъ первый урокъ имѣлъ благотворное дѣйствіе на Баженова: онъ далъ себѣ честное слово во всю свою жизнь не брать картъ въ руки и сохранилъ свое обѣщаніе до конца. Сослуживцы и знакомые его знаютъ, что въ немъ была страсть къ игрѣ; но онъ подавилъ ее въ себѣ и удовлетворялъ только тѣмъ, что любилъ, какъ это случалось во время стоянокъ и въ лагеряхъ, сидя иногда до поздней ночи возлѣ играющихъ, смотрѣть на чужую игру.

Въ слѣдующемъ (1836) году Баженовъ былъ назначенъ баталіоннымъ адъютантомъ. Въ 1838 году за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, онъ былъ произведенъ чиномъ, награжденъ орденомъ Анны 4-й степени съ надписью «*за храбрость*» и въ томъ же году получилъ Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ; за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля произведенъ въ поручики и удостоенъ высочайшаго благово-

ленія. Въ 1840 году онъ былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и назначенъ полковымъ казначеемъ.

Въ 1841 г., въ бытность его въ землѣ *Убыховъ*, онъ удостоился именнаго монаршаго благоволенія за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, и вторично въ 1842 г. получилъ таковую же награду. Въ 1845 году онъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и зачисленъ адъютантомъ къ командиру 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, весьма извѣстному въ то время и заслуженному генералу *Лабенцову*. За отличіе и мужество противъ горцевъ въ 1846 г. Баженовъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, а въ 1849 году по возвращеніи въ полкъ произведенъ въ капитаны и удостоился рѣдкой по своему чину награды—*золотой сабли* съ надписью «за храбрость».

Въ это время онъ командовалъ 3-й гренадерской ротой. Будучи еще въ капитанскомъ чинѣ, онъ получилъ въ слѣдующемъ, 1850 году, Анну 2-й степ. съ мечами и въ томъ же году за отличіе произведенъ въ майоры и награжденъ Георгіемъ 4-й степени за 25 лѣтъ безпорочной службы, а въ 1852 г. удостоился императорской короны на имѣвшійся уже у него орденъ Анны 2-й степени, и снова получилъ монаршее благоволеніе.

Въ началѣ 1853 г., не задолго до моего прибытія на службу, Баженовъ былъ утвержденъ баталіоннымъ командиромъ, и въ то время, съ котораго начинается мой разсказъ, онъ былъ уже опытнымъ и заслуженнымъ воиномъ и пользовался немалою извѣстностью во всѣхъ концахъ Кавказа. Начальство цѣнило его за примѣрную точность въ исполненіи служебныхъ обязанностей; товарищи и сослуживцы любили за открытый, прямой, честный и веселый характеръ, а подчиненные за его привѣтливо-ласковое и справедливо-взыскательное съ ними обращеніе.

Умѣренный въ потребностяхъ и весьма воздержный въ жизни, Баженовъ скоро привелъ свои дѣла въ порядокъ: сперва уплатилъ небольшіе долги, а послѣ того сталъ понемногу откладывать ежегодно, и такимъ образомъ у него незамѣтно образовался небольшой капиталъ. Кромѣ того, онъ ежегодно удѣлялъ извѣстную часть изъ жалованья своей матери, и по мѣрѣ того, какъ повышался въ чинахъ и его жалованіе возрастало, соотвѣтственно увеличивалась и сумма ей посылаемая.

Онъ не видался съ нею уже болѣе 12 лѣтъ и какъ онъ ни желалъ этого свиданія, обстоятельства не дозволяли и подумать объ отпускѣ; наконецъ, въ 1852 году, онъ улучилъ свободное время, взялъ отпускъ на четыре мѣсяца и, не предупредивъ матери о своемъ пріѣздѣ, отправился въ Москву.

Онъ явился во Вдовій Домъ неожиданно. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести на всѣхъ старушекъ внезапное появленіе молодаго и заслуженнаго Кавказскаго героя!

VI.

Возвращаюсь теперь къ прерванному разсказу о себѣ.

Заказавъ и искупивъ все для меня нужное, я снарядился въ путь. Сообщеніе между Владикавказомъ и Сунджинской линіей совершалось въ то время раза два въ недѣлю посредствомъ такъ называемыхъ *оказій*, т. е. у извѣстныхъ воротъ крѣпости собирались разныя казенныя и частныя подводы, возницы которыхъ обязательно должны были имѣть при себѣ оружіе и, кромѣ того, всему обозу давался для сопровожденія конвой (глядя по мѣстности, куда онъ отправлялся), состоявшій изъ полу-роты, изъ цѣлой роты, а иногда даже и изъ двухъ, при орудіи; и сверхъ того еще и нѣсколько конныхъ козаковъ, число которыхъ также увеличивалось или уменьшалось, смотря по обстоятельствамъ, сопровождали каждую подобную оказію. Старшій офицеръ конвойныхъ войскъ становился какъ бы временнымъ начальникомъ отдѣльнаго отряда, и всѣ, составлявшіе оказію, должны были безпрекословно ему повиноваться.

Установленный порядокъ шествія подобныхъ оказій былъ слѣдующій: впереди для рекогносцировки мѣстности обыкновенно ѣхалъ козачій разъѣздъ подъ начальствомъ офицера или урядника, смотря по численности своего состава; затѣмъ слѣдовалъ пѣхотный авангардъ, за нимъ тянулись подводы на протяженіи версты или болѣе; иногда, по распоряженію начальника оказіи, шла боковая цѣпь стрѣлковъ, съ той именно стороны обоза, съ которой можно было предположить непріятельское нападеніе. Весь этотъ длинный поѣздъ замыкался пѣхотнымъ аріергардомъ и, наконецъ, нѣсколькими козаками для прикрытія тыла.

Въ то время строго наблюдали, чтобы подводы не растягивались, и ежели когда случалось, что въ какой либо телѣгѣ что-нибудь повредится, то по сигналу начальника оказіи мгновенно все останавливалось, и всѣ, стоя на мѣстѣ, ожидали, чтобы все было исправлено, и тогда снова по сигналу отправлялись въ дальнѣйшій путь. Въ особенности соблюдалось, чтобы не было отсталыхъ людей, и подобное отступленіе отъ установленныхъ правилъ рѣдко проходило благополучно: бывали частые примѣры, что какой-нибудь неосторожный отойдетъ въ сторону или отстанетъ отъ оказіи шаговъ на 150, и тотчасъ-же поразитъ его предательская пуля невидимаго врага, скрытаго за кустомъ.

Бывали и явныя нападенія на цѣлыя оказіи, и тогда дѣло принимало видъ совершенно правильнаго боя: подводы сгонялись въ каре и по прикрытіи отстрѣливались за онымъ до прибытія подмоги изъ ближайшей крѣпости или станицы. Впрочемъ таковыя нападенія случались весьма рѣдко; одиночные же случаи зачастую повторялись, и смѣльчаки, слишкомъ понадѣявшіеся не «авось, съ рукъ сойдетъ», платились за то жизнію, ранами, увѣчьемъ, а что̀ всего хуже,—иногда и плѣномъ у горцевъ.

Наша оказія безъ всякихъ приключеній благополучно достигла *Самашекъ*. Я остановился у одного юнкера, моего товарища, съ которымъ познакомился еще въ полковомъ штабѣ, и теперь узналъ отъ него, что онъ и я, оба вмѣстѣ, назначены въ 3-ю гренадерскую роту.

Немного отдохнувъ съ дороги, я одѣлся по формѣ и тотчасъ пошелъ къ батальонному командиру. Въ этотъ разъ Баженовъ принялъ меня еще ласковѣе, чѣмъ въ первый; въ немногихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ въ чемъ будетъ состоять моя служебная обязанность и оставилъ у себя обѣдать.

Квартиру батальоннаго командира составляла козачья хата, какъ почти у всѣхъ офицеровъ, и нельзя даже сказать, чтобы она была одна изъ лучшихъ: у многихъ бывали несравненно удобнѣе. Но въ хатѣ Баженова были особенная чистота и удивительный порядокъ, рѣдко встрѣчаемый на военной, временной квартирѣ. Все было просто, уютно, хорошо. На простомъ деревянномъ столѣ, замѣнявшемъ письменный, всѣ мелочи и письменныя принадлежности были размѣщены съ удивительною симетричностью, и два простыхъ мѣдныхъ подсвѣчника, тщательно вычищенные, такъ и сіяли, точно золотые. Скромный и незатѣйливый обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, щей съ пирожками и битковъ съ макаронами; и то и другое было приготовлено, какъ будто самымъ искуснымъ поваромъ. На столѣ красовалось туземное красное и бѣлое Кахетинское вино, въ то время отмѣнно дешевое: ведро лучшаго вина стоило тогда не болѣе 3-хъ рублей. Самъ Баженовъ никогда не употреблялъ водки; но ее подавали передъ обѣдомъ, и когда деньщикъ Лапинскій всѣхъ обнесетъ, и всѣ выпьютъ по рюмкѣ, хозяинъ спроситъ своихъ гостей: «Ну что̀, господа, всѣ пили *сивуху*?» И деньщикъ уноситъ водку обратно, къ крайнему прискорбію многихъ, можетъ быть предпочитающихъ сей Русскій хлѣбный напитокъ наилучшимъ винограднымъ иноземнымъ; но больше не проси: не подадутъ. Виноградное Кахетинское вино хозяинъ пилъ съ удовольствіемъ, хотя очень умѣренно; но потчивать гостя онъ очень любилъ.

Послѣ обѣда намъ подали чаю, мы поболтали еще съ полчаса и разошлись. Баженовъ обѣдалъ обыкновенно въ половинѣ 2-го и послѣ

обѣда ложился отдыхать или лежа читалъ какой-нибудь журналъ. Небольшое его хозяйство и вся обстановка имѣли видъ довольства и порядка. Походный конь его, гнѣдой иноходецъ, по прозванію *Кабардинчекъ* (потому что былъ Кабардинской породы), живой и рѣзвый, до того былъ откормленъ и такой кругленькій, что скорѣе походилъ на Русскихъ нашихъ битюговъ, чѣмъ на своихъ Кавказскихъ собратій. Комнатныя животныя, собака *Чупчикъ* и котъ *Васька*, сытые и веселые, не смотря на врожденную будто бы вражду между ихъ племенами, проникнутые духомъ миролюбія своего хозяина, не только не питали другъ къ другу непріязни, но даже до того ладили между собою, что вмѣстѣ и спали и ѣли, и въ часы веселаго расположенія духа производили разныя эволюціи, послѣ чего опять мирно укладывались и отдыхали отъ своей гимнастики. Имена *Чупчика* и *Васьки* были наслѣдственныя въ семействѣ собакъ и кошекъ у Александра Алексѣевича, и 27 лѣтъ послѣ его пребыванія на Кавказѣ, когда, отчислившись въ запасныя войска, онъ доживалъ послѣдніе годы въ Москвѣ, у него опять появились собака и кошка, преемственно имѣвшія названія Чупчика и Васьки, и точно также связанныя узами нѣжнѣйшей дружбы.

Образъ жизни моего командира былъ весьма правиленъ и однообразенъ. Онъ вставалъ въ 6-мъ часу и тотчасъ отправлялся на прогулку по всей станицѣ, въ которой состоялъ воинскимъ начальникомъ; наблюдалъ за хозяйственными распоряженіями баталіоновъ, дѣлалъ какія нужно замѣчанія и, возвратившись домой, пилъ чай въ 8 часовъ. Послѣ того онъ занимался служебною и частною перепиской; въ это время къ нему приходили съ докладами и рапортами ротные командиры, артиллерійскіе и козачьи офицеры, и въ этихъ занятіяхъ проходило все утро до самаго обѣда. Къ обѣду обыкновенно собиралось по нѣскольку человѣкъ офицеровъ и юнкеровъ; послѣ кратковременнаго отдыха нашъ командиръ отправлялся совершать свою вечернюю прогулку вокругъ вала и бастіоновъ и обыкновенно заходилъ невзначай къ кому-нибудь изъ насъ.

Вечеромъ все наше станичное общество собиралось къ Баженову: у него легко дышалось, безъ всякой натяжки, и потому рѣдко бывало чтобы кто нибудь не пришелъ. Въ карты Баженовъ у себя играть не дозволялъ и, давъ себѣ зарокъ никогда не играть послѣ того случая, о которомъ говорено выше, онъ вообще не одобрялъ этой страсти и въ другихъ, и не хотѣлъ ей потворствовать; но въ замѣну собравшемуся обществу для препровожденія времени предлагалась игра въ лото по маленькой. Въ 10-мъ часу подавался ужинъ, одно какое-нибудь сытное и вкусное блюдо, которое запивали Кахетинскимъ, и въ 11 часовъ всѣ расходились по своимъ квартирамъ.

Отъ этого разъ установленнаго порядка жизни Александръ Алексѣевичъ никогда ни отступалъ, исключая военнаго времени и походовъ, когда живется не какъ хочется, а какъ придется, и знавшіе его въ 1850-хъ годахъ на Кавказѣ, посѣщая его въ 1870-хъ гг. въ Москвѣ, находили его вѣрнымъ своимъ прежнимъ привычкамъ: даже *карточное лото,* давно вышедшее изъупотребленія и замѣненное другимъ, продолжало у него господствовать по праву давности, и по субботамъ, когда короткіе знакомые и друзья собирались къ нему провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ, всегда игрывали въ это лото, по старой памяти.

Баженовъ былъ глубоко проникнутъ истинами вѣры и, чуждый всякого фарисейства и лицемѣрія, не ограничивался однимъ внѣшнимъ проявленіемъ богопочитанія, но шелъ дальше, вѣровалъ глубже и, любя Бога, доказывалъ любовь къ нему искренностію своей любви къ ближнему. Честный и благородный душою, онъ гнушался суемудрыхъ теорій филантропистовъ и гуманныхъ деспотовъ-либераловъ (волковъ въ овечьей шкурѣ); онъ не кричалъ на сборищахъ «уважаю личность, люблю ближняго, цѣню свободу совѣсти» и т. п. Онъ это доказывалъ на дѣлѣ, не выражая по пустому въ словахъ. И дѣйствительно, безъ всякой особой утонченности въ обхожденіи, безъ гуманнаго фарисейства и смѣшнаго панибратства со всякимъ, онъ уважалъ личность каждаго, въ каждомъ ближнемъ видѣлъ своего собрата, никогда никаго не укорялъ ѣдкимъ словомъ, никого умышленно не обидѣлъ, и не только ни про кого не говорилъ худо, но съ истиннымъ христіанскимъ братолюбіемъ и другимъ всегда мѣшалъ говорить про кого-нибудь дурно. Онъ никогда не упускалъ случая похвалить кого-нибудь заочно, и ежели онъ молчалъ про человѣка, котораго зналъ, это молчаніе равносильно было порицанію или осужденію въ устахъ другаго.

Несравненно болѣе придавая значенія внутреннему богопочитанію, чѣмъ внѣшнему, онъ однако посѣщалъ храмъ Божій и въ особенности изо всѣхъ церковныхъ богослуженій любилъ *всенощную.* Это я замѣтилъ еще въ Самашкахъ, на первыхъ порахъ моего поступленія на службу: весьма часто наканунѣ какого нибудь праздника, или воскреснаго дня, онъ отправится, бывало, обходить офицерскія квартиры и, напоминая, что сегодня всенощная, или завтра обѣдня, совѣтуетъ всѣмъ идти въ мѣстную церковь, и для того чтобы сказанное имъ не имѣло вида начальническаго приказанія, онъ иногда прибавитъ полу-шутя, полу-серьёзно: «Нѣтъ, право, господа, нечего лѣниться; идите-ка въ церковь молиться; намъ балбесамъ не грѣшно когда и лобъ перекрестить».

Въ особенности же онъ понукалъ въ церковь ходить насъ мальчишекъ-юнкеровъ; иногда, бывало, смерть, какъ не хочется идти, и такая нападетъ лѣнь, и ворчишь про себя, а дѣлать нечего, идешь.

VII.

Служебныя наши обязанности въ Самашенской станицѣ были слѣдующія: ротный командиръ и прочіе начальники отдѣльныхъ частей были преимущественно заняты хозяйственными дѣлами, младшимъ офицерамъ давались разныя порученія въ родѣ командировокъ, производства слѣдствій и т. п.; на насъ-же юнкеровъ была исключительно возложена обязанность дежурства по баталіону и станицѣ. Баталіонныя ученія производились рѣдко. Вообще на фронтовую службу въ то время на Кавказѣ обращалось мало вниманія,и бывали часто такіе примѣры, что какой-нибудь заслуженный *шевронистъ* или Георгіевскій кавалеръ такъ былъ неискусенъ въ выдѣлкѣ ружейныхъ пріемовъ, что всякаго начальника не изъ Кавказцевъ могъ бы привести въ совершенное отчаяніе. Фронтовое ровненіе тоже не такъ строго соблюдалось, какъ это принято въ Россійскихъ войскахъ, и иной не-Кавказскій инспекторъ пришелъ бы просто въ ужасъ при видѣ нѣкоторыхъ построеній и ломки фронта; но знающій хорошо составъ войскъ понялъ бы, что трудно было бы ожидать строгаго ровненія отъ фронта, состоящаго на половину изъ раненыхъ ветерановъ. — Дежурства по баталіону возлагали строгую отвѣтственность на дежурнаго, ибо рѣдкая ночь проходила безъ тревоги. Очень часто мелкія непріятельскія шайки, пользуясь благопріятствующею темнотою ночи, перелѣзали гдѣ-нибудь черезъ станичный валъ, проникали въ станицу и производили различныя безчинства. Въ подобныхъ случаяхъ дежурному вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, давъ предварительно знать въ дежурную казарму, немедленно явиться съ донесеніемъ къ воинскому начальнику. Строго говоря, требовалось каждую ночь по крайней мѣрѣ раза два обойти патрулемъ всѣ посты и секреты; но по совѣсти нельзя не признаться, что это все далеко не всегда въ точности исполнялось. Дежурные юнкера, по большей части, обойдя нѣсколько постовъ и довольствуясь донесеніями патрульныхъ унтеръ-офицеровъ, что *«все обстоитъ благополучно»* обыкновенно шли къ какому-нибудь товарищу-юнкеру, знакомому козаку на вечеринку и тамъ проводили остатокъ ночи.

Чтобы незнающимъ дать надлежащее понятіе, до какой степени въ то время ночью не только на линіи, но даже и въ самомъ Владикавказѣ было опасно, разскажу нѣсколько случаевъ.

Одинъ молодой офицеръ Тенгинскаго полка, отправляясь однажды въ темную осеннюю ночь къ товарищу на семейный вечеръ, велѣлъ своему деньщику проводить себя съ фонаремъ. Это было во Владикавказѣ; не успѣли они выдти на улицу, какъ послышался въ темнотѣ какой-то невнятный шорохъ. Офицеръ окликнулъ; въ это время недогадливый деньщикъ случайно обернулся и навелъ свѣтъ прямо на сво-

его господина, и въ тоже мгновеніе въ нѣсколькихъ шагахъ раздался выстрѣлъ, и офицеръ повалился съ простреленною грудью.

Въ другой разъ нѣсколько офицеровъ, собравшись вмѣстѣ у товарища на квартирѣ, играли въ карты; послышался стукъ въ окно; одинъ изъ игравшихъ всталъ, подошелъ къ окну и открылъ внутреннюю ставню (какими въ то время обыкновенно были снабжены окна Кавказскихъ квартиръ); раздался выстрѣлъ, и отворявшему окно прострѣлило руку.

Всѣ подобныя удальства и шалости производила шайка отчаянныхъ Абрековъ, которые по ночамъ переправлялись иногда черезъ Терекъ, входили въ городъ и производили тамъ свои проказы. Это было въ то время вещь весьма обыкновенная, на которую и не обращали даже особеннаго вниманія и, по правдѣ сказать, дежурному по карауламъ приходилось метаться съ патрулемъ во всѣ стороны, то туда, то сюда, смотря по тому откуда слышался выстрѣлъ.

Тогдашнее Кавказское военное общество было чрезвычайно разнообразно: не только въ каждомъ полку, но въ каждомъ даже баталіонѣ приходилось встрѣчать людей всевозможныхъ сферъ и со всѣхъ почти концевъ нашей необъятной Россіи; но все ладило между собою и уживалось вмѣстѣ мирно. Не рѣдко приходилось видѣть, что какой-нибудь систематически-аккуратный Нѣмецъ изъ Остзейскихъ провинцій квартировалъ вмѣстѣ съ самымъ безалабернымъ рохлею-шалапаемъ; или какой-нибудь великосвѣтскій юноша съ безукоризненно-изящными манерами и совершенный джентельменъ, поручикъ, переведенный изъ гвардіи, и съ нимъ вмѣстѣ старый служака, боевой капитанъ, быть можетъ, изъ сдаточныхъ солдатъ и еле умѣвшій подписывать свое имя.

Въ одну злополучную ночь, отъ дурно сложенной и развалившейся трубы, крыша нашей хаты мгновенно вспыхнула; мы не успѣли еще порядкомъ проснуться и опомниться, какъ все зданіе было уже охвачено пламенемъ. Товарищъ мой Языковъ и я едва успѣли выскочить изъ хаты, какъ были, въ одномъ бѣльѣ, крыша уже обрушилась; спасти что-нибудь изъ нашего имущества нечего было и думать, такъ что все, чтò мы имѣли, сгорѣло до послѣдней нитки. Усердный нашъ вѣстовой Тарасъ Маккавеевичъ вздумалъ было спасать господское добро: бросился въ самый пылъ и тотчасъ же оттуда выскочилъ съ опаленными усами и бровями и могъ завладѣть только какою-то полуобгорѣлою калошею.

Наше положеніе было весьма плачевно, потому что мы не имѣли ничего, кромѣ того бѣлья, которое едва прикрывало нашу наготу; но, благодаря доброму расположенію нашихъ товарищей, одинъ передъ другимъ на перерывъ спѣшившихъ намъ помочь кто чѣмъ могъ, кто бѣль-

емъ, кто платьемъ, мы дня черезъ два могли показаться на улицу. Пожаръ этотъ произвелъ страшный переполохъ по всей станицѣ, такъ какъ всѣ жилья въ недальномъ разстояніи одно отъ другаго, а главное опасались за пороховой погребъ. На скорую руку собрали для оцѣпленія воинскую команду, и когда на мѣсто происшествія прибылъ Баженовъ, онъ увидѣлъ меня полунагимъ, сидящимъ гдѣ-то въ углу, дрожащимъ отъ холода; тотчасъ онъ накинулъ мнѣ на плеча свою шинель и отправилъ на чью-то квартиру согрѣваться и ночевать.

Во время пожара я сильно простудился, едва только что оправившись отъ несносной Кавказской лихорадки, и мнѣ пришлось отправиться во Владикавказъ на излѣченіе.

VIII.

Мѣсяца за два до означеннаго пожара былъ еще довольно смѣшной случай, который могъ имѣть не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія, но слава Богу кончился весьма благополучно. Баженова произвели изъ майоровъ въ подполковники. Всѣ его очень любили, радовались его производству, и конечно все станичное общество собралось къ нему въ полномъ своемъ составѣ. Много было выпито въ этотъ день Кахетинскаго и портера и когда молодежъ дошла уже до возбужденнаго состоянія, то, не зная чѣмъ уже выразить свое сочувствіе новому подполковнику, придумала палить изо всѣхъ крѣпостныхъ и полевыхъ орудій, находившихся въ станицѣ. Можно себѣ представить, что это была за пальба! И это было въ то тревожное и опасное время, когда каждый пушечный выстрѣлъ изъ станицы производилъ по всей линіи переполохъ. Обыкновенно по третьему выстрѣлу тревога передавалась далѣе, и тогда со всѣхъ окрестныхъ станицъ и изо всѣхъ ближайшихъ крѣпостей войска спѣшили на помощь къ угрожаемому пункту. Весьма естественно, что въ этотъ день, слыша не одинъ выстрѣлъ и не два, не три, а учащенную, безпрерывную пальбу, войска двинулись отовсюду, и прибыли не только изъ ближайшихъ мѣстностей, но и изъ весьма отдаленныхъ.

Нашъ баталіонный докторъ И. Т. Т. и я, оба уже весьма шаткіе на ногахъ, преусердно занимались заряживаніемъ одного полеваго орудія (при выстрѣлѣ изъ котораго, скажу мимоходомъ, оглушили пыжомъ перебѣгавшаго черезъ улицу ротнаго козла), и въ это время въ ворота станицы со всѣхъ сторонъ спѣшили войска всѣхъ родовъ оружія.

Начальники частей и офицеры были сначала весьма недовольны, что ихъ потревожили по пустому и заставили спѣшить на помощь, когда не было надобности; но потомъ все дѣло обошлось какъ нельзя

лучше: ново-прибывшіе пристали къ намъ, и пиръ пошелъ еще веселѣе и живѣе.

Конечно, подобное происшествіе другому бы не сошло съ рукъ такъ легко, какъ Баженову; но его любили и уважали, и потому, хотя высшее начальство и знало подробно о случившемся обстоятельствѣ, но дѣлало видъ, что ничего не знаетъ, и онъ не получилъ ни малѣйшаго замѣчанія. Только мы на другой день поплатились своими карманами, и всѣмъ намъ пришлось сдѣлать весьма чувствительную для насъ подписку, чтобы пополнить убыль казеннаго пороха, столь весело пущеннаго на воздухъ безъ всякой надобности.

IX.

Въ ночь на 8-е Декабря 1853 года, я былъ внезапно потребованъ къ полковому адъютанту, который мнѣ передалъ совершенно неожиданное приказаніе, вслѣдствіе желанія полковаго командира, выступить на другое утро въ походъ, въ набѣгъ съ 4-й гренадерской ротой нашего полка, къ которой я былъ временно прикомандированъ. Къ походу я совершенно не былъ приготовленъ. У меня даже не было въ то время необходимаго дубленаго полушубка. Всю ночь я провелъ въ неимовѣрныхъ хлопотахъ: долженъ былъ обѣгать квартиры всѣхъ товарищей, которые меня снабдили кто чѣмъ могъ, забѣжалъ на другой конецъ крѣпости въ полковой цейхгаузъ для снабженія себя казеннымъ ружьемъ и боевымъ патронташемъ и только къ разсвѣту, въ какой-то фантастической экипировкѣ, состоявшей изъ статскаго покроя синяго осенняго пальто, опойковыхъ полусапожекъ, вмѣсто большихъ походныхъ сапоговъ, но при исправномъ боевомъ вооруженіи, явился къ командиру 4-й гренадерской роты, которая выстраивалась за воротами въ боевомъ походномъ порядкѣ къ выступленію. Признаюсь, все такъ быстро совершилось, что я никакъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета своего положенія. Не спавъ всю ночь, еще слабый отъ недавней лихорадки, я находился въ какомъ-то забытьи и опомнился лишь тогда, какъ услышалъ команду: «рота напрàво! ружья вольно! скорымъ шагомъ маршъ!!» Я машинально послѣдовалъ за другими, какъ за увлекающей морской волной.

Первое мое знакомство съ Кавказскими того времени переходами было мнѣ не только не по вкусу, но даже не подъ силу. Мнѣ пришлось быть на ногахъ безпрерывно весь день и всю ночь, и только на завтра около полдня, послѣ 65-верстнаго перехода, намъ данъ былъ первый продолжительный привалъ. Отрядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ сотенъ козаковъ и нѣсколькихъ полевыхъ и горныхъ орудій, шелъ подъ начальствомъ покойнаго генералъ-

майора барона И. Н. Вревскаго, который хорошо былъ извѣстенъ по всему Кавказу, какъ своими боевыми свойствами, такъ равно и немилосердными переходами. Понятно, что мнѣ, слабосильному и еще не сложившемуся, да притомъ еще больному 17-ти лѣтнему юношѣ подобный переходъ показался просто пыткою.

На первомъ же привалѣ мои непрочные сапоги оказались окончательно стоптанными и размокшими, такъ какъ намъ все время приходилось двигаться по какой-то снѣжной слякоти; ноги мои оказались распухшими и всѣ въ волдыряхъ, и я просто не могъ представить себѣ, какъ я пойду и чуть было не впалъ въ полное отчаяніе.

Но тутъ пришелъ мнѣ на помощь одинъ добрый юнкеръ-товарищъ, уже опытный въ походахъ. Онъ первымъ дѣломъ посовѣтовалъ мнѣ бросить опойковые полусапожки, схлопоталъ мнѣ за 2 р. у какого-то солдата купить его запасные сапоги, посмѣялся въ волю надъ моими промокшими носочками и тутъ же показалъ, какимъ образомъ нужно окутывать по походному въ онучи ноги, предварительно смазавъ больныя мѣста саломъ.

Походъ, въ которомъ я тогда участвовалъ, имѣлъ цѣлью истребленіе нѣсколькихъ непріятельскихъ ауловъ Малой Чечни и остался въ воспоминаніи участвующихъ подъ названіемъ Адзерзинскаго набѣга. Рота, къ которой я былъ прикомандированъ, получила самое опасное по тогдашней войнѣ назначеніе, т. е. при отступленіи находилась въ аріергардѣ, причемъ потеряла до 30 человѣкъ выбывшихъ изъ строя, такъ что мнѣ на первыхъ же порахъ пришлось участвовать въ довольно жаркихъ перестрѣлкахъ.

По окончаніи набѣга и по возвращеніи отряда во Владикавказъ, я отправился изъ штаба полка снова въ свой 3-й баталіонъ, въ которомъ удостоился сочувственной встрѣчи какъ со стороны Баженова, такъ и товарищей-сослуживцевъ.

Лихорадка моя, послѣ испытанныхъ походныхъ трудовъ, до того усилилась, что я снова долженъ былъ возвратиться во Владикавказъ, такъ какъ оставаться мнѣ на Сунджинской линіи (въ этомъ разсадникѣ лихорадки) становилось положительно опасно. Прибывъ во Владикавказъ въ Январѣ 1854 года, я былъ свидѣтелемъ прохожденія чрезъ эту крѣпость всѣхъ нашихъ войскъ, шедшихъ изъ Россіи въ Азіатскую Турцію на подкрѣпленіе тамошней арміи. Въ этотъ годъ произошелъ на Казбекѣ необыкновенный, изъ ряду вонъ выходящій снѣговой обвалъ, который на долгое время загородилъ путь по военно-Грузинской дорогѣ, такъ что порядокъ шествія очередныхъ эшелоновъ чрезъ то совершенно перепутался, и во Владикавказѣ скопилось

столько войскъ всѣхъ родовъ оружія, что, безъ преувеличенія можно сказать, нигдѣ невозможно было найти свободнаго помѣщенія.

Только въ концѣ Апрѣля я могъ возвратиться въ баталіонъ. Въ то время онъ находился въ Большой Кабардѣ близъ аула Бата-Ка-юртъ. Въ самый разгаръ Крымской кампаніи по всему Кавказу не было покоя; хотя явнаго возмущенія не замѣчалось, но были первые признаки броженія умовъ. Почти изъ каждаго Кавказскаго полка чуть-ли не половинная часть была потребована для подкрѣпленія нашей арміи въ Азіатскую Турцію; войскамъ, остававшимся по-сю сторону горъ, пришлось конечно удвоить бдительность и осторожность. Съ ранней весны былъ сформированъ летучій отрядъ, состоявшій изъ 3-го баталіона Тенгинскаго полка, конной батареи и Донскаго казачьяго полка, подъ общимъ начальствомъ подполковника Баженова, которому дано было назначеніе ежедневными переходами пересѣкать по всѣмъ направленіямъ Кабарду, чтобы постояннымъ и внезапнымъ появленіемъ держать народонаселеніе въ повиновеніи и страхѣ. Въ то время, какъ я догналъ отрядъ, онъ находился, какъ я уже выше сказалъ, близъ аула Бата-Ка-юрта, на продолжительной дневкѣ.

Дня два спустя по прибытіи моемъ въ баталіонъ, отрядъ снялся съ позиціи и, съ этого дня въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, мы безпрерывно дѣлали ежедневно 25—30 верстные переходы, пересѣкая по всѣмъ направленіямъ Большую и Малую Кабарду.

Сначала народонаселеніе было какъ бы озадачено безпрестаннымъ появленіемъ на новыхъ пунктахъ Русскихъ войскъ; но потомъ, смекнувъ, что это все одинъ и тотъ-же маленькій отрядъ, который появлялся въ разныхъ направленіяхъ, стало къ намъ относиться довольно саркастически и прозвало нашъ отрядецъ: «салдусъ, который туды сюды пошелъ».

Опасенія высшаго начальства были на этотъ разъ впрочемъ напрасны: Кабарда и не думала бунтовать и, за исключеніемъ неизбѣжныхъ случаевъ появленія одиночныхъ Абрековъ, все остальное народонаселеніе оставалось спокойно. Въ Іюнѣ отрядъ нашъ получилъ приказаніе возвратиться на линію и, послѣ кратковременнаго отдыха, былъ двинутъ въ томъ же составѣ, перемѣнивъ только свой колесный обозъ на вьючный, въ Малую Чечню.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, мы достигли Богучарскихъ высотъ, на которыхъ нашему отряду приказано было остановиться и дожидаться дальнѣйшихъ приказаній. На Богучарѣ намъ пришлось простоять слишкомъ мѣсяцъ. Несчастная эта стоянка, я полагаю, глубоко врѣзалась въ воспоминаніи всѣхъ тѣхъ, которымъ она выпала на до-

лю. Мѣстность была слѣдующаго рода: узкая, мѣстами не шире сажени, гребень крутой, высокой въ 3000 футовъ горы, источники водопоя находились у самаго подножія. Въ теченіе всей стоянки ежедневно лилъ проливной дождь. Густой облачный туманъ на нѣсколько сотъ футовъ подъ нашими ногами скрывалъ отъ нашихъ глазъ всю остальную окрестность, и самая мѣстность нашей стоянки имѣла видъ грязнаго островка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ какимъ-то грязно-молочнымъ океаномъ.

Такъ какъ при вьючномъ обозѣ палатки съ собою обыкновенно не забираются, то понятно, что положеніе всѣхъ насъ было до крайности плачевное: во всемъ отрядѣ была только одна небольшая палаточка для Александра Алексѣевича; всѣ остальные помѣщались подъ открытымъ небомъ. Чтобы какъ-нибудь спастись отъ окончательнаго потопа, мы вырыли себѣ небольшія землянки, покрытыя сверху хворостомъ; онѣ наполнялись постоянно водою, которую приходилось выкачивать ведрами, и часто случалось по утрамъ просыпаться въ какой-то грязной ваннѣ. Но отрядъ нашъ нисколько не унывалъ. Кавказскаго солдата того времени рѣдко чѣмъ можно было удивить, и послѣ нѣсколькихъ сутокъ безпрерывнаго дождя, стоило только туману немного разсѣяться и проглянуть сверху какому-то подобію солнечнаго луча, смотришь: у каждой роты собрались въ кружокъ пѣсенники, въ срединѣ которыхъ ложечникъ уже выкидываетъ какія-то фантастическія антраша.

Наша офицерская и юнкерская компанія тоже нисколько не упадала духомъ. Баженовъ сохранялъ тотъ же порядокъ жизни, какъ и въ Самашевской станицѣ; только утреннія его прогулки вокругъ лагеря по крутому, скользкому и грязному косогору были немного затруднительнѣе. По невозможности собираться въ его маленькой палаткѣ, компанія, по вечерамъ, по обыкновенію групировалась около нея, разсаживаясь на большихъ брусьяхъ, которые усердные солдаты, по собственной своей иниціативѣ, за двѣ версты снизу съ неимовѣрнымъ усиліемъ встащили на верхъ горы, для вящаго удобства гг. офицерамъ. Языковъ по прежнему былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ, каждый день подмѣчая что-либо смѣшное.

Въ нашей юнкерской землянкѣ шелъ все время нескончаемый преферансъ, а иногда, отъ скуки, затѣвались хоровыя пѣсни и когда ночью онѣ продолжались слишкомъ долго, тогда изъ промокшей палатки Баженова обыкновенно слышалась фраза: «Пора бы, кажется, полуночникамъ перестать горланить!»

Въ концѣ Іюля подошелъ къ нашей мѣстности довольно значительный отрядъ подъ начальствомъ бар. Вревскаго, который, присоеди-

нивъ насъ къ себѣ, двинулся въ Аккинское общество для наказанія нѣкоторыхъ измѣнившихъ намъ ауловъ. Аккинскій походъ былъ крайне тяжелъ и затруднителенъ; тутъ приходилось намъ испытать всевозможныя лишенія: двигались по такимъ тропинкамъ, по которымъ ходить бы только горнымъ козамъ; переходы, какъ и вообще гдѣ участвовалъ бар. Вревскій, крайне были утомительны. Помню, на одномъ изъ нихъ, я отъ изнеможенія далеко отсталъ отъ своего баталіона и только благодаря аріергарднымъ козакамъ получилъ возможность догнать отрядъ, когда онъ уже остановился для ночлега. Баженовъ, я помню, сильно безпокоился объ моемъ отсутствіи и хотя при первой встрѣчѣ началъ было меня распекать, но, видя мою крайнюю усталость, преложилъ гнѣвъ на милость и угостилъ меня чаемъ. Языковъ конечно не упустилъ изъ этого случая составить комичный разсказецъ, яко бы я легъ поперекъ горной узкой тропинки и тѣмъ задержалъ движеніе всего отряда.

6 Августа былъ штурмъ одного, сильно укрѣпленнаго аула. Баженовъ командовалъ штурмовой колонной. Языковъ находился въ числѣ охотниковъ. Аулъ конечно былъ взятъ, но потеря наша была довольно чувствительна. Баженовъ былъ контуженъ камнемъ въ плечо и въ ногу. Кромѣ того у насъ въ баталіонѣ былъ еще офицеръ, раненый пулею, нѣкто поручикъ Ш., уроженецъ Малороссіи, крайне неуклюжее, но чрезвычайно доброе и простодушное существо, опытный и боевой офицеръ. Языковъ почему-то всегда исключительно выбиралъ его для насмѣшекъ, но тотъ не обижался нисколько и самъ первый хохоталъ во всю свою широкую пасть. Кромѣ трудности переходовъ и боя, отряду нашему пришлось еще познакомиться съ новымъ горемъ: съ голодомъ.

Запасъ сухарей, розданный людямъ на руки, оказался недостаточнымъ. Подвозъ провіанта почему-то задержался, и намъ пришлось нѣсколько дней оставаться безъ всякой пищи. Люди стали отъ голоду заболѣвать и пухнуть. Если не ошибаюсь, были кажется одинъ или два смертныхъ случая. Въ составѣ нашего отряда находился одинъ резервный баталіонъ, только-что пришедшій изъ Россіи. Непривыкшіе къ Кавказскимъ походамъ люди, въ самомъ еще началѣ движенія, для облегченія ноши, разсыпали свои сухари, которые, понятно, наши опытные Кавказцы спѣшили подбирать. Вотъ этому-то баталіону въ особенности пришлось подъ конецъ плохо. Хотя Языковъ и старался смѣшить почтеннѣйшую публику разсказами, въ родѣ того, что нѣкій нашъ юнкеръ Р. (отличавшійся особеннымъ аппетитомъ) гдѣ-то поймалъ пѣтуха и съѣлъ его живаго съ перьями, но разсказъ его не производилъ эффекта. Одинъ только Баженовъ какъ и всегда глядѣлъ молодцомъ и,

добродушно подтрунивая надъ унывшими, старался поддержать въ нихъ бодрость.

Какъ только мы стали спускаться съ горъ въ Тарскую долину, тутъ же встрѣтились мы съ колонной, которая везла намъ провіантъ. Нѣсколько дней спустя, состоялся роспускъ отряду, и нашъ 3-й батальонъ, въ самомъ отчаянномъ видѣ, усталый, загорѣлый, въ отрепьяхъ, съ разорванною обувью, былъ направленъ во Владикавказъ.

X.

Во Владикавказѣ я получилъ письмо отъ брата своего изъ Пятигорска, въ которомъ онъ извѣщалъ, что пріѣхалъ изъ Москвы и очень желаетъ меня видѣть. Взявъ у Баженова отпускъ, я отправился въ Пятигорскъ, гдѣ и пробылъ недѣли двѣ съ братомъ. Возвратившись изъ отпуска, я засталъ 3-й баталіонъ въ лагерѣ у крѣпости Бахмутъ, гдѣ онъ былъ занятъ какими-то починками и укрѣпленіями.

Затѣмъ, нашъ баталіонъ былъ двинутъ еще куда-то, для исправленія дорогъ, попорченныхъ непріятелемъ и въ началѣ Ноября возвратился на свою прежнюю стоянку въ Самашевскую станицу. Весь Ноябрь мы мирно провели тамъ. Баталіонный адъютантъ нашъ, подпоручикъ Щ. затѣвалъ охоты на большую ногу: собиралось человѣкъ до полутораста стрѣлковъ, къ нимъ присоединялись аматёры изъ гг. офицеровъ и юнкеровъ и подъ предводительствомъ Щ. отправлялись въ Чеченскіе лѣса и горы. Подобныя охоты продолжались по нѣскольку сутокъ. Обиліе красной дичи было въ то время таково, что по возвращеніи въ Самашки весь баталіонъ и чуть-ли не вся станица въ продолженіе нѣсколькихъ дней питались нашею добычею. При подобныхъ охотахъ командамъ неоднократно приходилось сталкиваться съ непріятельскими шайками; но дѣло рѣдко доходило до перестрѣлки: каждая сторона, чувствуя силу другой, во избѣжаніе лишней потери, обыкновенно молча расходилась, обмѣниваясь косыми взглядами.

Кромѣ охоты, въ осеннее время немалымъ развлеченіемъ служили казачьи вечеринки; почетные представители казачества, наши офицеры и юнкера собирались у кого-нибудь на квартирѣ, куда обыкновенно и приглашался самый цвѣтъ Самашкинскихъ красавицъ. Въ подобныхъ случаяхъ угощеніе было не очень затѣйливо и разорительно. Дамы угощались орѣхами, изюмомъ и развѣ изрѣдка Вяземскими пряниками. Для мущинъ же, кромѣ неизбѣжной водки и закуски, обыкновенно ставилось на полъ нѣсколько ведеръ Кизлярскаго вина, изъ которыхъ мы прямо черпали ковшами. Тогдашнее Кизлярское вино, извѣстное всѣмъ старымъ Кавказцамъ подъ общимъ названіемъ *чихиря,* продавалось по 40 копѣекъ ведро, и рѣдко кто изъ казаковъ не держалъ въ своемъ хозяйствѣ большаго запаса этого вина.

На вечеринкахъ пѣлись хоровыя пѣсни, плясалась лезгинка подъ звуки скрипки какого нибудь ротнаго скрипача и казачьей гармоники, а главное истреблялось такое количество *чихиря*, что просто уму непостижимо. Баженовъ любилъ посѣщать эти вечеринки и обыкновенно оставался на нихъ до тѣхъ поръ, пока они не начинали быть черезъ чуръ шумны.

XI.

Въ началѣ Декабря намъ былъ объявленъ зимній походъ въ Большую Чечню, и велѣно спѣшно собираться.

Путь нашему баталіону лежалъ на крѣпость Грозную, отстоящую въ трехъ переходахъ отъ Самашкинской станицы. Тамъ былъ назначенъ сборный пунктъ всего отряда, который, подъ общимъ начальствомъ барона Врангеля, долженъ былъ двинуться въ Большую Чечню.

Подъ Грозной намъ пришлось стоять лагеремъ слишкомъ недѣлю, пока съ разныхъ концовъ не собрались всѣ тѣ части войскъ, которыя были назначены въ составѣ большаго Чеченскаго отряда и пока не окончились на самую скорую руку походныя приготовленія.

Подробный составъ тогдашняго отряда я припомнить не въ состояніи; знаю только, что онъ былъ весьма значителенъ; всѣхъ войскъ было примѣрно до 10.000 человѣкъ. Экспедиція предполагалась серьозная, и потому приняты были всѣ необходимыя предосторожности, чтобы обезпечить ея счастливый исходъ.

4-го Декабря, рано утромъ, въ войскахъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ; спустя 2 часа, отрядъ длинной вереницей потянулся по направленію Аргуна. На сколько переходы бар. Вревскаго были изнурительны, на столько они были легки, когда водилъ отрядъ баронъ Врангель. Заслуженный боевой генералъ имѣлъ похвальную привычку большую часть перехода самъ шествовать пѣшкомъ во главѣ авангарда и только въ крайнихъ случаяхъ позволялъ себѣ садиться верхомъ. Нечего и говорить, какое благотворное дѣйствіе производилъ этотъ достойный примѣръ маститаго старца. Собственно говоря, походъ этотъ былъ до крайности веселый и легкій.

Такъ какъ Большая Чечня изображаетъ собою ровную плоскость, то войска могли пользоваться всѣми удобствами, которыя обыкновенно доставляетъ колесный обозъ. Переходы рѣдко бывали болѣе 20 верстъ. Для Кавказскаго солдата того времени это составляло просто передобѣденную прогулку; усталыхъ и отсталыхъ, понятно, нигдѣ и быть не могло; войска шли весело, все время съ пѣснями, и часто можно было видѣть, какъ какой нибудь удалой ложечникъ въ теченіе всего перехода выплясывалъ передъ ротой трепака. Но если переходы были легки, то дѣла съ непріятелемъ были серіознѣе, чѣмъ въ Малой Чечнѣ, и поте-

ри наши бывали весьма значительны. На этотъ разъ намъ приходилось имѣть дѣло съ большимъ скопищемъ непріятеля, подъ личнымъ предводительствомъ самого Шамиля, который, кромѣ значительныхъ силъ изъ пѣхоты и кавалеріи, имѣлъ съ собою 6 орудій. На второмъ или на третьемъ переходѣ раздался первый выстрѣлъ начинающейся перестрѣлки, и затѣмъ все наше дальнѣйшее шествіе было сопровождаемо пальбою.

Цѣль экспедиціи была раззореніе нѣсколькихъ весьма сильныхъ непріятельскихъ ауловъ, расположенныхъ вдоль по теченію р. Джалки. Баронъ Врангель, случайно или нарочно, чтобы дать каждой части возможность отдѣльно отличиться, обыкновенно распоряжался такъ, что каждый отдѣльный аулъ приходилось по очереди брать отдѣльному баталіону. Мы скоро всѣ смекнули этотъ порядокъ боя и прозвали эти штурмы *бенефисами.*

Наступилъ день бенефиса и для нашего 3-го баталіона. Приходилось брать одинъ изъ самыхъ сильныхъ и укрѣпленныхъ ауловъ. Мѣстность была такого рода. Баталіонъ нашъ и часть артиллеріи занимали опушку лѣса; передъ нами, на разстояніи 500 шаговъ, разстилалась поляна. затѣмъ большой непріятельскій аулъ, столь сильно укрѣпленный, что крыши его сакель отсвѣчивались на солнцѣ металлическимъ блескомъ отъ ружейныхъ стволовъ его защитниковъ, готовившихъ намъ на встрѣчу страшный залпъ. За ауломъ виднѣлся небольшой лѣсистый бугоръ, на которомъ показывался значекъ самаго Шамиля; онъ находился тамъ со всею своею артиллеріею и резервами. Стоя часа два у опушки лѣса, мы поддерживали съ непріятелемъ тихую оружейную перестрѣлку, пока наша артиллерія обмѣнивалась канонадою. Гулъ непріятельскихъ ядеръ, отшибавшихъ у насъ въ лѣсу верхушки деревьевъ, былъ особенно эффектенъ. 3-й баталіонъ нашъ цѣликомъ находился въ цѣпи. Удалой нашъ баталіонный адъютантъ подпоручикъ Щ. просто выкидывалъ чудеса изъ своей двустволки. Стоило только какой-нибудь папахѣ поднять голову надъ крышею сакли и какому-нибудь конному непріятельскому удальцу близко подъѣхать къ нашей цѣпи, какъ мѣткая пуля Щ. достигала своего назначенія. Такъ какъ онъ въ то время завѣдывалъ штуцерною командою, которая расположилась цѣпью за невысокимъ плетнемъ на правомъ флангѣ нашей 3-ей гренадерской роты, то нѣсколько человѣкъ нашихъ юнкеровъ, въ томъ числѣ и я, подошли къ нему поближе, подстрекаемые любопытствомъ видѣть результаты замѣчательной его стрѣльбы, и мы могли во очію убѣдиться, до какой степени его двухстволка обратила на себя спеціальное вниманіе непріятеля. Кромѣ обыкновенныхъ крикливыхъ возгласовъ: «галеръ шайтанъ», и т. п., которые изъ аула послѣ каж-

даго его выстрѣла долетали до нашего слуха, весь непріятельскій огонь былъ сосредоточенъ на томъ пунктѣ, гдѣ находился Щ. [1])

Баженовъ время отъ времени обходилъ всю цѣпь и съ такимъ спокойнымъ выраженіемъ лица, съ какимъ обыкновенно въ Самашкахъ игралъ въ лото, покручивая папиросы и указывая ротнымъ командирамъ, кому какого держаться направленія, когда броситься на ура.

«Ура» вообще Баженовъ не любилъ по свойству своего сдержаннаго и хладнокровнаго характера: онъ находилъ, что Русское «ура» — уже слишкомъ много чести для подобнаго непріятеля. Онъ обыкновенно поговаривалъ, что кричать «ура» слѣдуетъ въ самую крайнюю, критическую минуту, когда напр. въ регулярномъ бою строй встрѣчается съ строемъ на штыкахъ, и грудь съ грудью, а что для этихъ оборванцевъ не стоитъ его и тратить. Но какъ бы то ни было, въ виду общепринятаго обычая, онъ оффиціально не запрещалъ солдатамъ кричать «ура», но только обыкновенно просилъ ротныхъ командировъ, чтобы въ моментъ самаго разгара боя, во избѣжаніе безпорядка, люди по возможности бы менѣе *орали* (какъ онъ выражался).

Канонада и перестрѣлка продолжались, и въ ожиданіи рѣшительной минуты мы поглядывали на грозную поляну, по которой намъ предстояло пробѣжать столь значительное разстояніе, въ полголоса передавая другъ другу разныя замѣчанія, которыя всѣ клонились къ тому общему выводу, что намъ дѣло обойдется не дешево. Въ эту минуту прискакалъ къ Баженову адъютантъ барона Врангеля и, передавъ ему нѣсколько словъ, удалился. Александръ Алексѣевичъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ ротныхъ командировъ и что-то долго говорилъ съ ними и объяснялъ. Когда тѣ возвратились къ своимъ мѣстамъ, мы узнали, въ чемъ дѣло: бар. Врангель, между прочими достохвальными качествами, имѣлъ неоцѣнимое свойство, присущее каждому, дѣйствительно храброму и честному начальнику, беречь своихъ солдатъ и, безъ крайней необходимости, не рисковать ихъ жизнью. Убѣдившись лично, какой бы значительной потери подвергся нашъ 3-й баталіонъ, если бы одинъ прямо съ фронта атаковалъ по открытой мѣстности такую грозную позицію и желая облегчить повозможности нашу задачу, онъ приказалъ намъ на время пріостановить наступленіе и послалъ разными скрытыми балками въ обходъ одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка для совмѣстнаго съ нами дѣйствія. Задача этого баталіона была такова: достигнувъ, съ помощью проводника, напередъ

---

[1]) Щепанскій. Онъ убитъ на повалъ въ дѣлѣ 23 Ноября 1877 года подъ Еленой, будучи капитаномъ знаменитаго Орловскаго полка.

назначеннаго ему пункта, онъ долженъ былъ пріостановиться, собраться въ боевой порядокъ и изъ забраннаго съ собою ракетнаго станка пустить сигнальную ракету. Тогда они и мы должны были броситься одновремено съ двухъ сторонъ: мы съ фронта, а они съ боку и немного съ тыла.

Кабардинцамъ пришлось довольно долго совершить свой маневръ; кромѣ того что имъ надо было пройти довольно значительное разстояніе, они должны были соблюсти всевозможную осмотрительность и осторожность, чтобъ не быть до поры до времени открытыми непріятелемъ.

Мы между тѣмъ продолжали занимать опушку лѣса и время отъ времени поддерживали съ непріятелемъ тихую перестрѣлку. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки лѣса стояла полуразрушенная сакля, на плоской крышѣ которой лежала преогромнѣйшая тыква. Баженовъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ стояли около этой сакли и покуривали папиросы. Вдругъ (какъ теперь помню), непріятельское ядро, пролетѣвъ надъ нашими головами, съ розмаху ударило въ тыкву, разнесло её конечно въ пухъ и въ дребезги и брызгами ея обдало все наше батальонное начальство. Языковъ конечно для подобнаго торжественнаго случая тутъ какъ изъ земли выросъ, и тотчасъ же состряпанный имъ наскоро смѣшной анекдотецъ пролетѣлъ по рядамъ, возбуждая общій хохотъ.

Время шло, а сигнала не было еще замѣтно. Офицеры всѣ уже были на своихъ мѣстахъ и сосредоточенно глядѣли впередъ. Баженовъ тихими шагами приблизился къ правому флангу нашей 3-ей гренадерской роты.

Въ эту самую минуту, съ правой стороны аула и немного позади его взвилась ракета. Баженовъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ баталіона, обернувшись къ нему лицомъ, проговорилъ: «съ Богомъ, братцы!» и снова обернувшись къ аулу, бѣгомъ, безъ оглядки пустился впередъ, зная, что отъ него не отстанутъ. Раздалось громовое ура, и баталіонъ ринулся на поляну. Взявъ ружье на перевѣсъ, я усиленно спѣшилъ скачками догонять Баженова, который бѣжалъ впереди всѣхъ; но совершенно догнать его мнѣ не удалось, такъ какъ одинъ солдатъ нашей роты (съ тремя нашивками, Георгіевской кавалеръ, старикъ Рябовъ), бѣжавшій впереди меня, былъ наповалъ убитъ пулею въ голову и, падая, подкатился мнѣ подъ ноги, чѣмъ заставилъ меня съ разбѣга черезъ него перекувырнуться.

Когда мы стали совершенно подвигаться къ аулу, сзади его раздалось веселое «ура» Кабардинцевъ, и растерявшемуся отъ этого двухсторонняго нападенія непріятелю оставалось только искать себѣ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Всѣ тѣ изъ горцевъ, которые были захвачены въ аулѣ, немедленно были уничтожены штыками. Приказавъ подоспѣвшей дивизіонной артиллеріи дать по бѣгущему непріятелю нѣсколько напутственныхъ картечныхъ выстрѣловъ, Баженовъ, какъ старшій въ чинѣ, принялъ временное начальство и надъ Кабардинскимъ батальономъ, и тотчасъ же распорядился о немедленномъ занятіи въ аулѣ прочныхъ пунктовъ.

Кавалерія наша, откуда-то сбоку появившаяся къ тому времени, преслѣдовала непріятельскіе резервы.

Дѣло было окончено. Потеря наша сравнительно была невелика: изъ офицеровъ нашего баталіона никого не убито и не ранено. Одинъ только поручикъ М. былъ контуженъ мертвою пулею въ лобъ, отчего у него вскочила преогромная шишка. Неумолимый Языковъ, понятно, не упустилъ случая избрать его предметомъ своихъ остротъ; отъ его насмѣшливаго взгляда не укрылся также одинъ солдатъ нашей роты, который, шаря гдѣ-то по саклямъ, нашелъ медовые соты, которые, по жадности, тутъ же началъ истреблять. Но прилипшая къ меду пчела жестоко отомстила ему за похищеніе своего имущества: она такъ сильно ужалила его въ губу, что все его лицо мгновенно раздулось и приняло самый комичный видъ. Языковъ отъ этого солдата больше не отставалъ и водилъ его за руку показывать всѣмъ и всюду, и такъ поднялъ бѣдняка на смѣхъ, что конечно онъ на долгое время закаялся даже и смотрѣть на медъ.

Вскорѣ въѣхалъ въ аулъ, сопровождаемый свитою, самъ начальникъ отряда и, объѣзжая ряды нашего и Кабардинскаго баталіоновъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ насъ за молодецкое дѣло.

Всѣ были необыкновенно оживлены. Особенныхъ потерь оплакивать не приходилось, такъ что ничто не отравляло въ эту минуту наше веселое расположеніе. Сама природа, какъ бы дѣйствуя съ нами заодно, приняла участіе въ общемъ весельи: пороховой дымъ разсѣялся, изъ-за перламутровыхъ тучекъ выглянуло солнышко и косыми золотистыми лучами освѣтило наши отдыхающія кучки.

Послѣ кратковременнаго отдыха, обоимъ нашимъ баталіонамъ отдано приказаніе поджечь аулъ со всѣхъ концовъ, для чего, по принятому обычаю, розданы были людямъ на руки палительныя свѣчи. Окончивъ истребленіе аула, баталіоны наши возвратились къ главному отряду и весело расположились на ночлегъ.

Мы были героями дня. Дѣло вышло дѣйствительно молодецкое; словомъ: бенефисъ удался вполнѣ.

Въ этомъ же родѣ дѣла, чередуясь, продолжались въ теченіи всей экспедиціи.

XII.

По окончаніи военныхъ дѣйствій на Джалкѣ, отрядъ занялся въ другихъ мѣстностяхъ рубкою лѣса и поправленіемъ дорогъ, въ концѣ Января 1855 года снова сосредоточился у крѣпости Грозной, и вскорѣ каждая часть, входящая въ составъ онаго, получила приказаніе возвратиться во свояси. 3-й нашъ баталіонъ возвратился въ Самашкинскую станицу, населеніе которой устроило намъ самую торжественную встрѣчу, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нашимъ баталіономъ возвратилось до ста человѣкъ изъ ея обывателей, которые вмѣстѣ съ нами совершали экспедиціи. Первые дни, конечно, были посвящены Кахетинскому, *чихирю* и радостнымъ разговорамъ при встрѣчѣ съ старыми *кунаками*. Мало по малу все успокоилось, и жизнь потекла по прежнему.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля баталіонъ нашъ тронулся по направленію въ Ассинскую станицу, за 18 верстъ отъ прежняго мѣста, составляющую укрѣпленный пунктъ нашей боевой линіи. Вообще, тревоги въ то время были часты по всей Сунджeнской линіи: рѣдко проходила недѣля, чтобы не было два или три случая. То гдѣ нибудь вдали покажется конная партія, хищники нападутъ на проѣзжающій конвой; то, наконецъ, подъ самыми воротами станицы стараются отбить табуны и взять въ плѣнъ пастуховъ. Сигнальная оружейная пальба шла безпрерывно. Если по всей мѣстности тревоги были часты, то въ Ассинской станицѣ они были чуть-ли не ежедневны. Станица отстояла отъ непріятельскихъ мѣстностей всего на какихъ-нибудь 6 или 7-ми верстъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея тянулись непроходимые лѣса, гдѣ то и дѣло шныряли небольшія непріятельскія партіи.

Простоя въ Ассинской станицѣ дня два, Баженовъ получилъ назначеніе принять командованіе надъ отдѣльнымъ отрядомъ, состоящимъ изъ нашего 3-го баталіона, дивизіона артиллеріи и 200 казаковъ, выдвинуться впередъ верстъ на 12 и, хорошенько избравъ мѣстность, заложить передовой редутъ. На другой день мы двинулись и, сдѣлавъ небольшой 12 верстный переходъ, остановились на ружейный выстрѣлъ отъ опушки большаго лѣса, который на глубину 5-ти или 6-ти верстъ насъ отдѣлялъ отъ значительныхъ непріятельскихъ ауловъ. Такъ какъ мѣстность, гдѣ мы остановились лагеремъ, была довольно возвышенна, хорошо обозрѣвала окрестность, да притомъ тутъ же находился источникъ ключевой воды, то рѣшено здѣсь же заложить будущее укрѣпленіе. Неудобство близости непріятельскаго лѣса съ избыткомъ окупалось другими преимуществами мѣстности, и потому, вскорѣ по прибытіи нашемъ, приступлено было къ первоначальнымъ работамъ.

Работы мало по малу подвигались. Мы за это время какъ бы сжились съ новою мѣстностью, и время шло своимъ порядкомъ. По-

нятно, что столь близкое разстояніе отъ непріятеля заставляло, какъ говорится, держать ухо остро. На ночную караульную службу было обращено особенное вниманіе. Кромѣ обыкновенной ночной цѣпи, наряжались отдѣльные передовые секреты, и каждую ночь назначалась дежурная часть, люди которой спали совершенно одѣтые и вооруженные, при первомъ выстрѣлѣ вставали на ноги, и выстраивались въ боевой порядокъ. Непріятель часто пошаливалъ. Молодежъ его ауловъ часто, для препровожденія времени, небольшими кучками перебиралась черезъ лѣсъ, занимала здѣсь и тамъ опушки онаго и перестрѣливалась съ нашимъ передовымъ пикетомъ. Это они обыкновенно совершали по утрамъ, въ видѣ утренней прогулки; но бывали случаи, что они возобновляли себѣ это удовольствіе и по нѣскольку разъ въ день. Когда они надоѣдали, то противъ нихъ высылалась дежурная часть, и хотя бывали случаи, что они и въ лѣсу продолжали съ ней весьма оживленную перестрѣлку, но, бòльшею частью, при появленіи ея, уходили по-добру и по-здорову во свояси.

Мы, юнкера 3-го баталіона, по прежнему продолжали дежурить по баталіону и лагерю; но такъ какъ насъ набралось слишкомъ много, потому что вся молодежъ того времени просилась въ 3-й баталіонъ къ Баженову, то служба для насъ была весьма легка, и отъ избытка празднаго времени между нами пошли разныя проказы и шалости, на которыя насъ постоянно подбивалъ конечно Языковъ.

Баженовъ видя, что его птенцы (такъ онъ выражался) не на шутку расходились съ жиру, приказалъ намъ назначить по утрамъ въ видѣ исправленія шереножное ученіе, надзоръ за которымъ поручилъ баталіонному адъютанту.

Нѣкоторые изъ насъ сначала стали манкировать этимъ ученьемъ, думая, что это сойдетъ съ рукъ, но такъ какъ виновные въ неисполненіи приказанія баталіоннаго командира очутились арестованными на трое сутокъ на передовомъ пикетѣ (что̀ было не только что очень скучно, но даже не совсѣмъ и безопасно), то, volens-nolens, мы должны были покориться нашей горькой участи и нѣсколько часовъ по-утрамъ проводили въ изученіи всѣхъ ружейныхъ пріемовъ и маршировки.

Баженовъ для своихъ юнкеровъ былъ истинный отецъ, хотя всегда строго взыскивалъ за всякую небрежность по службѣ. Когда, бывало, кто нибудь изъ насъ къ нему является и сконфуженнымъ тономъ, переминаясь съ ноги на ногу, начинаетъ дальній разговоръ про нужды и что не понимаетъ, какъ онъ изъ Россіи не получаетъ писемъ.... то обыкновенно Баженовъ перебьетъ словами: «Безъ предисловій!... Сколько вамъ?»... и всегда выдавалъ просимыя суммы, предварительно от-

мѣтивъ въ своей записной книжкѣ обѣщанный срокъ отдачи. Когда же (что впрочемъ случалось довольно часто) ему въ обѣщанный срокъ не возвращали занятыя деньги, то онъ обыкновенно, проходя мимо подобнаго неисправнаго должника, лукаво прищуривалъ глазкомъ и закрывалъ съ его стороны лицо свое ладонью, какъ бы показывая, что ему самому за него стыдно, или проговаривалъ въ полголоса, какъ бы смотря совершенно въ противуположную сторону: стыдновато, стыдновато!....

XIII.

Въ началѣ Іюня прибылъ въ нашъ отрядъ баронъ Вревскій, приказалъ намъ сняться съ лагеря, пріостановивъ временно работы, и двинулъ насъ по направленію Валерика, гдѣ ожидалъ другой отрядъ въ большихъ силахъ и гдѣ предполагалось встрѣтиться съ большимъ непріятельскимъ скопищемъ, подъ начальствомъ Саибъ-Дулы, одного изъ любимѣйшихъ наибовъ Шамиля. Впрочемъ, ничего путнаго изъ этого движенія не вышло; натолкнулись гдѣ-то на шайку оборванцевъ, было пущено нѣсколько оружейныхъ выстрѣловъ, завязалась на полчаса небольшая перестрѣлка, и этимъ все движеніе ограничилось. Вслѣдъ затѣмъ отрядъ нашъ снова раздвоился; нашъ баталіонъ пошелъ назадъ на прежнія работы, а остальныя войска разошлись каждый во свояси.

Нѣсколько дней спустя, по возвращеніи изъ этой небольшой экспедиціи, въ лагерѣ, я помню, произошелъ слѣдующій случай. Въ одну тихую и лунную ночь пробрался къ намъ изъ сосѣдняго лѣса какимъ-то образомъ медвѣдь. Пройдя незамѣтно между звѣномъ часовыхъ, Мишенька направилъ свои стопы въ самую середку лагеря и преспокойно улегся недалеко отъ палатки Баженова. Тутъ, по близости, расположена была обозная коновязь. Кони стали тревожно фыркать и безпокойно на мѣстѣ семенить копытами. Дежурный фурштатъ никакъ не могъ объяснить себѣ причину ихъ безпокойства и поднялъ товарищей. Людской говоръ разбудилъ цѣлую кучу собакъ, спавшихъ у фургона. Вскочивши на ноги, они почуяли краснаго звѣря и съ лаемъ бросились по его направленію. Потревоженныя въ своемъ снѣ, Мишенька всталъ на дыбы и заревѣлъ благимъ матомъ. Перепуганныя лошади шарахнулись въ сторону и, сорвавшись съ коновязи, разскакались по всему лагерю. Гдѣ-то раздался какой-то выстрѣлъ; дежурный барабанщикъ забилъ тревогу, и весь отрядъ вскочилъ на ноги. Ошалѣвшему со страха Мишкѣ, сопровождаемому стаей лагерныхъ собакъ, удалось невредимо вырваться изъ лагеря и благополучно ретироваться во свояси.

Работы подвигались; укрѣпленія почти-что были окончены: это былъ небольшой, но чрезвычайно прочно выстроенный редутъ; ровъ

имѣлъ до 3-хъ сажень ширины и до 4-хъ глубины; валъ возвышался надъ уровнемъ земли еще на 3 сажени, такъ что вся стѣна укрѣпленія имѣла отъ дна рва до верхушки вала 7 сажень. По косогору своему валъ былъ защищенъ крѣпкимъ частоколомъ. Для безопасности гарнизона былъ устроенъ подъемный, на цѣпяхъ, мостъ. Самая внутренность укрѣпленія вмѣщала въ себѣ небольшую оборонительную казарму примѣрно человѣкъ на 100, и тутъ же находился крошечный въ 2 комнатки офицерскій домикъ; по двумъ діагональнымъ угламъ четырехъ-угольнаго укрѣпленія были устроены двѣ полукруглыя батареи, защищенныя турами и фашинами. Надъ единственными воротами укрѣпленія, выходящими на подъемный мость, была устроена крытая вышка для часоваго. Гарнизону предполагалось держаться въ этомъ укрѣпленіи въ слѣдующимъ составѣ: одна полурота пѣхоты, подъ начальствомъ офицера (онъ же и комендантъ укрѣпленія) и артиллерійская команда, подъ начальствомъ фейрверкера при двухъ крѣпостныхъ орудіяхъ, назначаемыхъ по одному на каждую батарею.

Цѣль этого укрѣпленія была исключительно сторожить передовую линію. Понятно, по своей малочисленности, гарнизонъ самостоятельно предпринять ничего не могъ. Единственною его задачею было, при видѣ непріятеля, условнымъ числомъ выпущенныхъ выстрѣловъ, давать знать на передовую линію о численности непріятельскихъ партій; въ случаѣ же явнаго нападенія на укрѣпленіе, гарнизонъ былъ обезпеченъ всѣми средствами до прибытія къ нему помощи. Ближайшая станица Ассинская находилась всего въ 12 верстахъ, да при томъ еще близъ этой мѣстности войска стояли постоянно лагеремъ, такъ что положеніе маленькаго гарнизона нельзя сказать чтобы было опасно. Укрѣпленіе получило названіе Новаго Очхоя, въ память когда-то существовавшаго близъ этой мѣстности другаго Стараго Очхоя. Судьба этого укрѣпленія мнѣ неизвѣстна, такъ какъ вскорѣ я покинулъ эти мѣста.

XIV.

Нѣсколько спустя послѣ посѣщенія медвѣдемъ нашего лагеря, случилась другая тревога, на этотъ разъ посерьезнѣе, имѣвшая для весьма многихъ самый трагическій исходъ. Ежедневно обыкновенно наряжалась команда человѣкъ въ 70, подъ начальствомъ офицера, въ ближайшій лѣсъ для рубки необходимаго для крѣпостныхъ работъ хвороста. Команда эта обыкновенно выступала изъ лагеря рано утромъ, проводила въ лѣсу весь день, тамъ и обѣдала, для чего увозила, по обыкновенію, котлы и передъ заходомъ солнца возвращалась въ лагерь, забравъ съ собой повозки съ лѣснымъ матеріаломъ.

Въ послѣднихъ числахъ Іюня, команда подъ начальствомъ одного изъ нашихъ юнкеровъ, отправилась по обыкновенію въ лѣсъ. Въ этотъ

день дежурнымъ по баталіону и лагерю былъ я. Обошедши всѣ посты и пикеты, я возвратился въ свою палатку, пообѣдалъ и лежа, на кровати, спокойно покуривалъ только что скрученную папиросу. Вдругъ выстрѣлъ... другой... третій, и мгновенно всѣ наши посты и пикеты начали оживленную перестрѣлку.

Я выскочилъ изъ палатки, выбѣжалъ на передовой фасъ лагеря и остановился какъ вкопанный, глазамъ своимъ не вѣря: густыя массы коннаго и пѣшаго непріятеля наступали на лагерь со стороны поляны. Моментально весь отрядъ былъ на ногахъ; ударили тревогу, весь отрядъ вскочилъ на ноги и выстроился. Баталіонный адъютантъ подпоручикъ Щ., собравъ наскоро свою штуцерную команду, бѣгомъ пустился на встрѣчу непріятеля и, остановившись отъ него на разстояніи 500—600 шаговъ, разсыпалъ своихъ стрѣлковъ цѣпью, съ намѣреніемъ, по возможности, задержать его наступленіе. Артиллеристы хлопотали около своихъ орудій. Ротные командиры выстраивали свои части и подготовлялись къ бою. Вскорѣ показался Баженовъ. Онъ осмотрѣлъ позицію и, съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ и вѣрностью взгляда, тотчасъ же смекнулъ, въ чемъ дѣло. Какъ теперь помню, обратясь къ намъ, онъ воскликнулъ: «это отводъ глазъ!» и вслѣдъ затѣмъ отдалъ приказаніе дежурной ротѣ насколько возможно спѣшнѣе бѣжать въ лѣсъ на выручку находящейся тамъ команды. Быстрое предположеніе А. А. оправдалось вполнѣ. Нападеніе съ поля было дѣйствительно отводомъ глазъ. Непріятель никогда въ то время на Кавказѣ не рѣшался нападать на насъ въ открытомъ полѣ. Исключенія были весьма рѣдкія. Горцы всегда избѣгали встрѣчи съ нашими штыками и оказывали должное уваженіе картечнымъ залпамъ нашей артиллеріи.

На этотъ разъ дѣло заключалось вотъ въ чемъ: сильная непріятельская партія, преимущественно конная, подъ начальствомъ того самаго наиба Саибъ-Дулы, котораго мы довольно безуспѣшно преслѣдовали мѣсяцъ назадъ, вышедши въ двухъ верстахъ отъ нашего лагеря изъ лѣса, сдѣлала по открытому полю диверсію съ той стороны лагернаго фаса, которая была туда обращена, чтобы привлечь на себя вниманіе всего отряда, но держася отъ него въ довольно почтительномъ разстояніи въ сферѣ тогдашняго ружейнаго огня.

Одновременно съ этой партіей дѣйствовала и другая—пѣшая, какъ впослѣдствіи опредѣлили, въ 800 человѣкъ. Вотъ эта-то партія и предназначена была для настоящаго удара. Узнавъ подробно отъ своихъ лазутчиковъ всѣ обычаи и привычки нашего отряда и зная, что въ лѣсу находилась небольшая команда, всего человѣкъ въ 70, она тихонько, какъ только горцы умѣютъ это дѣлать, къ ней подкралась (якъ кошка, какъ выражались потомъ уцѣлѣвшіе солдаты) и, выбравъ са-

мую удачную минуту, когда люди послѣ обѣда расположились на отдыхъ, внезапно со всѣхъ сторонъ бросилась на нихъ въ шашки. Маневръ этотъ, увы! вполнѣ удался непріятелю. Прежде чѣмъ наша команда могла опомниться и встать въ ружье, люди поодиночно были всѣ истреблены. Прибѣжавшая на выручку дежурная рота застала почти только одни изрубленные и уже до-гола обобранные непріятелемъ трупы. Изъ всей команды спаслась самая незначительная часть, примѣрно человѣкъ до 10-ти, но въ томъ числѣ и юнкеръ, который былъ за старшаго. Понятно, что всѣ наши повозки и казенные кони были загнаны непріятелемъ. Дежурная рота немедленно дала знать въ лагерь. Посланы были въ лѣсъ новыя подводы, и солнце не успѣло еще зайти, какъ изъ-за опушки показалась возвращаяся дежурная рота, конвоирующая печальную вереницу фургоновъ, переполненныхъ трупами и тяжело ранеными.

Грустно всѣмъ намъ было въ эту памятную ночъ: стоны раненыхъ и умирающихъ разносились по всему лагерю, и почти никто изъ насъ глазъ не сомкнулъ. Каждый давалъ изъ своего бѣлья необходимый матеріалъ для бинтовъ, потребовавшійся внезапно въ такомъ большомъ количествѣ, и вообще всѣ старались помогать раненымъ, кто чѣмъ могъ.

Баженовъ сильно былъ пораженъ происшедшимъ. Дня два спустя, хоронили убитыхъ въ одну общую могилу, и я самъ видѣлъ, какъ, при опусканіи тѣлъ, онъ, стоя безъ шапки, рыдалъ навзрыдъ. Благородное сердце его долго не могло успокоиться, и онъ видимо всѣ послѣдующіе дни терзалъ себя внутреннимъ вопросомъ: не виноватъ-ли онъ чѣмъ либо въ этомъ? Но, впрочемъ, напрасно онъ себя такъ мучилъ. По моему, онъ ни въ чемъ виноватъ не былъ. Всѣ обыкновенныя предосторожности были взяты: даже, я помню, команда забрала съ собою нѣсколько ротныхъ собакъ. Но даже чутье умныхъ животныхъ не могло открыть близость непріятеля: такъ онъ тихо подкрался. На то и война! Гдѣ рубятъ лѣсъ, понятно, летятъ и щепки; всего предугадать и предусмотрѣть человѣкъ не въ силахъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ прискорбнаго дѣла, прибылъ въ лагерь начальникъ Унджинской линіи, во главѣ отряда, изъ кавалеріи, 2-й роты 3-го батальона. Наша 3-я гренадерская присоединилось къ нему, и насъ куда-то двинули въ глубь лѣса, для разоренія и наказанія того непріятельскаго аула, изъ котораго, какъ предполагали, двинулась на насъ шайка Саибъ-Дулы.

Но предполагаемая *vendetta* намъ также не удалась, какъ и движеніе барона Вревскаго, мѣсяцъ тому назадъ. Предупрежденный во время, непріятель успѣлъ спокойно собрать все свое семейство, всѣ

свои пожитки и удалился въ глубь страны, такъ что, когда мы прибыли къ аулу, то застали только пустыя стѣны и небольшую шайку отчаянныхъ Абрековъ, оставшихся единственно для того чтобы доставить себѣ удовольствіе занять насъ перестрѣлкой.

XV.

Вскорѣ затѣмъ, примѣрно въ серединѣ Сентября, ожидая со дня на день производства въ офицеры, я отпросился у Баженова въ штабъ-квартиру полка, къ которому я имѣлъ намѣреніе прикомандироваться до моего производства, а къ тому времени исподоволь подготовить себѣ необходимую экипировку. Баженовъ взявъ съ меня обѣщаніе, что куда бы я ни былъ произведенъ, передъ отправленіемъ къ новому мѣсту служенія, я пріѣхалъ бы на линію проститься съ 3-мъ баталіономъ.

Прибывъ во Владикавказъ и устроивъ свое прикомандированіе къ штабу, я поселился на Навагинскомъ форштатѣ, на одной квартирѣ съ двумя Навагинскаго полка юнкерами. Одинъ изъ нихъ Э. умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, состоя въ должности адъютанта при начальникѣ Владикавказскаго отдѣла. Другой Ц. донынѣ здравствуетъ и проживаетъ себѣ въ Москвѣ отцомъ многочисленнаго семейства. Э. былъ замѣчательный артистъ на віолончели, участвовалъ въ то время въ разныхъ концертахъ, устраиваемыхъ въ городѣ, и нерѣдко услаждалъ нашъ слухъ своею превосходною игрою. Такимъ образомъ провелъ я три мѣсяца, спокойно отдыхая послѣ походныхъ и лагерныхъ трудовъ, пока не узналъ, что высочайшимъ приказомъ отъ 13 Ноября я былъ произведенъ въ офицеры, съ переводомъ въ одинъ изъ резервныхъ полковъ, находившихся въ то время въ составѣ южной арміи.

Поѣхавъ на линію, я простился съ Александромъ Алексѣевичемъ и всѣмъ 3-мъ батальономъ, и въ Декабрѣ 1855 года выѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія.

XVI.

Осенью 1860 года я снова очутился на Кавказѣ, уже въ Тверскомъ драгунскомъ полку, штабъ-квартира котораго находилась на правомъ флангѣ въ одной изъ станицъ нынѣшней Кубанской области.

Перемѣнъ за пять лѣтъ моего отсутствія я нашелъ множество. Все, что было тогда знатной молодежи, стремилось подъ начальство князя Барятинскаго. Кавказскій корпусъ былъ переименованъ въ Кавказскую армію и увеличенъ всѣми войсками, пришедшими изъ Россіи въ минувшую Крымскую кампанію. Столь грозный для насъ пять лѣтъ тому назадъ Шамиль спокойно проживалъ въ это время въ Калугѣ; большинство его мюридовъ и наибовъ были перебиты, а оставшіеся въ живыхъ изъявили нашему правительству совершенную покорность.

Ведень—это грозное гнѣздо его могущества, пять лѣтъ тому назадъ считавшееся до такой степени неприступнымъ, что если бы кто въ разговорѣ дерзнулъ пророчить его скорое паденіе, то надъ нимъ разсмѣялись бы въ глаза,—еще въ 1859 году штурмомъ былъ взятъ колонною подъ начальствомъ полковника А. А. Баженова и нынѣ служилъ штабъ-квартирою Куринскаго пѣхотнаго полка.

Въ вооруженіи нашей арміи я засталъ тоже большія перемѣны. Кремневыя ружья, которыми прежде были снабжены войска, передѣланы въ нарѣзныя-ударныя, и горцы, столь еще недавно гнушавшіеся нашимъ ружейнымъ огнемъ, нынѣ стали оказывать нашему оружію уваженіе, а прежнія удалыя джигитовки лихихъ ихъ наѣздниковъ на близкомъ разстояніи цѣпи или сомкнутаго строя, если еще не совсѣмъ прекратились, то съ каждымъ днемъ становились рѣже и рѣже.

На лѣвомъ флангѣ дѣла считались уже оконченными, и все вниманіе тогдашняго начальства было устремлено на правый флангъ, гдѣ нѣкоторыя племена намъ оказывали упорное сопротивленіе.

Старинные наши пріятели-враги Чеченцы, Тавлинцы, Лезгины уже болѣе не встрѣчались, и взамѣнъ ихъ намъ приходилось имѣть дѣло съ племенами: Аббадзехами, Убыхами, Шапзухами и пр.

Войскъ на правомъ флангѣ было стянуто множество, и хотя непріятель оказывалъ иногда самое упорное сопротивленіе, но вообще ходъ нашихъ дѣйствій былъ самый успѣшный.

Пять лѣтъ тому назадъ на Кавказѣ существовалъ только одинъ полкъ кавалеріи: Нижегородскій драгунскій. По окончаніи Крымской кампаніи, онъ былъ раздѣленъ на двѣ части, изъ коихъ первая сохранила древнее названіе Нижегородцевъ, а вторая переименована въ Сѣверскій драгунскій полкъ.

Два другіе драгунскіе полка, пришедшіе въ то время изъ Россіи— Тверскій и Переяславскій, были къ нимъ присоединены и совокупно составили сводно-Кавказскую драгунскую дивизію, штабъ-квартира коей находилась въ Ставрополѣ. Драгунская наша дивизія въ то время просто выкидывала чудеса. Она наводила такой паническій ужасъ на непріятеля лихими своими атаками, что слава о ней далеко распространилась среди вражескихъ племенъ праваго фланга, а подъ конецъ непріятель не смѣлъ даже принимать отъ нея боя, и стоило гдѣ либо показаться драгунскому эскадрону, чтобы заставить его поспѣшно ретироваться.

Лѣтомъ 1861 года мнѣ пришлось принять участіе въ одной экспедиціи подъ начальствомъ генерала Бабича, цѣль которой заключалась, проникнувъ въ глубь непріятельской страны по старой заброшенной дорогѣ, такъ называемой Вельяминовской (по которой шелъ генералъ

Вельяминовъ въ 1830 г.) выйдти къ берегу Чернаго моря и занять бывшее наше укрѣпленіе Геленджикъ, который въ числѣ другихъ былъ заброшенъ нами во время Крымской кампаніи. Движеніе это удалось вполнѣ. Старавшійся преградить намъ путь непріятель изъ разныхъ смѣшанныхъ племенъ, между которыми преобладалъ элементъ Шапшугскій былъ, въ неоднократныхъ стычкахъ опрокинутъ и разсѣянъ, и конечная цѣль нашего движенія. Геленджикъ, послѣ предварительнаго горячаго и кровопролитнаго боя, былъ нами занятъ.

По окончаніи экспедиціи, я отпросился на воды въ Пятигорскъ и здѣсь къ неожиданной моей радости встрѣтился съ А. А. Баженовымъ.

Въ теченіе нашей разлуки, Баженовъ, все время находясь въ безпрерывныхъ походахъ и бояхъ, быстро поднимался по службѣ. Въ это время онъ успѣлъ получить слѣдующія награды, всѣ безъ исключенія за отличія въ дѣлахъ противъ непріятелей: неоднократныя высочайшія благоволенія, знаки отличія безпорочной службы за XV и XX лѣтъ, орденъ Св. Станислава 2-й степени съ Императорской короной и мечами, чинъ полковника, орденъ Св. Владимира 3-й степени съ мечами, бантъ на имѣющійся орденъ Св. Георгія 4-й степени, за выслугу XXV лѣтъ, за молодецкій штурмъ и взятіе Веденя 1 Апрѣля 1859 г., назначеніе командиромъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, чинъ генералъ-маіора и наконецъ орденъ Св. Станислава 1-й степени съ мечами.

Когда я встрѣтился съ нимъ, онъ уже сдалъ командованіе Тенгинскимъ пѣхотнымъ полкомъ и, числясь по армейской пѣхотѣ, состоялъ при Кавказской арміи.

Онъ въ это время собирался въ отпускъ въ Москву и съ радостными слезами на глазахъ читалъ мнѣ письмо своей матери, въ которомъ она, между прочимъ писала: «Покажись же, другъ Саша, скорѣе на глаза; дай мнѣ посмотрѣть, что ты тамъ за генералъ такой?» Такъ какъ я самъ имѣлъ въ виду въ то время ѣхать въ Москву, то мы съ нимъ разстались, сказавъ другъ другу: до скораго свиданія. И дѣйствительно, вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, мы выѣхали съ Кавказа въ Россію и въ Октябрѣ мѣсяцѣ снова сошлись въ Москвѣ.

Въ началѣ Ноября онъ возвратился на Кавказъ, не успѣвъ, несмотря на все свое краснорѣчіе, убѣдить старушку слѣдовать за нимъ. На всѣ его усиленныя мольбы и просьбы переѣхать во Владикавказъ, гдѣ онъ брался ее окружить всевозможнымъ вниманіемъ и удобствами жизни, старушка неуклонно твердила одно и то же: «гдѣ прожила свой вѣкъ, тамъ и умру». Радуясь успѣхамъ своего сына, она принимала отъ него денежное пособіе въ весьма ограниченномъ количествѣ и ни за что и ни въ чемъ не захотѣла измѣнить свой всегдашній образъ жизни.

Послѣ отъѣзда сына Екатерина Ивановна, точно сознавая что вся ея земная задача окончена, слегла въ постель, проболѣла недѣли двѣ и тихо отошла въ лучшій міръ, устремивъ свои потухающіе глаза на портретъ сына, висящій надъ ея кроватью. Баженовъ узналъ о ея кончинѣ, уже пріѣхавши во Владикавказъ. Одинъ общій мой знакомый, пославъ ему это грустное извѣстіе, показывалъ потомъ мнѣ его отвѣтное письмо; весь тонъ его былъ таковъ, что видно было, что оно писано было человѣкомъ находящимся подъ чувствомъ и гнетомъ невообразимой скорби; между прочимъ, какъ теперь помню, встрѣчалась слѣдующая трогательная фраза: «ну, къ чему я теперь и зачѣмъ?!» Заслуженный боевой Кавказскій генералъ чувствовалъ себя въ эти минуты беззащитнымъ сиротой.

Въ слѣдующемъ 1862 году я покончилъ свою военную службу, подалъ въ отставку и осенью выѣхалъ за границу, гдѣ прожилъ долгіе годы.

Откомандовавъ 20-й пѣхотной дивизіею, Баженовъ отчислился по армейской пѣхотѣ и запаснымъ войскамъ и осенью 1868 года прибылъ въ Москву, гдѣ и водворился на жительство.

«Русскому человѣку Москвы не миновать», говаривалъ онъ. Въ Москвѣ онъ родился, къ ней, въ теченіи всей жизни своей, стремился мыслями и сердцемъ, и въ ней предопредѣлено было ему окончить дни свои.

Въ Москвѣ Баженовъ устроилъ свою жизнь, также какъ и на Кавказѣ, сохранивъ тѣже привычки и почти также распредѣливъ всѣ часы дня.

Вставалъ онъ обыкновенно рано, въ 6 часовъ и отправлялся гулять. Часовъ въ 8 возвращался домой и пилъ чай, затѣмъ садился за письменный столъ, читалъ газеты и занимался перепискою. Въ этомъ положеніи обыкновенно и заставали его всѣ приходившіе къ нему утромъ. Кто не помнитъ его постоянно привѣтливаго и ласковаго пріема? Всегда спокойный и веселый духомъ, онъ какъ-то успокоительно-отрадно дѣйствовалъ на каждаго, говорившаго съ нимъ. Его простая, здравая, осмысленная Русская рѣчь, чуждая всякаго паѳоса и эффектныхъ выраженій, но за то всегда дышущая правдивостью, слушалась съ особеннымъ удовольствіемъ. Покойный Баженовъ былъ изъ числа тѣхъ (къ сожалѣнію весьма немногихъ) людей, которые со словомъ обращаются честно и осторожно, глубоко сознавая ту истину что опрометчивое слово, подчасъ для чужаго ума, можетъ служить посѣвомъ мысли ложной или вредной. Въ наше грустное время, когда не только что изустное слово, но и печатное, часто служитъ проводникомъ заблужденія, а подъ часъ и явно сознательной лжи, подобные люди поневолѣ вспоминаются и цѣнятся.

Въ часъ пополудни, Баженовъ опять выходилъ гулять или дѣлалъ визиты и возвращался домой обыкновенно къ 3-мъ, и въ началѣ 4-го садился обѣдать. Впослѣдствіи, когда онъ записался въ члены Англійскаго Клуба, онъ почти ежедневно сталъ обѣдать въ Клубѣ, наблюдая крайнюю воздержность. Субботніе тамошніе обѣды онъ не долюбливалъ. «Просто грѣшно такъ много ѣсть», говаривалъ онъ, бывало. Вообще въ теченіи всей жизни онъ былъ крайне воздерженъ относительно ѣды и питья. Превосходная библіотека Московскаго Англійскаго Клуба удовлетворяла его живой любознательности. Читалъ онъ чрезвычайно много, забирая къ себѣ книги на домъ или проводя цѣлые часы въ газетной комнатѣ.

Баженовъ очень любилъ спектакли, и почти всѣ вечера проводилъ въ театрѣ. Такъ какъ нашъ театральный репертуаръ довольно бѣденъ, то я, помню, часто надъ нимъ, въ этомъ отношеніи, подшучивалъ, удивляясь его терпѣнію смотрѣть нѣсколько разъ сряду однѣ и тѣже піесы. Когда грянула война 1877 года, Баженовъ рѣшилъ, что грѣшно веселиться, когда проливается Русская кровь, и далъ себѣ слово, до окончанія войны, ни разу не посѣщать театра, и конечно сдержалъ данное себѣ слово. Годовой же свой театральный расходъ, въ размѣрѣ 500 р., онъ пожертвовалъ въ пользу Краснаго Креста.

Наканунѣ каждаго праздника, Баженовъ непремѣнно бывалъ у всенощной. У него чувство любви къ православной церкви и къ своей родинѣ было однимъ общимъ чувствомъ. Онъ никогда не допускалъ возможности раздѣла между ними.

Разъ, на вопросъ мой: почему онъ всегда бываетъ у всенощной, а иногда пропускаетъ обѣдню, онъ мнѣ отвѣчалъ, что покойная мать его съ дѣтства пріучила его всегда соблюдать канунъ каждаго праздника. Ѣздилъ онъ всегда въ университетскую церковь, пресвитеръ которой, отецъ Сергіевскій, былъ его духовникомъ.

По Субботамъ, по возвращеніи отъ всенощной, у него всегда собирался небольшой кругъ знакомыхъ, преимущественно Кавказскихъ сослуживцевъ, и садились играть въ лото. Это лото въ Москвѣ возобновлено было въ память лото на Кавказѣ, которое услаждало наши вечера на Сунжинской линіи въ то время, когда еще А. А. командовалъ 3-мъ баталіономъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Играли весьма умѣренно. Рѣдко кончалась игра болѣе 10-и или 15-и р. розницы. Съ каждой квинты откладывалось въ лото по нѣскольку копѣекъ, такъ что подъ конецъ собиралась нѣкоторая сумма, и лото имѣло свою собственную кассу. Въ началѣ 50-хъ годовъ на эти деньги, я помню, была выписана цѣлая библіотека для офицеровъ 3-го баталіона. Касса Московскаго лото предназначалась на разныя благотворительныя дѣла, а

иногда на какое нибудь общее удовольствіе; такъ напр. я помню, что когда въ началѣ 1874-го года, я возвратился въ Москву изъ Хивинскаго похода, то по общему соглашенію всѣхъ субботниковъ (какъ мы другъ друга называли) участники лото чествовали меня обѣдомъ въ гостинницѣ Эрмитажѣ. По кончинѣ Баженова кончило свое существованіе и лото. Какъ мы потомъ ни старались его возобновить, ничего изъ этого не вышло. Души нашего кружка не стало, и самый кружокъ навсегда разсыпался....

Съ наступленіемъ лѣта Баженовъ обыкновенно уѣзжалъ мѣсяца на 3 на 4 либо на Кавказскія воды, либо въ Крымъ. Слугѣ своему Иванченкѣ скажетъ бывало: такого-то числа, въ такомъ-то мѣсяцѣ, буду назадъ, и тотъ такъ прямо и ѣхалъ встрѣчать его на желѣзную дорогу.

Въ числѣ многихъ качествъ покойнаго, особенно выдающейся чертою его характера была прочность его отношеній съ кѣмъ-бы то ни было. Разъ познакомившись съ человѣкомъ, онъ всю жизнь съ участіемъ слѣдилъ за его судьбою. Въ 50-хъ годахъ отошелъ отъ него въ безсрочный отпускъ бывшій его казенный деньщикъ Лапинскій (уроженецъ западныхъ губерній). До самой кончины своей Баженовъ съ нимъ переписывался. Какъ теперь вижу передъ собою нѣкоторыя письма Лапинскаго со всегдашнимъ адресомъ: «Его благородію анералу-лейтенанту Баженову». А. А. тотчасъ-же ему бывало отвѣчаетъ, съ сердечнымъ участіемъ взойдетъ во всѣ подробности его житья-бытья, дастъ ему нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, а подъ часъ, вѣроятно, дѣло не обходилось и безъ денежнаго вспомоществованія. Добра покойный Александръ Алексѣевичъ дѣлалъ очень много. При жизни его никто ничего не зналъ, а по кончинѣ его оказалось, что цѣлая четвертая часть его скромнаго достатка шла на разныя пенсіи, и т. п.

Выдающимся событіемъ послѣднихъ лѣтъ жизни Баженова была высочайшая къ нему милость въ день столѣтней годовщины учрежденія ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. По особенному ходатайству покойнаго фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, всегда высоко цѣнившаго боевыя заслуги Баженова, Государь Императоръ собственноручно (А. А. былъ въ тѣ дни въ Петербургѣ) возложилъ на него орденскіе знаки 3-й степени, въ награду за его боевую дѣятельность въ теченіи его 30-и лѣтней службы на Кавказѣ. До того еще Баженовъ имѣлъ Георгія за 25 лѣтъ, и Георгія 4-й ст. за мужество и храбрость, оказанную при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго аула Ведень.

Прискорбныя событія, омрачившія за послѣдніе годы жизнь всего Русскаго народа, разрушительно подѣйствовали какъ на состояніе духа, такъ и на самое здоровье Баженова. Его впечатлительное сердце сильно скорбѣло отъ ложнаго направленія, даннаго современнымъ образова-

ніемъ Русской молодежи, и онъ съ какимъ-то ужасомъ относился къ духу невѣрія. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ часто повторялъ слова: «Совсѣмъ безотрадно жить становится». За четыре дня до его кончины мы были съ нимъ вмѣстѣ въ Англійскомъ Клубѣ, и хотя онъ и жаловался на стѣсненіе въ груди и на одышку, но кто могъ тогда предвидѣть, что такъ близокъ конецъ его? Мѣсто его воспитанія, Московская первая военная гимназія, готовилась къ празднованію столѣтняго своего юбилея. Съѣхались въ Москву школьные товарищи Баженова, и онъ долженъ былъ украсить собою этотъ праздникъ. За два дни до него, 22-го Ноября 1878-го года, послѣ трехъ-дневной болѣзни, А. А. Баженова не стало.

Вѣчная память этой честной, благородной и любящей душѣ!

ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

(Изъ автобіографическихъ разсказовъ бывшаго Кавказскаго офицера).

Зимою 1839 года, вслѣдъ за освобожденіемъ моимъ изъ плѣна у Черкесовъ, съ Кавказа я былъ призванъ въ Петербургъ по именному повелѣнію Государя — «для отдыха и для личнаго объясненія». Такъ значилось въ министерскомъ предписаніи, причемъ мнѣ было разрѣшено представить Государю Императору и освободителя моего Ногайскаго князя Тембулата Карамурзина. Не всѣ одинаково смотрѣли на мое дѣло, не ото всѣхъ удостоились мы съ Карамурзинымъ равно поощрительнаго привѣтствія. Генералъ Шубертъ, исправлявшій должность генералъ-квартирмейстера, непосредственный начальникъ мой, встрѣтилъ меня съ равнодушною важностью; военный министръ, тогда еще графъ, въ послѣдствіи князь Чернышевъ, и Клейнъ-Михель, позже пожалованный въ графы, удостоили выразить мнѣ свое одобреніе, не переступая однако за предѣлы форменной служебной внимательности. За то въ высшей степени благосклонно принялъ Государь Николай Павловичъ, да Русское общество почтило меня многочисленными доказательствами своего неподдѣльнаго сочувствія. Государь высоко оцѣнилъ мою послѣднюю Кавказскую путевую попытку, не столько по ея маловажному результату, сколько по готовности моей исполнить волю его, себя не жалѣя; впечатлительный же Русскій человѣкъ душою понялъ, что̀ я при этомъ долженъ былъ перенести, и, какъ водится, далъ своему чувству широкій разгулъ, причемъ самыя ощутительныя доказательства общественнаго сочувствія преимущественно выпадали на долю Карамурзина. По всей справедливости иначе быть не слѣдовало: въ моемъ дѣлѣ онъ былъ лицомъ дѣйствующимъ, я же занималъ второстепенное мѣсто чисто-страдательнаго участника въ нашемъ общемъ похожденіи. Кромѣ того и замѣчательно-красивый видъ этого статнаго Закубанца съ перваго взгляда располагалъ въ его пользу. Благодаря

ловкому обращенію, которое онъ на первыхъ же порахъ себѣ усвоилъ, принаравливаясь къ требованіямъ дотолѣ ему совершенно незнакомаго общества, его стали возить изъ дома въ домъ, угощать чаемъ по Русскому обычаю, кормить лакомствами и надѣлять разными подарками. Въ Москвѣ еще, гдѣ я принужденъ былъ его помѣстить въ гостинницѣ, самъ остановившись проѣздомъ въ домѣ у близкаго родственника, онъ однажды явился ко мнѣ съ золотыми часами на длинной цѣпочкѣ, которыхъ я прежде у него не видывалъ. На вопросъ, откуда взялись у него эти вещи, онъ только улыбнулся, да коротко сказалъ:

— Подарили!

— Кто подарилъ?

— Русская госпожа; да еще какая молодая и красивая!

— Какая госпожа, какъ зовутъ, и гдѣ ты съ нею познакомился?

— Какъ зовутъ: сказывали, да запомнилъ; а познакомился въ гостинницѣ, на лѣстницѣ повстрѣчались. Идетъ она, а возлѣ идетъ господинъ въ большой шубѣ, должно быть мужъ; посмотрѣла на меня, да и давай спрашивать, кто, откуда и зачѣмъ сюда пріѣхалъ; а какъ узнала, по какому дѣлу я въ Москвѣ, то они повели меня въ свою комнату, приказали чаю подать и заставили меня разсказывать, какъ, братъ Өедоръ (Өедоромъ я былъ для Карамурзина по сю, Гассаномъ по ту сторону Кубани), тебя въ плѣну держали Кабардинскіе Абреки, и какъ мнѣ удалось тебя похитить. Послѣ того господинъ мнѣ подарилъ шелковый халатъ, а госпожа его подарила часы. Сказали: носи на память, что выручилъ Русскаго офицера. Вотъ и все дѣло; тебѣ же приказали кланяться.

— Надо же мнѣ съѣздить въ гостинницу, узнать, кто они, и ихъ поблагодарить.

— Не надо. Сегодня, когда я къ тебѣ собирался, они сѣли въ большущую карету — ровно домъ на колесахъ — и уѣхали куда-то, забравъ всѣ свои сундуки.

— Какъ же ты не разспросилъ, куда они уѣзжаютъ, и лучше не замѣтилъ имена?

— По нашему (тебѣ извѣстно) законъ не позволяетъ распрашивать чужаго человѣка о томъ, чего самъ не сказываетъ; да и подумалъ — незачѣмъ. Такъ много распрашивали, какъ и что̀ было съ тобою; кромѣ того меня отдарили, значитъ должны быть твоей крови; знаютъ тебя, да и ты ихъ долженъ знать.

— Никогда въ жизни съ ними не встрѣчался, а меня они знаютъ только по моему дѣлу. Слухъ о немъ, какъ тебѣ самому извѣстно, доходилъ до Истамбула; разошелся онъ и по Русской землѣ.

Карамурзинъ задумался. По нашему закону, замѣтилъ онъ, только за одного роднаго слѣдуетъ нести канлу, отвѣчать добромъ и кровью; а у васъ развѣ такъ заведено, что всякаго человѣка честятъ и жалуютъ не по родству и званію, а по его хорошимъ или дурнымъ дѣламъ?

— Нельзя сказать, чтобы сплошь и рядомъ такъ судили и поступали; что̀ бываетъ, самъ испыталъ; а коли случится увидать противное, то припомни, что Аллахъ не всѣхъ людей создалъ съ одинаковыми чувствами и понятіями.

Разсказанный случай не остался безъ повторенія. Карамурзинъ изъ Россіи повезъ на Кубань два сундука туго уложенныхъ разными вещами, которые ему были подарены моими знакомыми, а нерѣдко и совершенно мнѣ неизвѣстными людьми.

Въ Петербургъ пріѣхали мы недѣли за три до великаго поста. Первые дни прошли для насъ, т. е. для Карамурзина и для меня, въ обычныхъ явленіяхъ по начальству и въ нескончаемыхъ ожиданіяхъ по пріемнымъ заламъ у высокопоставленныхъ лицъ; потому что на Руси испоконъ вѣковъ существовала благая привычка дорожить чѣмъ угодно, только не временемъ, ни терпѣніемъ подначальственныхъ лицъ. Военный министръ, какъ было уже сказано, встрѣтилъ меня съ подобающею офиціальною вѣжливостью, не упустилъ распросить о здоровьѣ и вслѣдъ затѣмъ задалъ мнѣ вопросъ, приготовилъ ли я подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ моего плѣна. Узнавъ, что я этого не сдѣлалъ, онъ тутъ же меня предупредилъ, что до представленія требуемой записки не буду принятъ Государемъ Императоромъ. А почему у меня не оказалось въ запасѣ означеннаго описанія (хотя со времени моего возвращенія изъ за Кубани на Русскую сторону прошло больше двухъ мѣсяцевъ) объясняется слѣдующими обстоятельствами. Въ Ставрополь вернулся я въ такомъ изнуренномъ видѣ, что на первыхъ порахъ мнѣ не было позволено и думать заняться какимъ либо дѣломъ, требовавшимъ малѣйшаго физическаго или умственнаго усилія. Оставалось мнѣ только ожидать возобновленія силъ, предавшись полному бездѣйствію, не лишенному однако развлеченія, способнаго отвлекать мои мысли отъ недавно испытанныхъ страданій. Не заставъ въ живыхъ моего искренняго доброжелателя, Алексѣя Александровича Вельяминова, я былъ однако вознагражденъ за эту горькую потерю присутствіемъ въ Ставрополѣ замѣнившаго его въ командованіи войсками на линіи, Павла Христофоровича Граббе, этого русскаго Баярда, моего перваго наставника въ военномъ дѣлѣ, отвѣчавшаго мнѣ самымъ теплымъ расположеніемъ на мою глубокую привязанность къ нему и ко всему его семейству. Въ домѣ у него и въ тѣсномъ кружкѣ по душѣ мнѣ пришедшихъ товарищей я находилъ отдыхъ и развлеченіе, въ которыхъ

такъ сильно нуждалась моя измученная натура. Въ городѣ меня принялъ на свою квартиру исполинскаго роста командиръ Моздокскаго казачьяго полка, добрый и честный Баранчеевъ, у котораго по вечерамъ собирался избранный кружокъ Кавказскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ памятью, умомъ и знаніемъ богато-надѣленный докторъ Мейеръ, и помилованные, изъ Сибири на Кавказъ переведенные, декабристы: Кривцовъ, Палицынъ, Лихачевъ, Черкасовъ, Одоевскій, Нарышкинъ, Коновницынъ, все люди умные и отмѣнно хорошіе. Бывало, до поздней ночи просиживали мы, углубившись въ политику и въ философію?... Боже избави! Большинство посѣтителей нашего круга политикою набило себѣ такую оскомину, что отъ одного названія тошнить начинало; а практической философіи бывшихъ молодыхъ мечтателей научили горе и несчастіе, сдѣлавъ ихъ людьми, каковъ долженъ быть человѣкъ, по слову Писанія и по здравому смыслу. Поэтому нечего было много толковать о вещахъ, каждымъ изъ насъ вдоволь испытанныхъ и передуманныхъ. Засимъ вправѣ спросить, чѣмъ же мы коротали долгіе зимніе вечера. Чѣмъ? Бостономъ, копѣечнымъ бостономъ, въ который доигрывались до изнеможенія силъ, пока карты изъ рукъ не падали. Не считая непривлекавшихъ насъ трактирныхъ удовольствій, бильярда и шумныхъ попоекъ, въ Ставрополѣ, въ тѣ времена, другихъ развлеченій съ фонаремъ нельзя было отыскать. Позже, когда позволило здоровье, я взялся за перо: составилъ описаніе мѣстности и народа, съ которыми случай имѣлъ такъ коротко познакомиться, написалъ особую записку объ Абрекахъ, и даже позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія на счеть покоренія горцевъ. Признаюсь, въ то время мнѣ въ голову не приходило, что этотъ жгучій вопросъ такъ благодушно разрѣшится на половину истребленіемъ и на половину изгнаніемъ съ Кавказа всего горскаго населенія. Тогда мнѣ казалось еще возможнымъ менѣе черствымъ способомъ подчинить горцевъ Русской власти, и въ такомъ, болѣе снисходительномъ смыслѣ и была составлена моя записка. Павелъ Христофоровичъ принялъ ее во вниманіе и повезъ въ Петербургъ недѣли за двѣ до моего отъѣзда съ линіи; а тамъ она, не встрѣтивъ одномыслія, безвозвратно канула въ пучину архивнаго забвенія. Касательно же моихъ личныхъ похожденій въ теченіи плѣна я ничего не написалъ, считая все происходившее со мною не довольно важнымъ, чтобы стоило о немъ говорить. По этой причинѣ у меня и не оказалось требуемой записки.

Повинуясь приказанію военнаго министра, не мѣшкая принялся я за работу и накрѣпко заперся въ своей комнатѣ, понимая, что до формальнаго представленія мнѣ отнюдь не слѣдуетъ Государю попасть на глаза. Жилъ я у родственника, молодаго гвардейскаго офицера, на са-

момъ краю города, въ Измайловскомъ полку, и только въ сумерки позволялъ себѣ ѣздить обѣдать у короткихъ знакомыхъ или въ какой нибудь скромной гостинницѣ. Работа, къ крайнему огорченію моему, подвигалась очень медленно. Зима стояла холодная: на дворѣ трещалъ двадцатиградусный морозъ, въ комнатѣ душилъ жаркій, угарный воздухъ; голова горѣла, мысли путались, слова ускользали изъ-подъ пера, дѣло не шло на ладъ; и то даже что̀ удавалось написать выходило такъ сухо и несвязно, что теперь, сорокъ лѣтъ спустя, больно вспомнить для моего самолюбія. Карамурзинъ, подобно мнѣ не связанный служебнымъ этикетомъ, тѣмъ временемъ рыскалъ по городу въ сопровожденіи приставленнаго къ нему переводчика, посѣщалъ театръ, публичные маскарады и на одномъ изъ нихъ былъ замѣченъ Государемъ, который, узнавъ, кто онъ, приказалъ его подозвать и такъ обласкалъ, какъ только покойный Николай Павловичъ умѣлъ обласкать человѣка, имѣвшаго счастіе ему угодить. Совершенно очарованный Государемъ, Карамурзинъ въ избыткѣ радости ночью вломился въ мою спальню для передачи мнѣ всѣхъ подробностей этой счастливой встрѣчи. Къ моему собственному удовольствію, яснѣе всего я понялъ изъ его разсказа, что коли Государь Карамурзину очень полюбился, и самъ Карамурзинъ не произвелъ на Государя дурнаго впечатлѣнія: иначе не сталъ бы онъ его публично ласкать и благодарить за его небольшую услугу.

Скоро послѣ того мое невольное уединеніе было нарушено пріѣздомъ мнѣ совершенно незнакомаго генерала Викторова, завѣдывавшаго придворнымъ экипажнымъ заведеніемъ подъ главнымъ начальствомъ оберъ-шталмейстера князя В. В. Долгорукаго, который въ тоже время занималъ должность Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства. Явился онъ ко мнѣ отъ лица своего начальника звать меня на балъ благороднаго собранія, вмѣстѣ съ моимъ освободителемъ, отъ какого приглашенія, чувствительно поблагодаривъ за вниманіе, я однако положительно отказался, считая себя обязаннымъ, до формальнаго представленія, избѣгать всякой случайной встрѣчи, не только съ Государемъ, но и съ прочими членами царской фамиліи. На другой день безногій Викторовъ снова пріѣхалъ со вторичнымъ приглашеніемъ, ручаясь именемъ князя Долгорукаго, что, по причинѣ нездоровья Императрицы, заболѣвшей легкою простудой, и Государя въ собраніи не будетъ, чѣмъ уничтожаются всѣ мои опасенія; а я своимъ отказомъ отниму у князя только удовольствіе познакомить со мной Петербургское дворянство, принимавшее до сего времени, да и теперь продолжающее принимать, въ моей судьбѣ самое живое участіе. Близость великаго поста дѣйствительно не позволяла расчитывать на другой случай видѣть въ сборѣ

все городское общество. Поставленный между двухъ огней, попасть въ очень неловкое положеніе, или невѣжливостью отплатить за любезность сдѣланную мнѣ предводителемъ дворянства, я согласился наконецъ явиться на балъ, съ тѣмъ однако условіемъ, ежели князь Долгорукій мнѣ слово дастъ, что я не рискую встрѣтить тамъ Государя. Въ третій разъ навѣстилъ меня Викторовъ, отъ имени Долгорукаго подтвердилъ, что Государя не будетъ, и предложилъ въ своей каретѣ повезти въ собраніе меня и Карамурзина. Въ назначенный вечеръ, усѣвшись съ Викторовымъ въ его придворный экипажъ, отправились мы въ собраніе, помѣщавшееся ту зиму на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгарта. Въ сѣняхъ мигомъ освободили насъ отъ тяжелыхъ шубъ; не останавливаясь, скорыми шагами прошелъ Викторовъ сквозь разряженную толпу, наполнявшую всѣ комнаты, и ввелъ меня съ Карамурзинымъ въ большую залу, изъ которой слышалась бальная музыка. Въ первое мгновеніе, ослѣпленный яркимъ освѣщеніемъ и пестрившимися у меня на глазахъ блестящими мундирами и яркими женскими нарядами, я ничего не могъ разглядѣть, но осмотрѣвшись не замедлилъ увидать вдалекѣ Государя Николая Павловича, цѣлою головою превышавшаго всю остальную публику, и возлѣ него, въ красномъ мундирѣ, князя Долгорукаго. Очевидно я попалъ въ просакъ и былъ подведенъ не безъ намѣренія; а почему и для чего это было сдѣлано, пока оставалось для меня темною загадкою, яко не успѣвшаго еще вкусить плода отъ «древа познанія добра и зла», такъ пышно произрастающаго на благодатной Петербургской почвѣ. Позже мнѣ раскрыли глаза и просвѣтили мой умъ; а въ ту минуту, не углубляясь въ долгія размышленія, я только быстро двинулся къ выходу, стараясь также увести всѣми силами упиравшагося Карамурзина. Но время было уже потеряно. Долгорукій успѣлъ замѣтить появленіе въ залѣ бѣлой чалмы, которою была повита шапка Карамурзина (въ знакъ даннаго имъ обѣта съѣздить въ Мекку), доложилъ объ этомъ, и Николай Павловичъ въ нашу сторону направилъ свои шаги. При первомъ его движеніи я спрятался въ толпу, которая предъ нимъ раздвигалась, надѣясь остаться незамѣченнымъ, но ошибся въ своемъ разчетѣ. Государь, сказавъ Карамурзину нѣсколько привѣтливыхъ словъ, громко спросилъ: «тебя вижу, а гдѣ же твой питомецъ?» и десятки голосовъ отозвались, называя мою фамилію: выходите! выходите! васъ требуетъ Государь Императоръ.

Чувствуя всю неловкость моего положенія, несмѣло выступилъ я изъ средины толпы; а Долгорукій, не покидавшій Государя, по праву хозяина на дворянскомъ балѣ, меня подвелъ и назвалъ по фамиліи. Тутъ же бывшій военный министръ въ это время держался въ сторонѣ,

дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ происходящаго. Государь впился въ меня глазами и, думаю, не мало былъ удивленъ, увидавъ предъ собой нерослаго и съ виду весьма слабосильнаго молодаго офицера, вмѣсто человѣка ростомъ и складомъ соотвѣтствовавшаго понятію о силѣ потрѣбной на перенесеніе испытанныхъ мною трудовъ и лишеній. За симъ Государь протянулъ мнѣ руку, сказалъ: «спасибо за всю службу твою», спросилъ о здоровьи и отошелъ. Нѣсколько времени спустя, Государь вернулся и сталъ меня распрашивать о моихъ путешествіяхъ и о ходѣ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, въ которыхъ мнѣ случилось принимать участіе. Вопросы, задаваемые мнѣ Государемъ, были такъ ясны и такъ положительны, что, придерживаясь одной чистой правды, я на все могъ отвѣчать не запинаясь, пока дѣло не коснулось до Черноморской береговой линіи. Тутъ попался я въ истинно-трудное положеніе: прямымъ противорѣчіемъ сильно Государя разгнѣвать, или говорить противъ моего убѣжденія, отчего избавился одной просьбой дать мнѣ позволеніе, прежде чѣмъ рѣшусь отвѣчать, внимательно обдумать дѣло, поразившее меня своею новизной.

Заключалось это дѣло въ слѣдующемъ. Николай Павловичъ сильно интересовался береговою линіей, т.-е. рядомъ небольшихъ укрѣпленій построенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря,помощью которыхъ расчитывали всѣхъ горцевъ, жившихъ между моремъ и Кубанью, заставить покориться Русской власти. Само предположеніе было построено на весьма шаткомъ основаніи и положительно уже грѣшило въ исполненіи. Береговыя укрѣпленія не давали другаго проку кромѣ напрасной траты людей и денегъ, честолюбивые же разсчеты нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ того времени требовали непремѣнной поддержки въ умѣ Государя непоколебимой увѣренности въ существенную пользу береговой линіи и въ удачный ходъ связанныхъ съ нею военныхъ дѣйствій, причемъ они по возможности старались отвлекать его вниманіе отъ ея истиннаго положенія. Учрежденіе береговой линіи имѣло главнымъ предметомъ поставить преграду сообщенію Черкесовъ съ Турками, снабжавшими ихъ порохомъ и оружіемъ, и въ тоже время прикрывалось человѣколюбивымъ предлогомъ остановить торговлю дѣтьми и женщинами, которыми Черкесы преимущественно платили за товаръ привозимый Турецкими купцами. Надежнымъ образомъ можно было достигнуть этой цѣли лишь со стороны моря, а не съ берега, и нашимъ крейсерамъ, какъ было извѣстно, весьма часто удавалось топить и захватывать Турецкія суда, привозившія Черкесамъ военные припасы и увозившія отъ нихъ людской живой товаръ, относительно котораго Николай Павловичъ и пожелалъ узнать результатъ моихъ наблюденій.

— Недавно, сказалъ Государь, я утвердилъ мѣру обѣщающую, кажется мнѣ, принести большую пользу. Предложили мнѣ Черкешенокъ, отбиваемыхъ у Турокъ нашими военными судами, вмѣсто обычнаго размѣна на Русскихъ плѣнныхъ, выдавать замужъ за солдатъ и этимъ путемъ породнить и сблизить Черкесовъ съ Русскими. Мусульманскій законъ вѣдь строго запрещаетъ проливать кровь роднаго человѣка: значитъ, кровопролитіе прекратится, и Черкесская вражда перейдетъ въ родственное расположеніе къ Русскому человѣку. А ты какъ объ этомъ думаешь?

Думать мнѣ было позволено какъ хочу, но высказать мои мысли при такомъ множествѣ слушателей, на лету ловившихъ каждое слово, оказывалось слишкомъ неудобнымъ. Слова Государя: «я утвердилъ мѣру», въ теоріи окончательно рѣшали вопросъ, въ примѣненіи же сказанная мѣра встрѣчала непреодолимое препятствіе. Изъ виду было упущено одно небольшое обстоятельство, положительно уничтожавшее все ея благовидное значеніе. Горецъ, продавая женщину Туркамъ, передавалъ ее мусульманамъ-единовѣрцамъ, у которыхъ, рабыней ли, законною ли женой, она занимала въ гаремѣ мѣсто предназначенное ей Кораномъ; Черкешенка же, отданная за Русскаго, въ глазахъ каждаго правовѣрнаго оскверняласъ нечистымъ прикосновеніемъ гяура, перемѣнивъ вѣру совершала смертный грѣхъ и въ обоихъ случаяхъ умирала для своей семьи, покрывъ ее неискупимымъ позоромъ. Очевидно, что мѣра подобнаго рода способна была не уменьшить, а усилить народную вражду Черкесовъ къ Русскимъ. Государю это обстоятельство могло оставаться неизвѣстнымъ; много о чемъ другомъ было ему заботиться, но сдѣлавшій предложеніе долженъ былъ дѣло знать и не предлагать такой безсмыслицы. Не удивился я однако, понявъ, откуда взялась сія мудрая идея. Въ то время дѣлами береговой линіи всецѣло заправлялъ, подъ начальствомъ умнаго и образованнаго, но довольно безпечнаго генерала Р., нѣкій ловкій дѣлецъ, въ послѣдствіи многосторонне-подвизавшійся на поприщѣ государственной службы и тогда уже слывшій глубокимъ сратегомъ, находчивымъ администраторомъ, борзымъ писакою, однимъ словомъ чѣмъ угодно, только не рыцаремъ безъ страха и безъ упрека. Онъ и никто другой способенъ былъ пустить въ ходъ подобную выдумку, полагать должно, съ цѣлію выказать свой глубокій политическій умъ и поотвлечь вниманіе отъ прорухъ, которыми отличалась его стряпня на восточномъ берегу Чернаго моря. И такъ мнѣ оставалось только уклониться отъ прямаго отвѣта, въ томъ убѣжденіи, что мои слова дѣла не исправятъ, а что для блага Кавказа и нашего солдата оно рушится само собой — вопервыхъ, потому что слишкомъ мало плѣнницъ попадаетъ въ наши руки, и вовторыхъ, по-

тому что каждая Черкешенка скорѣе готова будетъ броситься въ воду, чѣмъ добровольно выйти за Русскаго.

Не успѣлъ Государь удалиться, какъ для меня наступила нестерпимая мука: толпа, державшаяся въ почтительномъ отдаленіи, пока онъ присутствовалъ, волною нахлынула со всѣхъ сторонъ, сжала меня и принялась закидывать вопросами—и какими еще вопросами. Ума и силъ не доставало отвѣчать.

— Правда ли, что Черкесы два года васъ держали въ дуплѣ?

— Какъ глубокъ былъ колодезь, въ который васъ опускали на ночь?

— Были у васъ подошвы надрѣзаны и засыпаны рубленнымъ конскимъ волосомъ, или рану просто растравляли разсоломъ?

— Справедливо ли, что Черкешенка изъ за васъ бросилась въ рѣку?—вопросъ изъ Пушкина Кавказскаго Плѣнника.

— Какъ высоки горы, и нѣтъ-ли возможности взорвать ихъ порохомъ?

Пока всѣ эти вопросы звучали въ моихъ ушахъ, и я отбивался отвѣтами на выдержку, одна мысль бродила въ моей головѣ—какъ бы уйти подальше отъ любопытныхъ и отъ множества невѣдомыхъ мнѣ старыхъ и новыхъ друзей, народившихся отъ царскаго пожатія руки. Медленно отступая, старался я приблизиться къ выходу, а тѣмъ временемъ толпа не отставала, преслѣдуя изъ залы въ залу, изъ комнаты въ комнату, причемъ, по мѣрѣ удаленія отъ центра «свѣта и тепла», и число вопрошателей помаленьку уменьшалось. Совсѣмъ меня упустить однако не хотѣли. Въ одной изъ послѣднихъ комнатъ человѣкъ двадцать моихъ самыхъ любознательныхъ пріятелей прижали меня безвыходно къ какому-то угловому камину—и снова посыпались вопросы.

Нѣкій господинъ, весьма приличнаго вида, со звѣздою на черномъ фракѣ, упорнѣе другихъ загораживавшій мнѣ дорогу, спросилъ подъ конецъ умиленнымъ голосомъ: позвольте полюбопытствовать — вы женаты?

— Видно, у него много дочерей, что наводитъ справку объ этомъ, отозвался чей-то голосъ.

Неожиданное замѣчаніе это вызвало общій хохотъ.

Господинъ со звѣздой смутился, сдѣлалъ быстрый поворотъ и, загребая руками, нырнулъ въ глубину залы; я за нимъ въ выходныя двери, бѣгомъ съ лѣстницы, и уѣхалъ изъ собранія, забывъ тамъ Карамурзина, котораго генералу Викторову пришлось отвезти на квартиру.

На другой день пріѣхалъ мой безногій генералъ съ объясненіемъ, какимъ образомъ, несмотря на данное мнѣ обѣщаніе, въ собраніи я засталъ Государя, будто бы въ послѣднюю минуту давшаго знать о

своемъ пріѣздѣ, отчего князь Долгорукій не успѣлъ меня предупредить, и разъ на балѣ, по званію своему, былъ обязанъ назвать меня Императору. Поневолѣ я былъ принужденъ показывать видъ, будто вѣрю словамъ Викторова и принимаю его объясненіе за чистую монету: дѣло было сдѣлано, и мнѣ оставалось только, не угодивъ военному министру, въ оберъ-шталмейстерѣ не нажить себѣ новаго недоброжелателя.

Немного дней спустя, я отвезъ къ военному министру составленную мною записку, и при этомъ случаѣ разсказалъ, какимъ образомъ, противъ моей воли и желанія, мнѣ довелось преждевременно попасть Государю на глаза. Въ отвѣтъ на мое объясненіе Чернышовъ, не показывая и тѣни неудовольствія, только замѣтилъ, что все это ничего не значитъ, что дѣло не можетъ ограничиться случайною встрѣчею съ Государемъ, и я долженъ ожидать, когда высочайше будетъ повелѣно формально меня представить.

Проживая въ Петербургѣ въ ожиданіи сказаннаго представленія, я сильно началъ хворать. Можетъ статься, этому способствовало небольшое похожденіе, которому я подвергся при разъѣздѣ изъ маскарада, въ послѣднее Воскресенье предъ великимъ постомъ. Маскарады, наравнѣ съ балами, отбывались тогда на Невскомъ проспектѣ въ домѣ дворянскаго собранія. Николай Павловичъ очень любилъ этого рода собранія и не пропускалъ случая бывать на нихъ. Характерныя маски тутъ не встрѣчались: черное домино для мужчинъ, цвѣтное для женщинъ, при полумаскѣ, считались единственно дозволеннымъ средствомъ переряжанья. Военнымъ запрещены были маски. Обязательная маскарадная форма состояла изъ мундира, безъ шпаги и сабли, каска на головѣ и на лѣвомъ плечѣ коротенькая черная шелковая Испанская мантія, отороченная кружевомъ, подбитая красною тафтою. При этомъ нарядѣ запрещено было, кому бы то ни было, и меньше всего Государю, кланяться или отдавать военную честь: Николай Павловичъ хотѣлъ на маскарадѣ оставаться совершенно незамѣченнымъ, забавляясь безъ всякой помѣхи интриговавшими его женскими масками. Съ такого-то маскарада, когда съ послѣднимъ ударомъ полуночи наступила пора отмаливать грѣхи накопившіеся за цѣлый годъ, всѣ нежелавшіе навлечь на себя укоръ въ безвѣріи опрометью кинулись разъѣзжаться по домамъ, чему послѣдовала и моя грѣшная особа. На маскарадъ пріѣхалъ я въ возкѣ, который по распоряженію полиціи былъ отправленъ куда-то очень далеко, вмѣстѣ съ моимъ человѣкомъ и съ шубою, оставленною на его рукахъ. И вотъ полицейскіе жандармы стали звать мой экипажъ, и никто не отзывался, принялись отыскивать, искали, искали, и ничего не отыскали; тѣмъ временемъ всѣ разъѣхались, стали тушить лампы, наконецъ подошло время запирать подъѣздныя двери, а моего возка,

человѣка и шубы нѣтъ да и только, ровно сквозь землю провалились. Такъ мнѣ и пришлось, во второмъ часу ночи, въ двадцатиградусный морозъ, на самомъ жалкомъ извощикѣ, протрусить съ Невскаго проспекта въ Измайловскій полкъ, окутавшись вмѣсто шубы въ коротенькую Испанскую мантію подбитую тафтой, отороченную кружевомъ, да еще въ чулкахъ и башмакахъ по тогдашней бальной формѣ. Около часа, коли не болѣе, длилось мое морозное путешествіе, послѣ чего, прождавъ еще минутъ десять у затворенныхъ воротъ, мнѣ привелось отогрѣться въ теплой комнатѣ. По всѣмъ правиламъ медицины слѣдовало мнѣ слечь въ постель и не вставая умереть отнюдь не позже трехъ сутокъ, и я дѣйствительно легъ въ постель, пролежалъ три или четыре дня, и послѣ того поднялся на ноги, будто приключившееся со мною было не что иное какъ одна легкая шутка. Потомъ отозвалось.

Недѣли двѣ послѣ подачи военному министру описанія моего плѣна намъ были объявлены награды: Карамурзину чинъ поручика, миновавъ два низшихъ чина—Владимиръ 4 ст. съ бантомъ, пожизненная пенсія въ полторы тысячи и единовременно двѣ тысячи цѣлковыхъ; мнѣ—Владимира той же степени безъ банта, и слѣдующій капитанскій чинъ, къ сожалѣнію только за недѣлю до полученія его на Святой по старшинству, чѣмъ и лишили меня единственнаго случая вкусить производство по линіи: ибо всѣ чины, чрезъ которые я прошелъ въ теченіи моей долголѣтней службы, отъ прапорщика до генерала, мнѣ достались, какъ говорится, за отличіе—рѣдкая вещь въ Русской арміи.

Время между тѣмъ уходило и съ каждымъ днемъ уносило частицу моего здоровья; прошла Пасха, наступила весна, видѣлъ я освященіе послѣ пожара вновь отстроеннаго зимняго дворца, причемъ Чернышевъ изъ графовъ былъ пожалованъ въ князья, а Клейнъ-Михель сдѣланъ графомъ, нѣсколько разъ являлся къ военному министру для весьма неважныхъ распросовъ; объ обѣщанномъ же представленіи Государю будто совершенно забыли, несмотря на отданное мнѣ приказаніе ожидать его высочайшей воли. Сильно страдая головною болью отъ контузіи, полученной еще при штурмѣ Варшавы 1831 года, и общимъ разстройствомъ организма отъ моихъ Кавказскихъ похожденій, я наконецъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ лейбъ-медику Арендту, короткому пріятелю одного моего близкаго родственника, который и призналъ полезнымъ прежде всего мнѣ уѣхать изъ Петербурга, вреднаго каждому новопріѣзжему по причинѣ своего дурнаго климата, и потомъ уже думать о леченіи. На мое объясненіе, что города не смѣю оставить, не бывъ представленъ Государю, а представленіе отлагается со дня на день, онъ лишь коротко замѣтилъ: каждое утро вижу Государя и сегодня же скажу ему обо всемъ. И дѣйствительно: въ девять часовъ

утра я былъ у Арендта, въ десять онъ отправился во дворецъ, а въ два часа лежала на моемъ столѣ повѣстка изъ Главнаго Штаба, на другой день въ одинадцать утра, вмѣстѣ съ Карамурзинымъ, быть въ Аничковомъ дворцѣ, въ которомъ Николай Павловичъ оставался жить, по причинѣ сырости, которою былъ пропитанъ слишкомъ спѣшно отстроенный зимній дворецъ.

Значитъ не отъ Государя зависѣло, коли меня такъ долго заставляли ждать его пріема.

Было это въ первыхъ числахъ Апрѣля 1839 года.

Четверть часа до назначеннаго времени стояли мы въ пріемной комнатѣ Аничкова дворца. Съ послѣднимъ ударомъ одиннадцати часовъ (Николай Павловичъ не любилъ терять времени въ ожиданіи, да и самъ никого ждать не заставлялъ) камердинеръ провелъ насъ въ его кабинетъ. Живо помню, будто вчера случилось, малѣйшія подробности этого пріема, слова Государя и всѣ мои отвѣты. Въ первое мгновеніе, по правдѣ, я нѣсколько смутился, но скоро потомъ, ободрившись, сталъ прямо глядѣть на стоявшаго предо мною Государя. Оно бы, по всѣмъ правиламъ житейской мудрости, и слѣдовало стоять предъ Государемъ опустивъ глаза; но по моимъ тогдашнимъ дикимъ Кавказскимъ понятіямъ я никакъ не могъ сообразить, почему не подобаетъ безъ страха смотрѣть Государю въ глаза, даже когда не знаешь за собою никакаго дурнаго дѣла. Позже научили меня этой хитрой наукѣ.

На Государѣ былъ сюртукъ Семеновскаго полка, безъ эполетъ, по обыкновенію застегнутый на всѣ пуговицы, воротникъ на всѣ крючки. Сказавъ Карамурзину нѣсколько словъ, Государь его отпустилъ, а мнѣ приказалъ остаться въ кабинетѣ.

Окинувъ меня благосклоннымъ взглядомъ и снова поблагодаривъ за службу, Государь спросилъ, чувствую ли я себя въ силахъ вернуться на Кавказъ послѣ испытаннаго мною несчастія и служить въ томъ краю съ неубавленною охотою.—Желаю этого, прибавилъ онъ, ожидая отъ тебя въ будущемъ не меньше прежней пользы.

— Готовъ исполнить волю вашего величества, былъ мой отвѣтъ; духомъ я нисколько не упалъ, а потерянныя силы надѣюсь возстановить помощью же Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

— Я тебѣ выразилъ только мое желаніе, приказывать не хочу. Обдумай прежде, чѣмъ примешь окончательное рѣшеніе. Ежели Кавказъ тебѣ не по душѣ, такъ прямо сказывай: хочешь здѣсь оставаться, и на это согласенъ. На службѣ для тебя открыты всѣ пути.

— Воля вашего величества совершенно согласуется съ моимъ собственнымъ желаніемъ. Позвольте мнѣ продолжать Кавказскую боевую

службу, къ которой себя чувствую болѣе склоннымъ, нежели къ мирнымъ канцелярскимъ занятіямъ.

— Спасибо тебѣ за это; не на долго впрочемъ посылаю тебя на Кавказъ: останешься тамъ, пока не покончатъ съ горцами, а потомъ при себѣ найду тебѣ мѣсто.

Сколько же мнѣ суждено оставаться на Кавказѣ? мелькнуло въ моей головѣ; и, не совладавъ съ собой, невольно я пожалъ плечами.

Государь пристально на меня посмотрѣлъ.

— Не на вѣки же тебя посылаю; мнѣ обѣщали въ три года рѣшить дѣло съ горцами. А ты какъ думаешь?

— Думать ничего не смѣю. Давшіе такое обѣщаніе выше меня стоятъ опытомъ, лѣтами, званіемъ, и сверхъ сего властью же вашего величества снабжены всѣми способами потребными для исполненія своего обѣщанія; позволено ли мнѣ, молодому офицеру, имѣть мнѣніе несогласное со взглядомъ ихъ!

— Нѣтъ, говори; хочу знать, какъ по твоему.

— Могу ошибаться, но обманывать не стану. Въ три года, да и въ тридцать лѣтъ съ горцами не совладаютъ. Позвольте повторить слова, сказанныя вашему величеству покойнымъ Вельяминовымъ: «нашимъ внукамъ еще придется поработать на Кавказѣ; да и не зачѣмъ дѣло у нихъ отнимать: Кавказъ хорошая военная школа».

Въ 1839 году никому въ голову не приходило, чтобы на покореніе Кавказа были употреблены такія громадныя средства, какими въ послѣдствіи располагали Воронцовъ и Барятинскій. Съ такимъ количествомъ войскъ и денегъ, какое имъ было дано, они легко могли десяткомъ лѣтъ опередить мое предсказаніе; а въ то время, когда я говорилъ, какъ окажется изъ послѣдующихъ словъ самаго Государя, иначе надлежало судить о Кавказскихъ дѣлахъ.

Николай Павловичъ пронзилъ меня однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, отъ которыхъ въ лихорадку бросало и не моего брата и, замѣтно взволнованный моимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, нѣсколько разъ быстрыми шагами прошелся по кабинету, послѣ чего снова сталъ предо мной. Гнѣвъ прошелъ, взглядъ и голосъ смягчились.

— И ты въ этомъ увѣренъ?

— Твердо убѣжденъ, и думаю, время меня оправдаетъ.

— Какимъ же способомъ, по твоему мнѣнію, вѣрнѣе и скорѣе можно достигнуть цѣли, которой мы домогаемся на Кавказѣ; говори смѣло, не опасаясь противорѣчить моимъ и чьимъ бы то ни было мыслямъ.

— Опять не знаю, какъ отвѣчать. Разными путями можно приблизиться къ цѣли, но почти невозможно указать на лучшій путь, не

зная, чѣмъ вашему величеству угодно больше жертвовать—людьми, деньгами, или временемъ. Отъ этого должны зависѣть не только военныя дѣйствія, но и самая система управленія страною.

— На подобные вопросы не отвѣчають, строго замѣтилъ Государь; говори безусловно, какъ понимаешь собственнымъ умомъ, и какъ тебѣ видно изъ общаго положенія дѣлъ.

— Прежде всего необходимо увеличить число войскъ на Кавказѣ.

Государь вторично разсердился.

— И ты, офицеръ генеральнаго штаба, которому Кавказскія дѣла должны быть хорошо извѣстны—помню твою скрѣпу на бумагахъ—[1]), смѣешь мнѣ это говорить! Развѣ не знаешь, что я всегда и всѣмъ домогавшимся этой прибавки отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ?

— Знаю, ваше величество; барону Розену и Вельяминову почти одновременно было отказано въ прибавкѣ войскъ, которой они просили, и еще нынѣшнюю зимою лично изволили въ томъ же отказать Павлу Христофоровичу Граббе; но, несмотря на это, рѣшаюсь повторить мои слова. Ваше величество повелѣли мнѣ говорить правду, какъ понимаю ее собственнымъ умомъ.

— Не дамъ, не дамъ ни одного человѣка сверхъ того чтò уже есть на Кавказѣ—отгрызывайтесь какъ знаете!

Это было говорено въ Аничковомъ дворцѣ въ Апрѣлѣ 1839 года, а на слѣдующее лѣто обстоятельства заставили усилить войска на береговой линіи цѣлою дивизіею отъ стоявшаго въ Крыму 5-го корпуса, послѣ того что Черкасамъ удалось штурмомъ взять на берегу Чернаго моря пять нашихъ укрѣпленій и перебить болѣе двухъ тысячъ солдатъ.

— По этому случаю позвольте, Государь, сказать смѣлое слово не въ свою собственную, а въ пользу моихъ товарищей и Русскаго добраго Кавказскаго солдата: дерутся они храбро и безропотно переносять несказанные труды и лишенія. Ваше величество не имѣете войска лучше Кавказскаго.

— Да, знаю, знаю и душевно люблю и уважаю Кавказскаго солдата; позволяю тебѣ каждому это сказать.—А какъ понимаешь ты Черноморскую береговую линію? Она меня очень интересуеть.

Тутъ не было свидѣтелей, и надо же было Государю хоть разъ правду узнать на счетъ этой пресловутой линіи.—Боюсь—отвѣчалъ я—что береговая линія не оправдаетъ ожиданій вашего величества. Укрѣп-

---

[1]) Въ 1832 году, при баронѣ Розенѣ и Вальховскомъ, я, въ чинѣ армейскаго подпоручика, завѣдывалъ въ Тифлисѣ 2-мъ отдѣленіемъ Генеральнаго Штаба.

ленія малы, гарнизоны слабы, изнурены болѣзнями, едва въ силахъ обороняться отъ горцевъ, которыхъ не они, а которые ихъ держать въ постоянной блокадѣ. Кромѣ того, въ случаѣ Европейской войны, при появленіи въ Босфорѣ любаго непріятельскаго флота, окажется необходимымъ снять всю линію; въ горы гарнизонамъ нѣтъ отступленія, и ни одно укрѣпленіе не въ силахъ выдержать бомбардировки съ моря.

Государь махнулъ рукой.—До этого далеко, нечего и думать!

Мое первое опасеніе относительно судьбы береговыхъ укрѣпленій сбылось въ зиму съ тридцать девятаго на сороковой годъ, а второе—четырнадцатью годами позже. Князь Воронцовъ, командовавшій на Кавказѣ въ 1854 году, при первомъ извѣстіи о появленіи въ Босфорѣ союзныхъ непріятельскихъ флотовъ, немедленно приступилъ къ очищенію отъ нашихъ войскъ восточнаго берега Чернаго моря, и умно сдѣлалъ: иначе всѣ гарнизоны прибрежныхъ укрѣпленій, не исключая ни одного, были бы въ плѣну.

Послѣ того Государь заговорилъ о моемъ здоровьи, предложилъ ѣхать за границу, отъ чего я отказался, въ замѣнъ испросивъ позволеніе нѣкоторое время прожить въ Россіи у родныхъ и потомъ воспользоваться Кавказскими водами.—Не начинай только службы, прежде чѣмъ совершенно окрѣпнешь, замѣтилъ Николай Павловичъ.

Отпуская сказалъ онъ: Теперь проси милости.

Поблагодарилъ я Государя. Много доволенъ оказанною мнѣ милостью на службѣ; имѣю кусокъ хлѣба, и болѣе мнѣ не надо.

— Нѣтъ, проси; говорю тебѣ, проси!

Подумалъ я, чего бы попросить и ничего не могъ придумать. Просить денегъ за то, что я два года просидѣлъ въ цѣпяхъ, показалось мнѣ недостойнымъ званія солдата и дворянина; а чего другаго, пожалуй, и не заслужилъ. Еще разъ я поблагодарилъ.

— Не хочешь просить, такъ помни же во всю жизнь: въ какую бы ты бѣду ни попалъ, помимо всѣхъ обращайся ко мнѣ, и выручу тебя какъ будетъ возможно. Дарую тебѣ это право, а теперь до свиданья; надѣюсь здѣсь же увидать тебя въ скоромъ времени.

Государь протянулъ руку, и чрезъ мгновеніе дверь кабинета затворилась за мной.

Въ послѣдній разъ я тутъ говорилъ съ покойнымъ Государемъ. Его прощальныя слова не сбылись. Люди добрые позаботились заслонить мнѣ дорогу къ нему. Не успѣлъ я оставить Петербургъ, какъ уже получилъ урокъ, въ какой мѣрѣ подобаетъ выть съ волками, чтобы не пострадать отъ ихъ когтей и зубовъ. Не стоило бы говорить объ этомъ дѣлѣ, ежели бы оно не служило назидательнымъ примѣромъ, какіе прекрасные способы представляются умному человѣку открывать себѣ до-

рогу къ тому, къ чему стремится весь благополучія жаждущій людъ, т.-е. къ чинамъ, деньгамъ и почету. Въ этомъ случаѣ была сдѣлана одна только ошибка: пріятель, желавшій меня подвести, слишкомъ понадѣялся на мое терпѣливое простодушіе и, ошибясь въ своемъ разсчетѣ, самъ попалъ въ просакъ.

Что генералъ З*, подъ предлогомъ личнаго ко мнѣ участія, а въ сущности изъ мелкаго честолюбія добывшій себѣ право снабдить меня проводниками въ мое послѣднее путешествіе у непокорныхъ Черкесовъ, беззащитно отдалъ меня въ руки самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ,—сперва ихъ обманувъ, за что они, въ свою очередь, мнѣ измѣнили; что послѣ того всѣ его старанія меня освободить не имѣли ни малѣйшаго успѣха, и онъ изъ самолюбія другимъ мѣшалъ дѣйствовать въ мою пользу; что, подъ конецъ, Нагайскій князь Карамурзинъ меня выручилъ изъ плѣна безъ его воли и вѣдома,—знали на Кавказѣ Русскіе и Черкесы, въ Петербургѣ же того знать не могли. Объявивъ еще въ Ставрополѣ, когда З* на первыхъ порахъ обсчиталъ Карамурзина барантовымъ [1]) скотомъ, который приказано было ему отдать за мое освобожденіе, что онъ этимъ поступкомъ окончательно прервалъ наши прежнія дружескія отношенія, я въ тоже время лично его предувѣдомилъ, что доносовъ дѣлать не стану, но коли спросятъ, правды не скрою и подробно разскажу, какимъ образомъ ведутся дѣла на Кубани. Въ Петербургѣ, когда Клейнъ-Михель сталъ меня распрашивать о генералѣ З*, я просилъ позволенія не говорить о немъ, опасаясь изъ личнаго нерасположенія къ нему не сохранить должной справедливооти въ оцѣнкѣ его характера и его поступковъ. Касательно же моего освобожденія, я, по чистой справедливости, на словахъ и письменно приписалъ всю заслугу одному Карамурзину.

Готовился я оставить Петербургъ, простился съ родными и съ знакомыми, взялъ мѣсто въ дилижансѣ (желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою тогда не существовало, почтовыя кареты еще не ходили) и, на послѣдяхъ, поѣхалъ въ военное министерство откланяться князю Чернышеву. Состоявшій при немъ въ званіи адъютанта, графъ Э. Штакельбергъ [2]) сообщилъ мнѣ при этомъ случаѣ, что отъ своего дальняго родственника З* получилъ письмо на мое имя, которое, все не успѣвая, нѣсколько уже дней собирается мнѣ привезти. Располагая послѣдній день въ Петербургѣ провести въ безпрестанныхъ разъѣздахъ, я счелъ за лучшее самому заѣхать къ Штакельбергу и, при-

---

[1]) Барантою называли на Кавказѣ стада и табуны, отбитые у непріятеля.

[2]) Въ послѣдствіи нашъ министръ въ Туринѣ и въ Вѣнѣ, кончившій жизнь посломъ въ Парижѣ.

знаюсь, въ первую минуту очень удивился, когда онъ мнѣ передалъ незапечатанное письмо, прибавивъ, что понять не можетъ почему З* адресовалъ письмо къ нему, а не прямо ко мнѣ, что впрочемъ никакой важности не имѣетъ, потому что онъ, Штакельбергъ, не привыкъ заглядывать въ чужую переписку, а въ предстоящемъ случаѣ ему бы даже помѣшалъ нестерпимо-дурной почеркъ его родственника.

Наскоро пробѣжавъ дѣйствительно очень нечетко написанное письмо, я тотчасъ понялъ, чего домогался мой далекій Кавказскій благопріятель, и въ глубинѣ моей души вспыхнула неудержимая злость.

Пока я читалъ, насупротивъ сидѣвшій Штакельбергъ исподлобья слѣдилъ за выраженіемъ моего лица; я сдѣлалъ, будто не замѣчаю.

— Вы сказали, обратился я къ нему, что не понимаете, почему вашъ родственникъ письмо ко мнѣ незапечатаннымъ вложилъ въ конвертъ адресованный на ваше имя; позвольте же мнѣ объяснить: онъ это сдѣлалъ въ полномъ убѣжденіи, что вы его прочтете и содержаніе сообщите военному министру, при которомъ имѣете честь состоять адъютантомъ. Вы сказали, что не читали его; очень жаль: этимъ бы вы стали на дорогу опрокинуть всѣ разчеты вашего родственника. Вы сказали, что съ великимъ трудомъ разбираете его почеркъ, а я привыкъ его разбирать, потому что получаю отъ него не первое письмо; надѣюсь однако, что оно будетъ послѣднимъ, которымъ онъ рѣшился меня почтить. Позвольте же мнѣ васъ познакомить съ его пріятнымъ содержаніемъ.

— Зачѣмъ? Нисколько не любопытствую знать, какія у васъ съ нимъ дѣла.

— А я съ нимъ не хочу имѣть никакаго дѣла, отъ котораго позже мнѣ бы пришлось краснѣть; поэтому прошу васъ, графъ, меня почтить вашимъ вниманіемъ, и я заставилъ его отъ первой до послѣдней строки прослушать посланіе З....

Не помню слово въ слово понѣмецки писаннаго письма, но вотъ въ чемъ заключалась его точное содержаніе:

«Неблагодарный другъ», писалъ онъ, «съ душевнымъ прискорбіемъ узнаю, что вы изъ ненависти ко мнѣ—не понимаю чѣмъ ее заслужилъ—въ запискѣ о вашемъ плѣнѣ, да и на словахъ, ввели въ заблужденіе не только военнаго министра, но и нашего великаго Государя, приписавъ заслугу вашего освобожденія одному Карамурзину, тогда какъ въ сущности обязаны только мнѣ тѣмъ, что живы и теперь находитесь на свободѣ. Развѣ вамъ неизвѣстно, что вы попали въ плѣнъ по собственной неосторожности, а Карамурзинъ во всемъ что сдѣлалъ для васъ дѣйствовалъ по моему приказанію и подъ моимъ руководствомъ? Нѣтъ, все это вамъ коротко извѣстно; вы ничего не могли

«забыть и скрыли правду съ явною цѣлью себя оправдать, сваливъ «вину на мои плечи. Слѣдовало бы васъ наказать за такую неправду, «но великодушно прощаю вамъ ради нашей прежней дружбы; не хочу, «обнаруживъ истину, навсегда погубить вашу служебную будущность. «Поймите, наконецъ, какой запасъ дружбы и снисходительности къ вамъ «храню еще въ глубинѣ моей груди, воздерживаясь оффиціально сооб«щить военному министру то, о чемъ пріятельски вамъ пишу. Чисто«сердечно покаявшись предо мной, вы можете еще исправить дѣло. Не «заставьте же меня окончательно усумниться въ вашемъ благородствѣ, «въ которое я вѣрилъ такъ глубоко. Глубоко огорченный, но все еще «васъ любящій и т. д.»

Окончивъ чтеніе, слова не говоря, я поѣхалъ вторично въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ служащіе не успѣли еще разойтись, и попросилъ находившагося между ними школьнаго товарища моего, Суковкина, во всеуслышаніе прочитать полученное мною письмо; а самъ усѣлся за его столъ писать отвѣтъ, который также показалъ кому угодно было полюбопытствовать.

«Письмо вашего превосходительства», отвѣчалъ я, «послѣ вашихъ «поступковъ со мной до плѣна и съ Карамурзинымъ по освобожденіи «моемъ, нисколько меня не поразило. Лучшаго не ожидалъ. Можетъ «статься, вы полагали оскорбительнымъ тономъ его, по вашему примѣру, «меня увлечь отвѣтить вамъ вызовомъ; но, помня правила военной дисцип«лины, не сдѣлаю подобной глупости, не дамъ въ руки вашего прево«сходительства оружія, которымъ вы дѣйствительно можете погубить «мою служебную будущность, а честь свою съумѣю защитить болѣе «вѣрнымъ способомъ. Вы и я, кажется, не разъ видѣли другъ друга подъ «свистомъ пуль и знаемъ, чего стоимъ въ этомъ отношеніи. Что же «касается до поднятаго вами вопроса, то позволяю себѣ почтительнѣйше «замѣтить, что не прошу вашего снисхожденія; да ваше превосходтель«ство и не вправѣ мнѣ его предлагать, а по вашему званію и поло«женію, какъ Русскій генералъ, обязаны раскрыть всякую неправду, «тѣмъ болѣе когда обманъ коснулся Государя Императора. Этимъ, и «ничѣмъ другимъ, вы можете меня примирить съ вашимъ пониманіемъ «обязанностей честнаго, долгу своему преданнаго человѣка. За симъ, «съ чувствомъ подобающаго вамъ уваженія, но уже безъ всякой пре«данности имѣю честь быть, и т. д.»

Не ограничиваясь тѣмъ, что эта моя переписка сдѣлалась извѣстною въ сферѣ министерской канцеляріи, я отложилъ свой отъѣздъ на цѣлые сутки, потерялъ деньги за мѣсто, но объѣхалъ большую часть своихъ знакомыхъ, показывая, кому угодно было, письмо З.... и мой

отвѣтъ. Кажется, больше этого мой заботливый другъ не имѣлъ права отъ меня ожидать, ни требовать.

Отправивъ мое письмо на Кавказъ подъ страховымъ конвертомъ, чтобы не затерялось на почтѣ, я поспѣшилъ уѣхать въ Москву.

Отвѣта я не получилъ. Мѣсяца два спустя, когда я находился въ Пятигорскѣ, З... подослалъ ко мнѣ одного изъ своихъ приверженцевъ съ предложеніемъ помириться, ежели соглашусь написать къ нему извинительное письмо; но я на эту приманку не поддался и только поблагодарилъ за честь и дружбу, расчитавъ, что гораздо выгоднѣе имѣть его открытымъ противникомъ, чѣмъ задушевнымъ пріятелемъ. З.... вообще принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ личностей, которыя въ водѣ не тонутъ, въ огнѣ не горятъ и которыхъ справедливая судьба рано или поздно осыпаетъ всѣми благами міра сего. А кому бы любопытнымъ показалось покороче познакомиться со славными его дѣлами, тому совѣтую попытать, не окажется ли у какого-нибудь букиниста на Щукиномъ дворѣ книжонка, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Продѣлки на Кавказѣ». Въ 1844 году эта книга была напечатана въ Москвѣ безъ имени автора, съ разрѣшенія однако цензуры, не смекнувшей дѣла, какъ съ нею часто бываетъ, и Московская публика жадно кинулась ее читать. Но тутъ, хотя и нѣсколько поздно, тайная полиція взялась за дѣло, и всѣмъ властямъ было дано приказаніе эту вредную книгу отбирать не только у книгопродавцевъ, но и у всѣхъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ ее пріобрѣсти. Сочинительницей называли генеральшу Лачинову, рожденную Шалашникову, проживавшую нѣкоторое время въ Тифлисѣ; но, кажется, если писала она, то по крайней мѣрѣ не безъ сотрудниковъ, короче ся знакомыхъ съ тогдашними Кавказскими порядками; а въ пользу правдивости, съ которою книга была написана, вѣрнѣе всего свидѣтельствовала ярая ревность употребленная на ея уничтоженіе. Напиши небылицу, отъ которой уши вянутъ—бѣда не велика, пусть читаютъ на здоровье; а коли кто иначе пойметъ, чѣмъ приказано вещи понимать, такъ нетрудно доказать, что это пустыя бредни, басня, аллегорія; безспорную же правду только и можно пришибить обухомъ полицейскаго запрета.

Пробывъ лѣто, частью въ окрестностяхъ Москвы, частью на Кавказскихъ водахъ, въ началѣ осени вернулся я въ Тифлисъ, покинутый мною три года тому назадъ. Много новаго меня тамъ ожидало, я это зналъ. Умный и честный, хотя для правителя такой страны какъ Кавказъ слишкомъ добродушный баронъ Григорій Владимировичъ Розенъ, лежалъ въ Москвѣ разбитый параличемъ; даровитый и гражданскому долгу свыше всякаго себялюбія преданный Владимиръ Дмитріевичъ Вальховскій, другъ и Кавказскій сослуживецъ своими заслугами и высоки-

ми душевными качествами всей Россіи извѣстнаго графа Дмитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена, и мой горячій защитникъ, въ немилости доживалъ послѣдніе часы своей жизни предсѣдателемъ Полтавской [1]) гражданской палаты;—а горой за меня стоявшій, всѣми любимый и почитаемый баронъ Христофоръ Христофоровичъ Фонъ-деръ-Ховенъ, который изъ-за меня даже хотѣлъ стрѣляться съ генераломъ З...., занималъ должность въ далекой Сибири. Замѣщали ихъ: въ званіи корпуснаго командира генералъ Головинъ, а въ должностяхъ начальника штаба и оберъ-квартирмейстера, П. Е. Коцебу и нѣкій генералъ Megдъ. Не менѣе того, въ виду послѣднихъ прощальныхъ словъ Государя Николая Павловича, я былъ пораженъ ровно громовымъ ударомъ изъ безоблачнаго неба, узнавъ при въѣздѣ въ городъ, отъ встрѣчнаго пріятеля, что не числюсь больше въ Кавказскомъ корпусѣ, а въ отсутствіи моемъ откомандированъ въ Новгородскую губернію, въ гренадерскій корпусъ, о чемъ мнѣ и посланы навстрѣчу три предписанія, въ Воронежъ, въ Новочеркаскъ и въ Ставрополь, съ тѣмъ чтобы далѣе не ѣхать.

Дерзнулъ я, въ невеликомъ чинѣ, «имѣть свое собственное сужденіе», и сверхъ того—о ужасъ!—ни у кого не просясь откровенно высказать его Государю. Послѣ такого богомерзкаго поступка такъ и слѣдовало: тотчасъ и на вѣчныя времена меня записать въ число людей вредныхъ общественному спокойствію, которыхъ каждый благомыслящій человѣкъ, особенно служащій, обязанъ всѣми зависящими отъ него средствами безпощадно гнать съ лица земли.

Предписанія, долженствовавшія меня остановить на дорогѣ, миновали моихъ глазъ; потому что я не останавливаясь проѣхалъ до Пятигорска, и разъ уже въ городѣ, изъ котораго рѣшено было меня изгнать, мнѣ все таки слѣдовало явиться начальству, хотя бы для того, чтобы въ тоже время и откланяться.

Встрѣтили меня такого рода привѣтливыми вопросами.

— Зачѣмъ пріѣхали? Развѣ не получили на встрѣчу вамъ посланныхъ предписаній?

— Не получилъ.

— Значитъ, не исполняли служебной обязанности являться комендантамъ при проѣздѣ черезъ города̀.

— Ѣхалъ не останавливаясь, и въ такомъ случаѣ, по уставу, не обязанъ являться.

— Когда изволите ѣхать?

— Завтра.

---

[1]) А можетъ быть и Черниговской, навѣрное не помню.

— Сами виноваты, ежели сдѣлали лишнюю дорогу, отъ которой мы хотѣли васъ избавить.

Не всѣ однако понимали вещи такимъ же образомъ. Генералъ Головинъ ничего не зналъ о томъ, какъ соблаговолили распорядиться моею судьбою; назначеніе и перемѣщеніе офицеровъ входило въ болѣе тѣсный кругъ обязанностей начальника штаба и корпуснаго оберъ-квартирмейстера. Состоялъ при немъ въ то время адъютантомъ Н. Н. Муравьевъ (въ послѣдствіи графъ Амурскій), который, узнавъ отъ одного изъ моихъ пріятелей, какъ со мною поступили, предупредилъ своего генерала о томъ, что я откомандированъ изъ Кавказскаго корпуса не только вопреки моему желанію, но и противно высочайшей волѣ, и корпусный командиръ приказалъ отмѣнить такое неблаговидное распоряженіе.

Три дня послѣ того, я получилъ приказаніе ѣхать на Черноморскую береговую линію, но Головинъ вторично приказалъ оставить меня на зиму въ Тифлисѣ.

Весною сороковаго года не миновалъ я однако неизбѣжною бѣдою мнѣ грозившихъ береговъ Чернаго моря.

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ ПУШКИНА.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНГЛИЧАНИНОМЪ О РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

...строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ Русскаго крестьянина:

Къ тому жъ подушны, барщина, оброкъ!

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ Англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что̀ можетъ быть несчастнѣе Русскаго крестьянина?

Англичанинъ. Англійскій крестьянинъ.

Я. Какъ! Свободный Англичанинъ, по вашему мнѣнію, несчастнѣе Русскаго раба?

Онъ. Что̀ такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ. Слѣдовательно, свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы, или естественныя препятствія.

Я. Такъ; но разница: покоряться законамъ предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ. Ваша правда. Но развѣ народъ Англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я. Въ чемъ вы полагаете народное благополучіе?

Онъ. Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

Я. Какъ?

Онъ. Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

Я. Но злоупотребленія частныя.....

Онъ. Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ—волоса встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ объ сукнахъ г-на Шмидта или объ иголкахъ г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ

одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я. Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Онъ. Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, чтò въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе Англійскаго работника. Но посмотрите чтò дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять и десять народу, но лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію....

Я. Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Онъ. Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я. Чтò поразило васъ болѣе всего въ Русскомъ крестьянинѣ?

Онъ. Его опрятность и свобода.

Я. Какъ это?

Онъ. Вашъ крестьянинъ каждую Субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышленности говорить нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, чтò сосѣди наши называютъ *un badaud*, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительныя.

Я. Справедливо. Но свобода? Неужъ-то вы Русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

Онъ. Взгляните на него: чтò можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

Я. Не удалось.

Онъ. То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго; вы не видали раболѣпнаго *masters* нижней палаты передъ верхней, джентельмена передъ аристократіею, купечества передъ джентельменствомъ, бѣднаго передъ богатымъ, повиновенія предъ властію. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше съ Индіей, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинъ.

9 Декабря.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина, доктора К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** императора **Александра Павловича, князя Суворова** и проч
КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**
КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа Н. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ. Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.
КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.
Исторія Яицкаго войска. Письма князя Вяземскаго къ Пушкину и Булгакову.
КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.
КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.
КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Цѣна каждой книгѣ особо **3 рубля.** Полное годовое изданіе стоитъ **8 рублей**. Пересылка на счетъ Конторы Русскаго Архива.

ОПЕЧАТКИ

въ русскомъ архивѣ. 1881. I (2).

Стран.	*Строка.*			
368	18	abréjé	читай:	abrégé.
—	4 (снизу)	*под*пись	„	*над*пись
369	22	видно	„	важно.
371	12	parfoit	„	parfait.
—	14 и 21	Рукою	„	Рукопись

Русскій Архивъ

ИЗДАЕТСЯ

въ 1881 году

шестью книжками, выходящими по мѣрѣ отпечатанія.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

съ пересылкою.

АДРЕСЪ: **Москва**, Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.
Въ Петербургѣ книжные магазины „Новаго Времени“ и Н. И. Мамонтова.

Цѣна каждой книжкѣ 1881 года въ отдѣльной продажѣ **1 р. 50 к.**

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.
ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ КНИГЪ, КАЖДАЯ ВЪ ДВА ВЫПУСКА.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1881

II

(2)

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

ЗАПИСКИ Г. С. БАТЕНКОВА.

ДАННЫЯ.

ПОВѢСТЬ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

Чѣмъ мы занимаемся въ жизни? Собираемъ данныя, пріобрѣтаемъ, разлагаемъ, сводимъ, повѣряемъ, сравниваемъ, переработываемъ, испытываемъ и, такъ сказать, дистиллируемъ умомъ эти данныя. Позвольте мнѣ поговорить съ вами о себѣ. Изъ всѣхъ данныхъ самое главное *я*. Оно не пріобрѣтается, а дается Богомъ, при созданіи человѣка; какъ чувство бытія, растетъ, растетъ и достигаетъ до самосознанія. Худо или лучше, однакоже это *я* — единственное наше орудіе для собранія данныхъ и обращенія съ ними. Не правда ли, что всякій изъ насъ имѣетъ право говорить о себѣ? Но печатно надобно говорить изящно, умно, современно, занимательно. Вотъ и запятая. Она останавливала меня до 68 лѣтъ жизни, останавливаетъ и теперь. Но далѣе я уже не пойду, и ждать болѣе нечего: надобно осмѣлиться и по крайней мѣрѣ выработать себѣ рѣшительную увѣренность въ неспособности и потомъ спокойно, молча, добираться до могилы.

Лгать я не намѣренъ до послѣдней іоты; но конечно не доскажу многаго, и пусть по мнѣнію Руссо это также ложь. А я, хотя и родился въ XVIII вѣкѣ, но тогда не учился еще философіи, да и никогда кажется, какъ и всему другому; по крайней мѣрѣ учился плохо, очень плохо, не смотря на то, что весьма охотно.

Первое данное получилъ я, достигая двухъ лѣтъ по рожденіи. На крыльцѣ нашего домика держала меня на рукахъ моя любимая нянька Наталья; я сосалъ рожокъ. Въ это время пріѣхалъ къ намъ изъ Петербурга дядя Осипъ въ обратномъ пути на Алеутскіе острова, откуда ѣздилъ съ отчетомъ и за милостями Императрицы по подвигамъ Ше-

лехова. Онъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, вѣроятно грозно: «стыдно сосать доселѣ». Эти слова такъ сильно на меня подѣйствовали, что я бросилъ рожокъ за окно и пришелъ въ сознаніе: увидѣлъ, что я на крыльцѣ, оглядѣлъ наружность строенія, подлинно увидѣлъ свѣтъ Божій, и это впечатлѣніе сохранилось во всей его живости доселѣ. Сказывали, что послѣ я скучалъ, но никакъ уже не хотѣлъ обратиться къ прежнему способу пищи: стыдился, также вѣрно, какъ Адамъ своей наготы.

Далѣе ничего не сохранилось въ памяти отъ перваго младенчества кромѣ двухъ случаевъ: бытности у насъ архіерея и съѣденнаго мерзлаго яблока, привезеннаго дядею; мнѣ было оно сущей амврозіей: слаще, пріятнѣе не ѣдалъ я ничего во всю мою жизнь. Впрочемъ и была эта первая пища послѣ молока. А почему помню преосвященнаго, отчета дать не могу. Потому вѣрно, что его всѣ любили; должно быть, онъ приласкалъ меня; а можетъ быть многократно безъ вниманія слыхалъ я его имя, а тогда узналъ, о чемъ говорили. Надобно сказать, что я уже говорилъ въ это время, а *что̀* и *какъ*, Господь знаетъ. Признаю, что даръ слова есть непостижимая глубина, и онъ начинаетъ дѣйствовать прежде чувственнаго сознанія. Ходить я началъ ранѣе года, и это какъ? Не подъемлетъ ли насъ творческая сила и руководитъ? Не учимся, не подражаемъ разумно, не понимаемъ употребленія органовъ. «Такъ подобаетъ быть»: вотъ все, что̀ сказать можемъ. Сему «подобаетъ быть» повинуется вся жизнь, повинуется все живое, самыя растенія, явленія природы; и оно такъ просто, что мы менѣе всего это замѣчаемъ. Солнце также дѣйствуетъ на природу, но должно же быть еще другое незримое солнце, которое освѣщаетъ внутри, непрестанно, повсемѣстно, животворно. Язычники сливали оба свѣтила воедино; но мы не можемъ не различать ихъ: ибо одно не живо, не разумно; нѣчто другое мыслимо причиною бытія, причиною распорядка, красоты и точности устройства, разумно, тонко, послѣдовательно обдуманныхъ, или вдругъ излитыхъ и изливаемыхъ. *Такъ подобало быть.* Остановимся пока на этомъ. Тутъ заключается понятіе о вѣчной не обходимости бытія.

Алчность къ собранію данныхъ развилась во мнѣ постепенно. Я помнилъ уже все что̀ могъ видѣть изъ оконъ жилья: церкви, длинный рядъ прибрежныхъ строеній, загнутый въ концѣ къ лугу. Весь кругъ знанія ограничивался дальнею горою, на которой, какъ въ волшебномъ фонарѣ, мелькали по временамъ маленькіе человѣчки и веселили меня. Вскорѣ пробудилось любопытство. Мнѣ хотѣлось знать что̀ скрывается за каждымъ видимымъ предметомъ, а этотъ вопросъ не помню какъ себѣ задалъ. Меня не выпускали изъ горницы, и никакой широты я

не видалъ; можно сказать, вовсе не зналъ пространства; потому что, родясь двадцатымъ дитятей у шестидесятилѣтняго отца и почти мертвымъ, былъ я крайне слабъ. Я, близорукій, но не приписываю однако того своей заперти: это природное свойство глаза, чему служитъ доказательствомъ доброе зрѣніе въ темнотѣ, употребленіе въ молодости вогнутыхъ очковъ и неимѣніе нужды въ нихъ въ нынѣшней старости. Пишу и читаю днемъ и ночью, разсматриваю мелкія вещи простыми глазами.

Слыхалъ я много разъ названіе городскаго головы. Желательно мнѣ было увидѣть, какъ ходитъ голова, воображаемая мною огромною, безъ рукъ, безъ ногъ. И вотъ слышу: голова идетъ. Бросился къ окну и думалъ, что меня обманули. Какая это голова!.. Гдѣ она? Просто идетъ Петръ Анисимовичъ. Не могъ я никакъ понять, почему называютъ его головою; и, слыша въ другихъ случаяхъ, что говорятъ такъ не шутя, сталъ сердиться на себя, что ничего въ этомъ не разумѣю.

Употребленіе искусственныхъ терминовъ не дается младенцу; ему нужна истинна наглядная, простая. Не берусь прочитать очевидно знаменательныя черты на нашихъ ладоняхъ. Древніе на этомъ построили цѣлую науку хиромантіи; но ихъ воззрѣніе такъ затемнено суевѣріемъ и вымысломъ, что намъ ничего кажется тутъ не разобрать, даже и при помощи системы френологовъ и Лафатера. Но вотъ примѣтное сходство съ этимъ и въ мысли нашей: на ней также напечатлѣваются черты, служащія намъ для душевныхъ отправленій. Онѣ рѣзки и неподвижны, остаются все одинаковыми съ перваго слуху на всю жизнь; чрезъ нихъ и мысль получаетъ образъ. Такъ сохраняются въ памяти названія, имена, особливо отвлеченія; ихъ мы соображаемъ, зиждемъ сліяніемъ съ новыми. Чувствовалъ я въ себѣ такія черты, и мнѣ впослѣдствіи предстояла большая, серьозная работа отъ желанія узнать что̀ таится за этими чертами; какъ отъ нихъ высвободиться, чтобы постигнуть новое, сойдти сколько возможно съ рутины. Цѣлые годы провелъ я, стараясь совмѣстить въ себѣ два первыя начертанія: *годъ и горизонтъ*, нѣчто сходное съ математическими кругами, но объ этомъ послѣ. Замѣчу только, что въ мысли совершается дѣйствіе, истинное движеніе, сознательно, съ участіемъ воли. Такое устройство самаго себя древнія таинства называли царственнымъ искусствомъ, символируя возрастъ человѣка сперва дикимъ, нестройнымъ, а потомъ кубическимъ камнемъ и, наконецъ, чертежною доскою.

Когда взяли меня гулять по улицамъ города, чувство пространства такъ на меня подѣйствовало, что я испугался: прижался къ отцу и не смѣлъ внимательно смотрѣть на предметы, вновь мнѣ во множествѣ представшіе, едва не заплакалъ, ходилъ почти не помня себя и,

когда возвратился домой, радъ былъ, какъ избавившійся отъ великой бѣды, какъ погибавшій и спасшійся. Не понималъ, что видѣлъ тѣ самые предметы, которые были передо мною какъ бы на одномъ планѣ въ обзорѣ изъ окна. Долгое время проживя, попрежнему достигъ мысли, что эта видѣнная мною громада именно то самое, что̀ хотѣлъ я узнать за предметами моего обзора, и съ того времени я пожелалъ, чтобы снова показали мнѣ видѣнное и не такъ вдругъ, но дали бы разсмотрѣть и разсказали. Отецъ едва догадался, чего я хочу и въ нѣсколько прогулокъ ознакомилъ съ вещами. Не имѣю полнаго сознанія, что̀ я чувствовалъ, когда привели меня въ первый разъ въ приходскую церковь, но не умѣлъ узнать ее, смотря изъ оконъ. Впослѣдствіи проявилось желаніе побывать въ другихъ церквахъ; оно удовлетворено было отчасти, но много стало по времени накопляться охоты видѣть, и въ первый разъ возродилась надежда. Наконецъ, дошли мы до дальняго пункта, до горы, которая окаймлена была большими каменными зданіями. Подъемъ на гору сдѣланъ былъ въ ущеліи, одѣтомъ каменными стѣнами; проходя его, я оглядывался на ту часть города, которая съ каждымъ шагомъ понижалась и разстилалась на равнинѣ. Зрѣлище было такъ великолѣпно для меня и разительно, что, казалось, я выхожу изъ самаго себя, росту и становлюсь все бо́льшимъ и бо́льшимъ. Но каково было мое удивленіе, когда мы поднялись, и тамъ предстала обширная площадь, опять домы, опять церкви! Я воображалъ гору тонкимъ гребнемъ и думалъ, что на ней большимъ людямъ стоять негдѣ, а могли семенить только маленькіе человѣчки, почти такіе же, какъ куклы дѣвочекъ. Въ полномъ забвеніи себя я пришелъ въ такой восторгъ, именно отъ новаго сознанія, что не помнилъ уже, гдѣ я. Даль казалась мнѣ безмѣрною, необъятною, само небо новымъ, чашею покрывающею безконечность. Такое впечатлѣніе осталось во мнѣ на всю жизнь, легла неизгладимая черта въ мысли, и слово «небо» получило во мнѣ образъ.

Долго, долго разсматривалъ я въ себѣ воспріятое чувство; зря и закрывая глаза, не могъ имъ налюбоваться, и началось оттолѣ первое развитіе ума: потому что сталъ разбирать, соотносить и ставить на мѣсто всѣ подробности. Родной городъ сдѣлался типомъ всѣхъ городовъ, гора типомъ горъ, и что̀ ни слышалъ о другихъ городахъ и горахъ, подводилъ подъ одну свою мѣру и, странное дѣло, это и на возрастѣ осталось, какъ бы опредѣленнымъ вмѣстилищемъ впечатлѣній.

II.

Старая жизнь!.... Я помню ее еще во всей ея цѣлости. Простота, безденежье, дешевизна, трудъ; могучая, характерная жизнь. Тысяча

рублей составляла тогда капиталъ и ставила обладателя на высокій пьедесталъ. Маленькій военный чинъ, незначительная гражданская должность вводили въ сословіе *господъ* и дѣлали авторитетами и аристократіей. Священники, большею частью долговѣчные, неподвижные въ своихъ приходахъ, были своими во всѣхъ семействахъ; они вѣнчали отцевъ, а иногда и дѣдовъ, крестили всю семью и потому были необходимыми гостями во всѣхъ ея праздникахъ, первыми совѣтниками въ добрѣ и въ злополучіи, водились со всѣми прихожанами и охотно хлопотали о бѣдныхъ, раззорившихся и сиротахъ. Преосвященные, превосходительные составляли чуть не олимпъ, отражали честь на всѣхъ, кто къ нимъ приближался; имъ вѣрили, ихъ уважали, боялись, и это гармонически сливалось съ самолюбіемъ каждаго.

Много было добраго въ старой жизни. Но она совершила свой циклъ и несносна сдѣлалась, когда стала разлагаться. Это разложеніе будетъ продолжаться еще не одно поколѣніе, и не скоро снимется старый покровъ, похоронится громадное мертвое, изсохшее тѣло; развѣ вступитъ земля въ первый день творенія и въ сопряженіи конца съ началомъ обновится творческимъ актомъ. Что̀ представляетъ мнѣ сравненіе той жизни съ новою? Одна была тверда, покойна; другая дѣятельна, безпрестанно стремится въ даль, безконечность; одна была ясна, другая свѣтлѣе. Власть въ первой не встрѣчала никакой опозиціи, но она давила на почву мягкую и не разстроивала привычекъ и обычаевъ, не простирала опеки на жизнь и трудъ. Тогда были города, и въ нихъ семьи; теперь государство, въ которомъ личность дышетъ какъ въ обширной средѣ, почти отрекаясь отъ себя самой. Въ старой жизни собственность была тверда на̀ слово, какъ и всякія взаимныя условія. Теперь право собственности не полное; домъ и все что̀ можно видѣть снаружи во многомъ принадлежитъ не хозяину, и онъ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ: служитъ силѣ организующей нерѣдко мнимо, въ страхѣ написаннаго. Тогда было нужно на все позволеніе главы семейства, теперь начальства. Но мы лучше все это увидимъ, ежели удастся мнѣ разсказать, какъ и что̀ на дѣлѣ было.

У меня много было бабушекъ; всѣ онѣ, добрыя, кормили пряниками и подчивали другими сластями. Одна только изъ нихъ была гордая, строгая, сущая аристократка. Это мать первой жены отца и родная бабка моему старшему брату. Прогнѣвавшись на вторую женитьбу, она запретила внуку называть мачиху матерью и дѣтей ея братомъ и сестрою. Повиновеніе было безусловное, и хотя братъ былъ уже поручикомъ, не смѣлъ ослушаться, пока она была жива. Никогда у насъ не бывала, и только тайно посѣщала насъ ея другая добрая сестра. Мы одни съ отцемъ являлись къ ней. Я получилъ, не знаю

уже какой заслугой, обильную дачу коврижекъ и право называть ее бабушкой, но не всегда просто, а болѣе съ эпитетомъ «бабушка Николаева». Подъ конецъ и съ брата Николая снялось запрещеніе, хотя робко, не совсѣмъ рѣшительно, но называть меня этимъ дорогимъ именемъ.

Отъ другой бабушки я впалъ было въ великую бѣду. Мы жили на разныхъ половинахъ въ одномъ домѣ, и хотя шестидесятилѣтній отецъ не смѣлъ безъ благословенія дѣдушки ни вставить, ни выставить у себя зимнихъ рамъ изъ оконъ, однако преступленіе мое возбудило въ немъ неукротимый протестъ. Вотъ что случилось. Кто-то разбилъ въ окнѣ стекло; хотя я былъ крайне смиренъ, но подозрѣніе пало на меня, и когда я отрицался, заплакалъ и побожился, отецъ сильно осердился, укорялъ меня во лжи, въ нечестіи и угрожалъ наказаніемъ. Чувствуя себя правымъ, я вздумалъ перенести дѣло на апеляцію къ бабушкѣ и укрылся у нея. Она повела дѣло не слѣдственнымъ, а сентиментальнымъ порядкомъ и во что бы ни стало рѣшилась не выдавать меня. Была она и сама женщина крутая, но вѣчно не могла же укрывать меня. Отецъ держалъ въ осадѣ, а дѣдушки, верховнаго судіи, въ домѣ не было; былъ я наконецъ исторгнутъ. Дѣло о стеклѣ замялось, а можетъ быть и объяснилось по другимъ даннымъ; но ябеда оставалась для старика нестерпимою. Розга была уже на лице; не знаю, какъ и сохранилъ меня Богъ отъ нея. Ограничилось дѣло рѣзкимъ словеснымъ наставленіемъ, повторявшимся и впослѣдствіи, чуть былъ случай. Много разъ приходилось ласкаться къ отцу, цаловать его и умолять чтобъ забылъ. Однако надобно поблагодарить его, что онъ выбилъ изъ меня всю охоту къ жалобамъ и ябедамъ; но за то осталась склонность поворчать про себя, даже и до сего дня.

Другой дѣдушка, потерявшій зрѣніе, былъ мастеръ по вечерамъ разсказывать сказки и завелъ безконечную въ родѣ Шехеразады о волшебникѣ и богатырѣ Карачѣ, которую всѣ слушатели чрезмѣрно одобряли. Крѣпко внималъ и я, когда начнется; но сонъ одолѣвалъ, и ничего не удавалось сохранить въ памяти. Горько плакалъ я объ этомъ съ наступленіемъ утра. Къ чести моей надобно сказать, что я удержалъ въ мысли, какъ можетъ быть сказка длинною, занимательной, со многими отступленіями, давая въ мысли мѣсто эпизоду. Значитъ, природа наградила меня тѣмъ что̀ называется общимъ взглядомъ, на которомъ едвали и не почила моя энциклопедія. Дослушивалъ однако, не смотря на дремоту все до конца о волкѣ и козѣ, съ великимъ участіемъ къ ягнятамъ, когда обманывалъ ихъ звѣрь, напѣвая толстымъ голосомъ: «дѣтушки, дѣтушки, отворите окошечко; я коза пришла, молока принесла»; какъ ходилъ онъ въ кузницу точить языкъ и успѣлъ,

наконецъ, поддѣлать голосъ. Не наскучивали мнѣ повторенія однаго и того-же; хотя были и другія многія коротенькія сказанія, но имъ менѣе сочувствовалъ. Только и ставилъ въ рядъ пѣтуха, который подавился на тутовыхъ горахъ бобовымъ зерномъ и для помоги которому прибѣгала курочка сперва къ морю, чтобъ достать воды, но оно потребовало листа отъ липы для укрощенія волнъ, а липа вѣтру, чтобъ сронить листъ, вѣтеръ тучи и такъ далѣе; такъ, что странствованіе курочки продолжалось до помощи человѣческой, и до дѣвицы красной, все рѣшавшей однимъ поцѣлуемъ. Разумѣется безъ Кощея безсмертнаго и Яги-бабы также не обошлось.

III.

Юношескія произведенія обыкновенно называютъ незрѣлыми плодами; но мнѣ кажется, что это названіе точнѣе принадлежитъ озимовымъ, старческимъ. Они ростутъ туго, лишенные тропической теплоты и подъѣдаемые замерзлою росою. Кажется, съ каждымъ днемъ болѣе портятся, нежели зрѣютъ. Кряхтишь, торопишься, лѣнишься, улыбаешься, ясно разумѣешь, путаешься, морщишься, ворчишь,— а все выходитъ или незрѣлое или перезрѣлое. Бѣда да и только! Было время, когда я утопалъ въ бюрократическомъ законодательствѣ: работа кипѣла подъ руками; мысль образовывалась, быстро дѣлилась, различалась, тянулась послѣдовательно. Отдѣлы, главы, параграфы такъ и толкали другъ друга, стройно ложились въ рядъ, какъ будто въ геометрической лекціи. Пишешь, бывало, какъ стенографъ, а весь въ жару. Произведеніе выходитъ стройнымъ, и старикамъ казалось не остается на это возражать.

Съ первыхъ же опытовъ открылось однако, что эти старики не безъ причины удерживаются отъ восторга. Ну что, сказалъ мнѣ мой умный руководитель (уже не родной отецъ), каково идетъ вторая часть твоей работы?—Какая вторая часть?—О! ты думалъ, что все уже кончено; но ты представилъ только скелетъ, зданіе никѣмъ необитаемое. Потрудись же навести на скелетъ твой плоть и кровь; введи жильцевъ въ зданіе, и помни двѣ вещи, что жильцы эти каждый день будутъ праздновать со всѣмъ народомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами будутъ жить какъ имъ пристойно и желательно. Словомъ, потребно дать еще наказъ, въ опредѣленіе правды, истины, духа.

Простите, что я уже забрался впередъ и говорю не о дѣтствѣ. Но строгой послѣдовательности и хронологическаго порядка сохранить не умѣю. Стану продолжать.

Узналъ я, что дѣло уже не о томъ, чтобъ выстроить должностнымъ лицамъ особыя, прекрасныя, хотя и идеальныя помѣщенія, дать жалованье, придумать особый мундиръ и живо вообразить каждаго изъ нихъ въ своей роли и всѣхъ вмѣстѣ на разныхъ степеняхъ въ непрестанномъ соприкосновеніи съ народною, городскою и вообще частною жизнію.

Принялся я и за это. Еслибъ моя первая работа не была потеряна, она могла-бы имѣть цѣну любопытной статьи. Вышла у меня психическая программа: съ одной стороны недостижимый идеалъ, совершенное добро, и не могъ я придумать другаго начала для наказа. Въ противуположность тому анализировалъ я зло и параллельно моему наказу протянулъ строжайшій уголовный уставъ.

Удивился я, когда старикъ мой назвалъ всю мою работу непрактичною, мелодраматическою и замѣтилъ мнѣ, что я вовсе не занялся данными и вполнѣ пренебрегъ цыфры и указанія полной науки, не выключая и части нравоописательныя. Онъ отмѣтилъ красными чернилами нѣсколько мѣстъ, сказалъ, что это годно какъ указаніе, что намъ извѣстно должное направленіе, и мы знаемъ уклоненія въ ихъ сущности, какимъ человѣкъ легко слѣдуетъ въ дѣлахъ.

Послѣ этой цензуры я увидалъ предъ собою какъ бы развернувшуюся бездну; мнѣ стало стыдно, совѣстно, страшно. Гдѣ взять энергію на исполненіе; какъ вдохнуть ее въ письмо? Почувствовалъ я, что ко мнѣ снова возвратилось младенчество. Какъ, когда я созрѣю? Прожить могу еще въ силахъ лѣтъ 30, среди суетъ, заботъ и треволненій, а тамъ и старость съ возрастающею немощью. Безнадежное состояніе, а нельзя нашу краткую жизнь наставлять даже и посредствомъ поколѣній какъ цѣпь, новыми звеньями, въ непрерывное продолженіе. Тогда обнялъ я только цѣлость своего младенчества. Къ нему и обращаюсь своимъ разсказомъ.

IV.

Отецъ мой былъ святой человѣкъ, въ крайней простотѣ сердца, искренно, безусловно привязанный къ церкви; добрѣе его сердцемъ я не встрѣчалъ никого въ жизни. Набожность со всѣхъ сторонъ меня обымала, и младенчество почти удвоялось. Сперва занимали видимые предметы. Въ церкви всего болѣе обращалъ я вниманія на одежды священниковъ и желалъ взглянуть на всѣ иконостасы въ городѣ. О какъ сильно хотѣлось увѣдать 1000 пудовой колоколъ, а которомъ говорили, что онъ привезенъ, образъ Спаса непомѣрной величины, Николу рѣзнаго. Я безпрестанно глядѣлъ изъ окна на соборную колокольню,

которую засталъ уже сооруженною, но всю покрытую лѣсами; не понимая значенія, я почиталъ ихъ необходимымъ украшеніемъ всякой соборной колокольни, и разсматривалъ непрестанно изъ дали смутно, но старательно.

Насталъ желанный день: меня повели слушать первый звонъ огромнаго колокола. Глазамъ моимъ онъ показался рѣшительно необъятнымъ, когда подошелъ я къ нему близко, и висѣлъ онъ на особой,-сложной, деревянной постройкѣ. Тогдаже разглядѣлъ я и лѣса колокольни; сердился, что они не такъ прекрасны вблизи и услышалъ, что стоятъ на время, служа работникамъ. Это чувство имѣло однако полное удовлетвореніе, когда нѣсколько недѣль изъ дому любовался я постепеннымъ проявленіемъ зданія: сперва позолоченнымъ крестомъ съ шаромъ, потомъ бѣленькою шейкою, зеленою крышею, а послѣ ежедневно болѣе открывавшимися оштукатуренными частями, какъ бы обнажаемыми отъ одежды лѣсами, какъ нѣчто живое готовящееся на праздникъ. Мнѣ казалось болѣе эстетичнымъ и таинственнымъ, если это остановится на треть высоты, не доходя до земли; и когда открылась вся колокольня до основанія, не былъ я доволенъ. Такъ зародился во мнѣ вкусъ готическаго рококо для нижнихъ частей, и Греческой изящности для верхнихъ частей строенія. Думаю, что оно такъ и есть для дали, для высокаго и на высотѣ зданія, и для обозрѣнія въ самой близи деталей. Мнѣ не довелось что-либо выработать изъ этого впечатлѣнія; но я съ нимъ не могъ разстаться и сохранилъ въ себѣ эту отличительную черту архитектуры ото всѣхъ прочихъ искусствъ, примѣнимую развѣ въ музыкѣ. Безъ этой черты долго мнѣ казались самыя изящныя зданія голоногими, а полныя готическія вычурными и изысканными.

Когда ударили въ колоколъ, онъ совершенно оглушилъ меня и подѣйствовавъ на нѣжность органа, навсегда разстроилъ мой слухъ. Бѣда тѣмъ не кончилась. Когда подвели меня къ Спасу, онъ показался мнѣ такъ страшнымъ, что я лишился чувствъ отъ испуга, и изъ церкви вынесли меня на рукахъ. Это сдѣлало меня черезъ мѣру робкимъ и пугливымъ. Разумѣется, Николу я не смѣлъ и не желалъ видѣть дотолѣ, пока это сдѣлалось потребностью для успокоенія воображенія; ибо сталъ сильно бояться и церкви, гдѣ онъ стоялъ, особенно внимая разсказамъ, что истуканъ выходилъ для отстраненія отъ нея огня во время большаго пожара. Жители имѣли къ нему особую вѣру и привязанность, за молебны платили дороже, частью и потому, что стоялъ въ холодной церкви. Только въ недавнее время архіерей нашелъ возможнымъ снять *высокаго Николу*, можетъ быть и тайно, съ занимаемаго имъ мѣста.

Можно сказать, что колоколъ и изображеніе повредили моему воспитанію, и трудно найдти младенца, которому бы страхъ болѣе попрепятствовалъ въ тѣлесномъ развитіи и первоначальномъ обученіи.

Страхъ этотъ, напослѣдокъ, могъ лишить разсудка. Когда нечаянно на глазахъ моихъ выбѣжалъ изъ острога человѣкъ закованный въ кандалы, я рѣшительно сталъ бояться желѣза; вездѣ подозрѣвалъ, что оно несносно, и одинъ видъ вблизи острожныхъ башенъ ввергалъ меня въ безпамятство.

Много было въ домѣ бесѣдъ о святыхъ людяхъ и ихъ подвигахъ. Вслушиваясь стороною, среди игръ, я дѣтскимъ умомъ пожелалъ спастись: началъ сколько могъ удаляться отъ пищи, а какъ отъ мясной имѣлъ природное отвращеніе, то вскорѣ замѣчено было мое постничество, и я принужденъ былъ притворяться. Выдумалъ еще подвигъ: слѣзать ночью съ постели и спать по нѣскольку часовъ на голомъ полу.

Важнѣе всего было, что я понялъ смыслъ словъ: *не будетъ конца*, обративъ это на муки во адѣ, и уединялся. Вспомню «не будетъ конца», забудусь и опять вспомню, ибо воспоминаніе продолжается одно мгновеніе. Мучился я по долгу, и мысль сдѣлалась неотступною. Хотѣлось спастись, чего бы ни стоило и, услышавъ о жизни Св. Даніила Столпника, я разсудилъ, что это самое трудное и потому рѣшительное средство. Вскарабкался, хотя и съ боязнію, на одинъ изъ заборныхъ столбовъ въ огородѣ съ намѣреніемъ простоять на немъ во всю жизнь. Черезъ нѣсколько минутъ закружилась у меня голова, и напалъ такой страхъ, что я закричалъ во все горло. Увидѣли, сняли и дивились такой небывалой во мнѣ смѣлости; стали разспрашивать, и я разсказалъ все. Отецъ не смѣялся, но сильною добротою сердца успокоилъ меня, объяснивъ, что я еще младенецъ и не понимаю нисколько, что̀ дѣлаю, а что онъ самъ за меня молится. Я ему глубоко повѣрилъ и съ того времени сталъ немного рѣзвѣе и веселѣе; пересталъ задумываться. Случалось даже, что когда онъ стоитъ на утренней молитвѣ, мы съ сестрою заберемся подъ полы его длиннаго платья и начнемъ ловить другъ друга. Онъ насъ не унималъ и, какъ бы не примѣчая, продолжалъ свое дѣло.

Впечатлѣніе младенчества успокоилось и не возмутило разсудка, но оставалось и крѣпло со временемъ, хотя и казалось заглушеннымъ въ волнахъ жизни; я почиталъ его добрымъ, какъ напоминаніе о смерти и будущей жизни, хотя оно чувствовалось совсѣмъ иначе, нежели естественная совѣсть. Оно возымѣло полное дѣйствіе уже въ мужескій возрастъ, когда жестокое бѣдствіе обрушилось надо мною. Я полагалъ остатокъ жизни провести въ крайнемъ смиреніи и непрестанной мо-

литвѣ. Стоялъ на колѣняхъ предъ образомъ по цѣлымъ днямъ; боролся съ собою, не чувствуя желаемаго умиленія и продолжалъ это дотолѣ, пока внезапнымъ осіяніемъ ума обнялъ, какое мнѣ свойственно богопознаніе и вѣрованіе; увидѣлъ, что принятой мною путь есть только отрицаніе и не ведетъ ни къ чему кромѣ изнуренія. Можно сказать, что съ того времени все врѣзавшееся въ душу, какъ законъ, эта ось подобная той, которая дѣлитъ наше чувство симметрически на правое и лѣвое, обернулась къ нему свѣтлою, лицевою стороною. Я утвердился на ней.

Въ послѣдствіи, прочитавъ «Исповѣдь» Гоголя и зная вполнѣ его состояніе, желалъ я изъяснить ему его: написалъ сряду два къ нему письма; одно, и лучшее, не дошло. На другое онъ отвѣчалъ, благодарилъ и обѣщалъ не почитать свои *Мертвыя Души* ни слишкомъ великимъ дѣломъ, ни грѣхомъ смертнымъ.

V.

Описывая свое младенчество и юность изъ отдаленія старости, я могъ на многое въ себѣ самомъ смотрѣть какъ на подлежащее, рыться, такъ сказать, въ своей душѣ и задавать себѣ вопросы. Изъ нихъ здѣсь упомяну два: 1) Какимъ образомъ возрасталъ я, умомъ и тѣломъ, овладѣвая, постепенно и въ примѣтные моменты, органами тѣла и способностями души? 2) Въ чемъ и какъ заключались задатки долгой жизни?

Къ послѣднему вопросу приступилъ я черезъ чувство. Оно общее намъ всѣмъ. Является время въ его продолженіи; предстоятъ данныя въ индивидуумахъ, и были уже они во мнѣ. Осмѣливаюсь предложить по этому предмету научный выводъ; да будетъ мнѣ извинена неточность терминовъ, которою и самъ я недоволенъ. Я нахожу, *что средняя долгота жизни развитаго ума въ нашъ вѣкъ* количественно болѣе, нежели въ вѣкахъ предъидущихъ; и это не можетъ ли служить объясненіемъ прогресса? Отъ того же прямо зависитъ и увеличеніе средняго продолженія всей жизни. Съ самой глубокой юности мы пользуемся уже результатами умной жизни и менѣе употребляемъ труда къ пріобрѣтенію понятій.

Не одаренный отъ природы обширнымъ умомъ, я имѣлъ въ жизни моей чувство, что скоро истощу весь его запасъ, и развивать будетъ нечего. Слабый тѣломъ, я постоянно чувствовалъ въ немъ близкій конецъ. Однако въ послѣднемъ отношеніи имѣлъ я въ младенчествѣ большіе задатки. Еслибъ сталъ развивать себя въ широту и глубину, не

могъ бы прожить долго; посему и избралъ путь апріорическій, все въ верхъ и въ верхъ и, отойдя далеко отъ дѣйствительности, принужденъ былъ обратиться къ разумѣнію разсудочности, чувствованію, опыту. На долго лишенный дѣятельности, пріобрѣлъ и къ ней неодолимую жажду, и съ полученіемъ свободы, весь обратился на практику, занимался неутомимо хозяйствомъ, приводилъ въ движеніе данныя семейной жизни до произвольныхъ заботъ, безкорыстно, имѣя въ виду одни душевныя присвоенія и критеріумомъ чисто-нравственное начало.

Такъ соединился я вновь съ природою и полюбилъ ее. Нуженъ былъ сильный восторгъ, чтобы разбить затвердѣлость эстетическаго чувства.

Когда, земное оставляя,
Душа безсмертная паритъ,
По волѣ всѣмъ располагая,
Міръ новый для себя творитъ,
Міръ свѣтлый, стройный и священный;
Когда одинъ я во вселенной,
Одинъ — и просто Божій сынъ,
Какъ пульсъ огнемъ, не кровью бьется!
Тогда-то пѣснь рѣкою льется,
И языка я властелинъ.

Ожилъ я восторгомъ, и умъ усмотрѣлъ, что можетъ онъ рости и расширяться вдохновеніемъ, и жизнь можетъ продолжиться, преодолѣть волею первой свой конецъ. Этотъ конецъ ничто иное какъ взятый воспитаніемъ размѣръ и безнадежность независимаго впрочемъ отъ насъ пріобрѣтенія новыхъ силъ души.

Не шутливо, съ нѣкоторою суровостью надобно намъ пользоваться жизнію, а особливо словомъ. Та и другая падаютъ, ежели пренебрегаются.

Изо всего этого выработалось понятіе о продолженіи жизни, для выраженія котораго не имѣю слова. Оно въ связи съ младенчествомъ и съ этой только стороны подлежитъ передачѣ. При впечатлѣніяхъ въ началѣ вѣка, мнѣ казался въ недостижимой дали 1850 годъ, а напротивъ въ страшной давности 1750 годъ. Достигнувъ перваго и ощутивъ его, самое воспоминаніе и размѣръ прожитаго времени дали данное для цѣлаго столѣтія. Оно, слившись, не казалось уже столь огромнымъ и представило новую даль за сомкнутымъ цикломъ. Первою моею мыслію было, что мы, обладая царственно пространствомъ, совершенно нищи въ отношеніи ко времени, какъ показываютъ самыя цифры, и ни наука, ни воспитаніе не даютъ намъ средствъ обогатиться.

VI.

Помню я добрые дни отрочества, когда вмѣстѣ съ сиротствомъ получилъ я свободу гулять по своей волѣ. Любимымъ товарищемъ мнѣ сдѣлался молодой живописецъ. Онъ былъ еще ученикомъ, у одного какаго-то родственнаго моей матери, мастера, имѣвшаго въ городѣ извѣстность и надолго пережившаго ее въ произведеніяхъ. Онъ принадлежалъ вышедшей отъ Строгановыхъ школѣ, отдѣлившейся отъ Суздальской по всѣмъ признакамъ прежде Петра, не Итальянской, не Византійской, не нынѣшней академической, но очевидно обрусѣлой Европейскаго происхожденія, и по слабости научной мало правильной, но болѣе естественной.

Во время продолженія работъ, мы незанятые слѣдили съ любопытствомъ и за приготовительной техникой, и за постепеннымъ проявленіемъ рисункомъ и красками готовящихся изображеній, и въ тоже время, кто могъ читалъ книги, а послѣ какъ умѣли старшіе разбирали ихъ. Живительнѣе всего были сочиненія Карамзина, Путешествіе, Аглая, Бездѣлки. Иногда восторгались и парили съ Державинымъ и находили ближе къ сердцу Дмитріева, Богдановича, Долгорукова.

Начались мои походы за городъ, конечно не далѣе 4-хъ верстъ. Но и это пространство казалось мнѣ необъятнымъ, и самаго желанія не хватало далѣе 25-верстъ, гдѣ стояла знаменитая обитель, которую, говорили, видно съ высотъ города, но не мнѣ близорукому, сколько я ни напрягалъ свое зрѣніе.

Поразила меня въ первый разъ ловля въ Озеркахъ такъ названныхъ золотыхъ рыбокъ, т.-е. маленькихъ съ желтою блестящею чешуею. Поймать и смотрѣть на нихъ хотѣлось, но было жаль, и большею частью ходатайствовалъ, чтобъ отпустили назадъ въ воду.

Таково было мое природное чувство, что мучительно скорбѣлъ, видя птичекъ въ клѣткахъ, какъ бы предчувствуя свою будущую судьбу, и рѣшительно не могъ выносить зрѣлища кухонныхъ операцій съ самаго того часа, когда еще въ первомъ младенчествѣ увидѣлъ пѣтуха, которому отрѣзали голову, и онъ окровавленный сдѣлалъ нѣсколько круговъ по двору, пока упалъ. Поэтому я ничего не могу ѣсть, что̀ было живо, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, и чувствую спазмы даже и тогда, когда посуда служила прежде для мясной или рыбной пищи.

Когда въ первый разъ вошелъ я въ лѣсъ, мнѣ казалось, что это уже другой міръ; по мѣрѣ углубленія началъ чувствовать страхъ; думалъ, что тутъ непремѣнно должно заблудиться и невозможны уже никакія примѣты для выхода, не видно нигдѣ прямой линіи, путеводи-

тельницы нашей. Когда подошли къ кустарнику, онъ мнѣ показался чѣмъ-то волшебнымъ; множество ягодъ, и узналъ я, какъ ростутъ онѣ; и вслѣдъ за тѣмъ указалъ мнѣ товарищъ находить ихъ на травѣ подъ ногами.

Мало-по-малу привыкъ я къ загороднымъ прогулкамъ, сталъ взбираться на высоты и чувствовать красоты видовъ. Громадная, глубокая рѣка, гордо описывающая круговыя дуги, то вогнутыя, то выгнутыя, мысы, отмѣчающіе предѣлы зрѣнію, даль предметовъ, все было наслажденіемъ. Перспектива болѣе всего веселила око, и я страстно полюбилъ пространство и, такъ сказать, впился въ него моимъ любопытствомъ.

Эстетическія наслажденія природой произвели разгулъ чувства, какъ бы освободившагося отъ оковъ ума. Они вліяютъ цѣлостью наслажденія, не ищутъ себѣ опредѣленія и не подвластны ему. Еслибъ слово не было повито воображеніемъ, мы не были бы въ состояніи выражаться художественно. Отвлеченія умомъ также сухи, какъ и наименованіе вещей; отвлеченія фантазіи все оживляютъ: при нихъ слово вочеловѣчивается въ природѣ, и человѣкъ выходитъ изъ береговъ.

VII.

Я не учился грамотѣ, ни читать, ни писать. Приступилъ къ наукѣ съ ариѳметики и Татарской грамматики. Въ началѣ настоящаго вѣка общій духъ жизни возбуждалъ самъ собою любознательность, и въ первыхъ началахъ она давалась легко.

У меня были рисованныя буквенныя карточки, и безъ всякаго усилія или усидчивости, по простой привычкѣ, играя, я только примѣчалъ начертанія буквъ, но не учился ихъ совокуплять и складывать, такъ что не могу дать отчета, какимъ образомъ сталъ я прочитывать цѣлыя реченія. Классическою моею книгою былъ географическій атласъ, подаренный дядею.

Первое прочитанное мною писаніе была газетная статья о Трафальгарской битвѣ и смерти Нельсона. Онѣ понята была не только буквально, но и обобщилась, какъ познаніе о томъ что̀ происходитъ на свѣтѣ. Полагая вѣроятно, что я узналъ уже все, не помню, чтобъ послѣ того заглядывалъ я въ газеты, до дальней юности. Рано получаемыя общія понятія имѣютъ свою пользу, какъ жизненные зародыши развитія и направленія ума, какъ начала охраняющія память отъ изнуренія, но можетъ быть останавливаютъ прилежаніе къ подробному изученію. Они рано дѣлаютъ философомъ и отъ кропотливыхъ занятій ученаго отвращаютъ вкусъ.

Другое общее понятіе досталось мнѣ, какъ дѣйствительное наслажденіе свѣтомъ, консепція. Я былъ въ церкви. Донесся слухъ, что горитъ Губернское Правленіе. Это названіе врѣзалось въ мысли. Меня вовсе не занималъ пожаръ, но то единственно, что есть Губернское Правленіе, что оно должно быть,—и роемъ предстали мечты, какое оно? Можно ли его видѣть? Что иначе оно правитъ нежели весломъ въ лодкѣ, и какъ? чѣмъ? И въ добавокъ еще горѣть можетъ.

Часто бывая съ отцемъ на богослуженіи и любя церковную пѣснь, съ жадностью я хватался за книги Славянской печати и кое-что изъ нихъ прочитывалъ. Не помню, какъ уже добрался до титлъ; но не стоило мнѣ труда начать бѣгло чтеніе, и если бы слабый дѣтскій голосъ не былъ препятствіемъ, я охотно бы читалъ въ церкви; особливо Апостолъ составлялъ отдаленную и приманчивую цѣль честолюбія.

Пробовалъ я и это въ послѣдствіи но, не имѣя способности къ пѣнію, хотя и страстно хотѣлъ научиться, скоро отказался.

Попытка учить меня грамотѣ по тогдашнему способу была однакоже сдѣлана. Поручили это жившему въ монастырѣ священнику, но я вытерпѣлъ только два урока, по причинѣ весьма грубаго обращенія, почему пожалѣли меня и взяли отъ него.

Писать началъ вдругъ самъ, безъ приготовленія, разумѣется не калиграфически и едва ли не прежде всего Татарскими буквами. Жилъ у насъ въ ссылкѣ нѣкто графъ Салтыковъ. Онъ особенно любилъ и занимался этимъ языкомъ при помощи извѣстнаго священника Гиганова, котораго грамматика была съ особенною благосклонностью принята императоромъ Павломъ. Помню, висѣли у него на стѣнѣ большія таблицы съ Татарскими словами, но о методѣ ничего сказать не могу. Разнилась она однако отъ той, которую ввелъ въ послѣдствіи учитель Сейфулинъ, страстный и прилежный охотникъ къ преподаванію своего роднаго языка, умѣвшій внушить къ нѣму стараніе, такъ что нѣкоторые его ученики, изъ бывшаго тогда главнаго народнаго училища, уѣзжали на ваканціонное время въ юрты для разговора, чѣмъ однако я никогда не могъ воспользоваться. Сейфулинъ зналъ и Арабскій языкъ, заимствовалъ изъ него обороты и выраженія въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Естественно человѣку заимствовать для выраженія идей изъ сокровищъ другаго языка, когда не находимъ того въ своемъ природномъ.

VIII.

Въ исполинскихъ дѣлахъ человѣка самое важное есть устройство правительственныхъ учрежденій. Посему воспоминаніе у насъ о тако-

вомъ лицѣ, какъ М. М. Сперанскій, всегда желательно и можетъ принести пользу.

Нѣтъ особенной науки по сему предмету; но архитектура храма изъ живыхъ матеріаловъ, подъ сѣнію котораго размѣщалось бы населеніе изъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ людей, конечно не такой предметъ, который бы слѣдовало обходить наукѣ, ей нужно только достаточной для того силы.

Храмъ сей есть Божій храмъ, посвящаемый дѣйствію Его силъ въ мірѣ жизни, открытый току Его милосердія и правды, сѣдалище судебъ и святилище слова. Подъ его кровомъ развивается высокій даръ власти, слабо понятый еще человѣкомъ, но по практическому ходу исторіи давно признанный прирожденнымъ, существеннымъ свойствомъ души, необходимымъ порядку общежитія.

Власть занимаетъ высшія, центральныя и утвержденныя точки въ человѣческой жизни, и самая жизнь составляетъ для нея широкое, само собою развивающееся основаніе.

Власть теряетъ свою натуру, ежели гнететъ жизнь; ея назначеніе отъ Бога—сохранять стройность жизни, облегчать ея отправленія и возвышать ея силы. Не должна она также гнести собственные свои органы, ибо по существу своему она чѣмъ выше, тѣмъ легче. Можно различить во власти три качества: предпріятіе, разрѣшеніе и надзоръ. *Первое* происходитъ отъ преимущества силъ и средствъ, и тогда только практично, когда вызываетъ участіе выгодъ жизни. *Второе* отъ преимущественной разумности въ соображеніи категорій, признанныхъ и жизнь призывающихъ. *Третье* отъ преимущественной нравственности по состоянію свободы отъ нужды и столкновеній.

Такова была основная идея въ высокой степени кроткаго и умнаго лица, о которомъ мы говорить начали.

Мы установимъ нашъ взглядъ на него какъ на писателя и мыслителя. Дѣйствіе его было кратко и не полно; оно совершалось не въ своей средѣ и оставило въ ней только разсѣянныя черты, большею частью не принявшія свойственнаго имъ направленія.

Задача Сперанскаго была дать самодержавному правленію логическое, прочное, мирное юридическое устройство и, сколько возможно, облегчить и оградить его дѣйствіе, требующее свыше-человѣческихъ силъ.

Обстоятельства времени надъ всѣмъ этимъ дали перевѣсъ военному элементу. Они потребовали другихъ пріемовъ, другихъ конструкцій, и институтъ гражданскій ослабъ и поблѣднѣлъ.

Сперанскій не составилъ даже школы; люди ему сопутствовавшіе почти всѣ остановились или разсѣялись, либо перемѣнили направленіе на другое, по времени болѣе удобное. Сильнѣе и дольше имѣлъ

вліяніе своего желѣзною волею современникъ его, графъ Аракчеевъ. Школа имъ основанная окрѣпла, расширилась, и хотя оба въ одно время лично лишились кредита невозвратно съ кончиною императора Александра Перваго, но люди принадлежавшіе Аракчееву, либо въ большей или меньшей степени принявшіе его воззрѣніе, далеко ушли впередъ и, за немногими исключеніями, размѣстились для дѣйствія и въ довольномъ числѣ достигли знаменитости.

IX.

Въ устройствѣ государственномъ первое и широкое основаніе состоитъ въ раздѣленіи.

1) Раздѣленіе области и населенія.

2) Раздѣленіе предмета.

3) Раздѣленіе силы по степенямъ.

Параллельно съ тѣмъ слѣдуетъ въ жизни сословное раздѣленіе, произведенное ходомъ исторіи.

Петръ I-й раздѣлилъ области на губерніи, а сіи на уѣзды. Это раздѣленіе и доселѣ служитъ основою, хотя границы подверглись множеству измѣненій.

Силы раздѣлены имъ на три степени:

1) На государственную въ столицѣ.

2) На губернскую въ главныхъ городахъ.

3) На уѣздную, непосредственно объемлющую раздѣлы территоріи.

Этихъ степеней для государства, какъ бы обширно и сложно оно ни было, оказывается достаточно.

Учрежденіе Петра I было рѣшительно своевременнымъ и потребнымъ. Въ немъ заключалась мысль логической твердости и продолжительной непоколебимости. Подразумѣвалось, что данъ многообъемлющій и одинъ навсегда указъ Сенату, которымъ или по которому, во имя Государя, онъ могъ собственными рѣшеніями дѣйствовать, равно какъ и подчиненныя ему мѣста коллегіальнаго устройства. Сообразно съ тѣмъ состоялась и форма письмоводства.

Это и было первымъ опредѣленіемъ отъ себя самой самодержавной власти, юридическимъ и, такъ сказать, съ признаніемъ надъ нею и надъ всѣмъ ея дѣйствіемъ, посредственнымъ и непосредственнымъ, воли Божіей, отъ которой она и происходитъ.

Петръ III началъ сословными опредѣленіями относительно дворянства, гражданъ и духовенства.

Екатерина II, принявъ эти начала, приступила къ дальнѣйшему ихъ развитію, и въ ея время состоялось новое для управленія губерній учрежденіе, существо котораго состояло въ раздѣленіи на мѣстахъ пред-

мета, не новомъ по существу, но распространенномъ по состоянію имперіи. Установленіе новыхъ правительственныхъ центровъ и введеніе принципа выборовъ сопутствовали сей мѣрѣ.

Учрежденіе 1775 года во многихъ чертахъ, такъ сказать графической его конструкціи, принято народнымъ умомъ и предстоитъ намъ доселѣ; въ духѣ же оно не принялось, и цѣль гармонировать чрезъ него прочность и преобладаніе гражданскаго порядка не достигнута.

Оно по ходу вещей долженствовало впослѣдствіи уступить преобладанію военнаго элемента и превышено другимъ огромнымъ зданіемъ спеціальныхъ регламентацій. Самое территоріальное раздѣленіе не пошло въ даль по принятому тогда началу; многіе предметы стали въ своихъ округахъ независимы; мѣстные центры ослабѣли. Личная власть поднялась надъ ними, а часто и надъ законами.

Между тѣмъ Россія шла быстро къ расширенію, возросла и сосредоточилась до того, что гражданскіе ея уставы со всѣхъ сторонъ обойдены. Органы ихъ стали подъ гнетомъ сверху, умножились и получили свойство безконтрольныхъ исполнителей по самой массѣ и разнообразію порученій, далеко неисчерпывающихъ всего содержанія и мало обезпечивающихъ самую вѣрность.

Полный и обильный продуктъ учрежденія Екатерины II есть сословіе чиновниковъ; отъ онаго и должны они считать свое начало.

Александръ I не могъ уже удовлетвориться состояніемъ государственныхъ установленій и предпринялъ преобразовать ихъ, примѣняясь къ духу Екатерининскихъ уставовъ и призвавъ на помощь раціональное начало. Здѣсь началась дѣятельность Сперанскаго.

Главная реформа состояла въ учрежденіи министерствъ и Государственнаго Совѣта. Правительствующему Сенату дано сообразное съ тѣмъ опредѣленіе, и предполагалось полное его преобразованіе съ расширеніемъ правъ, о которомъ можно судить по напечатанному тогда проекту.

Совѣтъ долженствовалъ быть высшимъ и единственнымъ законодательнымъ мѣстомъ. Редакціонная коммиссія съ даннымъ ей Екатериною наказомъ, состояла при немъ. Характеръ этого института былъ свободно совѣщательный и пріуготовительный. Силу и дѣйствіе всякій законъ получалъ отъ верховной власти. Сенатъ оставался хранилищемъ законовъ, регистровалъ ихъ и былъ единственнымъ источникомъ ихъ обнародованія, истолкованія, съ правомъ представленія.

Министерствамъ ввѣрена была исполнительная власть. Министры имѣли въ завѣдываніи свои предметы, но рѣшительныя дѣйствія на губернское средоточіе и надзоръ предоставлены были одному министру внутреннихъ дѣлъ. Всѣ они сосредоточивались въ Сенатѣ. Многія кол-

легіи тогда же закрыты, и сила ихъ должна была размѣститься частію въ министерства, частію по губерніямъ, по указанію учрежденія 1775 года.

Законъ постановлялъ отвѣтственность министровъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ, и они, въ удостовѣреніе законности ихъ дѣйствія, долженствовали контрасигнировать подносимые къ высочайшему подписанію акты. Министрамъ приданы были товарищи, совѣты и предметы еще разъ раздѣлены по департаментамъ, отдѣленіямъ и столамъ. Число департаментовъ не выходило изъ соразмѣрности съ губернскими учрежденіями. Принято также въ основаніе измѣнить бюрократію по всему установленію и сколько возможно болѣе освободить отъ нея и облегчить чрезъ то бремя, поднятое на себя Монархомъ и отбросить отъ лица его всякую моральную отвѣтственность предъ общимъ мнѣніемъ, неизбѣжную въ ходѣ администраціи и принимаемыхъ ею мѣрахъ.

Это было черезъ цѣлый вѣкъ второе опредѣленіе самодержавія черезъ него самого.

Здѣсь примѣчательно сдѣланное вновь раздѣленіе редакціи. Въ одной части излагались составъ и предметы установленія, чертежъ его; въ другой изложенъ наказъ, опредѣляющій его дѣйствія въ разныхъ степеняхъ, распредѣленіе власти и ея предѣлы. Можетъ быть не доставало программъ принятыхъ политическихъ началъ, нравственныхъ заповѣдей и необходимыхъ каждому отношенію гармоній къ соблюденію указаннаго ему мѣста и обезпеченія общинныхъ, сословныхъ и частныхъ правъ, дарованныхъ и совмѣстныхъ съ установляемымъ порядкомъ, поддерживающихъ его прочность. Губернскія учрежденія, оставаясь безъ измѣненія, способны были соотвѣтствовать всему, что̀ вновь установлено.

Въ нихъ послѣдовали однакоже слѣдующія измѣненія: поименованы области, исторически вошедшія въ составъ имперіи, и въ офиціальномъ языкѣ стали быть слышны имена Литвы, Малороссіи, Тавриды и проч.

Опредѣлены въ нѣкоторыя области особые генералъ-губернаторы, власти параллельныя министру, какъ высказано уже въ послѣдствіи въ одномъ изъ частныхъ уставовъ.

Задача правительствъ до половины XVIII столѣтія состояла въ томъ, какъ управлять матеріальною силою. Она рѣшена была тѣмъ, что это должно быть посредствомъ страха, смиряющаго силу. Задача XIX вѣка состоитъ въ томъ уже, какъ управлять умомъ. Очевидно, что требуется другое рѣшеніе. Умъ не можетъ смириться иначе, какъ чрезъ живое, дѣятельное богопознаніе и управляемъ быть долженъ посредствомъ просвѣщенной воли.

Прежде всѣ должностныя мѣста употребляли безъ различія одну судебную форму въ отправленіи дѣлъ. Съ учрежденіемъ министерствъ введена въ употребленіе форма упрощенная, дидактическая и имѣла сильное вліяніе на улучшеніе и стройность Русскаго дѣловаго слова. Сперанскій въ этомъ отношеніи былъ тоже что Карамзинъ въ общей литературѣ. Политическіе, высшіе правительственные и научные предметы, философскія идеи, при университетскомъ и лицейскомъ воспитаніи, нашли въ Русскомъ языкѣ достойное и ясное выраженіе, опираясь на обширную и разнообразную, постепенно дѣйствующую практику государственнаго письмоводства.

Форма эта и слогъ черезъ генералъ-губернаторскія и губернаторскія канцеляріи распространилась и въ губерніи.

X.

Послѣднее дѣло Сперанскаго по сему предмету было Сибирское учрежденіе. Бывши прежде губернаторомъ въ одной изъ Великороссійскихъ губерній, а потомъ и генералъ-губернаторомъ въ Сибири, онъ испыталъ практическую часть и прежде всего искалъ раздѣленія ввѣреннаго ему необъятнаго края на двѣ половины, весьма несходныя между собою.

Видѣлъ онъ, что власть генералъ-губернатора остается совершенно неопредѣленною: съ перемѣною лица измѣняется всё ея дѣйствіе; съ отсутствіемъ она вся или отчасти прекращается и даетъ полномочіе должностному лицу, въ которомъ смѣшивается и власть и исполненіе. При томъ дѣйствіе генералъ-губернатора ни передъ кѣмъ негласно, и теряются отъ того всѣ слѣды его. Отвѣтственность же лежитъ на немъ одномъ безъ всякаго раздѣленія, и потому не удавалось никому сходить съ этаго мѣста безъ личнаго упадка. Для сего учреждены были при генералъ-губернаторахъ обѣихъ половинъ Сибири постоянныя установленія подъ именемъ совѣтовъ. Для связи же съ государственными властями дано опредѣленіе Сибирскимъ главнымъ управленіямъ, какъ части министерскаго установленія, дѣйствующей на мѣстѣ и слѣдственно въ одинаковомъ съ министерствами отношеніи къ Правительствующему Сенату. Чрезъ это губернскія власти могли дѣйствовать, не теряя своего законнаго характера.

Но въ составѣ этихъ властей положеніе губернатора представляло неопредѣлительность. По закону онъ долженъ былъ дѣйствовать не иначе какъ чрезъ Губернское Правленіе, мѣсто впрочемъ совѣщательное, и хотя главное, управляющее всею губерніей именемъ Императорскаго Величества, но не имѣющее рѣшительной власти. Не смотря на

это, практика дѣлъ требовала непосредственнаго дѣйствія губернатора, а онъ отдѣлилъ себѣ изъ канцеляріи Губернскаго Правленія особую канцелярію, превращая такимъ образомъ власть свою въ личную. Чрезъ это мало по малу терялись принципы и замѣнялись произволомъ, какъ писалъ Сперанскій въ отчетѣ своемъ по обозрѣніи Сибири.

Въ новомъ учрежденіи различено въ губерніи частное и общее управленіе. Первое состояло изъ Губернскаго Правленія, Казенной Палаты и Губернскаго Суда, въ которомъ, по малочисленности въ Сибири дѣлъ гражданскихъ, неудобно было отдѣлять ихъ въ особую палату, а признано достаточнымъ вѣдать въ особомъ отдѣленіи суда, равно какъ и предметы Суда Совѣстнаго. Губернскому Правленію данъ также предсѣдатель и ввѣрена исполнительная власть въ губерніи.

Общее управленіе образовалось изъ губернатора и губернскаго совѣта, составленнаго изъ предсѣдателей и губернскаго прокурора, съ приглашеніемъ къ совѣщанію начальниковъ разныхъ особыхъ установленій, ежели предметы касались ихъ должностей. Подобнымъ образомъ и въ округахъ (уѣздахъ); но тамъ только, гдѣ вошли они въ разрядъ многолюдныхъ, различено также управленіе общее и частное. Первое составлено изъ окружнаго начальника и совѣта, въ которомъ присутствовали первые чины тѣхъ же мѣстъ, частнаго окружнаго управленія.

Тогда же начертаны по нѣкоторымъ предметамъ органическія регламенты, изъ коихъ важнѣйшіе суть положеніе о инородцахъ и уставъ о ссыльныхъ.

Очевидно, что учрежденіе сіе имѣло неоспоримую стройность и чрезъ то стало быть явнымъ, способнымъ къ обозрѣнію наукою въ достоинствахъ его и недостаткахъ, представляя и для критики сравнительное обозрѣніе. Оно примѣнено и къ управленію Закавказскаго края. Въ проектѣ былъ готовъ уставъ подобнаго же опредѣленія власти генералъ-губернаторовъ и въ прочихъ частяхъ имперіи, но онъ не состоялся. Впрочемъ учрежденіе сіе имѣло туже участь, какъ и учрежденіе 1775 года.

Здѣсь замѣтить надобно, что, по свойству Русской жизни, редакторъ закона, какую бы онъ ни имѣлъ современную извѣстность и признанную общимъ мнѣніемъ способность и соразмѣрность силъ съ своимъ предметомъ, не имѣетъ у насъ ни имени, ни авторитета и не можетъ ничѣмъ обязать потомство и преемниковъ или утвердить дѣло свое въ преданіи. Посему оно можетъ быть измѣняемо и въ главныхъ основаніяхъ и не всегда къ лучшему всякимъ лицомъ, которому предстанетъ на то случай.

Посему за неуспѣхъ нельзя винить лично Сперанскаго. Онъ успѣлъ однакоже высказать много добрыхъ началъ и оставилъ намъ очерки великаго зданія, которыми наука воспользоваться можетъ. Но онъ же первый открылъ дверь и безчисленнымъ перестройкамъ, которыя предпринимать всѣмъ показалось весьма легкимъ.

XI.

Въ числѣ незабвенныхъ дѣлъ Сперанскаго, по Западной Сибири, есть безъ сомнѣнія политическій взглядъ на сосѣдственныя страны Средней Азіи, такъ именуемой по отношенію къ географической ширинѣ. Она отдѣлялась Среднею ордою Киргизской степи. Орда эта въ продолженіи многихъ лѣтъ предана была внутреннимъ междоусобіямъ и заразительнымъ болѣзнямъ, часъ отъ часу болѣе опустошалась и бѣднѣла, даже до того, что родители продавали дѣтей своихъ подъ именемъ плѣнныхъ Калмыковъ, бѣжавшихъ въ прошедшемъ столѣтіи въ Китай изъ Астрахани, которыхъ дозволено было покупать всякому въ крѣпостное состояніе.

Наше линейное начальство имѣло вліяніе на ближніе къ границѣ роды, переходившіе на зимовье со стадами своими въ Русскіе предѣлы. Почетные Киргизы пріѣзжали обыкновенно въ Петербургъ съ нашимъ приставомъ и принимаемы были какъ депутаты независимаго народа. Сама степь считалась заграничною, и дѣла объ ней вѣдались въ Азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; а въ Омскѣ существовало по сему предмету пограничное вѣдомство. Имѣть такого сосѣда было крайне тяжело, и оставаться ему долѣе въ прежнемъ положеніи для самого его было бѣдственно. Это примѣтили и сосѣди другой стороны, Китайцы, обнаруживъ намѣреніе усилить на него свое покоряющее вліяніе.

Время благопріятствовало, ибо не было въ степи такъ называемаго хана, утверждаемаго въ этомъ званіи и отъ Россіи, и отъ Китая, хотя онъ былъ фиктивное политическое лицо, безъ всякой существенной силы и власти надъ ордою, но тѣмъ не менѣе вторгшееся въ языкъ дипломатіи.

Сдѣлано оглашеніе, что вся степь принимается въ подданство Государю и причисляется къ открываемой вновь Омской области.

Въ ней назначено учредить восемь округовъ, съ смѣшаннымъ управленіемъ изъ Киргизъ и Русскихъ съ казачьею стражею, и предоставлено на волю Киргизамъ вступать подъ оное постепенно и по удобности.

Дѣло это не встрѣтило серіознаго препятствія, и составленный тогда же уставъ объ управленіи Сибирскими Киргизами приведенъ уже

въ исполненіе, давъ большое занятіе генералъ-губернатору. Такъ вошли въ составъ имперіи до 600,000 кочевыхъ семействъ и обширная область прекрасныхъ земель, называемыхъ степью. Въ ней начато земледѣліе и открыты минеральныя богатства. Въ послѣднюю войну она и снабжала добычею свинца, найденнаго и усвоеннаго частнымъ лицомъ. Руда содержитъ въ себѣ столько серебра, что надо было рѣшить, къ серебряной или свинцовой ее причислить слѣдуетъ. Добыча золота, хотя и предпринятая, но находится въ спорѣ съ Китаемъ. Юго-восточная часть этой степи представляетъ одну изъ лучшихъ въ мірѣ территорій.

Такимъ образомъ граница наша подвинулась до Китайскихъ владѣній и осѣдлыхъ магометанскихъ ханствъ.

Устройство Сибирскихъ Киргизовъ не осталось безъ вліянія, по крайней мѣрѣ примѣромъ, и на прилегающую къ Оренбургскому краю Малую орду, такъ что во владѣніи Россіи почитается теперь все пространство до Аральскаго моря и впадающихъ въ него большихъ рѣкъ. Оно также принято въ соображеніе и по предмету Кавказскихъ сосѣдей.

Въ послѣдствіи времени чудною дѣятельностью въ Восточной Сибири генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева сдѣлано подобное же пріобрѣтеніе при-Амурскаго края, начиная со впаденія сей рѣки въ Тихій океанъ, и сдѣланы опыты сообщенія по ней самой, то-есть въ странѣ доселѣ съ Китаемъ неопредѣленно-разграниченной, хотя и отступились мы отъ нея на дѣлѣ, послѣ взятія сосѣдями Русской крѣпостцы Албазина, въ началѣ XVII вѣка.

Такимъ образомъ Сибирь теперь не только холодная, снѣжная, ссылочная страна, запертая Ледовитымъ моремъ, но распространилась и на Югъ, въ мѣста щедро облагодѣтельствованныя природою, ожидая только соразмѣрнаго съ естественными богатствами ея населенія, чтобъ довершить значеніе новаго міра для Русскаго народа и царства.

XII.

Въ настоящее время поднятъ вопросъ о крайнемъ распространеніи нашей бюрократіи, и изыскиваются средства положить ей предѣлы сокращеніемъ переписки.

Многіе приписываютъ Сперанскому возникновеніе этого неудобства, и доля правды не состоитъ въ введенныхъ имъ формахъ, а въ обширномъ употребленіи ихъ безъ дѣла, къ чему онѣ, будучи легкими, и открыли путь, равно какъ предложенію и распространенію самыхъ подробныхъ регламентацій и административныхъ измѣненій. Какъ будто все одно сдѣлать единожды преобразованіе или обратить его въ текущее дѣло!

Надобно замѣтить, что число должностныхъ лицъ со времени Сперанскаго болѣе нежели удвоилось; но умноженіе переписки имѣетъ другой источникъ. Переписка эта сама многими и почитается дѣломъ. Но это только для работы писца. Дѣло требуетъ или срочнаго оборота въ установившемся порядкѣ, или предпріятія, въ которомъ обняты начало и конецъ. Всякій кому возможно это предпріятіе долженъ энергически преслѣдовать его въ глубинѣ, сущности и во всѣхъ частяхъ, чрезъ всѣ препятствія. Тогда переписка пойдетъ къ опредѣленной цѣли, и въ каждой страницѣ будетъ имѣть приближающее къ ней содержаніе, математически говоря пойдетъ сближающеюся способною къ соммаціи, а не расходящеюся строкою. Должностныя лица перемѣнятъ свое честолюбіе на другое, лучшее, ибо дѣятельность ихъ сдѣлается популярною. Чиновникъ, потребовавшій изъ губерніи свѣдѣній и не сдѣлавшій изъ нихъ полнаго, дѣловаго употребленія, долженъ подлежать отвѣтственности особливо за напрасное затрудненіе подчиненныхъ мѣстъ; напротивъ того, совершившій дѣло можетъ приложить къ нему свое имя: черезъ это самое честолюбіе облагородится вяще, нежели стремленіемъ къ наградамъ и никому неизвѣстнымъ отличіямъ. Плодовито также у насъ и требованіе срочныхъ вѣдомостей, остающихся въ центральномъ мѣстѣ безъ всякаго употребленія и много ежели подвергшихся ариѳметическимъ выводамъ. Но дѣло съ такими непринадлежащими управленію цифрами, ежели и есть въ нихъ что нибудь примѣчательное, удобнѣе пойдетъ въ рукахъ дѣятелей науки, которымъ принадлежитъ и анализъ предметовъ, во всѣхъ его подробностяхъ, для руководства знакомыхъ съ наукою чиновниковъ. Это стало бы въ замѣнъ многихъ рѣшительныхъ и обязательныхъ регламентацій, составляемыхъ также à priori, неудобоисполнимыхъ по различію мѣстностей и непримѣненныхъ къ случаямъ жизни. Онѣ всегда влекутъ за собою возникновеніе множества вопросовъ, которые обременяютъ высшія власти и требуютъ разрѣшенія для каждаго частнаго случая. Онѣ и обратились въ вопросы не отъ потребности разрѣшенія властями, а отъ самой регламентаціи, стѣснявшей естественное отправленіе дѣлъ изъ частной жизни проистекающихъ и случаевъ до нея только касающихся, напрасно и безполезно простою діалектикою поднятыхъ до значенія общаго.

XIII.

Заключая нашу рѣчь, взглянемъ еще разъ на двухъ современныхъ дѣятелей, оставившихъ неизгладимыя черты въ нашей исторіи.

Графъ Аракчеевъ имѣлъ обширную и непреклонную волю. Не легко было достичь у него принятія какой нибудь не его собственной или не самимъ имъ требуемой мысли. Но единожды обнятаго имъ

предмета онъ уже не оставлялъ на отвѣтственности предложившаго и пріуготовившаго. Дѣятель былъ неутомимый и, хотя главное его предпріятіе, военныя поселенія, сильнымъ общимъ мнѣніемъ не одобрялись и были причиною неумолимаго на него негодованія, однако онъ, не смотря ни на что и мѣрами слишкомъ крутыми, далъ ему обширное развитіе. Не наше дѣло одобрять или охуждать; мы замѣтимъ только, что такое дѣло принадлежитъ уже государственной наукѣ, и подъ развалинами военныхъ поселеній скрывается драма временъ Петра I, поучительнѣе и рѣзче всѣхъ Шекспировскихъ и заставляющая обмыслить, не осталось ли чего нибудь добраго отъ самаго ея представленія.

Сперанскій былъ мужъ ума и науки. Отъ него осталась намъ для изученія и цѣлая система мыслей, и стиль правительственнаго зданія. Все это требуетъ изученія; ибо не скоро увидимъ примѣръ таковаго единства и послѣдовательности, такой ясности и красоты въ изложеніи, такого выраженія Русскимъ языкомъ предметовъ, не всякому доступныхъ. Его критику въ этомъ отношеніи можно почитать неотразимою.

Обыкновенно судимъ мы о достоинствѣ дѣла по его успѣху; но о такомъ дѣлѣ, которое простирается на цѣлый народъ, надлежитъ судить уже по судьбѣ его. Судьба тѣмъ превосходитъ успѣхъ, что проводитъ дѣло черезъ дилемму утвержденія и отрицанія, черезъ добро и зло.

Но историческая жизнь Русскаго народа объемлетъ цѣлую тысячу лѣтъ. Должны же быть въ ней глубокія черты рѣшительнаго свойства.

Мы проведены чрезъ великое зло Татарскимъ порабощеніемъ, успѣхами Литвы, революціею 1604—1612 года, столкновеніемъ съ Наполеономъ I; а намъ кажется что все это безслѣдно и безплодно поглощено громадностію нашего быта.

Въ себѣ должны мы переработать и прошедшее и будущее. Это долгъ нашъ предъ отечествомъ. Иначе вся громада наша явится безъ содержанія, стереометрическимъ тѣломъ, лишеннымъ красоты и тѣней, и все прожитое время издержкою. Учрежденія наши достаточны и разумны. Они нуждаются только въ насъ, въ нашей любви и энергіи, въ нашихъ силахъ правды и честности и даже въ матеріальныхъ средствахъ.

Потребно очистить эти учрежденія отъ неорганическихъ наростовъ, ввести экономію въ числѣ и количествахъ, умѣрить поспѣшность движенія, прекратить несвоевременное, обвѣтшалое въ сословіяхъ и всякомъ правѣ. Коли будемъ мудры и благоразумны, успѣемъ еще догнать и перегнать опередившихъ насъ, ежели только общія судьбы міра не

ведутъ весь человѣческій родъ къ нѣкоторому близкому перелому, какъ бы означившемуся уже на самой мѣнѣ поколѣній.

У насъ есть неоспоримыя добродѣтели: мы неспособны соединиться съ врагами нашего отечества, оставлять его навсегда, съ избыткомъ покорны и дисциплированы; обработали языкъ свой и остаемся въ преданіяхъ вѣры, единожды принятой, хотя и худо нами оживляемой; усвоили себѣ науку. Намъ нужно провести изъ самой жизни нашей свѣтлыя, святыя, благородныя и вѣчно-живыя нити до самыхъ высшихъ точекъ и дать имъ ихъ въ освобожденіе отъ обоюднаго давленія, круговоротомъ и принудительныхъ мѣръ и взаимнаго недовѣрія. Къ этому подвигу сама верховная власть насъ призываетъ.

Коли продолжать будемъ смотрѣть на правительство, какъ на нѣчто чуждое народу, коли ни обмыслимъ долга и не примемъ его въ наши нравы, не сложимъ, не склонимъ къ тому нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ средствъ, отметая напрасную ихъ трату: сами будемъ виною, ежели славное и любимое наше отечество истомится въ своемъ разстройствѣ и склонится къ рѣшительному упадку. Да сохранитъ насъ Богъ отъ подобнаго бѣдствія!

Сочинитель вышенапечатанныхъ Записокъ, Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, Сибирякъ по рожденію и воспитанію, былъ человѣкъ отмѣнныхъ нравственныхъ достоинствъ. Онъ участвовалъ въ великихъ походахъ нынѣшняго вѣка, имѣлъ нѣсколько ранъ и послѣ одного сраженія во Франціи считался убитымъ: его уже влекли въ общую могилу павшихъ воиновъ, какъ удалось ему собрать силы и подать знакъ жизни. Онъ былъ замѣчательный артиллеристъ и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился инженерному искусству. Служа съ отличіемъ при графѣ Аракчеевѣ, онъ былъ въ тоже время домашнимъ человѣкомъ у Сперанскаго, который оцѣнилъ его на его родинѣ, въ Томскѣ, куда Батенковъ ѣздилъ навѣщать родныхъ. Въ Петербургѣ Батенковъ пользовался общимъ уваженіемъ. Несчастное событіе 14-го Декабря увлекло его почти невзначай; по поводу обвиненій въ неосторожныхъ бесѣдахъ, онъ написалъ рѣзкое отвѣтное письмо, которое его погубило. Его присудили къ заточенію въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ просидѣлъ около 20 лѣтъ, въ совершенномъ одиночествѣ, и закалилъ себя терпѣніемъ, дождался плодовъ отъ яблонь, посаженныхъ имъ на площадкѣ, куда выпускали его гулять, выучился самъ по еврейски. Около 1845 года его перевели на мѣсто жительства въ Томскъ, а въ 1856 году онъ переѣхалъ въ Москву и оттуда въ Калугу, гдѣ и скончался холостякомъ.

Батенковъ былъ связанъ тѣсною дружбою съ Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, своимъ товарищемъ по артиллерійской службѣ. Получивъ полную свободу, Батенковъ не засталъ уже Елагина въ живыхъ; но семейство Елагиныхъ свято соблюло дружескіе завѣты, и Авдотью Петровну Елагину Батенковъ иначе не называлъ, какъ „сестра“. Записки написаны по вызову сына Елагиныхъ, покойнаго Николая Алексѣевича, который и сообщилъ ихъ въ Русскій Архивъ. П. Б.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX ВѢКА.

I.

Донесеніе слѣдственной коммиссіи.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Высочайше учрежденной Коммисіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Перепечатываемъ это донесеніе, сдѣлавшееся нынѣ книжною рѣдкостью и, не смотря на нѣкоторыя невѣрности, имѣющее большую исторіографическую цѣнность. Въ государственныхъ архивахъ должны храниться важнѣйшія къ нему дополненія. Намъ положительно извѣстно, что покойный Государь Николай Павловичъ приказалъ составить отдѣльныя біографическія записки о главнѣйшихъ участникахъ злополучнаго дѣла; изготовлены были даже литографированные портреты ихъ, которые намъ случилось видѣть въ собраніи Г. Н. Геннади. Важнѣйшія бумаги, относящіяся къ той эпохѣ, остаются доселѣ не изданными, между тѣмъ какъ наступила пора безпристрастной и всесторонней оцѣнки какъ дѣйствій Императора Александра Павловича, такъ и вызваннаго ими движенія. Не обнародованы доселѣ письма Николая Павловича къ обоимъ Лепарскимъ, изображающія, по словамъ людей, которые читали ихъ, высокую и сострадательную душу Государя. *П. Б.*

Коммиссія, учрежденная указомъ Вашего Императорскаго Величества отъ 17-го Декабря минувшаго года, привела къ окончанію порученное ей изслѣдованіе, и представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Ваше, вмѣстѣ съ подробнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, всѣ собранныя ею свѣдѣнія объ открытыхъ въ Россіи Тайныхъ Обществахъ приличенныхъ въ злоумышленіи, о началѣ оныхъ, ходѣ, измѣненіяхъ, планахъ, мало-по-малу распространявшихся, равно и о степени участія въ сихъ планахъ и предпріятіяхъ, и вообще о поступкахъ и дознанныхъ намѣреніяхъ каждаго изъ членовъ.

Вашему Величеству, при самомъ назначеніи Коммиссіи и почти въ минуту усмиренія бывшаго мятежа, угодно было напомнить, что, слѣдуя побужденіямъ

собственнаго сердца и примѣру славныхъ предковъ своихъ, Вы лучше хотите простить десять виновныхъ, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію. Симъ правиломъ мудраго великодушія Коммиссія постоянно руководствовалась въ продолженіе слѣдствія; но съ другой стороны не теряла изъ вида возложенной на нее обязанности стараться, посредствомъ точныхъ изысканій, очистить государство отъ зловредныхъ началъ, обезпечить тишину и порядокъ, успокоить совершенно гражданъ мирныхъ, преданныхъ престолу и закону.

Устремляясь къ сей цѣли, Коммиссія вникала тщательно, но безъ предубѣжденій, во всѣ обстоятельства, кои могли служить къ обнаруженію какой-либо отрасли кова мятежниковъ; при разсмотрѣніи оныхъ и во всякомъ случаѣ, по возможности, отличала минутное ослѣпленіе и слабость отъ упорнаго зломыслія, и основаніемъ своихъ заключеній почти всегда полагала признаніе самихъ подозрѣваемыхъ, или бумаги, ими писанныя; извѣты же сообщниковъ и показанія другихъ свидѣтелей были, по большей части, только пособіями для улики, или для распространенія слѣдствія и соображеній при допросахъ.

Какъ Вашему Величеству извѣстно, одно изъ таковыхъ показаній, долженствовавшее возбудить особенное вниманіе правительства, получено въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ въ Іюнѣ минувшаго года отъ Шервуда, унтеръ-офицера 3-го Бугскаго уланскаго полка. Онъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи есть люди, замышляющіе испроверженіе порядка въ государствѣ, и что они принадлежатъ къ Тайному Обществу, которое постепенно умножаетъ число своихъ членовъ. Именуя одного изъ нихъ (Вадковскаго Ѳедора), Шервудъ просилъ позволенія ѣхать въ Курскъ, для свиданія съ нимъ и другими, коихъ онъ считалъ его сообщниками, надѣясь имѣть чрезъ то вѣрнѣйшія и обстоятельнѣйшія свѣдѣнія. Оныя въ самомъ дѣлѣ доставлены имъ правительству въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, а вскорѣ затѣмъ согласныя и еще подробнѣйшія извѣстія привезены въ Таганрогъ генералъ-лейтенантомъ графомъ Виттомъ, который зналъ о существованіи и цѣли Тайнаго злоумышленнаго Общества, чрезъ агента своего, притворно къ оному присоединившагося. Большая часть сихъ показаній подтверждена полученнымъ 1-го Декабря на имя въ Бозѣ почивающаго Императора письмомъ Майбороды, капитана Вятскаго полка, который самъ былъ членомъ Тайнаго Общества. Вслѣдствіе сего извѣта, начальствомъ 2-й арміи и присланнымъ изъ Таганрога генералъ-адъютантомъ Вашего Величества приняты мѣры осторожности; по указаніямъ Майбороды, взяты подъ стражу многіе изъ подозрѣваемыхъ въ злоумышленіи, отысканы, захвачены нѣкоторыя ихъ бумаги и сдѣланы предварительные допросы. Но между тѣмъ сообщники ихъ въ С.-Петербургѣ, зная ли, что правительству уже извѣстны ихъ намѣренія, или только нетерпѣливо желая приступить къ исполненію оныхъ, предприняли обмануть часть гвардейскихъ полковъ на счетъ присяги Вашему Величеству, чтобы произвести движеніе, коего жители столицы были свидѣтелями 14-го Декабря. Въ тотъ же

вечеръ, они почти всѣ были во власти правительства, и показанія ихъ дополнили, объяснили прежнія извѣстія о существованіи заговора.

Съ сего времени начались дѣйствія Коммиссіи. Получаемыя съ каждымъ днемъ новыя свѣдѣнія доказывали необходимость распространенія слѣдствія Коммиссія, соображаясь въ точности съ правилами, Вашимъ Величествомъ предначертанными, не иначе употребляла данную ей власть и приступала къ разысканіямъ, какъ въ случаяхъ явной надобности. По требованіямъ оной, взяты подъ стражу или призываны къ допросу лишь тѣ, даже изъ членовъ Тайныхъ Обществъ, о коихъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они, или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ. О многихъ, коихъ имена означены въ особомъ, у сего подносимомъ спискѣ, какъ несовершенно знавшихъ цѣль Тайнаго Общества, къ коему они принадлежали, или удалившихся отъ онаго по чувству вины своей, Коммиссія положила только довести до высочайшаго Вашего свѣдѣнія, предавая судьбу ихъ правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества. Но всѣ, по вышеизложеннымъ причинамъ, долженствовавшіе обратить на себя вниманіе Коммиссіи, допрошены съ надлежащимъ тщаніемъ и точностію [1]): отвѣты ихъ объяснены сличеніемъ, подтверждены очными ставками, и почти во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ цѣли заговора, составу Тайнаго Общества и дѣйствіямъ руководителей онаго, показанія ихъ совершенно согласны [2]).

Изъ оныхъ открывается, что въ 1816 году, нѣсколько молодыхъ людей, возвратясь изъ-за границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 года и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи Тайныхъ Обществахъ съ политическою цѣлію, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное. Первые, сообщившіе другъ другу мысль сію, были Александръ Муравьевъ, нынѣ отставной полковникъ [3]), который сначала полагалъ сіе Тайное Общество вмѣстить въ составъ какой-нибудь Масонской ложи, Никита Муравьевъ (капитанъ), и полковникъ князь Трубецкой. Побужденіемъ ихъ, какъ говоритъ Александръ Муравьевъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на допросъ, *была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія;* они не

---

[1]) Не допрошенъ Николай Тургеневъ, который былъ требованъ, но не явился изъ-за границы для отвѣта.

[2]) Тѣмъ изъ допрошенныхъ, кои оказались, или непринадлежавшими къ злоумышленнымъ Тайнымъ Обществамъ, или совершенно отставшими отъ оныхъ, немедленно возвращена свобода.

[3]) Съ именами всѣхъ, въ семъ донесеніи упоминаемыхъ, означаются ихъ нынѣшніе чины.

чувствовали, какъ нынѣ признаютъ единогласно во всѣхъ показаніяхъ своихъ, что *чрезъ предполагаемыя ими средства никакая истинно полезная цѣль не могла быть достигнута* [4]); что *существованіе такого сообщества было беззаконно и противно нравственности* [5]); что *слѣдствіемъ онаго, рано или поздно, и можетъ быть даже безъ участія многихъ членовъ, долженствовали быть преступленія, ихъ собственная гибель и вредъ для государства* [6]).

На сихъ первыхъ совѣщаніяхъ о заведеніи Общества, были, сверхъ именованныхъ, офицеры прежняго Семеновскаго полка: Якушкинъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы. Они тогда не приступали къ исполненію плановъ своихъ, и только въ Февралѣ слѣдующаго (1817) года, когда капитанъ Никита Муравьевъ, познакомясь съ полковникомъ Пестелемъ, *сблизилъ* его (какъ онъ говоритъ) съ Александромъ Муравьевымъ, уже имѣвшимъ тѣсную связь съ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ, учредилось ихъ первое Тайное Общество, подъ названіемъ *Союза спасенія,* или *истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества.* Уставъ онаго былъ сочиненъ Пестелемъ. Общество раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ [7]). Изъ сей третьей высшей степени, избирались ежемѣсячно старѣйшины: *предсѣдатель, блюститель* и *секретарь;* для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ Общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что̀ ему откроютъ, если оно будетъ и несогласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи давалъ онъ другую; сверхъ того каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу. Обѣщались стремиться къ цѣли Общества и покоряться рѣшенію верховнаго собора бояръ, хотя сіе наименованіе боярина, какъ показываетъ одинъ князь Трубецкой, долженствовало быть тайною для членовъ нижнихъ степеней. Боярами назвали членовъ коренныхъ, то есть основателей Общества, но возводили или принимали прямо въ сіе званіе и нѣкоторыхъ новыхъ. Въ то время составляли Общество: вышеименованные Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Павелъ Пестель, князь Сергѣй Трубецкой, князь Ѳедоръ Шаховской, Ѳедоръ Глинка, Новиковъ (бывшій правителемъ канцеляріи Малороссійскаго генералъ-губернатора и потомъ умершій въ отставкѣ), Михайло Лунинъ, и еще три члена, кои потомъ въ разныя времена удалились отъ Общества, прекратили всякія сношенія съ упорнѣйшими изъ бывшихъ товарищей своихъ и тѣмъ заслужили, при милостивомъ прощеніи Вашего Императорскаго Величества, совершенное забвеніе кратковременнаго заблуж-

---

[4]) Слова Александра Муравьева.

[5]) Слова Никиты Муравьева.

[6]) Слова князя Сергѣя Трубецкаго.

[7]) По нѣкоторымъ показаніямъ, былъ еще четвертый родъ членовъ въ семъ Обществѣ, непринятыхъ въ оное, даже иногда и незнавшихъ его существованія, но считаемыхъ почему-либо въ единомысліи съ прочими; ихъ называли *друзьями.*

денія, извиняемаго и отмѣнною ихъ молодостію*). Цѣлію составленія ихъ Общества было, съ самаго начала, измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи: такъ показываютъ Александръ, Сергѣй, Матвѣй, Никита Муравьевы и Пестель [8]); но по чувству слабости своей и дерзости предпріятія, они, какъ утверждаетъ князь Трубецкой, больше говорили о обязанности *подвизаться для пользы отечества*, способствовать всему полезному, если не содѣйствіемъ, то хотя изъявленіемъ одобренія, стараться пресѣкать злоупотребленія, оглашая предосудительные поступки недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, особенно же стараться *усиливать* Общество пріобрѣтеніемъ новыхъ надежныхъ членовъ, развѣдавъ прежде о ихъ способностяхъ и нравственныхъ свойствахъ, или даже подвергнувъ ихъ нѣкоторому испытанію. Они тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, не задолго предъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генералъ-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ съ графомъ Мамоновымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Тургеневымъ, завести другое Общество, подъ названіемъ *Русскихъ Рыцарей*. На совѣщаніяхъ между имъ и Александромъ Муравьевымъ, они взаимно приглашали другъ друга въ свое Общество, и не могли согласиться въ правилахъ для соединенія. Генералъ-маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить Общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія, и полагалъ испросить на то высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный Императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ и приписывая сіе вліянію Польскихъ Тайныхъ Обществъ, имѣлъ мысль, посредствомъ своего сообщества, противодѣйствовать онымъ. Планъ его не исполнился, и Общество, имъ предполагаемое, не составилось.

Но и то, которое уже было установлено, не могло хвалиться успѣхами. Нѣкоторые члены (въ томъ числѣ Пестель) уѣхали изъ Петербурга; иные находили неопредѣлительность въ цѣли, неудобства въ исполненіи предписаній устава; другіе, особенно изъ тѣхъ, коимъ было только предложено вступить *въ союзъ*, между прочими Михайло Муравьевъ (братъ Александра), Бурцовъ, Петръ Колошинъ, Якушкинъ, Фонъ-Визинъ, не иначе соглашались какъ съ тѣмъ, чтобы Общество *ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія*; чтобы уставъ онаго (по словамъ Никиты Муравьева), *основанный на клятвахъ, правилъ слѣпаго повиновенія и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала, яда* [9]), былъ отмѣненъ и вмѣсто онаго

*) Если не ошибаемся, двое изъ этихъ лицъ были: В. А. Перовскій и Илья Гавриловичъ Бибиковъ. П. Б.

[8]) Александръ Муравьевъ говоритъ, что къ свѣдѣнію о сей сокровенной цѣли Общества приготовляли нововступающихъ по-немногу, объявляя оную только членамъ послѣдней, высшей степени.

[9]) *Это было мною написано въ подражаніе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ*, говоритъ Пестель.

принятъ другой, коего главныя положенія заимствованы изъ напечатаннаго въ журналѣ Freywillige Blätter, устава, коимъ будто-бы управлялся Tugend-Bund. Коренные члены *союза,* бывшіе тогда въ Москвѣ съ отрядомъ гвардіи, долго не уступали сему желанію, и замѣчательно, что во время сихъ преній, на одномъ собраніи, гдѣ находились Александръ, Никита, Сергѣй, Матвѣй Муравьевы, Якушкинъ, Фонъ-Визинъ, Лунинъ и князь Θедоръ Шаховской, родилась, или, по крайней мѣрѣ, объявлена въ первый разъ ужасная мысль о цареубійствѣ [10]). Одного члена, Александра Муравьева, князь Трубецкой увѣдомлялъ изъ Петербурга, „что Государь намѣренъ возвратить Польшѣ всѣ „завоеванныя нами области и, будто предвидя неудовольствіе, даже сопротив-„леніе Русскихъ, онъ думаетъ удалиться въ Варшаву со всѣмъ дворомъ и „предать отечество въ жертву неустройствъ и смятеній.“ Сіе извѣстіе, *столь нелѣпое,* какъ потомъ признали сами члены тогдашняго Тайнаго Общества, произвело на нихъ дѣйствіе едва вѣроятное. Они вскричали, что покушеніе на жизнь Императора есть необходимость; одинъ (князь Θедоръ Шаховской), какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, полагалъ только дождаться дня, когда будетъ въ караулѣ полкъ, въ коемъ онъ служилъ [11]); хотѣли бросить жребій, и наконецъ Якушкинъ, который въ мученіяхъ несчастной любви давно ненавидѣлъ жизнь, распаленный въ сію минуту волненіемъ и словами товарищей, предложилъ себя въ убійцы. Онъ, и въ изступленіи страстей, какъ кажется, чувствовалъ, на что рѣшался. *Рокъ избралъ меня въ жертвы,* говорилъ онъ; *сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ, не могу жить: совершу ударъ и застрѣлюсь.* Всѣ прочіе, хотя и поздно, устрашились или образумились и остановили его; генералъ-маіоръ Фонъ-Визинъ доказывалъ, что извѣстіе, ихъ смутившее, есть безъ сомнѣнія неосновательное, съ чѣмъ послѣ и самъ князь Трубецкой, призванный ими въ Москву для объясненій, принужденъ былъ согласиться. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, сверхъ того въ письменномъ мнѣніи, которое прислалъ Обществу въ слѣдующій день, представлялъ, что предположенное злодѣйство будетъ безплодно: ибо Тайное Общество ихъ не имѣ-

---

[10]) Пестель утверждаетъ, что еще прежде, въ томъ же 1817 году, Лунинъ говорилъ, что если *при началѣ открытыхъ дѣйствій Общества* рѣшатся убить Императора, то можно будетъ для сего выслать на Царско-Сельскую дорогу нѣсколько человѣкъ въ маскахъ. Лунинъ признается, что онъ, *между прочимъ, говорилъ это.* Пестель, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей, такъ называемую cohorte perdue (*обреченный на гибель отрядъ*) и поручить начальство онаго Лунину, *чтобъ всѣхъ изгубить,* pour faire main basse sur tout. Пестель въ этомъ не сознается.

[11]) Князь Θедоръ Шаховской, по словамъ того же Матвѣя Муравьева, изъявлялъ въ сіе время готовность на ужаснѣйшія преступленія, и другой Муравьевъ, Сергѣй, не иначе называлъ его, какъ le tigre; въ послѣдствіи онъ отсталъ отъ Общества и жилъ въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ. Предъ Коммиссіею князь Шаховской признался только въ томъ, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества.

етъ еще средствъ онымъ воспользоваться. Якушкинъ повиновался; но, обвиняя сочленовъ своихъ въ томъ, что они его побудили къ преступному, ими самими осуждаемому, намѣренію, онъ на время разорвалъ связь съ ними и Обществомъ, которое вскорѣ измѣнило свое образованіе, принявъ новое имя *Союза Благоденствія* и предложенный новый уставъ, сочиненный Александромъ, Михайломъ Муравьевыми, княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ [12]).

Первая часть сего устава отыскана Коммиссіею и при семъ подносится на высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Главныя черты сего *законоположенія Союза Благоденствія,* раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываютъ, что оно есть подражаніе, и даже большею частію, переводъ съ Нѣмецкаго. Сочинители, именемъ основателей сообщества, объявляютъ, что одно благо отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства; что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей: что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ. *только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ.* Они дѣлили членовъ на четыре разряда или *отрасли;* каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. *Въ первой* предметомъ дѣятельности было *человѣколюбіе,* то есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ надъ всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія. *Во второй*—умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно Ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и чрезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ *и съ цѣлію Общества сообразныя.* Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію. *Въ третьей отрасли* вниманіе было обращено на дѣйствіе судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по

---

[12]) Не задолго предъ тѣмъ составилось, подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, служившее для испытанія, *Общество военныхъ людей*; существованіе онаго было весьма кратковременно. Александръ Муравьевъ утверждаетъ, что онъ совсѣмъ не помнитъ сего Общества. Въ оное былъ принятъ полковникъ Артамонъ Муравьевъ; онъ около сего времени предлагалъ Александру и Никитѣ Муравьевымъ убить покойнаго Государя Сіе предложеніе отвергнуто первымъ (Александромъ Муравьевымъ).

выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены *четвертой отрасли* должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять *непреложныя правила общественнаго богатства*, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ.

Членамъ не воспрещалось самимъ обращать вниманіе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя злоупотребленія, хотя вообще до свѣдѣнія правительства оныя долженствовали доходить чрезъ *Правленіе Союза*. Вѣроятно, что для сего въ особенности нѣкоторые (въ томъ числѣ Михайло Муравьевъ) предлагали испросить согласія покойнаго Императора на учрежденіе ихъ Общества; но сіе предложеніе не принято прочими членами. Образованіе онаго было слѣдующее. Старѣйшіе члены, основатели Общества или первоначально вступившіе въ оное, составляли такъ называемый *Коренный Союзъ*; изъ него избирался *Совѣтъ Кореннаго Союза*, то-есть *Блюститель* и *пять Засѣдателей*, изъ коихъ одинъ, прочими, подъ руководствомъ *Блюстителя*, былъ назначаемъ въ *Предсѣдатели*, и тогда именовался *Главою Союза*. Каждые четыре мѣсяца выходили изъ Совѣта два *Засѣдателя*, и на мѣста ихъ поступали другіе. *Блюститель* смѣнялся въ концѣ года. Когда прочіе члены *Кореннаго Союза* присоединялись къ *Совѣту*, то изъ сего образовалась *Коренная Управа*. *Коренный Совѣтъ* имѣлъ исполнительную власть въ *Союзѣ*, *Коренная Управа* законодательную; она же, какъ выше означено, избирала чиновниковъ и была *верховнымъ судилищемъ* въ *Союзѣ*. *Совѣтъ* могъ признать членами и сдѣлать своими уполномоченными, въ ихъ мѣстѣ пребыванія, людей, пользовавшихся довѣренностію *Кореннаго Союза*. *Управа* назначала еще *Временную Законодательную Палату для разсмотрѣнія, поясненія и дополненія законовъ Союза, но не измѣняя цѣли онаго*. Сіи *Палатою* сочиненные законы должны были, съ одобренія *Управы*, имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія оныхъ Верховнымъ Правленіемъ *Союза*, которое *тогда только могло быть установлено, когда бы Союзъ совершенно составился*.

Изъ всего означеннаго очевидно, что всѣ распоряженія въ семъ Тайномъ Обществѣ, особенно же направленіе онаго къ какой-либо цѣли, оставались въ рукахъ основателей или коренныхъ членовъ. Они же были обязаны набирать новыхъ или заводить *управы*, каждый одну. Управы были: *Дѣловыя*, *Побочныя* и *Главныя*. *Управа* называлась *Дѣловою* и получала списокъ *первой части устава*, когда въ ней было не менѣе 10 человѣкъ членовъ; до тѣхъ поръ она считалась недѣйствительною. Однакоже *Корен-*

ный Союзъ имѣлъ право дѣлать исключенія изъ сего правила для скорѣйшаго распространенія Общества; всякая могла завести другую, *Побочную*, которая имѣла сношенія только съ нею. Но если сею *Побочною Управою* была также заведена *Управа*, и въ ней находилось не менѣе 10 членовъ, то она становилась независимою отъ основавшей оную. Въ *главныя* поступала та, которая завела три *Побочныя* или три *Вольныя Общества* (такъ назывались тѣ, кои, не входя въ составъ *Союза Благоденствія*, могли своею особенною дѣятельностію, по литературѣ, художествамъ и такъ далѣе, способствовать достиженію цѣли онаго). Такая *Управа* получала списокъ *второй части устава*. Въ каждой Управѣ, для начальствованія, надзора за порядкомъ и раздѣленія работъ, назначался, посредствомъ избранія, *Совѣтъ* изъ *Блюстителя* и одного или двухъ *Старѣйшинъ*, смотря по тому, изъ 10 или 20 членовъ была составлена *Управа*. Всѣ дѣла *въ Управахъ и Коренномъ Союзѣ* были рѣшимы большинствомъ голосовъ; также были произносимы и приговоры. Имена членовъ, заслужившихъ одобреніе *Союза*, вписывались *въ почетную книгу*, а изгоняемыхъ изъ Общества *въ постыдную*. Члены имѣли право выходить изъ *Союза*, но обѣщая хранить въ тайнѣ все имъ извѣстное. Къ сему же храненію тайны обязывались тѣ, коимъ дѣлалось предложеніе вступить въ *Союзъ*, и повторяли свое обѣщаніе, послѣ прочтенія первой части. Обрядовъ для принятія не было; вступающій давалъ расписку, которая потомъ безъ вѣдома его сожигалась. Всякій долженъ былъ вносить къ кассу Общества 25-ю долю своего годоваго дохода [13]) и повиноваться *законнымъ предписаніямъ Союза*.

Таковы были объявленныя въ 1-й части устава цѣль и правила *Союза Благоденствія*. Вторая часть не была сочинена или, по крайней мѣрѣ, не была одобрена *Кореннымъ Союзомъ*; ибо написанный княземъ Трубецкимъ проектъ оставленъ безъ вниманія, и Александръ Муравьевъ бросилъ его въ огонь съ другими бумагами въ 1822 году. Но объ оной упоминали и, быть можетъ, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство, когда нибудь открыть новымъ членамъ настоящія намѣренія основателей Общества [14]). Они не строго, и даже очень мало сообразовались и съ правилами, въ первой части означенными. При заведеніи Управъ рѣдко былъ наблюдаемъ пред-

---

[13]) Сему правилу, какъ всѣ согласно показываютъ, слѣдовали немногіе. Въ Петербургѣ до 1825 года собрано не болѣе пяти тысячъ рублей, которые отданы князю Трубецкому, а имъ издержаны не на дѣла Тайнаго Общества.

[14]) Сіи намѣренія не долго хранились въ тайнѣ. „Сначала“, говоритъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій секретаремъ Тайнаго Общества, „знали только главные, а „въ послѣдствіи проникнули и другіе члены, что цѣлію *Союза* было измѣненіе государ„ственныхъ установленій: для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, при„знавали равно нужнымъ усиливать Общество, распространять политическія знанія и „стараться овладѣть мнѣніемъ публики“.

положенный порядокъ; оныхъ было двѣ въ Москвѣ: 1-я подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, который послѣ отставки своей жилъ тамъ нѣсколько времени; 2-я подъ предсѣдательствомъ князя Θедора Шаховскаго; обѣ существовали не долго [15]). Въ Петербургѣ также двѣ: у лейбъ-гвардіи егерскаго офицера Семенова и у полковника Бурцова [16]).

Члены оныхъ [17]) хотя дѣлились на Управы, но собирались, гдѣ хотѣли, не соблюдая никакого порядка. Въ Петербургѣ были заведены и Вольныя Общества, почти независимыя отъ *Союза Благоденствія*. Два также въ Измайловскомъ полку: 1-е учреждено княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ и коллежскимъ ассесоромъ Токаревымъ (въ послѣдствіи умершимъ); 2-е егерскимъ офицеромъ Семеновымъ; то и другое существовали не долѣе трехъ мѣсяцевъ. Третіе отдѣльное Общество основано полковникомъ Глинкою, какъ показываетъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій и въ прежде-означенныхъ Обществахъ и Управахъ [18]). Новиковъ завелъ, или по крайней мѣрѣ заводилъ, Малороссійское Общество, при Масонской ложѣ, которую называлъ мѣстомъ приготовленія; но, какъ показываетъ бывшій тогда въ Полтавѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, онъ только искалъ средствъ добывать деньги, и ни Общество, ни ложа его не распространились [19]). О Пестелѣ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ не признавалъ новаго *Союза* и дѣйствовалъ отдѣльно по другимъ правиламъ, прежде въ Митавѣ, потомъ въ Тульчинѣ; но онъ въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что имъ, какъ и другими, былъ принятъ уставъ *Союза Благоденствія,* названный, по цвѣту переплета, *Зеленою Книгою.* Впрочемъ дѣятельность сего Тайнаго Общества, какъ по всему видно, была сосредоточена въ такъ называемомъ *Коренномъ Союзѣ*, и сія дѣятельность всего болѣе обращалась на умноженіе членовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ была большая часть *Коренной Управы* [20]). Однакоже, если вѣрить показаніямъ одного посторонняго свидѣтеля, неподтвержденнымъ извѣтами допрошенныхъ, составлявшіе сію Управу располагались тогда дѣйствовать на общее мнѣніе изданіемъ

---

[15]) Показаніе Семенова.

[16]) Показанія Семенова и Никиты Муравьева.

[17]) Означенные поименно въ одномъ изъ прилагаемыхъ у сего списковъ.

[18]) Полковникъ Глинка не подтвердилъ сего показанія своимъ признаніемъ.

[19]) Предъ Коммиссіею было показываемо, что въ послѣдствіи одинъ изъ принятыхъ имъ, Переяславскій маршалъ Лукашевичъ завелъ новое Общество Малороссійское, и что будто бы оно имѣло цѣлію отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому королевству Польскому. Но сіи показанія Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, основанныя на догадкахъ, найдены несправедливыми.

[20]) Списокъ членовъ оной также приложенъ къ сему донесенію. Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое Общество, вступили въ *Союзъ Благоденствія*; первый, какъ утверждаетъ онъ въ запискѣ, поданной имъ въ Коммиссію, не прежде Іюля 1820 года; ибо ему тогда сказали другіе члены, *что противно великодушію знать ихъ тайны, имена многихъ, и не раздѣлять съ ними опасностей.*

особеннаго дешеваго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ, и хотѣли для того имѣть литографію за границей и тайную типографію въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ [21]).

По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ими были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями, о разныхъ образахъ правленія. По словамъ полковника Пестеля и другихъ, какъ выше было означено, съ самаго учрежденія перваго Общества *(Сыновъ Отечества* или *Союза Спасенія),* обнаруживались въ основателяхъ *мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя и болѣе склонныя къ монархическимъ установленіямъ. Первую о правленіи республиканскомъ подалъ Новиковъ своимъ проектомъ Конституціи;* а въ началѣ 1820 года было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, *въ Санктпетербургѣ собраніе Коренной Думы* (или Управы), *которая по уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную.* Въ семъ собраніи Пестель, по вывозу члена, исправлявшаго должность Блюстителя [22]), исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе между прочими Николай Тургеневъ слѣдующими словами: *un président sans phrase* [23]), кромѣ одного полковника Глинки, который говорилъ въ пользу монархическаго и *предлагалъ вручить скипетръ* Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сіе заключеніе *Коренной Управы,* по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; *съ тѣхъ поръ,* прибавляетъ онъ, *республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены говорили, что если* Императоръ Александръ *самъ даруетъ Россіи хорошіе,* по ихъ мнѣнію, *законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями.* Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого либо рѣшительнаго мнѣнія; что, между прочими, онъ и Глинка отреклись дать

---

[21]) Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго Императора, бывшій, какъ видно, членомъ *Союза Благоденствія.* Изданіе журнала предпринималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ: есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и, можетъ быть, распускаемы, но точно ли по предписаніямъ Тайнаго Общества, того нельзя сказать утвердительно.

[22]) Одного изъ трехъ выше показанныхъ, въ послѣдствіи раскаявшихся и оставившихъ Общество.

[23]) *Объявляю безъ фразъ, что хочу президента.* Тѣ, которые предпочитали монархическій образъ правленія, должны были сказать, что хотятъ монарха.

свое; что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: „Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда „зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи“. Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе, кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно Императрицы Елисаветы.

Впрочемъ все, происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакого вліянія на образъ мыслей и дѣйствія членовъ вообще; не сдѣлано въ слѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ Управамъ кромѣ Тульчинской [24]); на многихъ, бывшихъ послѣ, собраніяхъ, не говорено о республиканскомъ правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ *Союза Благоденствія*, и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего *Союза* ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все, единогласно рѣшенное, чрезъ нѣсколько часовъ также единогласно отмѣняли. Должно однакоже замѣтить, что, вскорѣ послѣ вышеописаннаго совѣщанія или разговора, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ ономъ членовъ опять собирались, но случайно, какъ сказываетъ Пестель и, продолжая прежнія разсужденія, одинъ [25]) подалъ мысль о покушеніи на жизнь Императора Александра. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что, кромѣ его и Пестеля, всѣ бывшіе съ ними члены отвергли предложеніе, какъ преступное; доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого злодѣйства были бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія. Пестель отвѣчалъ, что оные могутъ быть отвращены учрежденіемъ Временнаго Правленія изъ принадлежащихъ къ ихъ Тайному Обществу; на него возставали единодушно, съ жаромъ. Но ужасное предложеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ. Изъ бывшихъ на семъ послѣднемъ онъ помнитъ только себя, Никиту Муравьева и Пестеля.

Между тѣмъ присоединеніе новыхъ членовъ къ *Союзу Благоденствія* продолжалось: многіе могли быть прельщены разсѣянными въ Уставѣ, впрочемъ, весьма обыкновенными филантропическими и патріотическими мыслями; другихъ завлекали побужденія дружбы, довѣренность къ нѣкоторымъ людямъ или вліяніе моды (ибо есть мода и на мнѣнія), а симъ пользовались дѣятельнѣйшіе въ Обществѣ, возбуждая въ слабыхъ боязнь сдѣлаться смѣшными, или

---

[24]) Онъ и нѣкоторые другіе, Фонъ-деръ-Бригенъ, Колошинъ, Семеновъ, подтвердили сіе на очныхъ съ Пестелемъ ставкахъ.

[25]) Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорятъ, что Никита Муравьевъ; а Никита Муравьевъ показываетъ, что Пестель.

суетное любопытство; а иныхъ, буде вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, даже виды личной корысти. Но также многіе начинали чувствовать свое заблужденіе, и одинъ изъ первыхъ, полковникъ Александръ Муравьевъ. *Лучъ горней благодати*, говоритъ онъ, *коснулся моей душѣ омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ Небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ, въ теченіе шести лѣтъ, испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества, наконецъ и праведнымъ гнѣвомъ* Государя *и карою закона*. Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году превозмогъ себя, письменно объявилъ *Коренному Союзу* о своемъ мнѣніи, прося, заклиная всѣхъ, послѣдовать его примѣру—отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Ему отвѣчали увѣреніями (ложными), что они съ нимъ согласны и уничтожаютъ Общество [26]). Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣр въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго, въ томъ числѣ и означенные выше три члена перваго Тайнаго Общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное, отеческое прощеніе Вашего Величества: двое около 1821 года, одинъ же, хотя позднѣе, но до того разорвалъ тяготившія совѣсть его связи, что наконецъ даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами [27]).

Но на Югѣ, полковникъ Павелъ Пестель, будучи тогда адъютантомъ графа Витгенштейна и живучи въ Тульчинѣ, главной квартирѣ 2-й арміи, старался всѣми сердствами распространять свои мнѣнія. Онъ внушалъ молодымъ сослуживцамъ своимъ, что воля самого Монарха (въ Бозѣ почивающаго Императора Александра), до времени только сокрываемая, есть питать идеи сего рода въ юношествѣ и войскахъ; что, стремяся къ измѣненію настоящаго порядка, они будутъ содѣйствовать ему, что въ Петербургѣ всѣ умы въ движеніи, что уже составилось многочисленное и почтенное по достоинствамъ своихъ членовъ сообщество, которое все готовитъ къ великой перемѣнѣ [28]). Онъ принялъ многихъ въ *Союзъ Благоденствія*, показывая нововступающимъ первую часть устава, но самъ часто уклонялся отъ опредѣленныхъ въ ономъ правилъ. Вліяніе его, какъ видно по единогласнымъ свидѣтельствамъ, бывало

---

[26]) Показаніе титулярнаго совѣтника Семенова.

[27]) Никита Муравьевъ говоритъ, что когда какой-либо членъ начиналъ оказывать холодность къ Обществу, то старались его увѣрить, что онъ не одинъ, а и всѣ прочіе перемѣнили образъ мыслей, *что Общество распадается на части и почти уже не существуетъ*.

[28]) Показаніе подполковника Комарова.

рѣдко оспориваемо близкими къ нему сообщниками; однакоже въ исходѣ 1820 года, и между бывшими въ семъ краѣ, начали оказываться холодность, несогласія въ мнѣніяхъ, и возникали жаркіе споры на собраніяхъ, кои бывали у Пестеля и Юшневскаго (генералъ-интенданта 2-й арміи), имъ принятаго и до конца остававшагося въ тѣсной съ нимъ связи. Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное диктаторство. Сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить диктатора тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ *Союза*, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго. Пестелю нельзя было ѣхать въ Москву; полномочными отъ его Управы назначены полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, который, замѣтивъ въ Обществѣ явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противозаконнымъ, думалъ уже тогда воспользоваться долженствовавшимъ быть на семъ съѣздѣ разногласіемъ, чтобы склонить членовъ къ уничтоженію *Союза*. Генералъ-маіоръ Фонъ-Визинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ [29], для приглашенія депутатовъ, и въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка. Кромѣ ихъ и вышепоименованныхъ, были на съѣздѣ: два брата Фонъ-Визины, генералъ-маіоръ Орловъ, полковникъ Граббе, Якушкинъ (вступившій въ *Союзъ Благоденствія* въ 1819-мъ году), Михайло Муравьевъ, Охотниковъ. Симъ членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генералъ Фонъ-Визинъ предлагалъ раздѣлить Общество на три разряда: 1-й, высшій, главноуправляющій и законодательствующій, *Незнаемыхъ;* 2-й, *Исполнителей;* изъ онаго хотѣли отряжать членовъ для наблюденій, разъѣздовъ, словесныхъ сообщеній, прекративъ всѣ письменныя; наконецъ, 3-й, *Нововводимыхъ*. Тутъ опять начались несогласія и споры; предложеніе Фонъ-Визина отвергали Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показывавшій себя весьма умѣреннымъ), генералъ-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ. Послѣднему Якушкинъ сказалъ однажды: *Я на лицѣ твоемъ вижу, что ты измѣняешь Обществу.—Да!* отвѣчалъ Комаровъ, *если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава.— Это невозможно.* Вскорѣ затѣмъ, генералъ Орловъ письменно объявилъ, что онъ уже не хочетъ принадлежать къ Обществу и остался твердъ, несмотря на убѣжденія и просьбы товарищей; а въ концѣ Февраля (1821 года), на общемъ засѣданія, положено уничтожить *Союзъ*. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Уставъ *Союза Благоденствія* и прочія бумаги сожжены, и многіе

---

[29]) Показаніе подполковника Комарова.

члены, въ томъ числѣ Бурцовъ и Комаровъ, искренно вѣрили и радовались уничтоженію онаго.

Но истинныя причины, побудившія сдѣлать сіе объявленіе, какъ показываютъ Якушкинъ, Фонъ-Визинъ и Никита Муравьевъ, были чувство, что уставъ не ясно опредѣлялъ цѣль Общества, отъ чего дѣятельность онаго уменьшалась, и желаніе удалить членовъ, кои уже хладѣли въ усердіи къ сей цѣли или не знали оной и, по характеру своему и образу мыслей, казались неспособными содѣйствовать *Коренной Управѣ*. Бывшіе въ Москвѣ руководители оной тогда же рѣшились (сіе объявляютъ генералъ Фонъ-Визинъ и Якушкинъ) со временемъ составить новое Общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установленій. Въ сію первую степень принимать не иначе, какъ по согласію Главнаго Правленія въ Петербургѣ; для принятія во вторую, нужно бы было единодушное утвержденіе членовъ двухъ отдѣленій; оныхъ полагалось четыре: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Смоленской губерніи и Тульчинѣ. Якушкинъ утверждаетъ, что сіе Тайное Общество, съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ уставомъ, тогда же и составилось; генералъ-маіоръ Фонъ-Визинъ напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, *что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ*. Первый прибавляетъ, что назначенныя въ Москвѣ и Смоленскѣ отдѣленія не были учреждены.

Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской Управѣ извѣстіе о разрушеніи *Союза Благоденствія* и долженъ былъ представить ей письменное сообщеніе отъ предсѣдателя Московскаго съѣзда. Но уже знавъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во 1-хъ, не признавать Общества разрушеннымъ; во 2-хъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить *всѣхъ слабосердыхъ, представя имъ опасности и трудности предпріятія*.

Вслѣдствіе сего, когда, по собраніи Думы Тульчинской, Бурцовъ, исполнивъ данное ему въ Москвѣ порученіе, вышелъ, а за нимъ и Комаровъ, то Юшневскій говорилъ приготовленную имъ рѣчь, но симъ не удалилъ никого; напротивъ, подстрекнулъ самолюбіе присутствовавшихъ членовъ. Полковникъ Аврамовъ (послѣ, какъ онъ увѣряетъ, раскаявшійся) объявилъ, что если и всѣ оставятъ *Союзъ*, то онъ не перестанетъ полагать оный *существующимъ въ немъ одномъ;* другіе также провозгласили, что депутаты ихъ въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что Общество не разрушено и будетъ продолжать дѣйствовать, перемѣнивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ правилъ. Какъ бывшіе на семъ собраніи, такъ и приставшіе вскорѣ потомъ къ ихъ мнѣнію, Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, двое Крюковыхъ, князь Барятинскій, Басаргинъ, князь Сергѣй Волконскій, Василій

Давыдовъ (вѣроятно соображаясь съ положеніями сочиненнаго Пестелемъ устава перваго Тайнаго Общества), приняли названіе *Бояръ Союза* [30]). Они выбрали предсѣдателями или директорами Пестеля, Юшневскаго и сначала третьимъ, Никиту Муравьева; ибо думали, что и онъ, не бывъ въ Москвѣ, также несогласенъ на уничтоженіе Общества. Но въ Петербургѣ, какъ утверждаетъ послѣдній (Никита Муравьевъ) „оно было по крайней мѣрѣ совер„шенно разстроено: большая часть членовъ изъ него вышла; остававшіяся „Управы, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго „управленія, не знали, чего хотѣли или не могли дать себѣ отчета въ сво„ихъ желаніяхъ“ [31]).

Только въ исходѣ 1822 года сіе Петербургское или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на *Убѣжденныхъ* и *Соединенныхъ* или *Согласныхъ* [32]). *Союзъ Убѣжденныхъ* или Верхній Кругъ, составлялся изъ основателей [33]); принимали въ оный и другихъ изъ *Союза Соединенныхъ*, но не иначе какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ *Убѣжденныхъ*. Сіе согласіе было нужно и для принятія какой-либо рѣшительной мѣры. Сверхъ того Верхній Кругъ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ *Думы* или *Совѣта*, управлявшаго Обществомъ, дозволялъ принятіе нововступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ *Думы*. Ненаходящійся въ ономъ членъ могъ принять не болѣе двухъ, и согласія на то испрашивалъ чрезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; сей послѣдній также, если не былъ въ числѣ *Убѣжденныхъ*; сіе согласіе чрезъ такую же цѣпь доходило отъ *Думы* до принимающаго новыхъ членовъ. Сихъ съ начала испытывали, готовили, потомъ открывали имъ мало-по-малу цѣль Тайнаго Общества, но

---

[30]) Пестель показываетъ, *что съ сего времени, члены Южнаго Общества или, какъ онъ его называетъ, Округа, раздѣлялись на Братій, Мужей и Бояръ. Братья не имѣли права принимать другихъ; Мужи, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятыхъ ими скрывать имена прочихъ членовъ. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшеній въ важныхъ случаяхъ. Принимая новаго члена, довольствовались его честнымъ словомъ.*

[31]) Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго *Союза* составлять новое Тайное Общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его Семенова, да принялъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія Общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ ни другіе члены сего Общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ Императорской Фамиліи.

[32]) Показаніе князя Евгенія Оболенскаго.

[33]) Главными изъ сихъ основателей или возобновителей Общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, князь Оболенской и Николай Тургеневъ, который однакоже не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, *Соединенныхъ* и *Убѣжденныхъ*, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

о средствахъ для достиженія оной и о времени начатія дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣніе одинъ Верхній Кругъ. Многимъ, коихъ назначали слѣпыми орудіями, говорили только, что ихъ дѣло рубиться; нововступившіе и вообще всѣ непричисленные къ *Убѣжденнымъ*, знали одного принявшаго ихъ члена. Но сіе правило и всѣ прочія весьма не строго наблюдались [34]).

Возобновивъ Тайное Общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ, въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы, и князя Евгенія Оболенскаго [35]). Чрезъ годъ послѣ того первый отправился въ Кіевъ, и съ надеждою, что, будучи въ Штабѣ 4-го Корпуса, онъ можетъ имѣть сообразное съ планами злоумышленниковъ вліяніе на войска онаго, и для того, чтобы наблюдать за Пестелемъ, коему главные дѣйствователи Сѣвернаго Общества не довѣряли: ибо, по словамъ Рылѣева, видѣли въ немъ *хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте*. На мѣсто князя Трубецкаго сдѣланъ членомъ *Директоріи или Думы* Рылѣевъ, который настоялъ, чтобы впредъ сіи *Директоры* или *Правители* были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ.

Сношенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго *Союза съ Южнымъ*, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словахъ: *Думы* боялись ввѣрять письма даже сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сіи два Общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль: ниспроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи. Коммиссія представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества отысканные ею списки сихъ проектовъ, вмѣстѣ съ краткими изъ оныхъ извлеченіями [36]). Для достиженія цѣли своей, также въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, которыя надѣялись склонить къ возму-

---

[34]) Показаніе Александра Бестужева.

[35]) Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ.

[36]) Одинъ проектъ Конституціи написанъ Никитою Муравьевымъ. Онъ предполагалъ монархію, но оставляя Императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области. Сей проектъ, по увѣренію Пестеля, служилъ только для вновопринимаемыхъ членовъ, коихъ боялись устрашить предложеніемъ учредить республику. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что онъ говорилъ сіе, обманывая Пестеля, чтобъ не разсердить его, и чтобъ Южное Общество не отдѣлилось совершенно отъ Сѣвернаго. Другая Конституція, съ именемъ *Русской Правды* и совершенно въ духѣ республиканскомъ, есть сочиненіе Пестеля. Обѣ имѣютъ основаніемъ безразсудное предпо-

щенію [37]). Приготовленіемъ сихъ средствъ особенно занимались на Югѣ, въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи. Тамъ, какъ показываетъ капитанъ Майборода, полковникъ Пестель то ласкалъ рядовыхъ, то вдругъ, когда ожидали покойнаго Императора въ армію, подвергалъ ихъ жестокимъ и, вѣроятно, незаслуженнымъ наказаніямъ: «*пусть думаютъ*», «говорилъ», *что не мы, а высшее начальство и самъ* Государь *причиною излишней строгости*». Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ также всячески, и въ Черниговскомъ и въ другихъ полкахъ 9-й дивизіи, старался привязывать къ себѣ солдатъ, въ томъ числѣ выписанныхъ изъ прежняго Семеновскаго полка; внушалъ имъ мысли о возможности и близости всеобщей перемѣны, требуя обѣщанія за нимъ во всякомъ случаѣ слѣдовать.

Дѣйствія сего Тайнаго Общества (Южнаго) уже не ограничивались умноженіемъ членовъ; оныя съ каждымъ днемъ болѣе принимали характеръ рѣшительнаго заговора противъ власти законной, и скоро на совѣщаніяхъ стали обнаруживаться, въ часто повторяемыхъ предложеніяхъ, злодѣйскіе, страшные умыслы. Въ Тульчинской Думѣ первенствовалъ, какъ и прежде, полковникъ Пестель; его сочленомъ въ оной, и всегда согласнымъ, хотя по наружности недѣятельнымъ, былъ Юшневскій. Отъ нихъ зависѣли всѣ составлявшіе Южное Общество, одни непосредственно, другіе чрезъ подвѣдомственныя Думѣ двѣ

ложеніе, что всякое государство можетъ принимать всѣ виды, по волѣ образователей. Обѣ, даже по мнѣнію нѣкоторыхъ умнѣйшихъ членовъ *Союза*, равно доказываютъ совершенное незнаніе отечественнаго края, свойствъ онаго, выгодъ и потребностей; а въ такъ названной *Русской Правдѣ*, сверхъ того, часто обнаруживается едва вѣроятное и смѣшное невѣжество. Редакторъ, раздѣляя Имперію на большія области и отторгая отъ оной почти всѣ присоединенныя отъ Польши, именуетъ Лифляндію, Эстляндію, Курляндію и губерніи Новгородскую и Тверскую, *Холмогорскою* областію, а губерніи Архангельскую, Ярославскую, Вологодскую, Костромскую и Пермскую, областью *Сѣверскою* или *Сѣверянскою*. По его плану, Временное Правленіе долженствовало служить переходомъ отъ самодержавія къ республикѣ, и первою мѣрою сего Правленія было бы запрещеніе Тайныхъ Обществъ и заведеніе искуснаго, дѣятельнаго шпіонства, съ тѣмъ, чтобы шпіонами были люди умные *и самой чистой нравственности*. Временное Правленіе долженствовало также основать новое Іудейское Царство изъ находящихся въ Польшѣ и Россіи Жидовъ. „*Ихъ будетъ два милліона,*" говоритъ Пестель (въ томъ числѣ женщины, старики, дѣти); *они даже и безъ вспомогательнаго войска могутъ легко пройти сквозь всю Европейскую Турцію и, выбравъ мѣсто на берегахъ Малой Азіи, завести свое независимое государство.* Юшневскій поправлялъ только слогъ сего Пестелева сочиненія. Кромѣ сихъ, найдены еще два проекта Конституціи: одинъ неполный, въ бумагахъ князя Трубецкаго; онъ ни что иное, какъ списокъ Конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами; другой, Государственный Завѣтъ, у Сергѣя Муравьева-Апостола; сей послѣдній есть сокращеніе Пестелева проекта.

[37]) По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года и вѣроятно вслѣдствіе бывшихъ незадолго предъ тѣмъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ. Иные, говоритъ Пестель, полагали, что возмущенію должно быть въ Петербургѣ; другіе, что надобно начать въ арміи, идти на Москву и тамъ принудить Сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ правленія.

Управы: *Каменскую* или *Правую*, гдѣ засѣдали Давыдовъ и князь Сергѣй Волконскій, и *Васильковскую* или *Лѣвую*, въ коей начальствовали Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ: первый, Муравьевъ, послѣ сдѣланъ и третьимъ членомъ Думы [38]). Въ Январѣ 1823 года, были въ Кіевѣ собраны начальства всѣхъ Управъ, Пестель, Юшневскій, Василій Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ. Они читали отрывки Пестелевой *Русской Правды*, и сдѣланъ вопросъ: *при введеніи нашихъ новыхъ законовъ* какъ быть съ Императорскою Фамиліею? *Истребить ее*, сказалъ Пестель; съ нимъ согласились Юшневскій, Давыдовъ, Волконскій; но Бестужевъ-Рюминъ думалъ удовольствоваться смертію одного Императора (прочихъ членовъ царственнаго дома предполагали, какъ показываетъ Пестель, вывезти за границу, употребивъ къ тому Кронштадтскій флотъ). Сергѣй Муравьевъ на сей разъ противился вообще ихъ мнѣнію: онъ не хотѣлъ цареубійства. Кончили тѣмъ, что хотя большинство голосовъ на сторонѣ Пестеля, но нельзя дозволить, чтобы шесть человѣкъ рѣшили вопросъ столь важный. Бестужевъ-Рюминъ послѣ прислалъ къ Юшневскому рѣчь, въ коей осуждалъ намѣреніе сообщниковъ своихъ, доказывая, что члены Императорской Фамиліи по совершеніи революціи не будутъ опасны; „чего, говорилъ „онъ, могутъ еще пожелать Русскіе, когда *мы* устроимъ для нихъ хорошее „правленіе, когда *мы* дадимъ имъ мудрые законы [39])?“ Но, несмотря на изъявленное въ семъ случаѣ, искреннее или притворное, несогласіе, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, въ томъ же 1823 году, при свиданіи съ начальниками другихъ Управъ, Пестелемъ, княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, Давыдовымъ, въ деревнѣ Каменкѣ одобрили ихъ предложеніе истребить весь Императорскій Домъ. Князь Сергѣй Волконскій утверждаетъ, что оно даже и возобновлено Муравьевымъ; а въ 1824, Бестужевъ писалъ въ Варшаву (сіе письмо не доставлено княземъ Волконскимъ), требуя смерти Государя Цесаревича Константина Павловича отъ членовъ Тайнаго Польскаго Общества, съ коимъ онъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ вступилъ въ сношенія и связи.

Открытіе сего Польскаго Тайнаго Общества и переговоры съ нимъ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ дѣйствіямъ Южной Директоріи. Бестужевъ-Рюминъ извѣстилъ ее о существованіи онаго; ему же дано порученіе сдѣлать условія съ повѣренными сего Общества, коего цѣлію было отдѣленіе отъ Россіи, независимость Польши въ ея прежнемъ видѣ. Условія вскорѣ сдѣланы Бесту-

---

[38]) Въ послѣдствіи они отдѣлили Тульчинскую Управу отъ Думы или Директоріи, сдѣлавъ въ оной начальникомъ князя Барятинскаго. Сіи Управы иногда, по крайней мѣрѣ на Французскомъ, назывались *Вентами* или *Вендитами*, въ подражаніе Итальянскимъ карбонарамъ. Управа Каменская, буде вѣрить показанію Давыдова, основана лишь въ 1824 году; но начальники оной, князь Волконскій и Давыдовъ, были уже и прежде въ числѣ главныхъ членовъ Южнаго Общества.

[39]) Сей отрывокъ Бестужева на Французскомъ въ его отвѣтахъ.

жевымъ-Рюминымъ съ одной стороны, а съ другой—Крыжановскимъ. Южное Общество обѣщало признать независимость Польши, возвратить ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слившіяся съ Россіею (qui ne sont pas encore russifiées), между прочими область Бѣлостокскую, губернію Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской, съ наблюденіемъ однакоже нужныхъ для обороны выгодъ при постановленіи новыхъ границъ; обѣщало покровительствовать въ Россіи Полякамъ и стараться искоренять взаимную не-любовь обѣихъ націй; а Общество Польское обязывалось употребить средства дѣйствительнѣйшія, *какого бъ ни были они рода*, чтобы препятствовать Государю Цесаревичу пріѣхать въ Россію, когда начнется революція, и съ своей стороны, приступивъ въ тоже время къ возмущенію, идти на Литовскій корпусъ, если онъ не пристанетъ къ нимъ, обезоружить его и учредить въ Польшѣ республиканскій образъ правленія. Сверхъ того хотѣли взаимно сообщать одно другому нужныя и вообще важныя свѣдѣнія, но съ тѣмъ, чтобы сношенія происходили не между простыми членами, а чрезъ особыхъ коммиссаровъ. Сими коммиссарами назначены Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, Гродецкій и Чаркосскій. Въ послѣдствіи Пестель самъ и князь Сергѣй Волконскій входили въ новые переговоры съ депутатами Польскаго Общества, Яблоновскимъ и Гродецкимъ [40]). Пестель признается, что обѣщалъ независимость Польшѣ, но утверждаетъ, что не сказалъ ничего положительнаго о возвращеніи завоеванныхъ областей, хотя и видно по картѣ Россіи, имъ сочиненной и приложенной къ проекту Конституціи (*Русской Правдѣ*), что онъ въ своихъ планахъ отъ состава Имперіи отдѣлялъ всѣ означенныя Бестужевымъ части прежней Польши, и хотя на совѣщаніяхъ съ нѣкоторыми Петербургскими членами (такъ показываетъ Никита Муравьевъ), на упрекъ за сіе намѣреніе ему и Давыдову, они оба отвѣчали: „какъ „быть! слово уже дано, и на то была воля Южнаго Общества." Сіи сношенія съ Обществомъ Польскимъ, кажется, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій. Повѣренные онаго требовали отъ Пестеля, чтобы онъ далъ имъ узнать важныхъ людей въ государствѣ, участвующихъ въ заговорѣ противъ настоящаго порядка, обѣщая съ своей стороны наименовать и сблизить съ ними такихъ же. Пестель *былъ принужденъ* отвѣчать не ясно, ибо не могъ назвать никого. Поляки охолодѣли, но связи ихъ съ Южнымъ Обществомъ не совершенно прекратились; ибо опредѣлено было обоюднымъ уполномоченнымъ съѣхаться опять въ Кіевѣ, въ Январѣ 1826 года. Впрочемъ все сіе долженствуетъ быть точнѣе объяснено производящимся въ Варшавѣ слѣдствіемъ.

Не задолго до сихъ странныхъ сношеній, въ коихъ частные люди свое-

---

[40]) Гродецкій, по желанію полномочныхъ Южнаго Общества, взялся предложить Варшавской Директоріи, чтобы съ Его Высочествомъ Цесаревичемъ было поступлено *точно такъ въ Польшѣ, какъ съ прочими членами* Императорской *Фамиліи поступятъ въ Россіи:* онъ надѣялся, что Директорія согласится. (Показаніе Бестужева-Рюмина.)

вольно располагали достояніемъ отечества и судьбою правительствъ и народовъ, Управа Васильковская, то есть Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, замышляли начать мятежническія дѣйствія въ 9-й дивизіи, которая тогда была собрана въ лагерѣ при Бобруйскѣ, ожидая прибытія покойнаго Государя и Вашего Императорскаго Величества. Они хотѣли (оба въ томъ согласно признаются), въ положенный день или ночь, съ помощію нѣсколькихъ сообщниковъ, одѣтыхъ въ мундиры солдатъ полка, коимъ начальствовалъ единомышленникъ ихъ полковникъ Швейковскій, *овладѣть* Государемъ и Вашимъ Величествомъ; также взять подъ стражу генералъ-адъютанта барона Дибича, произвести бунтъ въ лагерѣ и, оставя гарнизонъ въ крѣпости (которая, говорятъ они, могла въ неудачѣ служить для нихъ убѣжищемъ), идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя къ себѣ другія войска. Но, какъ извѣстно уже Вашему Величеству и Коммиссіею неоднократно было замѣчено, всѣ покушенія и планы злоумышленниковъ равно очевидно ознаменованы и нетерпѣливостію страстей, и ничтожностію средствъ: обманывая на сей счетъ другъ друга, по всегдашнему обыкновенію въ заговорахъ, они часто были сами ослѣплены своими вымыслами, и лишь въ минуты, назначенныя для совершенія предпріятія, узнавали свою слабость. Такъ было и въ семъ случаѣ. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, думавъ возмутить цѣлый корпусъ войскъ, скоро увѣрились, что въ оном могли имѣть только двухъ пособниковъ: полковника Швейковскаго и капитана Норова. Вслѣдствіе того положили: 1) Бестужеву ѣхать въ Москву узнать, что̀ тамъ дѣлаютъ настоящіе или бывшіе члены Тайнаго Общества, пригласить ихъ, именно Михаила Муравьева и Михаила Фонъ-Визина, къ участвованію въ новыхъ планахъ, и для исполненія оныхъ привезти нѣсколько молодыхъ людей въ Бобруйскъ; 2) требовать мнѣнія и помощи Пестеля чрезъ Василья Давыдова, котораго затѣмъ звали къ себѣ въ лагерь. Давыдовъ не пріѣхалъ и не отвѣчалъ. Бестужевъ нашелъ въ Москвѣ только Ивана Фонъ-Визина и Якушкина, которые отказались отъ всякаго содѣйствія, и начальники Васильковской Управы остались при одномъ злодѣйственномъ умыслѣ. Пестель утверждаетъ, что онъ удержалъ ихъ; но сему нельзя вѣрить, ибо изъ показаній Бестужева-Рюмина [41]) видно, что въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1824 года, составленъ планъ другаго и еще болѣе преступнаго покушенія, имъ Пестелемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ, двумя Поджіо, Давыдовымъ и Швейковскимъ. Полагали ошибочно, что покойный Государь Императоръ будетъ въ семъ году осматривать войска 3-го корпуса при мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, и заговорщики рѣшили, что въ первую ночь послѣ пріѣзда Его Величества въ павильонъ парка Александріи, при смѣнѣ караула, нѣсколько одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры офицеровъ (въ томъ числѣ разжалованныхъ), коихъ они считали

---

[41]) Также Поджіо, В. Давыдова и Сергѣя Муравьева.

готовыми на злодѣйство, ворвутся въ комнаты Государя и умертвятъ его [42]. Тогда же Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Швейковскій и Тизенгаузенъ должны были произвести возмущеніе въ лагерѣ, идти на Кіевъ и на Москву. Муравьевъ думалъ изъ Кіева отправиться въ Петербургъ, дѣйствовать на Сѣверное Общество и съ нимъ; Бестужевъ опредѣлялъ себя въ начальники Черниговскаго полка. Но смотра не было; потому даже не сдѣлано предложенія назначаемымъ въ убійцы [43] и, можетъ быть, не рожденнымъ для злодѣйства офицерамъ и рядовымъ; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Жуковъ, выписанный изъ гвардіи, говорилъ послѣ (такъ свидѣтельствуетъ Бестужевъ-Рюминъ): „знаю, что „для успѣха намъ нужна смерть Государя; однакожъ, если жребій велитъ мнѣ „быть исполнителемъ ужаснаго приговора, то я самъ себя лишу жизни."

Но исполненіе сихъ преступныхъ намѣреній только что отлагалось; оно, какъ явствуетъ изъ множества показаній, было постоянною мыслію руководителей Южнаго Тайнаго Общества. Уже и въ 1821 году, по свидѣтельству ротмистра Ивашева, вскорѣ послѣ возобновленія союза на Югѣ, въ одномъ собраніи, гдѣ находились Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, князь Барятинскій, Вольфъ, Крюковы 1-й и 2-й и Басаргинъ, члены провозгласили торжественно, что цѣль ихъ есть измѣненіе существующаго въ государствѣ порядка, *во что бы ни стало,* предполагая не только *упраздненіе* престола, но *истребленіе всѣхъ лицъ, кои могли бы тому препятствовать;* средства къ сему предоставляли избрать директорамъ, Пестелю и Юшневскому, и для того вручали имъ власть неограниченную [44]. Въ другомъ засѣданіи, при Юшневскомъ, Аврамовѣ, Ивашевѣ, двухъ Крюковыхъ, князѣ Барятинскомъ и штабъ-лекарѣ Вольфѣ (который показываетъ сіе), Пестель требовалъ рѣшительнаго утвержденія плана его ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія посредствомъ вооруженной силы, и *упразднить* Царствующій Домъ. Члены изъявили согласіе. Въ 1822 году, князь Барятинскій, принимая въ общество полковника Фалленберга, взялъ съ него *клятву жертвовать всѣмъ и даже покуситься на жизнь* Императора [45]. Въ 1823 году младшій изъ братьевъ Поджіо [46], вступивъ въ *Союзъ,* нашелъ, что всѣми (Южными) Управами положено было цѣлію установленіе республики, но изъ осторожности не

---

[42]) Швейковскій утверждаетъ, что по его мнѣнію должно было только арестовать Государя.

[43]) Сихъ только они между собою называли *заговорщиками,* другихъ же соумышленниковъ *революціонерами.*

[44]) На очныхъ ставкахъ, подтвердивъ показаніе Ивашева, нѣкоторые (Юшневскій, Басаргинъ, князь Барятинскій и Крюковъ 2-й) прибавили, что сіе происходило въ томъ самомъ засѣданіи, въ коемъ положено было не признавать Общества разрушеннымъ.

[45]) Показаніе Фалленберга; и князь Барятинскій сознался въ этомъ на очной съ нимъ ставкѣ.

[46]) Показаніе самого Поджіо.

вдругъ открывать сіе нововводимымъ. Въ семъ же году Поджіо видѣлъ въ Петербургѣ князя Барятинскаго и письмо, которое онъ привозилъ отъ Пестеля къ Никитѣ Муравьеву. Пестель спрашивалъ о числѣ членовъ, силѣ, успѣхахъ Сѣвернаго Общества; готовы ли въ Петербургѣ къ возмущенію? и прибавлялъ: *les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons avoir maison nette (слабыя мѣры ни къ чему не годятся; мы, здѣшніе, думаемъ все до чиста искоренить). Какъ!* вскричалъ Никита Муравьевъ, *они тамъ Богъ вѣсть что затѣяли: хотятъ всѣхъ.* Князь Барятинскій требовалъ рѣшительнаго отвѣта. Никита Муравьевъ объявлялъ, что ихъ намѣреніе *начать съ обращенія умовъ (commencer par la propagande)*; но имъ (Никитою Муравьевымъ), какъ утверждаетъ въ своихъ показаніяхъ Поджіо, иные въ Петербургѣ тогда были не довольны, хуля его за медлительность, бездѣйствіе, холодность. Въ числѣ тѣхъ, кои желали скорыхъ мѣръ, не ужасаясь злодѣйства, Поджіо именуетъ Митькова, который на свиданіи у Оболенскаго сказалъ ему: „*Я съ вашимъ мнѣніемъ* (о погубленіи всей Императорской Фамиліи) *согласенъ совершенно, до корня*[47]); князя Валеріана Голицына, повторившаго слова Митькова[48]); Рылѣева, *исполненнаго отваги,* какъ говоритъ показатель, но хотѣвшаго дѣйствовать и на умы, сочиненіемъ возмутительныхъ пѣсенъ и Катихизиса *свободнаго человѣка*[49]), наконецъ и Матвѣя Муравьева-Апостола[50]). Поджіо представляетъ его однимъ изъ жаркихъ приверженниковъ Пестеля и республиканскаго правленія, готовымъ произнести смертный приговоръ Царствующему Дому, только съ тѣмъ (сію мысль, по другимъ показаніямъ, имѣли и братъ его Сергѣй, и Бестужевъ-Рюминъ, и Пестель), чтобы злодѣйство, ими внушенное, казалось дѣломъ другихъ, послѣдствіемъ заговора составленнаго внѣ ихъ Тайнаго Общества, и чтобы они могли избѣгнуть отъ кары праведнаго всеобщаго омерзѣнія[51]). Но сіи мнѣнія Матвѣя Муравьева значительно

---

[47]) Митьковъ сознавался въ томъ на очной ставкѣ съ Поджіо; послѣ онъ опять началъ запираться.

[48]) Онъ, однакожъ, въ этомъ не признается.

[49]) Рылѣевъ только думалъ кончить сей Катихизисъ свободнаго человѣка, начатый Никитою Муравьевымъ, но не успѣлъ. Въ сочиненіи возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ онъ признался.

[50]) Самъ Матвѣй Муравьевъ, въ одномъ изъ послѣднихъ отвѣтовъ своихъ, утверждаетъ, что, сверхъ названныхъ подполковникомъ Поджіо, сіе мнѣніе объ истребленіи Императорской Фамиліи раздѣляли въ Петербургѣ еще многіе изъ членовъ, и въ томъ числѣ главныхъ, Сѣвернаго Общества. Нѣкоторые признали справедливость сего показанія, какъ сіе подробно означено въ особыхъ о каждомъ запискахъ; о другихъ онъ самъ объявилъ послѣ, что не говорилъ съ ними о томъ; противились же сему мнѣнію, какъ показываетъ онъ, князь Трубецкой и Никита Муравьевъ. Онъ приводитъ слова послѣдняго: je vais dire à ces messieurs, que la Famille Impériale est sacrée (*я объявлю этимъ господамъ, что* Императорская *Фамилія должна быть священна*).

[51]) Пестель, если вѣрить словамъ Никиты Муравьева, думалъ даже сихъ заговорщиковъ-убійцъ, имъ возбужденныхъ, немедленно казнить смертію, и такимъ образомъ

измѣнились въ теченіе слѣдующаго года: ибо въ найденномъ между бумагами брата его Сергѣя письмѣ (отъ 3-го Ноября 1824) онъ напротивъ изъявляетъ благоразуміе, старается удержать брата отъ всякихъ покушеній, доказываетъ ему, если не беззаконность, то по крайней мѣрѣ безразсудность предпріятія и невозможность успѣха. „Духъ въ гвардіи", пишетъ онъ, „и вообще въ войскахъ „и народѣ совсѣмъ не тотъ, какой мы предполагали. Государь и Великіе Князья „любимы: они съ властію имѣютъ и способы привязывать къ себѣ милостями: „а мы, что̀ можемъ обѣщать, вмѣсто чиновъ, денегъ и спокойства? Метафизи-„ческія разсужденія о политикѣ и двадцатилѣтнихъ прапорщиковъ въ прави-„тели государства. Изъ Петербургскихъ умнѣйшіе начинаютъ видѣть, что мы „обманываемся и обманываемъ другъ друга, твердя о нашихъ силахъ. Въ „Москвѣ я нашелъ только двухъ членовъ, которые сказали мнѣ: здѣсь ничего „не дѣлаютъ, да и дѣлать нечего [52])".

По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ Тайномъ Обществѣ, точно не стыдясь, обманывали другъ друга. Такъ генералъ-маіоръ князь Сергѣй Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ подговорилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-й дивизіи, за исключеніемъ лишь полка его личнаго непріятеля Бурцова; называлъ нѣкоторыхъ, будто бы принятыхъ имъ или *приготовленныхъ*, и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышлено, изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго усердія. Такъ они говорили въ Южномъ Обществѣ, что ихъ главныя силы на Сѣверѣ и тамъ должно начаться дѣйствіямъ; а въ Петербургѣ, что все готово на Югѣ; утверждали иногда, что Москва рѣшитъ дѣло, а въ Москвѣ не было уже и Управы и очень мало членовъ, большею частію, отставшихъ отъ *Союза;* говорили также, и также ложно, что есть Тайныя Общества на Кавказѣ и въ Харьковѣ, послѣднее будто бы

будто бы отмщая за Императорскую Фамилію, отклонить отъ своего Общества всякое подозрѣніе въ участіи. На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ Пестель не признался въ семъ послѣднемъ намѣреніи.

[52]) Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ показываетъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ, что онъ былъ въ необыкновенномъ расположеніи души, когда видѣлся съ Поджіо въ Петербургѣ; долго не получая извѣстій о братѣ своемъ Сергѣѣ, онъ вообразилъ, что заговоръ открытъ и братъ его подъ стражею. „Терзаемый горестію, страхомъ", говоритъ онъ, „я въ безуміи хотѣлъ мести, хотѣлъ самъ покуситься на жизнь Государя, и объявлялъ „о своемъ намѣреніи кавалергардскимъ офицерамъ, Вадковскому, Свистунову, Артамону „Муравьеву". Первый думалъ для сего употребить бывшее у него духовое ружье; послѣдній назначалъ день, когда его эскадронъ будетъ въ караулѣ. По Матвѣй Муравьевъ, узнавъ, что братъ его свободенъ, успокоился и оставилъ мысль о злодѣйственномъ покушеніи. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ вышеупомянутыхъ офицеровъ (Ѳедоръ Вадковскій) предполагалъ, между прочими способами для исполненія повелѣній ихъ Общества, убить покойнаго Императора и всѣхъ членовъ его августѣйшей фамиліи на какомъ-нибудь большомъ придворномъ балѣ, и тутъ же провозгласить установленіе Республики. Подпоручикъ Кривцовъ и корнетъ Александръ Муравьевъ говорятъ, что, находя сіе предположеніе нелѣпымъ, сочли за шутку.

подъ начальствомъ графа Якова Булгари. Но тоже самое чувство тщеславія не допускало ихъ ни сердиться за обманъ, ни признаваться въ перемѣнѣ образа мыслей. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, послѣ означеннаго выше письма къ брату, въ коемъ онъ сверхъ того изъявлялъ весьма невыгодное мнѣніе о Пестелѣ, послѣ разговора въ томъ же духѣ съ пріѣзжавшимъ къ нему въ деревню маіоромъ Лореромъ, вдругъ снова началъ увѣрять Пестеля въ привязанности къ нему, въ рвеніи къ успѣху его плановъ [53]). Сей послѣдній (Пестель), какъ свидѣтельствуютъ Никита Муравьевъ, другіе допрошенные и самый ходъ происшествій, былъ въ Южномъ Обществѣ не только директоромъ, но полнымъ властелиномъ; большая часть членовъ слѣпо ему вѣрила; иные, въ томъ числѣ начальникъ одной изъ Управъ, князь Сергѣй Волконскій, не знавъ его проекта Конституціи, хотѣли всѣмъ жертвовать для введенія предположеннаго въ ней образа правленія [54]). Впрочемъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ часто дѣйствовалъ такъ, чтобы его мысли и намѣренія были предложены не имъ и даже казались не его внушеніемъ. Подполковникъ Поджіо встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1824 года. Пестель зналъ, что онъ членъ ихъ Общества, зналъ, что онъ изъ такихъ, коихъ, по словамъ его, не было нужды *пришпоривать*, но сперва говорилъ очень осторожно, только искалъ плѣнить его умомъ, велерѣчіемъ, лестью, много разсуждалъ о различныхъ формахъ правленія, *начавъ отъ Нимврода,* и особенно охуждалъ наслѣдственный въ Монархіяхъ порядокъ. Но когда Поджіо, въ восторгѣ, который въ другомъ случаѣ можно бы назвать дѣтскимъ, вскричалъ: *должно признаться, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ государственной наукѣ, они были ученики, и наука въ младенчествѣ:* то онъ сталъ мало по малу намекать о томъ, что для торжества ихъ идей нужны усилія, жертвы. Отвѣтъ уже воспламененнаго до бѣшенства и нынѣ горько раскаявшагося Поджіо былъ готовъ: *принесемъ на жертву всѣхъ.* Тогда Пестель, сжавъ руку, сказалъ: *давай считать ихъ по пальцамъ; для удара я готовлю двѣнадцать удальцевъ. Барятинскій уже набралъ нѣкоторыхъ.* Дошедши до царственныхъ особъ женскаго пола, онъ на минуту остановился: *знаешь ли Поджіо, что это ужасно!* и однакожъ заключилъ свой страшный счетъ числомъ 13-ть, прибавя: *если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ; у всѣхъ великихъ княгинь есть дѣти. Довольно объявить ихъ лишенными правъ на царство; и кто захочетъ престола облитаго кровью?* Но Пестель самъ, какъ показываетъ его сообщникъ-обвинитель, хотѣлъ для

---

[53]) Уступая просьбамъ брата, какъ онъ утверждаетъ; даже письма его къ Пестелю сочинены не имъ, а братомъ его Сергѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

[54]) Князь Сергѣй Волконскій говоритъ самъ, что онъ видѣлъ только небольшіе отрывки Пестелевой *Русской Правды*, и что главнѣйшія основанія оной были ему вовсе неизвѣстны.

себя по крайней мѣрѣ власти царской. „Кто же“, спрашивалъ онъ у Поджіо, „будетъ главою Временнаго Правительства“?—„Кому быть кромѣ того, кто начинаетъ и безъ сомнѣнія совершитъ великое дѣло революціи: кромѣ васъ“?—„Неловко мнѣ, нося имя не Русское“.—„Что нужды! Вы уймете самое злорѣчіе, „удалясь, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ: вѣдь Временное Правительство недолго будетъ дѣйствовать, годъ, много два“.—„О, нѣтъ!“ возразилъ „Пестель, не менѣе десяти лѣтъ; они необходимы для однихъ предварительныхъ мѣръ; между тѣмъ, чтобы не роптали, можно занять умы внѣшнею „войною, возстановленіемъ древнихъ республикъ въ Греціи. А окончивъ великій подвигъ, я заключусь въ Кіевской Лаврѣ, буду схимникомъ, и *тогда* „примусь за вѣру“ [55]).

Ослѣпляя такимъ образомъ людей незрѣлаго ума въ своемъ непосредственномъ кругу, заражая или, по крайней мѣрѣ, укореняя въ ихъ сердцахъ беззаконныя и безчеловѣчныя намѣренія, директоръ Южнаго Тайнаго Общества продолжалъ стараться и о томъ, чтобы распространить свое вліяніе на Сѣверную Думу [56]). Князь Сергѣй Волконскій, Давыдовъ, Швейковскій пріѣзжали въ Петербургъ (первый два раза), съ предложеніемъ соединить оба Общества, дѣйствовать вмѣстѣ, стремиться къ одной, опредѣленной южными членами, цѣли. Въ 1825 году былъ и самъ Пестель. Онъ, возвратясь на Югъ, увѣрялъ, что привелъ все въ желанный имъ порядокъ; что Общества Южное и Сѣверное соединились; что сначала ему противились во многомъ, и однажды онъ въ нетерпѣніи, ударивъ по столу, сказалъ: *такъ будетъ же Республика*; что наконецъ всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но

---

[55]) Пестель, также по свидѣтельству Поджіо, говорилъ и о людахъ, коихъ намѣренъ былъ употребить, щедро обѣщая своимъ соумышленникамъ министерства и всѣ важныя мѣста въ государствѣ. О предателяхъ сказалъ, что имена ихъ записаны въ черную книгу и обречены мщенію, кинжаламъ, aqua tophana, и проч. и проч. Послѣ, когда Василій Давыдовъ спросилъ у него при Поджіо: знаешь его и мое мнѣніе? *всѣхъ*! то онъ отвѣчалъ, усмѣхаясь: Да! *Поджіо* ужасный человѣкъ. На очной ставкѣ Пестель признался, что имѣлъ съ нимъ означенный выше разговоръ, но прибавя: *безъ театральныхъ движеній, и мнѣ никакой нужды не было воспламенять Поджіо; я нашелъ его готовымъ на все.*

[56]) Тѣми же средствами - ласкательствомъ. Однажды въ разговорѣ съ Рылѣевымъ, какъ сей показываетъ, Пестель, чтобы привязать къ себѣ сего, тогда новаго члена, и узнать его образъ мыслей, изъявлялъ попеременно разныя политическія мнѣнія: *онъ былъ*, говоритъ Рылѣевъ, *и гражданиномъ Сѣверо-Американскимъ, то защитникомъ государственнаго устава Англіи, то Конституціи Испанской, и террористомъ, и Наполеонистомъ.* Между прочимъ сказавъ, что и богатствомъ, и силой, и славой, Англія обязана своимъ законамъ, чрезъ минуту согласился съ Рылѣевымъ, что сіи законы устарѣли, не годятся для нашего вѣка, наполнены недостатками и могутъ *плѣнять только слѣпую чернь, купцовъ, лордовъ и близорукихъ Англомоновъ.* Хваля Бонапарте, на слова Рылѣева, что даже честолюбцу должно, для собственной выгоды, подражать скорѣе Вашингтону, Пестель отвѣчалъ: правда; но если бы и вышелъ Наполеонъ, то все мы не будемъ въ проигрышѣ.

члены Петербургскаго Общества показываютъ другое. Рылѣевъ утверждаетъ, что они думали соединиться съ Южнымъ для того единственно, чтобы надзирать за Пестелемъ и противодѣйствовать ему; что сего къ сожалѣнію не могли сдѣлать; а по словамъ Никиты Муравьева. Пестель послѣ пріѣзда въ Петербургъ, на собраніи, при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургеневѣ, Рылѣевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на недѣятельность Сѣвернаго Общества, на недостатокъ единства, точныхъ правилъ, на различіе устройствъ на Сѣверѣ и Югѣ. Въ Южномъ Обществѣ были *Бояре*, въ Сѣверномъ ихъ не было. Онъ предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвать *Боярами* главныхъ Петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла рѣшить большинствомъ голосовъ *Бояръ*, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ. Предложеніе было принято, какъ сказалъ князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи. „Мнѣ это весьма не понравилось", говоритъ Муравьевъ, „и когда вскорѣ затѣмъ „Пестель пришелъ ко мнѣ, то у насъ началось преніе. Пестель говорилъ, что „надобно прежде всего истребить всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, заставить Синодъ и Сенатъ объявить наше Тайное Общество *Временнымъ Правительствомъ съ неограниченною властію;* что сіе Временное Правительство, принявъ присягу всей Россіи, раздавъ министерства, арміи, корпуса и „прочія мѣста членамъ Общества, мало по малу, въ продолженіе нѣсколькихъ „лѣтъ, будетъ вводить новый порядокъ. Я нашелъ сей планъ, равно и варварскимъ и несбыточнымъ [57])". Въ слѣдствіе сего разговора, Никита Муравьевъ на другомъ собраніи Общества доказывалъ, что совершенное соединеніе ихъ съ Южнымъ невозможно, по дальности разстоянія и по несходству въ мнѣніяхъ; что въ Сѣверномъ всякій слѣдовалъ своему, а въ Южномъ, какъ онъ слышалъ, никто не противорѣчилъ Пестелю, и такъ большинство голосовъ было бы выраженіемъ одной его воли. Онъ-же не сказывалъ, сколько у него Бояръ, и предоставлялъ себѣ право, вмѣстѣ съ своими Боярами, принимать новыхъ. Муравьевъ прибавилъ, что никогда не будетъ слѣпымъ орудіемъ рѣшеній большинства, которыя могутъ быть противны его совѣсти, и хочетъ имѣть свободу выйти изъ Общества. Его слова подѣйствовали; Пе-

---

[57]) Планъ самого Муравьева, какъ онъ показываетъ, былъ слѣдующій:

1) Окончивъ свой проектъ Конституціи, раздать множество экземпляровъ онаго людямъ всѣхъ состояній.

2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и тогда напечатать сей проектъ.

3) По мѣрѣ успѣховъ возмущенія, во всѣхъ занятыхъ мѣстахъ учреждать предположенныя имъ новыя начальства и другія присутственныя мѣста.

и 4) Если бы Императорская Фамилія не согласилась принять его Конституцію, то изгнать ее и предложить установленіе республиканскаго правленія, но только *въ сей крайности*; ибо онъ въ концѣ 1822 года, какъ увѣряетъ, отчасти перемѣнилъ свой образъ мыслей и призналъ превосходство монархическихъ формъ надъ республиканскими.

стель долженъ былъ согласиться оставить все въ прежнемъ видѣ до 1826 года, а тогда собрать уполномоченныхъ для постановленія правилъ и для избранія однихъ правителей въ оба Общества. *Съ тѣхъ поръ онъ* [58]) *видимо охладѣлъ къ главнымъ членамъ Петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ Конституціи, однакожъ не прислалъ и не входилъ ни въ какія объясненія объ устройствѣ и состояніи Южнаго Общества.* О князѣ Сергѣѣ Волконскомъ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ былъ въ Петербургѣ послѣ Пестеля (вѣроятно во второй разъ) и не имѣлъ никакихъ порученій, а только хвалилъ единодушіе Обществъ Сѣвернаго и Южнаго.

Въ семъ послѣднемъ безпрестанно оказывалось нетерпѣніе приступить къ дѣйствію, мятежамъ, и было останавливаемо только чувствомъ безсилія. Сіи порывы особенно волновали такъ называемую Васильковскую Управу, которая часто, какъ увѣряетъ Пестель, составляла планы, рѣшалась на предпріятія, даже и по его мнѣнію несбыточныя, безъ согласія Тульчинской Директоріи, но увѣдомляла ее обо всемъ. Сія Управа приняла многихъ новыхъ членовъ; она, какъ означено выше, вступила первая въ сношенія съ Польскимъ Обществомъ, и ею же въ 1825 году открыто другое Тайное Общество, *Соединенныхъ Славянъ*, которое было и не весьма многочисленно и незначительно, ни по званію, ни по свойствамъ членовъ своихъ, и коего существованіе продолжалось не болѣе двухъ лѣтъ. Основать оное вздумалъ, въ 1823 году, подпоручикъ артиллеріи Борисовъ 2-й, пригласивъ къ тому своего брата и одного Волынскаго шляхтича Люблинскаго. Онъ сочинилъ, а Люблинскій перевелъ на Польскій языкъ, формулу клятвеннаго обѣщанія для вступающихъ и краткій Катихизисъ *Славянина.* Въ немъ, между многими ученическими апофеегмами о природѣ, о просвѣщеніи и предразсудкахъ, о простотѣ выраженій великодушія и надутомъ слогѣ рабства, сказано: *не надѣйся ни на кого кромѣ друзей и своего* (оружія). *Друзья тебѣ помогутъ, а оружіе тебя защититъ; и ты еси Славянинъ, и на землѣ твоей при брегахъ морей ее окружающихъ, построишь четыре порта, Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешь городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишь на тронѣ богиню просвѣщенія, и проч. и проч. Желаешь сего, жертвуй 10-ю частію своихъ доходовъ, и будешь обитать въ сердцѣ друзей.* Къ клятвѣ, обѣщаясь хранить тайну, дѣйствовать для блага Славянскихъ племенъ, они прибавляли: *Если измѣню, то да буду наказанъ и угрызеніемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ произношу присягу. Да внидетъ оно остріемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сцѣпленіемъ неслыханныхъ*

---

[58]) Слова Никиты Муравьева.

бѣдъ. Цѣлію Общества они полагали соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь Славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осміугольной печати ихъ: *Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей.* Средствъ для сего предпріятія, они, какъ говорятъ единогласно въ показаніяхъ, не имѣли никакихъ до самаго конца. Заводя сіе Общество, Борисовъ старался только умножать число членовъ, и чтобы придать ему важности, увѣрялъ принимаемыхъ, что оно сильно, что средоточіе онаго въ Петербургѣ, отрасли во всѣхъ земляхъ, населенныхъ Славянами, и что основатель Общества есть извѣстный Молдавскій князь, который теперь не въ Россіи. Въ лживости сего и въ причинахъ побудившихъ его вымыслить расказываемую имъ басню онъ въ послѣдствіи признавался Бестужеву-Рюмину, и тоже подтвердилъ на допросахъ предъ Коммиссіею. Когда онъ и другіе члены сего Тайнаго Общества познакомились съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, ихъ было 36 человѣкъ [59]), большею частію молодыхъ офицеровъ артиллеріи и нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ 3-го корпуса. Сей корпусъ стоялъ тогда лагеремъ у мѣстечка Лещина. Многіе изъ товарищей Муравьева и Бестужева-Рюмина по Южному Обществу видались съ ними ежедневно, полковники: Швейковскій, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Вронцкій, маіоръ Спиридовъ; положено, чтобы Бестужевъ, обратилъ *Соединенныхъ Славянъ* къ *своей* цѣли. Ему было не трудно доказать невозможность когда-либо исполнить ихъ собственный планъ; онъ прибавилъ къ сему, что обязанность Русскаго думать о преобразованіи Россіи, прежде иныхъ соплеменныхъ намъ народовъ, и потомъ, говоря именемъ своего *многочисленнаго могущественнаго Общества, распространившаго отрасли свои по всей Имперіи, именемъ Верховнаго Правленія, сокровеннаго даже и для большой части членовъ въ непроницаемой тайнѣ,* пригласилъ ихъ содѣйствовать и повиноваться ему безпрекословно. Всѣ тутъ бывшіе согласились [60]). Общество *Славянъ* присоединилось къ Южному, то есть, къ Васильковской Управѣ; они обязались клятвою, цѣлуя образъ, который Бестужевъ снялъ съ шеи; а онъ, объявивъ, что должно стремиться къ испровержению настоящаго порядка посредствомъ военной силы, раздѣлилъ ихъ на округи. Начальники сихъ округовъ, для артиллерійскихъ Горбачевскій, для пѣхотныхъ Спиридовъ, назывались *Посредниками;* ибо чрезъ нихъ *Соединенные Славяне* сносились съ Бестужевымъ и Южнымъ Обществомъ. Потомъ онъ показывалъ имъ проектъ новыхъ республиканскихъ законовъ [61]) и увѣрялъ, что князь

---

[59]) Кои означены въ одномъ изъ приложенныхъ списковъ.

[60]) Борисовъ 2, Горбачевскій, Пестовъ, Тютчевъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2, Веденяпинъ 1, Мозгалевскій, Щипилла, Шимковъ, Кирѣевъ и Мозганъ. Сверхъ того присоединились къ Южному Обществу, но не присягали, Ивановъ и Лисовскій.

[61]) Государственный Завѣтъ, сокращеніе Русской Правды Пестеля.

Трубецкой возилъ его на разсмотрѣніе лучшихъ иностранныхъ публицистовъ, кои всѣ одобрили сіе законоположеніе [62]). Наконецъ требовалъ, чтобы они подговаривали солдатъ и готовились, по его предписанію, начать возмущеніе не позднѣе Августа 1826 года, при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, а, можетъ быть, и прежде. Затѣмъ, на собраніяхъ у него и Муравьева, гдѣ бывали и вышеименованные члены Южнаго Общества и нѣкоторые изъ *Соединенныхъ Славянъ* [63]), они оба твердили имъ безпрестанно о близости, о пользѣ революціи, воспламеняли ихъ воображеніе и страсти, сначала намекали, потомъ говорили ясно и рѣшительно о необходимости посягнуть на жизнь Императора Александра, истребить всю *династію*. Одинъ изъ Общества *Соединенныхъ Славянъ* (Горбачевскій) сказалъ: „Но это противно Богу и Религіи".— „Неправда", возразилъ Сергѣй Муравьевъ, и сталъ имъ читать свои выписки изъ Библіи, коими, ложно толкуя ихъ, хотѣлъ доказать, что монархическое правленіе не угодно Небу. „Надобно", повторялъ Бестужевъ, *самый прахъ ихъ* „(членовъ Императорской Фамиліи) *развѣять по землѣ*. Послѣдствій такихъ, „какъ во Франціи, бояться не должно: тамъ началъ революцію народъ, а не „войско; у нихъ не было хорошей Конституціи, одна смѣняла другую, всѣ „были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, кон-„сулами, былъ человѣкъ отважный съ обширнымъ геніемъ. У насъ противъ „всего подобнаго взяты мѣры" [64]).

Во время сихъ свиданій и переговоровъ, члены Васильковскаго Округа едва не рѣшились, не медля, поднять знамя бунта. Получено извѣстіе, что у одного изъ нихъ (Швейковскаго) отнятъ полкъ. Онъ былъ въ отчаяніи; сообщники его также, и по участію въ немъ, и потому, что съ нимъ лишались надежды привлечь къ содѣйствію полкъ, коимъ онъ начальствовалъ. Въ первыя минуты раздраженія, они [65]) опредѣлили возмутить 3-й корпусъ (дивизіи 8-ю и 9-ю пѣхотныя, 3-ю гусарскую и артиллерію сихъ дивизій) и идти на Кіевъ, потребовавъ совѣта и помощи у Пестеля; хотѣли также послать убійцъ въ Таганрогъ, и полковникъ Артамонъ Муравьевъ предложилъ себя. „Ты намъ нуженъ здѣсь для своего полка", отвѣчали ему. Бестужевъ, для совершенія злодѣянія, взялся найти человѣкъ до 15 [66]) изъ *Соединенныхъ*

[62]) Они въ самомъ дѣлѣ думали послать свой проектъ Конституціи для исправленія нѣкоторымъ Французскимъ и Англійскимъ литераторамъ, коихъ образъ мыслей считали близкимъ къ своему: сіе объявляетъ Бестужевъ-Рюминъ.

[63]) Тютчевъ, Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Пестовъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2-й, Берстель, Мозгалевскій.

[64]) Показаніе Бечаснаго.

[65]) То-есть: Сергѣй, Артамонъ Муравьевы и Бестужевъ-Рюминъ. Вроницкій не былъ на ихъ первыхъ совѣщаніяхъ; Швейковскій въ горести тогда все молчалъ; Тизенгаузенъ также говорилъ очень мало.

[66]) Такъ показываютъ штабсъ-капитанъ Корниловичъ и самъ Бестужевъ.

Славянъ и другихъ, непринадлежавшихъ ни къ какому Тайному Обществу; но извѣстныхъ ему и *надежныхъ* по ихъ образу мыслей и характеру. Онъ составилъ имъ списокъ; но не всѣ, коихъ имена были въ ономъ, изъявляли согласіе [67]). Нѣкоторымъ онъ и не открывалъ своихъ намѣреній, какъ видно полагаясь на общую данную ими присягу въ слѣпомъ повиновеніи. Но не долго они занимались своими преступными мечтами; опомнясь, самъ Швейковскій убѣдительно, *со слезами*, просилъ товарищей не жертвовать собою за него, *отложить* всякое дѣйствіе. Чувствуя всю невѣроятность удачи, они согласились и однакоже дали другъ другу слово *начать непремѣнно въ 1826 году.* И тогда они думали убіеніемъ Императора Александра подать знакъ къ повсемѣстнымъ смятеніямъ, принудить Сенатъ провозгласить избранную ими Конституцію и составить три лагеря: первый у Кіева, подъ командою Пестеля, второй у Москвы, подъ командою Бестужева-Рюмина, третій близъ Петербурга, гдѣ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ долженъ былъ явиться, *чтобъ принять начальство надъ гвардіею.* Такъ имъ все казалось легко! Но одинъ (полковникъ Тизенгаузенъ), иногда казавшійся ревностнымъ, даже предлагавшій составить кассу для предпріятій Общества и продать для сего послѣднее платье жены своей, говорилъ: *Начинать черезъ годъ! Развѣ черезъ десять лѣтъ!* [68]) Артамонъ Муравьевъ еще нѣсколько времени упорствовалъ въ желаніи не откладывать и ѣхать для убійства въ Таганрогъ; Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ утверждаютъ, что ему худо вѣрили, *считая его самохваломъ, яростнымъ болѣе на словахъ, нежели въ самомъ дѣлѣ;* онъ самъ признался предъ Коммисіею въ истинѣ приписываемыхъ ему словъ и умысла.

По снятіи Лещинскаго лагеря, они разстались, твердя о планѣ на 1826-й годъ между собою и *Соединеннымъ Славянамъ* чрезъ Бестужева. Онъ имъ повторялъ, что при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, будетъ удобный случай произвести мятежъ и всѣ замышленныя ими перемѣны, увѣрялъ снова въ силѣ своего Тайнаго Общества, *уже неимѣющаго нужды въ новыхъ членахъ* и, требуя отъ нихъ крови священной, утверждалъ, что не будетъ кровопролитія; наконецъ, совѣтовалъ, предписывалъ приглашать къ сообщничеству фейерверкеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Сіе порученіе было исполняемо, хотя не всѣми и не всегда съ успѣхомъ; ибо нѣкоторымъ солдаты, на ихъ лукавыя обѣщанія и слова, *что пора избавиться отъ несправедливости начальниковъ, по большой части Нѣмцевъ,* отвѣчали: *не вѣримъ, это*

---

[67]) Признались въ томъ Спиридовъ, Горбачевскій, Борисовъ 2-й, Бечасновъ, Пестовъ: они въ семъ случаѣ обязались новой клятвой, также цѣлуя образъ.

[68]) Тизенгаузенъ утверждаетъ, что онъ былъ только увлеченъ дружбой къ Сергѣю Муравьеву, хотя ужасался его намѣреній, даже хотѣлъ донести обо всемъ начальству, но былъ удержанъ отъ того болѣзнію.

все пустое; или: *хорошо, мы съ вами, если только въ этомъ не будетъ бунта, или какого инаго худа.* Иные даже спрашивали: *да полно, батюшка, не противно ли это присягѣ и знаетъ ли про то* Государь? И, ругаясь надъ ихъ простодушнымъ легковѣріемъ, имъ говорили, что *все согласно съ присягою и будетъ извѣстно* Государю.

Директоры Южнаго Общества были, какъ сіе означено выше, увѣдомляемы о дѣлахъ и предположеніяхъ Васильковской Управы. Сергѣй Муравьевъ тогда уже самъ былъ однимъ изъ директоровъ. Пестель въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что онъ не одобрялъ ихъ плановъ, зналъ невозможность исполненія, предвидѣлъ, что и въ 1826 году нельзя будетъ ни на что рѣшиться; но по другимъ показаніямъ [69]), онъ нѣсколько разъ говорилъ: *Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ; однакожъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него.* Онъ повторялъ сіи слова и послѣ кончины Государя Императора Александра, ибо непритворная, всеобщая горесть отечества не перемѣнила ни расположенія заговорщиковъ, ни главныхъ намѣреній ихъ. Одинъ изъ членовъ и бояръ (Θедоръ Вадковскій) писалъ въ то время изъ Курска къ Пестелю (это письмо достойно замѣчанія): „Вотъ случай, коимъ Общество могло бы воспользоваться, „еслибы оно было готово; но онъ пропущенъ. Будемъ ждать, что сдѣлаетъ но-„вое правительство. Если оно будетъ дѣйствовать дурно, то сіе, умноживъ „число недовольныхъ, увеличитъ наши силы; въ противномъ же случаѣ, при об-„щемъ благоденствіи, имѣя и болѣе свободы, удвоимъ старанія, чтобы скорѣе „испровергнуть его." Многіе изъ допрошенныхъ [70]) свидѣтельствуютъ, что уже послѣ сего, Пестелемъ и его главными соумышленниками, было положено, 1-го Января нынѣшняго года, по вступленіи Вятскаго полка, коимъ Пестель командовалъ, въ караулъ въ Тульчинѣ, арестовать главнокомандующаго 2-й арміи и начальника штаба, и тѣмъ подать знакъ къ возмущенію, какъ донесеніе капитана Майбороды, удостовѣривъ въ существованіи Тайнаго Общества, открыло всѣ планы онаго, и Пестель взятъ подъ стражу.

Между тѣмъ и въ Обществѣ Петербургскомъ явилась бо̀льшая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ Думу, на мѣсто князя Сергѣя Трубецкаго. Онъ и принятый имъ въ Апрѣлѣ 1825 года, причисленный къ Верхнему Кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнію, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что, съ перваго засѣданія его въ Кругѣ Убѣжденныхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ Общества; что съ тѣхъ поръ до 27-го Ноября, онъ видѣлъ въ немъ

---

69) Капитана Майбороды и Давыдова.

70) Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, капитанъ Майборода.

одну игрушку, даже искалъ средствъ удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу. Имъ и Рылѣевымъ, прямо и чрезъ другихъ, приняты многіе новые члены [71]); въ томъ числѣ вступили въ Общество, въ разныя времена, нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго Декабря: Николай, Михайла, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ. Чрезъ него [72]) Рылѣевъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ офицеровъ сего экипажа, кои не были членами ни Сѣвернаго, ни Южнаго Тайнаго Общества, и не составляли особеннаго, а только любили собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ охуждать правительство, хвалить Конституцію Американскихъ Штатовъ, мечтать о введеніи новаго республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ, весьма малочисленныхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ Арбузовымъ первенствовалъ Завалишинъ, также молодой флотскій офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морскаго путешествія. Онъ увѣрялъ товарищей, что принадлежитъ къ таинственному *Вселенскому ордену Возстановленія,* который, будто бы имѣя членами важнѣйшихъ людей въ разныхъ государствахъ, стремится къ преобразованію всѣхъ правительствъ въ Европѣ и Америкѣ; прибавлялъ, что статуты сего ордена (писанные, по словамъ читавшаго ихъ Рылѣева, двусмысленно, въ духѣ, который можно назвать и монархическимъ, и республиканскимъ), онъ доводилъ до свѣдѣнія покойнаго Императора Александра, прося его согласія на подобное установленіе въ Россіи; несмотря на то, онъ находилъ (такъ показываетъ мичманъ Бѣляевъ 1-й), что Государь и Августѣйшій Домъ его будутъ всегда препятствіемъ въ успѣхѣ замышляемыхъ имъ перемѣнъ и сначала полагалъ вывезти ихъ за границу; потомъ онъ и особливо Арбузовъ, стали говорить, что лучше всѣхъ истребить. Слыша о сихъ предположеніяхъ, другіе сперва ужасались, но послѣ, мало-по-малу привыкая, становились равнодушнѣе. Такимъ образомъ ихъ готовили въ орудія Тайнаго Общества, почти имъ неизвѣстнаго, ибо Арбузовъ по крайней мѣрѣ неясно объ ономъ разсказывалъ [73]).

---

[71]) Рылѣевъ имѣлъ намѣреніе, одобренное Сѣверною Думою, принимать и купцовъ; онъ о томъ совѣтовался съ барономъ Штейнгейлемъ, который сказалъ, *что это невозможно, что наши купцы невѣжды* (показаніе Рылѣева и самаго Штейнгейля).

[72]) А на него самого, прежде принятія въ Общество, чрезъ Николая Бестужева.

[73]) Одинъ (Дивовъ) даже старался превзойти Арбузова и Завалишина въ изъявленіяхъ кровожадности: онъ самъ признается *въ семъ безуміи.* Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его поступковъ и словъ были, по крайней мѣрѣ въ началѣ, не что иное какъ благонамѣренная хитрость; что онъ еще въ малолѣтствѣ, читая Священное Писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ

Около сего же времени, то-есть въ теченіи 1825 года, члены Сѣверной Думы познакомились съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи капитаномъ Якубовичемъ. Александръ Бестужевъ открылъ ему о существованіи Тайнаго Общества и предложилъ вступить въ оное, на что онъ не совсѣмъ согласился, говоря: „Не хочу принадлежать ни къ какому Обществу, чтобы не плясать по чужой „дудкѣ: *сдѣлаю свое*; вы пользуйтесь этимъ, какъ хотите; я же, или постараюсь увлечь за собою войска, или, при неудачѣ, застрѣлюсь: мнѣ жизнь „наскучила." Подъ словами: *сдѣлаю свое*, Якубовичъ разумѣлъ намѣреніе убить Императора Александра, увѣряя, что онъ на сіе давно рѣшился изъ личной, восемь лѣтъ питаемой имъ мести. Причиною столь неимовѣрной злобы было то, что Якубовичъ въ 1817 году, за участвованіе въ одномъ несчастномъ поединкѣ, выписанъ изъ гвардіи въ Кавказскій корпусъ. Въ своихъ показаніяхъ предъ Коммиссіей, онъ утверждаетъ, что никогда не умышлялъ того въ самомъ дѣлѣ, а только желалъ удивлять своихъ сообщниковъ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и отчаянною дерзостію; но они не сомнѣвались, и по остатку ли добрыхъ чувствъ, или по разсчетамъ старались его удержать *отъ дѣла безполезнаго, даже вреднаго* [74]). Рылѣевъ который послѣ говорилъ Трубецкому: „Якубовича можно бы спустить съ цѣпи, да что будетъ проку?", хотѣлъ просить его на колѣняхъ отложить, хотя на мѣсяцъ или на два, грозя, если онъ не

тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. „Сперва", говоритъ онъ, „я полагалъ „цѣлію одно торжество истинъ Вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ „къ сему и виды политическіе: хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ „войны; хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ „Европы, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые „желаютъ перемѣнъ и смятеній. Написанные мною статуты Ордена, на подобіе Мальтій„скихъ, я представлялъ Императору Александру; онъ похвалилъ мое усердіе, но не при„нялъ плана, что крайне меня огорчило. Вскорѣ затѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связи „*съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣевымъ*, я узналъ, что есть Тайное Общество враждебное „правительству и рѣшился было донести о томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по „глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался из„вѣдать болѣе о Тайномъ Обществѣ чрезъ другихъ, и для сего дозволялъ себѣ несоглас„ныя съ моими чувствами и видами слова, обратившіяся нынѣ къ моей гибели. Я гово„рилъ, что Орденъ Возстановленія существуетъ, показывалъ статуты, не тѣ, которые пред„ставлялъ покойному Государю, а другіе и въ другомъ духѣ, мною же нарочно для того „сочиненные. Но обманывая другихъ, самъ сдѣлался жертвою обмана: мой собственный „образъ мыслей начиналъ измѣняться; сердце тускнѣло, а я не замѣчалъ въ немъ пятенъ; „наконецъ сталъ увѣрять себя и повѣрилъ, что намѣренія Рылѣева могли быть чистыя, „что во всякомъ случаѣ позорно быть доносителемъ." На него, уже послѣ сего объясненія, показали Арбузовъ, Бѣляевъ 1-й и Дивовъ, что онъ имъ читалъ съ жаромъ и восторгомъ стихи будто бы имъ писанные и наполненные гнуснѣйшими клеветами на покойнаго Императора Александра. Завалишинъ признался, что читалъ имъ сіи стихи, утверждая однакоже, что не онъ авторъ оныхъ и не знаетъ, кѣмъ они сочинены; онъ прибавляетъ, что въ распаленіи страстей, коимъ ознаменовано время его преступнаго заблужденія, онъ былъ готовъ говорить все ужасное, чужое и свое.

[74]) Показаніе Александра Бестужева.

согласится, убить его, или донести правительству. Якубовичъ сказалъ, что уступаетъ просьбамъ, отлагаетъ до маневровъ или до Петергофскаго праздника, потомъ далѣе, наконецъ до Мая 1826 года, или даже на неопредѣленное время. Одинъ изъ допрошенныхъ (баронъ Штейнгель) слышалъ отъ Рылѣева, что когда Якубовичу объявили о кончинѣ Императора Александра, то онъ *скрежеталъ зубами,* досадуя, что лишился возможности совершить давно замышленное имъ злодѣйство [75]). Объ его намѣреніи знали и внѣ Петербурга: въ исходѣ Сентября, Никита Муравьевъ сообщалъ объ ономъ въ Москвѣ генералъ-маіорамъ Михайлу Фонъ-Визину и Михайлу Орлову. Они и самъ Муравьевъ говорили, что должно препятствовать Якубовичу всѣми возможными средствами, а въ крайности и увѣдомить правительство. Послѣдній (Орловъ) худо вѣрилъ извѣстію, видя въ ономъ хитрость, чтобы завлечь его опять въ Тайное Общество, будто бы для отвращенія злодѣйствъ и несчастій, посредствомъ его вліянія. Въ Кіевѣ князю Сергѣю Трубецкому доставилъ о томъ свѣдѣніе полковникъ Фонъ Бригенъ; оно дошло и до Васильковской Управы, ибо Сергѣй Муравьевъ, разсуждая о назначаемыхъ въ орудія цареубійства, упоминалъ объ Якубовичѣ [76]).

Осенью, въ семъ же 1825 году, другой человѣкъ (подполковникъ Батенковъ), совсѣмъ иныхъ свойствъ, но также какъ Якубовичъ, не бывшій членомъ Сѣвернаго Общества, а знавшій тайныя намѣренія руководителей онаго, вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ. Рылѣевъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ своихъ главныхъ пособниковъ. Бестужевъ утверждаетъ, что онъ напротивъ долго подозрѣвалъ его, и слова согласныя съ ихъ словами и образомъ мыслей почиталъ *способомъ извѣдыванія;* однако же, говоря съ нимъ однажды о томъ, что̀ бы могло быть въ Россіи при иномъ образѣ правленія, онъ прибавилъ: *есть 20 или 30 удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны на все готовы.* Батенковъ отвѣчалъ: *я почелъ бы себя недостойнымъ имени Русскаго, еслибы отсталъ отъ нихъ.* Вскорѣ послѣ того Рылѣевъ, пришедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: *какъ ты былъ несправедливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! Онъ нашъ.* Съ сихъ поръ они обходились съ нимъ какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него своихъ надеждъ и умысловъ, по крайней мѣрѣ главнаго: перемѣны правленія; но на счетъ силъ и средствъ Тайнаго Общества, кажется, умѣли обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываетъ сначала, въ разговорахъ съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать остроуміемъ и смѣлыми мечтами; но потомъ, лишась выгоднаго мѣста (въ Совѣтѣ Военныхъ Поселеній), по нечаянному

---

75) Рылѣевъ на вопросъ о томъ объявилъ Коммисіи, что Якубовичъ, вбѣжавъ къ нему, закричалъ: *Царь умеръ; это вы его у меня вырвали.*

76) Такъ показываетъ полковникъ Тизенгаузенъ.

стеченію обстоятельствъ и непріятнымъ образомъ, онъ, въ волненіи оскорбленнаго самолюбія, сталъ раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало-по-малу и планы, особливо познакомясь съ пріѣхавшимъ въ Октябрѣ изъ Кіева княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ извѣтовъ Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и къ замысламъ дерзостнаго честолюбія, и воображеніе, болѣе безпокойное, нежели живое, и высокая мысль о себѣ, и самые успѣхи по службѣ. Не знавъ еще Рылѣева и Бестужева, онъ когда-то въ дорогѣ, думая о способахъ, коими правительство можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему Тайныхъ Обществъ, и находя, что къ сему оно должно употребить другія, имъ заводимыя сообщества, сочинилъ планъ Тайнаго Общества *противъ правительства*. Вѣроятно въ томъ, къ коему онъ несовершенно присоединился, г. Батенковъ полагалъ силы, которыя предназначалъ своему. Онъ самъ говоритъ, что въ Рылѣевѣ видѣлъ не что иное, какъ агента настоящихъ сокровенныхъ правителей Общества и средоточіемъ онаго считалъ главную квартиру 2-й арміи; хотѣлъ однако же, посредствомъ связей съ здѣшними членами, преобразовать по своему плану, или, буде не успѣетъ, разрушить его, разгласивъ чрезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наименовавъ князя Трубецкаго въ числѣ злоумышленниковъ. *Я не подозрѣвалъ,* прибавляетъ онъ, *что уже стою между ими.* Происшествія скоро доказали, что всѣ его предположенія были столь неосновательны, сколь и противозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщничество съ мятежниками: сначала содѣйствовалъ имъ только изъявленіемъ сходнаго съ ихъ мнѣніями образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда оказывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи, и кто-то (Александръ Бестужевъ, какъ думаетъ князь Трубецкой) сказалъ: *можно и во дворецъ забраться*[77]), то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: *сохрани Боже! Дворецъ во всякомъ случаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ безопасности общей.* Но часто другими словами, какъ будетъ означено ниже, онъ и одобрялъ ихъ къ дѣйствію. И они считали его важнымъ для себя пособникомъ; ибо, съ своей стороны обманываясь, полагали, что г. Батенковъ имѣетъ на значительныхъ въ государствѣ людей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому льстили его чрезмѣрному самолюбію, и каждое слово его казалось имъ замѣчательнымъ. Ему, какъ онъ самъ показываетъ, случилось сказать въ шутку, что онъ желаетъ быть купцомъ, сдѣлаться градскимъ головою и возвысить это званіе въ достоинство лорда мейора; Якубовичъ тотчасъ подхватилъ: вы хотите быть *головами,* господа! Пусть такъ; но оставьте намъ *руки.*

---

77) Онъ для сего опредѣлялъ 1-е Января и поздравительныя посѣщенія.

Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной Думы Рылѣева; имъ, какъ утверждаетъ Александръ Бестужевъ, *воспламенена тлѣвшаяся искра.* Хотя и до того Рылѣевъ полагалъ, что Общество приступитъ къ началу при кончинѣ Императора Александра, или и прежде, если будетъ въ состояніи; но тогда уже (можетъ быть по извѣстіямъ съ Юга) сталъ намекать о возможности начать въ Маѣ 1826 года, даже и скорѣе: *вотъ увидишь, когда возвратится* Государь (изъ Таганрога), *мы что нибудь предпримемъ.* Сіи слова сказаны имъ въ отвѣтъ на вопросъ Пущина: *что они дѣлаютъ?* привезенный изъ Москвы, въ Сентябрѣ, новымъ членомъ барономъ Штейнгелемъ, котораго побудило къ нимъ присоединиться (какъ онъ самъ искренно объявляетъ) между прочимъ и страданіе неудовлетвореннаго честолюбія, *досада видѣть себя забытымъ, заброшеннымъ.* Ему, какъ одному изъ менѣе ослѣпленныхъ, Рылѣевъ говорилъ: „во 2-й арміи хотятъ „Демократіи; но это вздоръ, невозможное дѣло; мы желаемъ Монархіи ограни„ченной.“ Но онъ же, и почти въ тоже время, восклицалъ при Батенковѣ, что въ Монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ, что въ Америкѣ только знаютъ хорошо правленіе, а Европа вся, и самая Англія въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія; когда же (сіе показываетъ Александръ Бестужевъ) представился вопросъ, *какъ быть, если* Императоръ *не согласится на условія, и можно ли, помня примѣръ Испаніи, полагаться на вынужденное согласіе?* то онъ (Рылѣевъ) сказалъ: „южные отвергаютъ Монархію; *ихъ мнѣніе принято и здѣсь;* они берутся извести Государя, при случаѣ.“ Александръ Бестужевъ показываетъ также, что Рылѣевъ и Оболенскій, *вѣроятно въ слѣдствіе южныхъ инстигацій,* упоминали и о погубленіи всей Императорской Фамиліи. Показатель присталъ къ сему мнѣнію, но утверждаетъ, что притворно, и *настаивалъ, вмѣстѣ съ Якубовичемъ, что на это нужно не мнѣе 10-ти убійцъ, въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ извергов, и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной. Я былъ крикунъ, а не злодѣй,* пишетъ онъ, *хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла; ибо зналъ, что меня Рылѣевъ не употребитъ; ему было извѣстно, что дѣйствовать на солдатъ должно людямъ чистымъ.* Почти тоже объявляетъ и Торсонъ, но Рылѣевъ не во всемъ сознается: увѣряетъ, что и не зналъ вѣрно о намѣреніи Южнаго Общества погубить Государя Императора Александра и все августѣйшее семейство его; что хотя предпочиталъ всѣмъ другимъ образъ правленія Сѣверо-Американской республики, однакожъ желалъ въ Россіи, и раздѣливъ ее на области, подобныя Американскимъ Штатамъ, оставить *на время* формы Монархіи; что впрочемъ считалъ свое Общество въ правѣ только разрушить существующій порядокъ, а не вводить новый, безъ согласія депутатовъ (противъ сей мысли очень возставалъ Пестель); наконецъ, что когда спросили:

что дѣлать, если государь *не согласится на ихъ условія?* то онъ, Рылѣевъ, сказалъ: *не вывезти ли за границу?*; что къ сему мнѣнію пристали Трубецкій, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приготовлять Кронштатскій флотъ, чрезъ надежныхъ офицеровъ. Исполняя сіе порученіе, Рылѣевъ говорилъ съ Торсономъ, и на слова его, что это средство опасно, что лучше Императорскую Фамилію оставить даже во дворцѣ, лишь подъ присмотромъ, отвѣчалъ: *нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя, а развѣ въ Шлюссельбургѣ; и на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ то, что сдѣлано въ бунтъ Мировича* [78]).

Извѣстіе, поразившее скорбію сердца всѣхъ добрыхъ Россіянъ и всѣхъ благомыслящихъ людей въ Европѣ, произвело на злоумышленниковъ иное впечатлѣніе, но не радостное; ибо случай, коимъ они думали воспользоваться, для начатія мятяжей, лишь только снова доказалъ ихъ безсиліе. Они въ одно время (27-е Ноября) узнали о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Императора, о манифестѣ, коимъ его величество назначалъ преемника державы и о присягѣ уже данной государю цесаревичу всѣми жителями столицы [79]). Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали терзавшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александру и Николаю): *потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя 50 лѣтъ; если бы въ Государственномъ Совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому Государю, и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно* [80]). Ко досадѣ въ нихъ присоединялся и страхъ, что Обществу нельзя уже будетъ существовать. Хотя Трубецкой утверждалъ, что это не бѣда, что надобно лишь приготовиться содѣйствовать южнымъ, если они подымутся: однакожъ и онъ съ другими главными членами положилъ прекратить Общество, по крайней мѣрѣ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Но тутъ же, разсуждая о присягѣ 27-го Ноября, Батенковъ примолвилъ: „Какъ легко въ Россіи произвесть перемѣну! Стоитъ разослать печатные указы изъ Сената. Только въ ней не можетъ быть инаго правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковные эктеніи не допустятъ насъ до Республики. Хоть для переходу, нужна Монархія ограниченная.“ Когда же его сообщники замѣтили, что Монарху-завоевателю легко сдѣлаться изъ ограниченнаго самовластнымъ, онъ отвѣчалъ: „Этому пособить можно. Зачѣмъ имѣть мужчинъ на тронѣ? У насъ двѣ Императрицы, много Великихъ Княгинь и Княженъ.“

---

[78]) Собственное признаніе Рылѣева.

[79]) Князь Оболенскій посылалъ въ сей самый день спрашивать у кавалергардскаго корнета Александра Муравьева, можно-ли надѣяться на ихъ полкъ для произведенія бунта; Муравьевъ отвѣчалъ, что это намѣреніе безумное.

[80]) Онъ почти тоже сказалъ и Штейнгелю.

Директоры Сѣвернаго Тайнаго Общества, Рылѣевъ, князья Трубецкой, Оболенскій и ближайшіе ихъ совѣтники, не долго останавливались на мысли разрушить оное навсегда или на время; до нихъ дошелъ слухъ, что Государь Цесаревичъ твердъ въ намѣреніи не принимать короны, и сія вѣсть возбудила въ заговорщикахъ новую надежду: обмануть часть войскъ и народъ, увѣрить, что великій князь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола и, возмутивъ ихъ подъ симъ предлогомъ, воспользоваться смятеніемъ для испроверженія порядка и правительства. „Чтобы прекратить несогласія въ мнѣніяхъ“, говоритъ Рылѣевъ, „положили мы (онъ, Оболенскій, Александръ Бестужевъ и Каховскій, за себя и всѣхъ принадлежавшихъ къ ихъ *отраслямъ*): назначить князя Трубецкаго полновластнымъ начальникомъ или диктаторомъ, хотя сіе названіе инымъ (Александру Бестужеву) казалось смѣшною игрушкою. Съ тѣхъ поръ онъ одинъ дѣлалъ распоряженія.“ Но князь Трубецкой утверждаетъ, что истиннымъ распорядителемъ всего былъ Рылѣевъ; что онъ управлялъ всѣми намѣреніями и дѣйствіями, только употребляя имя мнимаго диктатора [81]).

Трубецкой однакоже дѣйствовалъ съ своей стороны. 8-го Декабря, онъ совѣтовался съ Батенковымъ о средствахъ для замышляемой революціи и для будущаго образованія государства; они одобрили слѣдующій, составленный Батенковымъ планъ, если можно такъ назвать предположенія безъ ~~своих~~- безъ основанія, несогласныя ни съ состояніемъ Россіи, ни съ здравыми понятіями о составѣ политическихъ обществъ.

Воспользоваться случаемъ, чтобы:

1-е. *Пріостановивъ* дѣйствіе самодержавія, назначить *Временное Правительство,* которое учредило бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ.

2-е. Стараться, чтобъ были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены были бы опредѣляемы на всю жизнь (хотя Батенковъ и желалъ, чтобъ они были наслѣдственные).

3-е. Употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать Вашему Величеству, не допуская ихъ до безпорядковъ и стремясь только къ умноженію числа ихъ.

---

[81]) Рылѣевъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ на допросы показываетъ, что сіе не совсѣмъ справедливо; что князь Трубецкой многое предлагалъ первый и, превосходя его (Рылѣева) въ осторожности, равнялся съ нимъ въ дѣятельности по дѣламъ заговора. „Впрочемъ“, прибавляетъ Рылѣевъ, „я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го „Декабря: я могъ все остановить и напротивъ былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ „преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно нужную для блага Россіи, то „конечно я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей“.

Въ послѣдствіи же, для утвержденія Конституціонной Монархіи, учредить Провинціальныя Палаты для мѣстнаго законодательства;

Обратить военныя поселенія въ народную стражу;

Отдать *городовому правленію* (муниципалитету) крѣпость Петропавловскую (объ коей Батенковъ потому говорилъ: *вотъ Палладіумъ Русскихъ вольностей*), помѣстить въ ней градскую стражу и городовый совѣтъ.

Провозгласить независимость университетовъ Московскаго, Дерптскаго, Виленскаго.

При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска откажутся присягать, и Его Высочество Цесаревичъ вслѣдствіе того пріѣдетъ въ Петербургъ, то перемѣна въ образѣ правленія будетъ невозможна; что лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявлять Императоромъ Государя Цесаревича, а другимъ показывать себя преданными Вашему Величеству. Въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, случится одно изъ двухъ: или 1-е, что Ваше Величество согласитесь на измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи и на учрежденіе Временнаго Правительства, или 2-е, что отложите принятіе державы, и тогда они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ то вы отрекаетесь отъ престола, провозгласятъ Императоромъ Наслѣдника Вашего Императорскаго Величества Великаго Князя Александра Николаевича.

На это князь Трубецкой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ вѣроятно будетъ очень мало [82]), а изъ важныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ предпріятіи.—*Такъ и думать не о чемъ,* вскричалъ Батенковъ.

Но и сочиняя вмѣстѣ сіи планы для испроверженія порядка, они, какъ видно, во многомъ или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники его назначили Батенкова только правителемъ дѣлъ Временнаго Правленія; а онъ воображалъ, что будетъ членомъ онаго и предавался мечтамъ неограниченнаго честолюбія, надеждѣ быть *лицемъ историческимъ;* хотѣлъ членами сего правленія сдѣлать: одну духовную особу, себя, и чрезъ нѣсколько времени, третьимъ князя Сергѣя Трубецкаго. *Тогда, имѣя большинство голосовъ на своей сторонѣ* (ибо онъ надѣялся владѣть Трубецкимъ), *я,* говоритъ онъ, *управлялъ бы Государствомъ и обратилъ бы Временное Правленіе въ регентство малолѣтнаго* Александра II-го. (Изъ словъ Трубецкаго онъ полагалъ, что присяга, данная Вашимъ Величествомъ Цесаревичу, будетъ объявлена отреченіемъ отъ престола, а *по слышанному отъ Рылѣева,* что быть можетъ во время замышляемаго мятежа покусятся на жизнь Вашу). *Затѣмъ,* продолжаетъ Батенковъ, *мало-по-малу утвердивъ*

---

[82]) Онъ сначала, какъ говоритъ Рылѣевъ, воображалъ, что довольно будетъ одного полка для совершеннаго успѣха.

себя, получивъ силу учрежденіемъ родовой аристократіи и пріобрѣтенными чрезъ то связями, я дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ; но еслибъ Государь Императоръ *принялъ наши условія, то я перешелъ-бы на* его *сторону, не взявъ мѣста во Временномъ Правительствѣ* [83]). *Впрочемъ, я все худо вѣрилъ, чтобъ было что нибудь предпринято.*

Но другіе уже готовили средства для предпріятія. Къ Рылѣеву, какъ въ опредѣленное сборное мѣсто, являлись члены съ предложеніями, планами, или за приказаніями Думы. Ихъ совѣщанія въ сіи послѣдніе дни представляли странную смѣсь звѣрства и легкомыслія, буйной непокорности къ властямъ законнымъ и слѣпаго повиновенія неизвѣстному начальству, будто бы ими избранному.

12-го Декабря, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, одинъ изъ членовъ (баронъ Штейнгель), собирались вечеромъ у Рылѣева, князь Трубецкой, Николай, Александръ и Михаилъ Бестужевы, князь Оболенскій, Каховскій, Арбузовъ, Рѣпинъ, графъ Коновницынъ, князь Одоевскій, Сутгофъ, Пущинъ, Батенковъ, Якубовичъ, Щепинъ-Ростовскій, но не всѣ вмѣстѣ: одни приходили, другіе уходили. Николай Бестужевъ и Арбузовъ отвѣчали за гвардейскій экипажъ; Бестужевъ 3-й (Московскаго полка), но довольно слабо, за свою роту; Рѣпинъ сначала за часть Финляндскаго полка, потомъ лишь за нѣсколько офицеровъ, прибавляя, что сей полкъ увлечь за собою не можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ; князь Одоевскій только твердилъ въ жалкомъ восторгѣ: *Умремъ! ахъ! какъ славно мы умремъ!* Александръ Бестужевъ и Каховскій показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснѣйшія злодѣйства. Первый признается, что сказалъ: *переступаю за Рубиконъ; а Руби-конъ значитъ руби все, что̀ попало;* однакоже клянется, что сіе было лишь бравадою, пустою игрою словъ. Каховскій кричалъ: *съ этими филантропами не сдѣлаешь ничего; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; а если не согласятся, я пойду и самъ на себя все объявлю.* Испуганному симъ Штейнгелю Рылѣевъ отвѣчалъ: *не бойся; онъ у меня въ рукахъ, я уйму его.* И однакожъ на другой день, Рылѣевъ, при Оболенскомъ, Пущинѣ (старшемъ, пріѣхавшемъ изъ Москвы) и Александрѣ Бестужевѣ, говорилъ Каховскому, обнимая его: *Любезный другъ! ты сиръ на сей землѣ; долженъ пожертвовать собою для общества. Убей* Императора. И съ сими словами прочіе бросились также обнимать его. Каховскій согласился; хотѣлъ 14-го числа, надѣвъ Лейбъ-гренадерскій мундиръ, идти во дворецъ, или ждать

[83]) Онъ (Батенковъ) думалъ также предложить корону и Великому Князю Михаилу Павловичу, и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Тоже думалъ и говорилъ своимъ соумышленникамъ баронъ Штейнгель, *надѣясь, что Императрица, не имѣя дѣтей, согласится, даже и при жизни своей, установить правленіе республиканское.*

Вашe Величество на крыльцѣ; но потомъ отклонилъ предложеніе *за невозможностію исполнить,* которую признали и всѣ другіе [84]).

Собраніе ихъ въ сей вечеръ (13-го числа) было также многочисленно и безпорядочно, какъ предшедшее: всѣ говорили, почти никто не слушалъ. Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ своимъ пустымъ многорѣчіемъ; Корниловичъ, только-что возвратившійся въ Петербургъ, увѣрялъ, что во 2-й арміи готово 100 тысячъ человѣкъ; Александръ Бестужевъ отвѣчалъ на замѣчанія младшаго Пущина (Конно-Піонернаго): *по крайней мѣрѣ, объ насъ будетъ страничка въ исторіи. Но эта страничка замараетъ ее,* возразилъ Пущинъ, *и насъ покроетъ стыдомъ.* Когда же баронъ Штейнгель, удостовѣрясь болѣе прежняго въ ничтожности силъ ихъ Тайнаго Общества, и какъ отецъ семейства, заранѣе устрашенный вѣроятными послѣдствіями мятежа, спрашивалъ Рылѣева: *неужели вы думаете дѣйствовать?* то онъ сказалъ ему*: дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать;* а князю Трубецкому, который начиналъ изъявлять боязнь: *умирать все равно*; *мы обречены на гибель*; и прибавилъ, показывая копію съ письма подпоручика Ростовцова къ Вашему Величеству: *Видите ль, намъ измѣнили. Дворъ уже многое знаетъ, но не все; и мы еще довольно сильны.—Ножны изломаны,* примолвилъ другой, *и саблей спрятать нельзя.*

Въ шумѣ сихъ разговоровъ, преній, восклицаній, слышны были снова и ужасныя предложенія: говорили, но, какъ утверждаютъ, лишь мимоходомъ, о погубленіи всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; а покушенія на священную Вашу жизнь требовали, какъ необходимости, князь Оболенскій, Александръ Бестужевъ и наконецъ самъ князь Трубецкой, ихъ диктаторъ [85]). Сей послѣдній полагалъ, что надобно оставить Великаго Князя Александра Николаевича и провозгласить Его Императоромъ. Трубецкой не совершенно въ томъ признается, но и не запирается, утверждая, что не можетъ самому себѣ дать яснаго отчета въ тогдашнихъ поступкахъ своихъ и рѣчахъ: *ибо онъ былъ,*

[84]) Такъ показываютъ: князь Оболенскій (прибавляя однакожъ, что *сіе было въ минуту изступленія*) и Рылѣевъ. *Прежде,* говоритъ онъ, *я нѣсколько разъ удерживалъ Каховскаго, который умышлялъ на жизнь Императора Александра; даже ссорился съ нимъ за то, хотя, успокоивая его, увѣрялъ, что въ случаѣ нужды, Общество никого не употребитъ для сего удара кромѣ его; но въ этотъ день, вдругъ ужаснувшись возможности междоусобной войны, я вздумалъ, что для избѣжанія оной надобно Государя принесть на жертву.* Каховскій же утверждаетъ напротивъ, что онъ отказывался, а Рылѣевъ самъ назначалъ его въ убійцы; что такихъ людей, кои согласились бы, жертвуя для Тайнаго Общества не только жизнію, но и честію, истребить всю Императорскую Фамилію, и потомъ даже предъ казнію увѣрять, что не были ихъ сочленами—Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ называли чистыми, самоотверженными. Однакожъ на очной ставкѣ Каховскій призналъ, что Александръ Бестужевъ наединѣ уговаривалъ его не исполнять порученія, даннаго ему Рылѣевымъ 13 Декабря.

[85]) Показанія Штейнгеля.

какъ въ безпамятствѣ, и потому не смѣетъ извѣта соумышленниковъ своихъ назвать клеветою. Якубовичъ [86]) вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти (ихъ въ сію минуту столько было въ комнатѣ) умертвить Ваше Величество. Видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: *впрочемъ я за это не возьмусь; у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровно убійцей быть не могу* [87]). Нѣкоторые члены совѣтовали удовольствоваться арестованіемъ Вашего Величества и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей. Штейнгель ставилъ въ примѣръ Шведскую революцію 1809 года; Рылѣевъ кончилъ споръ словами: *обстоятельства покажутъ, что̀ дѣлать должно;* но просилъ достать карту Петербурга и планъ Зимняго дворца, на что Александръ Бестужевъ отвѣчалъ со смѣхомъ: *Царская Фамилія не иголка, не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста* [88]). Они уже знали навѣрное, что слѣдующій день (14 Декабря) назначенъ для обнародованіи Манифеста о восшествіи Вашего Императорскаго Величества на Прародительскій Престолъ. О томъ, что Сенатъ собирается въ 7-мь часовъ утра для присяги, извѣстилъ ихъ оберъ-прокуроръ Краснокутскій, членъ Южнаго Общества, который вечеромъ 13-го числа пріѣзжалъ къ князю Трубецкому и оттуда, не заставъ его, къ Рылѣеву. Показываютъ (Корниловичъ и Рылѣевъ), что, объявивъ свою новость, онъ прибавилъ: *дѣлайте, что̀ хотите*; но Краснокутскій не сознается въ этомъ, а говоритъ только, что, слыша вокругъ себя: *завтра присяга, сигналъ*, онъ отгадалъ намѣренія Тайнаго Общества на 14-е Декабря, хотѣлъ-было донести объ оныхъ правительству и раздумалъ единственно затѣмъ, что считалъ исполненіе невозможнымъ.

О сихъ намѣреніяхъ было уже сообщено простымъ членамъ отъ главныхъ дѣйствователей [89]); положено приготовлять солдатъ къ возмущенію изъ-

---

[86]) Показанія князя Трубецкаго и Рылѣева.

[87]) Одинъ Арбузовъ, буде вѣрить Рылѣеву, къ сему примолвилъ: „нѣтъ ничего легче, какъ убить Государя, когда онъ будетъ выходить изъ дворца." Якубовичъ предлагалъ также разбить кабаки, дозволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ какой нибудь церкви, идти съ толпами неистовыхъ ко дворцу. Такого предложенія, даже и на семъ мятежномъ совѣщаніи, никто не смѣлъ одобрить; оно единодушно отвергнуто: такъ показываетъ Рылѣевъ. Якубовичъ признается, что говорилъ это; но прибавляетъ, что въ слѣдующую ночь (въ 3 часа) онъ раскаялся. Оболенскій утверждаетъ, что противъ мысли разбить даже и одинъ кабакъ, чтобъ напоить солдатъ, возставалъ Рылѣевъ, первый и съ жаромъ.

[88]) Трубецкой, если вѣрить показаніямъ Рылѣева, также думалъ о занятіи дворца, несмотря на слова Батенкова, и за сіе брались Якубовичъ и Арбузовъ (они не признаются въ томъ); но, прибавляетъ Рылѣевъ, *мы хотѣли только захватить Императорскую Фамилію и держать ее подъ стражею до Великаго Собора* (съѣзда депутатовъ), *который рѣшилъ бы судьбу всѣхъ членовъ оной; я долженъ однакожъ признаться: мнѣ приходило на мысль, что, для безопасности новаго правленія, лучше бы всѣхъ изгубить; только сей мысли я не открывалъ никому; наконецъ и самъ отстранилъ ее, возвратясь къ прежней.*

[89]) Наканунѣ (12 Декабря) съѣзжались у князя Оболенскаго, гдѣ былъ и Рылѣевъ, офицеры разныхъ полковъ гвардіи, Лейбъ-гренадерскаго поручикъ Сутгофъ, Измайлов-

явленіемъ сомнѣній въ истинѣ отреченія Государя Цесаревича, и съ первымъ полкомъ, который откажется отъ присяги идти къ ближайшему, а тамъ далѣе, увлекая одинъ за другимъ. Князь Требецкой при семъ напоминалъ слова Батенкова: *надо бы и въ барабанъ пріударить, чтобъ собрать народъ* [90]); потомъ всѣ войска, которыя пристанутъ, собрать предъ Сенатомъ и ждать, какія мѣры будутъ приняты правительствомъ. Они думали, особливо ихъ диктаторъ князь Трубецкой (какъ онъ утверждаетъ) что Ваше Величество, не употребляя силы для усмиренія мятежниковъ, рѣшитесь скорѣе отказаться отъ правъ самодержавія и вступите съ ними въ переговоры. Тогда они объявили бы свои желанія:

1-е. Чтобъ были собраны депутаты изъ всѣхъ губерній.

2-е. Чтобы о томъ былъ изданъ Манифестъ отъ Сената и въ ономъ было сказано, что сіи депутаты долженствуютъ опредѣлить новое законоположеніе для управленія Государствомъ на будущее время.

3-е. Чтобы дотолѣ утвердить Временное Правленіе, пригласивъ въ оное депутатовъ изъ Царства Польскаго, *для постановленія мѣръ къ сохраненію единства Державы.*

Въ случаѣ, еслибы Ваше Величество рѣшились послать въ Варшаву къ Государю Цесаревичу, заговорщики хотѣли требовать мѣстъ для стоянія лагеремъ внѣ города [91]), несмотря на зимнее время, въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Высочества; но не переставать требовать также и созванія депутатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они все будутъ нужны, или для упрошенія Цесаревича принять Державу, или для торжественной присяги Вашему Величеству. Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда бы Великій Князь Константинъ Павловичъ прибылъ въ Санктпетербургъ, они надѣялись увѣрить Его Высочество, что все произведено однимъ усердіемъ къ нему [92]).

скаго подпоручикъ Кожевниковъ, Финляндскаго поручикъ баронъ Розенъ, Конной гвардіи корнетъ князь Одоевскій, Кавалергардскаго полка корнетъ Арцыбашевъ и поручикъ Анненковъ, Гвардейскаго Экипажа лейтенантъ Арбузовъ. Князь Оболенскій сообщилъ имъ приказанія директора и Думы стараться въ день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь, сколько имъ будетъ возможно, нижнихъ чиновъ изъ полковъ своихъ, а если не удастся, то по крайней мѣрѣ быть самимъ.

[90]) Батенковъ показываетъ самъ, что онъ говорилъ Якубовичу: *Чего думать о планахъ всего Общества! Вамъ, молодцамъ, стоило бы только разгорячить солдатъ именемъ Цесаревича и походить изъ полка въ полкъ съ барабаннымъ боемъ, такъ можно надѣлать много великихъ дѣлъ.*

[91]) Именно на Пулковской горѣ, какъ полагалъ Батенковъ.

[92]) Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ думалъ поручить одному члену Общества умертвить Государя Цесаревича всенародно и тутъ же закричать, что онъ убилъ его по приказанію Вашего Величества; такимъ образомъ, говорилъ онъ, мы вдругъ погубимъ обоихъ. Рылѣевъ объявилъ, что это клевета; тоже сказали Штейнгель, Александръ и Николай Бестужевы, на коихъ ссылался Каховскій.

Таковъ былъ, по словамъ князя Трубецкаго, объявленный ими другъ другу планъ. Рылѣевъ говоритъ только, что должно было войскамъ, ими возмущеннымъ, идти на Сенатскую площадь и начальнику ихъ Трубецкому *дѣйствовать по обстоятельствамъ;* что они надѣялись избѣгнуть кровопролитія и посредствомъ Сената, который думали принудить къ тому, получить отъ Вашего Величества, или отъ Государя Цесаревича, согласіе на созваніе депутатовъ, *для назначенія Императора и установленія представительнаго образа правленія.* Они хотѣли предложить депутатамъ проектъ Конституціи, писанный Никитою Муравьевымъ. Князь Оболенскій прибавляетъ къ сему, что, до съѣзда депутатовъ, Сенатъ долженствовалъ бы учредить Временное Правленіе (изъ двухъ или трехъ членовъ Государственнаго Совѣта и одного члена ихъ Тайнаго Общества, который былъ бы правителемъ дѣлъ онаго), назначить и корпуснаго и дивизіонныхъ командировъ гвардіи *изъ людей, имъ извѣстныхъ* и сдать имъ Петропавловскую крѣпость. При неудачѣ, они полагали (такъ показываютъ согласно князь Трубецкой и Рылѣевъ), выступить изъ города, чтобы стараться распространить возмущеніе [93]).

Но, по крайней мѣрѣ сначала, они были такъ ослѣплены, что совсѣмъ не ожидали неудачи. Батенковъ, 13-го Декабря поутру, говорилъ Александру Бестужеву: *кажется, что успѣхъ несомнителенъ* [94]). Баронъ Штейнгель, менѣе другихъ заблуждавшійся, началъ однакоже сочинять проектъ Манифеста [95]), въ коемъ онъ объявлялъ, *что когда оба Великіе Князья* (Ваше Императорское Величество и Государь Цесаревичъ) *отрекаются отъ престола, не хотятъ быть отцами Россіи, то осталось ей самой избрать себѣ Правителя, и потому Сенатъ назначаетъ общее собраніе депутатовъ, а дотолѣ Временное Правленіе* [96]). Князь Трубецкой, съ своей стороны, означилъ въ бумагѣ, найденной у него ввечеру 14-го Декабря и у сего прилагаемой, сущность Манифеста, въ коемъ намѣревался, отъ имени Сената, объявить объ уничтоженіи прежняго правленія и учрежденіи Временнаго для созванія депутатовъ.

Нѣкоторые вздумали дать свѣдѣніе о предпринимаемомъ и въ другія мѣста. Пущинъ (Иванъ) отправилъ, чрезъ Американскую Компанію [97]), письмо въ Москву, къ титулярному совѣтнику Семенову. „Насъ“, писалъ онъ, „по

---

[93]) Каховскій прибавляетъ, что въ семъ случаѣ Рылѣевъ хотѣлъ зажечь городъ; но сей послѣдній утверждаетъ, что и это ложь.

[94]) Показаніе Александра Бестужева.

[95]) *Желая,* говоритъ онъ, *доказать Рылѣеву, что и я могъ бы на что-нибудь пригодиться.*

[96]) Сей проектъ хотѣли, вслѣдствіе приказаній диктатора, нести въ Сенатъ Рылѣевъ, коллежскій ассессоръ Иванъ Пущинъ и, какъ они показываютъ, Батенковъ, который не сознается въ томъ.

[97]) Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ сей Компаніи.

„справедливости назвали бы подлецами, еслибъ мы пропустили нынѣшній, единственный случай. Когда ты получишь это́, все уже будетъ кончено. Насъ „здѣсь 60 членовъ; мы можемъ надѣяться на 1500 рядовыхъ, которыхъ увѣ„рятъ, что Цесаревичъ не отказывается отъ престола. Прощай; вздохни объ насъ, „если и проч.“ Въ заключеніи онъ поручалъ Семенову показать его письмо генералъ-маіорамъ Фонъ-Визину и Михайлу Орлову, коихъ, по старымъ связямъ и образу мыслей, вѣроятно, считалъ внутренно благопріятствующими видамъ Тайнаго Общества. Князь Трубецкой можетъ быть, думалъ также [98]). и 13-го числа, отправя письмо къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ братомъ его Ипполитомъ, онъ писалъ и къ генералу Орлову съ кавалергардскимъ офицеромъ Свистуновымъ; сіи письма не доставлены [99]). Трубецкой показываетъ, что онъ только, и не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавлялъ: *если быть чему-нибудь, то будетъ и безъ васъ, какъ при васъ.* Ежели вѣрить дальнѣйшимъ показаніямъ князя Трубецкаго, то онъ рѣшился писать, въ надеждѣ, что генералъ Орловъ, и не принадлежа къ Обществу, могъ бы, своимъ появленіемъ и силою характера, обуздать другихъ членовъ, коихъ онъ, диктаторъ, былъ уже не въ состояніи удерживать. Онъ утверждаетъ, что по сей же причинѣ, по чувству своего безсилія, однажды просилъ, чтобъ его отпустили въ 4-й корпусъ, *тамъ что-нибудь сдѣлать*, хотя зналъ, что въ семъ корпусѣ у него не было ни одного сообщника, хотя думалъ и ѣхать не прямо и прожить нѣсколько времени въ Москвѣ.

Чѣмъ ближе подходило предназначенное самими мятежниками роковое для нихъ мгновеніе, чѣмъ болѣе воспламенялись нѣкоторые, тѣмъ больше изъявлялъ нерѣшимости избранный ими начальникъ, уже видимо волнуемый раскаяніемъ, или, по крайней мѣрѣ, страхомъ. „Что-жъ!“ говорилъ онъ и повторялъ Рылѣеву, „если выйдетъ мало войска, рота или двѣ, зачѣмъ идти и намъ, и другихъ вести на гибель?“ Рылѣевъ иногда казался согласнымъ, иногда напротивъ отвѣчалъ: «*если придетъ хоть 50 человѣкъ, то я становлюсь въ ряды съ ними;*» и однакожъ не сдержалъ слова.

Несмотря на сомнѣнія и боязнь, князь Трубецкой не отказывался явно, и опредѣлено ему на другой день быть на Сенатской площади, чтобы принять главную команду надъ войсками, которыя не согласятся присягать Вашему Величеству; подъ нимъ же начальствовать капитану Якубовичу и полковнику Булатову. Сей послѣдній, какъ видно изъ дѣлъ и словъ его, не злой, а слабоумный человѣкъ, за нѣсколько дней до того не зналъ о существова-

---

[98]) Однажды, говоря о Пестелѣ, Трубецкой сказалъ: *должно будетъ послать Орлова во 2-ю армію, и сила Пестеля исчезнетъ.—Да развѣ Орловъ нашъ?* спросилъ Рылѣевъ. *Нѣтъ*, отвѣчалъ Трубецкой, *имъ владѣютъ Раевскіе; но тогда по неволѣ будетъ нашъ.*

[99]) Муравьевъ и Свистуновъ сожгли ихъ дорогою, узнавъ о происшествіяхъ 14-го Декабря.

нія Тайнаго Общества; но его считали нужнымъ, потому что онъ, служивъ прежде въ Лейбъ-гренадерскомъ полку, оставилъ хорошую о себѣ молву, и многіе солдаты еще любили его. 6-го Декабря Пановъ, поручикъ того же Лейбъ-гренадерскаго полка, позвалъ его обѣдать съ нѣсколькими другими офицерами. Тутъ, осыпаемый ласкательствами, разгоряченный виномъ и споромъ (ибо при немъ нарочно хвалили одного государственнаго сановника, котораго онъ ненавидѣлъ) Булатовъ произнесъ обѣтъ пожертвовать всѣмъ пользѣ отечества. Ему тотчасъ объявили, что есть Общество, которое составилось для произведенія благотворной перемѣны въ ономъ; что онъ, по любви къ Россіи, долженъ принадлежать къ сему Обществу и, несчастный, самъ не понимая, какимъ образомъ, принялъ на себя обязанность быть пособникомъ мятежниковъ, съ коими едва былъ знакомъ. Рылѣевъ открылъ ему намѣренія ихъ. Булатовъ часто спрашивалъ: *Но гдѣ же польза отечества? Я вижу одну перемѣну въ правителяхъ; вмѣсто Государя, вы хотите имѣть диктатора князя Трубецкаго;* однакоже обѣщалъ дѣйствовать съ ними и, какъ бы предвидя погибель, прощался съ своими дѣтьми-младенцами и плакалъ, но отказался ѣхать въ Лейбъ-гренадерскій полкъ для возмущенія рядовыхъ. Въ вечеру 13-го числа, замѣтивъ, что на слова Рылѣева о князѣ Трубецкомъ: — „Не правда ли, что мы выбрали прекраснаго начальника?“ Якубовичъ отвѣчалъ усмѣхнувшись: *„да! онъ довольно великъ.“* Булатовъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Якубовичемъ и дорогой спрашивалъ: „какъ „вамъ кажется, полезно ли, хорошо ли обдумано предпріятіе нашихъ товари- „щей, и довольно ли они сильны?“—„Не вижу пользы“, отвѣчалъ Якубовичъ, „и „для меня они почти всѣ подозрительны“. — „Дадимъ же другъ другу слово“, продолжалъ Булатовъ, „что если, какъ завтра должно открыться, средства ихъ „несоразмѣрны замысламъ, и въ ихъ предположеніяхъ нѣтъ истинной пользы, „то мы не пристанемъ къ нимъ.“ Якубовичъ согласился.

Такъ всѣ тѣ, коихъ заговорщики назначали своими начальниками въ рѣшительный день, заранѣе готовились ихъ бросить.

Въ казармы гвардейскаго Морскаго Экипажа посланъ былъ Рылѣевымъ, для начатія первыхъ дѣйствій, лейтенантъ Арбузовъ, который уже и 12-го Декабря старался въ своей ротѣ, чрезъ фельдфебеля Боброва и унтеръ-офицера Аркадьева, распустить слухи, что будто скоро потребуется отъ войскъ незаконная присяга; что за четыре станціи отъ Нарвы, Государь Цесаревичъ стоитъ съ 1-й арміей и Польскимъ корпусомъ, для истребленія тѣхъ, которые присягнутъ Вашему Величеству; что прочіе полки гвардіи непремѣнно откажутся. Но Бобровъ и Аркадьевъ не исполняли его приказаній и говорили, что рядовые не вѣрятъ. 13-го Декабря онъ прямо отъ Рылѣева пріѣхалъ къ мичманамъ братьямъ Бѣляевымъ. Тутъ, кромѣ ихъ, нашелъ двухъ Бодиско, Дивова и подпоручика Измайловскаго полка Гудимова. „Господа!“ говорилъ онъ, „зная вашъ „образъ мыслей, кажется, могу вамъ сказать все откровенно. Завтра будутъ

„насъ звать къ присягѣ: откажитесь и приготовьте къ тому свои роты. Мы „выведемъ ихъ на Петровскую площадь, гдѣ соберутся другіе полки, и при„нудимъ Сенатъ утвердить давно уже сочиненный проектъ Конституціи, чтобы „ограничить власть Императора.“ Оборотясь къ лейтенанту Бодискѣ 1-му, онъ прибавилъ: „надѣюсь, что и вы будете“.—„Нѣтъ“, отвѣчалъ Бодиско, „я съ моею ротою не буду. Могу ли дѣйствовать, не зная вашего плана и сообщниковъ? Вамъ другое дѣло: вы бываете съ тѣми, которые составили заговоръ, и можетъ быть даже увѣрены въ хорошомъ окончаніи“. Арбузовъ силился доказать, что нѣтъ сомнѣнія въ успѣхѣ, увѣрялъ, что и самъ не знаетъ всего; повторялъ: *приходите*, и однакоже оставилъ ихъ, не получивъ желаннаго отвѣта. Но тогда именно, сіи молодые офицеры, за исключеніемъ Гудимова, который уѣхалъ прежде, вдругъ рѣшились содѣйствовать замышленной революціи, идти утромъ въ свои роты и возбудить въ рядовыхъ сомнѣніе на счетъ истины отреченія Его Императорскаго Высочества Цесаревича. Ночью, около 12-ти часовъ, пріѣзжали къ Арбузову Якубовичъ и Александръ Бестужевъ. Якубовичъ, познакомясь съ Бѣляевыми, говорилъ имъ: „Не сомнѣваюсь въ ва„шей храбрости, но вы еще не бывали подъ пулями; берите примѣръ съ меня. „Впрочемъ нельзя бояться неудачи: вся гвардія за насъ.“ 14-го Декабря поутру, сіи офицеры, и еще нѣкоторые [100]), явились передъ матросами. Бодиско 1-й имъ сказалъ: „присягайте или нѣтъ; я не могу ни приказывать, ни со„вѣтовать; слушайтесь своей совѣсти“ [101]). Къ нимъ пришли Николай Бестужевъ и Каховскій. Первый предлагалъ, откинувъ самолюбіе, взять въ начальники Арбузова: *ему можно повѣрить; мы здѣсь всѣ за общимъ дѣломъ*. Каховскій восклицалъ: *лучше умереть, нежели не участвовать въ этомъ*, и спрашивалъ, не надобенъ ли кому-нибудь кинжалъ. Арбузовъ звалъ на сенатскую площадь; Бодиско отвѣчалъ ему: *я пойду не иначе, какъ со всѣмъ экипажемъ.—Вы либералы лишь на словахъ*, вскричалъ Арбузовъ. Когда пріѣхалъ бригадный начальникъ генералъ-маіоръ Шиповъ, то матросы, уже вовлеченные въ обманъ своими офицерами, не согласились присягать. Онъ арестовалъ ротныхъ командировъ; но Николай Бестужевъ уговорилъ Бѣляевыхъ, Бодиско, Дивова, Шнейера, освободить ихъ. Въ сію минуту раздался голосъ: *ребята, слышите ли стрѣльбу? вашихъ бьютъ*, и экипажъ побѣжалъ со двора, не смотря на усилія капитана 1-го ранга Качалова, который хотѣлъ матросовъ удержать въ воротахъ [102]). За всѣми пошли и другіе офицеры, дотолѣ неучаствовавшіе въ безпорядкахъ [103]). На дорогѣ у конно-гвар-

---

[100]) Вишневскій, Мусинъ-Пушкинъ, Шнейеръ, Окуловъ, Кюхельбекеръ.
[101]) Также говорили Вишневскій и Кюхельбекеръ.
[102]) Такъ показываетъ Дивовъ; прочіе не помнятъ, что рѣшило движеніе экипажа.
[103]) Лейтенанты Цебриковъ и Лермонтовъ.

дейскаго манежа имъ встрѣтился Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ; онъ кричалъ: *въ каре противъ кавалеріи!*

Возмущеніе въ Московскомъ полку началось прежде. Тамъ князь Щепинъ-Ростовскій, штабсъ-капитанъ Михайла Бестужевъ, братъ его Александръ и еще два сего же полка офицера (Броке, Волковъ) ходили по ротамъ 6-й, 5-й, 3-й, 2-й, стараясь ослѣпить рядовыхъ, уговаривая ихъ не присягать Вашему Императорскому Величеству, повторяя: „все обманъ, насъ заставляютъ „присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался; онъ въ цѣпяхъ; Его „Высочество, шефъ полка, также въ цѣпяхъ.“ Александръ Бестужевъ прибавлялъ, что онъ присланъ изъ Варшавы, съ повелѣніемъ не допускать полки до присяги. Михайла Бестужевъ говорилъ: „Царь Константинъ любитъ нашъ „полкъ и прибавитъ вамъ жалованья; кто не останется вѣренъ ему, того колите“ [104]). Онъ и князь Щепинъ приказали солдатамъ взять боевые патроны и зарядить ружья. „Я не хочу знать генерала“, отвѣчалъ Щепинъ адъютанту Веригину, собиравшему офицеровъ къ полковому командиру; велѣлъ возмущенной имъ толпѣ рядовыхъ отнять знамя у гренадеровъ, бить ихъ прикладами, и бросился съ обнаженною саблею на генералъ-маіора Фридрихса, которому уже грозилъ Александръ Бестужевъ пистолетомъ. Князь Щепинъ ранилъ генерала Фридрихса въ голову, и когда онъ безъ чувствъ упалъ, то, бросясь также на бригаднаго командира генералъ-маіора Шеншина, тяжело ранилъ и его, и лежащаго еще долго рубилъ; потомъ далъ нѣсколько ударовъ саблею полковнику Хвощинскому, гренадеру Красовскому, унтеръ-офицеру Мосѣеву и кричалъ солдатамъ: зарублю! наконецъ, отнявъ знамя, повелъ бунтующія роты на Сенатскую площадь. Выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, онъ сказалъ ему: *что, вѣдь къ чорту Конституція,* и Бестужевъ отвѣчалъ (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ): *разумѣется къ чорту.* Онъ (Александръ Бестужевъ) увѣряетъ также, что хотя дѣйствовалъ въ казармахъ Московскаго полка, какъ рѣшительный возмутитель, но уже чувствовалъ въ себѣ волненіе совѣсти; что даже, вставая въ сей день, со слезами молился: *Боже! если дѣло наше правое, помоги! А ежели нѣтъ, буди воля Твоя надъ нами.*

Въ полку Лейбъ-гренадерскомъ бунтъ произведенъ тѣми же средствами. Когда рядовыхъ вывели для присяги, къ нимъ подходилъ подпоручикъ Кожевниковъ, *нетрезвый,* какъ онъ самъ признается; *ибо, узнавъ чрезъ Сутгофа, что наступилъ часъ, назначенный Тайнымъ Обществомъ для мятежа, онъ хотѣлъ ободриться и довелъ себя до безпамятства крѣпкимъ напиткомъ.* Онъ спрашивалъ солдатъ: *зачѣмъ вы забываете клятву данную* Кон-

---

[104]) Показанія нижнихъ чиновъ Московскаго полка; Бестужевъ увѣряетъ, что не говорилъ этого.

стантину Павловичу; потомъ кричалъ еще въ галлереѣ: *кому присягаете? все обманъ!* Но порядокъ въ полку симъ не былъ нарушенъ: всѣ присягнули, и рядовые сѣли обѣдать. Тогда поручикъ Сутгофъ, бывшій уже у присяги, вдругъ пришелъ къ своей ротѣ съ словами: „Братцы! напрасно мы послушались; другіе полки не присягаютъ и собрались на Петровской площади. Одѣньтесь, зарядите ружья, за мной, и не выдавайте. Ваше жалованье у меня въ карманѣ; я раздамъ его безъ приказу." Почти вся рота, несмотря на увѣщанія полковаго командира Стюрлера, послѣдовала за Сутгофомъ, который безпрестанно повторялъ: *впередъ! не выдавайте!* Между тѣмъ другой поручикъ, Пановъ, также присягнувшій, бѣгалъ изъ роты въ роту, возбуждая рядовыхъ увѣреніями, что ихъ обманули, что имъ будетъ худо отъ прочихъ полковъ и Константина Павловича. Когда же командиръ полка вызвалъ баталіоны и велѣлъ заряжать ружья, чтобы вести ихъ противъ мятежниковъ, то Пановъ уговаривалъ не повиноваться; *лучше сдадимся тѣмъ, которые стоятъ за* Константина; наконецъ, видя, что ему вѣрятъ многіе, бросился въ середину колонны и, подавъ знакъ возмущенія крикомъ: *Ура!* повелъ нѣсколько ротъ въ разстройствѣ на Сенатскую площадь. Идучи мимо Зимняго дворца Вашего Императорскаго Величества, онъ вступилъ было съ частію лейбъ-гренадеръ на дворъ онаго; но, увидѣвъ, что тамъ стоятъ саперы, и сказавъ: *это не наши,* пошелъ далѣе. На площади, когда нѣкоторые изъ рядовыхъ примѣтили, что они обмануты, Пановъ ободрялъ ихъ, увѣряя, что скоро будетъ самъ Константинъ Павловичъ и накажетъ гвардію за ея непостоянство, а ихъ наградитъ. Онъ присоединилъ свои роты къ тѣмъ, которыя были приведены Щепинымъ. Къ нимъ же пристало нѣсколько человѣкъ во фракахъ съ кинжалами, пистолетами, саблями.

Коммиссія почитаетъ ненужнымъ описывать всѣ происшествія сего дня, ознаменованнаго буйствомъ немногихъ и знаками общаго усердія, нелицемѣрной преданности къ престолу и, всего болѣе, новымъ примѣромъ царственныхъ доблестей, наслѣдственныхъ въ семъ Августѣйшемъ Домѣ, который былъ предметомъ безумной злобы мятежниковъ. Сіи происшествія извѣстны Вашему Величеству и Россіи. Она съ прискорбіемъ и омерзѣніемъ узнала о покушеніи людей, умышлявшихъ обезславить имя Русское, и видитъ съ восторгомъ благодарности, что преступные ковы и надежды ихъ разрушены въ одно, благословенное Небомъ, мгновеніе. Принятыя мѣры осторожности вскорѣ остановили всѣ дѣйствія бунтовавшихъ: въ ихъ рядахъ уже господствовало безначаліе, коего ужасами они угрожали Отечеству. Яростнѣйшіе продолжали отличаться убійствами. Каховскій, какъ видно изъ многихъ показаній, наконецъ подтвержденныхъ и его собственнымъ признаніемъ, стрѣлялъ изъ пистолета и смертельно ранилъ графа Милорадовича, въ ту самую минуту, когда онъ явился одинъ передъ рядами несчастныхъ обманутыхъ воиновъ, чтобы обра-

зумить ихъ и возвратить къ долгу [105]). Князь Евгеній Оболенскій также ранилъ его штыкомъ, хотѣвъ, какъ утверждаетъ, только ударить лошадь, чтобы принудить его удалиться. Каховскій же, по словамъ князя Одоевскаго [106]), убилъ и полковника Стюрлера, и потомъ, бросая пистолетъ, сказалъ: *довольно! у меня сего дня двое на душѣ*. Онъ же ранилъ свитскаго офицера (штабсъ-капитана Гастефера) кинжаломъ. Князь Щепинъ первый далъ солдатамъ приказаніе стрѣлять, и въ семъ безпорядкѣ ранено нѣсколько рядовыхъ и полковникъ Веліо. Наконецъ, Кюхельбекеръ (Вильгельмъ) дерзнулъ обратить оружіе на Великаго Князя Михаила Павловича: матросы гвардейскаго экипажа, съ коими онъ стоялъ [107]), и въ волненіи мятежа устрашенные симъ покушеніемъ злодѣйства, отвели пистолетъ его. Кюхельбекеръ однакоже увѣряетъ, что онъ не хотѣлъ совершить удара, а притворно согласился на сіе по вызову Ив. Пущина для того, чтобы не допустить къ сему другихъ и, зная, что пистолетъ его измоченный снѣгомъ не могъ бы выстрѣлить; въ доказательство прибавляетъ, что послѣ онъ мѣтилъ тѣмъ же пистолетомъ въ генерала Воинова, и пистолетъ осѣкся [108]).

Но изъ людей, кои были душою заговора, или обѣщали принять главное начальство надъ вовлеченными въ обманъ войсками, явился на сборномъ мѣстѣ одинъ Якубовичъ, и не надолго: по условію-ли съ Булатовымъ или, какъ онъ показываетъ, по чувству вины своей и безразсудности, онъ вскорѣ оставилъ мятежниковъ. Булатовъ былъ на площади, но только зрителемъ, хотя выходя изъ дому и заряжая пистолеты, говорилъ: *„можетъ быть увидятъ, что есть въ Россіи Бруты и Рьеги, которыхъ* (въ чемъ признается откровенно) *зналъ только по именамъ.* Князь Трубецкой скрывался отъ своихъ сообщниковъ: онъ спѣшилъ въ Главный Штабъ присягать Вашему Величеству, думая сею готовностію загладить часть своего преступленія и потому, что тамъ соумышленники не могли найти его. Ему нѣсколько разъ дѣлалось дурно; онъ бродилъ весь день изъ дома въ домъ, удивляя всѣхъ встрѣчавшихъ его знакомыхъ; наконецъ пришелъ ночевать къ свояку своему, посланнику двора Австрійскаго, откуда, по Высочайшей волѣ Вашей, истребованъ графомъ Нессельродомъ. Рылѣевъ, какъ онъ самъ говоритъ, увидѣвъ, что нѣтъ князя Трубецкаго на площади, поѣхалъ искать его и не возвращался. Поступки Батенкова въ этотъ день были почти такіе же. *Онъ проснулся съ*

---

[105]) Лекарь, дѣлавшій операцію, представилъ Коммиссіи пулю, найденную въ тѣлѣ графа Милорадовича; она не ружейная, а пистолетная.

[106]) И собственному признанію.

[107]) Дороѳеевъ, Ѳедоровъ, Куроптевъ.

[108]) Пущинъ на вопросъ Коммиссіи, отвѣчалъ, что это ложь. Бывшіе тутъ нижніе чины говорятъ, что Кюхельбекеру указывалъ на Великаго князя не Пущинъ, а поручикъ Цебриковъ; но и онъ не признается въ томъ.

мыслію о своемъ будущемъ величіи, какъ члена Верховнаго Правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка о присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, что происходитъ, искалъ Александра Бестужева, Рылѣева, который ему сказалъ, что офицеры одной батареи гвардейской артиллеріи, возмутясь, ѣздятъ съ орудіями по городу. Сія ложная вѣсть его поразила, и онъ также *спѣшилъ присягнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ Государствѣ, о славѣ быть въ числѣ Правителей, и желая только, чтобы скорѣе переловили бунтовщиковъ.* Однакожъ вечеромъ, когда уже тишина и порядокъ были повсюду возстановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣеву и, не входя, а заглядывая въ комнату, спрашивалъ: *ну! что?* Иванъ Пущинъ, бывшій тутъ съ нѣкоторыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мятежниковъ, оборотился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: *да вы, подполковникъ, вы-то что?* Увидѣвъ его и барона Штейнгеля, Батенковъ скрылся [109]), и въ теченіе двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ членами Тайнаго Общества, надѣялся избѣжать подозрѣній Правительства: даже при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ были ему весьма несовершенно извѣстны; что онъ, считая ихъ невозможными въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія, что чувствуетъ себя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ. Но множество уликъ и можетъ быть, упреки совѣсти наконецъ превозмогли притворство: онъ полнымъ искреннимъ признаніемъ утвердилъ свидѣтельства другихъ [110]). Всѣ прочіе, больше или меньше участвовавшіе въ мятежѣ и вообще въ замыслахъ Сѣверной Думы, показывая другъ на друга, сдѣлались вскорѣ извѣстны Коммисіи, немедленно отысканы и представлены къ допросу [111]); нѣкоторые сами отдались подъ стражу. Между сими послѣдними полковникъ Булатовъ. Сей человѣкъ странный и несчастный, давно изнуряемый внутреннею неизлѣчимою болѣзнію, умѣвъ съ самаго начала почувствовать и беззаконность и безразсудность предпріятія своихъ сообщниковъ, даже рѣшительно отклонившись отъ содѣйствія и *восхищавшись,* какъ онъ сказываетъ, *распоряженіями* Вашего Величества 14-го *Декабря,* вдругъ на слѣдующій день, когда и яростнѣйшіе начинали признавать вину свою, предался какому-то необъяснимому бѣшенству. Мысль, что его именемъ завлеченъ въ заблужденіе и погубленъ любившій его полкъ (Лейбъ-гренадерскій), нелѣпая сказка, распущенная легкомысліемъ или зложелательствомъ, что всѣ рядовые, бывшіе на

---

[109]) Такъ разсказываетъ Штейнгель.

[110]) Одно изъ своихъ письменныхъ объявленій Коммисіи онъ начинаетъ сими словами: *Дабы не умереть, нося въ душѣ преступную тайну.*

[111]) Большая часть въ Петербургѣ; Кюхельбекеръ, бѣжавшій послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ Варшавѣ; немногіе въ Москвѣ, въ томъ числѣ баронъ Штейнгель, который выѣхалъ отсюда 22-го Декабря.

площади, обречены смертной казни, совершенно омрачили его умственныя способности. „Въ семъ состояніи", говоритъ онъ въ письмѣ къ Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, „я пришелъ въ Главный Штабъ къ „присягѣ. Мое воображеніе смутилось; голова пылала; мнѣ казалось, что от„всюду течетъ кровь моихъ любезныхъ сослуживцевъ, и когда вокругъ меня „клялись въ вѣрности Государю, я поднялъ руку, поцѣловалъ крестъ, съ „ужасною клятвою въ сердцѣ: умертвить Его. Всякъ, увидѣвъ мое имя на „присяжномъ листѣ, узнаетъ въ немъ подпись злодѣя." Онъ однакоже не былъ злодѣемъ, по крайней мѣрѣ закоренѣлымъ: волненіе страстей скоро въ немъ затихло; онъ началъ удостовѣряться въ лживости дошедшихъ до него слуховъ, наконецъ пришелъ во дворецъ, былъ допущенъ къ Вашему Величеству, и первый взглядъ Вашъ обезоружилъ его. Съ сей минуты до того времени, когда новый припадокъ прежней болѣзни лишилъ его силъ и жизни (19 Января сего года), онъ безпрестанно терзался воспоминаніемъ своего страшнаго, дотолѣ никому неизвѣстнаго умысла, воспоминаніемъ самыхъ знаковъ оказаннаго ему милосердія; но утолялъ муку совѣсти признаніями, совершенно добровольными (ибо онъ даже не былъ допрашиваемъ) и умирая, смѣло завѣщалъ участь дѣтей Монарху, на коего мыслилъ поднять руку.

Спокойство, твердостію Вашего Величества возвращенное столицѣ, въ прочихъ мѣстахъ Имперіи, за исключеніемъ Василькова и окрестностей, не было и нарушено. Въ Москвѣ, гдѣ всѣ жители съ восторгомъ произносили клятву въ вѣрности Вашему Императорскому Величеству и Наслѣднику Престола, нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, въ томъ числѣ и отставшіе отъ онаго, собирались разсуждать о происшествіяхъ 14-го Декабря. Одинъ, Мухановъ [112]), *извѣстный другимъ невоздержностію въ рѣчахъ,* говорилъ въ изступленіи досады: „Наши товарищи гибнутъ; ихъ можетъ спасти только „смерть Государя, и я знаю человѣка готоваго, по крайней мѣрѣ, отмстить „за нихъ [113])". Сами сообщники слушали его съ пренебреженіемъ. На Югѣ, гдѣ въ слѣдствіе предписаній, привезенныхъ изъ Таганрога генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ, уже были забираемы подъ стражу важнѣйшіе злоумышленники, по указаніямъ донесшаго на нихъ капитана Майбороды, бѣшенство другихъ, смущенныхъ открытіемъ заговорщиковъ, также изливалось въ словахъ [114]). Поджіо говорилъ Василію Давыдову: „должно, для спасенія нашихъ, ѣхать въ Петербургъ, убить Императора Константина" (имъ еще неизвѣстно было вступленіе Вашего Величества на Престолъ); я предлагаю свои двѣ руки".—„Надобно ихъ шесть", отвѣчалъ Давыдовъ. Поджіо думалъ найти по-

---

112) Штабсъ-капитанъ Измайловскаго полка.

113) Показаніе Якушкина. Мухановъ признался, что говорилъ это.

114) Достойно замѣчанія, что главные, въ томъ числѣ полковникъ Пестель, арестованы именно 14-го Декабря.

собниковъ въ Митьковѣ, князѣ Валеріянѣ Голицынѣ, князѣ Оболенскомъ и Матвѣѣ Муравьевѣ [115]). Генералъ-маіоръ князь Сергѣй Волконскій, узнавъ, что полковникъ Пестель съ нѣкоторыми другими арестованъ, нашелъ средство увидѣться съ нимъ наединѣ. Пестель сказалъ ему: „не бойтесь, спасайте „только мою Русскую Правду [116]); а я не открою ничего"; и однакожъ во всемъ признался предъ Коммиссіею, наименовалъ всѣхъ своихъ соумышленниковъ и, по требованію Коммиссіи, всѣ они отысканы и представлены сюда мѣстными начальствами. Сергѣй и Матвѣй Муравьевы также были взяты (29 Декабря) начальникомъ перваго, подполковникомъ Гебелемъ, хотя онъ (Муравьевъ) находился не при полку и, узнавъ отъ Бестужева-Рюмина о приказаніи арестовать его, скрывался вмѣстѣ съ братомъ [117]). Къ сожалѣнію г. Гебель не имѣлъ осторожности приставить къ нимъ достаточную стражу, и въ ту же ночь, нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ Обществу *Соединенныхъ Славянъ*, поручики Кузминъ, Сухиновъ, Щипилла и штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ ворвались въ комнаты, гдѣ содержались Муравьевы, освободили ихъ, схватили подполковника Гебеля и жандармскаго офицера, ранили перваго. Сергѣй Муравьевъ тогда лишь, какъ утверждаетъ онъ, рѣшился возмутить Черниговскій полкъ. Онъ былъ въ мѣстечкѣ Трилѣсьѣ, но немедленно отправился въ Ковалевку, чтобы собрать тамъ 2-ю гренадерскую роту, велѣвъ поручику Кузмину туда же привести 5-ю, а Соловьеву и Щипиллѣ возмутить свои роты и съ ними идти въ Васильковъ. Изъ Ковалевки, гдѣ онъ ночевалъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, 30-го Декабря, пошелъ съ двумя ротами, 2-ю и 5-ю, на Васильковъ. Дорогою пріѣхалъ къ нему Бестужевъ-Рюминъ, котораго онъ посылалъ въ Брусиловъ за извѣстіями. Въ 8-ми верстахъ отъ города, узнавъ, что тамъ стоитъ рота съ маіоромъ Трухинымъ, Муравьевъ приказалъ своимъ зарядить ружья; маіоръ Трухинъ съ своей стороны приказывалъ тоже; ему не повиновались, и возмутившіяся роты вступили безпрепятственно въ Васильковъ. Тутъ, отдавъ подъ стражу маіора Трухина, выпустивъ арестованныхъ подполковникомъ Гебелемъ Соловьева,

---

115) Показанія Давыдова и Поджіо.

116) Списокъ оной, руки самого Пестеля, былъ зарытъ въ землѣ близъ деревни Курносовки, но найденъ штабсъ-ротмистромъ Слѣпцовымъ, адъютантомъ генералъ-лейтенанта Чернышева.

117) За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, узнавъ въ Житомирѣ о происшествіяхъ 14-го Декабря, вздумалъ снова требовать смерти Государя Цесаревича отъ директоровъ Польскаго Тайнаго Общества и просилъ графа Мошинскаго доставить имъ письмо, которое Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1824-мъ году хотѣлъ отправить къ нимъ чрезъ князя Сергѣя Волконскаго. „Я надѣялся", говоритъ Муравьевъ, „что, „сдѣлавъ сіе, Варшавское Общество принуждено будетъ начать и возмущеніе въ Польшѣ, „а мы тѣмъ воспользуемся". Но графъ Мошинскій не согласился на предложеніе, сказавъ, „что уставы Польскаго Общества не дозволяютъ принимать никакихъ письменныхъ сообщеній".

Щипиллу и нѣсколькихъ преданныхъ суду рядовыхъ, взявъ безденежно хлѣба, другихъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ изъ городскихъ лавокъ, Муравьевъ началъ составлять планы для дѣйствія. Къ нему пристали еще нѣкоторые офицеры и пріѣзжалъ изъ Бѣлой Церкви приглашенный имъ наканунѣ подпоручикъ 17-го Егерскаго полка Александръ Вадковскій, членъ не весьма дѣятельный Южнаго Общества. Сергѣй Муравьевъ уговаривалъ его произвести бунтъ въ семъ полку. „Буду стараться, если соберутъ его; но кажется невозможно", отвѣчалъ Вадковскій и разстался съ Муравьевымъ, который въ тоже время посылалъ въ Кіевъ, надѣясь тамъ найти какого нибудь единомышленника и требуя пособія. Онъ думалъ идти или на Кіевъ, или на Бѣлую Церковь, или къ Житомиру, чтобы соединиться съ офицерами Общества *Славянъ*; наконецъ рѣшился двинуться къ Брусилову, откуда могъ, смотря по обстоятельствамъ, поспѣть однимъ переходомъ и въ Кіевъ, и въ Житомиръ. На другой день, 31-го Декабря въ полдень (ибо онъ дожидался 2-й мушкетерской роты) онъ велѣлъ собраться къ походу тѣмъ, кои уже пристали къ нему; передъ выступленіемъ, полковой священникъ, за 200 рублей, согласился отпѣть молебенъ и прочесть сочиненный Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ *Катихизисъ*, въ коемъ, какъ было означено выше, своевольно толкуя отдѣльныя мѣста изъ Ветхаго Завѣта, они хотѣли доказать, что Богу угоденъ одинъ республиканскій образъ правленія. Но сей лже-Катихизисъ, какъ самъ Муравьевъ показываетъ, произвелъ на рядовыхъ невыгодное для его намѣреній впечатлѣніе, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ дѣйствовать снова именемъ Государя Цесаревича, увѣряя солдатъ, что Его Высочество не отрекался отъ Короны. На пути къ Брусилову, въ деревнѣ Мотовиловкѣ нашелъ онъ 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты безъ командировъ [118]). Онъ предлагалъ имъ, просилъ съ нимъ соединиться; часть мушкетерской роты согласилась, гренадерская отказалась вся рѣшительно и отступила къ Бѣлой Церкви. Мятежники провели весь слѣдующій день (1-е Января) въ Мотовиловкѣ, ибо начальникъ ихъ Сергѣй Муравьевъ боялся трудить солдатъ въ праздникъ Новаго года. 2-го Января, не получая извѣстій изъ Кіева, полагая, что и тамъ и въ самомъ мѣстечкѣ Брусиловѣ уже знаютъ о бунтѣ его, онъ пошелъ къ Бѣлой Церкви и ночевалъ въ селѣ Пологи; тутъ, увѣдомясь отъ Щипиллы, что въ Бѣлой Церкви нѣтъ войска, которое онъ надѣялся возмутить, Муравьевъ снова измѣнилъ свой планъ, обратился къ Трилѣсью искать сближенія съ членами Общества *Соединенныхъ Славянъ*, но между деревнями Устимовкой и Королевкой, встрѣтилъ высланный противъ него гусарскій отрядъ генерала Гейсмара. „Я привелъ

---

[118]) Командиръ 1-й гренадерской былъ съ своею ротою; но рядовые, чтобы спасти начальника своего отъ мятежниковъ, уговорили его одѣться въ солдатскій мундиръ.

„свои роты въ порядокъ“, говоритъ онъ, „велѣлъ солдатамъ не стрѣляя идти „прямо на пушки съ остававшимися офицерами (ибо многіе изъ присоединившихся къ нему въ Васильковѣ въ то время уже оставили его); солдаты „шли за мною [119]), когда я упалъ безъ чувствъ, раненый картечью; очнувшись, увидѣлъ своихъ въ разстройствѣ, хотѣлъ собрать ихъ; но они, вмѣсто повиновенія, схватили меня и Бестужева, и отдали начальнику эскадрона „Маріупольскаго полка“. Братъ его Матвѣй и всѣ прочіе офицеры также взяты, кромѣ убитаго въ дѣлѣ другаго его брата Ипполита и поручика Сухинина, который, успѣвъ бѣжать, отысканъ уже мѣстнымъ начальствомъ въ Кишеневѣ; изъ взятыхъ, Кузминъ застрѣлился въ тотъ же день предъ глазами обоихъ Муравьевыхъ, съ коими онъ содержался [120]).

Описавъ свойство, намѣренія и дѣйствія открытыхъ въ Россіи злоумышленныхъ Тайныхъ Обществъ, Коммиссіи остается обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на личное въ сихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ участвованіе всѣхъ допрошенныхъ въ продолженіе слѣдствія, какъ тѣхъ, коихъ имена упомянуты въ семъ донесеніи, такъ и другихъ, менѣе значившихъ въ кругу своихъ сообщниковъ, хотя нѣкоторые между ими участвовали и въ самыхъ преступныхъ умыслахъ. Коммиссія старалась представить сіе наиточнѣйшимъ образомъ въ особыхъ о каждомъ запискахъ, означая въ оныхъ, и собственныя ихъ признанія, и показанія свидѣтелей, и новые по симъ показаніямъ данные ими отвѣты и объясненія. Сіи записки, вмѣстѣ съ письменными извѣтами допрошенныхъ и другими, слѣдующими къ дѣлу, болѣе или менѣе важными бумагами, Коммиссія подноситъ на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества. 30-го Мая 1826 года. Предсѣдатель, военный министръ *Татищевъ*. Генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ. Д. т. с. *князь Голицынъ*. Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, г.-адъютантъ *Голенищевъ-Кутузовъ*. Генералъ-адъютанты: *Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашовъ, Потаповъ*. Скрѣпилъ: д. ст. сов. *Д. Блудовъ*.

---

[119]) Весьма неохотно, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, и бросили ружья, какъ скоро гусары закричали имъ: сдавайтесь.

[120]) Изъ нихъ: Сухиновъ, Соловьевъ, Щипилла и Мозалевскій преданы военному суду въ 1-й арміи. Ипполитъ Муравьевъ пріѣхалъ къ братьямъ нечаянно въ Васильковъ и остался съ ними вопреки усильнымъ просьбамъ ихъ, особливо Матвѣя, который *предвидѣлъ окончаніе преступнаго ихъ предпріятія*. Онъ говорилъ о томъ на походѣ Бестужеву-Рюмину. *Не надобно терять надежды*, отвѣчалъ Бестужевъ; *если не удастся здѣсь, то не все еще пропало: мы скроемся въ лѣсахъ, проберемся къ Петербургу, и я убью Государя.* Бестужевъ увѣряетъ, что онъ это сказалъ единственно для того, чтобы ободрить Муравьева и удержать его отъ самоубійства.

Прибавленіе къ Донесенію Слѣдственной Коммиссіи.

СПИСОКЪ

лицъ, кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ Обществахъ предаются по Высочайшему повелѣнію Верховному Уголовному Суду, въ силу Манифеста отъ 1-го числа Іюня сего 1826 года.

Сѣвернаго Общества.

1. Князь *Трубецкой*, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса.

2. *Рылѣевъ*, отставной подпоручикъ.

3. Князь Евгеній *Оболенскій*, поручикъ лейбъ-гв. Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всею пѣхотою Гвардейскаго Корпуса генералъ-адъютанта Бистрома 1-го.

4. *Муравьевъ* Никита, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитанъ.

5. *Каховскій*, отставной поручикъ.

6. Князь *Щепинъ-Ростовскій*, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.

7. *Бестужевъ* Александръ, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капит., адъютантъ Его Королевскаго Высочества Герцога Александра Виртембергскаго.

8. *Бестужевъ* Михайло, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.

9. *Арбузовъ*, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

10. *Бестужевъ* Николай, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.

11. *Пановъ*, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

12. *Сутгофъ*, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

13. *Кюхельбекеръ*, коллежскій ассессоръ.

14. *Пущинъ* Иванъ, коллежскій ассессоръ.

15. Князь *Одоевскій*, лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ.

16. *Якубовичъ*, Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ.

17. *Цебриковъ*, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.

18. *Рѣпинъ*, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ.

19. *Муравьевъ,* Александръ, отставной полковникъ.

20. *Якушкинъ,* отставной капитанъ.

21. *Фонъ-Визинъ,* отставной генералъ-маіоръ.

22. Князь *Шаховской* Өедоръ, отставной маіоръ.

23. *Лунинъ,* Михаилъ, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ.

24. *Мухановъ,* лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ.

25. *Митьковъ,* лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ.

26. *Завалишинъ,* 8-го флотскаго экипажа лейтенантъ.

27. *Батенковъ,* корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ.

28. Баронъ *Штейнгель,* отставной подполковникъ.

29. *Торсонъ,* флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника Морскаго Штаба.

30. Князь *Голицынъ* Валеріанъ, камеръ-юнкеръ.

31. *Бѣляевъ* 1.
32. *Бѣляевъ* 2. } гвардейскаго экипажа мичманы.

33. *Дивовъ,* Гвардейскаго экипажа мичманъ.

34. *Бестужевъ* Петръ, мичманъ 27-го флотскаго экипажа.

35. *Свистуновъ,* Кавалергардскаго полка корнетъ.

36. *Анненковъ,* Кавалергардскаго полка поручикъ.

37. *Кривцовъ,* лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ.

38. *Муравьевъ* Александръ, корнетъ Кавалергардскаго полка.

39. *Нарышкинъ,* полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.

40. *Фонъ-деръ-Бригенъ,* отставной полковникъ.

41. *Пущинъ,* лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона капитанъ.

42. *Бодиско* 1-й, Гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

43. *Кюхельбекеръ,* того же экипажа лейтенантъ.

44. *Мусинъ-Пушкинъ,* того же экипажа лейтенантъ.

45. *Акуловъ,* того же экипажа лейтенантъ.

46. *Вишневскій,* того же экипажа лейтенантъ.

47. *Бодиско* 2-й, того же экипажа мичманъ.

48. *Горской,* статскій совѣтникъ.

49. Графъ *Коновницынъ* 1, гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ.

50. *Оржитскій,* отставной штабсъ-ротмистръ.

51. *Кожевниковъ,* лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.

52. *Фокъ,* того же полка подпоручикъ.

53. *Лаппа,* того же полка подпоручикъ.

54. *Назимовъ,* лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ.

55. Баронъ *Розенъ,* лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.

56. *Глѣбовъ,* коллежскій секретарь.

57. *Андреевъ,* лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.

58. *Толстой,* Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ.

59. Графъ *Чернышевъ,* Кавалергардскаго полка ротмистръ.

60. *Чижовъ,* 2-го флотскаго экипажа лейтенантъ.

61. *Тургеневъ* Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Южнаго Общества.

1. *Пестель,* полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.

2. Сергѣй *Муравьевъ-Апостолъ,* Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ.

3. *Бестужевъ-Рюминъ,* Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.

4. *Муравьевъ-Апостолъ* Матвѣй, отставной подполковникъ.

5. *Юшневскій,* 4-го класса, бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи.

6. Князь *Волконскій* Сергѣй, генералъ-маіоръ.

7. *Давыдовъ,* Василій Львовъ сынъ, отставной полковникъ.

8. Князь *Барятинскій,* лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.

9. *Поджіо,* отставной подполковникъ.

10. *Муравьевъ* Артамонъ, Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ.

11. *Повало-Швейковскій,* Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ.

12. *Вадковскій,* Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщикъ.

13. *Тизенгаузенъ,* полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка.

14. *Враницкій,* полковникъ квартирмейстерской части.

15. *Крюковъ,* квартирмейстерской части поручикъ.

16. *Фаленбергъ,* подполковникъ квартирмейстерской части, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи по квартирмейстерской части.

17. *Лореръ,* Вятскаго пѣхотнаго полка маіоръ.

18. *Краснокутскій,* оберъ-прокуроръ Сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

19. *Лихаревъ,* подпоручикъ квартирмейстерской части.

20. *Вольфъ,* штабъ-лѣкарь, состоявшій при главной квартирѣ 2-й арміи.

21. *Крюковъ,* Кавалергардскаго полка поручикъ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.

22. *Поджіо,* отставной штабсъ-капитанъ.

23. *Аврамовъ,* полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.

24. *Норовъ,* отставной подполковникъ.

25. *Янтальцовъ,* подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27.

26. *Ивашевъ,* ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.

27. *Басаргинъ,* лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручикъ, старшій адъютантъ Главнаго Штаба 2-й арміи.

28. *Корниловичъ,* гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ.

29. *Бобрищевъ-Пушкинъ* 1, поручикъ квартирмейстерской части.

30. *Бобрищевъ-Пушкинъ* 2, поручикъ квартирмейстерской части.

31. *Заикинъ,* подпоручикъ квартирмейстерской части.

32. *Аврамовъ,* поручикъ квартирмейстерской части.

33. *Загорѣцкій,* поручикъ квартирмейстерской части.

34. *Поливановъ,* отставной полковникъ.

35. Баронъ *Черкасовъ,* поручикъ квартирмейстерской части.

36. *Фохтъ,* штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.

37. Графъ *Булгари* Николай, поручикъ кирасирскаго Ея Величества полка.

Соединенныхъ Славянъ.

1. *Борисовъ* 1, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
2. *Борисовъ* 2, отставной подпоручикъ.
3. *Спиридовъ,* маіоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. *Горбачевскій,* подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
5. *Бечасновъ,* прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
6. *Пестовъ,* подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
7. *Андреевичъ* 2, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
8. *Люблинскій,* дворянинъ Волынской губерніи.
9. *Тютчевъ,* капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
10. *Громницкій,* поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
11. *Кирѣевъ,* прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
12. *Фурманъ,* капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.
13. *Веденяпинъ* 1, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
14. *Веденяпинъ* 2, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады.
15. *Шимковъ,* прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
16. *Мозганъ,* подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
17. *Ивановъ,* провіантскій чиновникъ 10-го класса.
18. *Фроловъ* 2-й, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.
19. *Мозгалевскій,* подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
20. *Лисовскій,* поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
21. *Выгодовскій,* канцеляристъ.
22. *Берстель,* подполковникъ, бывшій командиръ легкой роты № 2-го 9-й артиллерійской бригады.
23. *Шахиревъ,* Черниговскаго пѣхотнаго полка поручикъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Санктпетербургъ, 15 Декабря (1825).

Вчерашній день будетъ безъ сомнѣнія эпохою въ исторіи Россіи. Въ оный жители столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что Государь Императоръ Николай Павловичъ воспринимаетъ вѣнецъ своихъ предковъ, принадлежащій ему и вслѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаревича Константина Павловича, и по назначенію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи престола. Но Провидѣнію было угодно сей столь вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое внезапно, но лишь на нѣсколько часовъ, возмутило спокойствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія высочайшаго манифеста о вступленіи Его Императорскаго Величества на престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Сvнодъ присягали въ вѣрности Монарху. Въ теченіе утра должны были дать присягу всѣ полки лейбъ-гвардіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли Его Величеству, что присяга учинена полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ Гренадерскимъ, Гвардейскимъ Егерскимъ, Финляндскимъ и Сапернымъ батальономъ. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія; но сему причиною полагали отдаленность ихъ казармъ отъ дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре офицера Гвардейской Конной Артиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, но что прочіе, какъ офицеры, такъ и нижніе чины Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса присягали съ отмѣннымъ и единодушнымъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до свѣдѣнія Его Величества, что часть Московскаго полка (какъ сказывали отъ 3 до 4 сотъ человѣкъ), выступивъ изъ своихъ казармъ, съ распущенными знаменами и провозглашая Императоромъ Великаго Князя Константина Павловича, идетъ на Сенатскую площадь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ дворцемъ. Государь Императоръ вышелъ изъ дворца безъ свиты, явился одинъ народу и былъ встрѣченъ изъявленіями благоговѣнія и любви: отовсюду раздавались усердныя восклицанія. Между тѣмъ двѣ возмутившіяся роты Московскаго полка не смирялись. Онѣ построились въ баталіонъ-карре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоставить имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полка

и, предводительствуя онымъ, приблизился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе, но съ твердымъ намѣреніемъ не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостію и увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подъѣхалъ Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ, что его слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности; но въ ту самую минуту стоявшій возлѣ него человѣкъ во фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь отличнаго военачальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сіе злодѣяніе ни въ чемъ не измѣнило намѣреній Его Императорскаго Величества. Твердость и милость равномѣрно оказывались въ сдѣланныхъ нѣсколько разъ по его повелѣнію увѣщаніяхъ возмутившимся. Государь призывалъ ихъ къ долгу и смиренію, но не внимая никакимъ условіямъ, не скрывая отъ нихъ, что и за самою скорою покорностію долженствуетъ необходимо и во всякомъ случаѣ послѣдовать примѣрное наказаніе зачинщиковъ мятежа.

Между тѣмъ Его Величество далъ приказаніе бывшій въ караулѣ у дворца полкъ Финляндскій Егерскій усилить Саперным батальономъ, а полкамъ Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому Гренадерскому и Лейбъ-Гвардіи Артиллерійской первой бригадѣ явиться къ нему. Всѣ сіи войска ревностно просили дозволенія однимъ ударомъ уничтожить бунтъ и мятежниковъ. Къ симъ послѣднимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ Лейбъ-Гренадерскаго полка и Гвардейскаго Морскаго Экипажа; но съ другой стороны Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который въ ту лишь минуту возвратился въ С.-Петербургъ, узнавши, что часть принадлежащаго къ его дивизіи Московскаго полка обезславила себя возстаніемъ на законную власть, немедленно отправился къ казармамъ и тамъ, даже не употребляя никакихъ строгихъ мѣръ, привелъ къ присягѣ шесть ротъ сего полка, кои при началѣ возмущенія хотя отказывались присягать, однакожъ не хотѣли и слѣдовать примѣру вышедшихъ на Сенатскую площадь. Его Высочество, обязавъ сіи роты клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности Государю Императору Николаю Павловичу, привелъ ихъ къ Августѣйшему Брату своему; онѣ пылали равнымъ съ другими войсками нетерпѣніемъ положить конецъ мятежу.

Но Государь Императоръ еще щадилъ безумцевъ, и лишь при наступленіи ночи, когда уже были вотще истощены всѣ средства убѣжденія, и самое воззваніе преосвященнаго митрополита Серафима пренебрежено мятежниками, Его Величество наконецъ рѣшился, вопреки желанію сердца своего, употребить силу. Вывезены пушки, и немногіе выстрѣлы въ нѣсколько минутъ очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавшихъ, преслѣдуя и хватая ихъ. Потомъ разосланы по всѣмъ улицамъ сильные дозоры, и въ шесть часовъ вечера изъ всей толпы возмутившихся не было уже и двухъ человѣкъ вмѣстѣ: они бросали оружіе, или сдавались въ плѣнъ. Въ десять

часовъ взято было дозорами болѣе пяти сотъ, кои скитались разсѣянные. Виновнѣйшіе изъ офицеровъ пойманы и отведены въ крѣпость.

Въ шесть часовъ вечера, Государь возвратился во дворецъ, и молебствіе, по случаю восшествія Его Императорскаго Величества на престолъ, совершено въ присутствіи Ихъ Величествъ, всего двора и при великомъ стеченіи знатныхъ особъ. Въ городѣ уже было возстановлено повсемѣстное спокойствіе.

Таковы были происшествія вчерашняго дня. Будучи очевидцами оныхъ, мы описали всѣ обстоятельства съ величайшею подробностію и точностію. Они безъ сомнѣнія горестны для всѣхъ Русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душѣ Государя Императора. Но всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего Монарха въ сей памятный день, его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ, съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовалъ Августѣйшій Братъ его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ; наконецъ, всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, въ большую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни также пьяныхъ; и что изъ всѣхъ Гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и Морскаго Экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства:—тотъ конечно съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго; что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи, непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войскъ и общей преданности Русскихъ къ Августѣйшему ихъ законному Монарху. Признанія уже допрошенныхъ важнѣйшихъ преступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ, скорость, съ коею бунтующіе разсѣялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе, все доказываетъ, что они были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени Цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей Его Императорское Высочество самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему явному намѣренію замыслившихъ сей бунтъ: навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія.

Праведный судъ вскорѣ совершится надъ преступными участниками бывшихъ безпорядковъ. Помощію Неба, твердостію правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушаетъ спокойствія столицы, и войска, кои изъ предосторожности провели минувшую ночь на бивуакахъ близъ дворца, возвратились въ казармы.

Нынѣ поутру Государь Императоръ объѣзжалъ всѣ находившіеся при немъ полки и, узнавъ, что рядовые Гвардейскаго Экипажа изъявляютъ живѣйшее раскаяніе, утверждаютъ, что они были вовлечены въ мятежъ обманомъ, и уже въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича дали присягу въ вѣрности,—дозволилъ сему баталіону предстать предъ него, даровалъ имъ великодушное прощеніе и возвратилъ знамя, коего, по волѣ Его Императорскаго Величества, они были лишены вчера. Они со слезами славятъ милосердіе Монарха.

(*Изъ Прибавленія къ номеру 100 Спб. Вѣдомостей 1825 года*).

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Васъ развратило самовластье,
И мечъ его васъ поразилъ,
И въ неподкупномъ безпристрастьи
Сей приговоръ законъ скрѣпилъ.

Народъ, чуждаясь вѣроломства,
Поноситъ ваши имена,
И ваша память для потомства,
Какъ трупъ въ землѣ, схоронена.

О жертвы мысли безразсудной!
Вы уповали, можетъ быть,
Что станетъ вашей крови скудной,
Чтобъ вѣчный полюсъ растопить.

Едва дымясь, она сверкнула
На вѣковой громадѣ льдовъ:
Зима желѣзная дохнула,
И не осталось и слѣдовъ.

(Мюнхенъ.
1827).

КАЗНЬ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Разсказы современниковъ.

I. Разсказъ Шницлера.

Почтенный изслѣдователь новѣйшей Русской Исторіи, Шницлеръ находился въ Петербургѣ съ 1826 году. Нижеслѣдующій разсказъ помѣщенъ во второй части его „Русской исторіи при императорахъ Александрѣ и Николаѣ“ (изд. 1847 г., стр. 305 и слѣд.).

13 (25) Іюля 1826 года, близъ крѣпостнаго вала, противъ небольшой и ветхой церкви Св. Троицы, на берегу Невы, начали съ двухъ часовъ утра устроивать висѣлицу, такихъ размѣровъ, чтобы на ней можно было повѣсить пятерыхъ. Въ это время года Петербургская ночь есть продолженіе вечернихъ сумерокъ, и даже въ ранній утренній часъ предметы можно различать вполнѣ. Кое-гдѣ, въ разныхъ частяхъ города, послышался слабый бой барабановъ, сопровождаемый звукомъ трубъ: отъ каждаго полка мѣстныхъ войскъ было послано по отряду, чтобы присутствовать на предстоявшемъ плачевномъ зрѣлищѣ. Преднамѣренно не объявили, когда именно будетъ совершена казнь; поэтому большая часть жителей покоилась сномъ, и даже чрезъ часъ къ мѣсту дѣйствія собралось лишь весьма немного зрителей, никакъ не больше собраннаго войска, которое помѣстилось между ними и совершителями казни. Господствовало глубокое молчаніе; только въ каждомъ воинскомъ отрядѣ били въ барабаны, но какъ-то глухо, не нарушая тишины ночной.

Около трехъ часовъ тотъ-же барабанный бой возвѣстилъ о прибытіи приговоренныхъ къ смерти, но помилованныхъ. Ихъ распредѣлили по кучкамъ на довольно обширной площадкѣ впереди вала, гдѣ возвышалась висѣлица. Каждая кучка стала противъ войскъ, въ которыхъ осужденные прежде служили. Имъ прочли приговоръ, и затѣмъ ве-

лѣно имъ стать на колѣна. Съ нихъ срывали эполеты, знаки отличій и мундиры; надъ каждымъ переломлена шпага. Потомъ ихъ одѣли въ грубыя сѣрыя шинели и провели мимо висѣлицы. Тутъ же горѣлъ костеръ, въ который побросали ихъ мундиры и знаки отличій.

Только что вошли они назадъ въ крѣпость, какъ на валу появились пятеро осужденныхъ на смерть. По дальности разстоянія, зрителямъ было трудно распознать ихъ въ лица; виднѣлись только сѣрыя шинели съ поднятыми верхами, которыми закрывались ихъ головы. Они всходили одинъ за другимъ на помостъ и на скамейки, поставленныя рядомъ подъ висилицею, въ порядкѣ, какъ было назначено въ приговорѣ. Пестель былъ крайнимъ съ правой, Каховскій съ лѣвой стороны [1]). Каждому обмотали шею веревкою; палачъ сошелъ съ помоста, и въ ту же минуту помостъ рухнулъ внизъ. Пестель и Каховскій повисли; но трое тѣхъ, которые были промежду нихъ, были пощажены смертію. Ужасное зрѣлище представилось зрителямъ. Плохо затянутыя веревки соскользнули по верху шинелей, и несчастные попадали внизъ въ разверстую дыру, ударяясь о лѣстницы и скамейки. Такъ какъ Государь находился въ Царскомъ Селѣ, и никто не посмѣлъ отдать приказъ объ отсрочкѣ казни, то имъ пришлось, кромѣ страшныхъ ушибовъ, два раза испытать предсмертныя муки. Помостъ немедленно поправили и взвели на него упавшихъ. Рылѣевъ, не смотря на паденіе, шелъ твердо, но не могъ удержаться отъ горестнаго восклицанія: «И такъ скажутъ, что мнѣ ничто не удавалось, даже и умереть!» Другіе увѣряютъ, будто онъ, кромѣ того, воскликнулъ: «Проклятая земля, гдѣ не умѣютъ, ни составить заговора, ни судить, ни вѣшать!» [2]) Слова эти приписываются также Сергѣю Муравьеву-Апостолу, который, также какъ и Рылѣевъ, бодро всходилъ на помостъ. Бестужевъ-Рюминъ, вѣроятно потерпѣвшій болѣе сильные ушибы, не могъ держаться на ногахъ, и его взнесли [3]). Опять затянули имъ шеи веревками, и на этотъ разъ успѣшно. Прошло нѣсколько секундъ, и барабанный бой возвѣстилъ, что человѣческое правосудіе исполнилось. Это было въ исходѣ пятаго часа. Войска и зрители разошлись въ молчаніи. Часъ спустя, висѣлица убрана. Народъ, толпившійся въ теченіе дня у крѣпости, уже ничего не видѣлъ. Онъ не позволилъ себѣ никакихъ изъявленій и пребывалъ въ молчаніи.

---

[1]) Для зрителей наоборотъ: Пестель стоялъ на лѣвой сторонѣ, Каховскій на правой.

[2]) Оба эти отзыва болѣе достойны Рылѣева, нежели глупая шутка, которая приписана ему въ книгѣ одного Французскаго путешественника: „Я не ожидалъ, что меня два раза повѣсятъ.“ *Примѣчаніе Шницлера.*

[3]) Его взвели подъ руки. *Примѣчаніе Н. В. Путяты.*

Остальные осужденные были размѣщены по четыре человѣка въ двухколесныя телѣги съ подосланною соломою вмѣсто сидѣнья. Пятьдесятъ два человѣка немедленно отправлены въ долгое и тяжкое изгнаніе. Они ѣхали на Новгородъ, Тверь, Москву, Владимиръ, Нижній, Казань, Екатеринбургъ, Тобольскъ. На пути не рѣдко наносили имъ оскорбленія, такъ что сопровождавшимъ ихъ казакамъ не разъ приходилось оберегать ихъ отъ изъявленій народнаго негодованія.—5 Августа, на первой станціи отъ Петербурга, князьямъ Трубецкому и Волконскому дозволено было проститься съ родными. Въ Январѣ 1827 года въ крѣпости оставалось еще 30 человѣкъ осужденныхъ на каторжную работу.

Такъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, погибли люди, изъ которыхъ многіе могли бы оказать своему отечеству важныя услуги. Преобразовать Россію въ республику, хоть бы и союзную, было неосуществимою мечтою; разсчитывать для этого на войско или на народъ значило обнаруживать грубое незнаніе нравовъ. Кромѣ того, что, слишкомъ часто, личныя выгоды, разсчеты честолюбія, необузданность скрываются подъ личиною усердія къ общему благу, упущено изъ виду главное и самое существенное, именно то, что необходимо имѣть чистыя руки, дабы достойнымъ образомъ служить отечеству и имѣть право браться за его священное дѣло, а средствами къ тому не могутъ быть насиліе и цареубійство.

2. Разсказъ Н. В. Путяты.

Этотъ разсказъ Шницлера вполнѣ вѣренъ. Наканунѣ казни носились о приготовленіяхъ къ ней глухіе слухи. Весь вечеръ я бродилъ по улицамъ Петербурга, грустный и взволнованный. Проходя по Морской, я завидѣлъ огонь на квартирѣ Н. А. Муханова (адъютанта тогдашняго воен. ген.-губернатора П. В. Кутузова), зашелъ къ нему и просидѣлъ у него за полночь, но ничего положительнаго о предстоящемъ событіи не узналъ. По выходѣ отъ Муханова вмѣстѣ съ Неклюдовымъ, влекомые какимъ-то безотчетнымъ, тревожнымъ любопытствомъ, мы направились къ набережной Невы. Исакіевскій мостъ былъ уже разведенъ. Мы взяли яликъ и поплыли мимо Биржи, по малой Невѣ, огибая крѣпость. Скоро намъ послышался стукъ топора и молота. Мы вышли на берегъ и, направляясь по стуку, неожиданно очутились на площади предъ сооружаемою висѣлицею, и остановились тутъ. Осужденные на каторгу въ Сибирь, какъ выходя изъ крѣпости для выслушанія приговора, такъ и возвращаясь въ нее уже въ арестантскомъ платьѣ, шли бодро и взорами искали знакомыхъ въ толпѣ.

Въ числѣ зрителей, впрочемъ состоявшихъ большею частію изъ жителей окрестныхъ домовъ, сбѣжавшихся на барабанный бой, я замѣтилъ барона А. А. Дельвига и Н. И. Греча. Тутъ былъ еще одинъ Французскій офицеръ Де-ла-Рю, только что прибывшій въ Петербургъ въ свитѣ маршала Мармона, присланнаго посломъ на коронацію императора Николая Павловича. Де-ла-Рю былъ школьнымъ товарищемъ Сергѣя Муравьева-Апостола въ какомъ-то учебномъ заведеніи въ Парижѣ, не встрѣчался съ нимъ съ того времени и увидѣлъ его только на висѣлицѣ.

Нѣсколько ночей сряду я не могъ спокойно заснуть. Лишь только глаза мои смыкались, мнѣ представлялась висѣлица и срывающіяся съ нея жертвы.

3. Разсказъ В. И. Беркопфа.

Во время работы для памятника Императору Николаю І-му, при отобраніи свѣдѣній отъ разныхъ лицъ о событіяхъ, изображенныхъ въ барельефахъ, мнѣ довелось узнать многое, что можетъ пригодиться исторіи.

Василій Ивановичъ Беркопфъ, бывшій начальникъ кронверка въ Петропавловской крѣпости, разсказывалъ на вечерѣ у профессора скульптуры барона П. К. Клодта слѣдующее.

Пестель, Бестужевъ-Рюминъ, Муравьевъ-Апостолъ, Рылѣевъ и Каховскій содержались въ Петропавловской крѣпости раздѣльно и были въ тѣхъ самыхъ мундирныхъ сюртукахъ, въ которыхъ были захвачены. До произнесенія смертнаго приговора преступники, навѣщаемые протопопомъ изъ Казанскаго собора, не были скованы; но потомъ были обременены самыми тяжелыми кандалами. Когда для предсмертной исповѣди предложили преступникамъ священника изъ ближайшей церкви Троицы, что у Троицкаго моста, то всѣ отъ онаго отказались и требовали, вполнѣ сознавая всю великость своего преступленія, прежде навѣщавшаго ихъ протопопа, которому приговоренные отдали на память о себѣ часы, перстни и другія находившіяся при нихъ вещи. Кажется, Рылѣевъ, послѣ совершеннаго духовнаго раскаянія, сказалъ: хотя мы и преступники и умираемъ позорною смертію, но еще мучительнѣе и страшнѣе умиралъ за всѣхъ насъ Спаситель міра. Слова же, приписываемыя Пестелю, когда порвались веревки съ петлями: «вотъ какъ плохо Русское государство, что не умѣютъ изготовить и порядочныхъ веревокъ», по рѣшительному завѣренію Беркопфа не были произнесены. Висѣлица изготовлялась на Адмиралтейской Сторонѣ; за громоздкостью везли ее на нѣсколькихъ ломовыхъ извощикахъ чрезъ

Троицкій мостъ. Высочайшій приказъ былъ: исполнить казнь къ 4-мъ часамъ утра, но одна изъ лошадей ломовыхъ извощиковъ, съ однимъ изъ столбовъ для висѣлицы, гдѣ-то въ потьмахъ застряла; почему исполненіе казни промедлилось значительно. Пестель былъ слабѣе и истомленнѣе прочихъ, онъ едва переступалъ по землѣ. Когда онъ, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ и Рылѣевъ были выведены на казнь, уже всѣ въ мундирныхъ сюртукахъ и въ рубашкахъ, они расцѣловались другъ съ другомъ, какъ братья; но когда послѣднимъ вышелъ изъ воротъ Каховскій, ему никто не протянулъ даже руки. По увѣренію Беркопфа, причиною этого было убійство графа Милорадовича, учиненное Каховскимъ, чего никто изъ преступниковъ не могъ простить ему и передъ смертью. Въ воротахъ, чрезъ высокій порогъ калитки, съ большимъ трудомъ переступали ноги преступниковъ, обремененныхъ тяжкими кандалами, что, по мнѣнію Беркопфа, было причиною паденія съ висѣлицы троихъ, а не одного, какъ носился слухъ въ народѣ. Пестеля должны были приподнять въ воротахъ: такъ былъ онъ изнуренъ. Подъ висѣлицею была вырыта въ землѣ значительной величины и глубины яма; она была застлана досками; на этихъ-то доскахъ слѣдовало стать преступникамъ, и когда были бы надѣты на нихъ петли, то доски должно было изъ-подъ ногъ вынуть. Такимъ образомъ казненные повисли бы надъ самой ямой; но, за спѣшностію, висѣлица оказалась слишкомъ высока, или вѣрнѣе сказать, столбы ея недостаточно глубоко были врыты въ землю, а веревки съ ихъ петлями оказались поэтому коротки и не доходили до шей. Вблизи вала, на которомъ была устроена висѣлица, находилось полуразрушенное зданіе Училища Торговаго Мореплаванія, откуда, по собственному указанію Беркопфа, были взяты школьныя скамьи, дабы поставить на нихъ преступниковъ. По предварительномъ испробованіи веревокъ, оказалось, что онѣ могутъ сдержать восемь пудовъ. Самъ Беркопфъ научилъ дѣйствовать непривычныхъ палачей, сдѣлавъ имъ образцовую петлю и намазавъ ее саломъ, дабы она плотнѣе стягивалась. Скамьи были поставлены на доски, преступники встащены на скамьи, на нихъ надѣты петли, а колпаки, бывшіе на ихъ головахъ, стянуты на лица. Когда отняли скамьи изъ-подъ ногъ, веревки оборвались, и трое преступниковъ, какъ сказано выше, рухнули въ яму, прошибивъ тяжестію своихъ тѣлъ и оковъ настланныя надъ ней доски. Запасныхъ веревокъ не было, ихъ спѣшили достать въ ближнихъ лавкахъ, но было раннее утро, все было заперто; почему исполненіе казни еще промедлилось. Однако операція была повторена, и на этотъ разъ совершенно удачно. Спустя малое время, доктора освидѣтельствовали трупы, ихъ сняли съ висѣлицы и сложили въ большую телѣгу, покрывъ чистымъ холстомъ;

но похоронить не повезли, ибо было уже совершенно свѣтло, и народу собралось вокругъ тьма-тьмущая. Поэтому телѣга была отвезена въ тоже запустѣлое зданіе Училища Торговаго Мореплаванія, лошадь отпряжена; а извощику (кажется изъ мясниковъ) наказано прибыть съ лошадью въ слѣдующую ночь.

Во время казни костры пылали около крѣпости; въ нихъ кидали надломленныя шпаги другихъ преступниковъ, которыхъ выводили изъ крѣпости, и такимъ образомъ лишая ихъ дворянскаго достоинства и всѣхъ почестей, отправляли въ Сибирь. Въ слѣдующую ночь извощикъ явился съ лошадью въ крѣпость и оттуда повезъ трупы по направленію къ Васильевскому острову; но когда онъ довезъ ихъ до Тучкова моста, изъ будки вышли вооруженные солдаты и, овладѣвъ возжами, посадили извощика въ будку. Чрезъ нѣсколько часовъ пустая телѣга возвратилась къ тому же мѣсту; извощикъ былъ заплаченъ и поѣхалъ домой.

Примѣчанія.

а). Беркопфъ упоминалъ еще о словахъ Каховскаго, который передъ казнію сказалъ: *щуку поймали, а зубы остались.*

б) Висѣлица была дѣлана подъ надзоромъ гарнизоннаго военнаго инженера Матушкина, который за неисправность висѣлицы былъ разжалованъ въ солдаты на одиннадцать лѣтъ. По прошествіи этого срока, Матушкинъ снова былъ произведенъ въ офицеры и впослѣдствіи самъ разсказывалъ обо всемъ случившемся съ нимъ вице-президенту Петерб. М. Хирургической Академіи И. Т. Глѣбову (бывшему профессору Московскаго Университета), находясь при постройкахъ Академіи.

в) Бывши еще мальчикомъ, я зналъ одного отставнаго военнаго Артемьева, имѣвшаго собственный домъ на Петербургской Сторонѣ, близъ церкви Троицы, который былъ свидѣтелемъ описанной казни, о чемъ онъ неоднократно разсказывалъ, не противорѣча, сколько помню, словамъ Беркопфа,—и разсказывалъ еще, какъ ему удалось похитить фонарь съ мѣста казни на память этой ужасной ночи, что̀ свидѣтельствуетъ, что изготовленія къ казни начались въ глубокую полночь.

г) Тогда о мѣстѣ, которое приняло въ себя трупы казненныхъ, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что ихъ зарыли на островѣ Голодаѣ; другіе увѣряли, что тѣла были вывезены на взморье и тамъ брошены, съ привязанными къ нимъ камнями, въ глубину водъ.

Н. Рамазановъ.

9 Іюля 1866 года.

МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛАЗАРЕВЪ.

ОЧЕРКЪ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е Апрѣля 1851 года, въ Вѣнѣ скончался главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ, адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Въ тѣсномъ кругѣ сослуживцевъ и подчиненныхъ адмирала, вѣсть о его кончинѣ произвела удручающее впечатлѣніе. Въ обществѣ понесенная потеря не была особенно замѣтна. Проведя главнѣйшее служеніе свое на далекой окраинѣ, Михаилъ Петровичъ не принадлежалъ къ числу лицъ, освѣщенныхъ блескомъ близости къ престолу; открывшаяся вакансія по служебнымъ условіямъ была недоступна для лицъ, власть имущихъ, а потому и смерть его не возбуждала честолюбивыхъ замысловъ. Въ газетахъ появились официальные некрологи и увѣдомленіе объ исключеніи изъ *списковъ* адмирала Лазарева.

Но вотъ прошло съ небольшимъ два года послѣ его смерти; надвигалось время тяжелой борьбы съ соединенною Европою, вниманіе общества неожиданно обращено было на эту далекую окраину, гдѣ 19 лѣтъ безшумно, но упорно, дѣйствовалъ почившій. Произошла Синопская битва, и обрадованный славной побѣдою Русскій народъ услышалъ отъ начальствовавшаго въ сраженіи вице-адмирала Нахимова, что успѣхомъ боя онъ былъ обязанъ невидимо носившейся тѣни безсмертнаго *учителя*.

Выключенный изъ временныхъ списковъ, Михаилъ Петровичъ попалъ въ вѣчные списки народныхъ любимцевъ.

Съ тѣхъ поръ имя Лазарева стало всеобщимъ достояніемъ; слава его окрѣпла во время одиннадцати-мѣсячной обороны Севастополя, начавшейся жертвоприношеніемъ *Лазаревскаго* флота и закончившейся мученическою смертію *Лазаревскаго* города.

Теперь едвали можно найти образованнаго Русскаго человѣка, которому бы не было извѣстно имя Лазарева; среди развалинъ Севастополя ему поставленъ великолѣпный памятникъ.

А между тѣмъ, какъ ни странно, но едвали будетъ преувеличеніемъ сказать, что эта окрѣпшая слава, до настоящаго времени—слава миѳическая.

Лазаревъ извѣстенъ какъ создатель и учитель Черноморскаго флота, но едвали многимъ извѣстно, въ чемъ заключалась его работа и ученіе. Не существуетъ не только какого либо его жизнеописанія, но даже и матеріалы къ его составленію крайне скудны. Близость эпохи можетъ служить оправданіемъ только отчасти. Тридцать лѣтъ времени не мало; страсти затихли, сверстники угасли, самую Севастопольскую годину уже заслоняетъ двадцати-пяти-лѣтняя давность.

Конечно, быть можетъ, въ тиши кабинетовъ, очевидцами тѣхъ дней составляются записки, которымъ рано или поздно суждено появиться на свѣтъ; но и теперь уже въ интересахъ дѣла, въ интересахъ возможности взаимныхъ поправокъ, желательно было бы появленіе ихъ въ печати.

Тѣмъ больше значенія пріобрѣтаютъ помѣщаемые въ „Русскомъ Архивѣ" документы. Пусть собственный голосъ Лазарева послужитъ укоромъ для тѣхъ, кто былъ нравственно обязанъ сказать о немъ слово; но пусть же въ свою очередь произведетъ онъ и обычное вліяніе, взывая къ дѣятельности.

Образъ Лазарева достоинъ не лѣниваго слѣпаго поклоненія, а внимательнаго глубокаго изученія; онъ только ждетъ пытливаго взгляда, чтобы изъ учителя Черноморскихъ моряковъ превратиться въ образецъ государственнаго дѣятеля. Въ этомъ нѣтъ преувеличенія. Разсказы лицъ, воспитанныхъ подъ его ближайшимъ руководствомъ, плоды того, что̀ сѣялось имъ съ такою любовью, наконецъ матеріалы, которые впервые обнародываются—служатъ оправданіемъ высказаннаго мнѣнія. Въ облегченіе читателямъ, мы, по просьбѣ издателя, предпосылаемъ краткій очеркъ его малоизвѣстной жизни.

Михаилъ Петровичъ родился во Владимирской губерніи 3-го Ноября 1788 года и по происхожденію принадлежалъ къ старинной, но весьма небогатой дворянской фамиліи. Лишенный покровительства знатныхъ родственниковъ, М. П. съ дѣтства вынужденъ былъ трудомъ пробивать себѣ дорогу. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, но произведенный 23-го Мая 1803 года въ гардемарины, былъ посланъ въ числѣ 30-ти воспитанниковъ въ Англію для изученія морскаго дѣла. Послѣ двухълѣтнихъ плаваній въ Атлантическомъ океанѣ, 27-го Декабря 1805 года, получилъ чинъ мичмана и только 27-го Мая 1808 года возвратился въ Россію. Пятилѣтнее служеніе въ Англійскомъ флотѣ и близкое знакомство съ строемъ Англійской жизни развили въ Михаилѣ Петровичѣ, помимо серьезнаго знакомства съ дѣломъ, строгое сознаніе обязанностей и рѣдкую любовь къ порядку. Лазаревъ не плѣнился внѣшностью, не вернулся человѣкомъ оторваннымъ отъ родной почвы, способнымъ на безплодное порицаніе своего, въ силу чужеземныхъ идеаловъ; нѣтъ, плодомъ его ранней наблюдательности было на всю жизнь сложившееся убѣжденіе, что всякое положеніе человѣка прежде всего возлагаетъ на него обязанности и что съ исполненіемъ этихъ обязанностей тѣсно связана не только служебная, но и личная честь. Этотъ нравственный законъ послужилъ прочнымъ основаніемъ для всей послѣдующей его жизни.

По возвращеніи на родину, Лазареву тотчасъ же пришлось принять участіе въ войнѣ съ своими бывшими товарищами. Заключенный въ предшествовавшемъ году Тильзитскій миръ навязалъ Россіи враговъ Наполеона. Балтійскій флотъ долженъ былъ сражаться противъ соединеннаго Англо-Шведскаго флота. Лазаревъ былъ назначенъ на эскадру адмирала Ханыкова и въ сраженіи при Рогервикѣ вызвался въ числѣ охотниковъ идти на помощь атакованному двумя Англійскими кораблями, кораблю „Всеволоду". Помощь однако не достигла цѣли: послѣ упорной защиты „Всеволодъ" спустилъ флагъ предъ сильнѣйшимъ непріятелемъ; и Лазаревъ въ числѣ прочихъ попался въ плѣнъ. Плѣнъ этотъ продолжался недолго, и въ томъ же году Лазаревъ плавалъ вновь на Ханыковской эскадрѣ. Четыре послѣдующихъ года проведены были Лазаревымъ въ различныхъ крейсерствахъ по Финскому заливу и Балтійскому морю. 1-го Сентября 1813 года, въ чинѣ лейтенанта, Лазаревъ, по предложенію Россійско-Американской Компаніи, принялъ въ командованіе принадлежавшій ей корабль „Суворовъ" и на немъ отправился въ Ситху. Это обстоятельство указываетъ на сложившуюся репутацію молодаго офицера. Самостоятельное командованіе судномъ, до достиженія 25-ти лѣтняго возраста, было явленіемъ необычайнымъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что корабль „Суворовъ" былъ назначенъ въ кругосвѣтное плаваніе. Въ то время несовершенной постройки судовъ, недостатка практики и почти полнаго незнакомства съ океаномъ, кругосвѣтное плаваніе требовало отъ командира гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенныхъ познаній. Нужны были рѣшительность, находчивость, способность не теряться въ разнообразіи неожиданныхъ обстоятельствъ и неослабная осторожность при несовершенствѣ даже географическихъ свѣдѣній. Самая мысль о кругосвѣтныхъ плаваніяхъ была новостью; она возникла при императрицѣ Екатеринѣ, но не приведена была въ исполненіе, вслѣдствіе ожиданія второй Турецкой войны и разрыва дипломатическихъ сношеній со Швеціею. Первыя Русскія суда, совершившія кругосвѣтное плаваніе, принадлежали Россійско-Американской Компаніи, которая, получивъ новыя привилегіи, рѣшилась завести сношенія моремъ съ своими колоніями. Въ 1803 году Компанія снарядила два корабля „Неву" и „Надежду" подъ командою капитанъ-лейтенантовъ: Крузенштерна и Лисянскаго. По возвращеніи въ 1806 году обоихъ кораблей, ободренная первымъ удачнымъ опытомъ доставки грузовъ морскимъ путемъ, Компанія вновь снарядила только что возвратившуюся „Неву" въ кругосвѣтное плаваніе. Наступившее военное время пріостановило дальнѣйшую посылку, и только въ 1813 году явилась возможность снарядить третіе по счету судно. Это судно и былъ корабль „Суворовъ". Путешествіе Лазарева продолжалось три года и, благодаря случайному обстоятельству, обнаружило желѣзную энергію молодаго капитана. Начальникомъ Американскихъ колоній былъ коллежскій совѣтникъ Барановъ, самовластіе котораго заставило Михаила Петровича оставить Ситху. Лазаревъ, подъ выстрѣлами батареи, въ теченіе

одной ночи снарядилъ свой разгруженный корабль и безъ медика и такъ называемаго супергарго, т. е. смотрителя купеческихъ кораблей, ушелъ въ Россію. На обратномъ пути, въ широтѣ 13° и долготѣ 196½°, Лазаревъ открылъ группу изъ пяти необитаемыхъ островокъ, названныхъ имъ группою Суворова. По возвращеніи на родину, Лазареву пришлось давать отчетъ въ самовольномъ поступкѣ и убѣдить Компанію въ справедливости принятаго рѣшенія. Возникшій споръ былъ прекращенъ удаленіемъ Баранова съ поста, ему довѣреннаго. По замѣчанію В. А. Корнилова, трудность возвращенія корабля „Суворовъ" безъ доктора и супергарго, выказала какъ рѣшительный и твердый характеръ Михаила Петровича, такъ и глубокое его знаніе морскаго дѣла, что̀ конечно содѣйствовало позднѣйшему его возвышенію по службѣ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Балтійскомъ морѣ, въ 1819 году Лазаревъ былъ назначенъ командиромъ военнаго шлюпа *Мирный*. Шлюпъ этотъ вошелъ въ составъ ученой экспедиціи изъ двухъ судовъ для изслѣдованій полярнаго южнаго полушарія. Командиромъ экспедиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ втораго шлюпа *Востокъ*, былъ назначенъ капитанъ 2-го ранга Беллинсгаузенъ. Изслѣдованія экспедиціи впервыя заслужили вниманіе къ Русскому флоту всего Европейскаго ученаго міра. *Востокъ* и *Мирный* проникли во льдахъ далѣе чѣмъ кто либо изъ путешествовавшихъ изслѣдователей; они достигли 69° 48′ южной широты и открыли группу островокъ *Маркиза Траверсе*, островъ *Россіянъ*, островъ *Петра Великаго* и берегъ *Императора Александра I*. Въ этомъ путешествіи, продолжавшемся 2 года и 2 мѣсяца, Лазаревъ сдѣлалъ замѣчательное собраніе образцовъ всѣхъ видѣнныхъ имъ судовъ употребляемыхъ дикими и по возвращеніи въ 1821 году былъ награжденъ производствомъ черезъ чинъ въ капитаны 2-го ранга. Но не долго пришлось отдыхать Михаилу Петровичу; въ слѣдующемъ же 1822-мъ году онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата *Крейсеръ* и 24-го Августа отправился въ третье кругосвѣтное плаваніе. Плаваніе это снискало себѣ большую извѣстность въ кругу моряковъ исправнымъ и щегольскимъ состояніемъ фрегата; опытность капитана уже могла воспитывать въ подчиненныхъ безукоризненное знаніе обязанностей и развивала въ сподвижникахъ ту страстную любовь къ морскому дѣлу, которая служила отличительнымъ направленіемъ Лазаревской дѣятельности. Въ числѣ офицеровъ на фрегатѣ *Крейсеръ* находились П. С. Нахимовъ, графъ Путятинъ, Бутеневъ, Купріяновъ и др. Ровно черезъ три года *Крейсеръ* возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія, и Лазаревъ былъ награжденъ чиномъ капитана 1-го ранга. Въ началѣ 1826-го года Михаилъ Петровичъ былъ назначенъ командиромъ строившагося въ Архангельскѣ корабля *Азова*, на которомъ по приходѣ въ Кронштадтъ плавалъ подъ командою адмирала Синявина. Балтійскій флотъ въ началѣ 1827-го года внимательно слѣдилъ за ходомъ дипломатическихъ сношеній по Греческому вопросу; было ясно, что въ случаѣ желанныхъ усложненій на его долю вы-

падало дѣятельное участіе. Эскадра адмирала Сенявина съ 21-го Мая стояла на Кронштадтскомъ рейдѣ. Въ полночь на 10-е Іюня на адмиральскій корабль *Азовъ* прибылъ Императоръ Николай Павловичъ. Послѣ произведенныхъ маневровъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ, Государь присутствовалъ при совершеніи напутственнаго молебствія; за тѣмъ эскадра снялась съ якоря и направилась въ Англію.

Въ Англіи эскадра раздѣлилась. Часть ея подъ начальствомъ Синявина возвратилась въ Кронштадтъ, а другая часть подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Гейдена ушла въ Средиземное море. Оставаясь командиромъ адмиральскаго корабля *Азовъ*, Лазаревъ былъ назначенъ начальникомъ штаба эскадры. Произошелъ Наваринскій бой 27 Октября 1827 и выказалъ съ самой блестящей стороны военно-морскія способности Михаила Петровича. По распоряженію главнокомандовавшаго соединеннымъ флотомъ, вице-адмирала Кодригтона, каждое изъ судовъ эскадры, входя въ Наваринскую бухту, становилось прямо противъ борта того непріятельскаго судна, съ которымъ ему было предназначено сражаться. *Азовъ* сталъ между Англійскаго адмиральскаго корабля *Азія* и Французскаго адмиральскаго фрегата *Сирена*, около Турецкаго адмиральскаго корабля подъ флагомъ начальника Египетской флотиліи Мохаремъ-бея. Во время боя *Азовъ* былъ атакованъ пятью непріятельскими судами различныхъ ранговъ; отбиваясь отъ сильнѣйшаго противника, онъ успѣлъ потопить два судна, но въ виду численнаго превосходства врага поставленъ былъ въ крайне опасное положеніе. Вырученный изъ бѣды Французскимъ кораблемъ *Бреславль*, *Азовъ* не только снова перешелъ въ наступленіе и вывелъ изъ строя остальныя три нападавшія судна, но въ свою очередь подалъ помощь кораблю *Азіи* подъ флагомъ Кодригтона, сцѣпившемуся съ 84-хъ пушечнымъ Египетскимъ кораблемъ. Дѣйствіемъ артиллеріи съ *Азова*, Египетскій корабль былъ взорванъ на воздухъ. Чтобы имѣть понятіе о духѣ господствовавшемъ на палубахъ *Азова* достаточно упомянуть слѣдующіе примѣры: раненые шли на перевязку съ криками ура; одинъ изъ офицеровъ, капитанъ-лейтенантъ Барановъ, желая отдать какое-то приказаніе, приложилъ рупоръ ко рту, какъ вдругъ осколками картечи рупоръ былъ вырванъ изъ его рукъ, при чемъ ему оторвало кисть руки и выбило нѣсколько зубовъ; Барановъ потребовалъ другой рупоръ, лѣвою рукою приложилъ его къ окровавленнымъ губамъ, отдалъ приказаніе и не хотѣлъ оставить своего мѣста до окончанія боя; лейтенантъ Бутеневъ, тяжело раненый въ руку, услышавъ во время ампутаціи, что *Азовъ* атакуетъ Турецкій адмиральскій корабль, вырвался изъ рукъ докторовъ и выбѣжалъ на палубу, дабы быть свидѣтелемъ побѣды.

Въ донесеніи своемъ Государю о славной побѣдѣ, контръ-адмиралъ Гейденъ говоритъ между прочимъ: „Неустрашимый капитанъ 1-го ранга Лазаревъ управлялъ движеніями *Азова* съ хладнокровіемъ, искусствомъ и мужествомъ примѣрнымъ", и далѣе: „Въ семъ сраженіи три адмиральскіе корабля болѣе

всѣхъ потерпѣли, какъ въ убитыхъ и раненыхъ, такъ въ поврежденіи корпуса, рангоута и такелажа. Англійскій и Французскій адмиралы, кромѣ другихъ многихъ поврежденій, потеряли бизань-мачты; у *Азова* всѣ мачты столько пробиты, что при фальшивомъ вооруженіи съ трудомъ можно нести на оныхъ паруса; кромѣ сего, въ одномъ корпусѣ корабля насчитано 153 пробоины, въ томъ числѣ 7 подводныхъ". „Къ чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное ученіе по пушкамъ и порядокъ, въ коемъ служители всегда содержались, были причиною, что корабль *Азовъ* дѣйствовалъ съ такимъ успѣхомъ въ пораженіи и истребленіи непріятеля. Онъ сильнымъ своимъ огнемъ потопилъ два огромные фрегата и корветъ, сбилъ 80 пушечный корабль, который брошенъ на мель и напослѣдокъ былъ взорванъ, истребилъ двухъ-дечный фрегатъ, на коемъ главнокомандующій Турецкаго флота Тагиръ-паша имѣлъ свой флагъ; фрегатъ сгорѣлъ по признанію самаго паши; въ сраженіи изъ 600-тъ человѣкъ было до 500-тъ убитыхъ и раненыхъ". [1])

За Наваринскій бой Лазаревъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Два года послѣ того Михаилъ Петровичъ продолжалъ плаваніе въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, сохраняя званіе начальника штаба. Въ концѣ 1829 послѣдовало Высочайшее повелѣніе части эскадры подъ начальствомъ Михаила Петровича возвратиться въ Кронштадтъ непремѣнно къ 1-му Мая и не заходя по возможности въ иностранные порты. Эскадра, ввѣренная Лазареву, состояла изъ 4-хъ кораблей, трехъ фрегатовъ, 1-го корвета и 1-го брига. Лазаревъ исполнилъ волю Государя и, снарядивъ эскадру, обогнулъ Европу не заходя ни въ одинъ портъ, не смотря на самое бурное время года и если опоздалъ на 12-ть дней противъ назначеннаго срока, то только потому что встрѣтилъ въ Балтійскомъ морѣ льды, задержавшіе его плаваніе.

Два послѣдующихъ года проведены были Лазаревымъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1832-мъ году состоялось назначеніе Михаила Петровича начальникомъ штаба Черноморскаго флота, съ которымъ ему суждено было на вѣки связать свое имя.

Въ то время во главѣ Черноморскаго флота стоялъ адмиралъ Грейгъ, не мало послужившій дѣлу, но уже состарѣвшійся и утратившій необходимую энергію. Кораблестроеніе заставляло многаго желать, благодаря пронырству Евреевъ, сумѣвшихъ завладѣть съ подрядовъ этою важною отраслью. Личный составъ флота переполнился Греками, стремившимися удержать значеніе не столько доблестью и любовью къ дѣлу, сколько подмѣченной въ нихъ еще древнимъ лѣтописцемъ лестью. Замѣтно было отсутствіе живой подбадривающей силы, способной пробудить дремавшій духъ и направить всѣхъ и каждаго къ благородной цѣли совершенствованія.

---

[1]) *Наваринъ*, Богдановича, стр. 49—50.

Съ пріѣздомъ Лазарева все ожило, все почувствовало желѣзную руку, способную не гладить, а поддерживать и направлять. Для Лазарева дѣйствительно не существовало другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ моря: въ нихъ сосредоточивалось его честолюбіе, его надежды, помыслы, весь смыслъ его жизни. Какъ ученый, забывающій весь міръ ради служенія наукѣ, Лазаревъ забывалъ все окружающее ради служенія морскому дѣлу. Опытъ сорокачетырехлѣтней труженической жизни, обширный запасъ разностороннихъ свѣдѣній слились въ его умѣ въ одно представленіе. Онъ не хотѣлъ, а можетъ быть, по свойству природы, и не могъ, разбрасываться; онъ слишкомъ страстно любилъ родное дѣло, чтобы лишить его хотя бы какой либо изъ своихъ способностей и если въ послѣдствіи, вѣчно недовольный результатами, онъ наивно не понималъ за что цѣнили такъ высоко его дѣятельность, то конечно онъ былъ также искрененъ въ своей наивности, какъ добрый семьянинъ неспособный понять похвалу за любовь къ собственному семейству.

Но еще не сразу довелось Лазареву стать въ положеніе самостоятельнаго начальника. Въ Петербургѣ не хотѣли огорчить старика Грейга отставкою, а характеръ Лазарева, чуждый интриги, не домогался ускорить неизбѣжную развязку. Между тѣмъ, въ это самое время, требовалась существенная услуга Черноморскаго флота. Ослабленная войною 1828 — 1829 годовъ, Турція находилась въ критическомъ положеніи. Возстаніе Египетскаго паши Мегмета-Али и быстрые успѣхи его арміи, уже грозившей Константинополю, побудили Императора Николая Павловича къ рѣшительному поступку. Справедливо разсуждая, что для Россіи гораздо выгоднѣе имѣть слабаго сосѣда владѣющаго проливами, чѣмъ сосѣда сильнаго, предпріимчиваго, Государь прибѣгнулъ къ своеобразному способу положить предѣлъ успѣхамъ мятежника. Съ этою цѣлью онъ избралъ генералъ-лейт. Н. Н. Муравьева, который долженъ былъ отправиться въ Александрію съ выраженіемъ императорской воли прекратить непріязненныя дѣйствія, грозя въ противномъ случаѣ вооруженною поддержкою Турціи. Черноморскому флоту приказано было изготовиться для отправленія въ Босфоръ по первому требованію. Любопытные найдутъ подробности о ходѣ переговоровъ и занятіяхъ десантнаго отряда въ изданныхъ Запискахъ Н. Н. Муравьева, имъ же составленныхъ на основаніи веденнаго дневника [2]). Намъ въ данномъ случаѣ интересны современныя замѣтки умнаго и дѣловитаго Муравьева, относящіяся до Черноморскаго флота въ 1833 году и до начальника эскадры М. П. Лазарева.

Для поѣздки Муравьева въ Египетъ, ему былъ данъ фрегатъ *Штандартъ*. Вотъ въ какомъ состояніи находился фрегатъ по показанію Муравьева: „Фрегатъ нашъ дурно держался противъ вѣтра, который усилился

---

[2]) „Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году“.

до такой степени, что мы ничего не могли выиграть лавированіемъ. Сдѣлалась сильная буря, продолжавшаяся постоянно трое сутокъ. Три главные паруса изорвало пополамъ; судно же раскачало до такой степени, что оказалась течь; гнилое дерево стараго фрегата подалось подъ болтами прикрѣпленными къ русленямъ, при коихъ держались ванты бизань-мачты; ванты ослабли, и мачта грозила паденіемъ; руль пересталъ дѣйствовать, что́ отнесли тогда къ сильному волненію. Команда, мало пріобыкшая къ своему дѣлу, до крайности утомилась, такъ что люди однажды отказались было идти на марсъ для работъ. Капитанъ судна Щербачевъ хотя и не переставалъ быть дѣятельнымъ, но не умѣлъ распоряжаться" [1]).

Надо было положить много энергіи, чтобы отвести подобные порядки въ область преданій. Вотъ почему намъ особенно цѣнны показанія Муравьева о Лазаревской дѣятельности въ ту эпоху. Назначенный начальникомъ эскадры Черноморскаго флота для вспомоществованія союзной Турціи, Лазаревъ съ первымъ отрядомъ судовъ покинулъ 2-го Февраля Севастопольскій рейдъ и 8-го числа того же мѣсяца бросилъ якорь въ Босфорѣ. Въ проливъ Лазаревъ вступилъ вопреки данныхъ ему приказаній, ссылаясь, по словамъ Муравьева, на постоянную отговорку моряковъ—вѣтеръ. Послѣдствія однако оправдали смѣлый поступокъ Михаила Петровича. Поставленный въ близкія сношенія съ Муравьевымъ, Лазаревъ, какъ можно судить по общему тону выраженій автора Записокъ, не пользовался его особенной привязанностью и главнымъ образомъ, какъ кажется, возбуждалъ затаенное неудовольствіе Муравьева исключительной заботливостью о флотѣ. Но именно съ этой-то стороны онъ намъ и дорогъ. Лазаревъ не сдѣлалъ ни одной ошибки, которая бы повредила ходу дѣлъ; а что онъ не занимался дипломатіей, вовсе до него не относившейся, то это можетъ быть вмѣнено ему только въ заслугу. Вотъ какъ между прочимъ выражается о Лазаревѣ Муравьевъ: „Лазаревъ сдѣлался извѣстнымъ послѣ Наваринскаго сраженія, гдѣ онъ, командуя адмиральскимъ кораблемъ *Азовомъ*, отличался дѣятельностью и храбростью. Онъ имѣлъ достаточное образованіе для морскаго офицера, былъ довольно начитанъ по части морскаго дѣла, путешествовалъ; но въ занятіяхъ своихъ до того времени едва-ли выходилъ изъ границъ званія командира корабля; еще недолгое время былъ начальникомъ штаба Черноморскаго флота, не обнялъ вполнѣ новой обязанности своей и былъ взыскателенъ только по наружному отправленію службы. Онъ чуждался всякихъ сношеній съ Турками, потому что обращеніе ихъ казалось ему дико, и что необычайность такого рода сношеній не соотвѣтствовала тѣмъ служебнымъ занятіямъ, къ коимъ онъ издавна привыкъ. Пребывая въ Босфорѣ, онъ много заботился объ устроеніи судовъ, со-

[1]) Стр. 151.

стоявшихъ подъ его начальствомъ; но затѣмъ не хотѣлъ или не умѣлъ вникнуть въ обстоятельства того времени, а потому и устранялъ отъ себя всѣ распоряженія, выходившія изъ круга его прямыхъ обязанностей какъ командира эскадры [4]).

Замѣтка эта, свидѣтельствующая о характерѣ занятій Лазарева въ Босфорѣ, какъ уже замѣчено нами, можетъ и въ остальномъ, т.-е. въ отчужденности его отъ неподлежащаго ему круга вѣдѣнія, служить только похвалою. Исполнивъ возложенную на него задачу, Лазаревъ въ Іюнѣ возвратился въ Севастополь, при чемъ еще во время бытности эскадры въ Босфорѣ произведенъ былъ въ чинъ вице-адмирала, а по возвращеніи (1-го Іюля) возведенъ въ званіе генералъ-адъютанта.

2-го Августа того же года Михаилъ Петровичъ былъ назначенъ исправляющимъ должность главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, а въ 1834 году утвержденъ въ новыхъ обязанностяхъ. Назначеніе это, состоявшееся по личному выбору покойнаго Государя, въ Черномъ морѣ встрѣчено было всеобщимъ сочувствіемъ. Предшествовавшая репутація первокласснаго моряка-практика и теоретика, испытанная твердость характера, неподкупная честность и беззавѣтная любовь къ морскому дѣлу возбуждали радужныя надежды. Людская зависть однако не дремала; и въ то время было не мало лицъ гораздо старшихъ по службѣ и по чину, изъ коихъ нѣкоторые, какъ свидѣтельствуетъ печатаемая переписка, старались дѣлать затрудненія своему счастливому товарищу. Впрочемъ Михаилъ Петровичъ личными заслугами и сказавшимся наглядно довѣріемъ Государя снискалъ себѣ вѣскихъ доброжелателей. Во главѣ таковыхъ стоялъ всесильный графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ. Записки Муравьева указываютъ на время ихъ сближенія; говоря о пріѣздѣ Орлова въ Константинополь, въ качествѣ полномочнаго посла при султанскомъ дворѣ, Муравьевъ говоритъ: „Обхожденіе его съ Лазаревымъ было гораздо дружественнѣе отъ того, можетъ быть, что Лазаревъ съ самаго начала былъ почти чуждъ политическихъ дѣлъ, нынѣ порученныхъ графу Орлову. Лазаревъ имѣлъ болѣе случаевъ съ нимъ видѣться. Корабль его стоялъ близко отъ дворца нашего, и онъ всякій день съ нимъ видѣлся“. Догадка Муравьева о причинѣ дружественнаго обхожденія Орлова съ Лазаревымъ едва ли справедлива; не вѣрнѣе ли предположить, что по началу Орловъ выказывалъ расположеніе начальнику эскадры въ силу полученныхъ наставленій отъ Государя, а затѣмъ и самъ сталъ цѣнить характеръ своего подчиненнаго. Ясность въ направленіи дѣятельности и энергія дѣйствуютъ неотразимо, а Лазаревъ привлекалъ къ себѣ именно этими качествами.

---

[4]) Стр. 200.
[5]) Стр. 332.

Но что Орловъ дѣйствительно расположился къ Лазареву, свидѣтельствуется слѣдующею выдержкой изъ письма адъютанта Лазарева, капитана 1-го ранга К. И. Истомина, писаннаго черезъ 12 лѣтъ, а именно въ 1845 году. Въ то время въ Италіи пребывали покойный Государь съ покойною Императрицею. Въ распоряженіи ихъ величествъ находилось нѣсколько судовъ Балтійскаго флота и Черноморскій пароходъ *Бессарабія* подъ начальствомъ Истомина. Вотъ что между прочимъ отъ 5-го Декабря пишетъ Истоминъ Михаилу Петровичу: „Не знаю, какъ выразить чувства благодарности графу Орлову: онъ во всемъ и при каждомъ случаѣ бралъ сторону нашу, всегда мнѣ говорилъ обо всемъ, давалъ наставленія. Онъ рѣшительный и чистосердечный партизанъ Черноморскаго флота“. Другимъ, быть можетъ и не столь чистосердечнымъ, по свойству характера, доброжелателемъ былъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ. Личность покойнаго князя еще требуетъ внимательнаго, а главное—безпристрастнаго изученія. Несомнѣнно человѣкъ большаго ума и замѣчательнаго образованія, Меншиковъ не пользовался во флотѣ любовью. Нелюбовь эта могла вытекать изъ княжескаго нрава, слегка презрительнаго къ людямъ, могла объясняться и отношеніемъ князя къ морскому дѣлу, удѣлявшаго слишкомъ много мѣста различнымъ продѣлкамъ въ ущербъ сущности. Но князь былъ человѣкъ преданный и Россіи, и Государю; онъ самъ могъ быть доволенъ, въ тѣхъ случаяхъ когда продѣлки становились ненужными, а потому могъ искренно уважать и цѣнить Михаила Петровича, въ отношеніи котораго и помыслить о продѣлкахъ было невозможно. Восьмнадцатилѣтняя переписка ихъ носитъ строгій характеръ дѣловитости. Лазаревъ находитъ въ Меншиковѣ начальника всегда готоваго оказать ему всякое содѣйствіе, и Лазаревъ дорожитъ этими отношеніями; никогда не обращаясь къ Меншикову въ качествѣ личнаго просителя, Лазаревъ пріобрѣтаетъ законное право ходатайствовать безпрерывно и неутомимо за ввѣренную ему часть, и переписка между ними свидѣтельствуетъ, что Меншиковъ всегда выполняетъ просьбы своего подчиненнаго. Меншиковъ-острякъ, Меншиковъ-балагуръ стушевывается: остается только начальникъ Главнаго Морскаго Штаба, дружески расположенный къ главному командиру Черноморскихъ портовъ.

Крѣпкій личнымъ довѣріемъ Государя, обезпеченный сочувствіемъ двухъ наиболѣе близкихъ Государю лицъ, изъ коихъ одинъ былъ прямымъ его начальникомъ, Лазаревъ увѣренно и спокойно могъ приняться за работу. Главное вниманіе его обращено было на одновременное развитіе духа и тѣла флота. Служа примѣромъ неутомимой дѣятельности, онъ требовалъ отъ подчиненныхъ не занятій между прочимъ, а посвященія всѣхъ силъ избранному поприщу. Характеристика, сдѣланная имъ Павлу Степановичу Нахимову—„душею чистъ и любитъ море“ служила указаніемъ его идеала. Только чистые душею могли разсчитывать попасть въ кружокъ его приближенныхъ. Честность безукоризненная, фанатическая заботливость о казенной копѣйкѣ со-

ставляли первое условіе избраннаго круга. Въ то время смѣшенія понятій казеннаго и собственнаго интереса, Лазаревъ смѣло могъ написать Меншикову: „На дняхъ представлена на утвержденіе смѣта за подписомъ Богданова въ 12.806 рубл. с. на исправленіе занимаемаго мною дома. Но я соглашусь скорѣе жить въ конурѣ, нежели допустить подобное грабительство“ [*]). Направленіе, даваемое начальникомъ, волною расходилось по всему кругу подчиненныхъ. Походная церковь и казенный ящикъ составляли двѣ корабельныя святыни. Чтобы пріохотить молодыхъ офицеровъ къ морю, Лазаревъ занимался усиленною постройкою судовъ мелкаго ранга. Его упрекали въ напрасной тратѣ, утверждая, что подобныя суда ни на что не пригодны; но Лазаревъ отвѣчалъ, что офицеръ, бывшій командиромъ въ лейтенантскомъ чинѣ, никогда не разстанется съ моремъ. Послѣдствія оправдали его надежды. Духъ соревнованія развивался до болѣзненности; заслужить похвалу адмирала составляло высшую награду, подвергнуться его неудовольствію—тяжелое наказаніе. Не было мелочи, на которую онъ не обращалъ бы вниманія; въ его глазахъ все что составляло наименьшую частичку общаго дѣла уже было серіозно. Въ письмѣ отъ 1-го Іюля 1842 г. В. А. Корниловъ, командовавшій кораблемъ „*Двѣнадцать Апостоловъ*“, пространно разсуждая о ситцѣ для корабельной мебели, пишетъ между прочимъ: „Извините, что я васъ отвлекаю можетъ быть отъ важныхъ занятій такими мелочами. Но что же дѣлать? Вы сами пріучили насъ на службѣ ничего не считать мелочью“. Уже на первыхъ порахъ, приглядываясь къ личному составу подчиненныхъ, Лазаревъ намѣтилъ своихъ будущихъ любимцевъ; переписка съ княземъ Меншиковымъ указываетъ, правъ-ли былъ онъ въ сдѣланномъ выборѣ?

Считая необходимостью здоровому духу дать здоровое тѣло, Лазаревъ безотлагательно приступилъ къ улучшенному кораблестроенію. Тяжела была борьба его съ установившимися подрядными порядками; Евреи и инженеры, какъ свидѣтельствуетъ переписка, возбуждали въ немъ неодолимую энергію для борьбы, и въ скоромъ времени Лазаревское адмиралтейство стало образцовымъ. Изъ нѣдръ этого адмиралтейства за 18-тилѣтнее управленіе Черноморскимъ флотомъ вышелъ опредѣленный комплектъ линейныхъ судовъ, въ томъ числѣ 14 кораблей и 6 фрегатовъ. Суда эти, отличаясь прочностью и изяществомъ отдѣлки, обращали на себя не только вниманіе соотечественниковъ, но и чужеземцевъ. Быстрый ростъ морской силы на Югѣ Россіи уже возбуждалъ ревнивыя опасенія всемірныхъ мореплавателей; велика должна была быть ихъ затаенная радость въ сознаніи, что недостатокъ денежныхъ средствъ лишитъ Лазарева возможности довести дѣло не до конца опредѣленнаго положенными штатами, а до конца намѣченнаго его государственнымъ умомъ. Замѣчатель-

---

[*]) Письмо отъ 21-го іюля 1840 г.

ный хозяинъ, Лазаревъ, высчитывая ограниченныя средства, отпускаемыя на кораблестроеніе, считаетъ грѣхомъ рисковать хотя бы ничтожною суммою; прислушиваясь къ мнѣніямъ иностранныхъ знатоковъ и приглядываясь къ ихъ опытамъ, Лазаревъ боится еще не вполнѣ опредѣлившихся достоинствъ винтоваго двигателя и стоитъ за колесные пороходы. Страхъ ошибки и непроизводительной затраты сдерживаетъ его порывы; холодный разсчетъ и сознаніе отвѣтственности предъ Государемъ и родиной въ расходованіи народныхъ денегъ заставляетъ его принимать только то чтò уже не подлежитъ сомнѣнію. Но и колесные пароходы большаго ранга не даются Лазареву. Недостатокъ средствъ кладетъ преграду его дѣятельности! Для постройки судовъ сооружены адмиралтейства въ Николаевѣ и Новороссійскѣ, и вырабатывается планъ и приготовляется мѣсто для таковаго же въ Севастополѣ. Этому послѣднему не суждено однако было возникнуть при жизни Михаила Петровича; но по смерти его, по высочайшему повелѣнію, оно названо *Лазаревскимъ*. По свидѣтельству лицъ составлявшихъ Лазаревскій некрологъ, Гидрографическое Депо, почти не существовавшее въ 1833 году, приведено въ состояніе согласное требованіямъ времени; въ немъ выгравировано много прекрасныхъ картъ, напечатано много правилъ, положеній, руководствъ, лоцій и другихъ книгъ, относящихся до морскаго искусства; изъ нихъ изданіе атласа Чернаго Моря можно назвать трудомъ совершеннымъ и изящнымъ.

Параллельно съ спеціальными работами по флоту идутъ классическія постройки въ Севастополѣ, и ни одна мелочь не ускользаетъ отъ вниманія главнаго руководителя. Дважды воздвигается „библіотека для морскихъ офицеровъ" сначала въ 1844-омъ году, а затѣмъ, по истребленіи пожаромъ, въ 1849. Приводится къ окончанію капитальная постройка Севастопольскихъ доковъ; строится въ античномъ Греческомъ стилѣ церковь Петра и Павла; домъ Морскаго Собранія, Дѣвичье училище и т. п. Укрѣпленный Севастополь ростетъ годъ отъ году и служитъ предметомъ общаго удивленія. Адмиралъ все не доволенъ, и шире, шире ростутъ его замыслы, уже подтачиваемые въ корнѣ смертельною болѣзнію.

Пріѣзды Государя въ Севастополь служили для Лазарева постояннымъ торжествомъ; тогда сдавалъ онъ свои блестящіе экзамены. Со всякимъ пріѣздомъ закрѣплялась связь Монарха и избраннаго имъ помощника, и ниже мы увидимъ, что въ оцѣнкѣ трудовъ Михаила Петровича покойный Императоръ обнаруживалъ трогательную мягкость сердца.

Въ упомянутомъ уже письмѣ командира Бессарабіи отъ 5-го Декабря 1845 г. капитанъ 1-го ранга Истоминъ пишетъ: „Государь неоднократно въ присутствіи всѣхъ мнѣ начиналъ расхваливать Черноморскій флотъ; и я могу сказать безъ всякихъ преувеличеній, что въ семъ случаѣ похваламъ его не было мѣры. Онъ говорилъ, что во всемъ нашелъ совершенство; подробно разбиралъ всѣ мелочи, красоту и превосходную обдѣлку кораблей, устройство

и порядокъ адмиралтействъ; и обращаясь къ Гейдену говорилъ, что даже по фрунтовой части Черноморскіе экипажи нисколько не отстали отъ Балтійскихъ, такъ, что если перешить нумера на погонахъ, во фронтѣ не узнаешь однихъ отъ другихъ“.

Дѣятельность адмирала не ограничивалась высшимъ руководительствомъ; въ 1838, 1839 и 1840 гг. Михаилъ Петровичъ лично предводительствовалъ эскадрою съ дессантнымъ войскомъ генерала Раевскаго и облегчилъ своею распорядительностью высадку на Кавказскихъ берегахъ. „Государь Императоръ, въ уваженіе отлично-полезнаго содѣйствія Черноморскаго флота въ занятіи прибрежныхъ пунктовъ, на коихъ возведены укрѣпленія, высочайше повелѣть соизволилъ: одно изъ нихъ (на р. Псезуапе) назвать именемъ храбраго и распорядительнаго начальника, подъ предводительствомъ коего морскія силы, явивъ постоянное примѣрное усердіе, неутомимость на судахъ и въ сраженіяхъ съ Горцами, благородное соревнованіе съ сухопутными войсками, значительно облегчили исполненіе предлежавшихъ предпріятій“.

Неутомимый въ исполненіи прямыхъ обязанностей, коихъ при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу было слишкомъ достаточно, Лазаревъ находилъ время вести самую обширную переписку не только съ лицами начальствующими подобно князю Меншикову, или съ равными подобно князю Воронцову, но и съ подчиненными, и письма его къ послѣднимъ, всегда строго дѣловыя, по объему и обработкѣ ничѣмъ не отличались отъ первыхъ. Мало того, каждое письмо, первоначально написанное на черно, носитъ на себѣ слѣды упорной работы, дабы чего-нибудь не пропустить и мысли своей придать совершенную ясность, предупреждающую самую возможность неправильнаго толкованія.

Всѣ эти труды не пропадали даромъ; къ концу своего поприща Михаилъ Петровичъ уже имѣлъ великое утѣшеніе видѣть богатые плоды взлелѣянной нивы. Лазаревскіе ученики выросли въ зрѣлыхъ мужей, Черноморскій флотъ составлялъ гордость Россіи и зависть иноземцевъ, красавецъ-Севастополь росъ не по днямъ, а по часамъ. Въ свою очередь, по выраженію поэта,

„И юный Лазарева флотъ,
Краса и честь Евксинскихъ водъ,
Вождемъ великимъ утѣшался,
Руками чьими созданъ былъ
Чей духъ высокій затаилъ“...

Но увы, не долго ученикамъ суждено былъ утѣшаться великимъ вождемъ. Въ 1845-мъ году Михаилъ Петровичъ почувствовалъ первые признаки той страшной болѣзни, которая, усилившись къ концу сороковыхъ годовъ, свела его въ преждевременную могилу. Какъ бы предчувствуя скорую утрату дорогаго соотечественника, различныя общества и учрежденія спѣшили выразить

ему свое уваженіе; такъ Михаилъ Петровичъ былъ избранъ: почетнымъ членомъ Казанскаго университета, членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и почетнымъ членомъ Географическаго Общества. Продолжая выражать покойному адмиралу свое неизмѣнное благоволеніе, императоръ Николай Павловичъ постепенно награждалъ его высшими знаками отличій до ордена Святаго Андрея Первозваннаго включительно, пожалованнаго Михаилу Петровичу при самомъ лестномъ рескриптѣ 6-го Декабря 1850 года. Это была уже послѣдняя награда. Мучительный недугъ подтачивалъ слабѣющія силы, но вѣрный долгу Михаилъ Петровичъ не покидалъ ввѣреннаго ему поста. Страдая ракомъ желудка, болѣе 4-хъ мѣсяцевъ почти не принимая пищи, Лазаревъ подавлялъ страданія и продолжалъ занятія. Въ Январѣ 1851 года Михаилъ Петровичъ, подчиняясь совѣту врачей, переѣхалъ въ Одессу; здѣсь 15-го Февраля получилъ онъ послѣднее доказательство любви и уваженія Государя. Императоръ отъ 3-го Февраля почтилъ его слѣдующимъ рескриптомъ:

„Съ искреннимъ соболѣзнованіемъ узнавъ о разстроенномъ состояніи вашего здоровья, я поручилъ начальнику Главнаго Морскаго Штаба моего выразить вамъ какъ участіе мое, такъ и желаніе, чтобы вы поспѣшили прибѣгнуть къ врачебнымъ пособіямъ для возстановленія вашихъ силъ. Усматривая изъ вашего къ нему отзыва, что, не смотря на утомленіе васъ болѣзнію, вы продолжаете неослабно заниматься дѣлами, я опасаюсь, чтобы труды, для которыхъ по свойственной вамъ ревности къ любимому вами дѣлу, вы не щадите себя, не усугубили еще болѣе вашихъ страданій. А потому, если только съ желаніемъ вашимъ согласно, временно отдохнуть отъ занятій и путешествіе на воды за границу, или куда либо, по совѣту врачей, можетъ быть для вашего здоровья цѣлебно: то я, озабочиваясь сохраненіемъ цѣнимой мною дѣятельной и полезной службы вашей, не токмо дозволяю вамъ, но даже прошу, послѣдовать указаніямъ медиковъ, не стѣсняясь нисколько лежащими на васъ обязанностями, какъ по званію главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, такъ и Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора, которыя вы передадите впредъ до особаго распоряженія старшему по васъ генералъ-лейтенанту Берху".

„На путевыя же издержки, при сохраненіи вамъ всего получаемаго вами на службѣ содержанія, разрѣшаю вамъ взять, безотчетно, двѣ тысячи червонцевъ, или равную имъ стоимость другою монетою, изъ суммъ въ вашемъ распоряженіи находящихся".

„Дай Богъ вамъ скораго и совершеннаго выздоровленія, чтобы потомъ съ тѣмъ же усердіемъ и съ тою же пользою, какими всегда отличалось достохвальное ваше служеніе, продолжать его престолу и отечеству. Этимъ искреннимъ желаніемъ, сопутствуя вамъ всюду, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный."

Вскорѣ по полученіи этого рескрипта Лазаревъ выѣхалъ за границу, но было уже поздно. Медицинская помощь оказалась безсильною, и въ ночь на 11-е Апрѣля 1851 года въ Вѣнѣ, окруженный членами семьи, Михаилъ Петровичъ скончался. Горестно откликнулась страшная вѣсть въ сердцахъ Черноморскихъ моряковъ. Всѣмъ было ясно, что замѣнить Лазарева невозможно; одно служило нѣкоторымъ утѣшеніемъ для страстно привязанныхъ къ его памяти подчиненныхъ: останки Лазарева возвращались въ Россію. Они дѣйствительно вернулись, согласно волѣ почившаго, и похоронены въ его Севастополѣ.

В. И.

ПЕРЕПИСКА М. П. ЛАЗАРЕВА СЪ КНЯЗЕМЪ А. С. МЕНШИКОВЫМЪ *).

I.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Секретно.

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ!

Для соображенія удобнѣйшихъ мѣръ къ перевозкѣ сухопутныхъ десантныхъ войскъ изъ нашихъ Черноморскихъ портовъ въ Босфоръ, на случай, еслибы сіе оказалось нужнымъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ бывшую въ недавнемъ времени переписку вашу съ г. генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ по сему предмету, съ присовокупленіемъ дополнительныхъ соображеній вашего превосходительства, кои вы, милостивый государь, могли бы счесть нужными.

Вмѣстѣ съ нимъ я обязываюсь также просить покорнѣйше ваше превосходительство сообщить мнѣ виды ваши въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Еслибы флотъ непріятельскій прибылъ въ Босфоръ прежде нашихъ дессантныхъ войскъ и прошелъ въ Черное море.

2) Если бы нашъ флотъ находился уже въ сіе время также въ морѣ.

3) Еслибы непріятельскіе флоты появились въ превосходныхъ силахъ предъ Севастополемъ, заставъ нашъ флотъ въ гавани. Въ семъ случаѣ какъ полагали бы вы, милостивый государь, расположить нашъ

---

*) Письма Лазарева печатаются здѣсь съ черновыхъ его собственноручныхъ подлинниковъ. П. Б.

флотъ въ Севастопольской губѣ, для обороны и отраженія покушеній непріятеля, доставя мнѣ таковому расположенію флота хотя примѣрный чертежъ.

Ожидая по всѣмъ симъ предметамъ извѣщенія вашего превосходительства при первой возможности, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга князь Меншиковъ.

С. Петербургъ, 13 Генваря 1836 г.

2.

Лазаревъ князю Меншикову.

Секретно.

Николаевъ, 31 Генваря 1836.

Ваша свѣтлость, князь Александръ Сергѣевичъ!

На вопросы, изложенные въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашей свѣтлости отъ 13-го сего мѣсяца, симъ честь имѣю отвѣтствовать:

1) Еслибы флотъ непріятельскій прибылъ въ Босфоръ прежде нашихъ десантныхъ войскъ и прошелъ бы въ Черное море, то полагая, что сего не можетъ иначе случиться какъ съ согласія Турецкаго правительства, въ такомъ разѣ высадка нашего десанта въ Босфорѣ состояться уже не можетъ. Если же входъ въ Дарданеллы военнымъ судамъ по прежнему останется воспрещеннымъ, тогда я позволяю себѣ думать, что непростительно бы было съ нашей стороны не успѣть высадить въ Босфорѣ десанта прежде появленія туда непріязненной эскадры, буде только войска для сего назначенныя состоять будутъ въ совершенной готовности.

2) Если бы нашъ флотъ находился въ сіе время также въ морѣ (полагая съ десантомъ), то долженъ немедленно возвратиться въ Севастополь и десантъ высадить: ибо, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, вся невыгода остается на сторонѣ тѣхъ судовъ, на коихъ десантъ находится, будучи загромождены множествомъ вещей оному принадлежащихъ, которыя по неимѣнію мѣста обыкновенно помѣщаются между орудіями. Ежели же флотъ нашъ будетъ тогда въ морѣ безъ десанта, то атаковать оный въ морѣ или принять сраженіе въ портѣ зависить будетъ отъ силы и числа кораблей оный составляющихъ.

3) Еслибы непріятельскіе флоты появились въ превосходныхъ силахъ предъ Севастополемъ, заставъ нашъ флотъ въ гавани: въ такомъ случаѣ я полагалъ бы расположить флотъ по прилагаемой при семъ диспозиціи. При сихъ обстоятельствахъ необходимость требуетъ, чтобы одинъ пароходъ безотлучно находился при посланникѣ нашемъ въ

Константинополѣ для извѣщенія о всѣхъ дѣйствіяхъ непріятельскихъ эскадръ.

Какъ главнѣйшая оборона Севастополя состоитъ въ исправности укрѣпленій онаго (чего теперь нѣтъ), въ искусныхъ артиллеристахъ и достаточномъ числѣ сухопутныхъ войскъ на случай высадки десанта, безъ котораго рѣшительнаго удара на Севастополь сдѣлать невозможно: то необходимо прислать знающихъ свое дѣло инженеровъ для временнаго хотя укрѣпленія онаго; ибо тѣ укрѣпленія, которыя предположено еще сдѣлать (смотря по произведеннымъ работамъ) продолжатся на нѣсколько лѣтъ. Артиллеристовъ нужно столько, чтобы всѣ орудія, на крѣпостяхъ поставленныя, были управляемы ими; ибо тогда только можно ожидать успѣха въ цѣльной стрѣльбѣ. Что же касается до сухопутныхъ войскъ, то ежели къ тѣмъ, которыхъ согласно прошлогоднему примѣру пришлютъ для крѣпостныхъ работъ, назначатъ и просимыхъ для срытія мыса подъ новое адмиралтейство, то во всякомъ случаѣ будетъ оныхъ достаточно, и Севастополь при таковыхъ распоряженіяхъ (утвердительно можно сказать) не будетъ подверженъ никакой опасности и при самыхъ дерзкихъ попыткахъ непріятеля.

При семъ, согласно требованію вашей свѣтлости, честь имѣю доставить бывшую по предмету перевозки войскъ изъ Черноморскихъ портовъ въ Босфоръ переписку мою съ генераломъ-адъютантомъ Муравьевымъ, присовокупляя, что съ того времени оказавшіяся по осмотру весьма важныя поврежденія и гнилости въ рангоутахъ [1]) были причиною, что съ 1-го Октября прошлаго года и по сіе время весь портъ обращенъ къ мачтовой должности, дабы сколь можно поспѣшить привести суда въ такую готовность, чтобы по первому повелѣнію могли быть вооружены,—и я надѣюсь, что въ продолженіи наступающаго Февраля мѣсяца всѣ недостатки сіи будутъ пополнены. Они произошли какъ отъ дурнаго свойства лѣса, изъ котораго рангоуты на судахъ сихъ были сдѣланы, такъ и отъ того, что діаметры рангоутныхъ вещей (въ особенности мачтъ и нижнихъ реевъ) были крайне недостаточны противу тѣхъ размѣреній, какія употребляются нынѣ; притомъ же они сплочены и окованы были весьма дурно. Фрегатъ «Тенедосъ», по возвращеніи своемъ изъ Абхазской экспедиціи, также оказался по корпусу весьма неблагонадежнымъ и требуетъ столь значительнаго исправленія, что къ ранней кампаніи никакъ изготовленъ быть не можетъ, какъ равно и корабли «Пантелеймонъ» и «Іоаннъ Златоустъ»: первый изъ нихъ по ветхости своей требуетъ значительныхъ подкрѣ-

---

[1]) Рангоутами называется все деревянное вооруженіе морскаго судна.

пленій, чтобъ могъ по удостоенію коммиссіи прослужить еще одинъ годъ; а послѣдній перетимбированъ во всей надводной части и окончательно отдѣлывается.

Въ заключеніе имѣю честь представить вашей свѣтлости вѣдомости какъ о судахъ составляющихъ Черноморскій флотъ съ показаніемъ, на которыхъ изъ нихъ продолжаются еще исправленія, такъ равно и о состояніи нынѣ наличныхъ чиновъ съ показаніемъ недостатка ихъ. Изъ одной изъ сихъ послѣднихъ ваша свѣтлость усмотрите, что сверхъ рядовыхъ судовъ 1200 человѣкъ (не полагая никакихъ расходовъ) недостанетъ команды и на «Парижъ», который предполагается вооружить и поставить вмѣсто батареи въ Артиллерійской Бухтѣ; но въ такомъ случаѣ одно средство будетъ: снять людей съ мелкихъ судовъ и транспортовъ и для уравненія убавить по нѣскольку съ прочихъ кораблей.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 20 Февраля 1836.

Ваша свѣтлость!

Ежели новые штаты настоящаго вооруженія и по запасу печатать еще не начинали, то я просилъ бы разрѣшенія вашей свѣтлости дозволить напечатать оные здѣсь подъ моимъ присмотромъ, и тогда я взялъ бы на себя повѣрить каждый листъ какъ до поступленія онаго въ печать, такъ и по выходѣ изъ типографіи; но въ такомъ случаѣ (ежели ваша свѣтлость будете на сіе согласны) я буду просить прислать оригинальный штатъ, составленный въ Кронштадтѣ и увѣдомленія, сколько нужно будетъ экземпляровъ онаго, которыхъ впрочемъ я не думаю чтобъ понадобилось болѣе одной тысячи. Шрифтомъ мы хвалиться здѣсь не можемъ; но поручусь за вѣрность, которая въ изданіи семъ должна составлять первое условіе и въ которой (подобно логариѳмамъ) не должно быть никакихъ опечатокъ или погрѣшностей. Препровождаемая при семъ книга настоящаго вооруженія, теперь только вышедшая, можетъ служить образцомъ, лучше коего по бѣдности типографіи напечатать мы не въ состояніи. Подобныхъ книгъ здѣсь прежде не печаталось, что̀ наводило какъ командирамъ судовъ, такъ и содержателямъ немалое затрудненіе; а въ Балтійскомъ флотѣ хотя они и были, но со времени изданія оныхъ такъ много по вооруженію и въ техническихъ названіяхъ перемѣнилось, что они сдѣлались почти безполезными, ибо многое изъ напечатаннаго принуждены уже вымарывать и замѣнять оное рукописью. При составленіи книги сей настоя-

щаго вооруженія для трехъ-мачтовыхъ судовъ приняты были въ соображеніе штатъ исправленный въ Кронштадтѣ въ 1832 году, и подобнаго же рода книги отпускаемыя шкиперамъ Великобританскаго флота, коихъ одинъ экземпляръ доставленъ сюда возвратившимся изъ Англіи такелажмейстеромъ Выгоновымъ. Вскорѣ будутъ отпечатываться подобныя же книги для бриговъ, шкунъ, тендеровъ, пароходовъ и пр.

Ежели вашей свѣтлости угодно будетъ согласиться на дозволеніе печатать штаты какъ по настоящему вооруженію, такъ и по запасу подъ моимъ присмотромъ здѣсь въ Николаевѣ, то я покорнѣйше прошу разрѣшенія на перемѣну нѣкоторыхъ техническихъ названій, которыя нынѣ вовсе вышли изъ употребленія и замѣнить другими, а равно и на допущеніе нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій или прибавленій въ самомъ вооруженіи, которыя съ 1832 года оказались ко введенію полезными, каковыхъ впрочемъ весьма немного и состоятъ болѣе въ измѣненіи толщины или длины какой либо веревки или въ нумерѣ парусины или, наконецъ, въ прибавленіи нѣсколькихъ фонарей, и тому подобномъ, но важныхъ перемѣнъ встрѣтить мнѣ не удалось.

Въ заключеніе я имѣю честь покорнѣйше просить продолженія участія вашей свѣтлости въ сооруженіи новаго въ Севастополѣ адмиралтейства и приказать кому нибудь увѣдомить меня, доставлены ли вамъ чертежи, посланные мною къ вашей свѣтлости при письмѣ отъ 9 Декабря прошлаго года.

4.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Петербургъ, 21 Марта 1836.

Адъютантъ мой Васильевъ просился на свиданіе съ отцомъ, и по симъ уваженіямъ дана ему настоящая курьерская посылка. Прикажите ему, любезный Михайла Петровичъ, послѣ семейныхъ лобызаній отправляться въ Севастополь, дабы онъ могъ мнѣ подробно объяснить ходъ доковыхъ работъ и сухопутныхъ укрѣпленій.

При семъ письмо къ вамъ изъ Англіи.

На строющійся въ Англіи пароходъ приказано помѣстить двѣ 68 фунт. коронады на станкахъ (hearne) новаго устройства единственно для того, чтобы ихъ имѣть образцами. Отъ васъ зависѣть будетъ замѣнить ихъ 18 фунт. пушками.

Бенкгаузену писано прямо для ускоренія разрѣшенія главныхъ предметовъ; но отъ васъ также зависитъ дать ему всѣ нужныя наставленія о подробностяхъ всего что̀ до вышеупомянутаго порохода относится.

У насъ все мирно, и готовимся не на войну, а къ смотру. Я вамъ сообщилъ рѣчь Кодрингтона, но оказывается, по сличенію съ Англійскими журналами, что онъ сего вовсе не говорилъ и недостатокъ людей относилъ не къ нашему, а къ Англійскому флоту подъ Навариномъ.

Государю угодно, чтобы морское министерство было переобразовано по примѣру военнаго, и мы сочиняемъ новое образованіе.

Надѣюсь, что Корниловъ доставилъ вамъ мое письмо. Прощайте.

5.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 1 Апрѣля 1836.

Ваша свѣтлость!

Письмо вашей свѣтлости отъ 21-го Марта, посланное съ к. лейт. Васильевымъ, я имѣлъ честь получить со сверткомъ чертежей, относящихся до предполагавшагося построить въ Англіи парохода, длиною въ 142 фута; но какъ по увѣдомленію г. Бенкгаузена, онъ, по совѣту нѣкоторыхъ опытныхъ строителей, прибавилъ длины пароходу еще 8 футъ, то чертежи сіи могутъ служить только для любопытства и соображенія на будущее время. Разсматривая чертежи сіи, я нашелъ въ нихъ и оригиналы и копіи съ оныхъ, утвержденныя въ вѣрности инженеръ-подполковникомъ Гринвальдомъ. Полагая, что они присланы сюда по ошибкѣ, я имѣю честь возвратить ихъ къ вашей свѣтлости.

Желаніе ваше, чтобъ Васильевъ послѣ семейныхъ лобызаній отправился въ Севастополь, ему объявлено.

Письмо, полученное мною изъ Англіи, заключаетъ увѣдомленіе к. адм. Maitland, директора Портсмутскаго порта, что онъ, согласно желанію моему, посылаетъ чертежи и модель Портсмутскаго лоцманскаго бота. Жаль только, что онъ не прислалъ размѣренія всѣхъ членовъ сего бота, т. е. (Scantlingo), но обѣщалъ однакожъ непремѣнно доставить оные. Васильевъ мнѣ сказывалъ, что ваша свѣтлость приказали точно такую же модель сдѣлать и снять съ чертежей копіи; а потому, полагая, что можетъ быть вздумаете построить два или три таковыхъ въ Кронштатѣ, я прилагаю здѣсь еще нѣкоторыя свѣдѣнія о подобномъ ботѣ, собранныя мною самимъ въ Портсмутѣ. Боты эти можно назвать одними изъ превосходнѣйшихъ морскихъ судовъ, какія только есть на свѣтѣ: ходятъ отлично, управляются четырьмя, а иногда и двумя человѣками свободно, и нѣтъ того вѣтра, въ который бы они въ море не вышли. Построить такой ботъ изъ сосны и желѣзнаго скрѣпленія не можетъ стать дорого. Къ отправленнымъ обратно

чертежамъ парохода я приложилъ для вашей свѣтлости чертежъ и вель-бота, выписаннаго въ прошломъ году изъ Англіи. Это также родъ судовъ, которыя одни только въ состояніи выгрести въ Кронштатѣ на большой рейдъ при жестокомъ противномъ вѣтрѣ и сильномъ волненіи. Примѣромъ сему можетъ послужить находившійся у меня вель-ботъ въ 1816 году, который, при бывшемъ въ тотъ годъ 22 Іюля жестокомъ вѣтрѣ отъ W-та одинъ только изъ множества гребныхъ судовъ, бывшихъ тогда въ Петергофѣ, выгребъ въ Кронштатъ и при томъ весьма свободно, употребивъ на то менѣе двухъ часовъ времени, между тѣмъ какъ многіе изъ вышедшихъ изъ канала 12-ти и 15-ти весельныхъ катеровъ принуждены были спуститься въ Петербургъ, ибо обратно попасть уже не могли. Здѣсь построено ихъ только четыре по неимѣнію еще времени, но необходимо построить еще нѣсколько. Въ бурунахъ они превосходны, и на барахъ подобныхъ тѣмъ, какіе при входѣ въ Ріонъ или у Редутъ-Кале, они могутъ служить съ великою пользою.

Всѣ подробности, какія только пришли мнѣ въ голову на счетъ строющагося парохода въ Англіи, я давно уже Бенкгаузену сообщилъ и, кажется мнѣ, что послѣ того разрѣшенія, которое ваша свѣтлость ему сдѣлали, спрашивать болѣе нечего.

Статью заключающую рѣчь Кодрингтона я недавно читалъ въ Journal de St.-Pétersbourg, и не знаю, которой изъ двухъ должно вѣрить. Въ выпискѣ, присланной вашею свѣтлостію, онъ говоритъ о Россійскомъ флотѣ, а въ той о своемъ; сколько мнѣ извѣстно, то гр. Воронцовъ получаетъ газеты Англійскія, слѣдовательно ругательства Кодрингтона, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ, вѣроятно онъ читалъ въ Англійскихъ. А потому можно еще сомнѣваться; и помириться съ мыслію, что Кодринтонъ не отзывался о насъ дурно, не совсѣмъ легко.

Г. Бенкгаузенъ писалъ мнѣ, что онъ отправилъ къ вашей свѣтлости планъ парохода «Медея», снятый со всею аккуратностію. Позвольте просить доставленія копіи чуднаго сего судна, а равно приказать Гринвальду подѣлиться съ нами пріобрѣтенными имъ въ бытность его въ Англіи свѣдѣніями; слышу, что онъ привезъ много разныхъ чертежей, въ томъ числѣ 84-хъ пушечнаго корабля-брига *Columbine* и секретничаетъ. Ежели онъ не привезъ чертежа знаменитаго фрегата «Вернонъ», и ваша свѣтлость его не имѣете, то по увѣдомленію я не замедлю доставить: ибо у меня онъ есть. Прилагаю при семъ также и нѣкоторыя подробности, доставленныя мнѣ изъ Греціи Истоминымъ касательно парохода «Медея», которыхъ, можетъ быть, не имѣете.

Я имѣлъ честь просить вашу свѣтлость о исключеніи штрафа внесеннаго въ формулярный списокъ капитана 1-го ранга Колтовскаго и препятствующаго ему получить знаки безпорочной службы. Сколько

могъ собрать я свѣдѣній, то главнѣйшая причина была личность (ни къ чему негоднаго) отряднаго командира лодокъ, а нѣкоторымъ образомъ и шалости молодыхъ лѣтъ, которыя давно уже прошли, и теперь Колтовскій весьма скромный и одинъ изъ самыхъ исправныхъ командировъ экипажа и корабля. Дѣйствія его на бригѣ «Орфей», за которыя Государь, находясь въ Одессѣ, лично благодарилъ его, служатъ нѣкоторымъ образомъ въ его пользу и убѣждаютъ къ снисхожденію; главное же дѣло состоитъ въ томъ, что не имѣть пряжки, будучи командиромъ экипажа и 120 пушечнаго корабля, тогда какъ многіе изъ подчиненныхъ его оную имѣютъ, даетъ поводъ офицерамъ и даже нижнимъ чинамъ мыслить, что командиръ ихъ находится на замѣчаніи и въ невыгодномъ мнѣніи высшаго начальства; слѣдовательно, будучи въ глазахъ ихъ нѣкоторымъ образомъ унижаемъ, нельзя ожидать того къ нему почтенія и дисциплины по службѣ, какъ бы слѣдовало. Ежели ваша свѣтлость не встрѣтите въ просимомъ снисхожденіи какого либо препятствія, то весьма много обязать меня изволите.

6.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Спб., 6 Августа 1836 г.

Вы получили отъ меня, любезный Михаилъ Петровичъ, офиціальное извѣщеніе о прибытіи къ Государю Императору въ Чугуевъ въ концѣ Августа; но по измѣнившемуся маршруту полагать должно, что Его Величество не изволитъ быть тамъ прежде 3-го или 4-го Сентября. Государь желаетъ съ вами объясниться о лѣсахъ годныхъ на кораблестроеніе, растущихъ въ дачахъ военныхъ поселеній, и о бывшемъ въ нихъ заготовленіи для Черноморскаго флота.

Свиданіе съ Его Императорскимъ Величествомъ доставитъ вамъ случай объяснить подробно нужды Черноморскаго флота, и если вы намѣрены сдѣлать какія-либо представленія по сему предмету, то я просилъ бы васъ изложить оныя въ запискахъ, отдѣльныхъ для каждаго предмета, и о резолюціяхъ, которыя на тѣ записки послѣдуютъ, не оставить меня въ послѣдствіи увѣдомить.

Образцы абордажнаго оружія вашего утверждены, о чемъ вамъ будетъ сообщено офиціально.

Я уволенъ въ Москву и окрестности, куда вслѣдъ за симъ отъѣзжаю и гдѣ пробуду мѣсяцъ или пять недѣль.

Вамъ преданный князь Меншиковъ.

Не пойдетъ ли Черниковъ въ отставку? Ежели не имѣете для него мѣста, куда дѣть Дмитріева при будущемъ производствѣ?

7.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ.

Вручитель сего, сынъ намѣстника Норвежскаго, генерала, барона Ведель-Ярлсберга, опредѣлился въ нашъ флотъ, желая имѣть честь служить въ ономъ и образоваться въ практикѣ. Съ сею послѣднею цѣлію онъ просилъ и о переводѣ его въ Черноморскій флотъ, почему я обязываюсь просить покорнѣйше ваше превосходительство употребить его на службу, по усмотрѣнію вашему, на тѣхъ судахъ, кои имѣютъ дѣятельнѣйшее плаваніе и на которыхъ онъ можетъ удобнѣе пріобрѣсти практическія познанія о мореплаваніи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью покорный слуга кн. А. Меншиковъ.

С.-Петербургъ, 12 Августа 1836.

8.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 21 Августа 1836.

Письмо вашей свѣтлости отъ 6-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь получить, и всѣ свѣдѣнія, какія только есть въ адмиралтействѣ касательно разновременныхъ заготовленій лѣсовъ въ дачахъ военныхъ поселеній, доставленныя не только послѣднимъ коммиссіонеромъ Якимовскимъ но и прежними, я беру съ собою въ Чугуевъ (куда отправляюсь сего вечера) и въ состояніи буду дать Государю весьма удовлетворительный отчетъ.

По дозволеніи вашей свѣтлости подробно объяснить нужды Черноморскаго флота Государю Императору, я намѣренъ представить слѣдующее:

1) О дозволеніи построить вдругъ нѣсколько кораблей по контракту; ибо, въ противномъ случаѣ, пополнить штатное положеніе судовъ мы не имѣемъ средствъ, и недостатокъ сей будетъ годъ отъ году увеличиваться.

2) На утвержденіе: Планъ новаго карантина со всѣми детальными чертежами, проектированный на Херсонезскомъ мысу при входѣ въ туже Карантинную Бухту. Устроеніе необходимо нужное; ибо теперь карантина, можно сказать, не существуетъ. Планы же и смѣта тому окончены въ Севастополѣ 8 Августа и сюда доставлены 19-го.

3) О дозволеніи выписать изъ Англіи нужныя машины для вновь

строющихся въ Николаевскомъ адмиралтействѣ мастерскихъ, и чрезъ то сдѣлать оныя соотвѣтствующими своей цѣли, что̀ по отдаленности заводовъ крайне необходимо.

4) О дозволеніи выписать изъ Англіи для образцовъ кузнечные мѣха разной величины изобрѣтенія Галлея (Halley), вошедшіе тамъ во всеобщее употребленіе. Рисунокъ онымъ полученъ только два дня тому назадъ; но Акройдъ, бывши недавно въ Портсмутскомъ адмиралтействѣ, относится объ оныхъ съ особенною похвалою и говоритъ, что въ кузницахъ всѣ прежняго рода мѣха уничтожены и введены сіи послѣдніе, имѣющіе свойство раздувать огонь съ необыкновенною силою. Рисунокъ онымъ я буду имѣть честь представить вашей свѣтлости по моемъ возвращеніи.

5) На утвержденіе: Планъ новаго запаснаго резервуара необходимо нужнаго для безпрерывнаго теченія воды по водопроводному доковому каналу, какъ по тому уваженію, что во время нерѣдко случающихся въ Крыму продолжительныхъ засухъ, когда Черная рѣчка, приведенная къ тому каналу, доставляетъ самое малое количество воды, такъ и для дѣйствія предназначенныхъ къ сооруженію въ новомъ Севастопольскомъ адмиралтействѣ механическихъ мастерскихъ. Для приведенія въ исполненіе сего предположенія, избранъ вблизи доковаго канала глубокій оврагъ, гдѣ съ устроеніемъ плотины можетъ скопляться до 17½ милліоновъ кубическихъ футъ воды, сливающейся въ большомъ количествѣ съ горъ отъ дождей и снѣговъ. Какъ планъ сей только что вчера ко мнѣ доставленъ, то и не было никакой возможности предварительно представить оный на разсмотрѣніе вашей свѣтлости, въ чемъ и прошу снисходительнаго уваженія. По возвращеніи же моемъ изъ Чугуева я не замедлю доставить къ вашей свѣтлости какъ копію съ плана, такъ и смѣту, выводящую цѣнность сего устроенія въ 35.637 р.

6) О дозволеніи перевезти на фрегатахъ въ Одессу Виленскій полкъ, находящійся нынѣ въ Севастополѣ для срытія мыса подъ новое адмиралтейство; ибо въ противномъ случаѣ ему придется перейти до 870 верстъ въ самое суровое и ненастное время, а также слабосильныхъ людей отъ прочихъ полковъ вмѣстѣ съ тяжестями всей дивизіи за исключеніемъ палатокъ и нѣкоторыхъ другихъ вещей, что̀ составитъ всего до 2800 человѣкъ и до 7.000 пудъ. тяжестей; о чемъ писалъ ко мнѣ на сихъ дняхъ корпусный командиръ г. ад. Муравьевъ съ увѣдомленіемъ, что онъ отнесся о исходатайствованіи сего къ военному министру.

7) О испрошеніи назначенія къ новому адмиралтейству въ Севастополѣ одной военно-рабочей роты, для лучшаго присмотра за успѣ-

хомъ работъ, особенно при предстоящемъ начатіи обдѣлки вокругъ мыса набережной и приготовленія мѣста подъ Мортона элингъ.

8) О весьма значительномъ некомплектѣ экипажей на случай, что Его Величеству угодно будетъ посѣтить (какъ слышно) Севастополь въ будущемъ году и выйти совсѣмъ флотомъ въ море.

9) О необходимости имѣть въ Азовскомъ морѣ пароходъ въ 60 силъ и до 6-ти грузовыхъ плоскодонныхъ баржей для перевоза желѣза, якорей, орудій и другихъ тяжестей изъ Ростова въ Керчь, каковыхъ тяжестей накопилось тамъ по сіе время до полумилліона пудовъ, и ежегодно прибавляется.

и 10) О приведеніи въ должное устройство Луганскаго завода, который по сіе время для Черноморскаго флота былъ совершенно безполезенъ какъ по дурному устройству своему, такъ и по крайне ограниченному числу мастеровъ и работниковъ.

О резолюціяхъ, какія отъ Государя на представленія сіи воспослѣдуютъ, я не примину немедленно по возвращеніи моемъ увѣдомить вашу свѣтлость; но нельзя не пожалѣть, что васъ тамъ не будетъ: дѣла наши пошли бы гораздо успѣшнѣе.

Черниковъ, сколько извѣстно мнѣ, продалъ всѣ свои вещи и собрался ѣхать въ Балтику; но здоровье его весьма не надежно, и врядъ ли онъ вынесетъ сѣверный климатъ.

Милонасъ уже подалъ въ отставку согласно сдѣланному отъ меня внушенію (по желанію вашей свѣтлости); но теперь я опасаюсь, чтобы онъ не сталъ на меня жаловаться, возмечтавъ, что начальство находитъ его въ Астрахани весьма нужнымъ.

О Дмитріевѣ я имѣлъ уже честь представить къ вашей свѣтлости о назначеніи его оберъ-интендантомъ вмѣсто Васильева, который проситъ увольненія. Я увѣренъ, что онъ займетъ эту должность съ пользою для службы и потому повторяю мою покорнѣйшую просьбу къ вашей свѣтлости о произведеніи его въ контръ-адмиралы и дозволеніи носить флотскій мундиръ подобно тому, какъ носилъ здѣсь Критскій; и какъ онъ особенно имъ дорожитъ, то таковое дозволеніе поощритъ его къ трудамъ и занятіямъ по этой части.

9.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 17 Сентября 1836.

Получивъ увѣдомленіе отъ графа Витта, что Государь Императоръ прибудетъ въ Чугуевъ 29 Августа и опасаясь опоздать, я оставилъ Николаевъ 22 числа и прибылъ въ Харьковъ 24-го того же мѣсяца, гдѣ извѣстился, что пріѣздъ Государя отложенъ до 7-го Сентября. Же-

лая воспользоваться свободнымъ временемъ, я ѣздилъ чрезъ Чугуевъ въ Малицкую дачу, дабы болѣе имѣть понятія объ оной на случай, что Государю угодно будетъ сдѣлать какіе либо вопросы. Возвратясь 30 числа, узналъ я, что по причинѣ несчастнаго происшествія, случившагося съ Государемъ Императоромъ на пути изъ Пензы въ Тамбовъ, Его Величество для срощенія переломленной ключицы въ лѣвомъ плечѣ изволилъ остаться въ городкѣ Чембарѣ на нѣсколько недѣль и что по полученіи облегченія слѣдовать уже будетъ прямо въ С.-Петербургъ, отмѣнивъ затѣмъ предположенное посѣщеніе Чугуева. Послѣ сего мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ отправиться въ Чембаръ, куда и прибылъ 3-го Сентября; свиданіе же съ Государемъ имѣлъ 5-го и 7-го. Государь былъ очень доволенъ, что я рѣшился прибыть въ Чембаръ; ибо въ противномъ случаѣ (онъ говорилъ графу Бенкендорфу) мнѣ пришлось бы ѣхать въ Петербургъ, точно такъ какъ придется и графу Воронцову. Государь изволилъ много говорить о предполагаемомъ въ будущемъ году путешествіи въ южный край Россіи, о посѣщеніи Николаева, Одессы, Севастополя, Южнаго берега Крыма, Керчи, Анапы и Геленджика, откуда, возвратясь въ Таганрогъ, отправится сухопутно въ Невочеркаскъ, наконецъ на Кавказъ и оттуда уже обратно въ С.-Петербургъ. Государь изволилъ говорить о семъ поверхностно, но ваша свѣтлость вѣроятно вскорѣ по возвращеніи Его Величества узнаете о путешествіи семъ подробнѣе и сообщите для руководства моего правила пріема какъ Государя, такъ и имѣющихъ прибыть съ нимъ особъ. Государь спрашивалъ, сколько можно будетъ показать кораблей въ будущемъ году, на что я отвѣчалъ, что десять; ибо «Пантелеймонъ» потекъ весьма опасно близъ самаго киля, и сумнительно, чтобы онъ выдержалъ килевку, будучи гнилъ повсемѣстно. Государь изъявилъ желаніе видѣть, буде возможно въ будущемъ году, вмѣстѣ съ прочими и корабль «Махмудъ», на что я сказалъ, что приложены будутъ всевозможныя старанія; однакожъ я сомнѣваюсь, чтобы мы въ томъ успѣли.

Въ день представленія моего Государь Императоръ чувствовалъ уже значительное облегченіе и находился въ веселомъ расположеніи духа. Я воспользовался дозволеніемъ вашей свѣтлости, сообщеннымъ мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ 6-го прошлаго мѣсяца, на счетъ подробнаго объясненія Его Величеству нуждъ Черноморскаго флота и по приказанію вашему изложилъ представленія объ оныхъ въ запискахъ отдѣльныхъ для каждаго предмета; какія же послѣдовали на нихъ словесныя высочайшія резолюціи, я вмѣстѣ съ симъ имѣю честь донести вашей свѣтлости офиціально.

7-го Сентября Государь, прохаживаясь по двору занимаемаго Его Величествомъ дома, подозвалъ меня и сказалъ, что онъ нашелъ воз-

можнымъ назначить изъ Турецкой контрибуціонный суммы 3 милліона для 3-хъ кораблей, имѣющихся построиться по контракту и 1 милліонъ для работъ по новому адмиралтейству; но приказалъ повременить (какъ я и доношу оффиціально) вызывать желающихъ на построеніе тѣхъ кораблей, до полученія разрѣшенія отъ вашей свѣтлости на пріобрѣтеніе предлагаемыхъ помѣщикомъ Бенкендорфомъ и Евреемъ Варшавскимъ наличныхъ лѣсовъ, весьма нужныхъ для безотлагательнаго продолженія въ адмиралтействахъ кораблестроенія: ибо за недостаткомъ дубоваго лѣса и въ особенности принципальныхъ штукъ, постройка корабля «Три Святителя» совершенно остановилась. Притомъ же, помѣщикъ Бенкендорфъ въ разговорѣ объявилъ мнѣ желаніе свое заняться постройкою кораблей, еслибы правительство нашло то нужнымъ; ибо онъ имѣетъ къ тому всѣ средства, т. е. и лѣса и рабочихъ людей; при таковыхъ обстоятельствахъ онъ конечно лѣса свои не продастъ.

При докладѣ о недостаткѣ въ Черноморскихъ экипажахъ нижнихъ чиновъ, я принялъ смѣлость представить на видъ Государю, что назначеніе въ каждый изъ 16 флотскихъ экипажей по 250 человѣкъ взрослыхъ кантонистовъ сдѣлало бы величайшую для насъ пользу, и чрезъ три или четыре года образовались бы изъ нихъ такіе матросы какихъ лучше желать невозможно. Государь изволилъ отозваться: «О какъ много! Однако посмотримъ, напиши князю, чтобы напомнилъ мнѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ».—Назначеніемъ въ Черноморскіе экипажи кантонистовъ (которыхъ теперь набирается такъ много, что не знаютъ даже какъ и размѣстить ихъ), ваша свѣтлость окажете величайшее благодѣяніе; ибо экипажи отъ юнговъ сихъ въ скоромъ времени усилятся и улучшатся до неимовѣрной степени. Позвольте просить принять въ дѣлѣ семъ участіе и употребить сильное ваше представительство.

Кромѣ тѣхъ предметовъ, о которыхъ я имѣлъ честь предварительно извѣстить вашу свѣтлость въ письмѣ моемъ отъ 21 Августа, я докладывалъ Государю Императору: о Малицкой, Должинской и Гомельшанской лѣсныхъ дачахъ, что необходимо оныя очистить для лучшаго растенія дубовъ и что нѣтъ къ тому другихъ средствъ какъ возложить это на военныя поселенія и пр. и пр., какъ изъяснено въ донесеніи моемъ къ вашей свѣтлости.

О требованіяхъ барона Розена и о невозможности болѣе отдѣлить къ Абхазскимъ берегамъ транспортовъ и объ устроеніи близъ Севастополя мѣстъ для пользованія страждущихъ ревматизмами и разнаго рода хроническими болѣзнями, въ открытыхъ тамъ цѣлительныхъ грязяхъ,—Государь былъ столько милостивъ, что на все изъявилъ свое согласіе, но приказалъ доложить обо всемъ вашей свѣтлости для пред-

варительнаго соображенія и представленія ему по возвращеніи Его Величества въ Петербургъ; разговоръ же о недостаткахъ въ строительной здѣсь части произошелъ собственно отъ вопроса Его Величества: «Кто изъ инженеровъ присматриваетъ за произведеніемъ работъ?» Тогда я не могъ не отвѣчать, что инженеровъ мы не имѣемъ и что цивильная здѣсь часть находится въ самомъ жалкомъ положеніи, но что ожидается новое переобразованіе оной. Государевы слова были: «Напиши объ этомъ къ князю».

Вотъ все что только имѣю сообщить вашей свѣтлости на счетъ свиданія моего съ Государемъ Императоромъ въ Чембарѣ и оканчиваю письмо сіе повтореніемъ всепокорнѣйшей просьбы принять участіе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи сдѣланныхъ мною представленій.

10.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 8 Декабря 1836.

Капитанъ-лейтенантъ Моллеръ, по возвращеніи изъ Могилева, гдѣ нужно ему было видѣться съ ген. адъют. Муравьевымъ, отправился въ Севастополь для дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла о вывезенной мѣди, желѣза и пр. въ фургонахъ Виленскаго егерскаго полка. Чрезвычайно досадно, что подобныя происшествія, случающіяся здѣсь довольно часто, причиняютъ одни лишь неудовольствія Государю. Но не думайте, ваша свѣтлость, чтобъ воровство здѣсь увеличивалось или чтобъ менѣе за онымъ было наблюденія нежели прежде; напротивъ того, я смѣю увѣрительно сказать, что присмотра за похищеніемъ казенныхъ вещей прежде почти вовсе не было, и оттого самая привычка къ оному такъ укоренилась, что уничтожить ее трудно. Надзоръ по всѣмъ частямъ увеличенъ до возможной степени, и оттого самаго чаще въ воровствѣ попадаются.

Контръ-адмиралъ Папа-Егоровъ, по дѣйствительному ли разстройству здоровья или притворству, но обязанности своей, какъ бригадный командиръ, вовсе не исполняетъ. Когда нужно дѣлать смотры, то обыкновенно сказывается больнымъ и поручаетъ другому, ходитъ съ костылемъ въ штиблетахъ, и вообще толку отъ него никакого не предвидится. Не угодно ли будетъ вашей свѣтлости оставить его съ содержаніемъ по флоту, какъ равно и капитана 1-го ранга Костенича, который экипажемъ командовать не можетъ; а допустить вмѣсто ихъ занять мѣста сіи другихъ болѣе способныхъ? Послѣдняго изъ нихъ могъ бы замѣнить 30 экипажа капитанъ 2 ранга *Ратчъ*.

Изъ представленія моего на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости вы усмотрите нѣкоторую перемѣну въ командирахъ. Это произошло

оттого, что командиръ фрегата «Агатополь» никакъ не въ состояніи содержать фрегатъ свой въ томъ видѣ, въ какомъ должно и вообще не имѣетъ дара распоряжаться и командовать; на фрегатѣ же «Архипелагъ» портить нечего, и фрегатъ этотъ самъ собою года черезъ два уничтожится по причинѣ оказывающихся въ немъ весьма замѣчательныхъ гнилостей. Никоновъ впрочемъ человѣкъ довольно хорошій и честный, но вовсе не военный офицеръ. Путятинъ командуетъ корветомъ отлично, и «Ифигенія» содержится въ такомъ великомъ порядкѣ, какого лучше требовать невозможно. Фрегатовъ въ подобномъ порядкѣ у насъ здѣсь нѣтъ; а потому, не смотря на молодость въ чинѣ, я рѣшился представить его къ командованію «Агатополемъ», который, я увѣренъ что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ времени будетъ служить примѣромъ и соревнованіемъ прочимъ командирамъ не только фрегатовъ, но и кораблей. — Весьма бы желательно для самой справедливости *по возможности* не нарушать очереди старшинства; но ваша свѣтлость, я думаю, сами убѣждены, что соблюсти этого невозможно: много есть такихъ старичковъ (впрочемъ довольно почтенныхъ), которые, при всемъ желаніи ихъ, никогда не будутъ ни командирами экипажей, ни командирами кораблей, въ томъ видѣ въ какомъ нынѣ требуется. Напротивъ же того, есть нѣкоторые изъ молодыхъ, со всѣми для того способностями, которые могли бы занять таковыя званія съ пользою и честію для флота. У меня хотя и есть на примѣтѣ нѣсколько изъ молодыхъ офицеровъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ по службѣ, заслуживающихъ возвышенія въ чинахъ, но не смѣю представлять о нихъ вашей свѣтлости потому, что есть много старѣе ихъ по списку.

Высочайшее соизволеніе отъ 11 Октября 1833 года, объявленное въ приказѣ отъ адмирала Моллера 17-го того же мѣсяца, о недоросляхъ, кои, на основаніи правилъ существующихъ для пріема кадетъ въ Морской Корпусъ, не имѣютъ права на опредѣленіе въ гардемарины по Черноморскому флоту, но отъ коихъ, или отъ ихъ родственниковъ поступаютъ прошенія о таковомъ опредѣленіи, при каждомъ таковомъ случаѣ испрашивать особаго Высочайшаго разрѣшенія, было поводомъ, что Греки въ офицерскихъ чинахъ Балаклавскаго баталіона и другіе посторонняго вѣдомства безпрестанно входили и нынѣ входятъ съ прошеніями на высочайшее имя объ опредѣленіи сыновей ихъ въ гардемарины, а удержать таковыя прошенія я не имѣю права. Домашнее воспитаніе этихъ дѣтей въ Балаклавѣ таково, что флотъ никогда не можетъ ожидать видѣть изъ нихъ офицеровъ съ какими либо достоинствами; экзаменъ же ихъ удостоиваетъ потому, что многіе изъ нихъ науки опредѣленныя для гардемарина знаютъ. На этомъ самомъ основаніи и сынъ

Качони, о коемъ спрашиваетъ нынѣ инспекторскій департаментъ, представленъ. Не благоугодно ли будетъ в. свѣтлости сдѣлать какое либо строгое ограниченіе на будущее время и въ особенности насчетъ иностранцевъ не принявшихъ вѣрноподданства Россіи, каковые всѣ почти здѣсь Греки, не взирая на то, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ служатъ въ Россійской службѣ безъ всякой пользы? Что касается до числящихся уже здѣсь гардемариновъ, которые всѣ на собственномъ содержаніи, то какъ на учрежденіе въ южномъ краѣ Россіи Морскаго Кадетскаго Корпуса почти отказано, то я всегда полагалъ болѣе полезнымъ присоединить ихъ къ штурманской здѣсь ротѣ (которая получила теперь порядочное образованіе), нежели оставлять дѣтей сихъ на собственномъ воспитаніи недостаточныхъ и малообразованныхъ родителей, отъ которыхъ ничего полезнаго для военной службы они перенять не могутъ; а потому и желалъ представить на благоусмотрѣніе в. свѣтлости мнѣніе мое, чтобъ каждый изъ родителей, при опредѣленіи сына своего въ гардемарины, вносилъ въ штурманскую роту ежегодно сумму потребную на обмундированіе и содержаніе его; но какъ по сдѣланному исчисленію оказалось, что для сего нужно по крайней мѣрѣ до 475 рублей, то многіе изъ чиновниковъ, проживающихъ однимъ жалованьемъ, должны будутъ отъ опредѣленія дѣтей своихъ въ гардемарины отказаться. Всѣхъ гардеморинъ теперь до 80 человѣкъ, и ежели ваша свѣтлость не найдете возможнымъ исходатайствовать для нихъ вышесказаннаго содержанія отъ щедротъ Государя, то во всякомъ случаѣ я полагаю присоединеніе гардемаринъ къ штурманской ротѣ необходимымъ, съ объявленіемъ, чтобъ желающіе опредѣлить дѣтей своихъ въ гардемарины вносили ежегодно 475 рублей, на каковую сумму они будутъ одѣты наравнѣ съ гардемаринами Морскаго Корпуса и обучаемы всѣмъ тѣмъ наукамъ, которыя преподаются здѣсь кондукторамъ штурмановъ какъ то: Навигаціи, Астрономіи, Исторіи, Географіи, Словесности и проч. и пр.; въ противномъ же случаѣ тѣ, которые не могутъ вносить таковой суммы, должны будутъ взять дѣтей своихъ обратно.

Нельзя не сознаться, что гардемарины здѣшніе (выключая весьма только немногихъ) получаютъ образованіе гораздо худшее, нежели кадеты штурманской роты.

О Балаклавскомъ баталіонѣ и Балаклавскихъ Грекахъ при случившемся разговорѣ съ Государемъ въ Чембарѣ я докладывалъ, что они имѣютъ большія связи и родство съ служащими Греками во флотѣ и какъ вообще они склонны къ интересу и воровству, то смежность ихъ съ Севастополемъ очень вредна по безпрерывнымъ между собою сношеніямъ; а потому я просилъ Его Величество, не благоугодно ли будетъ приказать дать имъ другія мѣста около Кубани или гдѣ Его Ве-

личеству заблагоразсудится, а мѣста принадлежащія Балаклавцамъ отдать подъ Германскія колоніи или же отставнымъ матросамъ, дѣти коихъ могли бы поступать на службу во флотъ, и тогда Севастополь получалъ бы отъ таковыхъ колоній весьма значительное продовольствіе всякаго рода. Нынѣ же, какъ Греки занимаются однимъ только дурнымъ винодѣліемъ и контрабандною торговлею, то Севастополь ни малѣйшей пользы отъ нихъ не имѣетъ. Государь изволилъ отозваться: «я знаю, что они совершенно безполезны», и приказалъ пореговорить объ этомъ съ гр. Воронцовымъ, съ которымъ я встрѣтился на обратномъ изъ Чембара пути и объявилъ ему о томъ; но онъ казался несогласнымъ на таковое предположеніе, а потому чѣмъ это дѣло кончилось, мнѣ неизвѣстно. Ваша свѣтлость сдѣлаете величайшее для Севастополя благодѣяніе, ежели примете въ семъ участіе и обратите полу-Греческій Крымъ (въ особенности Севастополь) въ страну Русскую.

Въ заключеніе позвольте спросить приказанія в. св., должно ли дозволять транспортамъ подъ таковымъ же флагомъ, стоя на якорѣ, имѣть на бушпритѣ гюйсы? Часто они бываютъ въ довольно безобразномъ видѣ, выгружая муку и пр. Не находя права воспретить это самъ собою, я прошу вашу свѣтлость, ежели и вы признаете подобное украшеніе для транспорта неумѣстнымъ, то не благоугодно ли будетъ запретить оное, а дозволить при транспортномъ флагѣ носить обыкновенный только вымпелъ (синій) на гросъ-брамъ-стеньгѣ.

II.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 13 Декабря 1836.

Извѣщеніе вашей свѣтлости о неудовольствіи Государя Императора на счетъ помѣщенія Залѣсскимъ (казначеемъ при комитетѣ сухихъ доковъ) статьи въ Одесскомъ Вѣстникѣ касательно построенія фрегата «Браилова» я имѣлъ честь получить и отвѣчать буду офиціально, коль скоро получу отвѣтъ отъ контръ-адмирала Старжевскаго о томъ, кто дозволилъ Залѣсскому напечатать оную; а съ тѣмъ вмѣстѣ завтра же отдаю приказъ, подтверждающій воспрещеніе на будущее время печатать что либо въ газетахъ касательно распоряженій правительства.

Англійская шкуна «Викинъ», попавшая въ призъ, должна быть весьма хорошее судно; ибо ходитъ лучше брига «Аякса», который конвоировалъ ее отъ Геленджика до Севастополя.—Извѣстія о томъ, хранится ли дѣйствительно оружіе подъ нагруженною въ трюмѣ солью, я еще не получилъ; но во всякомъ случаѣ судно это подвергается по мнѣнію моему конфискованію потому уже, что купецъ Бель самъ со-

знается, что прибылъ въ Суджукъ-кале для торговли съ Черкесами.-- Изъ писемъ, отправленныхъ къ вашей свѣтлости, вы усмотрите, что шкиперъ Чайялсъ старается обвинить купца Беля въ томъ, что онъ пошелъ къ Черкесскимъ берегамъ. Переѣзды и двукратное свиданіе Беля съ посломъ предъ самымъ выходомъ въ Черное море, а равно и секретъ самаго назначенія, когда судно было еще въ Буюкдере, суть обстоятельства, которыя въ послѣдствіи при слѣдованіи дѣла могутъ быть большой важности.

Позвольте просить скорѣйшаго разрѣшенія вашей свѣтлости, какъ поступить съ шкуною «Викинъ», купцомъ Белемъ, шкиперомъ Чайялсомъ и прочими людьми на оной находящимися, изъ коихъ *Артуръ-Мортонъ* (кажется мнѣ) долженъ быть братъ тому *Мортону*, который составляетъ компанію съ *Полденомъ* въ Лондонѣ и коимъ шкуна «Викинъ» принадлежитъ. Желательно бы было, чтобы шкуна «Викинъ» поступила въ казну, а пріобрѣвшимъ оную повелѣно бы было выдать по умѣренной оцѣнкѣ то чего она будетъ стоить.

Корабельный инженеръ Дмитріевъ, находящійся нынѣ въ Портсмутѣ и снимавшій внутреннее расположеніе яхты «Арандель», увѣдомляетъ меня, что яхта та предложена въ продажу съ прекрасною внутри отдѣлкою, мебелью краснаго дерева, посудою и всѣми вещами и принадлежностями для яхты нужными за 3000 фунтовъ стерлинговъ. Принимая въ разсужденіе, что яхта «Арандель» построена изъ лучшаго лѣсу, мѣднаго крѣпленія и обшита мѣдью, паруса отличной кройки и шитья и пр. и пр.: то 3000 фунтовъ, составляющіе около 70.000 рублей, есть такая цѣна, которую ежели и удвоить, то въ нашихъ адмиралтействахъ едва ли за оную казенными средствами построить можно. Вѣроятно она продается потому, что яхотный клубъ въ Англіи уничтожается. Ежели ваша свѣтлость располагаете имѣть подобную яхту въ Балтикѣ, то жаль упустить этотъ случай.

12.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С. Петербургъ, 16 Декабря 1836.

Податель сего лейтенантъ Завойка, коему доставляю случай повидаться съ родными.

Со времени возвращенія моего съ Государемъ изъ Москвы я вынужденъ по 13 и 14 часовъ въ сутки употреблять на чтеніе бумагъ. Я говорю на чтеніе, ибо разрѣшеніе зависитъ отъ Адмиралтейскаго Совѣта и, благодаря необразованію я слушаю 3 и 4 раза ту бумагу, которую бы разрѣшилъ послѣ перваго прочтенія, и потому не взыщите за долгое мое молчаніе. Я замученъ и выбился изъ силъ.

Я представилъ Государю о производствѣ Старжевскаго, какъ потому, что слышалъ, что вы имъ довольны, такъ и потому, что мѣсто его вице-адмиральское. Кумани разсердится, но онъ внѣ дѣятельной службы.

Государь приказалъ дать экипажамъ флаги на знаменныхъ древкахъ для строевой службы, съ тѣмъ, чтобы таковой знаменной флагъ употреблялся, когда экипажъ расчисленъ въ баталіонномъ составѣ и когда караулъ на берегу и на судахъ расчисленъ на два взвода (не на два огня). Флаги сіи имѣть по цвѣту дивизій, а въ Черноморскомъ флотѣ двѣ дивизіи.

Въ Кронштатѣ построенъ будетъ морской экзерциргаузъ съ башнею, въ которой будетъ бизань-мачта, а отъ башни внутрь манежа фрегатская корма. Самое зданіе состоять будетъ изъ одних стропилъ, изъ досокъ на ребро поставленныхъ.

Сей родъ строеній, употребляемый въ Пруссіи для манежей и экономическій въ отношеніи къ лѣснымъ строительнымъ матеріаламъ, могъ бы съ удобностію примѣниться ко всѣмъ сараямъ и хранилищамъ.

Ежели состоятся предположенные планы путешествій въ будущемъ году, то гостей иностранныхъ у васъ будетъ много; на выправку людей обратится также вниманіе и въ особенности на караулы судовые и береговые. У васъ нѣтъ искусника въ семъ отношеніи. Не прислать ли экзерцирмейстера?

Пушечный станокъ капитана Поля былъ испытанъ въ Кронштатѣ и оказался совершенно неудобнымъ.

Для опыта 36 ф. пушки длинныя были высверлены въ калибръ пудоваго единорога и также съ коническою каморою, что̀ сдѣлано уже Голландцами; опыты весьма удовлетворительны. Предполагается вооружить ими корабль «Россію».

Государь при смотрахъ дѣлаетъ обыкновенно тревогу съ пушечною экзерциціею по барабаннымъ сигналамъ и при семъ случаѣ заставляетъ перемѣнять у одного или нѣсколькихъ орудій оси, замѣчая употребленное на таковую перемѣну время, что̀ имѣйте въ виду. Таковая перемѣна медленна, когда болты имѣютъ не гайки, а чеки, коихъ концы загибаются и когда болты проходятъ сквозь лопасть оси; сіе вынуждаетъ насъ у новыхъ лафетовъ пропускать болты мимо оси и подъ оною соединять ихъ планкою, какъ въ сухопутной артиллеріи.

Мы ожидаемъ отъ васъ подробнаго увѣдомленія о качествахъ и отдѣлкѣ парохода «Язона». Прощайте, будьте здоровы.

А. Меншиковъ.

ЗАПИСКИ О ВОЗСОЕДИНЕНІИ ГРЕКО-УНІЯТСКАГО ДУХОВЕНСТВА И НАРОДА ВЪ БѢЛОРУССІИ И НА ВОЛЫНИ СЪ ПРАВОЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ [1]).

Точное и подробное изложеніе моихъ собственныхъ дѣйствій и трудовъ въ дѣлѣ возсоединенія Греко-Унитской въ Бѣлорусской обширнѣйшей епархіи Церкви съ Православною отечественною Церковію.

Писалъ для памяти потомства и будущаго историка Василій архіепископъ бывшій Полоцкій и Витебскій. 1866 года.

Предисловіе.

Милостію Господа достигнувъ вечера—вечера поздняго, я рѣшился писать мои воспоминанія о дѣлѣ, на которое положилъ всѣ мои силы, всю мою жизнь. Дѣло это—Возсоединеніе Уніи въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Я преданъ былъ этому дѣлу болѣе чѣмъ моей жизни, занимался имъ по крайнему разумѣнію, по совѣсти и по истинѣ: это вѣдаетъ Богъ, предъ Которымъ готовлюсь предстать и ежедневно не устаю благодарить Его всеблагій Промыслъ, удостоившій меня быть дѣятелемъ великаго Церкви Православной событія.

Много скорби душевной, много печали отъ злобы и клеветы людской перенесъ и я, перенесли и мои смиренные сотрудники: духовенство, бывшее Унитское, усердно помогавшее мнѣ въ святомъ дѣлѣ. Причины понятныя: мы подвизались въ странѣ, гдѣ масса народонаселенія хотя состояла изъ древле-православныхъ, но гдѣ правящій

---

[1]) На тетради этихъ Записокъ сообщенныхъ сочинителемъ покойному Ю. В. Толстому и вѣроятно по его вызову написанныхъ, означено рукою сего послѣдняго: „Петру Ивановичу Бартеневу, но не прежде какъ по смерти преосвященнаго Василія. 21 Мая 1874.“

умъ, т. е. дворянство и всѣ почти лица начальствовавшія, были Римскіе Католики, а руководящій ими духъ былъ Латино-Польскій, т. е. изъ всѣхъ фанатизмовъ самый враждебный всему Русскому, пронырливый и дальновидный на все предательское. Они видѣли, что народонаселеніе Унитское, болѣе милліона муж. пола, въ управляемой мною Бѣлорусской епархіи навсегда исторгается изъ-подъ вліянія ксендзовъ, упорно сохранявшихъ надежду присоединить ихъ, при удобномъ случаѣ, къ вѣрованію въ своего чужеземнаго владыку. Не было интриги, которая не была бы употреблена противъ насъ-дѣятелей; не было безчестнаго вымысла, не было клеветы, которыя не были бы пущены въ ходъ особенно противъ меня. Но мы не смущались и сооружали святое дѣло въ твердомъ упованіи на помощь Всевышняго, на покровительство Государя Императора, на поддержку оберъ-прокурора графа Николая Александровича Протасова и на сочувствіе людей благомыслящихъ. Испыталъ я и другія скорби болѣе глубокія, болѣзни души незалечимыя.... Желалъ бы забыть эти душевныя скорби—не могу! Со стороны нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ правителей я встрѣтилъ не только равнодушіе и противодѣйствія, но злобу, клевету и настоящее гоненіе. Одни изъ нихъ, по скудости умственной, не умѣли видѣть, что̀ пріобрѣтаютъ Церковь и Отечество, возвращая отторженныхъ насиліемъ дѣтей; другіе, по безнравственности, по вліянію интригъ, даже женщинъ, не хотѣли этого видѣть. На меня посылались доносы, составлялись всевозможныя мѣстныя препятствія и помѣхи, и мнѣ, неустанно занятому дѣломъ Возсоединенія, приходилось отписываться, оправдываться и бороться. Трудно и прискорбно бывало. Господь милосердый поддерживалъ меня, здоровье мое служило, духъ не ослабѣвалъ, и я, почерпая силы нравственныя въ самомъ трудѣ моемъ, успѣвалъ утѣшать и моихъ смиренныхъ сотрудниковъ.

Пробуждая воспоминанія прискорбныя, я съ отрадою вспоминаю и общую долю радостей, которыя не допускали меня ослабѣвать. Мудрая воля незабвеннаго императора Николая I, монарха благочестиваго, любившаго и знавшаго Россію, пожелала, чтобы совершилось Возсоединеніе безъ насилія, а только силою убѣжденія. Эта державная воля слѣдила за всѣми моими дѣйствіями чрезъ посредство моихъ руководителей, которыми были митрополитъ всѣхъ Греко-Унитскихъ церквей въ Россіи архіепископъ Полоцкій *Іосафатъ Булгакъ,* пастырь добрый, въ духѣ истинно-евангельскомъ; а потомъ (съ начала 1837 года) и *графъ Протасовъ,* оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода, сановникъ достойный чести быть докладчикомъ мудраго монарха, человѣкъ благочестивый, просвѣщенный и пламенно желавшій добра. Представленія мои оцѣнивались и поощрялись, а по мѣрѣ какъ развивалось и подвигалось

дѣло, мнѣ дано было все нужное для успѣха полномочіе. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ гражданскихъ правителей благодушно смотрѣли на готовившееся событіе и не отказывали мнѣ въ содѣйствіи. Сотрудники мои были исполнены доброй воли и трудились на пользу Православной Церкви въ безвѣстности, перенося клевету и гоненіе. Труды ихъ въ безвѣстности и остались: съ ними поступили какъ поступаютъ съ подпорками, когда окончено вновь возводимое зданіе: подпорки убираютъ прочь—онѣ уже не нужны! На возсоединенныхъ пастырей, даже и доселѣ, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, смотрятъ еще съ какою-то странною недовѣрчивостію, съ какимъ-то предубѣжденіемъ, и немного есть людей, даже между духовенствомъ, которые о дѣлѣ Возсоединенія имѣютъ полное и правильное понятіе. Вотъ главная причина, побудившая меня, семидесяти-восьми-лѣтняго старца, написать 1866 года мои Записки, не имѣя, къ сожалѣнію, возможности писать исторію. Но Записки мои могутъ служить вѣрнымъ матеріаломъ для будущаго историка въ томъ, что̀ касается Возсоединенія Уніи въ Бѣлоруссіи и на Волыни.

Возсоединеніе заслуживаетъ того, чтобы имѣть своего историка. Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на прошедшее. Когда судьба войны предала временно въ руки Поляковъ древнее достояніе Россіи—прекрасныя земли по теченію Днѣпра,—всѣ знаютъ, какія мѣры приняла Польская пропаганда для обращенія Православныхъ къ Римскому Католичеству. И доселѣ справедливая ненависть народа хранитъ въ живой памяти всѣ насилія, всѣ неистовства, всѣ звѣрства, которымъ предавались тамъ ксендзы и начальствующіе Ляхи, доставляя новыхъ сыновъ Римскому фанатизму.

Долгіе годы кровавыхъ утѣсненій не привели однако къ желанному результату: Православіе держалось твердо, новообращенныхъ было немного... и вотъ іезуитскій умъ, дальнозоркій и, можно сказать, мудрый на всякое дѣло зла и коварства, создалъ *Унію* на началахъ весьма удобныхъ для незамѣтнаго, постепеннаго, но вѣрнаго перехода отъ Православія къ Католичеству.

Пришли новые годы—родныя земли возвратились въ составъ Отечества; но Православіе было подкопано, народъ не зналъ, какой онъ вѣры, а самая церковь именовалась *Римско*-Унитскою, а не *Греко*-Унитскою, какъ въ послѣдствіи до Возсоединенія. Народъ говорилъ порусски и на Русскомъ языкѣ (на Славянскомъ) слушалъ обѣдни, а молился попольски, и Русскій народъ заставляли молиться за папу! Правительство Русское видѣло все это, но, всегда вѣрное мудрой системѣ терпимости, не хотѣло принимать крутыхъ мѣръ, а всего ожидало отъ времени. Время настало не скоро: только въ 1799 году митрополитъ

Лисовскій, бывъ тогда архіепископомъ Полоцкимъ, дѣйствуя съ осторожностію и исподоволь, положилъ начало Возсоединенію. За нимъ архіепископъ *Красовскій* и митрополитъ *Кохановичъ* дѣйствовали въ томъ же духѣ, и всѣ трое, благодаря технямъ Польской партіи въ Петербургѣ, понесли тяжкій крестъ за свои подвиги истинно-апостольскіе.

Мнѣ, смиренному, въ слѣдъ трехъ названныхъ святителей, судилъ Господь Богъ Всеблагій докончить и совершить дѣло Возсоединенія въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Не славлюсь и не кичусь моими подвигами. Я награжденъ отъ монаршихъ милостей всѣмъ, чѣмъ награждается человѣческая суетность; но, приближаясь къ предѣлу жизни, могу сказать, какъ скажу предъ самимъ Богомъ: «я совершилъ мой трудъ по долгу, по правдѣ и по совѣсти!»

Уповаю, что человѣкъ благодушный, которому случится прочитать мои *Воспоминанія*, будетъ правильнѣе смотрѣть на труды мои и помолится о потрудившемся, да не безплоденъ буду предъ Господомъ!

Краткій очеркъ жизнеописанія.

Для памяти потомства повторю, наконецъ, не обинуясь, что единымъ главнымъ дѣятелемъ и виновникомъ присоединенія Греко-Унитовъ духовенства и народа въ Бѣлорусской обширнѣйшей епрахіи, раскинутой на протяженіи семи губерній, именно Витебской, Курляндской, Минской, Могилевской, Кіевской, Волынской [1]) и Херсонской,—былъ я, въ званіи епископа Оршанскаго, *Василій Лужинъ-Лужинскій*, управлявшій тою епархіею въ зависимости отъ архіепископа Полоцкаго, митрополита всѣхъ Греко-Унитскихъ церквей *Іосафата Булгака*. Въ названныхъ губерніяхъ было 17 муж. и 3 женск. монастыря; 700 Греко-Унитскихъ церквей съ 770 лицами духовенства и болѣе милліона народа. Самъ я непосредственно, лицомъ къ лицу, каждаго священника въ долгѣ его вразумлялъ, наставлялъ и увѣщевалъ, въ первыхъ четырехъ сказанныхъ губерніяхъ [2]), а въ трехъ послѣднихъ губерніяхъ чрезъ посредство благочинныхъ и настоятелей монастырей, вызываемыхъ въ епархіальный городъ Полоцкъ и непосредственнымъ увѣщаніемъ моимъ здѣсь расположенныхъ къ общему Возсоединенію. Неусыпно работалъ я съ самоотверженіемъ семь лѣтъ (1833, 1834, 1835, 1836, 1837, 1838, 1839) надъ дѣломъ Возсоединенія, которое при помощи Божіей увѣнчалось успѣхомъ 1839 года.

---

[1]) Пропущено: „Подольской"

[2]) Витебской, Курляндской, Минской и Могилевской.

Отецъ мой происходилъ изъ дворянъ Греко-Унитскаго исповѣданія Червонной Руси. Сначала онъ занимался свѣтскими дѣлами; потомъ по неизвѣстнымъ поводамъ сдѣлался пастыремъ [3]). Мать моя *Марѳа*, урожденная *Куровская*, была дочь помѣщика Могилевской губерніи Бѣлицкаго уѣзда *Франца Куровскаго*. Я родился въ 1791 году Марта 21 дня, когда отецъ мой былъ пресвитеромъ и, еще въ младенчествѣ остался сиротою. Двоюродный мой дядя по матери, помѣщикъ Бѣлицкаго уѣзда *Кельчевскій*, замѣнивъ мнѣ юношѣ (Василію) отца, сталъ воспитывать меня для міра; но въ мірѣ оставаться не судилъ мнѣ Промыслъ: благодѣтель-дядя умеръ, и вдовствующая мать взяла юношу и доставила меня, по волѣ архіепископа Полоцкаго *Ираклія Лисовскаго*, въ только что открывшуюся въ Бѣлоруссіи Семинарію (1802 года). Все это, конечно, совершилось по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла.

Еще не опушились ланиты юноши, но мною владѣла уже особая любовь къ духовнымъ наукамъ и пастырскому званію. По окончаніи семинарскаго образованія, а потомъ и наукъ философскихъ въ Полоцкой Академіи бывшихъ іезуитовъ, гдѣ, пожавъ уже нѣсколько познаній бывшаго образованія, выдержалъ экзаменъ и получилъ дипломъ на степень кандидата философіи [4]), я былъ отправленъ въ Виленскій Императорскій Университетъ, гдѣ за повтореніемъ наукъ философскихъ и физико-математическихъ, изучивъ и твердо уразумѣвъ всѣ предметы, преподаваемые въ богословскомъ факультетѣ, по ученію древней Галликанской церкви, удостоенъ званія магистра богословія и получилъ дипломъ на эту ученую степень, имѣя уже санъ іерея-целибата (безбрачнаго).

Я воспріялъ священство 1819 года Августа 6-го дня, въ селѣ Судиловичахъ, Лепельскаго уѣзда Витебской губерніи, въ церкви при резиденціи архіепископа Полоцкаго *Красовскаго* изъ рукъ его, куда онъ вызвалъ меня для сего изъ города Вильно и, по возвращеніи потомъ въ Вильно, исправлялъ должность префекта Виленской Императорской Семинаріи, по назначенію совѣта онаго Университета на 28-мъ году отъ рожденія своего.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, по написаніи предложенной диссертаціи, напечатаніи и публичномъ защищеніи ся, я признанъ вполнѣ достойнымъ степени доктора богословія и торжественно увѣн-

---

[3]) Отецъ мой рукоположенъ 14 Сент. 1777 года архіепископомъ Смоленскимъ и Сѣверскимъ *Іосифомъ Ленковскимъ*, архимандритомъ Онуфріевскимъ, въ церкви Онуфріевской, въ архидіоцезію митрополитанскую, въ протопресвитерію Гомельскую, къ церкви Круговской, а оттуда былъ переведенъ на второе мѣсто въ село Старую Рудню, Рогачевскаго уѣзда, гдѣ и умеръ.

[4]) 1816 года Іюля 15 дня.

чанъ пунцовою докторскою тогою съ бриллiантовымъ перстнемъ. Скоро совѣтъ Университета избралъ въ префекты Императорской при томъ Университетѣ Семинарiи. Но Полоцкiй архiепископъ *Iоаннъ Красовскiй*, любившiй меня какъ сына и называвшiй меня не иначе какъ *сыномъ возлюбленнѣйшимъ*, настоялъ на томъ, въ чемъ и успѣлъ, чтобы я потрудился въ своей Полоцкой Семинарiи и епархiи, гдѣ и занялъ мѣста: префекта и инспектора, съ правами и преимуществами ректора, члена Духовной Консисторiи, богослова *ad latus* и коммиссара по епархiальному управленiю при упомянутомъ архiепископѣ, принимая нерѣдко участiе въ дѣлахъ по управленiю епархiальному. Но Виленскiй Университетъ не забылъ о мнѣ: чрезъ нѣсколько времени, совѣтъ Университета вторично избралъ меня въ префекты главной Виленской Семинарiи и я, бывъ призванъ изъ епархiи, по распоряженiю высшаго начальства (1824 г.) на предназначенное мнѣ мѣсто, возведенъ въ каѳедральные каноники, а чрезъ два года потомъ Виленскимъ Греко-Унитскимъ епархiальнымъ архiереемъ, епископомъ *Андреяномъ Головнею*, опредѣленъ и экзаменаторомъ ставлениковъ и членомъ Виленской Консисторiи по дѣламъ бракоразводнымъ.

Послѣ пятилѣтней службы на этомъ поприщѣ, пройденномъ съ честiю и славою, я, по Высочайшему соизволенiю, опредѣленъ ассесоромъ Греко-Унитской Духовной Коллегiи въ С.-Петербургѣ, и награжденъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества наперснымъ крестомъ съ пенсiономъ.

Много времени посвящено было наукамъ и служебнымъ занятiямъ. Мнѣ исполнилось почти 40 лѣтъ. Любомудрая, по Божiю благословенiю, дѣятельность моя обратила особенное вниманiе маститаго святителя, высоко-ученаго въ Римѣ, предсѣдателя Греко-Унитской Духовной Коллегiи, архiепископа Полоцкаго, митрополита *Iосафата Булгака*, полюбившаго меня всѣмъ сердцемъ.

Когда установилась между нами взаимная довѣренность на столько, что мы раскрыли другъ другу глубины сердечныя; когда мы соединились между собою еще тѣснѣйшими узами любви: тогда этотъ незабвенный архипастырь возъимѣлъ искреннее желанiе имѣть меня своимъ викарiемъ-епископомъ.

Въ этотъ перiодъ времени состоялся окончательно проектъ, давно задуманный, о Возсоединенiи Унитской въ Россiи Церкви съ Православною Восточно-каѳолическою Церковью.

1833 года въ Маѣ мѣсяцѣ я былъ командированъ архiепископомъ Полоцкимъ, митрополитомъ *Булгакомъ*, съ Высочайшаго соизволенiя Государя Императора Николая I-го, въ Бѣлоруссiю для благоустройства обширнѣйшей епархiи по управленiю духовенствомъ, а въ 6-й день

Декабря, вслѣдствіе ходатайства митрополита *Іосафата Булгака*, Высочайше повелѣно быть викарнымъ епископомъ Полоцкой епархіи съ наименованіемъ Оршанскаго и явиться въ С.-Петербургъ для хиротоніи во епископа, которая въ началѣ 1834 года совершена надо мною митрополитомъ *Іосафатомъ Булгакомъ*, на основаніи предоставленной на это митрополитамъ Уніатскимъ юридической власти, совмѣстно съ епископами: Литовскимъ *Іосифомъ Сѣмашко* и Пинскимъ *Іосафатомъ Жарскимъ*, въ Греко-Унитской при Коллегіи церкви. За тѣмъ, снабдивъ меня хиротонійною грамотою и архипастырскою инструкціею, митрополитъ, снявъ съ себя драгоцѣнный золотой крестъ, возложилъ его на шею мою, поручая мнѣ, съ Высочайшаго соизволенія, управленіе Бѣлорусскою епархіею со властію епархіальнаго архіерея.

По возвращеніи изъ С.-Петербурга въ Полоцкъ съ такою властію, управляя епархіею, я, покорствуя мудрой мысли святителя-митрополита, напрягалъ всѣ усилія и усугублялъ всю заботу, согласно желанію его святѣйшества, объ устройствѣ бывшихъ Унитскихъ церквей, соотвѣтственно духу и правиламъ Православно-каѳолической Восточной Церкви, а паче всего и болѣе всего, о направленіи мыслей и духа всѣхъ пастырей, пасомыхъ ими людей, наставниковъ и воспитанниковъ Семинаріи, настоятелей монастырей и монашествующей братіи къ высокой цѣли будущаго всѣхъ ихъ, въ одно время съ архипастырями-святителями,—*Возсоединенія*, которое, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, пало на долю 1839 года.

Знаки монаршихъ ко мнѣ милостей слѣдующіе.

Въ санѣ епископа пожалованы мнѣ: въ даръ драгоцѣнное полное архіерейское облаченіе, съ золотою митрою и посохомъ чистаго серебра 1834 года; золотая съ такою же цѣпію панагія, украшенная бриллiантами и драгоцѣнными камнями 1836 года; орденъ Св. Анны 1-й степени 1838 года; пенсія 6000 рублей ассигнаціями въ добавокъ доходамъ отъ имѣнія Борисоглѣбскаго Полоцкаго монастыря; возведеніе въ санъ архіепископа Полоцкаго и Витебскаго 1841 года; орденъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени большаго креста 1845 года; орденъ Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго 1851 года съ пенсіономъ по 500 рублей въ годъ [5]); орденъ того-же Святаго Александра Невскаго, коего звѣзда и крестъ осыпаны драгоцѣнными бриллiантами 1856 года; вызовъ по особенному Высочайшему повелѣнію въ Москву для присутствованія при священнѣй-

---

[5]) Каковой получаю 5-й годъ.

шемъ коронованіи и мvропомазаніи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра II и Государыни Императрицы Маріи Александровны 1856 года, сопровождавшійся богатымъ даромъ— полнымъ драгоцѣннымъ архіерейскимъ облаченіемъ; орденъ Императорскаго Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени 1867 года и Высочайшее Всемилостивѣйшее пожалованіе членомъ Святѣйшаго Сvнода того же года.

Высочайшихъ же благоволеній и благодарностей объявлено мнѣ въ разное время 18-ть и отъ Его Высочества Наслѣдника Благовѣрнаго Государя Александра Николаевича (нынѣ Благочестивѣйшій Императоръ) два съ рескриптами; благодарности съ глубокою признательностію отъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича двѣ, и благодарность отъ Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича одна.

А отъ непосредственнаго начальства въ продолженіе всей службы благодарностей и признательностей 20-ть.

Этимъ оканчивается краткій очеркъ обстоятельствъ жизни и дѣяній моихъ. Остается прибавить, что я, состоя вице-президентомъ Витебскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, удостоился особеннаго Высочайшаго благоволенія; состоялъ въ Отечествѣ почетнымъ членомъ Витебскаго губернскаго статистическаго Комитета, президентомъ Совѣта миссіонерскаго общества; а за границею: а) членомъ Копенгагенскаго королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, и б) почетнымъ президентомъ Африканскаго общества въ Парижѣ о выкупѣ невольниковъ (de l'esclavage).

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АѲАНАСІЙ ТОБОЛЬСКІЙ.

Въ Русскомъ Архивѣ 1879 г. (7-я тетрадь) напечатано письмо покойнаго митрополита Московскаго Иннокентія отъ 30 Мая 1841 года къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода графу Протасову, писанное съ дороги изъ Иркутска, когда этотъ преосвященный ѣхалъ, послѣ посвященія, изъ Петербурга на свою вновь открытую епархію подъ названіемъ Камчатской, Курильской и Алеутской съ архіерейскою каѳедрою на островѣ Ситхѣ, въ Новоархангельскѣ. Примѣтно, что графъ Протасовъ, при отъѣздѣ Иннокентія изъ столицы, поручилъ ему, въ пути, останавливаясь въ епархіальныхъ городахъ у архіереевъ, что̀ увидитъ у нихъ, узнаетъ объ нихъ, сообщить ему. Преосвященный Иннокентій останавливался именно въ архіерейскихъ домахъ, да и пишетъ онъ рѣшительно объ однихъ архіереяхъ, хотя ему, во время дальняго пути, безъ сомнѣнія, приводилось встрѣчаться со многими и другими духовными лицами, напр. съ настоятелями монастырей, ректорами семинарій, значительными протоіереями и пр. и пр.

Изъ Москвы Иннокентій выѣхалъ 30 Генваря 1841 года, а въ Иркутскъ, на мѣсто продолжительной своей остановки, въ ожиданіи лѣтняго пути, прибылъ 11 Марта. Въ эти полтора мѣсяца, на пути въ 6 тысячъ верстъ, онъ проѣхалъ чрезъ 8 епархіальныхъ городовъ, останавливался для ночлеговъ и отдыха въ 8 архіерейскихъ домахъ и видѣлся съ 8 архіереями, гостилъ у нихъ, бесѣдовалъ съ ними. О всѣхъ объ нихъ въ вышеозначенномъ письмѣ онъ дѣлаетъ отзывы; объ однихъ, напр. Казанскомъ архіепископѣ Владимирѣ (Ужинскомъ) и Иркутскомъ епископѣ Нилѣ, благопріятные, сочувственные; о другихъ безразличные, а объ иныхъ, и именно о Тобольскомъ архіепископѣ Аѳанасіѣ (Протоповѣ) и Томскомъ епископѣ Агапитѣ, несовсѣмъ благопріятные.

Объ Аѳанасіѣ онъ пишетъ: «Въ Нижнемъ... преосвященный Іоаннъ много жаловался на строгость управленія (1827—1831 г.) пре-

освященнаго Аѳанасія (нынѣшняго Тобольскаго), слѣдствія коей онъ видитъ еще и теперь; напр. семейства нѣкоторыхъ, лишенныхъ священства теперь остаются безъ куска хлѣба, и онъ долженъ давать имъ какіе-либо способы къ пропитанію.—Въ Перми... преосвященный Аркадій... не совсѣмъ братски и даже съ какимъ-то негодованіемъ отзывался о преосвященномъ Тобольскомъ относительно обращенія раскольниковъ. Но, какъ я узналъ послѣ, преосвященный Аѳанасій имѣлъ болѣе справедливыхъ причинъ жаловаться на него самаго.—Изъ Екатеринбурга гораздо ближе ѣхать прямо на Томскъ, минуя Тобольскъ; но я не хотѣлъ этаго и былъ въ немъ... Преосвященный Аѳанасій принялъ меня болѣе съ важностію, чѣмъ съ ласковостію. Важность его, которая происходитъ, вѣроятно, отъ его учености и многознанія (онъ теперь занимается натурою) и которую многіе называютъ гордостію, видна и въ разговорахъ и во всѣхъ поступкахъ.—Изъ разговоровъ его видно, что онъ весьма недоволенъ дѣйствіями преосвященнаго Аркадія Пермскаго касательно раскольниковъ; ибо миссіонеры того дѣйствовали и въ его епархіи, и довольно своевольно. Преосвященный Аркадій говорилъ: «Дай намъ обратить раскольниковъ и тогда возми ихъ отъ насъ»; а преосвященный Аѳанасій говоритъ: «Ужели у насъ не нашлось бы людей способныхъ къ тому! Это означаетъ недовѣріе къ намъ». На поклонъ, отданный мною преосвященному Аѳанасію отъ преосвященнаго Филарета Московскаго и жалобу, что онъ не пишетъ къ нему, онъ отвѣчалъ мнѣ твердымъ тономъ: «Скорѣе я соглашусь остаться навсегда въ Тобольскѣ и Сибири, чѣмъ писать къ нему». О причинахъ я не смѣлъ и не хотѣлъ спрашивать. Очень жаль, что онъ такъ сильно предубѣжденъ противъ преосвященнаго Филарета. О преосвященномъ митрополитѣ Іонѣ онъ отзывался самымъ неуважительнымъ тономъ. Жалуется на здоровье и на климатъ, который въ самомъ дѣлѣ есть, кажется, самый худшій по всей Сибири. Касательно управленія духовенствомъ онъ говорилъ, что онъ здѣсь поступаетъ не такъ, какъ въ Нижнемъ: тамъ онъ былъ строгъ, потому что было кѣмъ замѣнять изверженныхъ, а здѣсь онъ начинаетъ изъ подъ-тиха увеличивать свою строгость, по мѣрѣ того какъ находитъ средства замѣнить недостойныхъ. При прощаніи, онъ пожелалъ мнѣ всякаго благополучія и подарилъ панагію (простую)».

Такой неблагопріятный отзывъ покойнаго Иннокентія о покойномъ же Аѳанасіѣ подаетъ мнѣ поводъ набросать нѣсколько строкъ для объясненія дѣла. Думается, что я имѣю право сдѣлать это объясненіе, а также и право на довѣріе къ моимъ словамъ отъ читающихъ. Пять лѣтъ я служилъ подъ начальствомъ архіепископа Аѳанасія. Во всѣ эти пять лѣтъ я пользовался особеннымъ его расположеніемъ, можно

сказать, отеческою его любовію; каждую недѣлю онъ удостоивалъ мен: двумя или тремя продолжительными бесѣдами въ праздники во врем обѣденнаго стола, а въ будни за вечернимъ чаемъ; своими бесѣдами наставленіями и книгами онъ много способствовалъ моему самообра зованію и достойному преподаванію порученныхъ мнѣ предметовъ; у него каждый годъ, въ лѣтніе мѣсяцы, когда онъ обозрѣвалъ епархію оставался въ домѣ въ качествѣ какъ бы хозяина. Да и высокопреосвя щенный Иннокентій мнѣ не неизвѣстенъ: что̀ имъ самимъ написано, ил что̀ объ немъ было писано по поводу смерти его и ранѣе того, напр при назначеніи его на Московскую митрополичью каѳедру, мною чи тано и перечитано. Самая встрѣча его въ 1841 году въ Тобольскѣ с преосвященнымъ Аѳанасіемъ происходила при мнѣ: я вмѣстѣ съ дру гими, служившими тогда въ Тобольской Семинаріи, представлялся ем въ архіерейскомъ домѣ, при посѣщеніи имъ Семинаріи показывалъ ему семинарскую библіотеку и во время закуски у ректора Семинаріи всту палъ съ нимъ въ подробную бесѣду о христіанствѣ на Алеутских островахъ [1]), и, наконецъ, въ проѣздъ его въ 1868 г. изъ Сибири в Москву чрезъ Омскъ имѣлъ удовольствіе встрѣчать его три раза и п долгу между прочимъ и на единѣ бесѣдовалъ съ нимъ въ его квартирѣ, а и еще того долѣе (цѣлый вечеръ) бесѣдовалъ у меня въ домѣ.

Въ вышеприведенныхъ словахъ, взятыхъ изъ письма Иннокентія, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отзывъ о пріемѣ, какой сдѣланъ былъ ему Тобольскимъ преосвященнымъ.

По этому поводу вотъ что считаю нужнымъ сказать. Преосвященный Аѳанасій росту былъ небольшаго, но статенъ, лицо имѣлъ чистое, бѣлое, глаза голубые, свѣтящіеся умомъ, взоръ ясный, волосы темные, которые впрочемъ въ Тобольскѣ совершенно уже посѣдѣли; вообще былъ старецъ красивый. При всемъ томъ видъ его былъ важенъ и серіозенъ. Занимался ли онъ дѣлами по епархіальному управленію или по управленію духовно-учебными заведеніями своей епархіи, видъ его тогда обыкновенно бывалъ серьезный, строгій, на лицѣ его въ такомъ случаѣ выражалась забота. Читалъ ли онъ какую-либо

[1]) Во время этой бесѣды одинъ изъ преподавателей Семинаріи насмѣшилъ Иннокентія, и сослуживцевъ своихъ, и самъ себя: онъ, прочитавши ранѣе въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія подъ статьей протоіерея І. Веніаминова *О христіанствѣ на Алеутскихъ островахъ* замѣтку, что статья эта есть отрывокъ изъ приготовленнаго къ печати обширнаго *Описанія Уналашкинскаго отдѣла Алеутскихъ острововъ*, и спросилъ преосвященнаго: „А скоро ли выйдетъ Описаніе Уналашкинскаго отдѣла Алеут. острововъ протоіерея Веніаминова?“ Преосвященный, вставши съ дивана и слегка поклонившись, съ улыбкой сказалъ вопрошающему: „Протоіерей Веніаминовъ—честь имѣю рекомендоваться; я самый и есть“.

серіозную книгу (а пустыхъ книгъ онъ никогда и не читалъ), разсматривалъ ли какой-либо хорошій атласъ древней или новой географіи или атласъ историческій, перелистывалъ ли изданія съ изображеніями древностей, напр. Египетскихъ, Греческихъ, Индійскихъ, Русскихъ и пр., или какое-нибудь произведеніе съ рисунками изъ естественной исторіи, изъ геологіи, изъ анатоміи тѣла человѣческаго и тѣлъ животныхъ и пр.: на его челѣ въ такихъ случаяхъ всегда видна была мысль, лицо его тогда обыкновенно казалось мыслящимъ. Тѣмъ болѣе видъ преосвященнаго Аѳанасія дѣлался важнымъ, если къ нему являлось какое-нибудь лицо ему вовсе неизвѣстное: въ такомъ случаѣ онъ надѣвалъ на себя рясу, клобукъ, панагію (тогда какъ онъ при обыкновенныхъ случаяхъ своею форменною одеждою тяготился) и велъ разговоръ съ видомъ серіознымъ; а и еще того болѣе видъ преосвященнаго Аѳанасія дѣлался важнымъ, если къ нему являлось такое лицо, о которомъ ему было извѣстно, что то былъ человѣкъ грязный или лукавый, двуличный, гордый. Между прочимъ «на ученую гордость», говорится въ біографіи преосвященнаго Аѳанасія [2]), «хотя иные, по незнанію и его самого считали гордымъ, преосвященный смотрѣлъ съ отвращеніемъ, какъ на источникъ самыхъ тяжкихъ и низкихъ паденій и зараженныхъ ею терпѣть не могъ» [3]). Помню я, съ какою неохотою принималъ онъ своего ближайшаго земляка, прежде помѣщика, даже предводителя дворянства Любимскаго уѣзда, (Аѳанасій былъ сынъ Любимскаго протоіерея) N, а въ 30-тыхъ годахъ, по лишеніи дворянства и всѣхъ правъ состоянія за гнусные и жестокіе поступки съ своими крестьянами, жившаго въ Тобольскѣ на поселеніи. Помню, съ какою важностію выходилъ онъ къ одному высокообразованному знатоку разныхъ наукъ и даже казавшемуся приверженнымъ къ Церкви, по крайней мѣрѣ прекрасно читавшему на клиросѣ въ своей приходской церкви, но за политическія мнѣнія сосланному въ Сибирь и желавшему покороче познакомиться съ преосвященнымъ. Такъ онъ сухо

---

[2]) Странникъ 1867 г., Генварь и Февраль.

[3]) Одинъ изъ наставниковъ Тобольской Семинаріи (іеромонахъ N), бывшій по милости Аѳанасія, вмѣстѣ и смотрителемъ училищъ, очень часто ссорился съ семинарскимъ начальствомъ и въ неисполненіи его предписаній и замѣчаній обыкновенно оправдывался тѣмъ, что онъ ученикъ Иннокентія (знаменитаго проповѣдника). Преосвященный мирилъ его съ членами правленія, уговаривалъ и наконецъ сказалъ: „Такимъ образомъ и я, если по управленію откроются у меня безпорядки, и Св. Синодъ станетъ дѣлать мнѣ замѣчанія, и я, вмѣсто собственнаго исправленія, по вашему, въ правѣ буду толковать: да я ученикъ Филарета (Моск. митроп.)? Что мы съ вами учились у умныхъ и знаменитыхъ людей, это ничуть не даетъ намъ права быть неисправными и такъ плохо оправдываться въ своихъ неисправностяхъ“.

бесѣдовалъ съ нимъ именно потому, что онъ былъ человѣкъ двуличный, переносливый.

Напротивъ, этотъ же преосвященный Аѳанасій ласково принималъ всѣхъ, кто не былъ занятъ собою, чуждался лести, пронырства и хитрости, не склоненъ къ обидамъ другихъ и вообще отличался простосердечіемъ; такихъ людей принималъ онъ ласково, съ такими людьми онъ бесѣдовалъ охотно, кротко и снисходительно. Вмѣсто доказательствъ приведу нѣсколько примѣровъ и начну съ самаго малаго, именно съ себя самого. Когда пріѣхалъ я на службу въ Тобольскую Семинарію (это было въ началѣ Марта 1838 года) и когда ректоръ Семинаріи архимандритъ Е. представилъ меня преосвященному, онъ вышелъ ко мнѣ съ видомъ серіознымъ, въ рясѣ, клобукѣ, съ панагіей и пр., благословилъ меня, распрашивалъ объ Академіи, въ которой я учился (Петербургской), объ относящихся къ моему предмету сочиненіяхъ, какія я изъ нихъ читалъ или не читалъ, поручилъ ректору озаботиться помѣщеніемъ меня въ казенной квартирѣ, и только. Но когда, дня черезъ два или три, по заведенному порядку, явился я къ нему принять благословеніе на преподаваніе лекцій, онъ уже принялъ меня въ одномъ полукафтаньѣ, былъ очень веселъ, разговаривалъ со мной часъ или болѣе о родинѣ и другихъ предметахъ и подъ конецъ благословилъ меня иконой, а за тѣмъ прислалъ мнѣ настольную салфетку съ изображеніемъ роднаго ему и мнѣ Ярославля, также большой коверъ и приказалъ бывать у него въ домѣ чаще, по крайней мѣрѣ разъ или два въ недѣлю, даже присылалъ за мной лошадь. Когда являлись къ преосвященному Аѳанасію служащіе въ Семинаріи [4]), онъ между ласковыми разговорами съ ними, а иногда и при угощеніи ихъ чѣмъ Богъ послалъ, никогда, бывало, не пропуститъ случая спросить ихъ, что, какъ и при какихъ пособіяхъ читается у нихъ въ классахъ, и если увидитъ нужду, непремѣнно дастъ наставленіе, укажетъ источники въ ихъ же семинарской библіотекѣ, либо, когда въ этой библіотекѣ ихъ не было, ссудитъ ими изъ собственной, посовѣтуетъ выписать и проч. Если предъ тѣмъ временемъ ему присланы изъ Петербурга или Москвы какія-нибудь обновки—изображенія и описанія древностей, рисунки изъ естественной исторіи и тому подобное, онъ непремѣнно покажетъ эти

---

[4]) А они являлись нерѣдко: ректоръ, инспекторъ и секретарь семин. правленія ѣздили къ Аѳанасію каждое воскресенье на чай и бесѣду при этомъ; секретарь, кромѣ того, часто являлся съ дѣлами по Семинаріи, библіотекарь бывалъ у него по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю; а другіе преподаватели (которыхъ впрочемъ въ то время было еще весьма мало) приходили къ преосвященному въ домъ по большимъ праздникамъ и въ его имянины и раза два или три въ году бывали вмѣстѣ съ нимъ у ректора Семинаріи на чаѣ.

обновки и имъ, познакомитъ ихъ съ ними, разскажетъ что-нибудь особенно интересное изъ нихъ. Да не подумаетъ кто-либо при этомъ, что преосвященный Аѳанасій, при встрѣчѣ съ начальниками и преподавателями Семинаріи, только одинъ и говорилъ, для того чтобы выказать предъ ними свои многостороннія познанія, свою обширную и глубокую ученость; напротивъ, онъ бывалъ доволенъ и весьма радъ, если кто-нибудь изъ служащихъ въ Семинаріи въ бесѣдѣ съ нимъ и при немъ о предметахъ ученыхъ или и обыкновенныхъ, не *водился молчаніемъ*, а принималъ въ ней участіе [5]). Сколько разъ мнѣ случалось видать, когда являлись къ преосвященному Аѳанасію члены и секретарь Консисторіи, и съ дѣлами и безъ дѣлъ, напр. въ праздники, или когда являлись къ нему уѣздные протоіереи и сельскіе благочинные, какъ архипастырь принималъ ихъ безъ напускной какой-нибудь важности и тѣмъ менѣе безъ гордости, безъ крику, безъ ворчанья, а напротивъ болѣе милостиво, снисходительно. Да когда онъ ѣздилъ и по епархіи, онъ обращался съ духовенствомъ (разумѣется исключая тѣхъ случаевъ, когда открывались какіе-нибудь важные безпорядки) просто, по-человѣчески, гуманнымъ образомъ, какъ теперь любятъ выражаться. Справедливость сказаннаго мною здѣсь подтвердятъ всѣ духовныя лица, остающіяся въ живыхъ отъ времени управленія Тобольской епархіи Аѳанасіемъ [6]). Мнѣ случалось бывать и при томъ, когда навѣщали преосвященнаго его хорошіе знакомые, напр. старики *Менделеевы* (отставной директоръ Тобольской гимназіи и даровитая старушка его

---

[5]) Такія бесѣды Аѳанасія съ служащими въ Семинаріи производили на нихъ самое благодѣтельное вліяніе: въ нихъ рождалось желаніе узнать свой предметъ сколько можно лучше, а нѣкоторые изъ нихъ даже пріобрѣтали охоту заводить собственныя библіотеки, выписывали для себя иногда и довольно дорогія изданія. Самообразованіе или самоусовершенствованіе учащихъ, происходившее по вліянію преосвященнаго, было полезно и для учащихся: учащіе учили съ ревностію, сообщали ученикамъ много свѣдѣній, которыхъ нѣтъ въ учебникахъ. Другое замѣчаніе: ласковое обращеніе преосвященнаго съ служащими въ Семинаріи, Консисторіи и вообще съ подчиненными, да и съ посторонними, симъ послѣднимъ ничуть не подавало повода забываться предъ нимъ: онъ умѣлъ незамѣтно внушать людямъ держаться въ извѣстныхъ границахъ. Еслибъ на кого нибудь изъ насъ преосвященный взглянулъ гнѣвно, особенно же еслибъ кому сказалъ жесткое слово, мы приняли бы это за настоящее наказаніе и выслушали бы замѣчаніе съ какимъ-то испугомъ.

[6]) Три года тому назадъ случилось мнѣ быть въ Тобольскѣ у прежняго знакомаго старичка протоіерея N. Увидѣвши у него висѣвшій на стѣнѣ портретъ Аѳанасія, я полюбопытствовалъ спросить: отъ чего это изъ всѣхъ преосвященныхъ, при которыхъ онъ служилъ (при 7), у него портретъ только одного Аѳанасія? „Этотъ архипастырь, отвѣчалъ старецъ, для меня особенно дорогъ; предъ нимъ я особенно благоговѣю: онъ меня поучилъ (по окончаніи курса за что-то посвятилъ только въ дьяконы), а потомъ облагодѣтельствовалъ, посвятивъ меня въ священники къ хорошему городскому приходу, далъ должность при Семинаріи“ и проч.

жена), *Фонъ-Визины,* молодой купецъ Ершовъ, пріѣзжій натуралистъ Карелинъ и пр. Преосвященный съ ними, бывало, не наговорится и о предметахъ религіозныхъ, предметахъ ученыхъ, а иногда и о политическихъ, только никакъ не о городскихъ новостяхъ или проще сказать—сплетняхъ. Пишущій эти строки бывалъ свидѣтелемъ встрѣчи и угощенія (обѣдами) перваго начальника Алтайской миссіи, отца архимандрита Макарія: тутъ владыка являлся не иначе какъ искреннѣйшимъ другомъ-пріятелемъ [7]). Наконецъ, я бывалъ свидѣтелемъ и того, какъ преосвященный принималъ посѣтителей изъ лицъ высокопоставленныхъ, напр. генералъ-губернаторовъ Западной Сибири, губернаторовъ, генераловъ, какъ жившихъ въ Тобольскѣ, такъ и пріѣзжавшихъ туда по дѣламъ службы изъ Омска и другихъ мѣстъ. И здѣсь никакой особенной важности, а и тѣмъ болѣе гордости, не было видно; а напротивъ видны были взаимное уваженіе, вѣжливость, радушіе, словоохотливость. Заключу маленькими извлеченіями изъ біографій преосвященнаго Аѳанасія, написанныхъ—одной въ Нижнемъ Новгородѣ, а другой въ Омскѣ. Въ первой, сначала помѣщенной въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а потомъ внесенной въ Исторію Нижегородской іерархіи (стр. 236) между прочимъ сказано: «(въ Нижнемъ Новгородѣ) уважали преосвященнаго Аѳанасія также за глубокій умъ и благородное, простое, ласковое обращеніе; самая строгость его... не могла отвращать отъ него любовь паствы». Во второй, помѣщенной въ Странникѣ 1867 г. за мѣсяцы Январь и Февраль, между прочимъ говорится «Глубокій умъ и обширная ученость преосвященн. Аѳанасія не надмевали его гордостію... Уму и познаніямъ, чьимъ бы то ни было, всегда отдавалъ полную справедливость; къ людямъ, не получившимъ образованія, былъ обыкновенно снисходителенъ... Преосвященный ласково принималъ всѣхъ, кто не былъ занятъ собой, чуждался лести, пронырства и хитрости, несклоненъ къ обидамъ другихъ и вообще отличался простосердечіемъ: съ такими людьми онъ бесѣдовалъ охотно, кротко и снисходительно». Въ сказанномъ въ біографіи его, составленной въ Омскѣ, о ласковости преосвященнаго Аѳанасія въ обращеніи, объ отсутствіи въ немъ даже ученой гордости, могутъ подозрѣвать пристрастіе (хотя тутъ по истинѣ нѣтъ ни малѣйшаго пристрастія), потому что эта біографія составлена мною, а я пользовался благоволеніемъ покойнаго архипастыря; но въ томъ, что̀ сказано въ его біографіи, написанной въ Нижнемъ Новгородѣ, касательно ласковаго обраще-

---

[7]) Отецъ Макарій и въ Академію былъ принятъ между другими Аѳанасіемъ, и въ Кіевѣ (въ 1823—1825 гг.) находилъ убѣжище въ его Златоверхомихайловскомъ монастырѣ, да и въ Миссію въ 1832 г. былъ имъ же въ первый разъ отправленъ.

нія преосвященнаго Аѳанасія съ людьми, въ томъ пристрастія подозрѣвать уже никакъ нельзя, потому что авторъ [8]) Нижегородской біографіи не только не пользовался благоволеніемъ преосвященнаго Аѳанасія, но при немъ и не служилъ въ Нижегородской Семинаріи: на службу сюда онъ поступилъ уже 10 лѣтъ спустя по отъѣздѣ описаннаго имъ владыки въ Тобольскъ, и слѣдовательно писалъ его біографію по бумагамъ, какія нашелъ, и по преданіямъ, какія слышалъ тогда въ Нижнемъ.

Если же это такъ, то отчего преосвященный Аѳанасій показался вновь рукоположенному Камчатскому епископу не только не ласковымъ, а напротивъ какимъ-то особенно важнымъ и въ разговорахъ и поступкахъ даже гордымъ? Вѣдь не съ умысломъ же, не съ намѣреніемъ же, ни за что ни про что, навести тѣнь на него въ глазахъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Иннокентій сдѣлалъ такой отзывъ о немъ? Вся тутъ бѣда въ томъ, что Иннокентій, не зная о предъидущихъ обстоятельствахъ жизни и службы Аѳанасія, какъ на грѣхъ, какъ бы на досаду, заводилъ съ нимъ рѣчь всё о самыхъ непріятныхъ для него предметахъ. Будемъ говорить по порядку.

1) Преосвященный Иннокентій по пріѣздѣ въ Тобольскъ и остановкѣ въ архіерейскомъ домѣ, принятый (сначала) преосвященнымъ Аѳанасіемъ очень ласково, послѣ первыхъ привѣтствій, исправилъ поклонъ отъ высокопреосвященнѣйшаго Московскаго Филарета и сказалъ: «Я имѣю къ вашему высокопреосвященству порученіе отъ митрополита Филарета» [9]). «Какое?» перемѣнивъ тонъ и взглядъ, спросилъ Аѳанасій. «Вы не пишете къ нему». Прежде чѣмъ сказать, какой данъ былъ на это отвѣтъ, напередъ разскажемъ о прежнихъ отношеніяхъ Аѳанасія къ архипастырю Московскому. Аѳанасій познакомился съ Филаретомъ еще въ 1806 году. Бывъ учителемъ Ярославской семинаріи, Аѳанасій (тогда Александръ Ѳедоровичъ *Протопоповъ*) во время вакацій пріѣзжалъ или приходилъ въ Троицкую Лавру для поклоненія преподобному Сергію и тамъ познакомился и съ учителемъ Лаврской Семинаріи Васильемъ или Филаретомъ Дроздовымъ, былъ въ его помѣщеніи и нѣсколько разъ пилъ у него чай. Учась въ преобразованной Петербургской Академіи (въ 1809—1814 г.), Аѳанасій по старому

---

[8]) Нынѣшній преосвященный Нижегородскій Макарій (Миролюбовъ).

[9]) На прощаньѣ съ Иннокентіемъ митрополитъ Филаретъ спросилъ его: „Будете вы въ Тобольскѣ?“ и на его утвердительный отвѣтъ сказалъ: „Скажите преосв. Аѳанасію, что всѣ іерархи удостоиваютъ меня посланіями, кромѣ его однаго.“ Это передавалъ пр. Иннокентій, по пріѣздѣ его въ Восточную Сибирь, своему товарищу по Семинаріи и всегда къ нему пріятелю, покойному прот. Прокопію Васильевичу Громову.

знакомству бывалъ сначала у баккалавра, а потомъ профессора и ректора Академіи Филарета для частной, такъ сказать, домашней бесѣды. По окончаніи курса и постриженіи въ монашество, онъ сдѣланъ былъ инспекторомъ Академіи, когда Филаретъ былъ уже ея ректоромъ и такимъ образомъ служилъ вмѣстѣ съ Филаретомъ. Чрезъ два неполныхъ года инспекторства [10]) онъ посланъ былъ въ Казань для него крайне-непріятную (по воспоминаніямъ о лихорадкѣ, которою онъ тамъ постоянно болѣлъ) ректоромъ тогда еще не преобразованной ея Академіи; но чрезъ годъ, по закрытіи ея, перемѣщенъ въ Тверь ректоромъ и профессоромъ богословія въ тамошней Семинаріи. Въ пять съ половиною лѣтъ управленія Тверской Семинаріею, полтора года онъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Филарета, когда тотъ управлялъ Тверскою епархіею. Съ половины 1823 и по начало 1832 года Аѳанасій былъ викаріемъ Кіевскимъ, потомъ епископомъ Нижегородскимъ. Съ выбытія въ 1816 г. изъ Петербургской Академіи и до начала 1832 года, при всѣхъ перемѣнахъ, онъ велъ переписку съ высокопреосвященнымъ Филаретомъ. Но въ Генварѣ или Февралѣ 1832 года кончилась эта переписка. Дѣло въ томъ, что 24-го Генваря 1832 года Нижегородскій епископъ Аѳанасій, съ переименованіемъ въ архіепископа, назначенъ на Тобольскую каѳедру. Какъ громомъ пораженъ былъ этимъ назначеніемъ преосвященный Аѳанасій: назначенъ онъ въ Сибирь, а Сибирь—мѣсто ссылки, заточенія для виновныхъ; перемѣщенъ на Тобольскую каѳедру, а сюда и въ старые и новѣйшіе годы иныхъ архіереевъ, напр. митрополита Антонія *Стаховскаго* въ 1721—1740 г. или въ Иркутскъ митрополита Игнатія *Смолу* [11]) посылали въ наказаніе; перемѣщенъ въ Тобольскъ, а въ Тобольскѣ,—о чемъ зналъ даже и Святой Димитрій Ростовскій [12]) и о чемъ всего за 4 мѣсяца до 1832 г. разсказывалъ преосвященному Аѳанасію въ проѣздъ чрезъ Нижній-Новгородъ изъ Тобольска въ Рязань преосвященный Евгеній (Казанцевъ)—климатъ гнилой, суровый и тяжелый, слѣдовательно для его плохаго здоровья весьма вредный. Короче сказать, Аѳанасію представилось, что правительство и высшее духовное начальство почему-то измѣнило о немъ свое мнѣніе, что оно имѣетъ его не на хорошемъ счету; ему представилось и то, что главный виновникъ его

---

[10]) Преосвященнѣйшій самъ полагалъ, что изъ Петербургской Академіи онъ перемѣщенъ былъ потому, что въ назначенные ему полтора года, за неимѣніемъ образцовъ не могъ выполнить порученіе начальства—составить руководство по каноническому праву, для преподаванія его въ академіяхъ и семинаріяхъ.

[11]) Полн. Собр. Зак. т. VI, № 3734; Прав. Обозр. 1863 г. т. 10, стр. 55—59; Правосл. Об. 1862 г. т. 7, стр. 543—47.

[12]) Сочин. Свят. Димитрія Ростовскаго т. 1, стр. 17 и 502.

назначенія въ Сибирь былъ митрополитъ Московскій *Филаретъ.* И вотъ съ тѣхъ поръ ни единой строки (частной) отъ него ни къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода, ни къ кому изъ членовъ Святѣйшаго Сѵнода, и въ особенности къ Филарету. Преосвященный *Иннокентій,* не зная ничего этого, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, при первой встрѣчѣ сказалъ Аѳанасію отъ митрополита Филарета поклонъ и высказалъ какъ бы желаніе сего послѣдняго возобновить бывшую когда-то между ними переписку; онъ сказалъ это отъ простоты сердца. «Скорѣе я», твердымъ тономъ отвѣчалъ Аѳанасій, «соглашусь остаться навсегда въ Тобольскѣ и Сибири, чѣмъ писать къ нему». [13]) Такъ, конечно, Аѳанасій до самой смерти своей (21 Сентября 1842 г.) и не писалъ къ Филарету.

Справедливо ли однакожъ Аѳанасій смотрѣлъ на свое назначеніе въ Тобольскъ (на старѣйшую въ іерархическомъ порядкѣ каѳедру и съ титуломъ архіепископа), какъ на почетное для себя наказаніе, и тѣмъ болѣе, справедливо ли онъ въ этомъ подозрѣвалъ всѣхъ больше митрополита Московскаго? Первое едвали вѣрно. Было время, когда дѣйствительно иныхъ архіереевъ посылали на службу въ Сибирь вмѣсто наказанія; но во второй четверти настоящаго столѣтія была твердая воля Государя Императора Николая Павловича такая, чтобы въ отдаленныя мѣста Имперіи на высшія должности по всѣмъ отраслямъ управленія назначать лицъ особенно способныхъ и благонадежныхъ. Объ этомъ говорили, а быть можетъ, и писали преосвященному Аѳанасію, заключавшему изъ назначенія его въ Тобольскъ о своемъ паденіи во мнѣніи высшаго начальства; говорили, а быть можетъ и писали, лица знавшія дѣла и заслуживавшія полнаго довѣрія; да повидимому онъ и самъ вѣрилъ этому [14]), по крайней мѣрѣ до встрѣчи съ Камчатскимъ преосвященнымъ. Самъ Святѣйшій Сѵнодъ, при назначеніи на вакантныя архіерейскія мѣста, руководствовался именно этою волею Государя Императора. Мало того, непосредственный предмѣстникъ Аѳанасія на Тобольской каѳедрѣ архіепископъ Павелъ (Павловъ) былъ назначенъ сначала, въ 1827 г., въ Могилевъ, а потомъ, въ Августѣ 1831 г., въ Тобольскъ (сюда онъ прибылъ больной и жилъ здѣсь только 22 дня) именно потому, что въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ онъ счи-

---

[13]) Въ письмѣ къ графу Протасову, Иннокентій кажется, нѣсколько еще смягчилъ слова Аѳанасія; настоящій отвѣтъ сего послѣдняго, по словамъ товарища Иннокентіева и его собесѣдника Восточно-сибирскаго, былъ рѣзче. „А! Если вы его агентъ, то увѣдомьте,— пусть онъ сошлетъ меня еще дальше въ Сибирь; а я не напишу ему ни одной строки.“

[14]) По крайней мѣрѣ въ бесѣдахъ съ пишущимъ иногда онъ высказывалъ эту вѣру.

тался особенно хорошимъ. Вотъ на это и доказательство. Товарищъ по Академіи Аѳанасія, преосвященный Гавріилъ (Городковъ), перемѣщенный въ 1831 году изъ Калуги въ Могилевъ, также считалъ свое перемѣщеніе наказаніемъ для себя, вовсе незаслуженнымъ и въ письмѣ къ митрополиту Филарету жаловался на это перемѣщеніе. Митрополитъ, отвѣчая Гавріилу, писалъ (отъ 8 Сент. 1831 г): «Что въ Могилевѣ труднѣе, нежели въ Калугѣ, это правда. Но то совершенно ложно, будто туда посылаютъ въ наказаніе. Св. Сѵнодъ смотритъ на высшія мѣста, какъ на высшія, на трудныя, какъ требующія преимущественно людей способныхъ и достойныхъ. Преосвященный Павелъ пользуется добрымъ мнѣніемъ владыки (первенствующаго члена митрополита Серафима) и по сему мнѣнію избранъ прежде въ Могилевъ, а теперь въ Тобольскъ. И васъ избрало, вѣрно, доброе мнѣніе, а не худое... Въ выборѣ вашемъ въ Могилевъ не имѣлъ я участія. Тѣмъ удобнѣе признáете вы безпристрастнымъ то, что̀ сказалъ я вамъ о семъ, соотвѣтствуя довѣренности вашей, откровенно» [1]). Итакъ, если Св. Сѵнодъ въ 1831 году такъ смотрѣлъ при назначеніи архіереевъ на высшія и трудныя мѣста (каковымъ считалось у него и архіерейское мѣсто въ Тобольскѣ) и если 7 Августа 1831 г. преосвященный Павелъ былъ назначенъ къ перемѣщенію изъ Могилева въ Тобольскъ вслѣдствіе хорошаго о немъ мнѣнія: то отчего же бы тотъ же Св. Сѵнодъ, при назначеніи архіереевъ въ самомъ началѣ слѣдующаго 1832 года, отступилъ отъ своего правила и всего чрезъ пять съ половиною мѣсяцевъ по назначеніи Павла въ Тобольскъ, какъ особенно способнаго и достойнаго, въ тотъ же Тобольскъ другаго т.-е. Аѳанасія послалъ уже въ наказаніе, какъ недостойнаго и неспособнаго?! Изъ всего этаго очивидно, что первое предположеніе преосв. Аѳанасія о перемѣщеніи его изъ Нижняго въ Тобольскъ будто въ наказаніе за что-то было ошибочно. Что же сказать теперь о второмъ его предположеніи, т.-е. будто бы онъ назначенъ въ Тобольскъ въ особенности по вліянію, по недоброжелательству къ нему митрополита Филарета? На какомъ основаніи такъ предполагалъ преосв. Аѳанасій, объ этомъ Камчатскій преосвященный, въ 1841 г., «не смѣлъ и не хотѣлъ его спрашивать», да и мнѣ ни разу не случалось слышать объ этомъ отъ покойнаго преосвященнаго. «Печально и я вспомянулъ», писалъ митрополитъ Филаретъ 20 Октября 1842 года тому же Гавріилу въ отвѣтъ на упоминаніе его о кончинѣ товарища своего, преосв. Аѳанасія, «и я вспомянулъ отшествіе преосвященнаго Аѳанасія, которое *не успѣли* (значитъ—дру-

[1] Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1868 г. кн. 2, смѣсь, стр. 138.

гіе?) *предварить* переселеніемъ въ лучшій край, какъ не безъ пользы сдѣлано было съ покойнымъ преосв. Мелетіемъ (Леонтовичемъ), который Аѳанасію былъ также товарищъ и который, бывъ перемѣщенъ изъ непріятнаго ему по климату Иркутска въ Харьковъ, тамъ нѣсколько лѣтъ свято жилъ и умно дѣйствовалъ. Господь да вселитъ его (Аѳанасія) тамо въ страну свѣта» [16]).

2) Преосвященный Иннокентій какимъ-то образомъ завелъ еще съ пр. Аѳанасіемъ рѣчь о жившемъ въ то время въ Александро-Невской лаврѣ на покоѣ бывшемъ экзархѣ Грузинскомъ митрополитѣ Іонѣ; но и это не въ попадъ... Аѳанасій былъ первокурсникъ, а архимандритъ Іона во время 1-го курса служилъ инспекторомъ и экономомъ Петербургской Академіи. Студенты не очень были къ нему расположены и по тому одному, что онъ былъ Калужанинъ: Калужскихъ всѣхъ (его, архимандрита Леонида и др.) студенты не долюбливали [17]) по непріятному для нихъ вліянію на Академію тогдашняго члена Св. Сѵнода сначала Калужскаго, а затѣмъ Рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта (Русанова); во 2-хъ, Іона служилъ въ Академіи инспекторомъ, а инспекторовъ, если въ рукахъ ихъ нравственная часть заведенія, почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанники какъ-то вообще не долюбливаютъ; къ тому же инспекторъ Іона былъ сухъ въ обращеніи. А главное, архимандрита Іону студенты 1-го курса Петербургской Академіи не любили потому, что онъ былъ вмѣстѣ и экономомъ Академіи (а экономовъ гдѣ и когда любятъ воспитанники?) и кормилъ студентовъ плохо, хотя быть можетъ не столько по своей винѣ, сколько по расчетливости самаго академическаго начальства. Студенты долго за это роптали на него, а разъ, наконецъ (въ Вербное Воскресенье), когда и столъ-то ради праздника былъ приготовленъ удовлетворительный, подняли во время обѣда въ столовой такой шумъ, что оттуда инспекторъ-экономъ долженъ былъ быстро удалиться. Послѣ обѣда, успокоившись, одумавшись, студенты рѣшились отправить къ инспектору депутацію съ извиненіемъ; въ числѣ депутатовъ, какъ наилучшій изъ студентовъ, при томъ комнатный старшій [18]), находился и Александръ Протопоповъ (Аѳанасій); но инспекторъ не принялъ гг. депутатовъ, напротивъ съ крикомъ и шумомъ (изъ за дверей) прогналъ ихъ.

---

[16]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1868 г. кн. 2, смѣсь, стр. 170. При всемъ этомъ Аѳанасій чрезвычайно уважалъ Филарета за его умъ, преподаваніе въ Академіи, за проповѣди и сочиненія, между прочимъ за *Записки на книгу Бытія.*

[17]) Смѣясь, шутя студенты говорили: Heresis Calugiensis.

[18]) Старшіе, а въ томъ числѣ и Аѳанасій, не принимали участія въ демонстраціи: они сидѣли за особымъ, за переднимъ столомъ, а шумъ начался и происходилъ наиболѣе въ заднихъ и среднихъ столахъ.

О происшествіи было доложено не только Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и Св. Сvноду, а даже чрезъ оберъ-прокурора князя Голицына доведено и до свѣдѣнія Государя Императора. Но затѣмъ новое огорченіе, новая досада для студентовъ и новый поводъ къ долгой и недоброй памяти объ инспекторѣ и экономѣ архимандритѣ Іонѣ: въ спискѣ наиболѣе виновныхъ студентовъ, который былъ представленъ правительству, оказались такія лица, которыя не только тѣломъ, а и душой не были виновны, и которые всегда отличались особенно хорошею нравственностію. Напр. въ тотъ списокъ внесенъ былъ студентъ Иванъ Недёшевъ, который, сравнительно съ другими, былъ, можно сказать, праведный человѣкъ, и онъ за небывалую вину не только исключенъ былъ изъ Академіи и потому навсегда лишился возможности получить полное академическое образованіе, а еще, вопреки его волѣ, былъ опредѣленъ причетникомъ въ Ревель къ тамошней православной церкви. Конечно, это не злой умыселъ, а ошибка; но ошибка для тѣхъ, кого она касалась, слишкомъ дорого стоившая, ошибка, которая произошла именно по винѣ инспектора: онъ долженъ бы знать студентовъ хорошо въ нравственномъ отношеніи; но если надѣлалъ такихъ ошибокъ, то, значитъ, не зналъ ихъ, по крайней мѣрѣ плохо ихъ зналъ, не зналъ хорошо и того, кто именно наиболѣе шумѣлъ въ Вербное Воскресеніе за обѣдомъ, а все-таки написалъ реэстръ и доложилъ начальству о записанныхъ въ него какъ о наиболѣе виновныхъ и безнравственныхъ. Вотъ эти-то вольныя или невольныя ошибки, допущенныя Іоной во время службы въ Петербургской Академіи, и остались навсегда въ памяти [19]) бывшихъ студентовъ.

3) Преосв. Иннокентій заводилъ рѣчь съ преосв. Аѳанасіемъ и о неудовольствіяхъ, происходившихъ между имъ и Пермскимъ архіеп. Аркадіемъ, по поводу обращенія миссіонерами сего послѣдняго раскольниковъ Тобольской епархіи. Дѣло это для преосв. Аѳанасія также было весьма непріятное, хотя Иннокентій болѣе справедливости находилъ на сторонѣ его, чѣмъ на сторонѣ Пермскаго преосвященнаго. «Не совсѣмъ братски и даже съ какимъ-то негодованіемъ», писалъ онъ графу Протасову, «отзывался преосв. Аркадій Пермскій о преосв. Тобольскомъ относительно обращенія раскольниковъ. Но какъ я узналъ послѣ,

---

[19]) Названный Іоаннъ Недёшевъ впослѣдствіи былъ протоіереемъ и законоучителемъ въ Смольномъ Институтѣ. Разъ кн. А. Н. Голицынъ за что-то расхвалилъ от. Іоанна. Какъ ни скроменъ, какъ ни терпѣливъ былъ Іоаннъ, но на этотъ разъ не утерпѣлъ: „Теперь", сказалъ онъ, „ваше сіятельство, вы меня такъ хвалите; а вотъ тогда-то, не разобравши дѣла, вы лишили меня счастія докончить курсъ въ Академіи и пожаловали въ пономари„. Въ Странникѣ за одинъ изъ слѣдующихъ за 1869-мъ годовъ, біографія: Прот. І. Недёшевъ.

преосв. Аѳанасій имѣлъ болѣе справедливыхъ причинъ жаловаться на него самаго.... Изъ разговоровъ пр. Аѳанасія видно, что онъ весьма недоволенъ дѣйствіями пр. Аркадія касательно обращенія раскольниковъ, ибо миссіонеры того дѣйствовали и въ его епархіи и довольно своевольно. Пр. Аркадій говорилъ: «Дай намъ обратить раскольниковъ и тогда возьми ихъ отъ насъ», а пр. Аѳанасій говорилъ: «Ужели у насъ не нашлось бы людей способныхъ къ тому! Это означаетъ недовѣріе къ намъ».

Неудовольствіе между двумя сосѣдними архипастырями вотъ какъ и вотъ съ чего началось. Пермскій преосвященный Аркадій, надо отдать ему честь, былъ дѣятельнѣйшій, неутомимѣйшій архипастырь. Дѣятельность его между прочимъ обращена была и на раскольниковъ, которыхъ въ Пермской епархіи и особенно по Уралу, по заводамъ было множество, и эта дѣятельность оказалась не только не безплодною, а напротивъ многоплодною: въ одинъ 1836 годъ въ Пермской епархіи обратилось изъ раскола къ единовѣрію до 13 тысячъ душъ, да въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ до 7.300, такъ что въ одинъ только первый названный годъ въ Пермской епархіи изъ обратившихся составилось 12 единовѣрческихъ приходовъ, для которыхъ немедленно даны были правильно-рукоположенные священники, а потомъ выстроены и церкви [20]). По сосѣдству и тѣсной связи между обращенными Уральскими и Зауральскими раскольниками, Пермскіе миссіонеры проникли въ нѣкоторые округа и Тобольской епархіи, причемъ и здѣшніе раскольники также соглашались принять Православіе или чистое или на правилахъ единовѣрія, при чемъ и имъ было разрѣшено построить двѣ единовѣрческія церкви [21]). Но единовѣрцы епархіи Тобольской, частію потому, что къ принятію единовѣрія склоняемы были Пермскими миссіонерами, а и еще болѣе, кажется, потому, что прежде бывъ въ расколѣ, они постоянно зависѣли отъ Екатеринбургскихъ, слѣдовательно въ Пермской епархіи жившихъ, бѣглыхъ поповъ и расколоучителей, стали просить, чтобы имъ позволено было находиться въ зависимости отъ Пермскаго епархіальнаго начальства. По этимъ обстоятельствамъ Св. Сѵнодъ разрѣшилъ Пермскому преосвященному дѣйствовать и на раскольниковъ Тобольскихъ и, при переходѣ ихъ въ единовѣріе, опредѣлять къ нимъ священниковъ [22]). Само собою разумѣется, что Пермскій преосвященный съ точностію исполнялъ указъ Св. Сѵнода. Но

---

[20]) См. Отчеты оберъ-прок. Св. Сѵнода за 1836 годъ, стр. 35, за 1837 стр. 33 и за 1840 годъ, стр. 35.

[21]) Тотъ же Отчетъ за 1836 г., стр. 35 и 36 и 1837 г., стр. 34.

[22]) Отчетъ оберъ-прок. Св. Сѵнода за 1837 г. стр. 34.

каково было пр. Аѳанасію? На ввѣренную его управленію епархію вліяла власть чуждая, въ предѣлахъ его епархіи явилась другая, не отъ него зависѣвшая, епархія, къ нему отъ высшаго начальства высказывалось за что-то недовѣріе. Ужели у него въ его епархіи не нашлось бы людей способныхъ къ обращенію раскольниковъ? Да миссіонеры отъ него давно уже и были назначены и дѣйствовали довольно удачно?! По поводу такого вмѣшательства, между двумя сосѣдними архипастырями завязалась довольно щекотливая переписка; къ тому же, въ это время открылось, что одинъ изъ Пермскихъ миссіонеровъ, находившихся въ Тобольской епархіи, дѣйствуетъ въ обращеніи раскольниковъ къ единовѣрію не чисто, да и жизнь ведетъ не очень-то приличную и вообще лицу духовному, а тѣмъ паче миссіонеру. Къ счастію, Сѵнодъ вскорѣ предписалъ обоимъ преосвященнымъ, по случаю ослабленія раскола, дѣйствовать каждому въ предѣлахъ только одной своей епархіи. Съ тѣхъ поръ у пр. Аѳанасія дѣло по обращенію раскольниковъ пошло лучше, такъ что въ одинъ только 1840 годъ обратившихся изъ раскола въ его епархіи оказалось 2.658 душъ [23]), для которыхъ въ этомъ же году, кромѣ двухъ единовѣрческихъ церквей, назначено построить еще нѣсколько. Какъ удачно дѣйствовали иные изъ Тобольскихъ миссіонеровъ въ обращеніи раскольниковъ и какъ умно въ этомъ трудномъ дѣлѣ поступалъ и самъ преосв. Аѳанасій, это объяснитъ слѣдующій разсказъ. Единовѣрцы Курганскаго уѣзда, деревни Щучьей, въ числѣ 70 или 80 душъ, въ 1837 году, въ проѣздъ чрезъ Курганъ Государя Наслѣдника, подали ему прошеніе о дозволеніи имъ образовать изъ себя приходъ, построить церковь и отправлять въ ней чрезъ правильно-рукоположеннаго священника богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, съ отличіями въ обрядахъ, дозволенными единовѣрцамъ. Это прошеніе Его Императорское Высочество передалъ Св. Сѵноду, а Св. Сѵнодъ предписалъ преосв. Аѳанасію удовлетворить желанію просителей, внушая напередъ постараться раскольниковъ изъ сосѣднихъ селеній обратить къ единовѣрію и, по обращеніи, согласить ихъ пристать къ Щучинскому приходу (такъ какъ этотъ одинъ былъ бы слишкомъ малъ). Для предписанной цѣли преосвященный командировалъ соборнаго священника, законоучителя губернской гимназіи Степана Яковлевича Знаменскаго. Этотъ умный, строгой, можно сказать, праведной жизни, тихій нравомъ и кроткій характеромъ священникъ (въ послѣдствіи Ялуторовскій и наконецъ Омскій протоіерей), по прибытіи на мѣсто, повелъ дѣло такъ, что изъ

---

[23]) А до Аѳанасія обращеній изъ раскола по Тобольской епархіи вовсе не было.

раскольниковъ сосѣднихъ съ Щучьимъ селеній обратилось къ чистому Православію до 200 человѣкъ, да къ единовѣрію пристало до 1.000 душъ, которыя всѣ согласились войти въ составъ Щучинскаго единовѣрческаго прихода, построить вмѣстѣ со Щучинскими единовѣрцами церковь и пр. Но тутъ встрѣтилось затрудненіе: соглашавшіеся принять единовѣріе требовали непремѣнно, чтобы ихъ будущій священникъ посвященъ былъ отъ архіерея не иначе, какъ съ хожденіемъ вокругъ престола по-солонь, чтобы имъ потомъ ни въ чемъ не зависѣть отъ епархіальнаго начальства, чтобы и метрики, и росписи, и прочую отчетность по церкви представлять не въ Консисторію и не къ архіерею, а въ Губернское Правленіе, или къ губернатору и пр. Послѣ сего почтенный отецъ Степанъ Знаменскій возвратился въ Тобольскъ съ поникшею головою и представилъ преосвященному приговоръ Щучинцевъ, думая, что онъ отвергнетъ эти ихъ условія и что, слѣдовательно, поѣздка его не приведетъ ни къ чему. Такихъ мыслей была и Консисторія Тобольская. Но вышло совершенно не то: преосвященный на причудливыя требованія раскольниковъ не обратилъ никакого вниманія и велѣлъ написать имъ только, чтобы немедленно избрали себѣ кандидата въ священники и представили его для рукоположенія. Кандидатъ былъ избранъ, и съ нимъ явились къ преосвященному двое депутатовъ отъ общества избиравшихъ. Депутаты, явившись къ владыкѣ, не приняли отъ него благословенія и при входѣ въ его комнаты даже не помолились, по обычаю православныхъ. Преосвященный и на это не обратилъ вниманія; напротивъ, обошелся съ этими упрямцами ласково, говорилъ съ ними, разспрашивалъ ихъ о томъ, о другомъ, даже шутилъ, говоря (совершенную правду), что онъ не нюхаетъ, не куритъ и не пьетъ водки. Все это имѣло наилучшія послѣдствія. Вопервыхъ, на вопросъ преосвященнаго предъ литургіей, когда надлежало рукоположить единовѣрческаго священника, какъ онъ долженъ совершить рукоположеніе, по прежнему ли ихъ желанію (т.-е. съ хожденіемъ ли вокругъ престола, по-солонь), или какъ обыкновенно рукополагаются священники? Депутаты отвѣчали: «какъ вамъ угодно, такъ и дѣлайте, намъ все равно», и священникъ рукоположенъ былъ по обрядамъ церкви православной. Депутаты присутствовали при этомъ въ алтарѣ, и ни въ то время, ни послѣ не сдѣлали никакого возраженія. Вовторыхъ, единовѣрческій священникъ, согласно словесному данному на единѣ наставленію преосвященнаго, метрики, росписи и всю отчетность по церкви съ перваго же года сталъ представлять не къ губернатору и не въ Губернское Правленіе, чего прежде требовали единовѣрцы, а въ Консисторію, и это отъ прихожанъ не воспрещалось ему. Въ третьихъ, когда Щучинскимъ единовѣрцамъ случалось послѣ того встрѣчаться съ преосвя-

щеннымъ, они уже не чуждались его, принимали отъ него благословеніе, вообще сдѣлались такими же добрыми, послушными сынами Церкви, какъ и православные. Но было ли бы это такъ, еслибъ пр. Аѳанасій отвергъ ихъ строптивыя требованія, еслибъ не сдѣлалъ имъ никакого снисхожденія? Они, конечно, возвратились бы къ прежнимъ своимъ заблужденіямъ и остались бы по прежнему въ непримиримой враждѣ къ Св. Церкви. И такъ не одни Пермскіе миссіонеры съ своимъ владыкой Аркадіемъ, но и миссіонеры Тобольскіе у владыки Аѳанасія умѣли обращаться съ раскольниками и обращать ихъ къ правовѣрію.

4) Четвертый непріятный предметъ, о которомъ Камчатскій преосвященный, въ проѣздъ чрезъ Тобольскъ, заводилъ рѣчь съ Тобольскимъ преосвященнымъ, это его строгость во время управленія имъ въ 1827—31 гг. Нижегородскою епархіею. Да, преосв. Аѳанасій въ Нижнемъ былъ строгъ. Во всю бытность на Нижегородской паствѣ пр. Аѳанасій неутомимо преслѣдовалъ въ духовенствѣ нетрезвость, корыстолюбіе или вымогательство за требоисправленіе и сварливость, и тогда многимъ довелось поплатиться за старые и новые грѣхи; тогда иные, стоявшіе и на почетныхъ мѣстахъ въ епархіи, не могли болѣе держаться на нихъ. Да, повторю, пр. Аѳанасій въ Нижнемъ съ духовенствомъ поступалъ строго. Но какъ же было ему и поступать иначе? Управлявшій предъ нимъ Нижегородскою епархіею 13 лѣтъ преосв. Моисей (въ свое время славившійся краснорѣчіемъ) до того былъ милостивъ и снисходителенъ (чтобы не сказать слабъ и потачливъ) къ недостаткамъ и проступкамъ духовенства, что иныхъ напримѣръ отличавшихся крайнею нетрезвостію и во время нетрезвости буйствомъ, вмѣсто всякаго исправленія, только приказывалъ обязывать подписками впредь не пить не только вина (т. е. водки), а и пива и квасу. По смерти преосв. Моисея, Нижегородская епархія цѣлый годъ (1825) состояла подъ завѣдываніемъ чуждаго для нея и не очень близко жившаго (Костромскаго) архіерея; а это, какъ всякому понятно, почти равняется отсутствію всякаго управленія. Непосредственный же предмѣстникъ Аѳанасія, епископъ Меѳодій былъ въ архіерействѣ человѣкъ новый, слабъ здоровьемъ и въ восемь мѣсяцевъ управленія (съ Марта по Ноябрь 1826 г.) не успѣлъ даже и осмотрѣться на своемъ мѣстѣ. Отъ всего этого въ 20 и 30-тыхъ годахъ иные изъ духовенства Нижегородской епархіи такія дѣлали дѣла, о нихъ же не лѣть есть не точію писанію предати, но и глаголати [24]). При томъ во главѣ Нижего-

---

[24]) Это пишется вслѣдствіе разсказовъ пр. Аѳанасія.

родской Консисторіи много лѣтъ не de jure, а de facto стояло лицо, правда отличенное, украшенное наградами, но не стыдившееся и не боявшееся, по желанію людей заинтересованныхъ, перемѣнять важныя бумаги, въ родѣ напр. контрактовъ, метрическихъ свидѣтельствъ и подобныхъ тому документовъ и подписывать ихъ старыми годами и числами [25]). Между тѣмъ, въ началѣ царствованія Государя Императора Николая Павловича, указы къ епархіальнымъ начальникамъ объ уничтоженіи въ средѣ духовенства пороковъ и нравственныхъ недостатковъ были особенно строги, повелѣнія особенно грозны. Что же тутъ было дѣлать новому начальнику Нижегородской епархіи? Ужели позволять не только расти на нивѣ ея прежнимъ нравственнымъ плевеламъ, а еще и новымъ появляться на ней? Ужели, щадя ихъ, подвергать себя гнѣву, и гнѣву вполнѣ справедливому Его Императорскаго Величества? Ужели и самому преосвященному, горѣвшему желаніемъ видѣть подчиненное ему духовенство соотвѣтствующимъ святому, высокому его назначенію, дозволять ему погрязать въ болотѣ слабостей и непорядковъ? Ужели, щадя одного человѣка (напр. недостойнаго священника), чрезъ то самое вредить многимъ, цѣлому приходу, или снисходя одному причинять вредъ цѣлой епархіи, какъ это дѣлалъ по своей добротѣ въ иныхъ случаяхъ второй преемникъ пр. Аѳанасія на Нижегородской каѳедрѣ, именно тотъ самый преосвященный, который жаловался преосв. Камчатскому Иннокентію на строгое управленіе Аѳанасіемъ Нижегородскою епархіею? Да, преосв. Іоаннъ терпѣлъ ректора Нижегородской Семинаріи архимандрита N, который, будучи сверхъ ректорства и профессоромъ богословія, цѣлые годы, цѣлые курсы даже и не являлся (положимъ по болѣзни ногъ) на лекціи въ богословскій классъ и пробавлялся единственно тѣмъ, что къ экзаменамъ сдавалъ по нѣскольку листковъ богословскихъ записокъ, которыя списывались учениками богословія и выучивались наизусть. Это и теперь хорошо помнятъ остающіеся въ живыхъ старики-священники Нижегородской епархіи, именно тѣ, которые учились и кончили курсъ въ 30-хъ годахъ. Развѣ эта пощада одного лица не отзывалась вредомъ на цѣлыхъ сотняхъ учениковъ богословія, послѣ городскихъ и сельскихъ священникахъ? Развѣ отъ этой пощады одного человѣка не было вреда даже и для цѣлой епархіи? Что̀ были за священники, которые вовсе не учились богословію, притомъ во всѣхъ его отдѣлахъ? Ректоръ, который по снисходительности преосв. Іоанна, незаслуженно благоденствовалъ и продолжалъ ректорствовать, былъ уволенъ только тогда, когда на Нижего-

---

[25]) На этомъ лицо то въ послѣдствіи и попалось.

родскую Семинарію, вслѣдствіе открывшихся въ ней безпорядковъ, была назначена экстренная ревизія. «Семейства нѣкоторыхъ, лишенныхъ (по суду) Аѳанасія священства», какъ говорилъ пр. Иннокентію преосв. Іоаннъ, «теперь останутся безъ куска хлѣба». Конечно, этого жаль и крайне жаль; но въ бѣдахъ этихъ, если говорить правду, былъ виновенъ не архіерей, который осудилъ ихъ поильцевъ и кормильцевъ, а сами эти осужденные имъ: проказничая, ведя жизнь неприличную священному сану, они должны были напередъ знать и думать, какія могутъ быть послѣдствія ихъ недостойной жизни и неисправной службы. Впрочемъ и въ Нижегородской епархіи жаловались на пр. Аѳанасія только понесшіе заслуженное наказаніе и ихъ семейства; а прочіе, а большинство, и тамъ, не смотря на его строгость, не только уважали, но и любили его. «Когда при послѣднемъ своемъ служеніи передъ отъѣздомъ изъ Нижняго», говорится въ его біографіи (повторимъ, что біографія эта была написана лицомъ, служившимъ въ Нижнемъ довольно лѣтъ по отъѣздѣ оттуда Аѳанасія, даже уже и по смерти его), онъ взошелъ на каѳедру и произнесъ текстъ: *вмалѣ, и не видите мене*, у многихъ навернулись слезы, а въ продолженіи поученія иные отъ души плакали». Протоіерей Лебедевъ, въ рѣчи, говоренной при отъѣздѣ преосвященнаго изъ Нижняго, сказалъ между прочимъ: «Порядокъ и благочиніе, какъ въ святилищахъ Божіихъ, такъ и въ жизни паствы твоей, тобою водворенные; св. любовь къ истинѣ, мудрое правосудіе, растворенное милосердіемъ: вотъ тѣ неоцѣненные памятники, которые всегда будутъ живо напоминать намъ тебя, добраго архипастыря». Повторимъ здѣсь, что̀ сказалъ о преосв. Аѳанасіѣ писавшій Исторію Нижегородской іерархіи: «Уважали (въ Нижнемъ) пр. Аѳанасія также за благородное, простое и ласковое обращеніе. Самая строгость его, самый судъ его надъ провинившимися не могли отвращать отъ него любовь паствы; потому что судъ его былъ прозорливъ, а потому и неизмѣнчивъ, безпристрастенъ, а потому справедливъ, и какъ строгъ, такъ и снисходителенъ былъ равно къ неприближеннымъ и приближеннымъ» [26]).

Съ перемѣною мѣста службы и обстоятельствъ, по которымъ пр. Аѳанасій былъ строгъ при управленіи епархіею, и самъ онъ, такъ сказать, измѣнился. «Касательно управленія духовенствомъ», писалъ въ 1841 году Камчатскій преосвященный гр. Протасову, «преосв. Аѳанасій говорилъ, что онъ здѣсь (въ Тобольскѣ) поступаетъ не такъ, какъ въ Нижнемъ: тамъ онъ былъ строгъ, потому что было кѣмъ замѣнять изверженныхъ, а здѣсь онъ начинаетъ изъ подъ-тиха увеличивать свою

---

[26]) Исторія Нижегород. іерарх., стр. 234—37.

строгость, по мѣрѣ того какъ находитъ средства замѣнить недостойныхъ [27]). Но и кромѣ этой существовали и другія даже важнѣйшія причины, почему пр. Аѳанасій въ управленіи Сибирскимъ духовенствомъ и въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ въ Тобольскѣ былъ снисходительнѣе, чѣмъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Это, вопервыхъ, значительно измѣнившійся съ годами, приближавшимися къ старческимъ, взглядъ пр. Аѳанасія на людей. Люди, говорилъ въ Тобольскѣ преосвященный, вездѣ какъ люди со слабостями и не безъ погрѣшностей: видно одною строгостію не истребишь зла; при томъ, съ наказываемыми, съ лишенными мѣстъ и съ запрещаемыми въ священнослуженіи, вмѣстѣ страдаютъ и ихъ семейства; эти несчастныя обыкновенно къ намъ же обращаются за пособіями, а мы чѣмъ пособимъ имъ? Какія у насъ на это средства? Наши попечительства и круглымъ-то сиротамъ, да безпріютнымъ вдовамъ могутъ оказывать только нищенскую помощь; поэтому, инаго и слѣдовало бы наказать,—пощадишь, съ инаго и надо бы взыскать,—взыщешь только слегка». Вовторыхъ, въ Тобольскѣ не представлялось и поводовъ быть преосв. Аѳанасію строгимъ: духовенство Тобольской епархіи, какъ неоднократно говаривалъ и самъ преосвященный, было нисколько не хуже духовенства и лучшихъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ епархій. Особенно въ немъ (въ Сибирскомъ духовенствѣ) ему нравились благопокорность и миролюбіе: во всѣ 10 съ половиною лѣтъ управленія имъ Тобольской епархіею только двое (одинъ священникъ и одинъ діаконъ) заявили неудовольствіе на епархіальное начальство и подали на аппеляцію въ Св. Сѵнодъ; но эти люди, какъ неспокойные и склонные къ сутяжничеству, по распоряженію самого же Св. Сѵнода, были перемѣщены въ Пермскую епархію.

Въ послѣдствіи Иннокентій въ письмѣ своемъ къ гр. Протасову, какъ бы жалуясь, что архіепископъ Тобольскій Аѳанасій принялъ его болѣе съ важностію, при этомъ сказалъ: «которая (важность) у него вѣроятно происходитъ отъ его учености и многознанія», и тутъ же какъ

---

[27]) Въ Тобольскѣ и дѣйствительно часто некѣмъ было замѣнять, напр. священниковъ, въ случаѣ ихъ удаленія отъ мѣстъ за слабости: напримѣръ въ годъ (1838) моего поступленія въ Тоб. Семинарію преподавателемъ окончило курсъ только 17 человѣкъ; изъ нихъ 7 человѣкъ поступили въ учители епархіальныхъ дух. училищъ, 1 въ Академію и еще 1 въ граждан. службу. Слѣдовательно, въ священники двухъ епархій (въ Томскѣ своей Семинаріи тогда еще не было) поступило только 8 челов., и все слабѣйшіе по ученію сравнительно съ тѣми девятью. И это не единственный примѣръ. Чтобы пополнить недостатокъ мѣстнаго духовенства, Аѳанасій иногда вызывалъ лицъ духовныхъ изъ Россійск. епархій; но на вызовъ откликалось немного, особенно изъ бѣлаго духовенства. Изъ чернаго явилось разъ нѣсколько болѣе, но явились такія личности, которымъ владыка былъ крайне не радъ: „лучше", говорилъ онъ, „иные монастыри совсѣмъ закрыть, чѣмъ наполнять ихъ такими монахами."

бы въ упрекъ, что неподлежащею сану своему занимается наукою, замѣтилъ въ скобкахъ: «онъ теперь занимается *натурою*» (т.-е. естественными науками). Дѣйствительно, пр. Аѳанасій въ Тобольскѣ много занимался естественными науками, напр. зоологіею, минералогіею, сравнительною анатоміею, геологіею и пр. Для этого имъ было выписано все, что̀ существовало лучшаго въ Европейской и особенно во Французской литературѣ по этимъ наукамъ, напр. Кювье, Бюффонъ, Сентъ-Илеръ, Гумбольдъ (притомъ съ раскрашенными, иными чуть не аршинными изображеніями естественныхъ предметовъ) и пр. и пр.; для этого же имъ были пріобрѣтены сильно увеличивающій микроскопъ и разной величины зрительныя трубы и трубки; для того же имъ былъ собранъ весьма значительный минералогическій кабинетъ, состоявшій, кромѣ нѣкотораго количества произведеній другихъ странъ (напр. рѣдкихъ раковинъ, янтарей съ насѣкомыми внутри и немногихъ драгоцѣнныхъ камней), преимущественно изъ лучшихъ штуфовъ, произведеній (рудъ, камней и металловъ) обширной Сибири [28]). Поэтому у преосвященнаго съ посѣтителями, особенно хотя мало-мало понимающими дѣло, нерѣдко темами разговоровъ бывали предметы естественно-историческіе; причемъ для поясненій имъ выносились изъ библіотеки вышепомянутыя книги съ изображеніями и изъ минералогическаго кабинета рѣдкіе, особенно интересные и идущіе къ разговору камни. Но ошибочно, даже грѣшно было бы сказать о пр. Аѳанасіѣ, будто бы онъ (послѣ епархіальныхъ дѣлъ) занимался исключительно натурою; нѣтъ, занимаясь естественными науками, онъ въ тоже время дѣятельно занимался Св. Писаніемъ и его толкованіемъ, занимался разными отдѣлами богословія, церковнымъ краснорѣчіемъ, каноническимъ правомъ, церковными и гражданскими древностями [29]), церковной и гражданской исторіей, древней и новой географіей, путешествіями [30]), исторіей словесности и искусствъ, древними языками, и по всѣмъ этимъ наукамъ имѣлъ въ своей библіотекѣ все, что̀ только въ цѣлой Европѣ было лучшаго на Латинскомъ, Рус-

---

[28]) Штуфы Сибирскаго происхожденія почти всѣ достались преосвященному даромъ: ихъ ему привозили, охотно дарили разные военные и гражданскіе начальники послѣ своихъ поѣздокъ въ горныя мѣста для ревизій, для наблюденія.

[29]) У него были древности Россіи (напр. Москвы и Сибири) и памятники Греціи, Нубіи, Индіи и Египта. Послѣднихъ (стоившихъ покойному 1100 р. асс.) было чуть не съ возъ однихъ рисунковъ на аршинныхъ и почти саженныхъ листахъ, да близъ 40 томовъ текста.

[30]) Изъ атласовъ древ. и новой географіи, помнится, у пр. были особенно хорошіе атласы Брюе (69 аршинныхъ листовъ и при томъ отличной гравировки) и Лапи, а изъ географій Мальте-Брюна (8 томовъ) и Бальби. Изъ путешествій онъ имѣлъ нѣсколько путешествій (на Лат., Русскомъ и Франц. языкахъ) по Святой Землѣ.

скомъ и особенно на Французскомъ языкахъ. Что пр. Аѳанасій имѣлъ обширныя и глубокія свѣдѣнія въ богословскихъ наукахъ, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать хотя уже и весьма немногіе теперь остающіеся въ живыхъ въ духовенствѣ (между прочимъ и одинъ весьма извѣстный старецъ-архипастырь), бывшіе его ученики по Тверской Семинаріи; тоже могутъ подтвердить (теперь также глубокіе старцы) магистры и кандидаты Кіевской Академіи, учившіеся тамъ въ 1824—26 годахъ и слышавшіе его бесѣды и возраженія по разнымъ отдѣламъ богословія на экзаменахъ у нихъ. Что у пр. Аѳанасія было весьма не мало изданій и притомъ лучшихъ по всѣмъ (и кромѣ естественныхъ) исчисленнымъ выше наукамъ, этому живыми памятниками доселѣ служатъ и еще долго будутъ служить библіотеки Семинарій Тверской и Тобольской и Академій Московской и частію Казанской [31]). Что пр. Аѳанасій и въ послѣдніе годы жизни, напр. между прочимъ и въ годъ проѣзда чрезъ Тобольскъ пр. Иннокентія, занимался богословскими науками, объ этомъ говорятъ слѣдующіе факты: въ послѣдніе годы жизни имъ были перемѣнены на лучшія (новыя) прежнія изданія Церковной Исторіи Флери (вмѣсто 19 томовъ въ четверть имъ были выписаны шесть томовъ въ бол. 8-ю) и библейской исторіи Буддея; вновь пріобрѣтены церковныя исторіи Руттенштокка, Маттера и первые томы Неандера, и были для него переводимы съ Нѣмецкаго языка (инспекторомъ Семинаріи Арзамазовымъ и бывшимъ генераломъ-маіоромъ М. А. Фонъ-Визинымъ), а имъ исправляемы и очищаемы отъ неологическихъ заблужденій и своеобразныхъ вѣроисповѣдныхъ взглядовъ, многотомныя библейскія археологіи Яна и Розенмиллера [32]).

Сообщеніе графу Протасову о своей встрѣчѣ съ Тобольскимъ пр. Аѳанасіемъ пр. Иннокентій заключилъ словами: «При прощаніи, пр. Аѳанасій... подарилъ мнѣ панагію (простую)». Панагія эта была цѣла и невредима у высокопреосвященнаго Иннокентія въ послѣдствіи вре-

---

[31]) Въ библіотеку Тверской Сем. пр. Аѳанасій при хиротоніи въ викарія Кіевскаго передалъ отцовъ церкви; въ библіотекѣ Тоб. Семинаріи не мало книгъ пр. Аѳанасія и пожертвованныхъ имъ самимъ и купленныхъ по его смерти уже изъ имѣнія совѣтника Семенова; для Казан. Академіи изъ библіотеки Аѳанасія было куплено 150 томовъ, а для библіотеки Моск. Академіи самая большая часть книгъ (около 800 или 900 том.) Аѳанасіевыхъ были пріобрѣтены уже отъ его наслѣдниковъ (племянниковъ, служившихъ въ Костромѣ).

[32]) Нѣмецк. языка пр. Аѳанасій не зналъ, но, по любви къ библейской археологіи, непремѣнно хотѣлъ читать названныя древности и потому поручалъ ихъ переводить, переводы исправлялъ, а иное въ нихъ и совсѣмъ передѣлывалъ, затѣмъ заставлялъ переписывать и пр. Гдѣ теперь эти переводы, неизвѣстно. Ректоръ Тоб. Семинаріи архим. Венедиктъ хотѣлъ было ихъ купить, но безтолковый и безграмотный довѣренный наслѣдниковъ Аѳанасія запросилъ за нихъ 500 рублей (асс.).

мени, да быть можетъ сохранялась и до смерти. По крайней мѣрѣ, когда я, въ проѣздъ его въ 1868 г. чрезъ Омскъ, какъ-то упомянулъ о покойномъ Тобольскомъ преосв. Аѳанасіѣ, онъ при этомъ, вдругъ указавъ на бывшую на немъ панагію, сказалъ: «А вотъ это подарокъ преосв. Аѳанасія». Тобольскій архіепископъ Аѳанасій былъ довольно богатъ книгами (ихъ было у него тысячъ на 8 сер.) и минералогическимъ кабинетомъ, а деньгами и прочимъ имуществомъ былъ бѣденъ: по смерти у него денегъ, скопленныхъ въ послѣднее время на преднамѣреваемый переѣздъ въ Россію и въ случаѣ смерти на похороны, оказалось съ небольшимъ 600 р., платья рублей на 200 только, а серебра ни золотника. Изъ Нижняго имъ были привезены два серебряныхъ подсвѣчника, три столовыхъ ложки, колокольчикъ (сер.) и карманные часы; но всѣ эти вещи были промѣнены въ Тобольскѣ на штуфы одному торговцу-разнощику.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

22 Окт. 1880 г. Омскъ.

МОСКОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ИННОКЕНТІЙ О ДѢТСКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Покойный митрополитъ Московскій Иннокентій, съ самаго вступленія на Московскую каѳедру, старался вникать въ духовныя нужды своей паствы. Понимая, что будущее нравственное направленіе человѣка и дальнѣйшее развитіе его, какъ христіанина, семьянина и гражданина, опредѣляется наиболѣе первоначальнымъ воспитаніемъ его съ дѣтскаго ранняго возраста, и особенно любя дѣтей, Иннокентій прежде всего хотѣлъ познакомиться съ этимъ предметомъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая собственноручная записка его, помѣченная: 13 Февраля 1869 г.

Небрежность, неумѣлость, шаткость и ошибочность въ воспитаніи дѣтей, и даже вредное направленіе въ дѣтскомъ образованіи, побудили митрополита Иннокентія къ составленію этой записки съ изложеніемъ своего взгляда, какъ приняться за это святое дѣло и вести его. Имъ указанъ легкій, дешевый и прямой способъ ознакомить дѣтей съ обязанностями человѣка къ Богу, къ ближнимъ и самому себѣ. Способъ этотъ доступенъ не для однихъ ученыхъ педагоговъ и не для дѣтей только достаточныхъ родителей, но и для такихъ воспитателей и воспитательницъ, которые знали бы только грамотѣ и были бы достаточно толковы, даже и для самыхъ бѣднѣйшихъ дѣтей, удаленныхъ отъ училищъ и не имѣющихъ учебниковъ, въ глухихъ захолустьяхъ нашихъ. Особенно будутъ благодарны за эти указанія наши сельскіе священники и сельскіе причты, принимающіе участіе въ обученіи дѣтей своихъ прихожанъ.

Всякіе Фребелевскіе сады, съ ихъ иноземными дорогими затѣями, должны уступить предлагаемому способу первенство, по сродству, дешевизнѣ, разумности, пріятности и затѣмъ благотворности прочнаго подготовленія дѣтей къ жизни и служенію общественному.

Ясный и простой языкъ записки можетъ служить образцомъ для учителей и учительницъ, какъ имъ слѣдовало бы бесѣдовать съ своими питом-

цами, чтобы дѣти не бѣгали отъ ученія. Записка напоминаетъ собою другое сочиненіе того же пастыря: „Указаніе пути къ царствію небесному“, небольшую книжку самыхъ простыхъ, обще-доступныхъ и глубоко-искреннихъ наставленій.

Знакомя читателей чрезъ печать съ этой рукописью, я желалъ бы тѣмъ вызвать въ нихъ сочувствіе къ памяти митрополита Иннокентія сообщеніями въ печать, или же лично мнѣ, всѣхъ письменныхъ матеріаловъ, какіе отыщутся у кого либо изъ нихъ, въ видѣ-ли писемъ его къ разнымъ лицамъ или въ видѣ замѣтокъ о немъ. Такіе матеріалы потому особенно цѣнны и дороги для меня, что я приступилъ къ составленію подробнаго жизнеописанія митрополита Иннокентія, которое желаю повозможности сдѣлать полнымъ и достойнымъ его памяти.

Благодаря участію многихъ просвѣщенныхъ лицъ и особенно многочисленныхъ почитателей и почитательницъ Иннокентія, я уже получилъ драгоцѣнныя бумаги, служащія къ его жизнеописанію. Такъ Е. И. Веніаминова (невѣстка митрополита), передала мнѣ всѣ его бумаги, съ правомъ печатать ихъ. Баронесса Е. С. Деллеръ, З. С. Свербеева (урожден. княжна Трубецкая), С. Д. Свербеева, А. Г. Корниловъ и другія лица почтили меня важными сообщеніями. Я приношу имъ свою признательность. Мой адресъ: Москва, Троицкая улица, близъ Троицкаго митрополичьяго подворья, д. Красноглазова, Ивану Платоновичу Барсукову, или же въ Волжско-Камскій Коммерческій Банкъ въ Москвѣ.

Иванъ Барсуковъ.

Москва, 22 Мая 1881 г.

*

Записка Иннокентія о воспитаніи.

Нѣтъ надобности говорить, что всякій православный обязанъ учиться Закону Божію или знанію своихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу, ближнему и самому себѣ; но мы хотимъ обратить вниманіе вопервыхъ на то, на комъ именно лежитъ обязанность учить народъ?

Обязанность эта лежитъ вопервыхъ на родителяхъ, потомъ на воспріемникахъ и, наконецъ, на пастыряхъ Церкви.

Какъ нынѣ идетъ это дѣло вообще? *Изъ родителей* очень-очень немногіе исполняютъ эту обязанность, и напротивъ очень-очень многіе плохо или совсѣмъ не исполняютъ. О *воспріемникахъ* и говорить нечего: всѣмъ извѣстно, какъ они учатъ своихъ крестниковъ. Итакъ обязанность обучать народъ Закону Божію въ настоящее время лежитъ почти на однихъ только пастыряхъ. А какъ это дѣло исполняется ими? Слава Богу, хотя и очень мало, но есть пастыри, которые исполняютъ

это, какъ только можно желать. Но, говоря вообще, исполненіе этой обязанности со стороны пастырей мы видимъ въ преподаваніи ими Закона Божія въ училищахъ, въ произношеніи или чтеніи съ амвона проповѣдей, которыя притомъ и печатаются въ книгахъ, и кромѣ того съ 1841 года во многихъ церквахъ заведены такъ называемыя катихизическія поученія (которыя впрочемъ народъ не отличаетъ отъ обыкновенныхъ проповѣдей), и если къ сему присовокупить еще частныя поученія священниковъ, говоримыя при исповѣди и другихъ случаяхъ, то можно сказать, что со стороны пастырей, хотя и не вездѣ, но дѣлается все возможное, и остается только желать, чтобы это дѣлалось повсюду.

Но все это, т.-е. преподаваніе въ школахъ, проповѣди и поученія, достигаютъ ли своей цѣли? (О первомъ предметѣ скажемъ ниже).

Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе или менѣе проповѣди и поученія приносятъ свою пользу. Но кому онѣ приносятъ или могутъ приносить пользу? Только тѣмъ, кто умѣетъ понимать читаемое и слышимое.

А если это такъ, а оно дѣйствительно такъ, то значитъ остальная часть и самая большая часть народа, за малыми исключеніями остается не только безъ назиданія, но даже въ невѣдѣніи (и въ какомъ невѣдѣніи!) самыхъ необходимыхъ предметовъ вѣры. И это отнюдь не отъ того, чтобы народъ нашъ не хотѣлъ понимать или отвращался отъ слышанія поученій. Нѣтъ! Простолюдины наши (разумѣется неиспорченные) желаютъ, ищутъ, жаждутъ слышать *отъ Божественнаго*. И они особенно любятъ слушать Житія Святыхъ; и это, между прочимъ, потому, что они болѣе или менѣе понимаютъ ихъ при самомъ чтеніи. Что же касается до проповѣдей и поученій, читаемыхъ въ церквахъ кѣмъ бы то ни было, то они если и приносятъ пользу простолюдинамъ, то очень малую; а это главное потому, что они не понимаютъ ихъ; а не понимаютъ потому, что ихъ понятія не простираются выше и далѣе обыденныхъ въ кругу ихъ предметовъ. И поэтому они, хотя бы и имѣли усердное желаніе, не въ состояніи, не привыкли, не пріучены понимать ни словъ, ни мыслей, ни предметовъ, сколько-нибудь отвлеченныхъ, безъ особенныхъ разъясненій или толкованій, и то не иначе, какъ съ многократнымъ повтореніемъ одного и того же и разными способами. А дѣлать это и не заведено, да и неудобно при службахъ.

А если это такъ, а оно дѣйствительно такъ, то что̀ же дѣлать для того, чтобы народъ нашъ и понималъ и зналъ то, что̀ необходимо ему знать?

Заводить училища, распространять грамотность — слышится отовсюду.

Противъ этого никто спорить не станетъ, и объ этомъ давно уже заботятся и правительство, и земство, и даже многія частныя лица. Но при семъ вотъ что представляется.

1) Нынѣшнія училища, не исключая и самыхъ высшихъ, просвѣщаютъ и образуютъ только умъ, а не умъ и сердце вмѣстѣ, какъ это извѣстно и всѣмъ. Послѣднему, повидимому, противорѣчитъ то, что есть немало личностей, кончившихъ курсъ въ училищахъ, которыя, по своимъ нравственно-христіанскимъ качествамъ, составляютъ наше украшеніе, нашу надежду, нашу славу. Но вопросъ: въ училищахъ ли они пріобрѣли таковыя качества? Конечно, нельзя утверждать, чтобы совсѣмъ не было личностей, которыя получили образованіе ума и сердца именно въ училищахъ; но если разсмотрѣть внимательнѣе, то окажется, что самая большая часть изъ таковыхъ личностей, если не всецѣлое, то начало образованія сердца своего получили въ дѣтствѣ отъ своихъ родителей или кого-либо своихъ родныхъ и близкихъ.

Слѣдовательно надежда на исправленіе нашего народа въ нравственномъ отношеніи посредствомъ училищъ очень слаба.

Въ училищахъ вообще учатъ только знать, а исполненіе..... предоставляется всякому на его волю. Прибавимъ еще: въ училищахъ Законъ Божій преподается не одинъ исключительно, но въ числѣ и наряду съ другими предметами; и отъ того въ понятіяхъ учениковъ уроки по Закону Божію и уроки по другимъ предметамъ ставятся въ одинъ уровень (а иногда пожалуй и ниже), и понятія эти въ большей части учениковъ, къ сожалѣнію, остаются съ ними на всю жизнь ихъ. И отъ того не рѣдко можно видѣть, что иной неучившійся Закону Божію въ училищахъ исполняетъ его лучше и вѣрнѣе, чѣмъ учившійся; а если онъ и не исполняетъ, то сознаетъ или готовъ сознать себя преступникомъ воли Божіей (а это очень много значитъ въ отношеніи къ будущей жизни), а иной учившійся, напротивъ, старается оправдывать себя разными умствованіями, которыя, къ сожалѣнію, сообщаются отъ нихъ другимъ—на соблазнъ.

2) Положимъ, что преподаваніе Закона Божія въ училищахъ (со временемъ) будетъ достигать своей цѣли; но много - много лѣтъ пройдетъ до того, когда въ нашемъ отечествѣ училища (разумно устроенныя) будутъ существовать повсюду, и въ нихъ будутъ обучаться всѣ дѣти всѣхъ сословій, безъ исключенія. Но когда это будетъ? А между тѣмъ порча нравовъ протачивается во всѣ слои народа, и пагубныя умствованія цивилизаторами разносятся далѣе и далѣе.... И потому, если мы не хотимъ такъ-сказать сознательно, чтобы народъ нашъ дошелъ до крайняго растлѣнія, то что-нибудь да надобно дѣлать, если не для исправленія, то по крайней мѣрѣ для удержанія его въ насто-

ящемъ, еще очень не безотрадномъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, положеніи.

3) И, наконецъ, надобно вспомнить, что въ училища могутъ поступать дѣти не моложе 7—6 лѣтъ. Слѣдовательно, и при существованіи повсюду училищъ и при самомъ лучшемъ ихъ устройствѣ, еще очень много дѣтей могутъ оставаться безъ всякаго образованія. Что же дѣлать съ дѣтьми меньшаго возраста? Ужели они до поступленія въ школу должны оставаться въ томъ же положеніи, какъ они находились и находятся нынѣ (мы разумѣемъ дѣтей простаго народа), т.-е. безъ всякаго ученія и образованія, тогда какъ этотъ-то возрастъ и есть самое золотое время для сѣянія и укорененія въ нихъ всего добраго а также и всего худаго? Само собою разумѣется, что сердце человѣка, какъ и поле, не можетъ оставаться навсегда безъ растеній. Если въ немъ не будутъ сѣять добрыхъ растеній, въ немъ непремѣнно выростутъ худыя....

Говорятъ: *забота объ этомъ есть дѣло собственно родителей* (а о воспріемникахъ уже и не поминаютъ). *Общество тутъ ничего не можетъ сдѣлать.*

Да! Общество не можетъ, а родители не хотятъ или тоже не могутъ. Но можетъ Церковь,—эта любвеобильнѣйшая Мать, пріемлющая на свои руки всѣхъ дѣтей отъ самаго рожденія. Церковь и можетъ и должна заботиться объ этомъ.

Прежде нежели мы будемъ говорить о томъ: кто долженъ учить, чему, когда, гдѣ и проч., мы скажемъ *вопервыхъ*, что дѣло это, т.-е. дѣло обученія малыхъ дѣтей знанію ихъ обязанностей (или будемъ называть проще) *Закону Божію*—совсѣмъ не такъ трудно, какъ можетъ представляться иному съ перваго взгляда. Оно такъ просто, что за него можетъ приняться даже всякій сколько-нибудь разсудительный служитель Церкви; ибо онъ будетъ имѣть дѣло не съ учеными или съ мудрыми и разумными, а буквально съ младенцами; слѣдовательно предметы ученія должны быть самые простѣйшіе, доступные понятіямъ ихъ; рѣчь и слова должны быть также простыя, безъискусственныя. Словомъ сказать, это должна быть бесѣда отца съ дѣтьми и, можно сказать, наединѣ. *Вовторыхъ*, заведеніе таковыхъ (назовемъ) *бесѣдъ съ дѣтьми*, говоря вообще, не потребуетъ никакихъ издержекъ ни съ чьей стороны и ни на какіе предметы; и притомъ таковыя бесѣды могутъ быть открыты тотчасъ же и повсюду, гдѣ только есть церкви и священники и, можно сказать, безъ отвлеченія послѣднихъ отъ исполненія другихъ ихъ обязанностей.

Кто долженъ учить дѣтей?

Изъ предыдущаго уже можно видѣть, что это есть прямое дѣло приходскихъ священниковъ; ибо *учить прихожанъ* есть одна изъ трехъ главныхъ ихъ обязанностей, пріемлемыхъ ими на себя при самомъ рукоположеніи, подъ страхомъ суда Божія. Но всякій ли изъ нынѣшнихъ священниковъ можетъ приняться за это дѣло и вести его какъ слѣдуетъ? Вести какъ слѣдуетъ дѣла, сколько-нибудь важныя, могутъ очень немногіе изъ принявшихся за нихъ, и даже спеціально приготовлявшихся къ тому. Но изъ этого не слѣдуетъ, что и не надлежитъ предпринимать такихъ дѣлъ. При начатіи новаго дѣла и самый умный можетъ встрѣтить недоумѣнія; такъ будетъ и здѣсь. Но это будетъ именно только при началѣ дѣла и для тѣхъ, кои никогда не занимались дѣтьми. Опытъ, примѣры, совѣты и руководство старшихъ скоро направятъ дѣло.

Кого или какихъ дѣтей учить?

Если на это дѣло смотрѣть какъ слѣдуетъ, то ни одно христіанское дитя не можетъ быть увольняемо отъ обязанности слушать наставника духовнаго, даже не смотря на то, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ обучались въ училищахъ или дома; но, принимая во вниманіе, что таковые уже учатся Закону Божію, ихъ можно увольнять. А за тѣмъ всѣ безъ исключенія дѣти, начиная отъ 4 или 5-ти-лѣтняго возраста и выше, обязаны посѣщать *дѣтскія бесѣды.*

На вопросъ: не рано ли заставлять четырехлѣтнихъ дѣтей посѣщать *дѣтскія бесѣды?* Не рано. Примѣромъ тому можетъ служить благочестивая разумная мать. У нея дитя трехъ и даже менѣе лѣтъ умѣетъ изобразить на себѣ крестъ, различить икону отъ простой картины, читать краткія молитвы и даже болѣе. Чѣмъ ранѣе внушаются дѣтямъ понятія о Божественномъ, тѣмъ тверже укореняются въ нихъ таковыя понятія, и слѣдовательно тѣмъ болѣе можно ожидать отъ нихъ добрыхъ плодовъ. Особенно если это дѣлается съ вѣрою и въ вѣрѣ въ благодать Божію, вразумляющую младенцевъ.

Чему и какъ учить?

Такой вопросъ для отца, христіански желающаго своимъ дѣтямъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, совершенно лишній. Его любящее сердце всегда скажетъ ему — чему и какъ надлежитъ учить дѣтей своихъ. То-же слѣдуетъ сказать и о пастырѣ Церкви, вполнѣ понимающемъ свое призваніе. Но такъ какъ такихъ пастырей не вездѣ можно встрѣтить, то скажемъ нѣчто и о семъ предметѣ.

Начинать ученіе надлежитъ именно съ того, чѣмъ начинаетъ добрая мать, наприм., какъ сказано выше, съ того, какъ изображать на себѣ крестное знаменіе *), какъ стоять на молитвѣ, какъ входить въ церковь, какъ въ ней стоять, какъ класть поклоны и проч., наблюдая постепенность и не упуская никакихъ предметовъ, относящихся къ христіанскимъ обязанностямъ, не смотря на то, какъ бы онѣ ни казались малы. Ибо и самыя огромнѣйшія зданія состоятъ изъ песчинокъ.

Можно почаще занимать дѣтей чтеніемъ или разсказами о житіи святыхъ или изъ Священной Исторіи съ объясненіями и нравоученіями.

Конечно, какъ ни просто это дѣло, печатныя руководства были бы не лишни для простыхъ священниковъ; и можно надѣяться, что они будутъ составлены, если только дѣтскія бесѣды войдутъ въ число непремѣнныхъ пастырскихъ обязанностей. Но, кажется, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ни требовать, ни давать какихъ-либо программъ ученія. Пусть наставники говорятъ, что̀ Господь положитъ имъ на сердце.

Такъ какъ ученики, если не всѣ, то самая большая часть будутъ безграмотны: то само собою разумѣется, что, дабы они могли запомнить преподаваемое, надобно будетъ одно и тоже повторять имъ по нѣскольку разъ, и кромѣ того каждую бесѣду начинать повтореніемъ послѣдняго урока.

Время бесѣдъ должно быть не продолжительно: иначе дѣти будутъ утомляться и затѣмъ скучать.

Пособіемъ къ наученію дѣтей въ извѣстныхъ случаяхъ, вмѣсто книгъ, могутъ служить иконы и священныя изображенія, которыя, какъ извѣстно, съ этою преимущественно цѣлію и были введены въ наши храмы, и которыхъ болѣе или менѣе, но всегда можно найти въ каждой церкви.

NB. Надобно наблюдать крайнюю осторожность въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. съ иконами отнюдь не слѣдуетъ обходиться безразлично такъ, какъ можно дѣлать съ картинами и особенно съ простыми картинками, если гдѣ таковыя найдутся. И картинки, на которыхъ изображенъ Іисусъ Христосъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ другими священными картинами: иначе дѣти какъ разъ получатъ понятіе объ иконахъ такое же, какое имѣютъ о нихъ протестанты.

Надобно не забывать, что дѣти малаго возраста понятливѣе, чѣмъ

---

*) Дѣтей, пріученныхъ къ двуперстному сложенію, нѣтъ надобности переучивать. Иначе нѣкоторые изъ родителей не дозволятъ дѣтямъ своимъ посѣщать *дѣтскія бесѣды*.

мы думаемъ. Иногда изъ одного движенія руки они понимаютъ о чемъ идетъ рѣчь.

Дѣти средняго возраста умѣютъ различать слова серьезно сказанныя отъ шуточныхъ. Но дѣти малаго возраста, т.-е. младенцы, всякое слово сказанное священникомъ принимаютъ за серіозное; а изъ этого очевидно, какъ долженъ быть священникъ при дѣтяхъ остороженъ въ словахъ.

Къ сему можно прибавить еще многое; но все, что̀ бы ни сказали въ этомъ родѣ, мы не сказали бы болѣе того, что̀ сказано въ проектахъ и руководствахъ обыкновенныхъ училищъ. Мы скажемъ здѣсь нѣчто особенное и съ тѣмъ вмѣстѣ весьма важное.

1) Священники, какъ пастыри Церкви въ полномъ значеніи сего слова, имѣютъ не только обязанность, но и право и власть не только наставлять и поучать имъ ввѣренныхъ чадъ Церкви, но и настоять и потому наблюдать, чтобы дѣти старались исполнять то, чему онъ ихъ учитъ. Такъ наприм. если замѣтитъ, что кто-либо изъ учениковъ его напр. неправильно изображаетъ на себѣ крестное знаменіе, или небрежно стоитъ въ церкви, или насмѣхается надъ нищими, или не слушается родителей, или тому подобное: то отнюдь не долженъ оставлять таковаго безъ вразумленія и исправленія, но исправлять со всѣмъ долготерпѣніемъ, кротостію и любовію, и со всею осторожностію, дабы дитя не потеряло стыда; дитя, потерявшее стыдъ, безнадежно къ исправленію и даже хуже.

2) Если гдѣ и когда, то въ особенности предъ своими учениками, священникъ-наставникъ долженъ показывать примѣръ въ исполненіи того, чему онъ учитъ. Какъ бы священникъ ни убѣждалъ напр. изображать на себѣ крестъ правильно, но если онъ самъ будетъ изображать его на себѣ *неистово,* какъ выражаются старообрядцы, то ученіе его и даже вразумленія немного принесутъ пользы.

Гдѣ и когда учить?

Мѣстомъ для бесѣдъ съ дѣтьми должна быть непремѣнно церковь. Внимательные знаютъ, какая разность между слышаніемъ Слова Божія въ церкви и между слышаніемъ въ домахъ. Мы вѣримъ, что въ церкви, какъ мѣстѣ освященномъ, благодать Божія пребываетъ выну. Слѣдовательно бо́льшихъ успѣховъ и бо́льшихъ плодовъ мы можемъ ожидать отъ ученія христіански-нравственнаго, преподаваемаго подъ непрерывнымъ осѣненіемъ благодати Божіей, чѣмъ въ какомъ бы то ни было домѣ.

Время преподаванія должно быть не иначе, какъ прежде или послѣ

богослуженія, и отнюдь не среди онаго. И, кажется, самое лучшее и удобное время для этого есть время предъ позднею литургіею. Впрочемъ это должно быть предоставлено на усмотрѣніе каждаго преподавателя или настоятеля церкви.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священники лично не занимаются хозяйствомъ или полевыми работами, бесѣды эти могутъ быть въ каждый воскресный день. Относительно же сельскихъ священниковъ можно считать достаточнымъ, если они будутъ заниматься съ дѣтьми хотя бы то и не болѣе 30 разъ въ годъ. И въ такомъ случаѣ въ теченіе 5—6 лѣтъ дѣти многое узнаютъ.

На основаніи вышесказаннаго прилично будетъ таковыя бесѣды именовать *Воскресныя бесѣды съ дѣтьми.*

Не встрѣтится ли какихъ-либо неудобствъ или препятствій къ заведенію Воскресныхъ бесѣдъ съ дѣтьми?

Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ всѣ прихожане живутъ подлѣ или вблизи своей церкви, едва ли можетъ встрѣтиться что-либо подобное, кромѣ несочувствія нѣкоторыхъ родителей, не умѣющихъ понять пользы такихъ бесѣдъ; имъ можетъ показаться это нововведеніемъ или затѣями священника, безъ которыхъ и отцы и дѣды ихъ и они сами обходились до того. Но это будетъ не надолго: болѣе разсудительные и благочестивые изъ нихъ скоро поймутъ въ чемъ дѣло; а понявши будутъ содѣйствовать священнику. А когда дѣвочки, слушавшія бесѣды, будутъ матерями, тогда это дѣло можетъ идти какъ нельзя лучше.

Но вотъ самое важное и едва преодолимое къ тому препятствіе! Какъ собирать малыхъ дѣтей въ церковь въ тѣхъ приходахъ, которые состоятъ изъ нѣсколькихъ деревень, отстоящихъ отъ церкви въ 3—20 верстахъ и болѣе, особенно въ рабочее или зимнее время?

Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ есть часовни, священникъ еще можетъ пріѣзжать и собирать дѣтей хотя на нѣсколько времени; но какъ это дѣлать въ обыкновенныхъ деревняхъ? Трудно сказать на это, особенно со стороны; да и не слѣдуетъ. Обоюдное усердіе и ревность священника и прихожанъ могутъ сдѣлать многое и даже болѣе, чѣмъ можно предполагать.

Есть еще неудобство, которое впрочемъ вскорѣ, такъ или иначе, можетъ быть устранено, а именно: во многихъ сельскихъ приходахъ заведено крестить дѣтей и исправлять другія требы именно въ то время, когда предполагается бесѣдовать съ дѣтьми.

Въ заключеніе скажемъ, что послѣ всего сказаннаго выше, кажется, не можетъ быть вопроса о возможности заведенія Воскресныхъ

бесѣдъ съ дѣтьми, если не по всѣмъ мѣстамъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и если не во всѣ воскресные дни, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые изъ нихъ. Но скажемъ нѣчто на нижеслѣдующіе вопросы:

1) Нужно ли заводить Воскресныя бесѣды тамъ, гдѣ уже есть училища?—Нужно; вопервыхъ потому, что, какъ мы сказали выше, далеко не всѣ дѣти могутъ поступать въ училище; а вовторыхъ потому, что и въ самыхъ низшихъ изъ нихъ объ обязанностяхъ христіанина начинаютъ преподавать не съ начала, а, такъ сказать, съ середины; слѣдовательно весьма не лишне будетъ приходить на Воскресныя бесѣды и дѣтямъ учащимся въ школахъ.

2) Принесутъ ли Воскресныя бесѣды всю ту пользу, какой отъ нихъ можно ожидать?—Наше дѣло только насаждать и поливать, а возращать—дѣло Божіе. И быть не можетъ, чтобы онѣ не принесли никакой пользы, если только учащіе и учащіеся будутъ начинать съ благословенія Божія. Можно быть увѣреннымъ, что къ слушанію Воскресныхъ бесѣдъ будутъ приходить и взрослые, какъ этому и бывали примѣры, и кромѣ того заведеніе Воскресныхъ бесѣдъ не только не можетъ помѣшать сельскимъ школамъ ни въ какомъ отношеніи, но напротивъ того это будетъ немалымъ подготовленіемъ дѣтей къ поступленію въ училище, и именно тѣмъ, что дѣти, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слушая поученія, толкованія и разсказы, этимъ самымъ болѣе или менѣе разовьются въ умственномъ отношеніи; по крайней мѣрѣ они скорѣе и легче будутъ понимать уроки въ школахъ, чѣмъ дѣти, равныя имъ по лѣтамъ, но непосѣщавшія Воскресныхъ бесѣдъ.

Наконецъ, скажемъ, что заведеніе Воскресныхъ бесѣдъ, если и не скоро и не въ значительной мѣрѣ, но непремѣнно послужитъ однимъ изъ способовъ къ улучшенію быта духовенства. Прихожанинъ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нуждамъ своего священника, отъ котораго (не говоря уже о обыкновенныхъ требоисправленіяхъ) онъ научился знанію своихъ обязанностей, который съ дѣтства его вразумлялъ и поддерживалъ его совѣтами и увѣщаніями и проч. А когда въ приходѣ такого священника большая часть будетъ состоять изъ слушавшихъ его бесѣды, то какъ бы ни былъ бѣденъ приходъ, онъ не будетъ терпѣть недостатка въ необходимомъ для его жизни.

13 Февраля 1869 (Москва).

ПИСЬМО А. Н. МУРАВЬЕВА КЪ ГРАФИНѢ А. Д. БЛУДОВОЙ.

О сокращеніи приходовъ.

Отрадно было мнѣ встрѣтиться съ вами въ нашемъ древнемъ Кіевѣ, многоуважаемая графиня, и побесѣдовать искренно о томъ, что̀ такъ близко и вашему и моему сердцу—о дѣлѣ Православія на святой нашей Руси. Но прискорбно подумать, какая опасность ему угрожаетъ, при новой предположенной мѣрѣ сокращенія приходовъ. Одна молва о ней уже распространяетъ всеобщее уныніе и въ духовенствѣ и въ народѣ: каждый страшится за свою родную церковь, что она не подойдетъ подъ условія, необходимыя для ея сохраненія. «Мы ее строили изъ нашихъ послѣднихъ грошей», вопіютъ прихожане, «чтобы имѣть у себя богослуженіе, а теперь насъ припишутъ къ чужой, быть можетъ, далекой церкви». Отовсюду слышатся такіе печальные отзывы, и возбужденъ общенародный ропотъ, когда еще только предполагается сія реформа. Что̀ же будетъ послѣ?

Хотя Епархіальнымъ Комитетамъ (въ которыхъ иногда засѣдаютъ рядомъ съ архіереемъ и Лютеране, и Католики, въ числѣ гражданскихъ властей) предоставлено широкое поле для разсужденія объ этомъ щекотливомъ вопросѣ, заживо задѣвшемъ общее религіозное чувство: никто однакоже не спокоенъ на счетъ ближайшей своей святыни, такъ какъ многое будетъ тутъ зависѣть отъ произвола или особеннаго взгляда распорядителей. А если еще вопросъ этотъ коснется земства, куда очень можетъ со временемъ перейти, то и больше можно будетъ ожидать сокращеній приходовъ и причтовъ, отъ неблагопріятнаго взгляда на духовенство, которое къ сожалѣнію часто подавало къ тому поводъ; страдать же будутъ бѣдные прихожане, потому что они чрезъ то лишатся духовнаго утѣшенія молитвы и таинствъ.

Выписываю вамъ для примѣра то, что̀ мнѣ пишутъ изъ одной центральной епархіи: «Указъ о сокращеніи приходовъ волнуетъ епархію; постоянно являются лично и присылаютъ письма съ просьбою не закрывать ихъ церкви. И признаюсь, грустно и тяжело становится на душѣ, когда подумаешь, что будто во времена гоненій отстаиваютъ храмы Божіи. Какъ милости просятъ того, чтобы имѣть храмъ, кото-

рый сами устроили на свое иждивенiе и который отнимают. Раскольники же (а ихъ у насъ много) говорятъ Православнымъ: «Видно и начальство сознало, что ваша вѣра худа, а потому и закрываютъ церкви; а мы по прежнему молимся, какъ молились, и только единовѣрцамъ, у которыхъ по нашему служится, не велѣно сокращать церквей».

Если такъ говорятъ раскольники въ сердцѣ Россiи, что же заговорятъ здѣсь враждебные намъ Латины, при сокращенiи Православныхъ церквей, которыя однѣ лишь сохранили здѣсь не только вѣру, но и Русскую народность? Какое будетъ торжество для Рима! Священники Православные въ Югозападномъ краѣ, каковы бы они ни были сами по себѣ, служатъ доселѣ руководителями, не только духовными, но и политическими для народа.

При нелѣпыхъ толкахъ, постоянно разсѣеваемыхъ въ здѣшнемъ краю, къ нимъ обращаются за объясненiемъ простодушные крестьяне и имъ однимъ довѣряютъ, для опроверженiя этихъ толковъ. Теперь въ большихъ Малороссiйскихъ селахъ есть по двѣ и по три приходскiя церкви, и уже непремѣнно одна; но при сокращенiи приходовъ, когда останется одна церковь на тысячу душъ, даже многiя села будутъ безъ Божественной службы, въ случаѣ болѣзни священника: ибо тогда два многолюдныхъ прихода, тысячи по двѣ душъ обоего пола и на большомъ разстоянiи одинъ отъ другаго, будутъ лежать на плечахъ одного человѣка. И какой странный разсчетъ въ дѣлѣ духовномъ! Тысяча душъ мужескаго пола: это понятно для разсчета повинностей, которыя платятъ одни лишь мущины; но для церковныхъ требъ не все ли равно что̀ мужеская, что̀ женская душа? Такимъ образомъ однако, тамъ гдѣ считается одна только тысяча душъ, должно подразумѣвать и другую. Есть ли тутъ какая-либо физическая возможность удовлетворить всѣмъ ихъ духовнымъ нуждамъ?

Не будемъ уже говорить о другихъ таинствахъ и молитвословiяхъ, необходимыхъ для каждаго Православнаго; возьмемъ одну лишь исповѣдь. Если на каждую душу удѣлить по 5 минутъ для ея нравственнаго исправленiя, то въ 7 недѣль великаго поста, по разсчету говѣющихъ, одному священнику придется исповѣдывать ихъ цѣлыя сутки. А сколько будетъ еще умирать при этомъ безъ покаянiя и крещенiя, и на чью душу все это падетъ?

Да и можетъ ли быть приличная служба съ однимъ лишь псаломщикомъ, въ теченiи великаго поста? Она только наведетъ уныние и удалитъ отъ храма Божiя, особенно всенощная; тутъ еще необходимо знать твердо уставъ церковный, для котораго требуется учебное приготовленiе, и невозможно найти наемныхъ людей, знающихъ свое дѣло; занемоги одинъ псаломщикъ—и вся служба остановилась.

Меня не удивляетъ, что такъ легко объ этомъ судили міряне, засѣдавшіе въ высшемъ комитетѣ по благоустройству церкви (какъ бы свыше Сѵнода, по подобію Англійской Star-Chamber), между которыми былъ даже одинъ министръ-Лютеранинъ и подписывалъ вмѣстѣ съ членами Сѵнода, хотя тутъ касались и каноническихъ вопросовъ; но какъ могли умолчать о томъ лица духовныя, опытно знающія весь порядокъ службы церковной? Мнѣ это непонятно, равно какъ и то, что они теперь сами скорбятъ о томъ, на что такъ легко соглашались. Слухъ носится, будто бы они отстаивали число 700 душъ для опредѣленія каждаго прихода, но что въ указѣ явилась тысяча душъ, съ разрѣшеніемъ давать сверхъ оной викаріевъ приходскому священнику и дозволять заштатныхъ дьяконовъ и наемныхъ причетниковъ, если только прихожане пожелаютъ содержать ихъ на свой счетъ. Но у всѣхъ ли есть на то средства, при убожествѣ нашихъ сельскихъ приходовъ, и не опасно ли возбудить собственное ихъ равнодушіе къ Церкви такимъ экономическимъ примѣромъ сокращенія церквей (якобы безполезныхъ на Руси), со стороны высшаго духовнаго начальства? А казалось бы, если уже эти храмы устроились усердіемъ прихожанъ, въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ, то надобно благодарить за это Бога, внушившаго такую ревность Православнымъ, а не возбуждать ихъ ропота сокращеніемъ сооруженныхъ ими храмовъ, ради казеннаго оклада. Опасно такъ играть вѣрою народною!

Бывали прежде въ каждомъ почти приходѣ, каковъ бы онъ ни былъ, четыре постоянныхъ лица, для необходимаго благолѣпія церковной службы, т.-е. священникъ, дьяконъ и два причетника. Тяжкій ударъ былъ нанесенъ сему духовному каноническому порядку въ минувшее царствованіе, сокращеніемъ дьяконовъ почти во всѣхъ селахъ; это однако отнюдь не возвысило благосостоянія остальнаго причта. Теперь же окончательно будетъ нарушенъ древній чинъ церковный, уничтоженіемъ еще одного причетника и, можно сказать, невозможною сдѣлается Православная церковная служба, при одномъ священникѣ и псаломщикѣ, даже и въ случаѣ постоянно вождѣленнаго ихъ здравія, ибо на наемниковъ надѣяться и разсчитывать нельзя: по слову Евангельскому «наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ, и не радитъ о овцахъ.» Да и гдѣ найти опытныхъ причетниковъ, при новыхъ порядкахъ церковныхъ, когда скоро и въ священникахъ будутъ чувствовать недостатокъ, особенно въ бѣдныхъ селахъ?

Наша Православная служба не то, что̀ какая-либо Латинская missa, или мша, гдѣ достаточно прислуживать одному мальчику съ колокольчикомъ, и вовсе не то, что̀ Лютеранская предика, гдѣ даже и одному кистеру, т. е. причетнику, нечего дѣлать. Пусть испытаютъ съ однимъ

причетникомъ исполнить, какъ слѣдуетъ, всю будничную службу, т.-е. утреню, обѣдню и вечерню, не говоря уже о праздничныхъ всенощныхъ, гдѣ и прежняго штата едва доставало. Присовокупите къ сему еще многочисленныя требы, необходимыя въ Православномъ богослуженіи, да еще при дальнемъ разстояніи деревень отъ главнаго села, и тогда увидите (но увы, уже поздно), какъ при невозможномъ исполненіи всѣхъ сихъ церковныхъ службъ и при совершенномъ упадкѣ богослуженія, которое служитъ у насъ катихизисомъ народнымъ, мало-помалу упадетъ самая религія и умножатся расколъ и пропаганда Латинская, здѣсь особенно, гдѣ часто Православные, по неимѣнію церкви, ходятъ въ костелъ.

Намъ Кіевлянамъ, которыхъ городъ называется пращуромъ всѣхъ городовъ Россійскихъ, а церковь—матерію всѣхъ церквей на Руси, грустно будетъ разстаться съ богослуженіемъ во многихъ лѣтописныхъ церквахъ нашихъ, когда ихъ будутъ приписывать одну къ другой и сокращать только что установленные оклады священнослужителямъ, потому что мы не пользуемся привиллегіями обѣихъ столицъ, гдѣ все остается по старому: нашъ владыка не умѣлъ, видно, отстоять своихъ церквей, подобно двумъ столичнымъ митрополитамъ. Неужели уничтожать штатъ Андреевской церкви, гдѣ апостолъ водрузилъ первый крестъ, которая доселѣ слыветъ «царскою» въ народѣ, потому что была нѣкогда придворною, будучи устроена вмѣстѣ съ дворцемъ, и должна бы опять быть таковою! Она теперь не имѣетъ даже и прихода; неужели же слѣдуетъ ее приписать къ другой, поправъ все ея историческое значеніе? Или можно закрыть, рядомъ съ нею, первую церковь Св. Владимира на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, при которой только 300 душъ прихожанъ, или Десятинную—первый соборъ Равноапостольнаго Князя, гдѣ и его гробница, а прихожанъ также немного? Неужели подымется рука, уравняющая приходы по казенной мѣрѣ тысячи душъ и на эту историческую святыню? А сколько такихъ священныхъ памятниковъ, разбросанныхъ по холмамъ Кіева или столпившихся на одномъ Подолѣ, гдѣ выдержали они, около Академическаго Братства, вѣковую борьбу противъ латинства, и они подвергнутся запустѣнію, къ общей скорби народной! Въ нихъ только изрѣдка будетъ служба, и все сіе единственно по ихъ малодушію, т.-е. по недостатку приходскихъ душъ или скорѣе по малодушію пастырей, не отстоявшихъ родной святыни.

Но довольно! Вотъ то, что невольно исторглось изъ моего сердца, о чемъ я не хотѣлъ умолчать предъ вами, зная, какъ близко вы принимаете къ сердцу все, что касается до Православія и отечественной церкви.

А. Муравьевъ.

Кіевъ, 11 Августа 1869 года.

ГЕРГЕБИЛЬ.

Давно умолкла борьба на Кавказѣ, давно перестали о немъ говорить и думать; какъ будто совершенно забыли, сколько стоило труда и страданій, сколько было пролито крови, прежде чѣмъ удалось поработить населявшія его воинственныя племена. А было время, вся Россія чутко прислушивалась къ гулу орудій неумолкаемо гремѣвшихъ въ глубинѣ Кавказскихъ ущелій и лѣсовъ, и не одно любящее сердце трепетно ловило вѣсти, долетавшія на родину изъ дальнаго края, въ которомъ руками дорогихъ ему существъ справлялась непрерывная кровавая работа. Долгіе годы длилась борьба—и много, много поглотила она молодыхъ, недозрѣвшихъ силъ, преждевременно канувшихъ въ вѣчность. Но свое дѣло они сдѣлали, смѣлые бойцы за Русскую мощь: штыкомъ и саблей, погибая, вспахали они Кавказскія поля и горы, оросили ихъ своею кровью и засѣяли своими костьми. А пожать плоды этого дорогаго посѣва далось не ихъ боевымъ товарищамъ, не тѣмъ, которые трудились и страдали наряду съ погибшими. Не успѣли въ бою уцѣлѣвшіе утереть потъ съ лица своего, не успѣли осушить кровь, капавшую изъ свѣжихъ ранъ, какъ издалека, коршунамъ подобно, налетѣли искатели наживы безъ риску и безъ труда, и по клочкамъ разнесли землю, удобренную кровью ея настоящихъ завоевателей.

А Кавказскіе труженики, безъ устали и безъ ропота справлявшіе свою нелегкую работу, куда дѣвались они? Какая участь постигла ихъ?—Вѣрные своему призванію, одинъ за другимъ сложили они свои усталыя головы, кто на берегахъ Дуная, кто на кровью залитыхъ стѣнахъ Севастополя, кто въ Литовскихъ лѣсахъ, и лишь немногіе, переживъ удалыхъ товарищей, разсѣянные по лицу земли, скромно доживаютъ свой вѣкъ полузабытыми остатками свою задачу безвозвратно рѣшившей старины.

Не одними побѣдами однако мы имѣли право хвалиться. Разныя времена бывали на Кавказѣ, времена блестящихъ успѣховъ, и времена горестныхъ неудачъ, сѣрою тѣнью ложащихся на исторію Кавказской войны. Въ тѣ дни невзгоды счастіе положительно покидало насъ; что ни задумывали, за что ни брались, все обращалось въ бѣду, ошибки громоздились на ошибки, неудача слѣдовала за неудачей. Не видя предъ собой опредѣленной цѣли, ощупью и спотыкаясь на каждомъ шагу шли мы, куда въ своей слѣпотѣ насъ вела самоувѣренная бездарность управлявшихъ въ ту минуту судьбами Кавказа. Одни кавказскія войска никогда не измѣняли своему долгу, никогда не роняли своей чести, и позволено прямо сказать, что на самой почвѣ сказанныхъ ошибокъ и связанныхъ съ ними пораженій, выростали такіе поразительные примѣры солдатскаго мужества, которыми Русскій народъ всегда въ правѣ гордиться.

Мнѣ самому довелось быть очевидцомъ одного подобнаго случая, рѣзко подтверждающаго истину моихъ словъ, который и берусь разсказать.

Поведу рѣчь про оборону Гергебиля, и про его паденіе.

1.

На Кавказѣ, въ свое время, кажется, не было человѣка въ горахъ, да и на Русской сторонѣ, которому бы не было знакомо имя Гергебиля; а теперь, прежде всего слѣдуетъ пояснить, что Гергебилемъ называлось одно изъ многочисленныхъ Русскихъ укрѣпленій въ Дагестанѣ, въ сорокъ второмъ году построенное генераломъ Фейзе для обороны каменнаго моста на Койсу, по дорогѣ въ Хунзахъ, мимо Гоцатля. Кромѣ того, для большей понятности, нахожу необходимымъ свой разсказъ начать издалека, отъ вторженія Шамилевскихъ скопищъ въ Аварію, имѣвшаго осаду Гергебиля неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Въ концѣ Августа 1843 года, когда въ горахъ были окончены полевыя работы, Шамиль, находившійся тогда на высотѣ своего могущества, набралъ около 10,000 человѣкъ Чеченцовъ, Ичкеринцовъ, Ауховцовъ, Салатовцовъ, съ сѣвернаго склона горъ, и Лезгинъ изъ Гумбета и Каратая, и съ этими силами неожиданно напалъ на покорное намъ Койсубулинское селеніе Унцукуль, имѣя главною цѣлью принудить наши войска очистить неподчинявшееся его власти Аварское ханство. Въ самое короткое время, съ 27 Августа по 11-е Сентября, онъ успѣлъ взять и разорить шесть нашихъ укрѣпленій, въ Унцукулѣ, въ Балаканахъ, въ Цатаныхѣ, Гоцатлѣ, Моксохскую и Кахскую башни, совершенно уничтожить сводный батальонъ подполковника Веселицкаго,

шедшій на выручку Унцукульскаго гарнизона, и отбить нашу атаку на селеніе Харачи. Потери наши за это время простирались убитыми, ранеными и плѣнными до 1500 нижнихъ чиновъ, 54 штабъ и оберъ-офицеровъ и 12 полевыхъ орудій, не считая чугунныхъ крѣпостныхъ, которыми были вооружены павшія укрѣпленія. Въ одномъ Цатаныхѣ непріятель захватилъ болѣе 4000 пушечныхъ зарядовъ, 250,000 ружейныхъ патроновъ и 2000 четвертей муки.

Командовавшій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генералъ Клуке-фонъ-Клугенау, при первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля, хотя и двинулся въ Койсубу и въ Аварію съ наскоро-собраннымъ отрядомъ, но, видя себя не въ силахъ совладать съ Шамилемъ, обратился за помощью къ начальнику войскъ, занимавшихъ Казикумухское ханство, князю Аргутинскому, промедлившему до половины Сентября, когда уже отъ корпуснаго командира изъ Тифлиса ему положительно было приказано идти выручать Клуке, который тѣмъ временемъ принужденъ былъ запереться въ Хунзахѣ. Четырнадцатаго Сентября Аргутинскій соединился съ Клуке, пробившись къ Хунзаху чрезъ Гоцатлинскія высоты; но тамъ оба наши отряда со всѣхъ сторонъ были окружены непріятелемъ. Напрасно пытались они прорваться къ Гоцатлю или къ Зирянамъ. Клуке и Аргутинскій, попавъ въ западню, вмѣсто того чтобы, дѣйствуя за одно, только и заботиться о томъ какъ себѣ проложить дорогу, стали тратить время на безконечные споры о томъ, кто изъ нихъ важнѣе и кто лучше дѣло понимаетъ; а Шамиль тѣмъ временемъ разорялъ ханство, жегъ селенія, уничтожалъ поля и сады, Аварцовъ, способныхъ носить оружіе, убивалъ не давая пощады, а женщинъ и дѣтей уводилъ въ плѣнъ, осудивъ ихъ на вѣчное рабство у преданныхъ ему Чеченцовъ. Генералъ Нейдгартъ, въ виду этихъ прискорбныхъ событій, подготовленныхъ ошибкою барона Розена (преждевременно занявшаго Аварію Русскими войсками) и непослѣдовательнымъ управленіемъ своего предшественника Головина, приказалъ Гуркѣ отправиться въ Сѣверный Дагестанъ, принять тамъ главное начальство надъ войсками, привести въ согласіе споривших генераловъ и поправить дѣла, на сколько позволятъ обстоятельства. Отъ этого, можно сказать, слишкомъ лестнаго порученія и не одному Владимиру Осиповичу Гурко пришлось испить горькую чашу всевозможныхъ, справедливыхъ и несправедливыхъ, нареканій.

Пока дѣла эти совершались въ Дагестанѣ, у насъ *), тѣмъ време-

*) Служилъ я въ штабѣ войскъ на Кавказской линіи, подъ начальствомъ г. л. В. О. Гурко, будучи женатъ съ Ноября 1842 года.

немъ, готовились произвести экспедицію къ верховью Урупа. Наши верховыя лошади, вьюки и прочія походныя принадлежности, вмѣстѣ съ отряднымъ штабомъ, давно ушли за Кубань, а въ Ставрополѣ оставались (въ ожиданіи отъѣзда по тому же направленію) командующій войсками полковникъ Бибиковъ, и вмѣстѣ со мной, на мое попеченіе отданный родственникъ мой, сынъ корпуснаго командира.

Въ день назначенный для нашего отправленія, 14 Сентября, меня неожиданно позвали къ генералу. Солнце еще не всходило. Молча передалъ онъ мнѣ предписаніе корпуснаго командира, заключавшее, вмѣстѣ съ исчисленіемъ цѣлаго ряда Дагестанскихъ неудачъ, приказаніе, времени не теряя, ѣхать въ Сѣверный Дагестанъ искупать чужіе грѣхи. Дѣло добра не обѣщало. Гурко чувствовалъ и понималъ, насколько тяжела была возлагаемая на него отвѣтственность, но отказываться не думалъ, хотя на то имѣлось много самыхъ благовидныхъ предлоговъ. Поэтому тутъ же было рѣшено генералу ѣхать ночью; мнѣ приказано отправиться немедленно съ тѣмъ, чтобы его дожидаться въ станицѣ Червленной, Гребенскаго казачьяго полка, и сдѣлано распоряженіе насчетъ привода нашихъ лошадей изъ-за Кубани въ Дагестанъ.

Дорожныя приготовленія заняли немного времени, потому что рѣшительно нечего было укладывать. Всѣ мои походныя вещи, вмѣстѣ съ лошадьми, странствовали за Кубанью, часть бѣлья и платья находилась въ Тифлисѣ, гдѣ жена гостила у нашихъ родственниковъ; двѣ рубашки, да запасная пара сапогъ, составляли всю мою кладь. Поэтому, приказавъ привести почтовыхъ лошадей и отдавъ свою Ставропольскую квартиру со всѣмъ хозяйствомъ подъ надзоръ старой кухарки, не позже какъ черезъ часъ адъютантъ Гурки, Василій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, я и мой родственникъ, въ четвероместномъ тарантасѣ, сломя голову, скакали по Георгіевской дорогѣ. На облучкѣ, крѣпко уцѣпившись руками за спинку козелъ, чтобы не слетѣть на первомъ толчкѣ по колеистой дорогѣ, подпрыгивалъ мой неразлучный писарь, казачекъ лѣтъ семнадцати, безъ котораго мнѣ бы рѣшительно не удалось совладать съ безконечной перепиской, а на нее мы были осуждены усложнившимися Дагестанскими дѣлами. День и ночь приходилось писать; нерѣдко случалось даже на походѣ, покинувъ сѣдло, тратить чернила на такія удивительныя вещи, отъ которыхъ дѣло не подвигалось ни въ ту, ни въ другую сторону, ни впередъ, ни назадъ. Къ счастію я при себѣ удержалъ моего писаря, отправляя канцелярію за Кубань; иначе въ Дагестанѣ, гдѣ больше приходилось отписываться, чѣмъ дѣло творить, мнѣ бы пропасть безъ него. Писалъ онъ четко, работалъ за троихъ, дѣло понималъ и, не унывая, переносилъ голодъ и холодъ; сжились мы съ нимъ какъ рука съ привычнымъ перомъ, и вдво-

емъ для насъ не было письменной работы, которой мы бы не могли осилить. Туго приходилось лишь въ такомъ случаѣ, когда, бывало, не оказывалось въ запасѣ ни одной опредѣленной мысли, ни осязаемаго факта, а между тѣмъ налегаютъ: нельзя же сидѣть сложа руки, на то и служба чтобы работать; надо же «что нибудь» написать. Тогда только задумывались мы не шутя; писарекъ обыкновенно засыпалъ подъ напоромъ тяжелой думы, а я принимался жевать перо въ надеждѣ не высосу ли изъ него «что нибудь»—и бывало за ночь на столѣ являлся листъ бумаги, исписанный разными, очень любопытными разсужденіями о томъ, что́ бы требовалось сдѣлать, да чего не слѣдуетъ дѣлать, потому что хуже выйдетъ, ежели оно будетъ сдѣлано. Благодаря такимъ «изъ ничего» придуманнымъ донесеніямъ, не смотря на нашу излишнюю осторожность, когда приходилось дѣйствовать, мы не разъ вызывали заочное одобреніе нашей послѣдовательной дальновидности.

Въ Червленной насъ догналъ генералъ Гурко. Доро̀гой я обзавелся лошадью, сѣдломъ, взялъ въ драбанты казака Попова (о которомъ уже говорилъ въ «Складчинѣ», изданной въ Петербургѣ въ 1874 году) и Гребенскаго казака Ивашина; а баранью шубку, которой и за деньги нельзя было достать, мнѣ подарилъ Осетинскій старшина Мегметъ-Кази, знавшій меня еще со времени Галгаевской экспедиціи 1832 года. Съ такою экипировкою мнѣ позволено было считать себя вполнѣ обезпеченнымъ на самый продолжительный походъ; а что жена находилась въ Тифлисѣ, домъ и хозяйство оставались въ Ставрополѣ, лошади прогуливались за Кубанью, самъ я глядѣлъ въ Дагестанъ,—считалось на Кавказѣ случаемъ вседневнымъ, надъ которымъ не стоило задумываться ни мгновеніе.

Изъ Червленной, въ двое сутокъ. сопровождаемые тремя сотнями Гребенцовъ, мы верхами проѣхали до Темиръ-Ханъ-Шуры, куда и прибыли благополучно 18 Сентября.

Дѣла застали мы въ слѣдующемъ мало-утѣшительномъ положеніи:

— Всѣ наши укрѣпленія по лѣвую сторону Аварскаго Койсу, за исключеніемъ Хунзахской цитадели, были взяты непріятелемъ и срыты до основанія;

— отряды, Клуке (1770 штыковъ, 10 орудій) и Аргутинскаго—(2,800 штыковъ, 9 орудій, 2,200 человѣкъ милиціонеровъ изъ средняго Дагестана), страдая недостаткомъ провіанта, снарядовъ и патроновъ, удерживались Шамилемъ на позиціи, за̀нятой ими предъ Хунзахомъ;

— прямое сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ Хунзахомъ, чрезъ Зиряны и Балаканское ущелье, было совершенно прервано, и проникнуть къ нему открывалась возможность лишь дальнымъ обходнымъ путемъ, чрезъ Гергебиль и Гоцатль;

— безпощадное опустошеніе Аваріи Шамилевскими полчищами совершалось безостановочно;

— оборона Прикаспійской плоскости, за недостаткомъ войскъ, лежала на туземныхъ, Шамхальской и Мехтулинской, милиціяхъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать особенной преданности Русскому дѣлу;

— четыре батальона и шесть горныхъ орудій, направленные съ линіи, по распоряженію генерала Гурки, Дагестанскимъ войскамъ въ подкрѣпленіе, не могли придти раньше послѣднихъ чиселъ Сентября и начала Октября;

— въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ оставались свободными десять слабосильныхъ ротъ Апшеронскаго полка.

Первымъ распоряженіемъ Владимира Осиповича Гурки было чрезъ Гергебиль отправить въ Аварію колонну съ провіантомъ и зарядами, которой и удалось пробраться до Хунзаха; а за тѣмъ завязалась, чрезъ лазутчиковъ, неимовѣрно-дѣятельная переписка съ нашими въ Аваріи застрявшими отрядами, нисколько не ослабѣвшая, когда Клуке 28 Сентября посчастливилось вернуться въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Не будучи въ силахъ вытѣснить наши войска изъ крѣпкой Хунзахской позиціи, послѣ нѣсколькихъ, успѣха не имѣвшихъ, попытокъ, а болѣе еще по недостатку продовольствія, Шамиль былъ принужденъ отвести свои скопища къ Дылыму, послѣ чего Клуке, оставивъ въ Хунзахѣ десятиротный гарнизонъ, чрезъ Зирянскую переправу перешелъ на правую сторону Койсу, а Аргутинскій съ отрядомъ своимъ отошелъ къ Гоцатлю.

Предметомъ жаркой переписки, загорѣвшейся между Владиміромъ Осиповичемъ и ген. Клуке фонъ-Клугенау, главнымъ образомъ былъ вопросъ, что̀ же теперь, когда Шамиль заблагоразсудилъ убраться во свояси за снѣговой хребетъ, намъ слѣдуетъ предпринять: совершенно очистить Аварію, или по прежнему занять ее нашими войсками. Гурко признавалъ необходимымъ, покинувъ пустую Аварію, сосредоточить наши силы на правой сторонѣ Койсу, для болѣе успѣшной обороны Каспійскаго прибрежья; а Клуке горячо доказывалъ, что вся будущность Русскаго владычества въ Дагестанѣ единственно зависитъ отъ удержанія Хунзаха въ нашихъ рукахъ. Кажись, Гурко былъ правъ, да и Клуке не слѣдовало винить, коли въ его мысляхъ толку не доставало. Клуке-фонъ-Клукенау, отмѣнно храбрый, но дальновидностью скудно одаренный генералъ, не имѣлъ привычки портить свое здоровье трудомъ головоломныхъ размышленій. Въ ту эпоху, думалъ, распоряжался, и писалъ за него подполковникъ Пассекъ, занимавшій при немъ должность начальника штаба; поэтому все что̀ писалось отъ имени Клуке надлежало считать не произведеніемъ его генеральскаго ума, а Пассекова пламеннаго воображенія. Самъ же Пассекъ, на мигъ прослывшій

удивительнымъ героемъ, ближе приглянувшись къ его дѣламъ и мыслямъ, оказывался не болѣе какъ храбрецъ, для котораго главною задачею жизни было восторгаться, скакать, стрѣлять и рубиться, отнюдь не думая о томъ что̀ могло выйти изъ такой стрѣльбы и рубки. Умѣлъ онъ также писать краснорѣчиво, по справедливости сказать, не совершенно согласно съ законами логики; да не въ этомъ бѣда, а главная бѣда заключалась въ томъ, что онъ военнаго дѣла не зналъ и не понималъ. Всѣ его, даже самыя удачныя дѣйствія, носили на себѣ печать крайней необдуманности.

Вотъ примѣръ.

Въ то время когда Клуке, по милости Шамиля, еще принужденъ былъ крѣпко сидѣть въ Аваріи, и никто навѣрное не могъ предсказать чѣмъ кончится это невольное сидѣнье, намъ привелось получить черезъ лазутчика нѣсколько донесеній изъ Аварскаго отряда, между ними записку Клуке (читай Пассека), которая начиналась словами: — «Зарево «пылающихъ селъ багровымъ свѣтомъ озаряетъ дикія скалы Аваріи; «жены и дѣти злосчастныхъ Аварцовъ, извергомъ Шамилемъ обречен«ныя на вѣчное рабство, съ воплемъ отчаянія покидаютъ родныя пепе«лища, облитыя кровью ихъ мужей и отцовъ. Страна, обращенная въ «пустыню, оглашается воемъ шакаловъ, сбѣжавшихся на обильную, Ша«милемъ имъ брошенную поживу полусгнившихъ труповъ» и т. д. Записка кончалась — смѣшно вспомнить — проектомъ Русскими мужиками заселить эту, въ пустыню обращенную, безлѣсную, однимъ камнемъ обильную страну, въ которой, какъ въ ловушкѣ, засѣли, не зная какимъ путемъ уйти, десять нашихъ батальоновъ, вмѣстѣ съ авторомъ вышеприведеннаго литературнаго упражненія.

На означенный проектъ заселенія Аваріи отвѣчали отъ насъ, что позже сообразятъ, а теперь прежде всего слѣдуетъ подумать о томъ, какъ бы нашимъ батальонамъ, по-добру· по-здорову, убраться изъ тѣхъ благодатныхъ мѣстъ.

II.

Почти цѣлый мѣсяцъ длился споръ о томъ, слѣдуетъ ли окончательно покинуть Хунзахъ, или снова занять потерянные въ Аваріи пункты и до зимы еще возобновить непріятелемъ уничтоженныя укрѣпленія, на что, видимо, недоставало ни рукъ, ни времени, ни способовъ обезпечить зимнее продовольствіе войскъ. Владимиръ Осиповичъ рѣзко оспаривалъ Клуке. Клуке упирался, Пассекъ выходилъ изъ себя; возраженія и опроверженія съ ракетною быстротою летали съ верху внизъ, съ низу вверхъ, изъ перваго во второй, изъ втораго въ пер-

вый этажъ нашего дома (на верху жилъ Гурко, уступивъ мнѣ комнату возлѣ себя, внизу Клуке и Пассекъ). Устраняясь отъ тяжелой отвѣтственности, Гурко переписку свою съ Клуке въ оригиналѣ представилъ корпусному командиру, а корпусный командиръ, въ свою очередь, вернулъ и съ простой помѣткой: «Гуркѣ и Клуке, на мѣстѣ, рѣшить вопросъ съ ихъ обоюднаго согласія». Но этого-то соглашенія и нельзя было достигнуть никакими средствами; Пассекъ оспаривалъ мнѣніе Гурки всѣми силами своей фразистой аргументаціи, въ которой чаще всего встрѣчались слова:—«очистить, отступить, врагу предоставить торжество побѣды несовмѣстно съ Русскимъ могуществомъ, помрачить честь Русскаго оружія», наводившія на Владимира Осиповича невыразимую грусть, не заставляя его однако принять какое нибудь окончательное рѣшеніе. Образованный, талантливый и лично далеко не трусливый Гурко, къ несчастію, страдалъ недостаткомъ столько же вредившимъ дѣлу, какъ и ему самому: боялся онъ отвѣтственности, робѣлъ предъ мыслью подвергнуться даже незаслуженной немилости, и поэтому нерѣдко предавался безплодному колебанію въ случаяхъ, требовавшихъ непоколебимой рѣшимости. И этотъ страхъ отвѣтственности, эта нерѣшительность, какъ я близко знаю, проистекали не изъ личнаго эгоизма, а изъ болѣе чистаго источника. Будущность его дѣтей, сына и дочери, всегда стояли у него на первомъ планѣ, и сколько разъ, въ минуту, требовавшую твердой и быстрой рѣшимости, въ моемъ присутствіи, изъ глубины души вырывалось у него восклицаніе: „Et mes enfans?“, и не разъ случалось мнѣ слышать отъ него: oh! le courage civil est une grand' chose, n'en a pas qui veut! Во время Дагестанскихъ смутъ, про которыя нынѣ разсказываю, слишкомъ много его осуждали совершенно невпопадъ, и какъ водится, въ чемъ позволено было винить, не винили, а взводили на него разную небылицу, и глумились, когда бы слѣдовало отзываться съ похвалой. Такимъ образомъ, чаще всего судитъ военная молодежь, безумно увлекающаяся мишурнымъ блескомъ съ шумомъ и трескомъ подвизающихся, зачастую поддѣльныхъ храбрецовъ, и кончается тѣмъ, что людей подобныхъ В. О. Гуркѣ осыпаютъ хулою, а людей Пассекова пошиба превозносятъ до небесъ. И нельзя же было Гурку ставить на одинъ уровень съ разными другими Кавказскими генералами того времени, не говоря о Фрейтагѣ: Гурко былъ не только генералъ, онъ былъ и человѣкъ, да сверхъ того порядочный человѣкъ въ полномъ значеніи слова.

До окончательной подачи мнѣнія на счетъ Аварскаго вопроса Гурко призналъ необходимымъ сперва лично познакомиться съ спорнымъ краемъ.

Къ тому времени прибыли наши лошади съ Кубани и пріѣхали въ Темиръ-Ханъ-Шуру гвардейскіе офицеры: Абаза, Феншау, Бонтанъ, адъютантъ Паскевича, Аничковъ и Прусской службы капитанъ баронъ Гиллеръ. Съ весны еще въ разныхъ отрядахъ изучали Кавказскую войну Прусскіе офицеры: Гиллеръ, въ послѣдствіи павшій дивизіоннымъ генераломъ подъ Садовой; Герсдорфъ, во Франціи убитый въ 1870 году, и Вердеръ, подъ Бельфоромъ разбившій армію Бурбаки.

Подъ прикрытіемъ трехъ батальоновъ съ половиной и двухъ сотъ казаковъ двинулись мы въ первыхъ числахъ Октября черезъ Зиряны въ Аварію. Дорога отъ Темиръ-Ханъ-Шуры вела сначала въ гору, потомъ по Бурундухкальскому ущелью спускалась въ долину Койсу, перешагнувъ рѣку, углублялась въ Балаканское ущелье и, поднявшись на Арахъ-тау, мимо Моксоло и Коха, пролегала до Хунзаха по совершенно ровному мѣсту. Переправу чрезъ Койсу обороняло Зирянское, непріятелемъ нетронутое, укрѣпленіе. Дорогу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Зиряны крѣпко замыкала Бурундухкальская башня, не смотря на малочисленный гарнизонъ—40 человѣкъ, при одномъ офицерѣ. Занимая перевалъ надъ самымъ спускомъ въ тѣсное семиверстное ущелье, огороженное крутыми, въ рѣдкомъ мѣстѣ доступными скалами, это укрѣпленіе защищало такъ называемыя «лѣсенки» —каменныя кладки на глубокихъ водомойнахъ, которыя раскидавъ, дорога становилась положительно непроходимою для лошадей и для вьюковъ. Отъ Бурундухкальскаго перевала пролегала еще нагорная дорога въ Араканы, и дальше до Гоцатля, на соединеніе съ дорогой, шедшей къ этому пункту изъ Темиръ-Ханъ-Шуры мимо Дженгутая, Аймяковъ и Гергебиля. Кромѣ того отъ Аймяковъ можно было пройти до Бурундухкальской башни по весьма трудной пѣшей тропинкѣ, по которой въ крайнемъ случаѣ однако можно было провести и лошадей. Для того чтобы понять наши послѣдующія ошибки, крайне необходимо удержать въ памяти указанное направленіе вышеприведенныхъ дорогъ.

На четвертые сутки дошли мы до Хунзаха, имѣвъ только въ Балаканскомъ ущельи самую незначительную перестрѣлку, по случаю которой мнѣ довелось Пруссаку Гиллеру нѣсколько прояснить глаза на счетъ Кавказской войны. Переправивъ войска чрезъ Койсу возлѣ Зирянскаго укрѣпленія на летучемъ паромѣ, мы очутились предъ стѣной отвѣсныхъ скалъ, заграждавшихъ нашу дорогу; казалось, дальше пути не существовало. Гурко поручилъ мнѣ съ авангарднымъ батальономъ открыть, занято ли непріятелемъ Балаканское ущелье, причемъ Гиллеръ выпросилъ позволеніе отправиться со мной. Повернувъ на лѣво, вверхъ по рѣкѣ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ переправы, нашимъ глазамъ представилась въ надбрежныхъ скалахъ узкая, из-

далека едва примѣтная трещина, чрезъ которую приходилось войти въ постепенно расширявшееся ущелье. Остановивъ батальонъ на нѣсколько мгновеній, я распорядился выслать авангардъ, изъ одного взвода, и боковыя прикрытія направо и налѣво, которымъ приходилось лѣзть въ гору.

Гиллеръ взглянулъ на меня вопросительно.— «Que faites-vous là?»

— Je prends mes précautions, en cas que l'ennemi voudrait nous disputer le passage.

— Comment? Des précautions? Mais ici toute guerre doit finir.

— Ici, elle va seulement commencer.

Гиллеръ недовѣрчиво на меня посмотрѣлъ; взглядъ его ясно говорилъ: шутишь пріятель, хочешь пыли пустить въ глаза—а я такъ и повѣрилъ!

Исполнивъ приказаніе, батальонъ вступилъ въ ущелье. Четверть часа мы прошли безъ выстрѣла, нигдѣ живой души, однѣ громадныя скалы безмолвно глядѣли на нашу маленькую колонну, змѣившуюся чуть примѣтною черною полосою вдоль подножія ихъ; пустынная тишина нарушалась только мѣрнымъ гуломъ солдатскихъ шаговъ, да изрѣдка брякнувшимъ ружьемъ. Гиллеръ насмѣшливо на меня поглядывалъ. Вдругъ на одномъ шпилѣ вспыхнулъ маленькій дымокъ, потомъ другой, третій; ружья въ боковыхъ прикрытіяхъ и въ авангардѣ отозвались, скалы задымились, раскаты выстрѣловъ разнеслись по воздуху; надъ нашими головами просвистала шальная пуля и глухо ударилась о камень. Гиллеръ выпрямился, внимательно сталъ слѣдить за стрѣлками, вглядываясь, какъ они взбирались по головоломной крутизнѣ, какъ разомъ, когда нужно было, сбѣгались въ кучу, разсыпались, прилегали за камни, и вновь выскакивали, стараясь выбивать непріятеля изъ всѣхъ мѣстъ, съ которыхъ ему удобно было стрѣлять въ колонну, двигавшуюся по дну ущелья.

— Vous avez eu raison— сказалъ онъ—à présent je viens d'acquerrir la conviction qu'il y a bien des choses qu'on peut apprendre chez vous au Caucase.

Случай этой отнюдь не слѣдуетъ считать единственнымъ примѣромъ, обратившимъ на себя вниманіе нашихъ Прусскихъ гостей. Многимъ пріемамъ малой войны научились они отъ Кавказцевъ, привели ихъ въ систему и завели у себя, приладивъ къ своимъ порядкамъ; а мы, тѣмъ временемъ, пренебрегая своимъ собственнымъ опытомъ, того и глядимъ какъ бы что̀ перенять у другихъ, не разбирая, годится ли оно для нашей почвы, и поэтому многое изъ перенимаемаго нами такъ часто не приходится по мѣркѣ на широкое Русское туловище, и безъ

пользы его жметь, и гнететъ, не смотря на его завѣтную способность притерпѣться ко всѣму что̀ судьба ни пошлетъ.

Далеко не радостна была картина, представлявшаяся намъ вдоль дороги. Развалины Русскихъ укрѣпленій, развалины Аварскихъ ауловъ, истребленные посѣвы, уничтоженные сады, безплодный камень и безлюдная пустыня окружали насъ со всѣхъ сторонъ. Въ совершенно-безлѣсной, скалистой Аваріи посѣвамъ не было другаго мѣста кромѣ на уступахъ искусственно-устроенныхъ по крутымъ скаламъ горъ и засыпанныхъ растительною землею, которую Аварцы издалека привозили на ослахъ, или приносили на своихъ плечахъ. Небольшое число фруктовыхъ деревъ, повитыхъ виноградными лозами, да въ тѣни ихъ посѣянная кукуруза давали жителямъ скудное дневное пропитаніе; лошадей имѣли одни богачи, коровы считались рѣдкостью, и главное богатство Аварцовъ составляли довольно многочисленныя стада полудикихъ козъ. Буквально Шамиль исполнилъ свою угрозу—«истребить Аварскіе аулы, вспахать мѣсто и солью его засѣять»—и коли не солью, то дѣйствительно засѣялъ золой и пепломъ и полилъ Аварскою кровью.

Посреди Аварской пустыни одинъ неприступный Хунзахъ стоялъ живымъ еще сторожемъ ханства стертаго съ лица земли, ханства недавно еще господствовавшаго надъ цѣлымъ Дагестаномъ и предъ которымъ трепетали Грузія и Персія. Трое сутокъ пробыли мы въ Хунзахѣ, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, и всѣ видѣвшіе его, не исключая Владимира Осиповича, наглядно могли убѣдиться, какъ легко было защищаться въ немъ отъ самаго сильнаго непріятеля, и какъ трудно было удержать его на зиму въ нашей власти. Не отъ непріятельскаго оружія гарнизону непремѣнно бы пришлось бѣжать изъ него отъ голода и холода: такъ Шамиль опустошилъ Аварію. Онъ не довольствовался разореніемъ селъ и уничтоженіемъ кукурузныхъ посѣвовъ; всѣ даже фруктовыя деревья были порублены, и стѣнки, поддерживавшія по горамъ плодоносную землю, были раскиданы, послѣ чего горные потоки окончательно довершили дѣло разрушенія, начатое людскими руками.

Эту-то Аварію Пассекъ предлагалъ заселить Русскими мужиками!

Изъ Хунзаха прошли мы къ Гергебилю, соединившись въ Гоцатлѣ съ Аргутинскимъ, который давно уже просилъ отпустить его обратно въ Казикумыхъ. Совѣтовали Владимиру Осиповичу не соглашаться на это требованіе, и Аргутинскаго, съ его отрядомъ, удержать въ окрестностяхъ Гергебиля, пока не обнаружатся дальнѣйшія намѣренія Шамиля. Сомнѣнію не подлежало, что Шамиль не ограничится своими первыми удачами и, вытѣснивъ Русскія войска изъ Койсубу и Аваріи, постарается вслѣдъ за тѣмъ очистить отъ нихъ Прикаспійскія ханства,

Мехтулу и Шамхальство *). Дорогу заслоняли: въ Шамхальскія владѣнія Зиряны и Бурундухкальское укрѣпленіе, въ Мехтулинское ханство— Гергебиль. Сообщеніе изъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Зирянамъ, благодаря Бурундухъ-кале, находилось въ нашихъ рукахъ, а съ Гергебилемъ преграждалось высокимъ Кутижинскимъ хребтомъ, прорѣзаннымъ глубокою и неимовѣрно-узкою разсѣлиной, носившей названіе Аймякскаго ущелья, для обороны которой, съ любаго конца, достаточно было полусотни ружей. Очевидно первые непріятельскіе удары должны были обрушиться на одинъ изъ этихъ двухъ пунктовъ, вѣроятнѣе на Гергебиль чѣмъ на Зиряны; посему и казалось необходимымъ, кромѣ гарнизона, въ сосѣдствѣ его имѣть еще отрядъ способный сохранить сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурою, на которую опирались всѣ наши силы въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Хитрый, изворотливый, малообразованный князь Аргутинскій-Долгорукій (почему Долгорукій, никогда не могъ понять, ни дознать) хорошо понималъ, что̀ насъ ожидало; но это развѣ могло его тревожить?.. Гергебиль состоялъ въ районѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, а онъ, Аргутинскій, командовалъ въ Среднемъ Дагестанѣ—и чѣмъ хуже у насъ, тѣмъ лучше для него; значитъ, тяга намъ не по силамъ, плошаемъ, а онъ мастеръ своего дѣла. Пользуясь авторитетомъ, который, какъ Закавказскому уроженцу Армянскаго происхожденія, ему давали знаніе края и народнаго языка, онъ такъ убѣдительно умѣлъ доказать необходимость вернуться въ Казикумыхъ, откуда до него будто-бы доходили самые тревожные слухи, что Владиміръ Осиповичъ не устоялъ и его дѣйствительно отпустилъ. «Не могу же я, говорилъ Гурко, на свою шею взять отвѣтственность, ежели, какъ Аргутинскій доказываетъ, изъ-за долгаго его отсутствія, въ Казикумыхѣ повторятся бѣдствія, постигшія Сѣверный Дагестанъ?»

Это была наша первая ошибка, не миновавшая горестнымъ образомъ отозваться на Гергебилѣ.

Отъ весьма слабо укрѣпленнаго Гергебиля (постройки состояли изъ нижняго укрѣпленія, имѣвшаго видъ съ горжи замкнутаго люнета, и изъ верхняго редута на одну роту, занимавшаго командующую высоту; рвы были очень неглубоки, бруствер сложенъ изъ камня на глинѣ) мы двинулись въ Темиръ-Ханъ-Шуру, усиливъ гарнизонъ двумя ротами; этимъ укрѣпленія не спасли, а только на триста человѣкъ увеличили число безполезныхъ жертвъ.

Вернувшись въ Темиръ-Ханъ-Шуру, Владиміръ Осиповичъ, во-

*) Точнѣе Шамъ-ханство, по ханскому роду изъ Шама (Дамаска.)

преки тому что̀ ему довелось видѣть и узнать во время своей невеселой Аварской прогулки, уступилъ мнѣнію Клуке. Съ общаго согласія было рѣшено (смутили его слова «честь Русскаго оружія не допускаетъ отдать врагу торжество побѣды») удержать Хунзахъ, усиливъ еще двумя батальонами бывшія въ немъ десять ротъ, батальономъ занять Балаканы, и начальство надъ войсками въ Аваріи поручить Пассеку, слѣдуя пословицѣ: заварилъ кашу, самъ и расхлебывай.

Этого Пассекъ только и домогался: хотѣлось ему покомандовать хоть нѣсколько недѣль, сколько позволитъ Шамиль; завязать дѣло, написать громкую реляцію, получить награду; а тамъ, хоть трава не рости. Какъ онъ разсчитывалъ, такъ и сбылось; а какая бѣда солдату отъ того приключилась, стоитъ ли принимать въ разсчетъ—на то и солдатъ, чтобы ему кости ломали!

Когда Пассекъ уѣхалъ въ Аварію, казалось, для насъ настало время отдыха, но намъ нисколько не удалось имъ воспользоваться. Шамиль не спалъ и намъ дремать не давалъ. Въ началѣ Октября, отбитый отъ Андреевой деревни, Кумыкскаго селенія возлѣ кр. Внезапной, въ концѣ того же мѣсяца онъ сталъ готовиться къ новымъ предпріятіямъ. Свѣдѣнія, добываемыя лазутчиками, были крайне разнорѣчивы: одни показывали, что онъ намѣренъ двинуться на Югъ, другіе доказывали, что всѣ его приготовленія стремятся къ набѣгу на Кизляръ, или на одну изъ казачьихъ станицъ по низовью Терека. Казалось, скорѣе позволено было опасаться за Дагестанъ, чѣмъ за Терскую линію: на Терекѣ Шамиль могъ разсчитывать на одинъ временный, очень неважный успѣхъ, а въ Дагестанѣ онъ преслѣдовалъ глубокую политическую мысль подчинить своей власти все мусульманское населеніе отъ береговъ Каспійскаго моря до снѣговаго хребта. Владиміръ Осиповичъ однако заблагоразсудилъ болѣе вѣроятнымъ признать первое предположеніе, что̀ и заставило его 22 Октября двинуться къ крѣпости Внезапной. Отрядъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ, четырехъ орудій и нѣсколькихъ сотенъ линейскихъ и Донскихъ казаковъ.

На берегу Сулака, около Султанъ-Янги-Юрта простояли мы дней пять въ ожиданіи болѣе положительныхъ извѣстій о непріятелѣ, а потомъ перешли за рѣку, и кажись, безъ опредѣленной цѣли стали ходить взадъ и впередъ между Внезапною, Амираджи-Юртомъ и Кази-Юртомъ. Погода, теплая въ первые дни нашего похода, вдругъ измѣнилась: сначала пошелъ проливной дождь, потомъ стало снѣжить, и наступили сильные ночные морозы. Выступили мы на легкахъ: во всемъ отрядѣ одинъ Гурко имѣлъ небольшую палатку. Солдаты и офицеры располагались бивуакомъ подъ открытымъ небомъ, въ грязи, или на мерз-

лой землѣ. При безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста не доставало времени, да и не изъ чего было строить шалаши въ голой степи, въ который нельзя было добыть полѣна дровъ, и принуждены были кизикомъ поддерживать лагерные костры. Всѣ одинаково подвергались мокротѣ и холоду, но болѣе другихъ мнѣ, грѣшному, приходилось страдать. Когда мои прочіе товарищи, укрывшись шубами и бурками, ночью спокойно отдыхали, именно тогда наступало для меня время настоящей пытки. Бывало, будятъ каждые полчаса—пріѣхалъ лазутчикъ, привезли летучку: стряхнувъ теплую шубу, встаешь, читаешь, выслушиваешь безконечный разсказъ прискакавшаго горца, идешь генералу докладывать. Приподыметъ онъ голову, выслушаетъ, отдастъ приказаніе, или просто скажетъ: распорядитесь какъ сами знаете, да и нырнетъ подъ шубу; а мнѣ приходится отвѣчать, писать увѣдомленія въ десять различныхъ пунктовъ и войскамъ передавать генеральское приказаніе. Ложимся мы съ писаремъ на бурку, разостланную возлѣ горящаго костра, чернилицу ставимъ въ горячую золу и, дрожа всѣмъ тѣломъ, надъ углями отогрѣвая чернила, леденѣющія на перѣ, выводимъ на бумагѣ ряды буквъ чудовищнаго вида. Бывало, только что кончишь работу, ляжешь и начнешь проникаться пріятною теплотою, а тутъ снова зовутъ—опять донесеніе, опять лазутчикъ, или нарочный, опять подымайся, выслушивай, докладывай и пиши. Признаться, въ немоготу приходилось.

Сколько помнится, 29 Октября стояли мы близъ Султанъ-Янги-Юрта, въ одну морозную ночь разбудилъ меня зловѣщій топотъ быстро скакавшей команды; почуялъ я, что мнѣ готовится работа, а вставать не хотѣлось: подъ буркою лежать было такъ тепло и уютно. Казаки изъ отряда Евдокимова, стоявшаго на нашемъ сообщеніи съ Темиръ-Ханъ-Шурою, привезли конвертъ отъ генерала Клуке. Извольте вставать, на ухо крикнулъ мнѣ писарь, на конвертѣ надписано: секретно и весьма нужное. Нехотя я поднялся, распечаталъ, прочелъ и зашагалъ къ генеральской палаткѣ.

Гурко привыкъ узнавать мою походку.

— Чтò новаго? раздалось изъ-за жиденькой полотняной стѣнки.

— Донесеніе отъ Клуке и очень важное.

— Чтò такое?— говорите скорѣй!

— Шамиль спустился съ горъ и обложилъ Гергебиль; въ сборѣ у него, полагаютъ, находится до десяти тысячъ, и кромѣ того онъ привезъ три полевыхъ орудія, изъ которыхъ обстрѣливаетъ укрѣпленіе.

— Нехорошо!

— Самъ такъ думаю.

— Тотчасъ-же дайте знать Фрейтагу, въ Ставрополь и въ Тифлисъ, а нашему отряду прикажите быть готовымъ выступить съ разсвѣтомъ.

Заря не занялась еще, какъ наши батальоны уже дружно шагали по мерзлой степи; а мы, не дожидаясь ихъ, съ сотнею линейцевъ, на полныхъ рысяхъ, неслись въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

III.

Обстоятельства сложились для насъ весьма невыгодно; но не все еще было потеряно. Силы собранныя въ Сѣверномъ Дагестанѣ съ разныхъ сторонъ состояли въ то время изъ девятнадцати батальоновъ пѣхоты, не болѣе однако 8930 штыковъ, 300 линейскихъ, 300 Донскихъ, 200 Уральскихъ казаковъ, 14 горныхъ и 10 орудій полевой артиллеріи. Изъ сего числа четыре батальона занимали Хунзахъ; одинъ батальонъ находился въ Балаканахъ, одинъ въ Зирянахъ, одинъ въ Аймякахъ, при входѣ въ Аймякскую тѣснину; одинъ на Сулакѣ, въ отрядѣ Евдокимова; шесть батальоновъ оставались въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; а остальные батальоны были разбиты по разнымъ менѣе важнымъ пунктамъ. Казаки находились частью въ Сулакскомъ отрядѣ, частью въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и небольшими командами содержали почтовое сообщеніе. Шамхалъ Тарковской и правительница Мехтулинская, красавица Селтанета, получившая извѣстность и среди Русскихъ, благодаря «Амалатъ-беку» Марлинскаго, далеко не сочувствовавшіе Шамилю, къ нашимъ силамъ присоединили еще сотъ шесть туземной конницы. Съ этимъ количествомъ войскъ кое-какъ можно было извернуться, приказавъ Пассеку, часу не медля, покинуть Хунзахъ, занять позицію на Гоцатлинскихъ высотахъ и ожидать тамъ, пока Аргутинскій съ одной, а мы съ другой стороны подойдемъ къ Гергебилю. Позволено было надѣяться, что непріятель, разомъ атакованный съ трехъ сторонъ, не выдержитъ натиска нашихъ соединенныхъ отрядовъ. Мысль эта возникла на совѣтѣ, въ которомъ, кромѣ Клуке, участвовали еще полковникъ Бибиковъ вмѣстѣ со мной, но была исполнена не во всѣхъ частяхъ, отчего и не имѣла ожидаемаго успѣха. Къ Аргутинскому были посланы гонцы съ предложеніемъ не мѣшкая двинуться къ Гергебилю; намъ было положено чрезъ Кутижинскій хребетъ идти выручать осажденную крѣпость; только Пассеку Владимиръ Осиповичъ не рѣшился отдать безусловнаго приказанія очистить Аварію, а предписалъ ему дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, какъ укажутъ обстоятельства.

Свободными оказались въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ не болѣе трехъ батальоновъ, всего 1500 штыковъ, пять горныхъ орудій, сотня линей-

цевъ и туземное конное ополченіе, съ которыми 1-го Ноября мы и двинулись къ Гергебилю по дорогѣ чрезъ Оглы.

На четвертые сутки нашъ отрядъ съ Сулака пришелъ въ Оглы, сдѣлавъ болѣе ста верстъ по неимовѣрно-труднымъ горнымъ дорогамъ. Тутъ оказалось необходимымъ дать дневной отдыхъ донельзя утомленнымъ солдатамъ, а генералъ Гурко тѣмъ временемъ меня отправилъ высмотрѣть съ высоты Кутижинскаго гребня, въ какомъ положеніи находится наша осажденная крѣпостца, прикомандировавъ ко мнѣ на этотъ разъ моего родственника, сына корпуснаго командира, чѣмъ и оказалъ мнѣ весьма плохую услугу. На свое счастіе я надѣялся, но отвѣчать за его цѣлость ложилось на меня тяжелою обузою, отъ которой я и постарался избавиться, отправивъ его обратно въ Оглы съ первымъ донесеніемъ генералу Гуркѣ. Съ сорока охотниками взятыми отъ батальона, стоявшаго въ Аймякахъ, поднялись мы на гору, нашли мѣсто, съ котораго Гергебильская котловина и атакованная крѣпость открывались какъ на ладони и помощью зрительной трубы принялись дѣлать наши наблюденія. Здѣсь, послѣ отправки моего родственника, не отрывая глаза отъ трубы, просидѣлъ я съ полудня до поздняго вечера.

Далеко неуспокоительно было то, что мнѣ привелось разглядѣть. Горцы густыми толпами окружали крѣпость; на видъ казалось ихъ не менѣе восьми тысячъ; атаку они разомъ повели на главное укрѣпленіе и на верхній редутъ, по которому не умолкая били изъ трехъ орудій, поставленныхъ въ аулѣ, лежавшемъ выше обѣихъ нашихъ построекъ. Каменистая почва не позволяла зарываться въ землю, почему атакующіе обратились къ другому менѣе трудному способу вести свои подступы. Въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ крѣпости были сложены дрова, заготовленныя на зиму. Устроивъ себѣ первый ложементъ за этими дровами, они оттуда стали подвигаться къ крѣпостному брустверу, закрывая себя отъ ружейныхъ выстрѣловъ рядомъ костровъ образуемыхъ полѣньями, которыя ловко бросали они впередъ своего пути. Ползкомъ добравшись до такого удобнаго прикрытія, они снова принимались перекидывать дрова, и плотный рядъ высокихъ костровъ съ каждымъ часомъ тѣснѣе охватывалъ злополучный Гергебиль. Изъ главнаго укрѣпленія наши солдаты еще бодро отвѣчали на непріятельскій огонь, но верхній редутъ уже слабо оборонялся; брустверъ редута и крытый ходъ, соединявшій его съ нижнимъ укрѣпленіемъ, были разбиты; орудія стрѣляли изрѣдка, ружья едва отзывались; видимо, не доставало людей, не доставало пороху. При первомъ рѣшительномъ штурмѣ редутъ долженъ былъ пасть; по моему разсчету онъ едва ли могъ продержаться до утра, а съ высоты его открывалась вся внутренность

главнаго укрѣпленія. На моихъ глазахъ однако оба укрѣпленія удачно отбили два штурма. Видѣлъ я, какъ вся долина покрывалась толпами, бѣжавшими къ крѣпости, видѣлъ какъ поочередно вспыхивали крѣпостныя орудія, какъ дымомъ застилался бруствeръ, какъ огненною нитью охватывали его непріятельскіе выстрѣлы; слышалъ гиканье, дробную ружейную пальбу, глухіе пушечные удары; видѣлъ, какъ отбитый непріятель стремглавъ бѣжалъ отъ крѣпости, оставляя за собой неподвижныя темныя кучки нѣсколько страннаго вида. Затѣмъ наступала глубокая тишина: съ обѣихъ сторонъ отдыхали; но не долго длилось молчаніе; снова принимались гремѣть непріятельскія орудія, снова загорался бѣглый ружейный огонь. Наконецъ, Гергебильская котловина покрылась темнотой, посреди которой виднѣлись одни лишь красными звѣздочками сверкавшіе непріятельскіе огни, и я покинулъ гору, на которой мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать. Лезгины, забывшіе выставить караулъ на Гергебильской горѣ, замѣтили насъ довольно поздно; не зная нашего числа, они не рѣшились идти прямо на гору, а стали насъ обходить небольшими партіями, въ чемъ не могли однако успѣть по причинѣ дальности предстоявшаго имъ обходнаго пути. Отъ Аймяковъ, уступивъ моему, раньше уѣхавшему родственнику весь нашъ конвой, состоявшій изъ тридцати всадниковъ, я проѣхалъ въ Оглы подъ покровомъ темной, безлунной ночи, съ моими тремя линейцами и двумя Мехтулинскими проводниками.

Изъ моей нагорной рекогносцировки я вынесъ твердое убѣжденіе, что, не смотря на оба при мнѣ удачно отбитыхъ штурма, крѣпость безъ посторонней помощи не можетъ устоять, а мы одни, безъ содѣйствія Пассека и Аргутинскаго, не въ силахъ ее спасти. Для этого нашъ отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ, а мѣстность слишкомъ неприступна, и кромѣ того усѣяна искусственными преградами: по обѣ стороны дороги, вѣрнѣе сказать вьючной тропинки, спускавшейся съ Кутижинскаго хребта въ Гергебильскую котловину, на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ, виднѣлся завалъ возлѣ завала. Каждый изъ этихъ каменныхъ заваловъ, занимая крутой гребень или шпилемъ выдававшуюся скалу, составлялъ какъ бы отдѣльное укрѣпленіе, обороняемое послѣдующимъ заваломъ. Кромѣ батальона, оберегавшаго сѣверный выходъ изъ Аймякской тѣснины, котораго нельзя было тронуть съ мѣста, въ нашемъ отрядѣ имѣлось 1500 штыковъ и 5 горныхъ орудій, а на туземную конную милицію нечего было разсчитывать: ее водили мы за собой развѣ только для того, чтобы она преждевременно не бѣжала къ Шамилю. Двинувшись подъ гору съ такими малыми силами, мы рисковали, штурмуя завалъ за заваломъ, на пути потерять половину людей, а другою половиною увеличить только число безполезныхъ жертвъ.

Въ низъ, пожалуй, насъ бы пропустили, но оттуда навѣрное бы не выпустили. Иное дѣло, ежели бы Пассекъ или Аргутинскій неожиданно появились въ виду Гергебиля.

Близко полуночи я пріѣхалъ въ Оглы, голодный и продрогнувъ до костей: въ глубокихъ Дагестанскихъ долинахъ днемъ было еще жарко, ночью холодно, а на горахъ уже выпалъ снѣгъ, сильно морозило и не переставая дулъ рѣзкій, зимній вѣтеръ.

Гурку я засталъ сильно взволнованнымъ тѣмъ, что онъ уже зналъ о Гергебилѣ, а мое донесеніе его окончательно разстроило. Лежа на походной кровати, въ маленькой, жарко натопленной комнаткѣ, онъ долго меня распрашивалъ, хмурилъ брови, вздыхалъ, мысленно колебался и наконецъ рѣшилъ: пойду самъ взглянуть на Гергебиль. Грѣшно было бы сказать, будто Владиміръ Осиповичъ совершенно равнодушно относился къ людской судьбѣ; сердце онъ имѣлъ не черствое и умомъ ясно вещи понималъ; не доставало только непоколебимо-твердой воли, которая одна способна самаго даже лучшаго человѣка неизмѣнно удерживать на пути добра и справедливости. И въ этотъ вечеръ онъ не рѣшился Пассеку послать приказаніе, покинувъ Хунзахъ, двинуться къ Гергебилю, или чрезъ Зиряны отступить къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для того чтобы позже можно было соединенными силами встрѣтить Шамиля на Дагестанской плоскости. Прямое начальство надъ нашимъ отрядомъ онъ тутъ-же поручилъ генералу Клуке, предоставивъ себѣ самому одно право главнаго руководства. Отпуская меня, сказалъ онъ: «Выступаемъ въ два часа; а пока спросите поужинать. По моему приказанію для васъ приберегли всего чѣмъ насъ угостили за обѣдомъ; значитъ, васъ не забываемъ».

Съ ужиномъ я справился безпрепятственно, но отдохнуть мнѣ не удалось: только что, усѣвшись на какомъ-то сундукѣ и къ стѣнѣ голову прислонивъ, успѣлъ я задремать, какъ меня разбудили—пора выступать!

Крутая и извилистая тропинка, по которой я наканунѣ изъ Аймяковъ поднялся на Гергебильскую гору, была слишкомъ неудобна для ночнаго движенія, почему мы и пошли обходною дорогою, пролегавшею по гребню, огибавшему Аймякскую долину съ восточной стороны. Припомнить не могу другаго, столько же грустнаго похода. Слухъ о бѣдѣ, угрожавшей Гергебилю, распространился въ войскахъ, безъ того глубоко затронутыхъ послѣдними Аварскими неудачами. Не весело шли солдаты на встрѣчу дѣлу, отъ котораго, глядя на свои жиденькіе ряды, они не ожидали большаго проку ни для себя, ни для своихъ Гергебильскихъ товарищей. Офицеры бодрились, но сквозь ихъ напускную бодрость видимо проглядывало чувство плохой увѣренности въ солдатъ,

въ свою очередь переставшихъ безусловно вѣрить въ собственную силу, въ свое счастіе и въ умѣніе тѣхъ, которымъ поручено было ихъ вести на бой съ сердитымъ Шамилемъ. Нѣкоторые офицеры подъѣзжали ко мнѣ и шепотомъ старались развѣдать о томъ что творится съ осажденною крѣпостью и пойдемъ ли мы ее спасать, и уѣзжали, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта: ибо мнѣ строго было запрещено объ этомъ говорить. Да и безъ такого запрещенія я бы не зналъ какъ отвѣчать, самъ не понимая, ради чего, не имѣя возможности освободить крѣпость, мы съ цѣлымъ отрядомъ поднимаемся на гору, на которой не существовало ни дровъ, ни воды.

Версту не доходя до отвѣснаго обрыва, спускавшагося въ Аймякскую тѣснину, приказано было остановить колонну въ ожиданіи разсвѣта. Ночь была темная, морозная; рѣзкій вѣтеръ свисталъ надъ нашими головами, вздымая оледенѣлыя снѣжины, жгучими иглами впивавшіяся въ лицо и въ глаза; солдаты, тѣснясь одинъ къ другому, кучами улеглись на снѣгу. Легъ и я, выбравъ мѣстечко, гдѣ побольше снѣгу навѣяло, чтобы уберечь бока отъ острыхъ камней, накрылъ голову буркой и старался уснуть; но отъ лишней усталости и отъ холода не могъ глаза сомкнуть. Дрожь пробирала меня до костей. Вдругъ я почувствовалъ пріятную теплоту, которая не вѣсть отчего стала разливаться по жиламъ, и заснулъ глубокимъ сномъ. Голосъ Василья Ивановича Муравьева меня разбудилъ: свѣтаетъ, вставайте, генералъ приказалъ безъ барабаннаго боя, безъ говора и безъ шума, поднять и выстроить отрядъ. Откинулъ я отъ себя какую-то непривычную тяжесть, взглянулъ и понялъ, отчего мнѣ стало такъ тепло, и удалось отлично отдохнуть *): мои казаки, Самарскій, Поповъ и Ивашинъ, снявъ съ себя бурки, накрыли меня ими, и все время, пока я спалъ, просидѣли у моихъ ногъ, на вѣтру, оттирая другъ друга, чтобы не замерзнуть.

Позицію, которую нашъ отрядъ занялъ на горѣ, позволено было считать совершенно неприступною. Правый флангъ упирался въ отвѣсный обрывъ; верхъ хребта образовалъ широкую площадь слегка покатую къ сторонѣ Гергебиля; затѣмъ слѣдовалъ непроходимый обрывъ прорѣзанный одною глубокою лощиною, по которой дорога шла подъ гору; нѣсколько ниже виднѣлся ровный уступъ шириною не меньше трехъ сотъ шаговъ и на краю его первый непріятельскій завалъ. Слѣва постепенно суживавшійся каменистый гребень обезпечивалъ насъ отъ фланговой атаки; полуроты съ однимъ орудіемъ было достаточно

*) Было уже разсказано въ „Складчинѣ" 1874 года, но стоитъ повторить.

съ этой стороны остановить самаго многочисленнаго противника. Расположивъ отрядъ скрыто отъ непріятельскихъ глазъ, да и такъ что нашимъ солдатамъ нельзя было видѣть внизу происходившее, я провелъ Гурку къ тому мѣсту, съ котораго наканунѣ наблюдалъ за крѣпостью. Онъ запретилъ кому бы то ни было подходить къ краю горы и пригласилъ только послѣдовать за нимъ генерала Клуке, командира артиллеріи полковника Петра Петровича Ковалевскаго и полковника Михаила Николаевича Бибикова.

Утренняя заря чуть занялась; поэтому не легко было разглядѣть что̀ происходило въ долинѣ, въ глубину которой солнечные лучи не успѣли еще проникнуть. Долго Гурко смотрѣлъ въ зрительную трубу и потомъ мнѣ ее передалъ.

— Ничего не могу разобрать - мѣстами кучи, а тамъ перебѣгаютъ какія-то темныя точки, дыму много и ничего больше не видно; вы вчера уже приглядѣлись, возьмите, посмотрите.

Направилъ я трубу на укрѣпленіе—поглядѣлъ минуту, другую—сердце замерло. «Верхній редутъ», проговорилъ я всматриваясь, «захваченъ непріятелемъ, который изъ него уменьшеннымъ зарядомъ бросаетъ гранаты въ самую середину нижняго укрѣпленія; дровяные костры, которыми Лезгины себя прикрываютъ отъ выстрѣловъ, со вчерашняго дня замѣтно умножились и ближе подошли къ контръ-эскарпу; дѣло разрушенія подвигается не по днямъ, а по часамъ; крѣпость обороняется слабѣе вчерашняго».

Еще разъ взглянувъ въ трубу, Владимиръ Осиповичъ передалъ ее прочимъ, провожавшимъ насъ офицерамъ. «Не рѣшаясь», сказалъ онъ, «принять на себя одного тяжелую отвѣтственность произнести окончательный приговоръ надъ крѣпостью и ея гарнизономъ, призываю васъ, господа, на военный совѣтъ. Предлагаю вопросъ: въ состояніи ли мы съ нашими силами двинуться подъ гору, крѣпости на выручку, и какого результата, по мнѣнію каждаго изъ васъ, позволено ожидать отъ такого покушенія. Составъ нашего отряда вамъ извѣстенъ; крѣпость, непріятельскія силы и мѣстность предъ глазами. Прошу, господа, отвѣчать съ полною откровенностью, по чести и по совѣсти, не упуская изъ виду, что отъ вашихъ отвѣтовъ зависитъ не только участь погибающаго Гергебильскаго гарнизона, но и судьба остальныхъ Русскихъ войскъ, находящихся въ Сѣверномъ Дагестанѣ. А для того, чтобы послѣ не вышло какого-либо недоразумѣнія, прошу отвѣчать не на словахъ, а письменно. Вы младшій по чину, обратился онъ ко мнѣ: съ васъ слѣдуетъ начать; полагаю, вы имѣете у себя бумагу и карандашъ: сперва напишите, а потомъ прочтите».

Вынувъ изъ-за пазухи всегда готовый листъ бумаги, я исполнилъ приказаніе Гурки. Я имѣлъ довольно времени за ночь обдумать наше положеніе, и мнѣ не трудно стало написать безъ остановки:

«Положительно безразсуднымъ считаю съ нашими силами подъ «гору идти спасать крѣпость; половины людей не доведемъ, крѣпости «не спасемъ, сами пропадемъ и тѣмъ отдадимъ на жертву непріятелю «всѣ прочія войска и крѣпости въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Пассекъ, пре«доставленный самому себѣ, неминуемо погибнетъ въ Хунзахѣ съ го«лода, коли не отъ непріятельскаго оружія. Шамилю же послѣ того «легко будетъ осадить и самую Темиръ-Ханъ-Шуру».

Тутъ слѣдовало добавленіе:

«Но разъ, что̀ мы пришли на Гергебильскую гору, считаю не толь«ко полезнымъ, но и возможнымъ сдѣлать диверсію въ пользу осажден«ной крѣпости, обративъ на себя часть непріятельскихъ силъ. Этимъ «можетъ быть задержано ея паденіе до прихода Аргутинскаго. Для этой «цѣли намъ слѣдуетъ спуститься до перваго уступа, поставить батарею «и открыть огонь по ближайшимъ непріятельскимъ заваламъ. Коли не«пріятель сдѣлаетъ ошибку пойти на насъ густыми толпами, то поста«раемся, медленно отступая, увлечь его за собой на вершину горы, съ «высоты ударимъ въ штыки и, пожалуй, при нѣкоторомъ счастіи успѣемъ «нашею неожиданною смѣлостью навести на него такой паническій «страхъ, что онъ побѣжитъ безъ оглядки и броситъ осаду крѣпости. «Гергебильскій же гарнизонъ, полагаю, въ такомъ случаѣ также не «останется простымъ зрителемъ. Капитанъ баронъ Торновъ» *).

---

*) Кстати будетъ тутъ пояснить, отчего существуетъ разница въ подписи моей со списочною помѣткою моей фамиліи, происходящей изъ Помераніи (Поморія) отъ Славянскаго корня, наравнѣ съ другими Прусскими фамиліями—„Below, Rantzow, Treskow“,—по Нѣмецкому выговору, Белау, Ранцау, Трескау. Я остался сиротой съ двухлѣтняго возраста (отецъ мой, артиллеріи полковникъ, померъ отъ раны въ 1813 году), и моя фамилія была исковеркана писарскою милостью разныхъ военныхъ канцелярій; и лишь въ 1853 году, получивъ въ мои руки оригинальные документы, по которымъ отецъ въ концѣ еще прошедшаго столѣтія былъ опредѣленъ въ тогда существовавшій Петербургскій сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, я узналъ, какимъ образомъ мнѣ слѣдуетъ писать фамилію. Изъ этихъ документовъ было видно, что фамилія „Tornauw“ переведена по-русски „Торновъ“, какъ писался и мой отецъ; потомъ изъ Курляндскаго дворянскаго депутатскаго собранія мнѣ была выдана родословная, съ Русскимъ переводомъ, въ которомъ присяжный переводчикъ снова перевелъ „Торновъ“, на основаніи правописанія, а не Нѣмецкаго выговора; Петербургская же Герольдія при утвержденіи права моего на баронскій титулъ соблаговолила, вопреки очевидности, прописать „Торнау“, съ прибавленіемъ еще частицы „фонъ“, употребляемой на Нѣмецкомъ языкѣ, но по-русски, при титулѣ, смысла не имѣющей. Отъ этого въ служебныхъ спискахъ изволятъ писать: баронъ фонъ Торнау; а я считаю правильнѣе подписываться баронъ Торновъ, какъ звали моего отца и какъ слѣдуетъ писать на всѣхъ языкахъ. Подобныя вещи чаще случаются у насъ, чѣмъ у другихъ отъ того, что въ западныхъ Европейскихъ государствахъ, гдѣ су-

«Въ нашемъ положеніи считаю рѣшительно невозможнымъ завя-«зать дѣло съ непріятелемъ и потомъ медленно отступить, какъ пред-«лагаетъ капитанъ Торновъ; солдаты отъ послѣднихъ неудачъ до того «упали духомъ, что съ ними отступленіе съ боя легко можетъ обра-«титься въ бѣгство, и въ такомъ случаѣ на горѣ грозитъ постигнуть «насъ таже участь, которой мы подвергнемся, очертя голову бросив-«шись въ Гергебильскую котловину. Поэтому предлагаю, до прибытія «Аргутинскаго, не затрогивать непріятеля. Полковникъ Бибиковъ».

«Русская солдатская честь налагаетъ на насъ священную обязан-«ность, во что бы ни стало, спасти Гергебильскій гарнизонъ, или по-«гибнуть съ нимъ заодно. Предлагаю немедленно идти подъ гору вы-«ручать Гергебиль», расчеркнулся артиллеріи полковникъ Ковалевскій.

«Согласенъ съ мнѣніемъ капитана Торнова», отмѣтилъ Клуке фонъ Клугенау.

«Согласенъ съ мнѣніемъ капитана Торнова и генерала Клуке», написалъ и подписалъ генералъ-лейтенантъ Гурко.

Актъ мнѣ было поручено хранить у себя.

Большинство осталось на сторонѣ моего мнѣнія. Казалось слѣдовало его тутъ же исполнить, а на дѣлѣ вышло не то. Клуке, принявшій начальство надъ войсками, приказалъ имъ идти подъ гору; но порядокъ, въ которомъ они двинулись, съ перваго начала мнѣ не показался.

— Дѣлаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, замѣтилъ я Владиміру Осиповичу: орудія, которымъ надо идти въ головѣ, размѣщены по батальонамъ; разомъ спускаютъ весь отрядъ, когда въ прикрытіе батареи достаточно двухъ ротъ. Полтора батальона можно скрыть въ лощинѣ, а остальной батальонъ удержать на горѣ, не говоря о кавалеріи, которой до поры-до времени, непріятелю нечего и показывать. Ваше превосходительство одобрили мое предложеніе, такъ позвольте же мнѣ принять участіе въ его исполненіи: указать мѣсто батареи и получить начальство надъ ея прикрытіемъ.

— Вы правы, отвѣчалъ Гурко, но отрядомъ командуетъ Клуке: поэтому поѣзжайте къ нему, повторите ваши слова, причемъ можете еще прибавить, что и въ этомъ случаѣ я съ вами согласенъ.

ществуетъ цѣлая наука о гербахъ и о происхожденіи дворянскихъ родовъ, въ коммисіяхъ, имѣющихъ предметомъ разбирать ихъ историческія права, засѣдаютъ люди, обязанные знать эту науку; члены же нашей Герольдіи, при всемъ принадлежащемъ имъ уваженіи, едва ли могутъ похвалиться основательною подготовкою къ своему дѣлу и поэтому принуждены руководствоваться однимъ „личнымъ своимъ усмотрѣніемъ", нерѣдко спотыкающимся на первомъ шагу, не взирая на закономъ ему присвоенную непогрѣшимость.

Стояли мы по одну, Клуке по другую сторону крутоберегой лощины, по которой спускался отрядъ; прямо нельзя было къ нему проѣхать; поэтому я ее обскакалъ и десять минутъ спустя повторилъ ему замѣченное мною упущеніе вмѣстѣ съ просьбой мнѣ поручить начальство надъ передовою частью колонны, шедшей подъ гору.

— Да, вы правы, въ свою очередь замѣтилъ мнѣ Клуке: дѣлаютъ не то что̀ потребно; поэтому я и послалъ войскамъ приказаніе идти назадъ.

— Что̀ это значитъ, ваше превосходительство? Прикажите идти впередъ, какъ было рѣшено на совѣтѣ и какъ приказалъ командующій войсками.

— Десяти приказаній разомъ нельзя отдавать!

Этотъ отвѣтъ меня кольнулъ, какъ ножомъ. Опрометью поскакалъ я къ Гуркѣ, которому, какъ и всѣмъ другимъ свидѣтелямъ этого дѣла, хорошо было видно обратное движеніе отряда, не показавшись даже непріятелю. Жалобу мою на распоряженіе Клуке, которымъ уничтожалось его же, Гурки, окончательное рѣшеніе, онъ терпѣливо выслушалъ, и только повелъ плечами.—Командуетъ Клуке, не хочу ему мѣшать, видно иначе нельзя!

Судьба несчастнаго Гергебильскаго гарнизона была рѣшена; спасти его могло одно чудо—и это чудо не сбылось.

Безъ палатокъ, на снѣгу и на голомъ камнѣ расположились войска, вернувшіяся изъ лощины, не видавъ непріятеля. Двое сутокъ простояли мы на безводной и безлѣсной горѣ, ежедневно посылая многочисленныя команды въ Аймякскую долину за водой и за дровами. Непріятель не тревожилъ насъ ни однимъ выстрѣломъ; мы не мѣшали ему громить крѣпости, а онъ не мѣшалъ намъ съ горы любоваться его успѣхами: для него мы будто не существовали. Голодъ, холодъ и жажду переносили мы терпѣливо, но были не въ силахъ безропотно смотрѣть, какъ на нашихъ глазахъ добивали бѣдныхъ Гергебильцевъ, въ пользу которыхъ намъ не было позволено выпустить ни единаго снаряда. Пасмурно глядѣли солдаты, лѣниво исполняли они обычную лагерную службу, или лежали кучами на холодной землѣ, погрызывали мерзлые сухари и толковали промежъ себя.—«Не гоже стоять скрестя руки, смотрѣть какъ свою православную братію нехристь рѣжетъ; хошь бы поплатиться своимъ животомъ, а пытнуть: все бы легче стало на душѣ. Ну побьютъ, такъ побьютъ; значитъ Богу такъ угодно, а грѣха не приняли бы на себя, что покинули своихъ», не разъ долетало къ намъ изъ солдатскихъ кучекъ. Да и не однихъ солдатъ грызла тяжелая тоска. Гурко ходилъ понуря голову, безпрестанно подходилъ къ зрительной трубѣ, постоянно лежавшей на большомъ камнѣ, и отхо-

дилъ отъ нея, насупивъ брови больше прежняго. Ходилъ и я поглядѣть, не заговорило ли сердце у Аргутинскаго, не подымается ли по Ходжалмахинской дорогѣ пыль отъ его многолюдной кавалеріи; не образумился ли Пассекъ, «по своему личному благоусмотрѣнію», и не чернѣютъ ли его батальоны на Гоцатлинской горѣ — и все напрасно! Пылило по дорогѣ, и на горѣ показывались темныя кучи, только не намъ на радость: то были Лезгины, прибывавшіе къ Шамилю или уходившіе изъ его скопища.

Вокругъ Гергебиля тѣмъ временемъ безъ умолку трещали ружья и гремѣли орудія; раза два въ теченіе дня огонь усиливался, подымался страшный крикъ, и потомъ наступала кратковременная тишина— значитъ штурмовали крѣпость, и штурмъ былъ отбитъ. Но одного взгляда въ глубину котловины было достаточно для того, чтобы увѣриться, что дѣло быстрыми шагами приближалось къ грустной развязкѣ.

На третіе сутки, часа два до заката солнца, Гурко позвалъ меня въ свою палатку и показалъ мнѣ письмо отъ Аргутинскаго, только что привезенное Татариномъ, съ трудомъ успѣвшимъ спастись отъ непріятельской погони. Увѣдомлялъ Аргутинскій, что, вернувшись въ Казикумыхъ, немедленно распустилъ войска на зимовыя квартиры - и поэтому не въ состояніи ихъ собрать и придти къ Гергебилю раньше восьми дней. Посланный пріѣхалъ къ намъ въ двое сутокъ, значитъ приходилось еще шесть дней ожидать прихода Аргутинскаго, и участь Гергебиля могла рѣшиться съ часу на часъ. «Теперь намъ остается только, предоставивъ Гергебильскій гарнизонъ своей участи, кратчайшимъ путемъ идти къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ», сказалъ мнѣ Владиміръ Осиповичъ; «жертвуя Гергебилемъ, спасаемъ весь край и тысячи солдатъ. Сегодня же уходимъ, когда совершенно смеркнется».

Былъ онъ правъ: намъ, послѣ извѣщенія Аргутинскаго, только и оставалось уходить, прежде чѣмъ Шамиль, покончивъ съ крѣпостью, насъ окружитъ на безводной горѣ или запретъ въ глубокой Аймякской долинѣ. По одному вопросу, когда и куда намъ слѣдуетъ отступить, оказалось нѣкоторое разнорѣчіе. Убѣдительно просилъ я: вопервыхъ, не отступать ночью; вовторыхъ, не мѣшкая, отдать приказаніе Пассеку, очистивъ Хунзахъ и забравъ по дорогѣ войска изъ промежуточныхъ укрѣпленій, чрезъ Зиряны идти къ Бурундухъ-Кале; въ-третьихъ, намъ самимъ вмѣсто Темиръ-Ханъ-Шуры также двинуться въ Бурундухъ-Кале на встрѣчу Пассеку (иначе Шамиль, какъ позже и случилось), ставъ между нами и Пассекомъ, не пропуститъ его чрезъ Бурундухъ-кальское ущелье. Вмѣстѣ съ Аварскимъ отрядомъ мы располагали десятью батальонами, съ которыми на плоскости уже можно было потягаться съ Шамилевскими толпами. Отъ нашего бивуака на Гергебиль-

ской горѣ пролегала къ Бурундухъ-Кале вьючная, дѣйствительно очень головоломная тропинка; но я положительно зналъ, что по ней ѣздятъ конные Лезгины, слѣдственно можно пройти и намъ съ вьючнымъ обозомъ и одной горной артиллеріей. Имѣя въ своемъ распоряженіи надежнаго проводника, я ручался головой, что (только днемъ, а не ночью) благополучно проведу отрядъ по этой дорогѣ. Предложенія моего Гурко не принялъ, объявивъ, что дѣло окончательно рѣшено между нимъ и Клуке, и онъ не признаетъ возможнымъ измѣнить свое рѣшеніе.

Пошелъ я предъ нашимъ уходомъ еще разъ взглянуть на Гергебиль. Сумерки мѣшали точно разглядѣть, что̀ происходило около крѣпости; вѣрно было только то, что̀ близокъ ея послѣдній часъ: еще одинъ приступъ, и долженъ былъ наступить конецъ. Непріятель подошелъ къ самому брустверу; изъ крѣпости едва отвѣчали на ускоренный непріятельскій огонь—въ крѣпости недоставало пороху, слишкомъ мало людей оставалось въ живыхъ. Судьба Гергебиля рѣшилась прежде еще чѣмъ нашъ отрядъ покинулъ гору. Совсѣмъ уже смерклось, войска стали выходить на дорогу, какъ въ Гергебильской котловинѣ вдругъ зажерлило и заклокотало ровно въ растопленномъ горнилѣ; ружейные выстрѣлы, пушечные удары, визгъ и гамъ слились въ одинъ продолжительный гулъ; потомъ все затихло, и огонь болѣе не возобновлялся, какъ бывало послѣ отбитаго штурма. Гергебиль палъ, и подъ его развалинами погибло болѣе семи сотъ Русскихъ солдатъ вмѣстѣ со своимъ храбрымъ командиромъ, маіоромъ Шагановымъ *). Изъ всего гарнизона остались въ живыхъ штабсъ-капитанъ Платенъ и поручикъ Щедро, котораго въ лазаретѣ спасъ Русскій бѣглый солдатъ его роты, назвавъ его Лезгинамъ солдатомъ, своимъ землякомъ.

---

*) Много лѣтъ спустя, уже за границей, попалось мнѣ на глаза описаніе Дагестанскихъ происшествій того времени, составленное ген. шт. офицеромъ Окольничимъ, въ которомъ Гергебильскій гарнизонъ показанъ: сначала, состоявшимъ изъ двухъ ротъ Тифлисскаго полка—316 чел., потомъ изъ двухъ съ половиною ротъ—100 чел. Мнѣ же извѣстно, что во время нашего обратнаго движенія изъ Аваріи въ Темиръ-Ханъ-Шуру генералъ Гурко оставилъ въ Гергебилѣ двѣ роты, позже отправилъ туда два полевыхъ орудія, и Клуке 29 Ноября послалъ еще двѣ роты. Не могу сказать, дошли ли онѣ или принуждены были остановиться въ Аймякахъ; на горѣ у насъ говорилось о семисотенномъ гаризонѣ. И о потеряхъ мнѣ трудно говорить совершенно положительно; въ распоряженіяхъ существовало мало единства въ тѣ времена. Глядя, въ какомъ расположеніи духа находилось начальство, войска передвигались то чрезъ мою канцелярію, то чрезъ полковника Бибикова, то чрезъ Клуке; кромѣ того на Кавказѣ вкрался тогда обычай зачастую приписывать и отписывать потери отъ одного дѣла къ другому—для уравненія убыли людей и въ видахъ хозяйственной прибыли. Окольничій также показалъ, будто Гергебиль непріятелемъ былъ взятъ 8-го Ноября, въ 10 часовъ утра, а потомъ, что Пассекъ въ Хунзахѣ узналъ о взятіи его 7-го числа. Тутъ существуетъ явное противорѣчіе. По моему Гергебиль погибъ 5-го вечеромъ. *Примѣчаніе разсказчика.*

IV.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи; въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка, когда мы по узкой, змѣею извивавшейся тропинкѣ стали спускаться къ Аймякамъ. Къ счастью еще склонъ горы, по которому мы шли, представлялъ совершенно гладкую, хотя и каменистую поверхность, безъ выдающихся скалъ и безъ крутыхъ обрывовъ. Не съ блестящими надеждами поднимались мы ночью на Гергебильскую гору, и ночью же, горемъ убитые, съ нея спускались. Сердито перебранивались солдаты, толкая другъ друга на тропинкѣ, не позволявшей рядомъ идти тремъ человѣкамъ; скрытый страхъ гналъ ихъ подъ гору подальше отъ Шамиля, порѣшившаго Гергебиль, о чемъ они успѣли провѣдать, не смотря на всѣ наши предосторожности скрыть отъ нихъ случившееся. Туземная кавалерія, наши вьюки и верховыя лошади засвѣтло еще были отправлены по дорогѣ въ Оглы; при пѣхотѣ оставались одни патронные ящики и на вьюки уложенныя горныя орудія; вьюкамъ приказано было, поднявшись на гору, отдѣлявшую Оглы отъ Аймяковъ, подъ прикрытіемъ одной роты, ждать нашего прихода; верховымъ лошадямъ остановиться въ Аймякахъ, при Тифлисскомъ батальонѣ.

Въ головѣ колонны шелъ Клуке съ однимъ адъютантомъ и съ двумя проводниками изъ окрестныхъ жителей; шаговъ сорокъ отъ него ощупью пробирался Гурко по горѣ, а за нимъ шли офицеры, принадлежавшіе къ штабу его. Благополучно сдѣлали мы двѣ трети нашего пути, какъ совершенно неожиданно изъ глубины ночнаго мрака трубою послѣдняго пришествія прозвучалъ голосъ Клуке.

— Измѣна! Измѣна!

Проводники, пользуясь темнотою, покинули его собственнымъ чутьемъ отыскивать дорогу.

— Измѣна, повторилъ Гурко густымъ басомъ.

Не знаю, многимъ ли привелось испытать, а я тутъ на дѣлѣ узналъ, какое дѣйствіе можетъ произвести на солдата слово измѣна, ускользнувшее изъ устъ начальника, въ темную ночь, непріятель за плечами, а подъ ногами незнакомая кручь. Немного существуетъ людей, надъ которыми страхъ не имѣетъ власти, т. е. которые въ минуту самаго сильнаго испуга не теряютъ памяти и разсудка; большинство увлекается паническимъ страхомъ; и намъ, вслѣдствіе двухъ генеральскихъ возгласовъ, слѣдовало того-же ожидать. Не успѣлъ Гурко опомниться, какъ я, въ свою очередь, ему крикнулъ: «A présent sauvons nous, mon général!» Аничковъ подхватилъ его съ одной, я съ другой

стороны, и мы втроемъ, сидя, съѣхали подъ гору. А тѣмъ временемъ выше насъ, съ гамомъ, стукомъ и грохотомъ, съ горы покатился живой обвалъ, люди въ перемежку съ лошадьми, орудіями, зарядными и патронными ящиками. Ткнулись мы ногами въ ручей, генерала перекинули на другой берегъ, сами перескочили, и тутъ только намъ позволено было считать себя въ безопасности; а слѣдомъ за нами безостановочно летѣли въ ручей орудія, лошади, ящики и на салазкахъ съѣзжали солдаты.

Разбрелся весь отрядъ по долинѣ; повсюду раздавались клики ротныхъ командировъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, которые собирали людей, потерявшихъ свои части. Гурко со штабомъ своимъ остановился въ виноградникѣ близъ селенія, куда привели верховыхъ лошадей, гдѣ разложили огни и принялись устраивать ночлегъ. Обѣщалъ онъ мнѣ остаться на мѣстѣ до утра. Не прошло получаса, какъ съ горъ стали изрѣдка стрѣлять по нашимъ огнямъ; жители окрестныхъ Татарскихъ деревень разсчитывали подготовить себѣ отъ Шамиля благосклонный пріемъ.

Нѣсколько въ сторонѣ, у тускло-горѣвшаго костра, пригорюнившись, сидѣлъ мой юный, судьбою маленько избалованный родственникъ; чай, шубу, табакъ съ вьюками увезли на гору; сидѣть было ему холодно, прилечь жестко, нечѣмъ согрѣться. Вздумалось мнѣ помочь горю его. Пѣхотный батальонъ давно стоялъ въ Аймякахъ, Кавказцы люди умѣлые, навѣрное найдемъ у нихъ все то чего у насъ недостаетъ; я повелъ иззябшаго въ Лезгинскій домъ, занятый пѣхотными офицерами, и дѣйствительно не ошибся: нашелъ даже лучше, чѣмъ ожидалъ. Въ просторной комнатѣ, устланной циновками и коврами, батальонный командиръ и человѣкъ десять офицеровъ сидѣли за чаемъ; въ каминѣ пылалъ веселый огонь, а предъ огнемъ бурчали котелки, на шомполахъ куски шашлыка вертѣлись надъ жаромъ, и, о диво! пахло даже душистымъ ромомъ. Съ холоднаго надворья намъ показалось такъ тепло и уютно, хоть вѣкъ тутъ оставайся. Радушно встрѣтили насъ добрые товарищи, накормили, напоили и уложили спать. Кругомъ стоялъ цѣлый батальонъ. Гурко обѣщалъ ночь провести въ Аймякахъ: чего жъ было опасаться? Шестеро сутокъ я не зналъ кровли надъ собой, не раздѣвался и не снималъ сапогъ; можно вообразить, съ какимъ удовольствіемъ я снялъ сырое платье, промокшую грязную обувь, накрылся, чѣмъ одолжили запасливые офицеры, и заснулъ легкимъ, пріятнымъ сномъ. Но видно судьбою было опредѣлено мнѣ не знать покоя; часу не прошло какъ меня стали будить: казакъ прибѣжалъ отъ командующаго войсками; приказали пожаловать, не мѣшкая ни минуты!

Одѣлся я, накинулъ шубку и пошелъ, мысленно проклиная свою горькую долю.

Генерала я засталъ возлѣ огня, въ разговорѣ съ молодымъ пѣхотнымъ офицеромъ; казаки держали въ поводу верховыхъ лошадей, хоть сейчасъ садись; кучками и порознь, прижавшись къ каменнымъ стѣнкамъ, покрытые дырявыми шинелями, лежали усталые солдаты: въ темнотѣ мелькали стальнымъ блескомъ ряды въ козлы составленныхъ ружей.

Издалека еще Владимиръ Осиповичъ встрѣтилъ меня упрекомъ: „Mais que faites-vous donc, avez-vous deux têtes à perdre? S'éloigner de nous, se déshabiller, se coucher, en y mettant encore de la partie votre cousin: mais c'est une imprudence impardonnable!“

— „Sous quel rapport, mon général? Nous nous sommes mis a dormir au milieu d'un bataillon, pas aisé d'arriver jusqu'à nous; j'espère qu'en cas d'alerte nous aurions eu tout le tems de mettre nos bottes!“

— „Trève des plaisanteries“, съ сердцемъ возразилъ Гурко: vous ne vous doutez donc pas que l'ennemi nous a tourné, et à l'heure qu il est occupe déjà notre ligne de retraite?

— „Impossible, mon général.“

— „Comment impossible! Parlez, prince: faites donc entendre raison à cet incrédule.

Молодой офицеръ былъ князь Васильчиковъ, недавно присланный на Кавказъ искупать какія-то сердечныя прегрѣшенія.

Васильчиковъ было заговорилъ по-русски, я остановилъ его.— Parlez français, je vous prie; on écoute de tout côté, et il n'est pas sans danger de laisser arriver aux oreilles des soldats qu'on suppose être trahi ou tourné. Quelle raison avez-vous de croire que l'ennemi se trouve déjà en arrière de nous?“

— Placé dans le fond de la vallée, au pied de la montagne qui nous sépare d'Ogly, en observation avec une vingtaine d'hommes, moi et mes soldats nous avons entendu rouler des pierres de la hauteur: après cela on nous a tiré plusieurs coups de feu, et même un de mes hommes a eu le malheur d'être tué.

— Tout cela ne prouve encore rien. Ce sont nos chevaux de bat qui font rouler des pierres du haut de la montagne, et les coups de feu sont tirés par les habitants des environs. De la troupe de Chamyl pas un homme n'a eu le tems de gagner la route d'Ogly après avoir appris nôtre départ pas avant dix heures. A présent il n'y a qu'une heure; je connais le terrain, et je sais quel circuit ils ont à faire pour

nous tourner. Nous avons encore bien de tems devant nous pour nous retirer sans risquer d'être pris à dos; ainsi rassurez vous.

Гурко слушалъ насъ, кое-гдѣ вмѣшивая Французское словцо. Вдругъ онъ перемѣнилъ языкъ; моя увѣренность его раздражила.—«Господинъ капитанъ», сказалъ онъ по-русски, тономъ начальника:—«возьмите отъ ближайшаго батальона двѣнадцать человѣкъ охотниковъ и откройте мнѣ дорогу, по которой намъ слѣдуетъ подняться на гору». Это было служебное приказаніе, отъ котораго, признаться, меня обдало какъ кипяткомъ, но которому слѣдовало повиноваться безъ отговорки. На Кавказѣ, гдѣ нежданною опасностью угрожалъ каждый кустъ, каждый камень, гдѣ непріятель выросталъ изъ земли, гдѣ завидѣвъ мохнатую шапку никакъ нельзя было угадать на чьей головѣ она сидитъ, на мирной или немирной, да еще въ глухую ночь, подобнаго рода рекогносцировки были не въ обычаѣ; но Гурко тогда еще судилъ и распоряжался по правиламъ тактики принятой для Европейской войны, а мнѣ не принадлежало право его учить.

— Слушаю, отвѣчалъ я, и глазами сталъ искать, откуда бы взять охотниковъ, а тутъ какъ разъ случился гвардейскій уланскій поручикъ Бонтанъ, которому временно было поручено командовать ротой Кабардинскаго полка. Кабардинцы славились на Кавказѣ своею смѣлостью; я попросилъ Бонтана вызвать изъ своей роты назначенное число людей.

Бонтанъ выстроилъ роту, два раза повторилъ вызовъ; но ни одинъ человѣкъ не откликнулся—жутко показалось. Солдаты лучше меня съ генераломъ знали, чего стоитъ подобнаго рода ночная прогулка за бороду ловить царя-невидимку, и что тутъ-то за каждымъ камнемъ и сидитъ поганый Татаринъ который только и наровитъ какъ бы Русскаго человѣка подстрѣлить.

— Нѣтъ охотниковъ, такъ съ праваго фланга отсчитайте двѣнадцать человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ, сказалъ я Бонтану, и скомандовалъ, когда люди вышли—два человѣка впередъ-маршъ!

Ружья на перевѣсъ, закрывъ ихъ шинелями, чтобы стволы не блестѣли, избѣгая даже громко ступать, двинулась моя команда. Солдаты, понимая, что насъ погнали ни на кой прокъ, шли неохотно; патрульные то и дѣло останавливались. Стало мнѣ досадно, и я съ моимъ казакомъ Самарскимъ пошелъ впереди команды. На мнѣ была бѣлая, въ темнотѣ легко замѣтная нагольная шубка; пришла мнѣ мысль ее скинуть, но потомъ я раздумалъ: дурное впечатлѣніе произведетъ на солдатъ. Сначала все шло хорошо; версты двѣ мы прокрались, не замѣтивъ ничего подозрительнаго—всюду мертвая тишина, предъ собой

ни зги не видать. Вдругъ насъ освѣтило будто молніей, грянули выстрѣлы, и пули просвистали надъ нашими головами. Это неожиданное привѣтствіе, признаться сказать, заставило меня сдѣлать сильный прыжокъ не впередъ, а назадъ; но вспомнивъ, что отрядъ разбрелся по всей долинѣ и можеть статься нашъ же секреть, не видя въ кого, стрѣляетъ на шорохъ, я остановился и крикнулъ что̀ было мочи:

— Не стрѣляй, свой!

Въ отвѣтъ, почти въ упоръ, изъ-за скалы снова грянуло нѣсколько выстрѣловъ.

— Отвѣчай! скомандовалъ я—и солдаты залпомъ разрядили ружья въ непроницаемую темь.

Не зная сколько человѣкъ предъ нами и гдѣ они прячутся, я пріостановилъ команду и соображалъ, подаваться ли намъ впередъ или слѣдуетъ порученіе мое считать исполненнымъ. Вдругъ за нами послышался конской топотъ. Скакалъ Василій Ивановичъ Муравьевъ съ полусотнею линейскихъ казаковъ, имѣя приказаніе насъ вернуть.

Этимъ, безъ всякой бѣды, кончилась моя ночная прогулка.

Вернувшись я снова повторилъ, что по моему мнѣнію стрѣляютъ жители изъ окрестныхъ деревень, а не Шамилевскіе Лезгины, которые, будучи въ силахъ, не стали бы тратить пороха понапрасну, а просто бы окружили и перерѣзали мою маленькую команду. Не смотря на мое объясненіе, Владимиръ Осиповичъ все-таки приказалъ двинуться еще до разсвѣта.

До половины подъема на гору мы дошли безъ сопротивленія; но когда наступило утро, непріятель сталъ прибывать со всѣхъ сторонъ, завязалась горячая перестрѣлка, и аріергардной цѣпи не разъ приходилось довольно туго.

Находился я въ крайнемъ аріергардѣ, который, поднявшись на гору, пріостановился, дабы главной колоннѣ дать время построиться въ порядокъ, когда Бибиковъ мнѣ привезъ приказаніе написать Пассеку отъ имени командующаго войсками, чтобы онъ тотчасъ-же, безотговорочно, очистилъ Хунзахъ и, забравъ по дорогѣ остальныя части своего отряда, чрезъ Зиряны форсированнымъ маршомъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Для пущей вѣрности, приказаніе, трипликатомъ написанное, должно было отослаться чрезъ трехъ Татаръ-лазутчиковъ, которыхъ Бибиковъ тутъ-же отдалъ въ мое распоряженіе. Минуты не позволено было промедлить отсылкою этого поздняго, но по разсчету времени и обстоятельствъ еще весьма удобоисполнимаго приказанія. Гонцы-Татары, изъ среды нашего отряда, могли прямо проѣхать въ Аварію только съ того мѣста, на которомъ еще держался нашъ аріер-

гардъ, дальше таже дорога должна была перейти въ непріятельскія руки. Легли мы съ писаремъ на бурку и стали писать въ двѣ руки. Тѣмъ временемъ непріятель гикнулъ, пули посыпались. Это бы не бѣда, а скверно было, что цѣпь не устояла, и мы мгновенно очутились впереди нашихъ застрѣльщиковъ. Волокомъ спасая бурку, перья въ зубахъ, въ рукахъ чернилица и полудоконченныя записки, мы отбѣжали назадъ и снова принялись писать. Чрезъ десять минутъ повторилась таже исторія. Напрасно уговаривали мы стрѣлковъ постоять за себя и за насъ; непріятель былъ въ силахъ и насѣдалъ уже очень крѣпко; принуждены были разсыпать резервъ, и тогда только мнѣ и моему писарю возможно было безъ помѣхи дописать наши посланія. Помню короткое содержаніе записки: «Гергебиль вчера вечеромъ взятъ непріятелемъ, а мы отступаемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. По приказанію командующаго войсками прошу ваше высокоблагородіе, съ полученія сего, безотговорочно, уничтоживъ всѣ военные запасы, очистить Хунзахъ и забравъ войска по дорогѣ, чрезъ Зиряны, форсированнымъ маршемъ идти въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Приказалъ В. О. еще прибавить, что за неисполненіе этого приказанія, въ его буквальномъ смыслѣ, вы рискуете подвергнуться самой строжайшей отвѣтственности. Съ похода, близь с. Оглы. 6 Ноября 1843 года». Затѣмъ слѣдовала моя подпись. Лазутчики, засунувъ по экземпляру этого приказанія въ дуло своихъ ружей, стремглавъ ускакали по дорогѣ въ Араканы, откуда имъ не трудно было проѣхать въ Аварію.

На горѣ мы вышли на просторную равнину, окруженную остроконечными скалами. Непріятель, успѣвшій собраться въ довольно значительномъ числѣ, пользуясь для него удобною мѣстностью, атаковалъ насъ со всѣхъ сторонъ; въ аріергардѣ и въ боковыхъ прикрытіяхъ перестрѣлка не умолкала. Вдругъ находившаяся при насъ Мехтулинская конница понеслась въ атаку, вслѣдъ за нею помчались Шамхальцы; шаговъ на триста отскакавъ отъ нашей пѣхоты, вся ватага сдѣлала быстрый поворотъ и разрядили ружья, не въ непріятеля, а прямо въ насъ. Обратно прискакалъ одинъ ханскій братъ, провожаемый выстрѣлами своихъ вѣрныхъ нукеровъ. Что же? Развѣ можно было другаго ожидать послѣ нашего перваго понятнаго шага? Благочестивые Мусульмане только исполнили долгъ вѣры и совѣсти: отъ нечистыхъ Гяуровъ, обреченныхъ Аллахомъ, казалось имъ, на поголовное истребленіе, они передались на сторону своей правовѣрной братіи, направляемой Святымъ Имамомъ къ земной побѣдѣ и къ райскому блаженству. Хорошо еще, что дѣло разыгралось днемъ, а не ночью; то-то бы они кутерьмы надѣлали!

Быстро исполненная измѣна Татарской конницы не только не смутила, но еще озлобила солдатъ; пустивъ въ нее бѣглый огонь, они ударили въ штыки и такъ ловко проучили непріятеля, что онъ тутъ-же отказался дальше насъ преслѣдовать.

Вечеромъ того-же дня прибыли мы на урочище Гаркасъ, гдѣ была расположена штабъ-квартира Дагестанскаго 14-го линейнаго баталіона. Войскамъ требовалось отдохнуть и кромѣ того забрать и увезти имущество и семейства женатыхъ солдатъ. Тутъ мнѣ было поручено, пользуясь дневкой, составить подробное донесеніе обо всемъ происходившемъ въ послѣднее время. Въ палаткѣ у генерала, за его походнымъ столомъ, принялся я составлять длинную реляцію, напрягая мозги, какъ бы вышло менѣе неблаговидно. Ни въ какія времена я себя не сознавалъ ловкимъ писакой, а вѣчно меня писать заставляли; да къ тому еще какія умопомрачительныя вещи! Пока я придумывалъ что̀ надо написать и о чемъ лучше промолчать, Владимиръ Осиповичъ лежалъ на своей походной кровати, изъ-подъ пера бралъ у меня исписанные листы, читалъ, поправлялъ, прибавлялъ, отмѣнялъ. Въ ближайшей солдатской избушкѣ тѣмъ временемъ мой писарь переписывалъ на-бѣло. Предъ вечеромъ моя работа была окончена, оставалось только переписать актъ Гергебильскаго военнаго совѣта, когда генералъ вышелъ изъ палатки, и полъ часа спустя вошелъ Михаилъ Николаевичъ Бибиковъ. Поглядѣвъ нѣкоторое время на мою возню съ бумагами, онъ мнѣ предложилъ выйти,—отъ скучной, утомительной работы отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ.

Прошлись мы предъ палаткой, а потомъ присѣли на бугорокъ глядѣть на горы, по которымъ переливались багровые лучи заходящаго осенняго солнца. Сперва Бибиковъ заговорилъ о нашемъ дѣйствительно невеселомъ положеніи и что оно грозитъ продлиться еще, Богъ вѣсть, сколько времени; потомъ перешелъ къ семейнымъ воспоминаніямъ—онъ также былъ женатъ—и вдругъ спросилъ: «Скажите по правдѣ, желали бы вы въ скоромъ времени повидаться съ вашею супругою? Году не прошло что вы женились, а все врозь. Кажись, такое дѣло можно уладить. Генералъ, какъ мнѣ извѣстно, намѣренъ съ послѣднимъ донесеніемъ отправить въ Тифлисъ лицо, которое бы въ состояніи было на словахъ объяснить корпусному командиру все то, чего нельзя было высказать на бумагѣ. Первая мысль Владимира Осиповича была послать вашего двоюроднаго брата, но я самъ его отговорилъ: молодъ онъ, неопытенъ, Шамиль на носу, край волнуется; случись съ нимъ въ дорогѣ несчастіе, не раздѣлаешься съ папинькой и съ маминькой, а вамъ подобное дѣло не въ диковину. Чтоже, хотите?»

Съ первыхъ словъ я понялъ, къ чему Бибиковъ приговаривается; но, не показывая виду, будто понимаю, простодушно спросилъ:

— Какъ же это можно уладить?

— А вотъ какъ: сдѣлайте угодное генералу и намъ всѣмъ, участникамъ Гергебильскаго военнаго совѣта, вычеркните вторую условную половину вашего мнѣнія, и я первый возьмусь упросить генерала доставить вамъ случай повидаться съ супругой. Въ тоже время вы избавитесь отъ скучной и продолжительной осады въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, которой мы не избѣгнемъ. Шамиль двинулся слѣдомъ за нами, и вы сами знаете, что намъ нѣтъ другаго исхода какъ запереться въ крѣпости и ждать помощи, которую вы же убѣдите корпуснаго командира намъ прислать съ линіи.

— Отчего Владимиръ Осиповичъ, съ которымъ я глазъ на глазъ просидѣлъ цѣлый день, мнѣ самъ не сдѣлалъ этого предложенія?

— Понимаете, ему неловко: пожалуй, откажете; прежде надо знать, согласны ли вы.

— Такъ скажите же Владимиру Осиповичу, что нечего было ему сомнѣваться въ моемъ согласіи; скажите ему, что я «дѣло» ставлю выше своей личной амбиціи; служу какъ умѣю, говорю какъ думаю, но никого, безъ нужды, не хочу подводить подъ непріятности. Чего не сдѣлали, теперь поправить нельзя. Безъ всякаго условія покоряюсь желанію генерала, а отъ его воли зависитъ послать въ Тифлисъ кого угодно. Предложитъ мнѣ, еще подумаю: дѣло имѣетъ свою опасную сторону.

Позвалъ я писаря, вычеркнувъ вторую половину моего мнѣнія, приказалъ немедленно переписать бумагу, разнести къ господамъ для подписи, и когда дѣло было сдѣлано, при Бибиковѣ разорвалъ въ клочки оригинальный, карандашемъ написанный актъ.

Съ Владимиромъ Осиповичемъ объ этомъ дѣлѣ у насъ и разговора не было.

Одинъ плодъ мнѣ принесла моя уступчивость. Много времени спустя, до меня дошло, будто Государь Николай Павловичъ, читая актъ Гергебильскаго военнаго совѣта, воскликнулъ: «Одинъ между ними былъ молодецъ, мой Ковалевскій, а прочіе сплоховали!». . . . .

Петръ Петровичъ Ковалевскій дѣйствительно былъ отличный человѣкъ, славный товарищъ, храбрый и честный офицеръ, но въ этомъ случаѣ, смѣю сказать, маленько согрѣшилъ противу здраваго смысла.

На другой день, оставивъ позади себя нами сожженныя Гаркасскія казармы, минуя Казаницы, мы вступили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и я тотчасъ же принялся за приготовленіе дубликатовъ мною написаннаго донесенія въ три разныя стороны, въ Тифлисъ, въ Петербургъ и въ

Ставрополь. При благонадежномъ сообщеніи можно было бы обойтись и безъ этого; но въ ту минуту такая предосторожность была положительно необходима. Послѣ обѣда, за чашкою кофе, въ своемъ кабинетѣ Гурко сдѣлалъ мнѣ предложеніе проѣхать въ Тифлисъ съ бумагами. Дѣло становилось небезопаснымъ: съ часу на часъ ожидали въ Казаницахъ, подъ самою Темиръ-Ханъ-Шурою, прихода передовыхъ Лезгинскихъ толпищъ изъ-подъ Гергебиля; Шамхальцы того только и ожидали, чтобы открыто возстать противу Русской власти, а давно уже пакостили намъ тайкомъ; но я не задумался принять порученіе, надѣясь на свое счастіе, не разъ позволявшее мнѣ миновать опасности гораздо хуже.

Бибиковъ, вѣчное ему спасибо, нашелъ для меня смѣлаго и надежнаго проводника; въ конвой назначили мнѣ шесть человѣкъ Донскихъ казаковъ, но на такихъ изнуренныхъ лошадяхъ—они того же дня верстъ двадцать скокомъ уходили отъ непріятеля—что я троихъ принужденъ былъ оставить въ крѣпости. Приказано мнѣ было ѣхать ночью, для того чтобы скрытно отъ возставшихъ жителей проскользнуть по самой опасной части дороги отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Евдокимовскаго отряда, на Сулакѣ. Около полуночи я пришелъ было откланяться командующему войсками, при чемъ отъ него получилъ приказаніе предъ отъѣздомъ еще разъ сходить къ Клуке, узнать его рѣшительное мнѣніе насчетъ положенія дѣла, возникшаго въ Дагестанѣ вслѣдствіе потери Гергебиля и вторженія Шамилевскихъ скопищъ въ Шамхальство. Это порученіе сдѣлало меня свидѣтелемъ довольно забавной сцены.

Клуке спалъ. Догорающій сальный огарокъ бѣдно освѣщалъ его комнату. Разбудивъ генерала, я поспѣшилъ предложить ему цѣлый рядъ вопросовъ, на которые онъ принялся отвѣчать ни такъ, ни сякъ, понимай какъ угодно. Когда же я его попросилъ, для словеснаго доклада корпусному командиру мнѣ ясно и положительно высказать свое мнѣніе, тогда онъ пришелъ въ неописанную ярость, выскочилъ изъ подъ одѣяла въ одной рубашкѣ, босой, съ бѣлымъ остроконечнымъ колпакомъ на головѣ, и сталъ бѣгать по комнатѣ, прикрикивая: «этихъ! этихъ! Schurken alle miteinander; man muss sie alle hängen! этихъ! этихъ!»

Клуке довольно плохо говорилъ по-русски и имѣлъ привычку къ каждой фразѣ прибавлять—этихъ, этихъ!

О чемъ я ни спрашивалъ, другаго не было мнѣ отвѣта какъ—этихъ! этихъ! man muss sie alle hängen—и бѣготня по комнатѣ только усиливалась.

Наконецъ, видя, что толку не добьюсь, я ему замѣтилъ: «Herr General, kennen Sie aber den Spruch: die Nürrenberger hängen nur den,

den sie haben; wir haben sie nicht, sie sind aber nahe dran uns zu haben, und so sie uns bei dieser Gelegenheit alle baumeln lassen. Was dann?»

Этотъ «резонементъ» его сразилъ. Онъ остановился, подумалъ и смущеннымъ голосомъ отвѣчалъ—«Sie könnten wirklich Recht haben; aber—этихъ! этихъ! verdienen sie doch alle gehängt zu werden; aller verdammte Schurken und nichts mehr!»

Дальше нечего было спрашивать, и мнѣ только оставалось уйти отъ храбраго генерала, у котораго сердце было крѣпкое, а голова, къ сожалѣнію, не столько же крѣпко организована.

Вернувшись домой (стоялъ я тогда въ такъ называемомъ форштатѣ) меня взяло раздумье, дѣйствительно ли безопаснѣе ѣхать ночью? Въ темнотѣ, за десять шаговъ ничего не видя, можно сглупа побѣжать отъ трехъ человѣкъ, или заѣхать въ средину огромной толпы: даромъ какъ барана зарѣжутъ; днемъ по крайней мѣрѣ издалека видно, велика ли опасность, и какъ, и куда отъ нея можно уйти. Проводникъ мой былъ того же мнѣнія, и мы поэтому, задавъ лошадямъ двойную порцію овса, легли отдохнуть до утра. До зари еще я пошелъ къ Гуркѣ объявить, что не выѣхалъ ночью, а ѣду сію минуту. Его принуждены были разбудить, и едва онъ глаза раскрылъ, какъ на меня градомъ посыпались упреки.

— «Vous êtes un homme perdu, je vous voie la tête tranchée; vous m'avez désobéi, vous n'avez pas profité de la nuit pour vous dérober à l'attention de l'ennemi, qui occupe déjà Kazanischtsché!—Казанищи лежали въ четырехъ верстахъ на Югѣ, а моя дорога изъ крѣпости вела на Сѣверъ. «Si un malheur vous arrive, toute la responsabilité retombe sur vous, je m'en lave les mains. Au moins tâchez de sauver les dépêches, dont l'importance vous est bien connue».

— «Soyez tranquille au sujet des dépêches, et j'espère qu'à moi même rien n'arrivera. Que Dieu vous garde, mon général!»—отвѣчалъ я и пошелъ къ лошадямъ.

Мои три линейскихъ казака не чувствовали себя отъ радости со мною проѣхать на линію, къ своимъ семьямъ; они знали, что я ихъ немедленно распущу по домамъ. И я на нихъ болѣе всего расчитывалъ на случай встрѣчи съ непріятелемъ: живы они останутся, буду живъ и я. Донцы были также ребята не плохіе; да лошади ихъ уже очень поморены, а по Донской же поговоркѣ: казакъ воюетъ не копьемъ, а конемъ.

До Султанъ-Янги-Юрта, около котораго съ отрядомъ стоялъ Евдокимовъ (въ послѣдствіи покоритель-истребитель Черкесскихъ племенъ праваго фланга Кавказской линіи, за что̀ пожалованъ былъ графомъ)

считалось шестьдесятъ верстъ, каковыя слѣдовало проѣхать безъ остановки. Казаниши, въ которыхъ уже хозяйничали Шамилевскіе Лезгины, оставались у меня за спиной; но не дальше версты разстоянія намъ приходилось проѣхать мимо Кяфиръ-Кумыка, Шахмальскаго селенія, лежавшаго на высотѣ, съ которой наша дорога была видна на далекое протяженіе. Можно было полагать, что Кяфиръ-Кумыкцы не упустятъ случая погнаться за нами, и въ такомъ разѣ наше спасеніе главнымъ образомъ зависѣло отъ быстроты и силы нашихъ коней. У моихъ линейцевъ лошади были хороши и сыты, а подо мной шагалъ мой неутомимый «Сѣрый», султанскаго завода, про котораго я зналъ, что уже не выдастъ, коли придется уходить.

У крѣпостныхъ воротъ мы на мгновеніе остановились; каждому линейцу я отдалъ по экземпляру донесенія, одинъ экземпляръ спряталъ къ себѣ за пазуху и обратился къ казакамъ:

—«Ребята, у нѣкоторыхъ изъ насъ кони поморены, но это ничего не значитъ; мы должны тянуть, пока они въ силахъ ступать. Дорога не наша жизнь, дороги бумаги, которыя веземъ; поэтому никого поджидать не стану. Пристала у кого лошадь, оставайся на дорогѣ, ложись за камень и спасайся какъ знаешь. Встрѣтимъ непріятеля въ небольшомъ числѣ, бьемъ на проломъ; покажется не по нашимъ силамъ, идемъ на утекъ въ разныя стороны. У кого конвертъ за пазухой, скачи пока лошадь не упадетъ, потомъ пѣшій уходи въ лѣсъ, въ гору, по ночамъ пробирайся до линіи, или до ближайшей крѣпости, и начальству сдай бумаги. Теперь съ Богомъ, неторопливымъ шагомъ!»

Перекрестились казаки и плетью ударили по лошадямъ.

Когда мы поравнялись съ Кяфиръ-Кумыкомъ, возлѣ аула появился сперва одинъ, потомъ другой, потомъ третій всадникъ, грянулъ сигнальный выстрѣлъ; насъ замѣтили и, видимо, готовились устроить погоню. Шли мы, не прибавляя шагу. Самое вѣрное средство быть настигнутымъ заключается въ преждевременномъ утомленіи лошадей ненужною скоростью. Въ такомъ разѣ всегда надо принаравливаться къ ходу погони: шагомъ, такъ шагомъ, погнались рысью, самъ уходи на рысяхъ, а поскакали за тобой, такъ скачи, не жалѣя коня.

Неожиданно наблюдавшіе за нами конные Татары опрометью кинулись въ аулъ, а вдали послышалась живая перестрѣлка; гнаться за нами не думали.

Что за причина, подумалъ я, могла ихъ заставить отказаться отъ такого удобнаго случая убить нѣсколько Русскихъ и, пожалуй, Шамилю живымъ представить Русскаго офицера, очевидно посланнаго на линію съ какимъ нибудь очень важнымъ порученіемъ! Позже, когда

я снова сошелся съ просидѣвшими въ Темиръ-Ханъ-Шуринской блокадѣ, мнѣ объяснилась эта загадка.

Гуси, говорятъ, Римъ спасли; да и мнѣ они оказали жизнеспасительную услугу. Въ одномъ Кяфиръ-Кумыкѣ, не считая другихъ близкихъ деревень, могло собраться до пятидесяти человѣкъ весьма доброконныхъ Татаръ, съ которыми намъ, восмерымъ, едвали можно было совладать; вѣроятно они бы насъ перебили; но тутъ намъ на помощь явилось обстоятельство, всецѣло возникшее изъ за гусей.

Генералъ Клуке, во время еще своего непотрясеннаго господства надъ Шахмальцами, отдалъ Кяфиръ-Кумыкскимъ жителямъ на воспитаніе и на прокормленіе весьма большое стадо гусей. Въ виду предстоявшей осады, требовавшей заготовленія всякаго рода продовольственныхъ припасовъ, онъ вспомнилъ о своихъ гусяхъ и послалъ за ними цѣлый батальонъ. Пока я выѣзжалъ изъ однихъ крѣпостныхъ воротъ, изъ другихъ выступилъ батальонъ по направленію къ Кяфиръ-Кумыку. Всадники, наблюдавшіе за нами, да и всѣ прочіе Кяфиръ-Кумыкцы, вообразивъ, что Русскіе атакуютъ аулъ, бросились, одни драться, другіе спасать семейства и имущество, а обо мнѣ въ суматохѣ совершенно забыли. Батальонъ потерялъ около сорока человѣкъ, завладѣлъ однако гусинымъ стадомъ и въ цѣлости доставилъ его въ крѣпость. Тѣмъ временемъ я успѣлъ уйти такъ далеко, что нечего было гнаться за нами. За то Клуке и всѣ, имѣвшіе удовольствіе пользоваться его гостепріимствомъ, въ продолженіи пятинедѣльной Темиръ-Ханъ-Шуринской блокады, только и питались мясомъ моихъ спасителей.

Мой смѣлый и расторопный Поповъ на ружейный выстрѣлъ ѣхалъ впереди, поглядывая во всѣ стороны. Не доѣзжая бывшаго Евгеніевскаго укрѣпленія, дорога пролегала густымъ лѣсомъ. Предъ лѣсомъ Поповъ круто остановился, выкинулъ маякъ и прискакалъ къ намъ во весь опоръ—въ лѣсу кишитъ народъ, рыжія Лезгинскія шапки!

Мы остановились. Чтò дѣлать? Чтобы узнать, много ли, надо выманить изъ лѣсу. Линейцы спѣшились, выхватили ружья изъ чехловъ, и мы медленно стали подвигаться впередъ. Въ лѣсной опушкѣ показались конные Лезгины, столпились, потолковали и потомъ поѣхали къ намъ на встрѣчу. Насчитали мы одиннадцать человѣкъ, немногимъ больше нашего; на спѣшенныхъ, значитъ, едва ли бросятся: знаютъ, что казацкая винтовка бьетъ въ упоръ не хуже Черкесской. Медленно съѣзжались мы, не спуская глазъ съ противника. На разстояніи дальняго ружейнаго выстрѣла одинъ человѣкъ отдѣлился отъ противной партіи, подскакалъ, не хватаясь за ружье, и прокричалъ ломанымъ Русскимъ языкомъ—«ѣдетъ Джамалъ, кунакъ; проситъ, чтобы офицеръ пріѣхалъ на средину для разговора».

Джамалъ, Чиркеевскій старшина, умница и большой плутъ, былъ мой давнишній знакомый; не разъ, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, мнѣ приходилось вести съ нимъ разные переговоры. Согласился я выѣхать впередъ. Казаки меня удерживали: «не ѣзжайте, старый плутъ, вѣрить нельзя, какъ разъ убьетъ!» Но все таки я выѣхалъ. Джамалъ отдѣлился отъ своихъ спутниковъ, подъѣхалъ, и мы заговорили.

— Какъ радъ, что повстрѣчались, сказалъ Джамалъ,—куда ѣдешь? Какъ мало у тебя казаковъ, будь остороженъ: по дорогѣ много ходитъ недобрыхъ людей.

— Спасибо за добрый совѣтъ. Ѣду я къ Евдокимову; а ты куда?

— Въ Темиръ-Ханъ-Шуру, къ твоему доброму генералу.

— Какъ ты скоро узналъ, что онъ опять сидитъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Полагаю, также знаешь что̀ случилось съ Гергебилемъ, и кто теперь въ Казанищахъ усѣлся на мѣсто Шахмала.

— Знаю. Затѣмъ и ѣду, чтобы твоему генералу доказать, что Джамалъ любитъ Русскихъ, и Чиркей Шамилю не слуга.

— Прекрасно, могу только похвалить!

Джамалъ принялъ меня въ свои объятія. «Прощай, да хранитъ тебя Аллахъ!» А въ его маленькихъ, плутовскихъ глазахъ свѣтилось какъ у блудливой кошки: такъ крѣпко, такъ нѣжно тебя люблю, что не будь твоихъ проклятыхъ казаковъ, съ винтовками наготовѣ, кажись, не выпустилъ бы изъ своихъ объятій.

— Теперь, сказалъ я Джамалу,—проѣзжай мимо, приказавъ твоимъ спутникамъ не шалить, ибо мы къ шуткамъ не расположены; а коли тебѣ не удастся проникнуть въ Темиръ-Ханъ-Шуру (ворота, я знаю, крѣпко заперты, и много тамъ солдатъ съ большими пушками) такъ не забудь въ Казанищахъ Шамилю отъ меня поклониться.

— Всегда шутишь, отвѣтилъ Джамалъ, замысловато улыбнувшись.

Не на нашей улицѣ былъ праздникъ: я зналъ, что Джамалъ ѣдетъ прямо къ Шамилю, а не къ моему генералу.

Осторожно, съ безпрерывною оглядкой, разъѣхались мы въ противуположныя стороны. Сильна была вѣра въ нашу обоюдную дружбу, а все-таки вѣрнѣе было уберечься отъ свинцоваго поцѣлуя въ спину, пущеннаго на разставанье.

Между лѣсомъ и Мятлинскою переправой на Сулакѣ мы наѣхали на совершенно свѣжую «сакму»: пять или шесть сотъ коней прошли поперекъ нашей дороги изъ горъ на плоскость, до насъ не дальше полусутокъ. Какъ мы позже узнали, Шугибъ-Мулла этимъ путемъ съ значительною партіею Чеченцовъ ночью прошелъ къ Низовому укрѣпленію. Какое счастіе, что я, ослушавшись Гурко, выѣхалъ днемъ, а не ночью: прямо угодили бы мы въ середину Чеченцовъ, и тогда бы дѣй-

ствительно сбылось его предсказаніе «видѣть меня безъ головы». Самъ онъ такъ крѣпко былъ увѣренъ въ моей погибели, что, не получая обо мнѣ никакого извѣстія, запискою, посланною чрезъ лазутчика, сообщилъ прямо въ Петербургъ, будто я зарѣзанъ тѣми же Чеченцами, которыхъ миновалъ я, благодаря моему ослушанію.

Тѣмъ не кончились однако мои путевыя приключенія.

Отдохнувъ часа два и хорошенько накормивъ лошадей въ отрядѣ у Евдокимова, я въ тотъ-же вечеръ поѣхалъ въ Кази-Юртъ подъ прикрытіемъ уже двадцати пяти Гребенскихъ казаковъ. Ночь была темная, холодная, туманная. Дорога верстъ на десять пролегала глухимъ лѣсомъ. Два Султанъ-Янги-Юртовскихъ Татарина служили намъ проводниками. Заѣхали мы въ лѣсъ, въ которомъ по причинѣ темноты и густаго тумана нельзя было видѣть ушей своего коня. Казаки охватили меня со всѣхъ сторонъ; предо мной, чтобы мнѣ дороги не потерять, ѣхалъ казакъ на бѣлой лошади и въ бѣломъ башлыкѣ; проводники открывали дорогу въ головѣ команды; два расторопныхъ казака сидѣли у нихъ на хвосту, винтовки на-голо, чтобы въ случаѣ чего всадить имъ пулю между плечъ. Въ это смутное время никому изъ жителей нельзя было довѣрить живой Русской души. Въ глубинѣ лѣса мы стали замѣчать, что наши Татары что-то неохотно ѣдутъ впереди и, пользуясь темнотой, стараются незамѣтнымъ образомъ пропускать казаковъ впередъ себя. Это обстоятельство возбудило въ насъ подозрѣніе, не знаютъ ли они, что въ лѣсу скрывается непріятель и поэтому поводу прячутся отъ первыхъ выстрѣловъ. Не показывая виду, что насъ начинаетъ брать сомнѣніе, мы ихъ только снова выдвигали впередъ, когда они забивались въ средину команды, и уговаривали добросовѣстно вести по настоящей дорогѣ, за что получатъ хорошую денежную награду. Съ каждымъ шагомъ однако дорога становилась тѣснѣе, огромныя деревья ее загораживали, ямы, кочки, пни, направо, налѣво; лошади спотыкались, казаки падали; наконецъ мы заѣхали въ такую трущобу, что конямъ ходу не стало.

— Что тамъ зазѣвались! Передовые иди, не останавливаться! крикнулъ казачій офицеръ.

— Проводники, сказываютъ, дорогу потеряли; туманъ, темно, ничего нельзя видѣть, отвѣчали спереди.

— Пустяки, нарочито завели—шепнулъ офицеръ—прикажете?

— Только обезоружить, да снять съ лошадей, ничего больше.

Офицеръ сказалъ два слова уряднику.

Мгновенно оба Татарина очутились на землѣ, безъ ружей, руки стянутыя за спину. Подвели ихъ ко мнѣ; нашелся казакъ-переводчикъ.

— Вы Янги-Юртовскіе уроженцы; повѣрить не могу, чтобы отъ

тумана потеряли дорогу: чай зажмуря глаза привыкли ходить по своему родному лѣсу; ведите добромъ, награду получите, а не то плохо вамъ будетъ.

— Не знаемъ, гдѣ мы, вести не можемъ, одинъ шайтанъ знаетъ, куда мы забрели въ такую темь. Другаго отвѣта отъ нихъ нельзя было добиться.

— Не знаете какъ впередъ вести, такъ ведите обратно въ Султанъ-Янги-Юртъ.

— И этого не можемъ; всякую дорогу въ лѣсу потеряли.

Терпѣнія не стало.—Взведи курки, приложись, жди команды! и по два дула уперлось въ грудь каждому Татарину.

— Теперь безъ отговорки ведите обратно, или прикажу убить какъ собакъ, и тѣла здѣсь же бросить волкамъ на съядѣніе!

— Убей! Аллахъ въ твои руки отдалъ наши головы; а вести не знаемъ, уныво затянули они. Лай-илай-илъ-Аллахъ, Шегеденъ-Магомеденъ...

На что убивать, подумалось мнѣ; отъ этого легче намъ не станетъ, кровь ихъ на дорогу не выведетъ.—Хорошо, сказалъ я,— послѣ развѣдаемся, и приказалъ, посадивъ на коней, покрѣпче привязать къ сѣдлу.

Составили мы совѣтъ съ офицеромъ и урядникомъ что̀ предпринять. Послѣ похожденія съ проводниками заночевать въ лѣсу казалось далеко не безопаснымъ. Полагать должно, партія скрывается; но велика ли?. Кромѣ того сыро, холодно, сами померзнемъ да лошадей уморимъ; а какъ выбраться изъ совершенно незнакомой трущобы, ума не приложишь.

Пока мы совѣтовались, поистинѣ не зная чѣмъ дѣло порѣшить, подъѣхалъ Поповъ.—Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказалъ онъ,—моя лошадь, когда мы стояли въ Янги-Юртѣ, по вашей милости, ѣла тамъ овесъ. Она умный звѣрь, помнитъ мѣсто гдѣ ей хорошо было, дорогу найдетъ; прикажи командѣ ѣхать за мной. Не находя другаго способа, мы рѣшились поручить себя чутью умнаго коня.

Поповъ выѣхалъ на болѣе чистое мѣсто, закружилъ свою лошадь, бросилъ поводья, ударилъ плетью, и крикнулъ—за мной, только не отставай!

Напрямикъ, чрезъ кусты и буераки, пошла Попова лошадь; мы всѣ трускомъ за нею, такъ быстро шагала она, огибая пни и деревья, при чемъ никакъ не теряла сначала принятаго направленія. Часа два промаявшись въ лѣсу, мы выѣхали на открытое мѣсто и увидали предъ собой вдали свѣтившіеся огни Евдокимовскаго отряда. Вывезла насъ Попова лошадь, за что въ отрядѣ и была награждена двойною дачею

овса. Проводниковъ я приказалъ тутъ-же развязать и отпустить на волю Божью. Евдокимову сдать значило поставить ихъ подъ висѣлицу; а я никогда не былъ сторонникомъ безполезныхъ казней, и однимъ врагомъ меньше, однимъ больше не могло ни усилить, ни подорвать Русской власти.

У Евдокимова переночевавъ, на другое утро, съ тѣмъ же конвоемъ, благополучно я доѣхалъ до Кази-Юрта, гдѣ мнѣ сообщили, что въ окрестностяхъ дѣйствительно рыщутъ многочисленныя непріятельскія партіи, и въ туже ночь съ Камбулатовскаго поста были похищены пятьдесятъ Донскихъ казачьихъ лошадей. Супруга подполковника Евдокимова, жившая въ Кази-Юртѣ по сосѣдству съ мужемъ, испуганная броженіемъ охватившимъ весь край, обратилась ко мнѣ съ просьбой доставить ей возможность съ моимъ конвоемъ доѣхать до Кизляра, гдѣ, казалось, существовало менѣе опасности. Въ прикрытіе же мнѣ были даны, по распоряженію Кази-Юртовскаго комендата, одна пѣхотная рота и тридцать казаковъ, при двухъ орудіяхъ. Холодъ замѣтно усилился; день нашего выступленія отличался особеннымъ ненастьемъ: мокрый туманъ лежалъ на степи, то поливало насъ дождемъ, то засыпало снѣгомъ. Евдокимова съ молодою служанкою, изъ плѣнныхъ Чеченокъ, ѣхала въ маленькой бричкѣ; лошадьми правилъ деньщикъ; во время пути мнѣ случалось садиться къ нимъ на облучекъ, но большею частью я ѣхалъ верхомъ. Поздно вечеромъ подошли мы къ Магометову посту, сдѣлавъ болѣе тридцати верстъ. Кромѣ навѣса для лошадей и биткомъ натисканной казачей казармы турлучной постройки, въ открытомъ полѣ, торчала одинокая мазанка «для проѣзжающихъ». Евдокимова заняла ту мазанку, предоставивъ мнѣ ночевать въ бричкѣ, содержавшей довольно значительный запасъ подушекъ и ковровъ. Солдаты расположились въ степи вокругъ скудныхъ огоньковъ. Дождь и снѣгъ, которымъ я подвергался въ теченіи всего перехода, промочили меня до рубашки, негдѣ было обсушиться; пришлось мокрому улечься въ бричкѣ, обложивъ себя подушками и накрывшись коврами госпожи Евдокимовой. На первыхъ порахъ я заснулъ тяжелымъ сномъ, но скоро проснулся; разбудили меня невыносимыя страданія. Ночью хватилъ сильный морозъ, рубашка примерзла къ тѣлу, остальное платье ледяною броней сковывало окоченѣвшіе члены. Хочу приподняться—силы нѣтъ; хочу крикнуть—голосу не достаетъ; руки, ноги не шевелятся, языкъ одеревенѣлъ. Сдѣлалъ я отчаянное усиліе, какой-то хриплый звукъ вырвался изъ гортани; солдаты, безъ сна лежавшіе возлѣ сосѣдняго огня, вообразили, что меня рѣжетъ прокравшійся Чеченецъ, схватили ружья и опрометью кинулись къ бричкѣ. Смекнувъ какая оказія мнѣ приключилась, они поспѣшили меня вытащить изъ брички и при-

нялись оттирать въ нѣсколько рукъ, срывая мерзлое платье. Прибѣжалъ Поповъ, взглянулъ и, долго не думая, поднялъ такой стукъ въ двери мазанки, какимъ мертваго можно было на ноги поставить.

— Нельзя, мы раздѣты, откликнулись изъ за дверей. Но это нисколько не остановило Попова; онъ продолжалъ стучать и кричалъ во весь голосъ: «Не въ томъ дѣло, сударыни, одѣты вы, или неодѣты; а дѣло въ томъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ замерзъ и не пустите такъ, пожалуй, не довеземъ его до Кизляра въ живомъ видѣ».

— Дайте только время шубы накинуть.

Чрезъ мгновеніе двери растворились, меня ввели. Поповъ понакидалъ дровъ на тлѣвшіеся еще угли, вспыхнуло огромное пламя. Евдокимова со своею служанкой, однѣ шубы на плечахъ, откинувъ въ сторону всякое неумѣстное жеманство, принялись готовить чай. Мой распорядительный казакъ однако не далъ имъ долго трудиться.

— Еще имѣемъ къ вамъ покорнѣйшую просьбу, обратился онъ къ госпожѣ Евдокимовой: изволили впустить, хоть и раздѣмшись, такъ чтобы ваша добродѣтель безъ проку не оказалась, не благоугодно ли будетъ предоставить Ѳедора Ѳедоровича нашему съ Ивашинымъ усмотрѣнію, а вашей милости съ дѣвонькою лечь лицомъ къ стѣнѣ, головки одѣяльцомъ накрыть, и не глядѣть что̀ мы станемъ дѣлать.

Когда Евдокимова согласилась на это предложеніе, тогда казаки раздѣли меня до нельзя, окрутили одѣяломъ, накрыли шубой, мокрое бѣлье развѣсили около огня, и объявили, что таперича опять можно глядѣть въ мою сторону, пока не примутся меня одѣвать.

Къ утру я успѣлъ согрѣться, выступила даже легкая испарина, и дѣло обошлось для меня безъ горячки и безъ воспаленія. По поводу этаго приключенія мы двинулись въ походъ нѣсколько позже обыкновеннаго, и Евдокимова не позволила мнѣ ѣхать верхомъ, а усадила въ бричку между собою и служанкой. На дорогѣ встрѣтили мы Армянина, бѣжавшаго съ женою и съ дѣтьми изъ Та̀рковъ, отъ котораго узнали, что непріятель большими силами атаковалъ Низовое укрѣпленіе, служившее складочнымъ пунктомъ провіанта, моремъ привозимаго изъ Россіи для Дагестанскихъ войскъ, что гарнизонъ храбро отбивается, но будетъ ли въ силахъ устоять, сказать нельзя, потому что число осаждающихъ безпрестанно умножается и даже носится слухъ, будто Шамиль намѣренъ имъ прислать орудія, дѣйствовавшія противу Гергебиля. Пріѣхавъ въ Кизляръ, я не мѣшкая написалъ объ этомъ генералу Фрейтагу, командиру лѣваго фланга Кавказской линіи, сообщивъ ему притомъ, въ какомъ положеніи оставилъ я Гурку въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, чего, по забывчивости, не сдѣлали, отправляя меня въ дорогу. Донесеніе мое я отправилъ къ Фрейтагу по летучкѣ въ кр. Грозную, а самъ

стремглавъ поскакалъ въ Тифлисъ по почтовой дорогѣ, пролегавшей чрезъ казачьи станицы вверхъ по лѣвому берегу Терека.

Скакалъ я въ почтовой телегѣ по глубокимъ мерзлымъ колеямъ грунтовой дороги, никогда не извѣдавшей ни лопаты, ни кирки, и доскакался до совершенной невозможности продолжать путешествіе въ телѣгѣ, именуемой костоломнымъ снадобьемъ. Въ Екатериноградской станицѣ Горскаго казачьяго полка, полковой командиръ князь Георгій Эристовъ предложилъ мнѣ свой тарантасъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Пока справляли тарантасъ и пока готовили ужинъ, которымъ предполагалось меня накормить, я прилегъ на широкій Турецкій диванъ и заснулъ тяжелымъ непробуднымъ сномъ. Не помню, какъ у меня взяли подорожную, деньги и уложили въ тарантасъ. Очнулся я предъ самымъ Владикавказомъ, проѣхавъ болѣе десяти часовъ безъ чувства и безъ сознанія. На Военно-грузинской дорогѣ мой тарантасъ, прыгая по камнямъ ровно живой, сталъ кряхтѣть и стонать; сначала слетѣлъ задній сундукъ, потомъ отвалились козла, казакъ и ямщикъ принуждены были держаться на торчкѣ, расшатался кузовъ, его стянули веревкой, а я все продолжалъ скакать, и къ вечеру другаго дня подскакалъ къ Тифлису. Предчувствовалъ я, какая неласковая встрѣча мнѣ готовится. Я тутъ на лицо, живъ и невредимъ, а сына нѣтъ. Гдѣ онъ? Что̀ съ нимъ? Къ счастью еще въ моемъ карманѣ лежало отъ него письмо, служившее живымъ отвѣтомъ на эти предвидѣнные вопросы.

На Тифлисской заставѣ, несогласно съ обычаемъ курьерской ѣзды, я приказалъ подвязать колокольчикъ, и въ тихомолку, безъ звона, подъѣхалъ къ дому корпуснаго командира. Всѣ окна были освѣщены по случаю пріемнаго вечера. Въ первой, безлюдной залѣ я засталъ молодаго ординарца, князя Эристова, которому и наказалъ, никому постороннему не говоря, тихонько доложить о моемъ пріѣздѣ г-ну корпусному командиру.

Вышелъ корпусный командиръ—онъ же мнѣ родной дядя—не любезно на меня посмотрѣлъ и пошелъ въ свой рабочій кабинетъ; а я за нимъ.

Привѣтствовалъ онъ меня не весьма поощрительными словами:

— Зачѣмъ пріѣхалъ и что̀ привезъ, говори!

Я положилъ на столъ объемистый конвертъ—въ донесеніи все сказано.

— Извѣстно тебѣ содержаніе?

— Полагаю; самъ писалъ.

— Такъ говори!

— Гергебиль погибъ со всѣмъ гарнизономъ; Шамиль двинулся въ Шамхальство; генералъ Гурко блокированъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ;

Пассекъ отрѣзанъ, и гдѣ находится въ настоящую минуту, мнѣ неизвѣстно; весь Сѣверный Дагестанъ возсталъ; Низовое укрѣпленіе атаковано; съ трудомъ пробрался изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на линію; а послѣ меня, думаю, заяцъ не проскочитъ.

Корпусный командиръ опустилъ голову, минуты двѣ просидѣлъ въ глубокомъ молчаніи, а потомъ недовольнымъ голосомъ спросилъ: — Зачѣмъ Гурко прислалъ именно тебя, а не другаго.

— Потому что дѣла мнѣ коротко извѣстны, и я имѣю возможность положительно отвѣчать на всѣ вопросы, которые бы вы вздумали мнѣ предложить.

— Нѣтъ, должна существовать другая причина; твое мѣсто при Гуркѣ, ты ему нуженъ; завтра же ступай назадъ!

— Съ десятью батальонами можно, а одинъ не проѣду; да и Гуркѣ мало проку будетъ отъ меня однаго.

— Хочу! ступай назадъ, сердито крикнулъ онъ; а батальоновъ мнѣ негдѣ взять: въ Тифлисѣ на караулы не достаетъ.

— Прикажете, поѣду; но развѣ для того только чтобы безъ всякой пользы засѣсть въ Кизлярѣ или въ Кази-Юртѣ. Кромѣ того, пускай въ вашемъ же присутствіи любой докторъ рѣшитъ, въ силахъ ли я предпринять новое путешествіе: едва держусь на ногахъ.

Дядя морщился. Горе его трогало меня—не онъ напуталъ, а ему выпало на долю распутывать чужую безсмыслицу, отвѣчать за чужіе грѣхи. Но чѣмъ же я былъ виноватъ?

— Хорошо, оставайся! Тутъ дяд только спросилъ: — А Борисъ?

— Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, живъ и здоровъ, вотъ письмо отъ него.

Взялъ онъ письмо и не распечатавъ положилъ къ прочимъ бумагамъ. Въ головѣ у него бродило: Дагестанъ, Гурко, Пассекъ, Низовое; гдѣ взять способы имъ помочь? Теперь, сказалъ онъ, пройди къ женѣ въ комнату, минуя гостиную, наполненную людьми, а я пойду къ гостямъ и пришлю ее. Сегодня никто не долженъ знать о твоемъ пріѣздѣ; завтра же на базарѣ станутъ разсказывать Дагестанскія происшествія. Армянскіе лавочники, бываетъ, раньше меня узнаютъ что̀ творится въ краѣ.

Въ дальней комнатѣ, при тускломъ свѣтѣ ночной лампады, свидѣлся я съ женой послѣ тяжелой четырехмѣсячной разлуки; а тѣмъ временемъ разряженныя красавицы и любезники разноязычнаго Тифлисскаго общества продолжали мѣняться многозначущими взглядами, щебетать и шаркать въ ярко освѣщенныхъ залахъ. Потомъ двоюродныя сестры (было ихъ четыре), урываясь отъ гостей, стали прибѣгать со мною поздороваться и узнать о братѣ.

На другой же день корпусный командиръ, А. И. Нейдгартъ уѣ-

халъ на линію, въ Екатериноградскую станицу, чтобы сблизиться съ мѣстомъ происшествій, и туда вызвалъ на совѣщаніе изъ Ставрополя оберъ-квартирмейстера войскъ на Кавказской линіи, Д. А. Милютина, и изъ кр. Грозной генерала Фрейтага. Нѣсколько дней спустя, я поѣхалъ слѣдомъ за нимъ и въ Екатериноградѣ, собираясь дальше ѣхать, пошелъ къ нему явиться и откланяться. Занималъ онъ казачій домъ, состоявшій всего изъ двухъ комнатъ; въ первой изъ нихъ столкнулся я съ Фрейтагомъ, уходившимъ отъ корпуснаго командира. Обрадованные встрѣчей, мы обнялись.

— Ѣду въ Темиръ-Ханъ-Шуру выручать Гурку, когда наберу достаточно войска, сказалъ мнѣ Фрейтагъ—хотите со мной?

— Спасибо за любезное предложеніе; другой разъ готовъ имъ воспользоваться, а теперь досыта нагулялся—и безъ всякаго проку для дѣла и для самаго себя.

— Понимаю и не стану васъ винить. А у васъ тамъ, что̀ творилось?

— Какъ всегда: благихъ намѣреній полонъ карманъ; а какъ понадобится выложить, да себя показать, такъ руки дрожатъ—и добра не видать. А здѣсь?

— Таже пѣсня, да на другой ладъ. На мѣсто прямаго дѣла хитрые подкопы. Тошно становится.

Не видѣли мы, что во все время нашего разговора корпусный командиръ стоялъ въ полурастворенныхъ дверяхъ своей спальни и слушалъ. Замѣтивъ его присутствіе, Фрейтагъ вышелъ скорыми шагами, а я вошелъ къ Александру Ивановичу.

— Кажется между вами и Фрейтагомъ существуетъ крѣпкая дружба, сказалъ онъ: другъ другу передаете ваши душевныя впечатлѣнія?

— Да, отвѣчалъ я, еще съ Польской войны знакомы и дружны. Очень его люблю и уважаю: прямой, благородный человѣкъ, отличный генералъ.

— А мнѣ онъ не сильно понравился.

— Почему, ежели дозволено спросить?

— Много слишкомъ обѣщаетъ; очень самоувѣренъ.

— Чего не можетъ, того и не станетъ обѣщать; а что̀ обѣщаетъ, то и сдержитъ.

— Сподоби Господь вашими устами медъ пить!

Изъ этихъ немногихъ словъ корпуснаго командира я успѣлъ только замѣтить, что добрые люди постарались Фрейтага уронить въ его глазахъ. Не всѣмъ добрый и честный Робертъ Карловичъ приходился по сердцу. Офицеры готовы за него въ огонь и въ воду; солдаты любятъ какъ роднаго отца; ни предъ кѣмъ спины не гнетъ; безпрестанныя удачи;—вѣдь досадно, и подъ конецъ даже обидно.

А Фрейтагъ и на этотъ разъ отлично исполнилъ все что обѣщалъ. До того уже освободивъ Низовое укрѣпленіе, вслѣдствіе моего увѣдомленія, онъ собралъ послѣднія войска, которыми обстоятельства позволяли располагать на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, четыре батальона и сотъ шесть казаковъ, двинулся съ ними къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, освободилъ Гурку, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ выручать Пассека, окруженнаго непріятелемъ въ Зирянахъ, гдѣ онъ принужденъ былъ ѣсть конину, и еле-еле отбивался въ виду очевидной опасности погибнуть со всѣмъ своимъ отрядомъ. Попалъ Пассекъ въ западню по собственной винѣ. Приказаніе очистить Хунзахъ и форсированнымъ маршемъ идти въ Темиръ-Ханъ-Шуру, 6-го Ноября, отправленное мною съ Оглинской горы, получилъ онъ на другое утро; и вмѣсто того чтобы выступить въ тужe ночь, какъ приказывалъ Гурко, безъ всякой основательной причины промедлилъ девять дней, т. е. выступилъ 16-го, а 17-го Хаджи-Муратъ овладѣлъ Бурундухкальскою башней и не пропустилъ его. Отчаянная попытка Пассека прорваться чрезъ эту тѣснину повела только къ тому, что его отрядъ, испытавъ полное пораженіе, былъ отброшенъ къ Зирянамъ, въ долину Койсу. Владиміръ Осиповичъ, сказывали мнѣ потомъ, узнавъ о положеніи, въ которое Пассекъ себя поставилъ, буквально не исполнивъ посланнаго ему приказанія, выходилъ изъ себя, въ порывахъ неукротимаго гнѣва заочно грозилъ его отдать подъ судъ, разжаловать, разстрѣлять; а когда, благодаря Фрейтагу, 17-го Декабря сошелся съ нимъ въ Бурундухъ-Кале, не устоялъ противу слезъ и рыданій, съ которыми Пассекъ бросился его обнимать, какъ своего спасителя, и—все ему простилъ. А затѣмъ Пассекъ не миновалъ своей цѣли: былъ произведенъ въ полковники — должно думать—за ослушаніе; за храбрую Зирянскую оборону получилъ Георгія и генеральскій чинъ, когда представилъ краснорѣчиво составленную реляцію о своихъ, въ Аваріи совершенныхъ подвигахъ. Два года спустя, кончилъ онъ свое существованіе отъ Чеченской пули, въ глуши Ичкеринскаго лѣса, во время такъ называемой «сухарной экспедиціи».

Р. К. Фрейтагъ, которому на Кавказѣ выпало на долю всегда кого нибудь выручать (полковника Брусилова, осажденнаго въ Гуріи инсургентами; Гурко, блокированаго въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; Воронцова, безвыходно застрявшаго въ Ичкеринскомъ лѣсу), прожилъ дольше. Измученный трудовою жизнью, померъ онъ отъ чахотки въ 1852 году.

А меня, свидѣтеля Гергебильской драмы, пока еще земля продолжаетъ терпѣть.

Вѣна, 20 Октября (1 Ноября) 1880 г.

Т.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О ПОЛЕЖАЕВѢ.

Въ очеркѣ жизни Полежаева, въ первой книгѣ «Русскаго Архива» за 1881 г. сказано: «Въ біографіи Полежаева мы на первомъ же шагу встрѣчаемся съ неопредѣленными и сбивчивыми свѣдѣніями. Даже при обозначеніи полнаго его имени представляются противорѣчія. Такъ, напримѣръ, по «Настольному Словарю» Толля, «Русскому Экциклопедическому словарю» Березина и «Библіографическому указателю Русской и всеобщей словесности» Межова (Спб. 1872 г.), Полежаевъ названъ Александромъ Петровичемъ, а время его рожденія отнесено къ 1810 году; у г. Гербеля, въ «Біографической Христоматіи Русскихъ поэтовъ», онъ поименованъ Александромъ Ивановичемъ, а рожденіе его отнесено къ 1807 году. Это послѣднее хронологическое указаніе должно быть вѣрнѣе; потому что катастрофа, постигшая Полежаева, во время его студенчества, въ 1826 г.,—т. е. отдача въ солдаты,—навря дъ-ли могла послѣдовать тогда, когда ему было только 16 л. отъ роду, и очевидно, что она случилась уже на 20 году его жизни (стр. 316)».

Но дѣло въ томъ, что и эти извѣстія невѣрны.

Въ дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Московскаго Университета, можно найти свѣдѣнія, которыя вполнѣ разъясняютъ вышеозначенныя недоразумѣнія. Именно между дѣлами Университетскаго Правленія за 1820 годъ одно (№ 481 по 2 столу) заключаетъ въ себѣ документы о пребываніи Полежаева въ Университетѣ. Они начинаются прошеніемъ, поданнымъ Правленію 30 Сентября 1820 года «отъ уволеннаго изъ мѣщанства Александра Полежаева». Въ этомъ прошеніи, писанномъ постороннею рукою, но подписанномъ самимъ просителемъ сказано: «Изучившись Россійскому, Латинскому и Французскому языкамъ, Исторіи, Географіи и Ариѳметикѣ и по увольненіи моемъ изъ Саранскаго Мѣщанскаго Общества, желаю продолжать ученіе мое въ семъ Университетѣ, почему Правленіе Императорскаго Московскаго Университета покорнѣйше прошу допустить меня, по надлежащемъ испытаніи, къ слушанію профессорскихъ лекцій и включить въ число вольныхъ слушателей Словеснаго Отдѣленія. Свидѣтельство о увольненіи меня изъ Общества прилагаю при семъ въ оригиналѣ».

«1820 г. Сентября 24 дня, Пензенской губерніи Саранское Мѣщанское Общество, будучи на полномъ мірскомъ сходѣ, дало сіе увольненіе изъ

среды себя мѣщанину Александру Иванову Полежаеву въ томъ, что обучаясь, онъ, Полежаевъ, въ настоящихъ молодыхъ лѣтахъ, имѣя нынѣ отъ роду оныхъ *только пятнадцать лѣтъ,* Россійской грамотѣ и разнымъ наукамъ, пріобрѣлъ, какъ сдѣлалось извѣстно намъ, хорошее познаніе, по которому и намѣренъ посвятить себя служенію по ученой части, закономъ дозволенной, на что мы, *по одиночеству его,* нимало не препятствуя желанію его Полежаева и чтобы могъ онъ болѣе себя усовершенствовать, всѣ единогласно изъ Общества Мѣщанскаго его, Полежаева, навсегда уволили и государственныя подати платежемъ до будущей ревизіи приняли на себя. Въ чемъ ему сіе за рукоприкладствомъ нашимъ и свидѣтельствомъ Саранскаго Городоваго Магистрата и дали. Къ сему увольненію мѣщанскій староста Алексѣй Кокуевъ руку приложилъ». *(Слѣдуютъ подписи мѣщанъ).*

И такъ изъ увольнительнаго свидѣтельства видно, что Александру Полежаеву въ Сентябрѣ 1820 года было пятнадцать лѣтъ и что стало быть онъ родился въ 1805, а не 1807 году. Эта поправка имѣетъ за себя преимущество оффиціальнаго свѣдѣнія, не говоря уже о томъ, что ранѣе пятнадцати лѣтъ Полежаевъ не могъ бы поступить въ Университетъ. Наконецъ, какъ изъ этого свидѣтельства, такъ и изъ собственнаго прошенія, поданнаго въ Университетское Правленіе Полежаевымъ, видно, что онъ назывался Александромъ Ивановичемъ. Любопытно и то обстоятельство, что въ числѣ Саранскихъ мѣщанъ, подписавшихся подъ свидѣтельствомъ, былъ одинъ, носившій одну съ будущимъ студентомъ и поэтомъ фамилію, именно Евдокимъ Полежаевъ.

Остальные документы, находящіеся въ томъ же дѣлѣ, даютъ слѣдующія свѣдѣнія о пребываніи Полежаева въ Московск. Университетѣ.

Въ слѣдствіе вышеприведеннаго прошенія онъ подвергнутъ былъ испытанію въ наукахъ ординарными профессорами Н. Е. Черепановымъ, Т. И. Перелоговымъ и адъюнктомъ И. М. Снегиревымъ, которые и донесли Университетскому Правленію отъ 15 Октября 1820 года слѣдующее: «По назначенію господина ректора Университета, мы испытывали уволеннаго изъ мѣщанства Александра Иванова Полежаева въ предметахъ, которые предварительно должны быть извѣстны вступающимъ въ Университетъ для продолженія наукъ, и нашли его способнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій въ званіи вольнаго слушателя, о чемъ и имѣемъ честь чрезъ сіе донести Правленію Университета». На основаніи этого донесенія Полежаевъ былъ допущенъ къ слушанію профессорскихъ лекцій. Но ровно черезъ годъ, 20 Октября 1821 года, онъ подалъ въ Университетское Правленіе такого рода прошеніе: «Прошлаго 1820 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ принятъ я въ сей

Университетъ по экзамену и слушалъ профессорскія лекціи по Словесному Отдѣленію. Нынѣ по встрѣтившимся обстоятельствамъ не могу болѣе продолжать ученія моего, а потому Правленіе Императорскаго Московскаго Университета покорнѣйше прошу, уволивъ меня отъ Университета, возвратить представленное мною увольненіе изъ Общества». Согласно этому прошенію Правленіе исключило Полежаева изъ списка университетскихъ слушателей и возвратило ему увольнительное свидѣтельство. Но шесть дней спустя, Полежаевъ подалъ Правленію новое прошеніе: «Непредвидимыя домашнія обстоятельства принудили меня *противъ моего желанія* утруждать сіе Правленіе о увольненіи моемъ изъ Университета съ возвращеніемъ представленнаго мною свидѣтельства Мѣщанскаго Общества, а какъ нынѣ по перемѣнившимся уже обстоятельствамъ, позволяющимъ мнѣ докончить начатое мною ученіе, я опять имѣю ревностное желаніе вступить въ сей Университетъ, то посему Правленіе Императорскаго Московскаго Университета покорнѣйше прошу не поставить мнѣ въ вину того, что я вторично безпокою гг. членовъ Правленія Университета о включеніи меня въ число обучающихся въ семъ Университетѣ, при чемъ честь имѣю приложить обратно увольненіе изъ Мѣщанскаго Общества». Въ тотъ же день Правленіе постановило: «Просителя Полежаева включить по прежнему въ списокъ вольныхъ слушателей, а документы его хранить при дѣлѣ» [1]).

Только что приведенныя свѣдѣнія необходимо принять во вниманіе, какъ поправку къ словамъ Д. Д. Рябинина (на стр. 319): «Какъ бы то ни было, въ Августѣ 1823 года Полежаевъ вступилъ въ Московскій Университетъ, по какому факультету, — намъ неизвѣстно». Какъ мы выше видѣли, Полежаевъ вступилъ въ Университетъ двумя годами ранѣе и, какъ подобаетъ поэту, на Словесное Отдѣленіе. Остается прибавить, что на оборотѣ послѣдняго прошенія Полежаева имѣется надпись: «Приложенное при семъ свидѣтельство препровождено въ Совѣтъ Іюля 20-го 1826 года за № 2743»—и дѣйствительно въ дневной запискѣ того засѣданія Университетскаго Совѣта, которое происходило 14 Іюля 1826 года, въ ст. 9 сказано было, что Совѣтъ слушалъ прошенія трехъ вольныхъ слушателей, и въ томъ числѣ—Словеснаго Отдѣленія Александра Полежаева, о томъ, что «окончивши курсъ наукъ и получивъ о томъ свидѣтельства, при семъ прилагаемыя (т.-е. отъ профессоровъ-экзаменаторовъ), просятъ они, на основаніи имяннаго высочайшаго указа отъ 10 Ноября 1811 года, представить ихъ куда слѣдуетъ къ исключенію изъ податнаго состоянія» (стр. 603 Дневн. За-

[1]) Въ статьѣ г. Рябинина (Р. Архивъ 1881 г., I, стр. 328) говорится о намѣреніи дяди Полежаева взять его изъ Университета въ 1824 году.

писокъ Унив. Совѣта за 1826 г.); а въ слѣдующемъ засѣданіи, происходившемъ 21 Іюля было доложено, что Правленіемъ представлены въ Совѣтъ «увольнительныя свидѣтельства» просителей. Совѣтъ опредѣлилъ: препроводивъ эти свидѣтельства къ высшему начальству, ходатайствовать чрезъ оное предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ исключеніи изъ податнаго состоянія принадлежавшихъ къ нему вольныхъ слушателей, «какъ окончившихъ курсъ слушаемыхъ ими наукъ», а въ числѣ ихъ и А. И. Полежаева (стр. 621—622 Днев. Записокъ Совѣта).

Такимъ образомъ оказывается, что Полежаевъ не былъ собственно студентомъ Московскаго Университета, а только вольнымъ слушателемъ его, хотя въ то время между этими званіями и не было столь рѣзкаго различія, какое существуетъ нынѣ; что Полежаевъ слушалъ лекціи въ теченіе шести лѣтъ (1820—1826); что въ Іюлѣ 1826 года, онъ считался уже кончившимъ курсъ и для полученія имъ окончательнаго аттестата оставалось только исходатайствовать у Сената увольненіе изъ податнаго состоянія, согласно указу 10 Ноября 1811 года, въ коемъ было сказано: «Учрежденіемъ въ нашей имперіи университетовъ желали мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ; но однимъ вступленіемъ въ университеты мы не имѣли въ намѣреніи освободить состоянія, въ окладъ положенныя, отъ общей ихъ повинности: ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію нашему. По сему уваженію и въ разрѣшеніе недоумѣній, возникшихъ между начальствами, повелѣваемъ: студентовъ, поступающихъ въ университеты изъ состояній, въ окладѣ положенныхъ, и кои бы пожелали посвятить себя ученому званію, или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ университетѣ; о чемъ начальство учебное, согласно изъявленному отъ нихъ желанію, всякій разъ имѣетъ представлять Правительствующему Сенату» (Сборникъ Постановленій по Мин. Нар. Просв. т. I., изд. 2., стр. 759). Но Полежаеву не удалось получить сенатскаго увольненія, а стало быть и университетскаго аттестата; ибо вскорѣ послѣ того какъ состоялось вышеприведенное постановленіе Университетскаго Совѣта, онъ былъ отданъ, по повелѣнію Императора Николая I, въ солдаты за свою поэму «Сашка». Событія, описанныя г. Рябининымъ на стр. 337—340, относились стало быть къ тому времени, когда Полежаевъ уже достигъ до 21 года своей жизни.

Нилъ Поповъ.

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

Три тома „Сочиненій Князя В. Ѳ. Одоевскаго“, давно исчезнувшіе изъ книжной продажи, составляютъ лишь малую долю того чтò онъ написалъ на своемъ сравнительно-короткомъ вѣку. Изъ множества оставшихся послѣ него рукописей выбраны здѣсь четыре статьи, имѣющія общее историческое значеніе. Остальныя требуютъ еще разработки, и мы увѣрены, что между ними найдется много такого, чтò вполнѣ подлежитъ обнародованію.

Покойный князь Одоевскій постоянно слѣдилъ за наукой, искусствомъ, словесностью и всѣми явленіями Европейской жизни, и это отнимало у него (какъ и у многихъ Русскихъ людей) время и силы для самобытнаго творчества. Съ свойственною Русскому человѣку ироніей надъ самимъ собою онъ изобразилъ въ первой изъ нижеслѣдующихъ статей собственное положеніе на службѣ и въ средѣ Петербургскаго чиновничества: „Донъ Кихотъ XIX столѣтія“ (который появился въ Петербургѣ, въ „Сборникѣ на 1838-й годъ“, нынѣ рѣдкой книгѣ, и не вошелъ въ печатное собраніе сочиненій князя Одоевскаго). Статья эта свидѣтельствуетъ, какъ давно водворилось то зло, отъ котораго наиболѣе страдаетъ современная Россія. Она же показываетъ, что и оглашеніе онаго началось издавна.

Князь Одоевскій соединялъ съ Европейскимъ, философски-энциклопедическимъ образованіемъ, не только глубокую любовь къ коренному Русскому народу, но и весьма вѣрное чувство, которое лучше всего назвать чувствомъ Русской дѣйствительности.

Долгая привычка обсуждать государственные вопросы и даже косвенно или прямо принимать участіе въ рѣшеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, производила то, что князь Одоевскій ясно предвидѣлъ, какая мѣра своевременна, и какая, наоборотъ, несогласна съ благомъ Русскаго народа.

Немногіе, подобно ему, въ теченіи долгаго царствованія Николая Павловича, такъ ясно понимали и потому такъ горько оплакивали политику Александра I-го, начавшаго истощительныя для Русскаго народа войны за спасеніе Австріи, Пруссіи, за Англійскія, Меттерниховскія и т. п. выгоды,—войны, отвлекавшія Россію отъ прямой и главной ея задачи: улучшенія внутренняго быта, преимущественно же быта многомилліоннаго крестьянства. Мало людей, кто бы такъ какъ онъ болѣлъ душею о судьбѣ крѣпостныхъ крестьянъ *) и о нашей безсудности.

*) Немногимъ извѣстно, что мать князя Одоевскаго была простолюдинка.

Тому, кто зналъ это, вполнѣ понятенъ восторгъ князя Одоевскаго, когда наконецъ преобразованіе стало сбываться. Понятно, почему онъ праздновалъ ежегодно день манифеста 19 Февраля особенно торжественно, до самой своей смерти.

Но тогда, передъ событіемъ, въ концѣ 1860-го года, противники великаго дѣла пустили въ ходъ всѣ пружины, чтобы сколько возможно затормозить его всѣми средствами и между прочимъ разными устрашеніями.

И вотъ въ первые дни 1861-го года, за полтора мѣсяца до 19-го Февраля, князь Одоевскій пишетъ записку для Государя, въ которой старается опровергнуть главный доводъ противниковъ, будто дарованіе новыхъ правъ крестьянамъ обязываетъ непремѣнно дать новыя права и участіе въ правленіи и дворянству.

Князь Одоевскій по своему происхожденію и общественному положенію принадлежалъ къ высшей Русской знати. Но въ немъ не было ни тѣни сословныхъ предразсудковъ. Охотно онъ признавалъ только аристократію ума, знаній, благороднаго чувства и дарованій; онъ, почти одинъ, призывалъ своихъ собратьевъ къ служенію *„и наукѣ“*. Скажемъ болѣе: онъ не любилъ ихъ главнѣйше за недостатокъ такого служенія. Всѣми силами возставалъ онъ противъ феодализма... И здѣсь у мѣста помянуть его особую вражду къ тому что̀ онъ называлъ *„остзеизмомъ“*. Конечно, вражду эту раздѣляли и тогда уже многіе; но не всѣ, далеко не всѣ, рѣшились-бы въ его положеніи и въ такую минуту выразить ее, какъ это онъ сдѣлалъ въ концѣ своей записки, поданной такому Государю, каковъ былъ покойный Государь.

И не смотря на всю его необыкновенную скромность, впослѣдствіи не безъ отрады вспоминалъ онъ, что записка эта принесла тогда нѣкоторую долю пользы.

Прошло четыре года. Въ первые дни 1865 года Московское дворянство въ очередномъ собраніи своемъ рѣшило представить Государю адресъ объ учрежденіи въ Россіи чего-то въ родѣ палаты лордовъ или боярской думы. Поминалось, правда, и о „лучшемъ людѣ“, т. е. о палатѣ депутатовъ, но очевидно цѣль была не въ ней.

Князь Одоевскій въ то время уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, но былъ увѣдомляемъ изъ дня въ день и чуть не изъ часу въ часъ, какія рѣчи держались въ залѣ Московскаго Дворянскаго Собранія. Онъ зналъ, чему апплодировали дамы съ хоръ и публика изъ-за колоннъ. Все это волновало его чрезвычайно, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности высказать свое негодованіе противъ „верховниковъ“.

Возможность скоро представилась: газета *Вѣсть* съ восторгомъ напечатала пресловутый адресъ... Князь Одоевскій гордился тѣмъ, что его предокъ первымъ подписался подъ уложеніемъ царя Алексѣя Михаиловича (равно и противодѣйствовалъ Никону, этому неудавшемуся Русскому папѣ); но „уложе-

ніе" палаты лордовъ въ Россіи возмутило его до глубины души. Это отчасти и выразилъ онъ въ третьей изъ нижеслѣдующихъ статей. Все же послѣ того одна дама, а именно А—и, урожденная С., сдѣлала ему упрекъ за его, будто пристрастное, противодѣйствіе. Князь счелъ нужнымъ отвѣчать ей особымъ письмомъ, такъ же здѣсь помѣщаемымъ.

Я. О. О—въ

I.

СЕГЕЛІЕЛЬ.

ДОНЪ-КИХОТЪ XIX СТОЛѢТІЯ.

СКАЗКА ДЛЯ СТАРЫХЪ ДѢТЕЙ.

(Отрывокъ изъ 1-й части).

КАБИНЕТЪ СЕГЕЛІЕЛЯ.

Столъ съ кипами бумагъ, книгами, рисунками; кругомъ музыкальные инструменты, физическіе и химическіе снаряды. —Свѣтаетъ.

СЕГЕЛІЕЛЬ (*сбрасывая съ себя платье*).

Уже три часа.... вся ночь потеряна... и по напрасну... Я не могъ найти ни одной минуты свободной, не могъ поговорить ни съ графомъ, ни съ княземъ.... Кажется, я провёлъ эти пять часовъ для того только, чтобы увѣриться въ погибели Лидіи.... Лидіи!... Но прочь это земное чувство! Не для наслажденій посланъ я на землю... Но зачѣмъ? Что меня ожидаетъ? Что значили слова Луцифера? О! Кипріяно! Кипріяно! вспоминаю тебя! Помню, какъ въ моей первой жизни я насмѣхался надъ тобою, въ угодность Луциферу... Я испытываю твои терзанія: всё вижу, всё понимаю въ настоящую минуту,—но прошедшее, будущее—кто разрѣшитъ васъ?... Злополучный, я всё вижу, всё понимаю—для того только, чтобы не видать конца страданіямъ человѣка, увѣряться въ тщетѣ моихъ усилій.... Если бы за нихъ была мнѣ награда? Если-бы могъ я вѣрить, что мои мысли--добро, что я страдаю не напрасно, что когда-нибудь мои страданія принесутъ добрый плодъ людямъ? Нѣтъ и этой увѣренности!... А чувство любви къ человѣчеству пылаетъ въ душѣ моей, мучитъ меня.... О судьба! судьба! Зачѣмъ ты вложила въ

меня это терзающее, это безпокойное чувство? Всю-бы вселенную хотѣлъ я обхватить въ мои объятія; всѣхъ людей хотѣлъ бы прижать къ моему сердцу—простираю руки и обнимаю одно облако. Зачѣмъ не могу я, подобно другимъ людямъ, назначить предѣлы моему чувству, спокойно избрать предметъ и спокойно заниматься имъ, забывая о вселенной? *(Развертывая книгу).* Вотъ человѣкъ, написавшій нѣсколько томовъ о грибахъ. Съ юныхъ лѣтъ обращалъ онъ вниманіе лишь на одни грибы: разбиралъ, рисовалъ, изучалъ грибы, размышлялъ о грибахъ—всю жизнь свою посвятилъ однимъ грибамъ. Царства рушились, губительныя язвы раждались, проходили по землѣ, комета таинственнымъ теченіемъ пересѣкала орбиту солнцевъ, поэты и музыканты наполняли вселенную волшебными звуками—онъ, спокойный, во всёмъ мірѣ видѣлъ одни грибы и даже сошелъ въ могилу съ мыслію о своёмъ предметѣ—счастливецъ!...

Но что? Я, кажется, мечтаю... А сколько мнѣ еще работы въ нынѣшнюю ночь.... За что прежде приняться? А между тѣмъ земная природа проситъ своего: тѣло мое ослабло, глаза смыкаются. Но переможемъ себя: этотъ напитокъ прогоняетъ сонъ и—зараждаетъ болѣзни.... Что нужды! Ну—проснись бренная, немощная природа!... *(Выпиваетъ стоящій возлѣ него стаканъ съ опіумомъ).* Но съ чего начать?—Посмотримъ эти бумаги: вотъ проектъ благотворительнего заведенія..... *(Читаетъ)* Прекрасно! Сочинитель искрененъ; онъ дѣйствуетъ не изъ тщеславія.,.. Но, что я вижу? Сколько препятствій ему предстоитъ. Этому доброму человѣку не согнуть ихъ; надобно помочь ему... но какъ? Надобно опровергнуть всѣ эти возраженія, доказать, что они не имѣютъ никакаго основанія. Но для этого—для этого надобно написать цѣлую книгу; я вижу по возраженіямъ его противниковъ, что они не имѣютъ даже первоначальнаго познанія о предметѣ, противъ котораго они возстаютъ: для нихъ надобно начинать съ азбуки,—а это дѣло должно быть готово завтра! Невозможно! Надобно будетъ объяснить это графу. Посмотримъ далѣе. Докторъ проситъ испытать въ госпиталяхъ изобрѣтенное имъ лекарство противъ чахотки—посмотримъ... Что я вижу? Несчастный врачъ! Онъ не знаетъ, что въ этомъ растеніи скрывается ядъ, самый разрушительный для человѣческаго организма.... Что мудренаго? Химики еще не открыли этого яда—и открыть ли имъ съ ихъ средствами!... Надобно вразумить этого доктора—но какъ? Я ему долженъ говорить о такихъ понятіяхъ, которыя, можетъ быть, еще чрезъ сто лѣтъ, не прежде, будутъ извѣстны людямъ.... Чтобы истолковать имъ, чтобы доказать, что это растеніе пагубно для человѣка—надобно опровергнуть всѣ нынѣшнія мнѣнія.... Что же дѣлать? Нѣтъ ли средства объяснить имъ?...... Объяснить!.. Но для этого надобно начать съ

ихъ понятій, начать говорить ихъ языкомъ... надобно выучиться ихъ языку.... Испытаемъ. *(Развертываетъ курсъ медицины)....* Какой сборъ нелѣпостей, неправильныхъ наблюденій, ложныхъ выводовъ! Еще 20 лѣтъ, и ничего изъ того, что̀ признается здѣсь за неоспоримую истину, не уцѣлѣетъ.... Бѣдные люди! Они дали названія вещамъ несуществующимъ, пропустили существенное, сами себѣ закрыли путь къ истинѣ тысячью именъ, раздѣленій, подраздѣленій... Полжизни надобно употребить, чтобы опровергнуть всё это — и полжизни надобно употребить, чтобы выучиться говорить ихъ языкомъ! Ужасно! Ужасно!... А между тѣмъ этотъ докторъ ѣздитъ въ домъ къ графу; онъ своимъ лекарствомъ будетъ лечить Лидію, и я не найду средства спасти ее отъ вѣрной смерти! Нельзя ли стороною?—Испытаемъ—*(работаетъ)....* но здѣсь еще другія бумаги. Что такое? Г. А. проситъ о чинѣ, — Г. Б. проситъ о награжденіи — представленіи къ ордену, еще, еще, еще—всё тоже —ну! Это всё можетъ погодить.... эти господа не умрутъ, если не получатъ чина.... Но докторъ, докторъ! Въ простотѣ сердца, въ увѣренности сдѣлать добро—каждый день кладётъ грѣхъ на свою душу.... *(задумывается).* А это благотворительное заведеніе! Если я къ утру не успѣю защитить его—оно погибнетъ.... За что приняться? Въ этомъ участіи, которое возбуждаетъ во мнѣ предложеніе доктора — не скрывается ли чувство эгоизма? Не одно ли желаніе спасти Лидію?... Отъ благотворительнаго заведенія тысячи людей будутъ счастливы..... Поспѣшимъ же окончить прежде это дѣло.... *(работаетъ)...* а между тѣмъ докторъ будетъ спокойно морить людей.... Нѣтъ, надобно прежде всего опровергнуть его мнѣніе.... Что̀ дѣлать! Одно должно доставить тысячѣ людей счастіе... другое должно спасти тысячи же людей отъ вѣрной смерти.... а утро близко... кто разрѣшитъ мое сомнѣніе? О какъ тяжка ты, человѣческая одежда! *(Пишетъ и съ безпокойствомъ переходитъ отъ одной работы къ другой. Въ это время Мильтоновъ Луциферъ и другіе падшіе духи проносятся надъ Сегеліелемъ).*

МИЛЬТОНОВЪ ЛУЦИФЕРЪ.

Вотъ и нашъ прилежный Сегеліель...

АСТАРОТЪ

Дальше... дальше... онъ почуетъ насъ...

ЛУЦИФЕРЪ.

Будь спокоенъ—онъ видитъ меня только тогда, когда я хочу, чтобы онъ меня видѣлъ... А! онъ трудится надъ двумя важными дѣлами... и какъ трудится—какое безпокойство въ его душѣ, какъ онъ горитъ лю-

бовью къ человѣчеству... пылай! пылай! Но вспомни, что на тебѣ человѣческая одежда.... Увидимъ, какъ-то успѣешь въ своемъ намѣреніи.... *(Распростираетъ крылья надъ Сегеліелемъ..... Сегеліель наклоняетъ голову, глаза его смыкаются, онъ долго борется и, наконецъ засыпаетъ глубокимъ сномъ. Духи съ хохотомъ улетаютъ).*

ТАЖЕ КОМНАТА СЕГЕЛІЕЛЯ.

Сегеліель на креслахъ, погруженный въ глубокій сонъ; предъ нимъ догорающія свѣчи. Духъ Полуночи и духъ Полудня встрѣчаются надъ его головою.

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

Живое или мертвое тѣло ты передаешь мнѣ?

ДУХЪ ПОЛУНОЧИ.

И живое и мертвое вмѣстѣ. Это собратъ нашъ, но въ мертвенной оболочкѣ.

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

Чѣмъ живетъ онъ?

ДУХЪ ПОЛУНОЧИ.

Любовью.

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

Чѣмъ умеръ онъ?

ДУХЪ ПОЛУНОЧИ.

Любовью! Онъ любитъ всё въ этомъ мірѣ; но любитъ и Луцифера. Чудное дѣло! Любовь, сотраданіе къ людямъ влечётъ его въ вѣчную бездну. Несчастный, растерзанный зломъ человѣка, ропщетъ на благость Творца и, безумный, Его обвиняетъ!...

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

О, такъ Луциферъ осквернилъ въ немъ и райское чувство!

ДУХЪ ПОЛУНОЧИ.

Но это чувство томитъ Сегеліеля больше, чѣмъ всѣ его страданія вмѣстѣ.... Внимай: въ эту ночь я что-то чудное видѣлъ. Падшіе духи здѣсь собирались и въ преступномъ совѣтѣ трудились надъ глубокимъ, таинственнымъ зломъ; тлетворнымъ туманомъ нечистые сны съ изголовья людей поднимались, всё осквернялося въ мысляхъ людей, поэтъ не находилъ вдохновенья, и призракъ тщеславья непрестанно ему въ очи являлся; усталый ученый науку свою проклиналъ, супругъ отъ

подруги своей отвращался, созвѣздія крови надъ главами младенцевъ сливались. Что̀ замышляли падшіе духи? Сѣтями они окружили собрата; любовь-ли хотятъ переплавить въ проклятье.....

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

Быть можетъ—Сегеліелю спасенье!

ДУХЪ ПОЛУНОЧИ.

Быть можетъ—конечная гибель.

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

Кто знаетъ!...

ДУХЪ ПОЛУНОЧИ.

Кто знаетъ!...

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

Что̀ земля?...

ДУХЪ ПОЛУНОЧИ.

Еще на мгновеніе подвинулась къ солнцу...

ДУХЪ ПОЛУДНЯ.

Я тоже замѣтилъ....

ОБА ВМѢСТѢ.

Долго! долго!... *(Разлетаются въ противоположныя стороны.)*

СЕГЕЛІЕЛЬ *(просыпается).*

Какой странный сонъ... Но что я видѣлъ? Какъ будто собратья мои носились надо мною—шорохъ ихъ крыльевъ разбудилъ меня... они что-то говорили... они упоминали мое имя... имя Луцифера... но что? я не могу вспомнить.... *(задумывается)*... Нѣтъ, тщетно хочу я возобновить въ моей памяти это сновидѣніе... кажется вотъ оно... достигъ—хочу удержать—все разсыпается какъ могильный пепелъ.... О, какъ тяжка ты, человѣческая одежда!.. *(взглядываетъ съ ужасомъ на часы)*—Уже полдень...

(Входитъ секретарь графа).

СЕКРЕТАРЬ.

Графъ проситъ васъ поскорѣе принести бумаги, которыя онъ сегодня долженъ везти....

СЕГЕЛІЕЛЬ *(съ отчаяніемъ).*

Бумаги! Сію минуту.....

СЕКРЕТАРЬ.

Онъ говоритъ, что отдалъ вамъ вчера проектъ доктора...

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Не готово.....

СЕКРЕТАРЬ.

Записку противъ благотворительнаго заведенія....

СЕГЕЛІЕЛЬ

Не кончено.

СЕКРЕТАРЬ.

А пуще всего представленія къ наградамъ....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Я за нихъ и не принимался....

СЕКРЕТАРЬ.

Помилуйте? Какъ это можно?—Графъ будетъ очень недоволенъ.....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Что дѣлать! Невозможно: я работалъ до истощенія силъ... Одно дѣло доктора требуетъ по крайней мѣрѣ двухъ-мѣсячной работы.

СЕКРЕТАРЬ,

И помилуйте! Написали-бы предложеніе составить комитетъ, и дѣло съ концомъ....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Комитетъ, комитетъ! Я знаю ваши комитеты—имъ чтò за нужда, что выдумка доктора уморитъ сотню людей....

СЕКРЕТАРЬ.

Однакожъ позвольте—у насъ есть люди свѣдущіе, опытные....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Знаю я этихъ свѣдущихъ и опытныхъ людей—много ихъ грѣховъ переходило черезъ мои руки; не разъ я не вѣрилъ своимъ глазамъ, читая какое-нибудь умное имя подъ невыразимою глупостью.... Есть для нихъ личная выгода, они расшевелятъ всю преисподнюю; нѣтъ выгоды—и трава не рости....

СЕКРЕТАРЬ.

А записка объ уничтоженіи благотворительнаго заведенія? Кажется, тутъ была самая пустая работа.

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Пустая? Эта записка внушена безсмысліемъ и адскою злобою! Если сочинитель ея восторжествуетъ, тысячи людей не будутъ имѣть пристанища, тысячи дѣтей останутся безъ воспитанія, безъ присмотра, на жертву нищетѣ и разврату... По крайней мѣрѣ недѣлю надобно для того, чтобы опровергнуть всѣ хитрыя доказательства, всѣ коварныя вычисленія, которыми сочинитель умѣлъ прикрыть свое адское намѣреніе.

СЕКРЕТАРЬ.

Да помилуйте.... Я право не понимаю, что̀ вамъ до всего этого за дѣло? Вѣдь не вы отвѣчаете.

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Какъ не я?

СЕКРЕТАРЬ.

Что̀ вы ни напишите—рѣшатъ другіе; слѣдственно, вы всегда въ сторонѣ.... Лекарь будетъ морить людей, смѣло говорите: не я виноватъ; другіе позволили уничтожить благотворительное заведеніе—опять не я виноватъ, другіе приказали: а какъ залежались у васъ бумаги, то тутъ вы виноваты, а не кто другой....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Но какъ выпустить мнѣ отъ себя дѣло, когда я еще не вникнулъ въ него, когда въ немъ открываются такія обстоятельства, которыя прежде были неизвѣстны? Какъ взять это на свою совѣсть?...

СЕКРЕТАРЬ.

А! совѣсть!—какая тутъ совѣсть.... Тутъ дѣло не въ совѣсти, а въ томъ, чтобы сбыть бумагу съ рукъ поскорѣе—вотъ чѣмъ отличается дѣятельный чиновникъ. Послушайте, мнѣ васъ жаль—право, душевно жаль; вы молодой человѣкъ, недавно вступили въ службу, и вижу я, занимаетесь рачительно, не жалѣя себя, не щадя здоровья: вы о всякой бумагѣ думаете, стараетесь защитить справедливость, даже, смѣшно подумать, заботитесь о ясности и чистотѣ слога! Послушайте совѣта здравой опытности: вы только мучите себя напрасно; дурно-ли вы, хорошо-ли напишите бумагу—это всё равно, это ни къ чему васъ не поведетъ; дѣло не въ томъ: надобно сбыть съ рукъ бумагу—вотъ главное, и для этого есть различныя средства. Посмотрите на меня, какъ я дѣлаю: получу я дѣло—я вопервыхъ обращаю вниманіе на то, нельзя-ли какъ-нибудь передвинуть его къ другому....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Но если этотъ другой также?...

СЕКРЕТАРЬ.

Передастъ третьему....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

А если и этотъ третій?

СЕКРЕТАРЬ.

Передастъ четвертому....

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Долго ли-же дѣло будетъ бродить изъ рукъ въ руки?

СЕКРЕТАРЬ.

До тѣхъ поръ, пока не сыщется добрая душа, которая пуститъ его въ ходъ, а не то... оно само собою затеряется, т.-е. такъ, исчезнетъ между руками—тогда тѣмъ лучше. Богъ съ нимъ!

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Но если, къ несчастію, нельзя отъ себя сдвинуть дѣла, какъ вы говорите?...

СЕКРЕТАРЬ.

Въ такомъ случаѣ, если дѣло трудно, требуйте справокъ, объясненій—это и прибавитъ нумеръ и протянетъ время; начальство будетъ видѣть вашу дѣятельность и вмѣстѣ вашу осмотрительность...

СЕГЕЛІЕЛЬ.

А потомъ?..

СЕКРЕТАРЬ.

Потомъ можетъ встрѣтиться новое обстоятельство, которое потребуетъ новыхъ справокъ, или, можетъ случиться, дастъ предлогъ сдвинуть дѣло въ другое мѣсто.

СЕГЕЛІЕЛЬ.

Потомъ?..

СЕКРЕТАРЬ.

Потомъ, когда уже всё это не поможетъ, вы берете дѣло, списываете его всё съ начала до конца, для того чтобъ начальство видѣло, что вы трудились, а въ концѣ прибавляете нѣсколько фразъ, аршина въ три длиною, въ которыя втиснете пять *соображеній*, столько же *уваженій* и *отношеній*, такъ чтобы было «суди какъ хочешь». Такимъ образомъ, сударь, вы живете спокойно, напрасно не надрываетесь, бу-

магъ у васъ сходятъ тысячи, дѣла мало, отвѣтственности никакой— вы получаете названіе расторопнаго чиновника, и дорога вамъ всюду открыта....

СЕГЕЛІЕЛЬ (*внѣ себя*).

И вы не боитесь такъ безсовѣстно обманывать правительство? *(выбѣгаетъ вонъ изъ комнаты).*

СЕКРЕТАРЬ (*одинъ*).

Что такое? Обманывать.... Ге! ге! Да онъ дуракъ. Вотъ они—выскочки-то, умники-то; ну-что въ нихъ проку? Гдѣ вамъ? Вамъ вѣкъ быть назади. Видишь—еще размышляетъ, да думаетъ; вотъ погоди, пріятель—достанется тебѣ отъ графа; продержать представленія—представленія къ наградамъ.... эдакъ не долго навертишься! Такіе люди опасны: съ ними пива не сваришь; послушай ихъ: уменьшеніе дѣлъ, сокращеніе письмоводства. Безпокойный человѣкъ! У него пожалуй къ концу года половиною нумеровъ будетъ меньше, тогда хоть въ отставку выходи. *(Разбирая бумаги).* Экъ бумаги измаралъ—посмотримъ: «*Записки о предложеніи доктора и проч. Часть І-я о дѣйствіи первоначальныхъ стихій на организмъ человѣка.* И, какая дребедень! Да листовъ двадцать всё тоже—Ге! ге! Да онъ просто сумашедшій—вотъ они, умники-то! А чего добраго—еще графъ приметъ его резоны! Случись это съ нашимъ братомъ—бѣда-бы да и только; да авось и ему это даромъ не пройдетъ; можетъ быть разъ спустятъ, а тамъ, какъ пойдетъ надъ тѣмъ подумать да надъ другимъ подумать, тогда ваше сіятельство, даромъ, что вы намъ не довѣряете и всѣ хлѣбныя дѣла передаете этому новичку, къ намъ же обратитесь, ваше сіятельство. Да! Къ намъ; куда имъ за нами? У насъ всякое дѣло двадцать разъ сквозь пальцы пройдетъ и двадцать нумеровъ лишнихъ въ отчетѣ прибавитъ, пока эти умники напишутъ вамъ одну маленькую страничку. Вишь, обманывать правительство!... Глупецъ!—Однакожъ надобно постараться свернуть шею этому невѣжѣ. Начнемъ съ того, что разгласимъ, какъ онъ написалъ докладную записку о первоначальныхъ стихіяхъ.... ха! ха! ха! *(уходитъ).*

К. В. О.

1832.

II.

Записка объ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ.

Поданная Государю Александру Николаевичу.

Нѣкоторые изъ недовольныхъ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, истощивъ всѣ несбывшіяся предсказанія, всѣ позволенныя и непозволенныя средства, прибѣгаютъ къ новому способу интимидаціи [1]). Они говорятъ: если даются новыя права крестьянамъ, то слѣдуетъ дать новыя права и дворянству.

Въ этомъ смѣшеніи понятій забыто одно, а именно: что совершаемою мѣрою крестьянамъ *возвращаются* права, имъ принадлежавшія съ незапамятныхъ временъ и ослабѣвшія не по закону, но лишь по ложному толкованію закона; а у дворянъ до Дворянской Грамоты 1785 года (не давшей впрочемъ никакихъ *политическихъ* правъ) не было правъ вовсе. Стоитъ заглянуть въ исторію.

Бояринъ всегда былъ *чинъ*, а не политическое право; уже Василій Темный (1425—1462) *жаловалъ въ боярство*, даже бывшихъ удѣльныхъ князей.

Дворяне, какъ извѣстно, произошли отъ дружинниковъ и получили свое прозваніе единственно отъ пребыванія *при дворѣ*, ибо княжеская дружина называлась *дворомъ*.

Слѣдственно тѣ, кои ищутъ въ Kreuzzeitung'ѣ [2]) аргументовъ для поддержанія какихъ-то *политическихъ* правъ Русскаго дворянства, вовсе незнакомы съ исторіею Русскаго законодательства. Между Западною аристократіей и Русскимъ дворянствомъ если было что-либо схожее, то развѣ во времена удѣловъ; но извѣстно, что и удѣльная система весьма отлична отъ феодальной. Германскіе бургграфы, ландграфы (и тѣ, большею частію получавшіе отъ императорской власти инвеституры) были дѣйствительно владѣтельными лицами, и въ отношеніи къ Германскому императору вассалами, *союзниками*. Въ Россіи не было ничего подобнаго со временъ Василія Темнаго, а тѣмъ болѣе со временъ Іоанна III-го.

Довольно замѣчательно, что формула, которую теперь припоминаютъ: «Государь указалъ, и бояре приговорили», употреблена была въ первый разъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Есть-ли что-либо схожее между собраніями владѣтельныхъ вассаловъ (откуда произошли конституціонныя правленія) съ совѣщаніями, къ коимъ Царь могъ допустить кого угодно: ибо воля его была пожаловать то или другое лице въ боярскій чинъ?

---

[1]) Застращиванія.

[2]) Прусская газета Крейццейтунгъ, защищающія дворянскія права.

Говорятъ и о потомкахъ удѣльныхъ князей; но что̀ сказано въ родословной каждаго изъ нихъ? «Царь Іоаннъ Васильевичъ, грамоты ихъ отобравъ, далъ по своей волѣ другія». Съ этой эпохи всѣ земли удѣльныхъ князей сдѣлались *землею государевою,* тогда какъ политическія права Германскихъ бургграфовъ остались донынѣ привязанными къ за̀мку или къ утесу; у насъ же не было ни за̀мковъ, ни даже утесовъ.

Въ исторіи, правда, встрѣчается, довольно впрочемъ неопредѣленное, названіе: *старые роды* но нигдѣ не видимъ, чтобы такое названіе давало кому-либо какія права со временъ единодержавія, развѣ права мѣстничества? Да и тѣ ограничивались преимущественно притязаніями на чиновную іерархію за столомъ царскимъ или нелѣпыми и вредными для государства спорами за мѣста при назначеніи въ должность. Есть-ли здѣсь что либо похожее на феодальныя права? *)

Если уже сравнивать предметы несравнимые и искать феодализма въ Русскомъ государствѣ, то единственный феодальный властитель (seigneur-suzerain) будетъ Русскій Царь, и никто болѣе.

Играя словами, Германскіе феодалы присвоиваютъ себѣ почетное имя консерваторовъ, не досказывая, что они консерваторы *лишь своихъ* правъ, привязанныхъ къ за̀мкамъ и утесамъ. У нашихъ консерваторовъ *на Нѣмецкій ладъ* нѣтъ и этого предлога; настоящій Русскій консерваторъ охраняетъ единодержавную, самодержавную власть и выборное начало, и то подъ царскою властію, и единственно для должностей городскихъ, сельскихъ, судебныхъ, полицейскихъ. Иныхъ принциповъ въ Русской исторіи нѣтъ, и искать перевода на Русскій языкъ словъ: аристократія, демократія, соціализмъ, коммунизмъ, тоже что̀ искать въ Италіи буруна, а въ Сибири широкко. Нельзя вообразить себѣ, какое смѣшеніе понятій происходитъ отъ употребленія этихъ иностранныхъ словъ для выраженія явленій Русской жизни, не имѣющихъ ровно ничего съ ними общаго и происшедшихъ своимъ собственнымъ историческимъ путемъ.

Чтобы увѣриться въ невозможности такихъ переводовъ, стоитъ попытаться перевести на Французской или Нѣмецкой языкъ наши выраженія: *бояринъ,* въ его отличіи отъ слова *дворянинъ*; за тѣмъ разные

---

*) Эти строки пишутся потомкомъ одного изъ древнѣйшихъ родовъ Русскихъ, не имѣющимъ никакой посторонней цѣли и желающимъ остаться въ полной неизвѣстности. Къ изложеннымъ здѣсь кратко убѣжденіямъ, можно сказать, математическимъ, онъ былъ приведенъ не какими-либо теоріями, но многолѣтнимъ изученіемъ исторіи и быта Россіи, и не безъ борьбы съ олигархическими мечтаніями, которыя внушались ему съ дѣтства. Онъ дорожитъ своимъ именемъ и уважаетъ свое сословіе, но счелъ бы грѣхомъ раздѣлять его заблужденія.

виды: бояре *путные*, *служилые*, первой, второй и третьей *статьи*, митрополичьи и архіреевы бояре и проч. т. п. Все это точно также не прикидывается на западную мѣрку, какъ названіе бургграфовъ на нашу.

Но не бояре ли возвели династію Романовыхъ на Всероссійскій престолъ? Нисколько! Рукопись Филарета говоритъ ясно: «Той же Кузьма (Мининъ)...... *во всѣ грады* Россійскаго царства *грамоты посылаетъ* и сребра множество собираетъ, и раздаде воинству съ требованіемъ, и тако пойдоша съ воинствомъ подъ царствующій градъ Москву (1612 Авг. 21 листъ столбца 56). По семъ же повелѣваютъ начальницы и властели *во всѣ грады* Московскаго царства посылати писаніе, дабы людіе снимались въ царствующій градъ Москву о избраніи царьскомъ. Въ малѣ же времени собрашась *людіе отъ всѣхъ градовъ* въ Москву и ту совѣтують, да изберется царь на царство. И тако по многи дни бысть *собраніе людемъ*.... Въ единый же день собрашася *вси людіе* въ сонмъ единъ по обычаю своему и начаша совѣтовати..... И помышляша *людіе* на долгъ часъ, и по семъ отверзаютъ уста своя единогласно *вси народи*, вопіяху, да помажутъ на царство Царя Михаила, прежъ бывшаго великаго болярина сына Ѳедора Никитича Романова; той же великій бояринъ Ѳедоръ Никитичъ единокровенъ бысть прежъ бывшему Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу (столб. 66 и 67)».

Слѣдственно это великое дѣло свершилось не однимъ какимъ-либо сословіемъ, не совѣщаніемъ феодальныхъ бургграфовъ, но голосомъ *всего народа*. Съ тѣхъ поръ и установилось то прямое общеніе между Царемъ и народомъ, которое продолжается донынѣ, несмотря на всѣ политическія невзгоды, и есть залогъ силы Россіи. Олигархія, въ какомъ бы то ни было видѣ, не спасла бы Россіи.

Но Дворянская Грамота 1785 года не дала ли какихъ *политическихъ* правъ дворянству? Ни единаго. Пожалованныя ему права касаются единственно: службы, суда уголовнаго и гражданскаго, имущества, дворянскихъ собраній для выбора въ мѣстныя должности и представленія правительству о своихъ нуждахъ. Этихъ правъ весьма достаточно. Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія не уничтожаетъ ни одного изъ нихъ, кромѣ самаго крѣпостнаго состоянія; есть между ними даже и тяжкія для другихъ сословій и всего государства, а именно: освобожденіе отъ рекрутской повинности и отъ личной подати, право нигдѣ нынѣ, кромѣ Россіи, несуществующее.

По историческому ходу своему, Россія все можетъ перенести кромѣ олигархіи—понятіе, которое въ языкѣ и въ памяти народной выражается словами: боярскія смуты, семибоярщина и т. п. Даже маіорат-

ство, несмотря на усилія правительства, въ разныя времена, никогда не могло у насъ привиться [1]).

Сердце царево не возмутится малодушнымъ голосомъ людей, которые подъ словомъ стараго порядка разумѣютъ лишь свою монополію на *землѣ государевой* и средство предаваться бездѣйствію или своимъ затѣямъ. Подобные голоса раздавались и въ то время, когда крестьяне были отобраны отъ монастырей, когда было отмѣнено пожалованіе въ камеръ-юнкеры съ колыбели, съ правомъ на чинъ 5-го класса, когда потребовались для службы университетскіе аттестаты.... Всѣ эти малодушныя толкованія забылись, и мы даже съ трудомъ теперь понимаемъ, какимъ образомъ мѣры, столь разумныя и спасительныя, могли встрѣчать затрудненія; тоже будетъ и съ крестьянскимъ вопросомъ.

Настоящей мѣрѣ сочувствуетъ все, что̀ въ Россіи чувствуетъ, что̀ думало, что̀ училось, въ особенности Русской Исторіи; и еслибы люди изъ этой среды были призваны на совѣщаніе лицемъ къ лицу съ защитниками крѣпостнаго состоянія, то очевидно бы оказалось и ничтожное меньшинство сихъ послѣднихъ, и еще болѣе ничтожность ихъ доводовъ, взятыхъ на прокатъ съ голоса Нѣмецкой олигархической партіи, о которой недавно такъ строго отозвался король Прусскій.

Съ другой стороны сочувствуетъ этой мѣрѣ и вся огромная масса крѣпостнаго народа.

Такимъ образомъ Государь, удовлетворяя чувству справедливости, съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтаетъ силу, какой не имѣлъ еще ни одинъ изъ Русскихъ самодержцевъ. И сила разумная и сила матеріальная народа обѣ вмѣстѣ соединяются нынѣ въ одной его рукѣ. Стеченіе невыразимо-счастливое и которымъ пренебрегать не должно. Возгласы эгоистовъ прахъ предъ такимъ могуществомъ.

Въ этомъ дѣлѣ единственно важное: не медлить; дорогъ день, дорогъ часъ. Народъ съ дивнымъ смиреніемъ ждетъ разрѣшенія жизненнаго для себя вопроса, но уже ждетъ нетерпѣливо. Какое бы ни было его разрѣшеніе въ частностяхъ, оно будетъ всегда лучше, чѣмъ отсрочка, невозможная и опасная. Дальнѣйшія правительственныя мѣры укажутся обстоятельствами; но либо ни въ какомъ случаѣ, либо долго, долго еще не потребуется никакихъ измѣненій въ государственномъ порядкѣ. Строгое добросовѣстное исполненіе законовъ, обезпеченное гласнымъ судо-

[1]) Впрочемъ и на Западѣ мы знаемъ, что̀ такое олигархическая партія, о которой еще недавно такъ строго отозвался король Прусскій. Въ Россіи, благодаря Бога, не было и не можетъ быть ничего подобнаго. Русскій дворянинъ не перъ, не лордъ и не Аристократъ, но лишь историческое имя, которое налагаетъ на дворянина обязанность поддержать его почетъ вѣрною службою Государю, отечеству, наукѣ.

производствомъ, котораго ждутъ съ такимъ же нетерпѣніемъ какъ и рѣшенія крестьянскаго вопроса, удовлетворитъ вполнѣ всѣмъ настоящимъ потребностямъ и желаніямъ государства и облегчитъ всѣ правительственныя затрудненія, вопреки преступному мнѣнію тѣхъ, кои смѣютъ утверждать, что истина несовмѣстна съ монархическимъ началомъ. Исторія всѣхъ вѣковъ утверждаетъ противное, а именно: тайна есть необходимость въ конституціонныхъ правленіяхъ, гдѣ столь важную, едва ли не единственную ролю играютъ такъ называемые compromis (сдѣлки, стачки и пр.); въ монархическомъ же правленіи, опасно одно: убѣжденіе въ народѣ, что до Царя правда не доходитъ, что бояре его заслонили, и потому отъ него все шито, да крыто. Лишь этимъ убѣжденіемъ могъ бы копиться въ народѣ запасъ злобы, ненависти, мщенія. Но гласное горе—полугоре. Народъ говоритъ: «было-бы ему знаемо, а ужъ Батюшка-Царь распорядится». На этомъ вѣрованіи держится все Русское царство, какія бы невзгоды, даже какія ошибки бы ни были. Допущенная до нѣкоторой степени печатная гласность гораздо дѣйствительнѣе поддержала общее спокойствіе въ послѣднее время, нежели запретительныя и карательныя мѣры, о коихъ толковали люди близорукіе или коварные.

Здѣсь не упомянутъ еще аргументъ, употребляемый защитниками крѣпостнаго состоянія, политической аристократіи и сословныхъ правъ.

Указываютъ на Остзейскій край, гдѣ сохранился въ нѣкоторой степени феодальный принципъ, чуждый остальной Россіи. Примѣръ неутѣшительный. Если Остзейское феодальное рыцарство выработало въ своей средѣ нѣкоторое устройство, то это устройство и принесло выгоды лишь самому рыцарству, а въ народѣ отразилось всѣми послѣдствіями *сословныхъ привилегій*: стѣсненіями, отсутствіемъ промышленности, бѣдностью, общимъ недовольствомъ, заставляющимъ крестьянъ прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ способамъ, чтобы выдти изъ-подъ гнета этихъ привиллегій и коварныхъ вакенъ-буховъ, коими были въ корнѣ искажены всѣ благія намѣренія Александра I-го. Такимъ состояніемъ дѣла удалилось органическое сліяніе сего края съ Россіею; ибо Остзейскіе олигархи подаютъ руку олигархамъ Нѣмецкимъ. Преданность ихъ, о которой они такъ настойчиво возглашаютъ, весьма сомнительна по крайней мѣрѣ по историческому документу, сохранившемуся въ Полномъ Собраніи Законовъ (Перваго собранія т. XXXII, стр. 497, № 25.308), указу 31-го Декабря 1812 г., которымъ объявлено «прощеніе нѣкоторымъ Курляндскимъ жителямъ, вступившимъ въ отправленіе должностей, порученныхъ непріятелемъ во время пребыванія его въ предѣлахъ Россіи».

7 Января 1861 г.

III.

По поводу адреса Московскаго дворянства 1864 года.

Въ № 4 (14-го Января) газеты «Вѣсть» помѣщена статья, содержащая въ себѣ будто-бы предположеніе большинства Московскаго Дворянскаго Собранія о разныхъ предметахъ, относящихся не до пользы и нуждъ Московскаго дворянства, но до *всего* дворянства вообще и даже до *всего* нашего государственнаго устройства.

Имѣя честь принадлежать къ Русскому дворянству, мы нижеподписавшіеся, опасаемся, чтобы молчаніе съ нашей стороны не было сочтено знакомъ согласія на такое предположеніе, которое, по его содержанію, а еще болѣе по рѣчамъ, высказаннымъ для истолкованія его смысла, мы находимъ и несвоевременнымъ, и несообразнымъ какъ съ настоящими потребностями Россіи, такъ равно съ ея исторіею, съ ея политическимъ и народнымъ бытомъ и съ ея мѣстными и естественными условіями.

По сему считаемъ долгомъ заявить, что, по нашему глубокому убѣжденію, дѣло дворянства, въ настоящую минуту, состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Приложить всѣ силы ума и воли къ устраненію остальныхъ послѣдствій крѣпостнаго состоянія, нынѣ съ Божіею помощію уничтоженнаго, но бывшаго постояннымъ источникомъ бѣдствій для Россіи и позоромъ для ея дворянства.

2) Принять добросовѣстное и ревностное участіе въ дѣятельности новыхъ земскихъ учрежденій и новаго судопроизводства и въ сей дѣятельности почерпать ту опытность и знаніе дѣлъ земскихъ и судебныхъ, безъ коей всякое, какое бы ни было, учрежденіе осталось бы безплоднымъ за недостаткомъ способныхъ исполнителей.

3) Не поставлять себѣ цѣлью себялюбивое охраненіе однихъ своихъ сословныхъ интересовъ исключительно, не искать розни съ другими сословіями предъ судомъ и закономъ, но дружно и совокупно со всѣми вѣрноподданными трудиться для славы Государя и пользы всего Отечества.

4) Пользуясь высшимъ образованіемъ и бо́льшимъ достаткомъ, употреблять имѣющія средства для распространенія полезныхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа, съ цѣлію усвоить ему успѣхи наукъ и искусствъ, насколько то возможно для дворянства.

Наконецъ вообще:

Содѣйствовать искренно и честно, съ довѣріемъ и любовью, тѣмъ благодатнымъ преобразованіямъ, кои нынѣ уже предначертаны мудрымъ нашимъ Государемъ, не нарушая ихъ естественнаго хода и постепеннаго развитія безвременнымъ и безправнымъ вмѣшательствомъ.

15 Января 1865 года.

IV.

Письмо къ дамѣ по поводу слуховъ, распространяемыхъ по Москвѣ.

Вы хотѣли знать, въ чемъ состоитъ мое *преступленіе* противъ *феодальности*, верховничества и прочихъ тому подобныхъ вещей (по просту сказать,—противъ горькой нелѣпицы), преступленіе, совершенное мною 15-го Января 1865 г., то-есть на другой день послѣ появленія невѣроятной статьи, помѣщенной въ № 4 газеты «Вѣсть» 14 Января того же года. Вотъ вамъ мое преступленіе, какъ оно было и есть; въ немъ не перемѣнено ни запятой. Я съ трудомъ отыскалъ его въ моихъ бумагахъ,—такъ далекъ былъ я отъ мысли, что когда либо это мнимое преступленіе послужитъ канвою для вышивки разной безсмысленной клеветы.

Какъ видите, мое преступленіе есть не что иное, какъ *журнальная статья*, написанная, можетъ быть немножко крѣпонько, но за подписью моего имени, къ которому въ печати должны были присоединиться много другихъ именъ, статья, написанная въ отвѣтъ на *журнальную же, печатную статью,* еще болѣе крѣпкую: ибо въ ней говорится не отъ имени того или другаго отдѣльнаго лица, а отъ имени *всего Русскаго дворянства.*

Я былъ тогда въ Петербургѣ; никакія письма, никакія извѣстія изъ Москвы (какъ о томъ распускаютъ слухъ) не могли мнѣ служить источникомъ для моей статьи, да это было и *матеріально-невозможно:* № 4 «Вѣсти» вышелъ въ Петербургѣ 14 Января, моя старческая кровь закипѣла при чтеніи этой хвастливой и опасной нелѣпицы, я тогда же написалъ мою статью, а 15-го Января она уже была отправлена по принадлежности *для полученія позволенія ее напечатать.* Вотъ и вся исторія. Весьма сожалѣю, что статья моя не была *тогда же* напечатана; но тому воспрепятствовали обстоятельства, отъ меня независѣвшія и которыхъ я не въ силахъ былъ преодолѣть. Въ послѣдствіи, характеръ всего дѣла измѣнился. «*Вѣсть*» *была запрещена,* и № 4 былъ отобранъ полиціей; я счелъ неприличнымъ съ моей стороны настаивать о напечатаніи моей статьи: ибо, по пословицѣ, *лежачаго не бьютъ.* За это деликатство (какъ то не рѣдко со мною уже случалось въ жизни) я теперь и наказуюсь.

Вѣдомо вамъ буди, что эта статья есть мое *единственное* преступленіе въ семъ случаѣ; инаго я не совершалъ, ни словомъ, ни дѣломъ, ни перомъ, ни карандашемъ. Но скажите тѣмъ, кого это можетъ интересовать, что я и напредки не откажусь отъ своего преступнаго поведенія, если найду то нужнымъ; можетъ быть даже, что вторичное мое преступленіе будетъ покрѣпче, ибо я буду имѣть больше времени для его совершенія, а не то что 24 часа спѣшной работы.

Мои убѣжденія—не со вчерашняго дня; съ раннихъ лѣтъ я выражалъ ихъ всѣми доступными для меня способами: перомъ — насколько то позволялось тогда въ печати, а равно и въ правительственныхъ сношеніяхъ; изустною рѣчью—не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ оффиціальныхъ комитетахъ; вездѣ и всегда я утверждалъ необходимость уничтоженія крѣпостничества и указывалъ на гибельное вліяніе *олигархіи* въ Россіи; болѣе 30 лѣтъ моей публичной жизни доставили мнѣ лишь новые аргументы въ подтвержденіе моихъ убѣжденій. Учившись съ молода логикѣ и постарѣвъ, я не считаю нужнымъ измѣнять моихъ убѣжденій въ угоду какой бы то ни было партіи. Никогда я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому и не навязывалъ моихъ убѣжденій, но за то выговаривалъ ихъ всегда *во всеуслышаніе*, весьма опредѣлительно и рѣчисто; а теперь уже поздно мнѣ переучиваться. Если враги мои, въ отмщеніе за мой честный и законный протестъ, прибѣгаютъ къ безсмысленной клеветѣ,—къ этому орудію маленькихъ душонокъ,—то ихъ лепетъ не возбуждаетъ во мнѣ даже презрѣнія: я и знать не хочу что̀ они тамъ болтаютъ. Они не остановятъ моихъ дѣйствій, когда я сочту нужнымъ дѣйствовать, какъ и когда мнѣ заблагоразсудится: ибо то, что̀ я отстаиваю, считаю дѣломъ святымъ и разумнымъ, а всѣ продѣлки въ исключительную пользу какой-либо касты—источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій для Россіи, о коихъ, кажется, и не подумали люди, находящіеся подъ вліяніемъ блестящей надежды о какомъ-то столбовомъ верховничествѣ. Званіе Русскаго дворянина, моя долгая, честная, чернорабочая жизнь, незапятнанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми помыслами, наконецъ, если угодно, и мое историческое имя, не только даютъ мнѣ право, но налагаютъ на меня обязанность не оставаться въ робкомъ безмолвіи, *которое могло бы быть принято за знакъ согласія,* въ дѣлѣ, которое я считаю высшимъ человѣческимъ началомъ и которое ежедневно примѣняю на практикѣ въ моей судейской должности, а именно: безусловное равенство предъ судомъ и закономъ, безъ различія званій и состояній.

18 Марта 1865 г. Москва.

СТИХОВТОРЕНІЯ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

По поводу дворянскихъ собраній 1864—1865 гг.

I.

Скажи опричникамъ своимъ,
Что мы, по манію народа,
Сюда, подъ сѣнь гнилаго свода *),
Сошлись, и твердо здѣсь сидимъ.

*

Или попретъ *одинъ* хожалый
Дворянской Грамоты права?!
Нѣтъ, одного на это мало!
Но вотъ является ихъ два...

(Быстро расходятся и даже не заходятъ.... въ буфетъ).

II.

Наѣвшись щей, напившись квасу.
Ихъ разобралъ патріотизмъ.
Хоть въ двѣсти семьдесятъ два гласа,
Но безопасенъ сей цивизмъ.

*

Монархъ, исполни ихъ желанье!
Пусть въ два кружка ихъ соберутъ:
Повретъ Дворянское Собранье,
Поперевретъ и лучшій людъ.

*

Съ Боярской Думою мы сладимъ
Легко, безъ грознаго: „молчи!“
Коль ихъ надеждою поманимъ
На камергерскіе ключи.

*

Потомъ, лишь будь уха стерляжья,
Икрой зернистой лишь корми,
Шампанскимъ глотки лишь увлажь я —
И слажу съ лучшими людьми!

---

*) Въ домѣ Дворянскаго Собранія хоры въ то время были ветхи.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕСТЕЛЯ.

Неизданное мѣсто въ Запискахъ А. С. Пушкина.

24 Ноября (1833). Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ [1]). Вечеромъ раутъ у Фикельмонтъ [2]). Странная встрѣча: ко мнѣ подошолъ мущина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу Грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ Кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій Молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ Этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость Фанаріота была побѣждена хитростію Русскаго офицера! Это оскорбляло его самолюбіе.

*

Это показаніе А. С. Пушкина имѣетъ важное историческое значеніе. Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего славнаго царствованія императоръ Александръ Павловичъ охладилъ къ себѣ сердца своихъ подданныхъ въ особенности потому, что поддался внушеніямъ Меттерниха и отказался поддержать Греческую Этерію въ ея борьбѣ съ Турками, которая и начата была въ надеждѣ на его содѣйствіе. Меттерниху надо было спасать себя, и внушенія его понятны: слабость по неволѣ прибѣгаетъ къ хитрости; но Пестель... Прибавимъ, что Государь зналъ Пестеля съ молодыхъ его лѣтъ, такъ какъ отецъ его, Петербургскій почтдиректоръ, завѣдуя перлюстраціею, находился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ еще при Павлѣ. П. Б.

---

[1]) Только-что вернувшись передъ тѣмъ изъ чужихъ краевъ, куда ѣздилъ для здоровья. П. Б.

[2]) Австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ, графъ Фикельмонтъ былъ женатъ на графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ, внучкѣ князя Кутузова. Пушкинъ былъ друженъ съ ея матерью, Елисаветою Михаиловной, во второмъ бракѣ Хитровой. П. Б.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ ГОНЧАРОВЫМЪ [1].

1.

Къ Натальѣ Ивановнѣ Гончаровой [2].

C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû vous écrire à présent que le comte *Tolstoy* [3]) m'a rapporté votre réponse. Cette réponse n'est pas un refus, vous me permettez l'espérance; cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude. Je conçois la prudence et la tendresse d'une mère. Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et (ivre?) de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'âme l'image de l'être celeste, qui vous doit le jour. Si vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au comte de *Tolstoy*, qui me les fera parvenir.

Daignez, madame, accepter l'hommage de ma profonde considération.

Pouchkin.

Переводъ. Ставъ на колѣна, проливая слезы благодарности—вотъ какъ долженъ былъ бы я писать вамъ теперь, послѣ того какъ гр. Толстой привезъ мнѣ

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, полученныхъ изъ Полотнянаго Завода отъ О. К. Гончаровой, при посредствѣ С. С. Ершова. Подлинникъ втораго письма (которое уже было напечатано въ Русскомъ Архивѣ и здѣсь повторяется для связи, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда переданъ Н. О. Эминымъ, получившимъ его отъ своего пріятеля Сергѣя Николаевича Гончарова. П. Б.

[2]) Это первое письмо къ будущей тещѣ сохранилось въ современномъ спискѣ и съ пропускомъ одного слова. Оно писано передъ самымъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году. П. Б.

[3]) Извѣстный подъ именемъ Американца графъ Ѳ. И. Толстой, по просьбѣ Пушкина, ѣздилъ къ Н. И. Гончаровой сватать Наталью Николаевну. П. Б.

отвѣтъ вашъ. Этотъ отвѣтъ не есть отказъ; вы дозволяете мнѣ надежду. И если я еще ропщу, если печаль и горечь еще примѣшиваются къ ощущенію счастія—не обвиняйте меня въ неблагодарности: я понимаю осторожность и нѣжность матери. Но простите нетерпѣнію сердца больнаго и (опьяненнаго)? блаженствомъ. Я ѣду тотчасъ и увожу въ глубинѣ души образъ небеснаго существа, вамъ обязаннаго жизнью. Если имѣете для меня приказанія, соблаговолите передать ихъ графу Толстому, который сообщитъ ихъ мнѣ. Примите дань глубокаго моего почтенія. Пушкинъ.

1 Мая 1829 г.

2.

Къ ней же.

Maintenant, madame, que vous m'avez accordé la permission de vous écrire, je suis aussi ému en prenant la plume, que si j'étais en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sincères et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tetê me tourna, je la demandai. Votre réponse, toute vague qu'elle était, me donna un moment de délire: je partis la même nuit pour l'armée. Demandez-moi ce que j'allais y faire, je vous jure que je n'en sais rien; mais une angoisse involontaire me chassait de Moscou: je n'aurais pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avais écrit [1]); j'espérais, j'attendais une réponse: elle ne venait pas. Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination; ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu malheureusement populaire. Vous pouviez y ajouter foi; je n'osais m'en plaindre, mais j'étais au désespoir.

Que de tourments m'attendaient à mon retour! [2]) Votre silence, votre air froid, l'accueil de mademoiselle N., si léger, si inattentif: je n'eus

---

[1]) Этого письма или этихъ писемъ не отыскано. П. Б.

[2]) Вотъ выдержка изъ записаннаго нами (17 Ноября 1864) разсказа Сергѣя Николаевича Гончарова: „Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ Американца графа Толстаго, стариннаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобъ онъ къ нимъ съѣздилъ и испросилъ позволенія привести Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣнчивъ, тѣмъ болѣе что вся семья обращала на него большое вниманіе. Наталья Николаевна была младшая дочь. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога) по его просьбѣ уговаривала въ его пользу, но съ Натальей Ивановной (матерью) у нихъ бывали частыя размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявленіяхъ благочестія и объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ;

pas le courage de m'expliquer. J'allais à Pétersbourg, la mort dans l'âme. Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule; j'avais été timide pour la première fois de ma vie, et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge puisse plaire à une jeune personne de l'âge de m-lle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie, et maintenant, que quelques paroles gracieuses, que vous avez daigné m'adresser, auraient dû me combler de joie, — je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de m-lle votre fille. Je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire. Si elle consent à me donner sa main, je n'y verrai que la preuve de la tranquille indifférence de son coeur. Mais entourée d'admiration, d'hommages, de séductions, cette tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle. Peut-être, ces propos seront-ils sincères; mais à coup sûr, elle les croira tels. N'aura-t-elle pas des regrets? Ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux. Ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari, cette idée—c'est l'enfer.

Parlons de la fortune. J'en fais peu de cas; la mienne m'a suffit jusqu'à présent. Me suffira-t-elle marié? Je ne souffrirai pour rien au monde, que ma femme connût des privations, qu'elle ne fût pas là, où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'exiger. Pour la satisfaire, je suis prêt à lui sacrifier tous les goûts, toutes les passions de ma vie, une existence toute libre et toute aventureuse. Toutefois ne murmurera-t-elle pas, si sa position dans le monde ne sera pas si brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désirée?

а у Натальи Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, и про покойнаго Государя она выражалась не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину на прямикъ не отказали; но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр. С. Н. Гончаровъ помнитъ хорошо пріѣздъ Пушкина съ Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дѣти сидѣли въ столовой за чаемъ. Вдругъ стукъ на крыльцѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ самую столовую влетаетъ изъ прихожей калоша. Это Пушкинъ, торопливо раздѣвавшійся. Войдя онъ тотчасъ спрашиваетъ про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смѣла выдти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина въ постели“.

Tels sont en partie mes anxiétés; je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier.... *) Daignez agréer, madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute considération. *A. Pouchkin.*

Samedi (1830).

Переводъ. М. государыня! Вы мнѣ дозволили писать къ вамъ и, взявшись за перо, я чувствую въ себѣ такое же волненіе, какъ бы находился въ присутствіи вашемъ. Мнѣ такъ много нужно высказать, и чѣмъ больше о томъ думаю, тѣмъ больше приходитъ мнѣ въ голову мыслей печальныхъ и отнимающихъ смѣлость. Я изложу ихъ вамъ, во всей ихъ искренности и безсвязности, взывая къ вашему терпѣнію, а всего болѣе къ вашей снисходительности.

Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, красоту ея только что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась; я просилъ руки ея. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума; въ туже ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите, зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; но тоска непроизвольная гнала меня изъ Москвы: я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея. Я къ вамъ писалъ, надѣялся, ждалъ отвѣта. Отвѣта не приходило. Ошибки первоначальной моей юности представлялись моему воображенію. Онп были слишкомъ рѣзки, клевета преувеличила ихъ; по несчастію, молва о нихъ сдѣлалась всеобщею. Вы могли ей повѣрить; я не смѣлъ жаловаться на то, но я былъ въ отчаяніи.

Какія муки ожидали меня по моемъ возвращеніи! Ваше молчаніе, вашъ холодный видъ, пріемъ Натали, столь легкій, столь невнимательный! У меня не достало духу объясниться. Я уѣхалъ въ Петербургъ со смертью въ душѣ. Я чувствовалъ, что играю смѣшную роль; я былъ робокъ въ первый разъ въ жизни, а робость въ человѣкѣ моихъ лѣтъ конечно не можетъ понравиться молодой особѣ въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ друзей моихъ ѣдетъ въ Москву, передаетъ мнѣ оттуда слово благоволенія, возвращающее меня къ жизни, и теперь, когда нѣсколько милостивыхъ выраженій, которыми вы меня удостоили, должны бы исполнить меня радостію,—я несчастнѣе нежели когда-либо. Постараюсь объясниться.

Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери. Я могу надѣяться, что со временемъ она ко мнѣ привяжется; но во мнѣ нѣтъ ничего, чтò могло бы ей нравиться. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится, среди обольщеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соотвѣтственный, болѣе блистательный, болѣе достойный ея.

*) Чтò это, пусть догадаются читатели. П. Б.

Такія впушенія, если бы даже они и не были неискрении, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскаиваться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ ли она ко мнѣ отвращенія? Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободною выбрать завтра же другаго мужа: мысль эта—адъ.

Поговоримъ о состояніи. Я мало забочусь о немъ. Моего мнѣ было до сихъ поръ достаточно. Но достанетъ ли женатому? Я ни за что на свѣтѣ не допущу, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она въ правѣ требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми моими вкусами, страстями, всею моею жизнью, вполнѣ свободною и обильною случайностями. Но во всякомъ случаѣ не станетъ ли она роптать, коль скоро положеніе ея въ свѣтѣ не будетъ такъ блистательно какъ ей подобаетъ и какъ бы я желалъ?

Таковы отчасти мои скорбныя опасенія. Трепещу при мысли, что вы найдете ихъ слишкомъ уважительными. Есть еще одно, но я не могу рѣшиться повѣрить его бумагѣ....

Примите, милостивая государыня, дань полной моей преданности и высокаго почтенія. Суббота. А. Пушкинъ.

3.

Къ А. Н. Гончарову *).

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ причадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели чѣмъ жизнію. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

3 Мая 1830. Москва.

4.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина мо-

*) Дѣдушка Натальи Николаевны А. Н. Гончаровъ (о которомъ читатели прочтутъ ниже въ Воспоминаніяхъ А. П. Бутенева) проживалъ старымъ вдовцомъ на Полотняномъ Заводѣ, не выдѣляя имѣній единственному своему сыну, такъ какъ онъ находился въ умственномъ разстройствѣ. П. Б.

его невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С. Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника *), то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ Государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться, что со временемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастію той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

7 Іюня 1830. Москва.

5.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ.

Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что̀ уже говорилъ я Золотову: главное дѣло—не вооружить противу себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтиться. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тыс.) хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола Государева. На дняхъ ѣду въ С. Петербургъ и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина. Что касается до заложенія заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ; но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня:

*) Извѣстная статуя Екатерины.

мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

28 Іюня 1830. Москва.

Письмо Сергѣя Львовича Пушкина.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Почитая сына моего совершенно счастливымъ, входя въ почтеннѣйшее семейство ваше и принимая по любви моей къ нему живѣйшее въ семъ участіе, за обязанность поставляю поручить себя въ благосклонное вниманіе ваше, какъ перваго виновника его благополучія. Счастливымъ почту и себя, когда буду имѣть случай лично принести вамъ за него мою признательность и увѣрить въ искреннемъ почтеніи и преданности, съ каковыми честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Сергѣй Пушкинъ.

С. Петербургъ, Іюля 20-го дня 1830-го года.

Приписка Надежды Осиповны Пушкиной.

Позвольте и мнѣ, милостивый государь, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ поручить себя въ благосклонность вашу и изъявить вамъ благодарность мою за моего сына, почитая его совершенно счастливымъ.

При засвидѣтельствованіи вамъ искренняго почитанія, честь имѣю пребыть, милостивый государь, покорнѣйшая ваша

Надежда Пушкина.

6.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

По приказанію вашему являлся я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что сіе дѣло зависитъ единственно отъ Государя; я просилъ отъ него по крайней мѣрѣ обѣщанія не прекословить Государю, если Его Величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что̀ касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба

моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

14 Августа 1830. Москва.

7.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Сердечно жалѣю, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы за счастіе почелъ сдѣлать что-нибудь вамъ угодное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина и хлопоты по сему печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выдти изъ долга, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ Нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

24 Августа. (1830). Москва.

8.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ Государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта на счетъ пути, по которому препроводить вамъ къ Государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и короче чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ

снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частныя благодѣянія Государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

9 Сентября 1830. Село Болдино.

9.

Къ нему же.

Милостивый государь, дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ!

Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣнной внуки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпокоить и не знаемъ, въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ*) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожетесь на счетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ

Александръ Пушкинъ.

24 Февраля 1831. Москва.

Приписка Натальи Николаевны.

Любезный дѣдушка!

Имѣю счастіе извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданности, любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь, что вы по прежнему останетесь моимъ вѣрнѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина.

---

*) Старшій братъ Натальи Николаевны.

ДОПОЛНЕНІЯ, ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

О Запискахъ Г. С. Батенкова.

Читатели замѣтили, что вышенапечатанныя Записки Г. С. Батенкова, оригинально озаглавленныя „Данныя“, отнюдь не обнимаютъ всей его жизни. Событія самой замѣчательной ея эпохи, именно времени до и по 14 Декабря 1825 г. авторъ сознательно желалъ пройти „умолчаніемъ“. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя замѣтки и явленія его дѣтства характерны какъ для эпохи, такъ и для личности его. Разсказы о Г. С. Батенковѣ, записанные близкими къ нему людьми, появятся въ Русскомъ Архивѣ.

II.

По поводу воспоминаній графа М. В. Толстаго.

Во 2-ой книжкѣ Русскаго Архива 1881 года помѣщены Воспоминанія графа М. В. Толстаго. На стр. 62-ой, говоря о масонахъ, авторъ пишетъ: „Объ этомъ старцѣ (Андреѣ Тимофеевичѣ Болотовѣ) одинъ изъ его потомковъ выразился такъ:

Въ дѣтствѣ я помню нашъ садикъ старинный
Дѣдушка самъ разводилъ;
Съ сажнемъ, со скребкой, съ веревкою длинной
Онъ вокругъ дома ходилъ, и т. д.

Это — стихотвореніе покойнаго брата моего Михаила Александровича Стаховича, напечатанное имъ подъ именемъ „Дѣдушкинъ Садикъ“ въ „Современникѣ“. Въ этихъ стихахъ братъ мой никакъ не могъ воспѣть Болотова, который намъ не предокъ и котораго ни братъ мой, ни родители мои никогда не знали.

Скорѣе могъ бы предположить почтенный авторъ, что стихотвореніе М. А. Стаховича относится къ М. В. Перваго. Въ средѣ масоновъ занималъ вид-

ное мѣсто нашъ родной дѣдъ Михаилъ Васильевичъ Перваго (его не зналъ авторъ Воспоминаній), другъ Новикова, рукоположенный въ великіе мастера самимъ Николаемъ Ивановичемъ при его кончинѣ. М. В. Перваго послѣдніе годы своей жизни долженъ былъ жить въ своемъ имѣніи селѣ Пальнѣ, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи. Единственная его дочь, Надежда Михайловна Стаховичъ, была наша мать, и покойный братъ былъ его первый внукъ, который росъ и развивался подъ руководствомъ дѣда.

М. В. Перваго былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Будучи богатъ, онъ любилъ садоводство, съ большимъ знаніемъ дѣла и вкусомъ самъ распланировалъ огромный садъ и паркъ на 26 десятинахъ. Его деревенскій домъ выстроенъ по плану знаменитаго Витберга (строителя Храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ), бывшаго членомъ той же масонской ложи. Этотъ домъ былъ росписанъ извѣстнымъ Итальянскимъ художникомъ Скотти, который отъ М. В. Перваго поѣхалъ въ Орелъ работать у графа Каменскаго и тамъ зарѣзался, такъ что живопись Паленскаго дома была послѣднею работою Скотти.

М. В. Перваго имѣлъ вліяніе на развитіе моего брата, и въ воспоминаніе о немъ написано прекрасное стихотвореніе „Дѣдушкинъ Садикъ"; но поэтъ изъ человѣка еще не стараго (дѣдъ нашъ скончался 48 лѣтъ въ 1825 году) сдѣлалъ преклоннаго старца, великолѣпный барскій садъ измѣнилъ въ простой садикъ.

Принося искреннюю благодарность графу Толстому за добрую память объ моей матери и отцѣ, позволю себѣ только исправить одну неточность. На стр. 79-ой, говоря о нашемъ семействѣ, авторъ пишетъ: „Масонъ А. В. Перваго, человѣкъ очень богатый, передалъ все свое имѣніе, *взятое въ опеку за суровое обращеніе съ крестьянами*, въ собственность родной своей племянницѣ Н. М. Стаховичъ съ тѣмъ, чтобъ она выдавала ему ежегодно извѣстную „сумму денегъ на содержаніе".

Какъ единственный оставшійся въ живыхъ внукъ А. В. Перваго, считаю долгомъ заявить, что его имѣніе *не было взято въ опеку* и что не въ слѣдствіе опасеній опеки Перваго передалъ все свое имѣніе моей матери. Многихъ удивило, что 36-ти лѣтній человѣкъ отказался отъ имѣнія въ двѣ слишкомъ тысячи душъ крестьянъ (оставя себѣ только капиталъ); пошли толки, и дѣйствительно ходили слухи, что Перваго, боясь опеки, передалъ племянницѣ все состояніе. Эти слухи могли дойти и до графа Толстаго; но, хотя эта передача произошла въ 1826-мъ году, еще задолго до моего рожденія, но я заявляю, согласно словъ моего покойнаго отца и на основаніи документовъ имѣющихся у меня, какъ наслѣдника всѣхъ имѣній братьевъ Перваго, что имѣніе А. В. Перваго, *никогда не было и не должно было поступить въ опеку*.

Описывая личность А. В. Перваго, графъ Толстой говоритъ, что, не смотря на его природную скупость, онъ дѣлалъ много тайнаго добра, и въ постоянной борьбѣ съ собою побѣждалъ эту страсть.

Не считаю умѣстнымъ оглашать всѣ добрыя дѣла А. В. Перваго, которыя мнѣ, какъ его наслѣднику, болѣе чѣмъ кому-либо извѣстны; приведу лишь нѣкоторые случаи изъ его жизни, показывающіе, какъ онъ могъ преодолѣвать свою скупость.

36-ти лѣтъ отъ роду Перваго отдаетъ свои имѣнія въ лучшихъ черноземныхъ губерніяхъ своей племянницѣ (женщинѣ очень богатой, мать моя уже владѣла такой же частью имѣнія, доставшеюся ей послѣ ея отца, и имѣніемъ своей матери, рожденной Писемской) и назначаетъ очень небольшую аренду, 20 тысячъ ассигнаціями въ годъ. Поступокъ ли это скупаго человѣка? Съ 1852 года, послѣ моего совершеннолѣтія, Перваго не беретъ болѣе этой аренды съ покойнаго моего брата, съ покойной сестры М. А. Дубовицкой и съ меня (къ намъ перешло послѣ смерти матери ея имѣніе). Часть аренды, которая пала на имѣніе, полученное послѣ моей матери моимъ покойнымъ отцемъ, Перваго проситъ отца моего не уплачивать ему, а раздавать бѣднымъ. Въ 1865 году Перваго заболѣлъ очень опасно, вызвалъ меня въ Москву и передалъ въ запечатанномъ конвертѣ весь свой капиталъ, говоря, что отдаетъ мнѣ его на храненіе, какъ своему единственному наслѣднику, и что послѣ его смерти капиталъ будетъ принадлежать мнѣ. Алексѣй Васильевичъ выздоровѣлъ. Прошелъ годъ, я напомнилъ ему, что слѣдуетъ получить проценты, и вотъ что̀ услышалъ въ отвѣтъ: «Съ 1815 года я началъ класть лишнія деньги въ Опекунскій Совѣтъ; на капиталъ наростали проценты, я ихъ никогда не бралъ. Постепенно проценты уменьшались; теперь почти весь мой капиталъ не даетъ процентовъ, я ихъ и не хочу. Во всю мою жизнь, когда я давалъ кому взаймы, я не только не бралъ процентовъ, но, разъ давши деньги, никогда не требовалъ ихъ обратно; были случаи, что мнѣ возвращали долгъ, а многіе не возвращали. Мой капиталъ нажитъ честнымъ трудомъ, государство хранитъ мои лишнія деньги; неужели за это мнѣ брать еще съ него проценты?“ Такъ до 1874 года находились въ Опекунскомъ Совѣтѣ деньги А. В. Перваго; накопившіеся проценты въ четыре раза превышали капиталъ. Еслибы А. В. Перваго, при послѣдовавшемъ измѣненіи правилъ Опекунскаго Совѣта о процентахъ, далъ себѣ трудъ взять за 40 лѣтъ накопившіеся проценты и пріобрѣлъ бы на нихъ и на капиталъ государственныхъ бумагъ, то до 1874 года его деньги удвоились бы. *Но онъ не хотѣлъ, за храненіе его лишнихъ денегъ, брать съ государства проценты.* Многіе ли и не скупые люди сдѣлаютъ это?

Александръ Стаховичъ.

23 Апрѣля 1881.
С. Петербургъ.

*

Историческая истина въ наше время есть святыня; нарушать ее не слѣдуетъ. Воспоминанія графа Михаила Владиміровича Толстаго, повидимому, написаны безъ справки съ извѣстною книгою Лонгинова, и даже съ статьями

Пыпина и Незеленаго; иначе не объяснимымъ представляется, какимъ образомъ графу показалось возможнымъ (стр. 64): а) обвинять въ деизмѣ издателей такихъ книгъ, каковы: *Объ истинномъ Христіанствѣ*, Зерцало Жизни истиннаго ученика *Христова, (Письма* о подраженіи Христу „Письма Семена Ивановича Гамалѣи, Зерцало внутренняго человѣка, и многія тому подобныя *); б) умолчать объ отзывѣ покойнаго митрополита Платона про Новикова Екатеринѣ II, о направленіи покойнаго митрополита Михаила Петербургскаго и Новгородскаго, о почитаніи Пресвятой Богородицы всѣми людьми этаго направленія, почитаніи, выражавшемся въ бесѣдахъ, трактатахъ, копіяхъ съ иконъ Иверской, Св. Софіи Новгородской и Кіевской и пр. Такіе люди, какъ Василій Дмитріевичъ Камынинъ, Сергій Николаевичъ Арсеньевъ, были истинными чадами Православной Церкви. Понятіе о теозофскомъ направленіи уже было выясняемо въ нашей литературѣ. Какое-же значеніе будетъ имѣть затемнѣніе понятія?... Пора-же всему дать свое мѣсто, не увлекаясь никакими личными побужденіями. N.

*

Въ Воспоминаніяхъ Н. И. Шенига, Таганрогскій духовникъ императора Александра Павловича, какъ въ статьѣ, такъ и въ „Азбучномъ Указателѣ", именуется отцомъ Ѳѐодотомъ. Это, въ сущности хоть и не важная, но для уцѣлѣвшихъ съ того времени читателей „Р. Архива", знавшихъ тогдашнихъ дѣятелей, бросающаяся въ глаза ошибка. Духовникъ назывался *не о. Ѳеодотъ, а о. Алексѣй Ѳедотовъ-Чеховскій* (двойная фамилія). Сынъ его, Александръ Алексѣевичъ Ѳедотовъ-Чеховскій лѣтъ 25-ть тому назадъ былъ профессоромъ Кіевской Духовной Академіи.

Петръ Севастьяновъ.

*

— *Стран. 158*, прим. 30. (Р. Арх. кн. 1-я). „Кошка, кошка, Ролле плутъ". Откуда это, намъ неизвѣстно".

Это стихъ Буало въ его первой сатирѣ, гдѣ онъ упрекаетъ самаго себя за сатирическое настроеніе; онъ сѣтуетъ, что невольно называетъ вещи по имени:

J'appelle un chat un chat, et Rollet un fripon.

Ролле былъ тогдашній мошенникъ - стряпчій (на которыхъ особенно нападалъ Буало).

234 стр. говорится о *Наполеоновомъ столбѣ, подаренномъ имп. Николаемъ Павловичемъ и воздвигнутомъ на Вандомской площади, именно*

*) Или напр. Наставленіе ищущимъ премудрости, гдѣ съ первой строки предисловія сказано: „*Іисусъ есть Богъ*".

въ ту пору, когда печаталось стихотворенie. Здѣсь должно быть типографское недоразумѣнie.

Наполеоновъ столбъ былъ воздвигнутъ самимъ Наполеономъ, послѣ похода 1805 г., изъ Австрiйскихъ пушекъ. По какому недоразумѣнiю вышло, что это былъ подарокъ импер. Николая? Вѣроятно это относится къ Финляндскому граниту надъ прахомъ Наполеона въ Парижѣ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ
КЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ
РУССКАГО АРХИВА 1881 ГОДА.

На стр. 44, строка 6-я сверху, читай: стôялъ.

Стр. 51. Прозванie Спаѳарiй—значитъ собственно „мечникъ, меченосецъ", отъ *спаѳа*. Это былъ одинъ изъ Валашскихъ титуловъ.

Стр. 120, с. 7-я св., чит.: повторяющiй басни и пр.

Стр. 137, с. 13-я св., Кюхельбекеръ хочетъ сказать: au jour le jour. Такъ это говорится пофранцузски.

Стр. 139, с. 2 снизу, ч.: что ты его *и безъ того* и пр.

Стр. 140, с. 9 св.: c'est pour cause (и не даромъ).

Стр. 142 с. 2 св. животное начало.

— — с. 3 сн. Much Ado about Nothing—пьеса Шекспира: Много шуму изъ ничего. Little Shrew—маленькая своенравница.

Стр. 144, с. 12-я сн. за спасенie Пруссiи и Австрiи.

Стр. 151, с. 2 сн. Во Французскихъ идилiяхъ и вообще стихотворенiяхъ и пьесахъ...

Стр. 154, с. 3 сн. подарокъ, обнова къ празднику—именно къ новому году (Катенинъ *обновляетъ* его сонетомъ).

Стр. 155, с. 2 сн. насъ вновь и вновь обязываетъ.

Стр. 156, с. 5 сн. Перро, авторъ *Волшебныхъ Сказокъ*. Contes des Fées, недавно изданныхъ порусски съ предисловiемъ И. С. Тургенева.

Стр. 157, с. 4 сн. Въ простомъ стилѣ древне-греческомъ.

Стр. 157, с. 2 сн. Не знаю *чтô* (невыразимое что-то).

Стр. 158, с. 3 сн. Кота звать надобно котомъ, Роллета-же—плутомъ, т. е. должно называть вещи ихъ дѣйствительными именами (въ противоположность Précieuses Ridicules).

Стр. 158, с. 1 сн. Наипростѣйшей прозой.

Стр. 159, с. 2 сн. тоже. (Катенинъ заботится о рабской точности прозаическаго перевода Греческихъ стиховъ. Хотя мать у него была Гречанка, но самъ онъ погречески видно не зналъ).

Стр. 162, с. 1 сн. Чтô я собралъ послѣ жатвы.

ДОПОЛНЕНІЯ, ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Стр. 164, с. 6 сн. Le Mérite des femmes—извѣстная поэма о Достоѣ женщинъ, старика Легувэ. Сынъ его впослѣдствіи писалъ въ томъ-же ь.

Стр. 165, с. 4 сн. Я никогда не толковалъ вамъ о политикѣ... (Это ісано, очевидно, *не для самаго* Пушкина...)

Стр. 166, с. 2 св. Нельзя безнаказанно прожить...

— — с. 10 — если вы мнѣ не будете отвѣчать и не пришлете еа и пр.

Стр. 167, с. 7 св. Вашъ долгъ—себѣ самому, другимъ, вашему отеву—не надать духомъ.

Стр. 168, с. 6 сн. Ошибками нашей молодёжи... (намёкъ *для читавъ* корреспонденцію, что Пушкинъ непричастенъ декабристамъ).

ВЪ КНИГѢ ВТОРОЙ.

Стр. 248, с. 9 св. читай: за́водяхъ.

Стр. 278, с. 17 сн. неоконченность или безконечность.

Стр. 437, с. 1 сн. или на поэму Вольтера на *Разрушеніе Лиссабона.*

Стр. 449 с. 20 сн. *Рѣдкая* дѣвушка избѣгала его сластолюбивыхъ поеній.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ
РУССКАГО АРХИВА
1881 ГОДА.
(тетради 3 и 4).

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1881 ГОДА.
(тетради 3 и 4).

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртенбергскаго** о последнихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй**, императора **Александра Павловича**, князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго**, по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону **Гримму.** 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія **Амура** и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **Н. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа Н. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ. Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.
Исторія Яицкаго войска. Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки **Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.**—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Цѣна каждой книгѣ особо **3 рубля.** Полное годовое изданіе стоитъ **8 рублей.** Пересылка на счетъ Конторы Русскаго Архива.

Русскій Архивъ

ИЗДАЕТСЯ

въ 1881 году

ШЕСТЬЮ КНИЖКАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва,** Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.
Въ Петербургѣ книжные магазины „Новаго Времени" и Глазунова.

Цѣна каждой книжкѣ 1881 года въ отдѣльной продажѣ **1** р. **50** к.